КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ОБЩЕСТВО АРХЕОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

ГОТЫ И РИМ

сборник научных статей

Киев 2006

УДК
ББК

Утверждено к печати на Ученом совете Общества археологии и антропологии.

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:
д.и.н., проф. Терпиловский Р.В. (главный редактор)
д.и.н., проф. Мордвинцев В.М.
д.и.н., проф. Зализняк Л.Л.
д.и.н., проф. Крижановский О.П.
д.и.н., проф. Моця А.П.

РЕЦЕНЗЕНТИ:
д.и.н. Сухобоков О.В.,
д.и.н. Ставнюк В.В.

Готы и Рим. Сборник научных статей. – К.: ИД «Стилос», 2006. – 256 с.

Упорядники:
Левада М.Е.
Самойленка Л.Г.

Издание осуществлено при финансовой поддержке А.Е. Шереметьева,
не для продажи

ISBN

© Общество археологии и антропологии, 2006
© Авторы, 2006
© Левада М.Е., обложка, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 4

Список научных работ И.С. Пиоро 10

Зубарь В.М.
Еще раз о двух «варварских» типах погребальных сооружений
некрополя Херсонеса первых веков нашей эры 16

Казанский М.
Германцы в Юго-Западном Крыму в позднеримское время
и в эпоху Великого переселения народов 26

Храпунов И.Н.
Погребение воина IV в. н. э.из могильника Нейзац 42

Магомедов Б.В.
Римские амфоры в черняховской культуре 52

Левада М.Е.
Миф о городищах черняховской культуры 60

Рудич Т.А.
Сарматы в составе черняховской культуры (по материалам антропологии) 73

Некрасова А.Н.
Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья 87

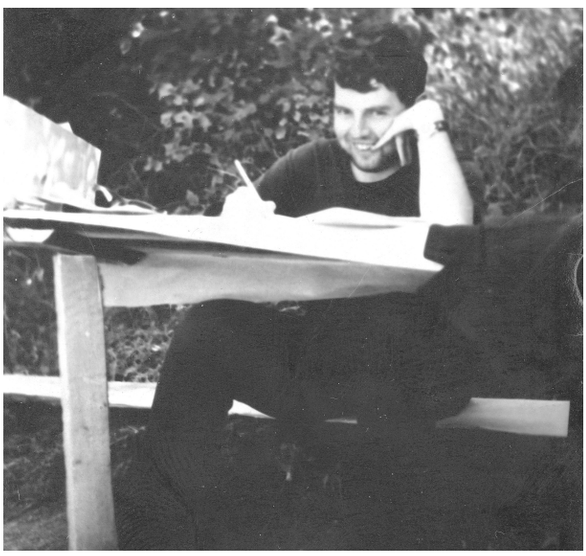
Вознесенская Г.А, Левада М.Е., Магомедов Б.В.
Продолжение исследования
черняховского поселения Вишенка1 в Виннице 201

Герцен А.Г., Карлов С.В.
Дозорный и культовый комплекс
под оконечностью мыса Тешкли-бурун (Мангуп) 221

Список сокращений 254

Игорь Пиоро, студент I курса, 1966 г.

С однокурсниками на демонстрации. 1969 г.
Слева направо: И. Пиоро, С. Белоконь, А. Рутковский



Мангуп. 1968 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

4 января 2005 г. не стало Игоря Пиоро – кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника научно-исследовательской части (НИЧ) Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, известного исследователя этнической истории средневекового населения Крыма, искреннего, чуткого, интеллигентного человека, на долю которого выпали нелегкие испытания. Настоящий сборник посвящен памяти этого украинского археолога. Его исследовательская и научная деятельность были неразрывно связаны с Киевским национальным университетом имени Тараса Шевченко: здесь он получил образование, здесь, на кафедре археологии и музееведения прошли его трудовые годы. Но душой и мыслями он оставался с крымской историей, которой увлекся еще в юношестве.

Игорь Станиславович родился 18 февраля 1948 года в г. Бердичеве Житомирской области, в семье служащих. Его отец Пиоро Станислав Петрович был врачом, мать – Рутковская Ванда Ивановна – экономистом.

После окончания киевской средней школы № 53 в 1966 г. он поступает на исторический факультет Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко и специализируется по кафедре археологии и музееведения. Во время учебы в университете брал активное участие в работе археологического кружка и Студенческого научного общества, а каждое лето посвящал археологической практике: в Ольвийской (1967) и Крымской (Мангупский отряд, 1968–1974) экспедициях Института археологии. В августе–сентябре 1968 г. также работал в первой международной археологической экспедиции «Одры-68», организованной Лодзинским университетом и союзом польских студентов на Гданьском Поморье в Польше. Здесь вместе с молодыми польскими, немецкими, датскими, шведскими и норвежскими археологами под руководством доктора Ежи Кмецинского участвовал в исследованиях могильников первых веков нашей эры в Одрах и Вензерах.

После получения диплома с отличием и присвоения квалификации «историк-археолог, музеевед, преподаватель истории и обществоведения» в 1971 г. был рекомендован и поступил в аспирантуру при кафедре археологии и музееведения, которую окончил в 1974 г.

Именно в этот период, в результате скрупулезного изучения литературы, письменных и археологических источников молодой аспирант

приходит к выводам, которые формируют его основные идеи, разрабатываемые в последующие годы. Выходят первые статьи, в которых излагались результаты полевых археологических исследований в Крыму, проведенных под руководством Е.В. Веймарна, научившего молодого специалиста основным навыкам археологической и научной практики, а главное – трудолюбию, точности и аккуратности в работе, скрупулезному анализу разнообразных источников и аргументированному изложению мыслей. Именно благодаря таким методам в работе И. Пиоро приходит к собственным выводам в трактовке некоторых археологических материалов юго-западного Крыма (см. напр. статьи об этническом определении Ай-Тодорського могильника, локализации области Дори, публикацию клада антониианов из с. Долинное). И хотя ученик занял несколько иную позицию в трактовке исследованных материалов, их научные дискуссии никогда не переходили на личные отношения, которые всегда оставались дружески теплыми и уважительными.

Кроме истории Крыма он обращается и к некоторым теоретическим проблемам, активно обсуждаемым в то время археологами. Так, статья «Етнос та археологічна культура» (1974) посвящена рассмотрению соотношения понятий «этнос», «этнокультурная общность», «хозяйственно-культурная общность», «археологическая культура» и ряду других. Предлагая свои определения этих понятий, он обращался к конкретным примерам исследуемого периода военной демократии и сложения классовых обществ. Однако из цензурных соображений сборник изъяли сразу после выхода в свет. Были отобраны даже авторские экземпляры, поэтому работа осталась почти неизвестной исследователям, за редким исключением. (см., например, *Колпаков, Бочкарев, Васкул, Вишняцкий и др.* 1990, с.56, 138). Более известными стали тезисы И.С. Пиоро на эту тему, опубликованные в Ташкенте в 1973 (напр.: *Генинг, Смирнов, Захарук и др.* 1988, с.19, 279; *Клейн* 1991, с. 125, 409).

Также Игоря Станиславовича занимали и проблемы преподавания археологии в университете – его несколько работ посвящены теме истории кафедры и подготовки новых кадров археологов (1969, 1970, 1971, 1996).

Диссертация была подготовлена и в конце 1974 г. подана на обсуждение. Однако в силу определенных разногласий с руководством кафедры во взглядах на этническую историю раннесредневекового Крыма, его диссертационное исследование не было принято к защите, не смотря на предоставленные положительные отзывы Е.В. Веймарна и В.В. Кропоткина. Выводы диссертанта не укладывались в рамки дозволенных тогда идеологических шаблонов, утверж-

«Одры-1968»

Мангуп. 1969 г.

с. Новоявленка. 1980 г.

х. Поддубный. 1975 г. Слева направо: С. Васильченко, Л. Самйоленко, И. Пиоро, Б. Антоненко

«Днепр-Донбасс – 1981»

Бобриковская ОС. 1982 г.

Антрацитовская ОС. 1984 г.

денных еще в 1952 (см.: Решение... 1952). Стремление некоторых исследователей непредвзято, без политических ярлыков, разобраться в исторической ситуации раннесредневекового Крыма представлялись тогда большинству, как «необоснованные попытки» увидеть «чужеродные германские элементы» на землях СССР «вслед за немецкими учеными-националистами» (из *Сымонович* 1971, с. 40–43). Аспирант наивно полагал, что упреки именитым историкам в их «желании искать и находить везде славян» в то время могли остаться без последствий (сравни: *Клейн* 2004, с. 69). Незащищенная диссертация послужила причиной отказа в принятии на ассистентскую должность в состав преподавателей кафедры, куда он получил направление Министерства ВССО УРСР как молодой специалист после окончания целевой аспирантуры.

В октябре 1974 г. И.С. Пиоро был зачислен на работу в научно-исследовательскую часть университета, где работал на должностях: младший научный сотрудник (1974–1988), научный сотрудник (1988–1990), старший научный сотрудник (1990–2002).

С 1976 по 1993 гг. И.С. Пиоро руководил хозрасчетной новостроечной археологической экспедицией НИЧ при кафедре археологии и музееведения. На его плечи, как начальника экспедиции и ответственного исполнителя темы, ложились административные функции по организации и решению широкого круга вопросов, связанных с жизнедеятельностью сотрудников экспедиции и студентов исторического факультета, которые проходили на базе экспедиции археологическую практику. Это и обеспечение транспортом, землеройной техникой, безопасным жильем, инвентарем, питанием и т.п., а также выполнение плана раскопок на высоком научном уровне, своевременная подача отчетов заказчикам и в научный архив Института археологии. Его деловые личные качества во многом способствовали успешному завершению всех выполненных договоров.

Хоздоговорная археологическая экспедиция НИЧ при кафедре была организована в 1974 г. проф. Д.Я. Телегиным для спасательных раскопок курганов, попадающих в зону строительства Каменской оросительной системы в Днепропетровской области. В наследство И.С. Пиоро досталась общепринятая в то время практика отсутствия в планах строителей механизированных земляных работ для археологов. Коллеги вспоминают, как получение бульдозера или скрепера для организации раскопок, часто было сопряжено с невероятными трудностями, что хорошо известно, многим «курганщикам». Археологи находились в полной власти начальников строительных участков. И.С. Пиоро удалось сломать негативную практи-

ку и ввести обеспечение техникой археологов в планы строительств по Министерству мелиорации и водного хозяйства УССР, но расценки археологических исследований при этом оставались мало адекватными. Правда, следует отметить, что как исследователь И.С. Пиоро всегда был против механизмов на кургане. «Древность открывает свои тайны только чутким трудолюбивым рукам и наблюдательному взору» – повторял он студентам во время практики. Огорчала его и необходимость полной рекультивации курганной насыпи после исследований. Он часто вспоминал, что в Польше (как и в других странах Европы) после раскопок курганные насыпи восстанавливают и покрывают аккуратно скатанным, сохраненным дерном с этого же кургана, чтобы не утратить исторический ландшафт. Сетовал, что у нас иначе. Столетиями могилы древних были оберегами родной земли, своеобразными историческими метками территории. И.С. Пиоро хорошо знал, что в степи все курганные группы, расположенные по водоразделам, были связаны визуально от горизонта к горизонту, каждая имела свою определенную конфигурацию и название. Прозвища были и у отдельных курганов. Но во второй половине XX ст., в период активного хозяйствования и строительства развитого социализма, (отсюда и бума новостроечных исследований, кормивших, как ни парадоксально, многих археологов), когда «седые насыпи» мешали распашке полей, строительству оросительных систем и пр. не взирая на закон об их охране. Их сносили, и никому не приходило в голову восстанавливать исследованные курганы. Более того, условия договора как раз и требовали полной рекультивации. А большинство курганов и так долгие годы страдали от ежегодной распашки, им все равно грозило разрушение в результате строительства. Как не прискорбно это ему казалось, но приходилось писать в отчетах, отмечая, в заслугах экспедиции, что исследования археологических памятников освободили для строительства или ввели в севооборот десятки гектаров орошаемых земель, удавалось даже подсчитывать экономический эффект.

За годы работы экспедиции под руководством И.С. Пиоро и при его активном участии, сотрудники и студенты университета исследовали (а значит – спасали от полного разрушения и потери информации для науки) археологические памятники бронзового, раннего железного века и средневековых кочевников в зонах новостроек степной Украины. В Днепропетровской, Донецкой, Харьковской и Луганской областях было исследовано 262 кургана, в которых зафиксировано более 2000 погребальных комплексов разных народов. Уникальные артефакты были описаны в научных отчетах, некоторые

Надежный транспорт. 1976 г.

Полевая система водопровода. 1981 г.

После рекультивации

опубликованы. Наиболее интересные – представлены в учебном музее кафедры археологии и музееведения университета или хранятся в его фондах. Нужно сказать, что не только новыми находками экспедиция пополняла фонды музея, но и сам музей создавался за деньги, заработанные сотрудниками экспедиции. Это приобретение витрин для экспозиции и стеллажей для хранения материалов, оплата работы художников и лаборантов, пополнение библиотеки.

За прямоту суждений, правдивые высказывания, неумение подлаживаться и подстраиваться, смолчать, когда нужно, некоторые его не любили. Но те, кому приходилось с ним сотрудничать и работать в одном раскопе, оценили в полной мере его надежность, трудолюбие, твердость его слова, готовность подставить плечо и поделиться последним, а также интеллигентность, начитанность и широкую эрудицию. С ним всегда было интересно. Он умел заразить своей любовью к книгам. Его уравновешенный, немного ироничный характер, острословие и юмор, умение посмотреть на вещи с нестандартной стороны помогали выжить в нелегких полевых условиях, избегать конфликтных ситуаций.

Тяжелое неизлечимое заболевание рано дало о себе знать и уже с середины 80-х годов заставляло все чаще пользоваться палочкой при ходьбе, но требовательность к себе, ответственность, искренняя любовь к своей профессии не позволяли останавливаться. Игорь Станиславович продолжал по 5–6 месяцев работать в поле, и только близкие друзья и родные знали, как трудно ему приходится. Врачи же настоятельно требовали покончить с раскопками и рекомендовали оформлять пенсию по инвалидности.

Кандидатскую диссертацию И.С. Пиоро смог защитить лишь в 1989 г., а в 1992 г. ему было присвоено ВАК Украины звание старшего научного сотрудника по специальности археология.

В 1993 г. не только здоровье, но и полная неразбериха в стране, сворачивание почти всех строительных проектов, а значит и хоздоговорных археологических экспедиций, заставили И.С. Пиоро покончить с полевыми исследованиями. С этого времени до 2000 г. Игорь Станиславович был научным руководителем госбюджетных исследовательских тем (№№ 235 и 97124) НИЧ университета. Он также один из членов-учредителей Общества археологии и антропологии, созданного по инициативе сотрудников кафедры и ученых Института археологии. Входил в состав редакционной коллегии изданий Общества и кафедры в 1999-2003 гг., был ответственным секретарем некоторых сборников научных статей «Vita Antiqua». И только в сентябре 2002 г. болезнь заставила его уйти на пенсию по инвалидности.

Напряженная работа по изучению степных памятников юго-востока Украины не была связана с научной темой, которая увлекла Игоря Станиславовича еще в студенческие годы. Но он продолжал исследовать проблемы истории и археологии Крыма позднеримского времени и раннего средневековья, формирование этнического состава населения полуострова во времена вторжения готов и гуннов, господства Византийской империи, хазарского присутствия. Этим проблемам посвящено большинство его статей. И.С. Пиоро автор более 60 печатных работ, среди которых и хорошо известная в научных кругах монография «Крымская Готия», изданная на собственные деньги автора в 1990 г. Книгу знает практически каждый, кто на территории СНГ и за его пределами изучает указанный период истории Крыма. Автор максимально сократил первоначальный текст монографии (ведь собственные деньги были ограничены), убрал обширные цитаты источников и разъяснения к текстам других исследователей, оставляя только сноски на указанные работы), считая, что все это должно быть хорошо известно читателям. Поэтому многие студенты часто сетовали – работу трудно читать – необходимо хорошо знать специальную литературу и разбираться в обширном массиве артефактов, или все время обращаться к указанным работам, чтобы понять аргументы автора.

Приятным было для автора, что коллеги заметили выход монографии. В начале 1992 г. вышла рецензия, в которой проведен анализ сделанного, отмечены промахи, но все же работа воспринималась как «заметный вклад в изучение истории Крыма, хорошо аргументированным и актуальным историко-археологическим исследованием, в котором не только поставлены, а и решены достаточно спорные и сложные проблемы» (*Зубар, Козак* 1992, с. 127–131).

Сегодня конечно, справедливо замечание М.Б. Щукина (*Щукин* 2005, с. 468), что «небольшая монография И.С. Пиоро сейчас уже несколько устарела». Нужно отметить, что автор считал ее таковой уже на момент издания, ведь основной текст был написан еще в первой половине 70-х годов. А к концу 1989 – в начале 1990 г. его выводы были приняты большинством исследователей «готской проблемы» и этнической истории Крыма, давно цитировались, правда, не всегда со сносками.

И, тем не менее, исследователи в специальных и обобщающих работах по истории Крыма этого периода обращались (например, *Kazanski* 1991, с. 85, 119, 148; Давня сторія України, 1998, с. 188, 453, 455, 461.; *Айбабин* 1999, с. 25, 336; Давня сторія України 2000, с. 195, 197; *Магомедов* 2001, с. 165; *Івченко* 2003, с.42, 46) и продолжают обращаться к этой книге (например, *Кизилов, Масякин*

2004, с.86; *Васильев* 2005, с. 349; *Тортика*, 2005, с. 460, 461, 487; *Храпунов* 2005, с. 241). А если кто из них по какой-то причине обходит ее молчанием, то это считается небрежностью или упущением и «пробелом в информированности» (Герцен, Могаричев, 2001, с. 616). Значит работа автора, так долго ожидавшая своего издания, все же стала полезной исследователям в процессе изучения и постижения сложного водоворота Крымской истории. Правда, сам автор полагал, что заслуга в этом больше принадлежит «таинственным и легендарным древним германцам, история которых со сталинских времен пребывала под строгим запретом» да «готским красным девам», что якобы пели «на берегу синего моря». Он пытался «приоткрыть завесу над тайнами Крымской Готии» и узнать правду. Он просто был скромным тружеником, одним из тех, кто по крупицам собирал археологические доказательства к обрывкам письменных сообщений древних, вычленяя из обширного массива артефактов античной и средневековой культуры подтверждение концепции существования крымских готов. Пытался, если не увидеть их лица и услышать речь, то хотя бы проследить их пути и судьбу потомков, восстанавливая историческую справедливость. И при этом не считался ни с карьерной целесообразностью, ни с политической необходимостью. Для друзей и коллег он навсегда останется одним из тех, кто вернул готов в Крым.

ЛИТЕРАТУРА

Kazanski M. Les Goths (ler VII e siecles ap. J.C.). – Paris, 1991. – 148 с.

Давня історія України в 3-х тт. – Т.2. – К.: Інститут археології НАНУ, 1998. – С. 188. (Ч. I. Пізньоскіфська держава. Розділ III. Населення Україні за сарматської доби. Глава 2. Пізні скіфи. Пуздровський О.Є. Пізньоскіфска держава.)

Давня історія України в 3х тт.. – Т.2. К.: Інститут археології НАНУ, 1998. – С. 453, 455, 461. (Ч. II. Розділ IV. Північне Причорномор'я в пізньоантичній час. Глава 1. Зубар В.М. Скіфські війні й античні держави Північного Причорноморья.)

Давня історія України в 3х тт.. – Т.3. К.: Інститут археології НАН України, 2000. – С. 195, 197. (Розділ VI. Слов'яни та оточуючий світ. Глава 1. Магомедов Б.В. Кельти, германці, балти).

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь: Дар, 1999. – 352 с.

Васильев А.А. О времени появления германских дружин на Боспоре // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2005. – С. 343–349.

Генинг В.Ф., Смирнов С.В., Захарук Ю.Н., Черных Л.А., Бунятян Е.П., Колесников А.К. Проблемная ситуация в современной археологии. – К.: Наукова думка,1988. – 288 с.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.Ф.Байера. [Рецензия на кн.: Байер Х.Ф. [Beyer, H.V.]. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург: Издво Урал. Ун.та, 2001. – XX+500 с.+1 табл.] // МАИЭТ. – Вып. IX. – С. 615–632.

Івченко А.В. Поява гунів у Північному Причорномо'ї // Археологія. – 2003. – № 2. – С. 41–47.

Кизилов М.Б., Масякин В.В. Готы // От киммерийцев до крымчаков (народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в.). – 2е изд., перераб. и доп. – Симферополь, 2004 – С.86.

Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л., 1991. – 448 с.

Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. (см.: Часть I. 3. Труд академика Рыбакова в критическом рассмотрении. Авторитет и критика. – СПб.: Евразия, 2004. – 480 с.

Колпаков Е.М., Бочкарев В.С., Васкул И.О., Вишняцкий Л.Б., Власова Е.В., Ковалев А.А., Чеснокова Н.Н., Шаров О.В. Классификация в археологии. Терминологический словарьсправочник / Институт археологии АН СССР. – М., 1990. – 156 с.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. – Люблин, 2001. – 290 с.

Решение Объединенной научной сессии отделения истории и философии и Крымского филиала Академии наук СССР по вопросам истории Крыма. 25 мая 1952 г, г.Симферополь. – 7 с.

Сымонович Э.А. Племена Поднепровья в первой половине I тысячелетия нашей эры: Автореф. дис...доктора ист. наук. –М., 1971.– 66 с.

Тортика А.А. Лесостепное Подонье-Придонечье и Горный Крым в хазарское время: опыт сравнительного анализа // МАИЭТ. – 2005. – Вып. XI. – С.459489.

Храпунов И.Н. Древняя история Крыма. – Учебное пособие. – 2е изд., перераб. и доп. – Симферополь: издательство «Доля», 2005 – 272 с. (глава 10 «Готы и гунны», С. 218–241).

Щукин М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). – СПб, 2005. – 576 с.

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ И.С. ПИОРО

1969

1. Перша міжнародна археологічна експедиція «Одри-1968» // Вісник Київського університету. Серія історії. – № 11. – К.: Вид-во Київського ун-ту, 1969. – С. 81–82. – Рез. рос. (співавтор Малєєв Ю.М.).

2. Проблеми археологічного гуртка // Студенти-історики до Дня науки. (Матеріали до наукової студентської конференції). – К.: В надзагол.: Київський державний університет ім. Т.Г. Шевченка. Історичний факультет, березень, 1969 – С. 10–14.

1970

3. Основні питання ранньосередньовічної археології південно-західного Криму // Вісник Київського університету. Серія історії. – № 12. – К.: Вид-во Київського ун-ту, 1970. – С. 96–99. – Рез. рос.

4. Розвиток радянської археологічної науки й проблема підготовки спеціалістів-археологів // Вісник наукового студентського товариства. – К.: В надзагол.: Київський державний університет ім. Т.Г. Шевченка. Історичний факультет, березень 1970. – № (2)7. – С. 4–7.

1971

5. Проблеми підготовки студентів-археологів у світлі новітніх досліджень в галузі методології археологічної науки // Вісник наукового студентського товариства. – №. 3. – К.: В надзагол.: Київський державний університет ім. Т.Г. Шевченка. Історичний факультет, березень 1971. – С. 5–9.

1972

6. Археологічні дослідження залишків садиби на середньовічному городищі Мангуп у 1969 році // Вісник Київського університету. Серія історії. – № 14. – К.: Вид-во Київського ун-ту, 1972. – С. 113–118. – Рез. рос.

1973

7. Етнічна належність Ай-Тодорського могильника [в Криму] // Вісник Київського університету. Серія історії. – № 15. – К.: Вид-во Київського ун-ту, 1973. – С. 92-99. – Рез. рос.

8. Этнос и археологическая культура // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. – Ташкент: Фан, 1973. – С. 62–64.

9. Сарматське поховання в с. Буряківка на Тернопільщині // Археологія. – 1973. – Вип. 12. – С. 73–76. – Рез. рос.(співавтор Ю.М. Малєєв).

10. Археологические находки на новостройках Бахчисарайского района // Археологические открытия 1972 года: Ежегодник. – М.: Наука, 1973 – С. 258 (соавторы Л.Н. Батарова, А.Г. Герцен).

11. Исследования Мангупского городища // Археологические открытия 1972 года: Ежегодник. – М.: Наука, 1973 – С. 265–268 (соавторы Е.В. Веймарн, А.Г. Герцен, И.И. Лобода).

1974

12. Клад антонинианов из с.Долинное Крымской области // Нумизматика и сфрагистика. – 1974. – Вып. 5. – С. 81–90 (соавтор А.Г. Герцен).

13. Етнос та археологічна культура // Проблеми філософії. – 1974. – Вип. 32. – С. 106–119. Бібліогр.: с. 118–119.

14. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика: Материалы по истории и археологии Крыма /АН УССР. ИА. – К.: Наукова думка, 1974. – С. 123–139 (соавторы Е.В. Веймарн, И.И. Лобода, М.Я.Чореф).

1975

15. К вопросу о локализации хоры Дори // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тезисы докладов юбилейной конференции. [Одесса, апрель 1975 г.] / АН УССР. ИА. – К: Наукова думка, 1975. – С. 162–163.

1976

16. Готы в Юго-западном Крыму // Открытия молодых археологов Украины: [Сб.] / АН УССР. ИА. – Ч. 2. Славянская и средневековая археология. (Научная информация). – К.: Наукова думка, 1976. – С. 6–8.

17. Раскопки курганов в зоне Каменской оросительной системы // Археологические открытия 1975 года: Ежегодник. – М.: Наука, 1976. – С. 295–296 (соавторы Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Васильченко С.А., Гладких М.И., Самойленко Л.Г., Чмыхов Н.Н.).

18. Гуннська навала і Крим // Вісник Київського університету.Серія історії. – 1976.– № 18. С. 92–102. – Рез. рос. Бібліогр.: с.99–101.

19. Все про археологію України / Рец. на кн.: «Археологія Української РСР в 3 тт. – К: Наукова думка, 1971-1975» // Культура і життя. – № 18 (2196). – С. 4 (співавтор С.О. Васильченко).

20. Все про археологію України / Рец. на кн.: «Археологія Української РСР в 3 тт. – К: Наукова думка, 1971–1975» // Ми і світ. – Ч. 191. — Торонто, 1976. – С. 36–39 (співавтор: С.О. Васильченко).

21. Раскопки археологических памятников в зоне сооружения Каменской оросительной системы. – Научный отчет. – Деп. в ВИНИТИ, инвентарный № Б496263, № гос. регистрации 75033182. – К., 1976. – 46 с., ил. (соавторы Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Васильченко С.А., Самойленко Л.Г.).

22. Исследования археологических памятников в зоне сооружения Ивановской оросительной системы. – Научный отчет – Деп. в ВИНИТИ, инвентарный № Б506314, № гос. регистрации 75083183. – К., 1976. – 21 с., ил. (соавторы Антоненко Б.А., Васильченко С.А., Самойленко Л.Г.)[1].

23.Отчет о работе Днепропетровской археологической экспедиции Киевского госуниверситета в 1975 г. – К., 1976 // Научный архив Института археологии. Фонд экспедиций, 1975/51. – 7641 – текст на рус. яз. 82 с.; 7642 – ил.: альбом 268 рис. (соавторы Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Васильченко В.А., Самойленко Л.Г., Чмыхов).

1977

24. Готы-тетракситы или готы-трапезиты? // Некоторые вопросы археологии Украины. Сборник статей. / Киев. ун-тет. – К.: Изд-во при Киев. ун-те, 1977 – С. 66-74.

25. О результатах работы Ивановской археологической экспедиции // Некоторые вопросы археологии Украины. Сборник статей. / Киев. ун-тет. – К.: Изд-во при Киев. ун-те, 1977. – С. 31–35 (соавторы Антоненко Б.А., Васильченко С.А., Самойленко Л.Г.).

26. Раскопки курганов у с. Афанасьевка Днепропетровской области // Археологические открытия 1976 года: Ежегодник. – М.: Наука, 1977. – С. 261–262 (соавторы Антоненко Б.А., Васильченко С.А., Самойленко Л.Г.).

27. Работы Каменской экспедиции Киевского университета // Археологические открытия 1976 года: Ежегодник. – М.: Наука, 1977. – С. 270–271 (соавторы Бондарь Н.Н., Антоненко Б.А., Васильченко С.А., Самойленко Л.Г., Чмыхов Н.А.).

28. Раскопки археологических памятников в зоне орошения сточными водами Синельниковского рессорного завода. – Научный отчет. – Деп. в ВИНИТИ, инвентарный № Б583867, № гос. регистрации 7506211. – К., 1977. – 28 с., ил. (соавторы Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Васильченко С.А., Самойленко Л.Г.).

29. Раскопки археологических памятников в зоне сооружения Каменской оросительной системы. – Деп. в ВИНИТИ, инвентарный № Б583982, № гос. регистрации 76032778. – К., 1977. – 105 с., ил. (соавторы Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Васильченко С.А., Самойленко Л.Г.).

30. Отчет о работе Каменской археологической экспедиции Киевского госуниверситета в 1976 г. – К., 1977 // Научный архив Института археологии. Фонд экспедиций, 1976/79. – 8133 - текст на рус. яз. 48 с.; 8134 - ил.: альбом № 1- 30 арк., альбом № 2 – 25 арк. (соавторы Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Васильченко В.А., Самойленко Л.Г.).

31. Отчет о работе Синельниковской археологической экспедиции Киевского госуниверситета в 1976 г. – К., 1977 // Научный архив Института археологии. Фонд экспедиций, 1976/109–8207 – текст на рус. яз. 12 с.; 8208 - ил.: альбом 40 арк. (соавторы Антоненко Б.А., Васильченко В.А., Самойленко Л.Г.)

1978

32. Раскопки курганов в зоне Никопольского орошаемого массива // Археологические открытия 1977 года: Ежегодник. – М.: Наука, 1978. – С. 300–301 (соавторы Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Васильченко С.А., Самойленко Л.Г., Чмыхов Н.А.).

33. Отчет о работе Никопольской археологической экспедиции научно-исследовательского сектора Киевского госуниверситета в зоне сооружения II очереди Никопольского орошаемого массива в 1977 г. – К., 1978 // Научный архив Института археологии. Фонд экспедиций, 1977/80. – 8523 – текст на рус. яз. 109 с.; 8528 - ил.: альбом № 1–153 рис., альбом № 2–184 рис., альбом № 3–126 рис. (соавторы Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Васильченко В.А., Самойленко Л.Г., Чмыхов Н.А.).

1979

34. Раскопки курганов в зоне Никопольского орошаемого массива // Археологические открытия 1978 года: Ежегодник. – М.: Наука, 1979. – С. 304-305 (соавторы Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Васильченко С.А., Самойленко Л.Г.).

35. До питання про ранніх слов'ян в Криму в історичній літературі // Вісник Київського університету. Історичні науки. – 1979. – Вип. 21. – С. 102–109. – Рез. рос. – Бібліогр.; с. 108-109.

36. Отчет о работе Никопольской хоздоговорной археологической экспедиции научно-исследовательского сектора Киевского госуниверситета в 1978 г. – К., 1979 // Научный архив

[1] С научными работами и отчетами, депонированными и прошедшими микрофильмирование в ВИНИТИ (Всесоюзном институте научно-исследовательской и технической информации), в ИНИОН АН СССР (Институте научной информации по общественным наукам Академии наук СССР), в УкрИНТЕИ (Украинском институте научно-технической и экономической информации Министерства образования и науки) можно ознакомится в Государственной научно-технической библиотеке Украины в отделе депонированных работ (читальный зал № 3).

Института археологии. Фонд экспедиций, 1978/52. – 8636 – текст на рус. яз. 52 с.; 8637. – ил.: альбом № 1–144 рис., альбом № 2–260 рис. (соавторы Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Васильченко В.А., Самойленко Л.Г.).

1980

37. Історичні джерела та література про середньовічних таврів і скіфів у Криму // Вісник Київського університету. Історичні науки. – 1980. – Вип. 22. – С. 75-80. – Рез. рос. – Бібліогр.: с.80.

38. Археологические работы в зоне сооружения II очереди Никопольского орошаемого массива в 1977-1979 гг. – Научный отчет. – Деп. в ВИНИТИ, инвентарный № Б583982, № гос. регистрации 77032778. – К., 1980. – 144 с., ил. (соавторы Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Васильченко С.А., Самойленко Л.Г.).

39. Отчет о работе хоздоговорной археологической экспедиции Научно-исследовательского сектора Киевского госуниверситета в 1979 г. – К., 1980 // Научный архив Института археологии. Фонд экспедиций, 1979/111. – 9409 – текст на рус. яз. 24 с.; 9410 - ил.: альбом 24 с., 59 рис. (соавторы Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Васильченко В.А., Самойленко Л.Г.)

1981

40. Новий тип монети античного Херсонесу // Вісник Київського університету. Історичні науки. – 1981.– Вип. 23. – С. 106-108: іл. –Рез. рос. – Бібліогр.: с. 108.

41. Отчет о работе хоздоговорной археологической экспедиции научно-исследовательского сектора КГУ по трассе строительства II очереди канала «Днепр-Донбасс» в 1980 г. – К., 1981 // Научный архив Института археологии. Фонд экспедиций, 1980/97. – 9742 – текст на рус. яз. 48 с.; 9743 – ил.: 2 альбома 133 рис. (соавторы Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Васильченко В.А., Самойленко Л.Г.)

1982

42. Письмові джерела про стародавніх германців у Північному Причорномор'ї // Вісник Київського університету. Історичні науки. – 1982. – Вип. 24. – С 107–111.– Рез. рос.– Бібіліогр.: с. 91.

43. Археологические работы в зоне строительства II очереди канала «Днепр–Донбасс» в 1979-1981 гг. – Научный отчет. – Деп. в ВИНИТИ, инвентарный № 0282.7031400, № гос. регистрации 79068718. – К., 1982. – 119 с., ил. (соавторы Антоненко Б.А., Васильченко С.А., Самойленко Л.Г.).

44. Отчет о работе хоздоговорной археологической экспедиции научно-исследовательского сектора КГУ по трассе строительства II очереди канала «Днепр-Донбасс» в 1981 г. – К., 1982 // Научный архив Института археологии. Фонд экспедиций, 1981/107. – 10170 – текст на рус. яз. 52 с.; 10171 – ил.: альбом 201 рис. (соавторы Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Васильченко С.А., Самойленко Л.Г.)

1983

45. Отчет о работе хоздоговорной археологической экспедиции КГУ в зонах строительства оросительных систем Ворошиловградской области в 1982 г. – К., 1983 // Научный архив Института археологии. Фонд экспедиций, 1982/131. – 20617 – текст на рус. яз. 88 с.; 20618 - ил.: 6 альбомов 451 рис. (соавторы Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Самойленко Л.Г.).

1984

46. Раскопки курганов в зонах Платоновской, Ровеньковской, Троицкой, Кружиловской оросительных систем, в зоне орошения колхоза «Украина», реконструкции оросительной системы в совхозах «Новосветловский» и «Мир». – Научный отчет. – Деп. в ВИНИТИ, инвентарный № 0284.0021838, № гос. регистрации 01826020917. – К., 1984. – 75 с., ил. (соавторы Антоненко Б.А., Самойленко Л.Г.).

47. Отчет о работе Ворошиловградской археологической экспедиции КГУ в 1983 г. – К., 1984 // Научный архив Института археологии. Фонд экспедиций, 1983/169. – 21837 – текст на рус. яз. 138 с.; 21838 - ил.: 10 альбомов 903 рис. (соавторы Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Самойленко Л.Г.).

1985

48. Сармато-алани у Південно-Західному Криму у III-IX ст. // Вісник Київського університету. Історичні науки. – 1985. – Вип. 27. – С. 86-91.– Рез. рос. – Бібліогр.: с. 91.

49. Отчет о работе хоздоговорной археологической экспедиции Киевского госуниверситета в Ворошиловградской области. – К., 1985 // Научный архив Института археологии. Фонд экспедиций, 1984/107. – 21406 – текст на рус. яз. 34 с.; 21407 – ил.: 3 альбома 281 рис. (соавторы Антоненко Б.А., Бондарь Н.Н., Самойленко Л.Г., Склярский А.Б.).

1986

50. Археологические раскопки курганов в зоне оросительной системы в совхозе «Голубовский» и в зоне Антрацитовской оросительной системы. – Научный отчет. – Деп. в ВИНИТИ, инвентарный № 0286.00459974, № гос. регистрации 01840016453. – К.-М., 1986. – 106 с., ил. (соавторы Антоненко Б.А., Самойленко Л.Г.).

51. Отчет о работе Ворошиловградской археологической экспедиции Киевского госуниверситета в 1985 г. – К., 1986 // Научный архив Инс-

титута археологии. Фонд экспедиций, 1985/91 – 21907 - машинопись на рус. яз. 69 с.; 21908 – ил.: 4 альбома 335 рис. (соавторы Бондарб Н.Н., Антоненко Б.А., Самойленко Л.Г., Чмыхов Н.А.)

1987

52. Раскопки скифских курганов в бассейне Базавлука // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Всесоюзного семинара, посвященного памяти А.И. Тереножкина: В 2 ч. – Ч.2 – Кировоград, 1987 – С. 46–47 (соавтор Самойленко Л.Г.).

53. Раскопки курганов у пос. Троицкое // Археологические открытия 1985 года: Ежегодник. – М.: Наука. 1987 – С. 393–394.

54. Археологические раскопки курганов в зоне строительства Станично-Луганской оросительной системы. – Научный отчет. – Деп. в ВИНИТИ, инвентарный № 0287.0037663, № гос. регистрации 01830035910. – К., 1987. – 183 с., ил. (соавторы Антоненко Б.А., Самойленко Л.Г.).

55. Отчет о работе Ворошиловградской археологической экспедиции КГУ в 1986 г. – К., 1987 // Научный архив Института археологии. Фонд экспедиций, 1986/78. – 22118 – текст на рус. яз. 18 с.; 22119 - ил.: альбом 43 рис. (соавторы Антоненко Б.А., Самойленко Л.Г.).

1988

56. Готы в Юго-Западном Крыму и локализация «области Дори» / Современные историко-археологические исследования. [Сб.] – Киев. ун-т. – К., 1988. – С. 138-145. – Деп. в ИНИОН АН СССР 02.02.89 г., № 36853 // Аннотация в указателе «Новая советская литература по общественным наукам. История. Археология. Этнография». – 1990. № 2.

57. Археологические исследования курганов в Ворошиловградской области / Современные историко-археологические исследования. [Сб.] – Киев. ун-т. – К., 1988. – С. 172–176. – Деп. в ИНИОН АН СССР 02.02.89 г., № 36853. // Аннотация в указателе «Новая советская литература по общественным наукам. История. Археология. Этнография». – 1990. №2. (соавторы Антоненко Б.А., Самойленко Л.Г.).

58. Отчет о работе Ворошиловградской археологической экспедиции КГУ в 1987 г. – К., 1988 // Научный архив Института археологии. Фонд экспедиций, 1987/106. – 22521 – текст на рус. яз. 95 с.; 22522 – ил.: 9 альбомов 730 рис. (соавторы Антоненко Б.А., Самойленко Л.Г.).

1989

59. Проблемы этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье // Автореф. дис.... канд. ист. наук: 07.00.03: 07.00.06 – К., 1989 – 18 с. – В надзаг.: Киев. ун-т.

60. Охоронні та рятувальні дослідження курганів на новобудовах степової України // IV республіканська наукова конференція з історичного краєзнавства /Миколаїв, 1989 р./. Тези доповідей і повідомлень. – К., 1989 – С. 513–514 (співавтор Л.Г.Самойленко).

61. Отчет о работе Ворошиловградской археологической экспедиции КГУ в 1988 г. – К., 1989 // Научный архив Института археологии. Фонд экспедиций, 1988/20. – 23686 - текст на рус. яз. 52 с.; 23687 - ил.: альбом 310 рис. (соавторы Антоненко Б.А., Самойленко Л.Г.).

1990

62. Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье). – К.: Лыбидь, 1990 – 200 с.:ил. – Библиогр.: с. 173-196.

63. Новые погребения предскифского периода на юге Луганщины // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы докладов областной научно-практической конференции, Луганск, ноябрь 1990 г. – Луганск, 1990 – С. 156-158.

64. Складна доля археолога (До 85-річчя Євгена Володимировича Вейрмана) // Археологія. – 1990. – № 4. – С. 144–148, портр.

65. Раскопки курганов в зонах строящихся мелиоративных систем Ворошиловградской области в 1987–1989 гг. – Научный отчет. – Деп. в ВИНИТИ, инвентарный № 0290.0014038, № гос. регистрации 01870008313. – К., 1990. – 204 с., ил. (соавторы Антоненко Б.А., Самойленко Л.Г.).

66. Отчет о работе Ворошиловградской археологической экспедиции Киевского госуниверситета в 1989 г. – К., 1990 // Научный архив Института археологии. Фонд экспедиций, 1989/153. – 23597 – текст на рус. яз. 49 с.; 23598 – ил.: альбом 331 рис. (соавторы Антоненко Б.А., Самойленко Л.Г.).

1991

67. Нові поховання кіммерійського часу на півдні Луганщини // Поховальний обряд давнього населення України. Зб. наук. пр. – К.: НМК ВО, 1991 – С. 181–187.

68. Отчет о работе Луганской археологической экспедиции Киевского госуниверситета в 1990 г. – К., 1991 // Научный архив Института археологии. Фонд экспедиций, 1990/81. – 24103 – текст на рус. яз. 41 с.; 24104 - ил.: альбом 253 рис. (соавторы Антоненко Б.А., Самойленко Л.Г.).

1992

69. Отчет о работе Луганской археологической экспедиции Киевского университета в 1991 г. – К., 1992 // Научный архив Института археоло-

гии. Фонд экспедиций, 1991/114. – 24659 – текст на рус. яз. 46 с.; 24660 - ил.: 2 альбома 298 рис. (соавторы Антоненко Б.А., Самойленко Л.Г.).

1993

70. Розкопки курганів бронзового віку біля с. Затишне Луганської обл. // Археологічні дослідження в Україні 1992 року (збірник) / Інститут археології АН України, Запорізький держ. ун-т. – К., 1993. – С. 4-6 (співавтори: Б.О.Антоненко, Л.Г. Самойленко).

71. Отчет о работе Луганской археологической экспедиции Киевского университета в 1992 г. – К., 1993 // Научный архив Института археологии. Фонд экспедиций, 1992/160. – 25127 – текст на рус. яз. 18 с., 43 рис. (соавторы Антоненко Б.А., Самойленко Л.Г.).

1994

72. Звіт про роботу археологічної групи науково-дослідної частини Київського університету в Луганській області в 1993 році. – К., 1994 // Фонди археологічного музею кафедри археології та музеєзнавства Київського національного університету імені Тараса Шевченка – Текст укр. мов. 28 с., 146 рис. (співавтори Антоненко Б.А., Самойленко Л.Г.).

1995

73. Археологічні розкопки курганів в зонах будівництва меліоративних систем Луганської області. – Науковий звіт. – Деп. в УкрІНТЕІ, інв. № 0296U000554. № держ. реєстрації 0194U018145. – К., 1995. – 55 с., іл. (співавтори Антоненко Б.О., Самойленко Л.Г.).

1996

74. Феномен кафедри археології в умовах Радянської України // Мир Ольвии: (Памятник исследователю и исследование памятника). – Материалы юбилейных чтений, посвященных 90-летию со дня рождения профессора Л.М. Славина (1906–1996). – К., 1996 – С. 46–48.

75. Укладач: Бібліографічний покажчик наукових праць співробітників кафедри археології та музеєзнавства. / Київський університет ім. Тараса Шевченка. – К., 1996. – 68 с. (спільно з Малєєвим Ю.М.)

1997

76. Розкопки курганів біля с. Обозне Луганської обл. // Археологічні дослідження на Україні 1993 року (збірник) / Інститут археології НАНУ, Інститут памяткоохоронних досліджень МКМУ. – К., 1997. – С. 7–8.

77. Про один з поглядів на джерела та історію пізньоантичного Херсонеса // Археологія. – 1997. – № 2. – С.123–128.

78. К вопросу об этнической атрибуции названия «тавры» в римское время // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. – Тезисы докладов международной научной конференции (Севастополь, 29 августа – 1 сентября 1997 г.). – Севастополь, 1997. – С. 96–97.

79. Культура стародавніх суспільств степової України в епоху пізнього енеоліту, ранньої та середньої бронзи (III – сер. II тисячоліття до н.е.) – Науковий звіт. – Деп. в УкрІНТЕІ, інв. № 0297V000779, № держ. реєстрації 0195U 004784. – К., 1997. – 85 с., іл. (співавтори Антоненко Б.А., Самойленко Л.Г.)

1998

80. Ранньослов'янські та давньоруські пам'ятки Чорнобильського краю // Етносоціальні процеси на Правобережній Україні: минуле та сучасне. Науковий збірник – Київ. Житомир: Поліграфічний центр Житомирського педінституту, 1998. – С. 50–53 (співавтор Самойленко Л.Г.)

81. К вопросу об этнической атрибуции названия «тавры» в римское время // Херсонесский сборник. – Вып. 9. – Сборник научных статей. – Севастополь: Дизайн-студия «Каламо», 1998. – С. 138–140.

82. Сарматские погребения в курганах Луганщины // Проблемы археологии Юго-восточной Европы. – VII Донская археологическая конференция. Тезисы докладов. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 111.

1999

83. Готи в гірському Криму // Vita Antiqua. – 1999 – № 1. – Збірка наукових статей російською та українкою мовами. – К.: ВПЦ «Київський університет». – С. 75–80.

84. Черняховская культура и Крым // Сто лет черняховской культуре. Сборник научных статей. – К., 1999. – С.231–241.

85. Могильники пізньоримського часу в гірському Криму як джерело з історії готів на півострові // Сто років вивчення культур полів поховань на Україні / Інститут археології НАНУ. – Тези доповідей семінару (Київ, 14–16 грудня 1999 р.) – К., 1999 – С. 32–33.

86. Потомки Крымских готов в свете историко-археологических и этнографических исследований // 60 лет кафедре археологии МГУ им. Ломоносова. – Тезисы докладов юбилейной конференции, посвященной 60-летию кафедры археологии исторического факультета Московского Госуниверситета им. М.В. Ломоносова. (Москва, 20–24 декабря 1999 г.). – М., 1999. – С. 218–219.

2000

87. Кримські готи в світлі історико-археологічних та етнологічних досліджень // Археологія. – 2000. – № 3. – С. 18–27.

88. Объективность и оригинальность в научном творчестве В.В. Кропоткина // Stratum plus. Культурная антропология. Археология. – № 6. – 2000. – С. 10–15.

89. Кримські готи у світлі минулих та сучасних історико-археологічних досліджень // Хроніка-2000 . – Вип. 33. Крим – крізь тисячоліття – К., 2000. – С. 239–248.

90. Давні протоцивілізації Південної України XVI–VII ст. до н.е.: Походження та історія кіммерійців. – Науковий звіт. – Деп. в УкрІНТЕІ, інв. № 0201U003572, № держ. реєстрації 0197U003156. – К., 2000. – 133 с., іл. (співавтори Антоненко Б.А., Самойленко Л.Г.)

2001

91. К вопросу о потомках крымских готов // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Материалы IX международной научной конференции. (Ростов-на-Дону, 25–30 мая 1998 г.). – Ростов-на-Дону, 2001.– С. 147–148.

2002

92. Етнічна приналежність похованих у плитових могилах римського часу в Південно-Західному Криму у зв'язку з проникненням сарматів на територію сучасної України // Археологія. – 2002. – № 2. – С.64–74.

93. Все творче життя – науці археології (Пам'яті В.В. Кропоткіна) // Археологія. – 2002. – № 4. – С.147–152.

2003

94. К вопросу об этнической атрибуции плитовых погребений в позднеантичных некрополях Херсонесской округи // Vita Antiqua. – 2003. – № 5–6. – Збірка наукових статей російською та українською мовами. – К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет». – С. 153–163.

95. До питання про атрибуцію та духовній зміст християнських символів на сердолікових вставках у персні зі Східного Криму // Український музей. Збірка наукових праць. – К., 2003. – С.87-113 (співавтор Фарбей О.М.).

96. Рец. на кн.: Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса – Люблін, 2001. – 290 с. // Археологія – 2003. – № 1. – С.145–149

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ И БИОГРАФИИ И.С. ПИОРО

1. [Библиография трудов И.С.Пиоро] // Археология Украинской ССР: Библиографический указазатель, 1918-1980 / АН УССР. Центр. науч. б-ка им. В.И.Вернадского: Сост. И.Г. Шовкопляс, Н.Г. Дмитренко; Отв. Ред. И.И. Артеменко. – К.: Наук. думка, 1989. – С. 42, 43, 64, 157, 165, 206, 214, 218, 244, 298, 353, 445, 454, 461, 462, 468, 471, 496.

2. [Рецензия] Зубар В.М, Козак Д.Н. И.С. Пиоро Крымская Готия (Очерки этнической истории Крыма в позднеримский период и раннее средневековье). – Киев: Лыбидь, 1990. – 200 с. // Археологія. – 1992. – № 1. – С127–131.

3. [Бібліографія праць І.С. Піоро] // Археологія України: Бібліографічний покажчик, 1981–1990 / НАН України. Нац. Б-ка України ім. В.І. Вернадського: Уклад.: І.Г. Шовкопляс; Відп. Ред О.С. Онищенко. – К.,1999. – С. 26, 73, 132, 165, 178, 181, 227, 367.

4. [Коротке повідомлення про роботу І.С. Піоро у Мангупській археологічній експедиції]. Рутківський О. Археологічна практика в КДУ. // Вісник наукового студентського товариства. – К.: В надзагол.: Київський державний університет ім. Т.Г. Шевченка. Історичний факультет, березень 1970. – № (2)7. – С. 14.

5. Піоро Ігор Станіславович: [коротка біографічна довідка, список наукових праць] // Бібліографічний покажчик наукових праць співробітників кафедри археології та музеєзнавства. / Київський університет ім. Тараса Шевченка. – К., 1996. – С. 53-57

6. Мезенцева Г. Г. Дослідники археології України: Енциклопедичний словник-довідник / Інститут археології Національної Академії Наук України, Чернігівський державний педагогічний інститут ім. Т.Г.Шевченка – Чернігів: Сіверянська думка, 1997. – С.146.

7. Пам'яті Ігоря Станіславовича Піоро // Археологія. – 2005. – № 1. – С.115.

В.М. ЗУБАРЬ

ЕЩЕ РАЗ О ДВУХ «ВАРВАРСКИХ» ТИПАХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ

Некрополь Херсонеса и погребальные сооружения, открытые на его территории, уже были предметом специального исследования автора. Его результаты нашли отражение в серии статей и монографии, которая была издана более двадцати лет тому назад (*Зубарь* 1977, 1977 а, 1982, 1987). Однако в ходе дальнейшего разработки комплекса вопросов, связанных с херсонесской проблематикой, стало ясно, что ряд выводов, сделанных ранее, нуждается не только в корректировке, но и в кардинальном пересмотре. Поэтому целью настоящей статьи является возвращение к анализу конструкции склепов без ниш и подбойных могил, открытых в некрополе Херсонеса первых веков н. э., и попытка дать иную, чем это делалось ранее (*Зубар* 1977, с. 68–73; 1977 а, с. 74–77; 1982, с. 17–19, 29–31, 121; 1987, с. 80–83), интерпретацию этих типов погребальных сооружений.

В работах, посвященных некрополю Херсонеса первых веков, среди конструкций склепов, вырубленных в скале, в свое время была выделена количественно небольшая группа, представленная сооружениями с прямоугольной входной ямой или коротким дромосом и погребальной камерой без ниш лежанок. Всего в некрополе зафиксировано 32 таких сооружения, что составляет менее одного процента от общего числа зафиксированных в Херсонеса склепов, вырубленных в скале. По размерам и планировке погребальных камер они были разделены на две подгруппы. К первой подгруппе были отнесены склепы с подпрямоугольной (рис. 1, *1–7*), а ко второй – конструкции с овальной или круглой погребальными камерами (рис. 1, *9–16*). Первая подгруппа была атрибутирована как начатые и неоконченные вследствие неизвестных причин склепы, использовавшиеся, однако, для захоронений, обычной в Херсонесе конструкции с нишами-лежанками. А вторая – по конфигурации погребальной камеры (круглая или овальная) и на основании того, что склепы такой формы без ниш хорошо известны в могильниках варварского населения, в том числе и Юго-Западной Таврики, была связана с непосредственным притоком в Херсонес на протяжении III–IV вв. н. э. носителей сармато-аланских погребальных традиций (*Зубарь* 1977 а, с. 74–76; 1982, с. 29–31; 1987, с. 82–83; ср.: Айбабин 1999, с. 18–22). Однако сейчас этот вывод представляется ошибочным, так как грунтовые склепы, или так называемые катакомбы, юга Восточной Европы не могут безоговорочно рассматриваться в качестве устойчивого этнического признака, а начало их использования было обусловлено определенным этапом развития достаточно разных по этносу обществ и трансформацией их верований (*Абрамова* 1982, с. 17; ср.: *Айбабин* 1999, с. 22).

Изучение отчетов и планов отдельных участков некрополя, хотя и довольно схематических, которые были опубликованы К. К. Косцюшко-Валюжиничем, и опыт работы на территории Западного некрополя Херсонеса в 1981–1988 г., убедили в том, что выделять такие конструкции в отдельный тип погребальных сооружений и делить его на две подгруппы неправомерно, как и неправомерно связывать их с сармато-аланами. Только в одном из таких склепов был обнаружен инвентарь и монеты IV–V вв. н. э. (Косцюшко-Валюжинич,1906, с. 81, № 1600), поэтому более правильно, вслед за К. К. Косцюшко-Валюжиничем, интерпретировать их как «начатые и неоконченные» склепы. Причинами этого могли быть особенно твердые прослойки в скальном массиве, с которыми столкнулись строители, или расположенные рядом другие склепы (рис. 2).

Второй тип погребальных сооружений – это подбойные могилы, которых из общего количества раскопанных более чем 4,5 тысяч погребальных сооружений насчитывается 84. В отчетах

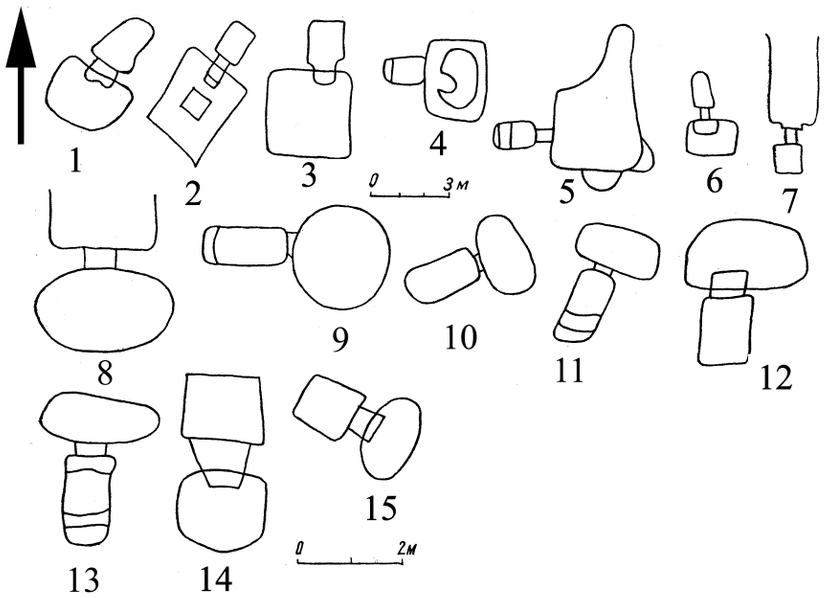


Рис. 1. Склепы без ниш некрополя Херсонеса.
1 *– № 1561;* ***2*** *– №2139;* ***3*** *– №2176;* ***4*** *–№1618;* ***5*** *– №2089;* ***6*** *– №2187;* ***7*** *– №2156;* ***8*** *– №2152;* ***9*** *– №1567;* ***10*** *– №1600;* ***11*** *– №1610;* ***12*** *– №1578;* ***13*** *– №2090;* ***14*** *– №2119;* ***15*** *- №1619*

К.К. Коцюшко-Валюжинич называл их «гробницами, вырубленными в скале с нишами». В своем подавляющем большинстве они ограблены еще в древности, но, судя по монетам, этот тип погребальных сооружений появляется в Херсонесе не ранее I в. н. э. и наиболее часто использовался для совершения захоронений на протяжении второй половиной II–V в. н. э. (подр. см.: *Веймарн* 1977, с. 10; *Зубар* 1977, с. 70–71; 1977а, с. 76 – 77; 1982, с. 19) (рис. 3).

Все подбойные могилы вырубались в скале, которая очень близко подходит в Херсонесе к дневной поверхности, и состояли из неширокой могильной ямы (длина 1,78–2,35 м., ширина 0,52–0,73 м., глубина достигала 2,5 м), в продольных стенах которой, во всю ее ширину, вырубались ниши-подбои (рис. 4). Как правило, сооружался один или два подбоя и только в могиле 1417, раскопанной на участке некрополя у Загородного храма в 1902 г., зафиксированы четыре подбоя, вырубленные в два яруса (Костцюшко-Валюжинич, 1904, с. 22). Ширина подбоев, как правило, небольшая и составляла от 0,5 до 0,88 м. Высота подбоев также колебалась т.е., вероятно, была обусловлена общими размерами могилы.

Подбои обычно сооружались чуть выше или ниже уровня пола, а в одном случае в средней части продольной стенке могильной ямы (*Косцюшко-Валюжинич* 1904, с. 22 – 23, № 1418) (рис. 4: *3*). Они, как правило, закрывались вертикально поставленными плитами (рис. 5). Для облегчения спуска внутрь в поперечных стенках могилы делались выступы, служившие ступеньками, а также углубления, которые, как и в склепах с нишами-лежанками, могли использоваться для установки светильников или размещения каких-то специфических предметов погребального инвентаря (ср.: *Зубар* 1978, с. 40–41) (рис. 4: *3*). Сверху могилы плотно закрывались известняковыми плитами, которые укладывались на специальные заплечики, а промежутки между ними замазывались цемянкой (Зубар 1977, с. 68–69; 1977а, с. 77; 1982,

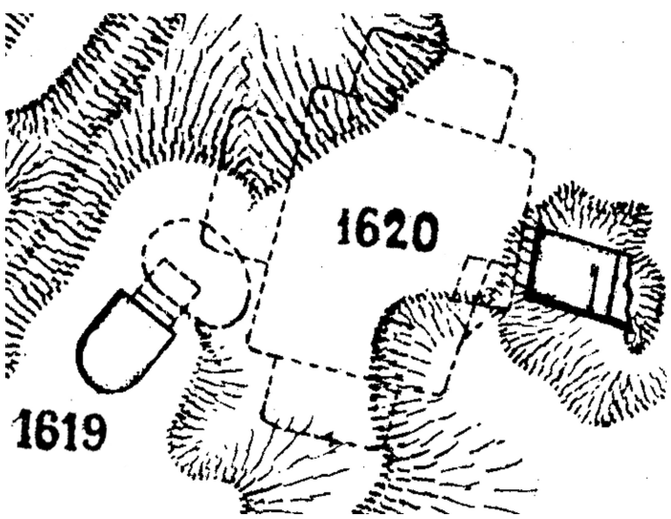


Рис. 2. План расположения склепов №1619 и №1620 на участке у Загородного храма по К.К. Коцюшко-Валюжиничу

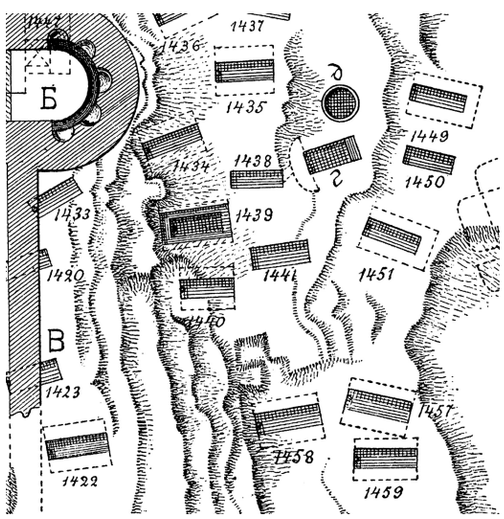


Рис. 3. Участок подбойных могил к востоку от Загородного храма по К.К. Косцюшко-Валюжиничу

с. 17–18) (рис. 5). Исходя из того, что в подбойных могилах зафиксировано несколько захоронений и взрослых, и детей, этот тип погребальных сооружений есть все основания рассматривать в качестве семейных усыпальниц.

Ранее, базируясь только на формальном признаке (наличии подбоя), был сделан вывод, что херсонесские подбойные могилы, как и аналогичные конструкции в других античных некрополях Северного Причерноморья, близки сарматским погребальным памятникам, и их следует связывать с проникновением в состав населения сарматского этнического компонента (*Зубар* 1977, с. 71–72; 1982, с. 18–19, 121). Правда, делая такое заключение, на основании того, что аналогичные погребальные сооружения известны в античных некрополях и за пределами Северного Причерноморья, уже тогда не исключалась возможность и иного происхождения этого типа могил (*Зубарь* 1982, с. 19; 1987, с. 82).

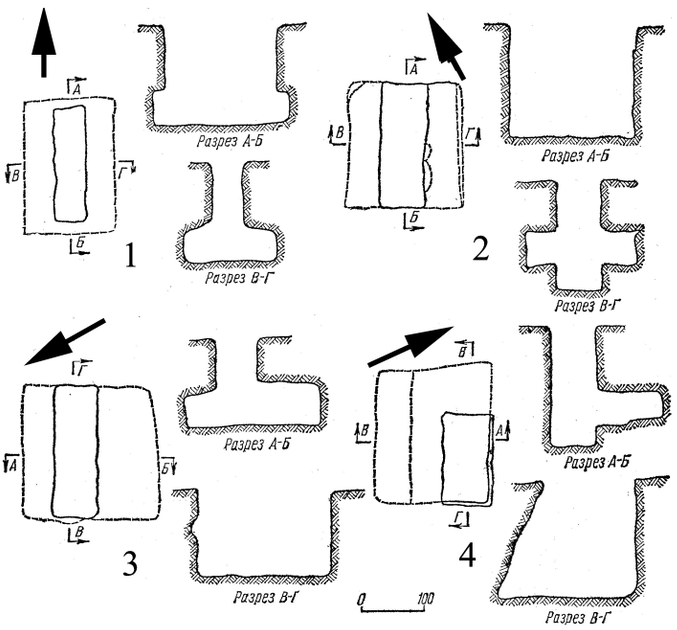


Рис. 4. Подбойные могилы на участке у Загородного храма. Обмеры В. М. Зубаря 1975 г.
1 *– № 1451;* ***2*** *– №1418;* ***3*** *– 1459;* ***4*** *– № 1485.*

В немалой степени это объясняется все еще не преодоленным тогда до конца влиянием на автора устоявшейся в советской историографии концепции о тесных греко-варварских связях, которые якобы оказывали определенное воздействие на развитие античной культуры в Северном Причерноморье (*Зубар* 1977, с. 68). А наличие в некрополе подбойных могил, как и склепов без ниш, было одним из существенных аргументов, позволивших утверждать, что со II в. н. э. в составе населения проживала небольшая группа выходцев из сарматского этнического массива (*Зубарь* 1982, с. 118; ср.: *Журавлев, Зубарь, Сорочан* 2004, с. 225).

Не отрицая присутствия в составе населения Херсонеса небольшой группы выходцев из среды гетерогенного населения Юго-Западной Таврики (*Зубарь* 2004, с. 206), сегодня следует признать, что вывод о сарматской принадлежности подбойных могил уже нельзя признать правомерным, так как он был сделан без глубокого анализа сравнительного материала. Причем такое заключение, несмотря на ряд имевшихся сомнений, было построено во многом на чисто формальном сравнению конструкции этого типа погребальных сооружений, открытых в античных некрополях, в первую очередь Херсонеса, с погребальными памятниками сарматов Нижнего Поволжья, Нижнего Поднепровья и Юго-Западной Таврики (*Зубар* 1977, с. 69–70; 1982. с. 19), без учета особенностей трансформации взглядов греков-херсонеситов на погребальный культ. Но если раньше эти сомнения основывались лишь на наличии погребальных сооружений аналогичной конструкций в других районах античного мира, то теперь об этом можно говорить уже более определенно, основываясь на результатах комплексного изучения истории и культуры населения Херсонеса в античную эпоху, и в первую очередь исследования его религиозного мировоззрения (*Русяева, Зубарь* 2004, с. 333–432; ср.: *Абрамова*, 1982, с. 17).

Подбойные могилы, открытые на разных участках обширного некрополя Херсонеса, на западном берегу Карантинной бухты, склонах

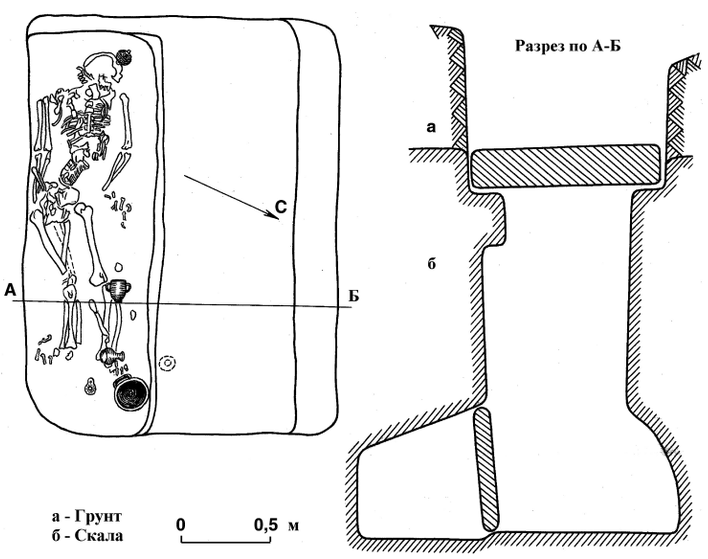


Рис. 5. План и разрез подбойной могилы по В.Н. Даниленко

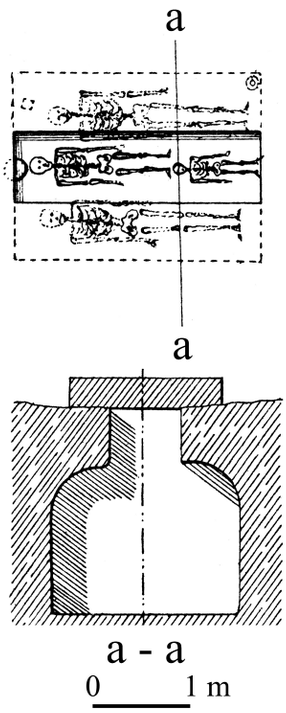


Рис. 6. План и разрез подбойной могилы «б» под восточной апсидой Загородного храма по К.К. Косцюшко-Валюжиничу

Девичьей горы и у Загородного храма монастыря Богородицы Влахернской (*Веймарн* 1977, с. 10; *Зубарь* 1982, с. 17) (рис. 3), были изначально предназначены для нескольких захоронений и, таким образом, служили семейными усыпальницами (рис. 6, 7), как и склепы с нишами-лежанками, вырубленными в скале. Видимо, из этого в первую очередь и нужно исходить, а не акцентировать внимание исключительно на наличии подбоев сводчатой или прямоугольной нишеобразной формы, как это делалось ранее (Зубар 1977, с. 69–70; 1982, с. 18–19). Ведь не формальные признаки, которые могут в тех или иных вариациях повторяться в конструкции погребальных сооружений на различных территориях и в разное время, а связь с погребальным культом и религиозным мировоззрением конкретного социума позволяет объяснить ту или иную черту обряда захоронения (ср: *Абрамова* 1982, с. 17).

Сейчас установлено, что в некрополе Херсонеса в первых веков н. э., как и на Боспоре (*Масленников* 1990, с. 33), значительно увеличивается количество семейных гробниц, а с рубежа н. э. растет процент захоронений, совершавшихся в склепах, вырубленных в скале, с нишами-лежанками (Зубар 1977, с. 42; 1982, с. 26; ср.: *Ростовцев* 1914, с. 484; *Савостина* 1987, с. 13–18). В Ольвии и на Боспоре склепы различной конструкции, которые, вне всякого сомнения, следует рассматривать в качестве семейных усыпальниц, появляются еще раньше, в эллинистический период (*Гайдукевич* 1949, с. 259; *Цветаева* 1951, с. 70; *Паровић-Пешикан* 1974, с. 32–37; *Масленников* 1990, с. 33, 36; ср.: *Абрамова* 1982, с. 17).

С одной стороны, строительство склепов – достаточно дорогостоящих погребальных сооружений, объясняется ростом материально благосостояния причерноморских греков. Ведь погребальный обряд и связанные с ним ритуальные действия несут на себе печать имущественных и социальных отношений (ср.: *Morris* 1987, p. 8–9, 39, 43, 47–49; Alcock, 1991, p. 447, 457–458). А характер обращения с телом, ритуальные действия и весь процесс погребальной церемонии во многом зависел от того, кем при жизни был умерший и какой социальный статус он занимал в обществе (ср.: *Plin.* NH, VII, 71; *Juvenal*, XV, 139; *Garland* 2001, p. 73, 88; *Burkert* 1985, p. 192; *Morris* 1996, p. 17–18). С другой стороны, процедура захоронения и обрядовые действия, связанные с ней, являются материальным выражением идеологии, не нашедшей отражения в иных категориях источников. Поэтому материалы некрополя, в том числе и конструкция могил, свидетельствуют об особенностях погребального обряда в каждом конкретно взятом античном центре и, что особенно важно, о тех изменениях, которые в нем происходили с течением времени. Это в свою очередь позволяет глубже понять не только основные тенденции развития идеологической жизни и характерные черты менталитета населения, но и проследить их динамику (ср.: *Савостина* 1987, с. 13; *Масленников* 1990, с. 33–34), что подтверждается и материалами некрополя Херсонеса.

Отличительной особенностью этого центра на протяжении классического и большей части эллинистического периодов, в сравнении с одновременными некрополями других античных

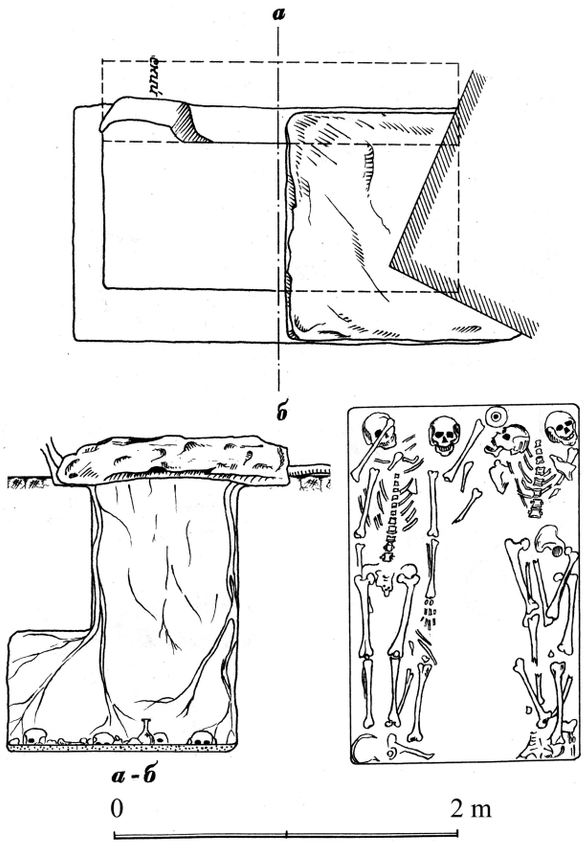


Рис. 7. План и разрез подбойной могилы «г» в центральной части Загородного храма по О.И. Домбровскому.

центров Северного Причерноморья, является простота конструкции погребальных сооружений и крайне бедный набор погребального инвентаря, который, за редким исключением, клался в могилы вместе с умершими (*Белов* 1981, с. 171–176; ср. *Сапрыкин* 1981, с. 45; 1986, с. 67, 95–96; *Рогов* 1999, с. 126–129). Отмеченное явление исследователи склонны объяснять не бедностью или скупостью жителей города, а спецификой погребальных традиций и норм, которые неукоснительно соблюдались (*Рогов* 1999, с. 129). С этим нельзя не согласиться. Поэтому определенная трансформация погребального ритуала и связанные с этим изменения типов могильных сооружений, усложнение их конструкции, прослеживающиеся по материалам некрополя, свидетельствуют не только об изменении имущественного положения населения Херсонеса, но и дальнейшим развитием верований, связанных с погребальным культом.

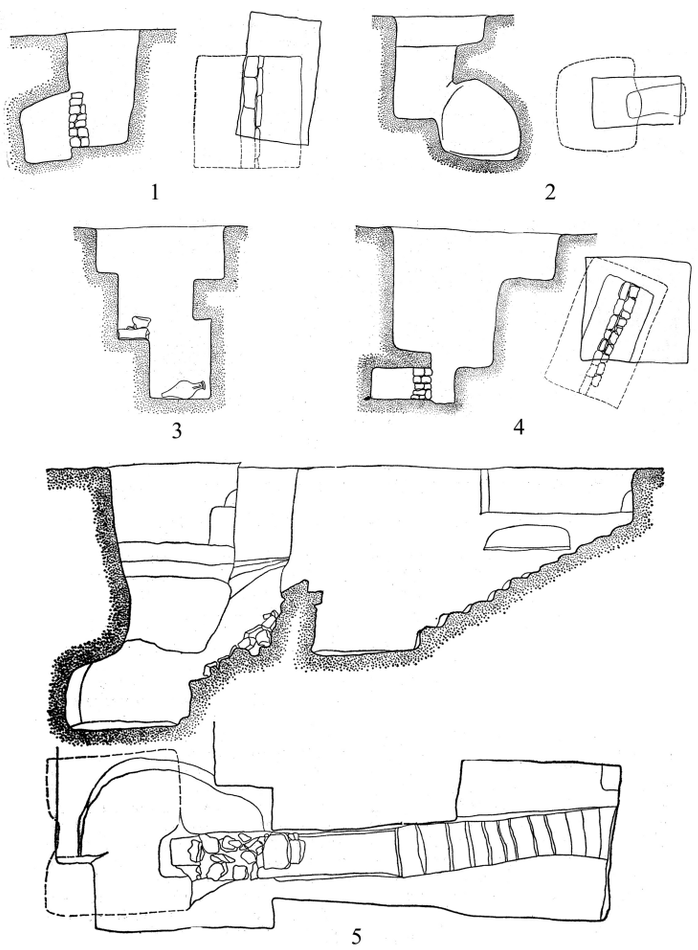


Рис. 8. Планы и разрезы подбойных могил (1–4) и грунтового склепа (5) некрополя Ольвии эллинистического периода по М. Парович-Пешикан

Греки верили в непосредственную связь умершего с могилой (ср.: *Фрейденберг* 1978, с. 38–39; *Burkert* 1985, p. 192; *Garland* 2001, p. 104–120). Вследствие этого на могиле ставилось надгробие, семантически связанное с алтарем (ср.: *Javis* 1949, p. 180, № 10, fig. 85), и ближайшими родственниками отправлялись ритуально-магические действия в дни поминовения умерших (*Kurtz, Boardman* 1971, p. 142–161; *Garland* 2001, p. 37, 113–118; *Alcock* 1991, p. 447–467). Тем самым осуществлялась связь между живыми и мертвыми (*Burkert* 1985, p. 194; ср.: *Smith* 1976, p. 214–221). Поэтому увеличение количества семейных гробниц в некрополе Херсонеса, которое особенно заметным становится с рубежа н. э., вне всякого сомнения, объясняется определенной трансформацией представлений о пребывании в потустороннем мире. Следовательно, при анализе конструкции погребального сооружения, видимо, в первую очередь следует определить его место в семантической системе конкретного общества, тесно связанной с определенным кругом верований, и, только выяснив это, следует приступать к анализу конструктивных особенностей конкретного типа могилы (ср.: *Абрамова* 1982, с. 17).

Уже в Греции архаического и классического периодов на месте погребения выдающимся гражданам полиса за заслуги перед всей гражданской общиной строились герооны – небольшие храмы в честь героев (*Cumont* 1959, p. 113; *Whidey* 1988, p. 173–182; *Kearns* 1989, p. 44–63; *Alcock* 1991, p. 451). Это превращало могилу не только в посмертное жилище, но и в его своеобразный храм (*Фрейденберг* 1978, с. 39, 72). В эллинистический период, в связи с демократизацией апофеоза, в представлениях широких народных масс начинает утверждаться представление, что почти каждый умерший после смерти становился героем и полубогом, в честь которого его ближайшие родственники должны были отправлять культ (*Cumont* 1959, p. 105, 112; *Nock* 1972, p. 575–597; *Burkert* 1985, p. 206; *Alcock* 1991, p. 447, 457; *Фестюжьер* 2000, с. 35–36; *Диатроптов* 2001, с. 73; *Свенцицкая* 2003, с. 104–105). Исходя из этого, увеличение количества семейных усыпальниц, где, как писал Э. Роде, «вплоть до третьего поколения устроитель семейной могилы хотел намеренно соединить своих родственников в одном месте погребения» (Rohde, 1898, S. 340), следует рассматривать как следствие распространения среди причерноморских греков идеи апофеоза простых смертных. С этим же кругом представлений неразрывно связан

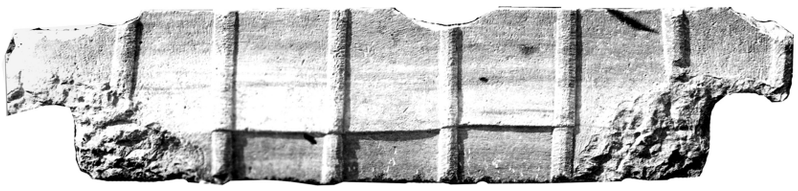


Рис. 9. Мраморная крышка саркофага первых веко н. э. с изображением черепичной крыши из Херсонеса

сюжет «загробной трапезы», который достаточно часто изображался на надгробных памятниках в первые века н. э., в том числе и в Херсонесе (подр. см.: *Тончева* 1964, с. 37–46; *Alexandrescu-Vianu* 1975, p. 183–200; 1977, p. 166–139; *Іванова* 1970, с. 74–76; *Савостина* 1987, с. 13–18; *Зубарь* 1990, с. 63; *Русяева* 1992, с. 183–184; *Диатроптов* 2001, с. 82–83; *Oppermann* 2004, S. 266–269, Taf. 66–68).

Поэтому идеей героизации умершего, чрезвычайно популярной в первые века н. э., должна объясняться и конструкция погребальной камеры склепа с нишами-лежанками (ср.: *Савостина* 1987, с. 13–14). По своей планировке погребальные камеры склепов с нишами-лежанками сходны с триклинием античного дома, где обычно устраивались праздничные трапезы и симпосии (ср.: *Robinson Graham* 1938, p. 171–185; *Robinson* 1946, 1946, p. 9, 15, 58, 193, 229). Такое расположение лежанок отражало веру в то, что после смерти родственники, погребенные в одной могиле, собирались вместе для общей трапезы и возлияний, в которых проходило существование в потустороннем мире (ср.: *Cumont* 1942, p. 353; 1959, p. 120; *Machatschek* 1967, S. 17, 58). Ведь потусторонний мир человеком античного мира мыслился чем-то на подобие земного, но время в нем протекало не в трудах и заботах, как при жизни, а в отдыхе и приятном времяпрепровождении или вечном празднике.

Возвращаясь к подбойным могилам, открытым в некрополе Херсонеса, следует подчеркнуть, что наличие ниш в продольных стенках таких погребальных сооружений, сводчатых или прямоугольных в сечении (рис. 4, 5), которые по своей конструкции тождественны нишам-лежанкам склепов, вырубленных в скале, позволяют связывать появление таких семейных могил с кругом аналогичных представлений.

В связи с этим интересно, что в Ольвии подбойные могилы появляются уже в самом начале V в. до н. э. и продолжают достаточно широко использоваться вплоть до первой половины III в. до н. э. (*Козуб* 1974, с. 12; *Паровић-Пешикан* 1974, с. 18) (рис. 8, 1– 4). Но нельзя исключить, что им на смену со второй половины IV в. до н. э. постепенно начинают приходить земляные склепы, которые получают широкое распространение в III – II в. до н. э. и первых веках н. э. (*Паровић-Пешикан* 1974, с. 36) (рис. 8, 5). Если это так, то земляные склепы в Ольвии следует рассматривать в качестве дальнейшей линии развития подбойных могил, для которых в свою очередь исходной была обычная грунтовая могила, сооружение которой, в сравнении со склепами, требовало меньше трудовых, а следовательно, и материальных затрат.

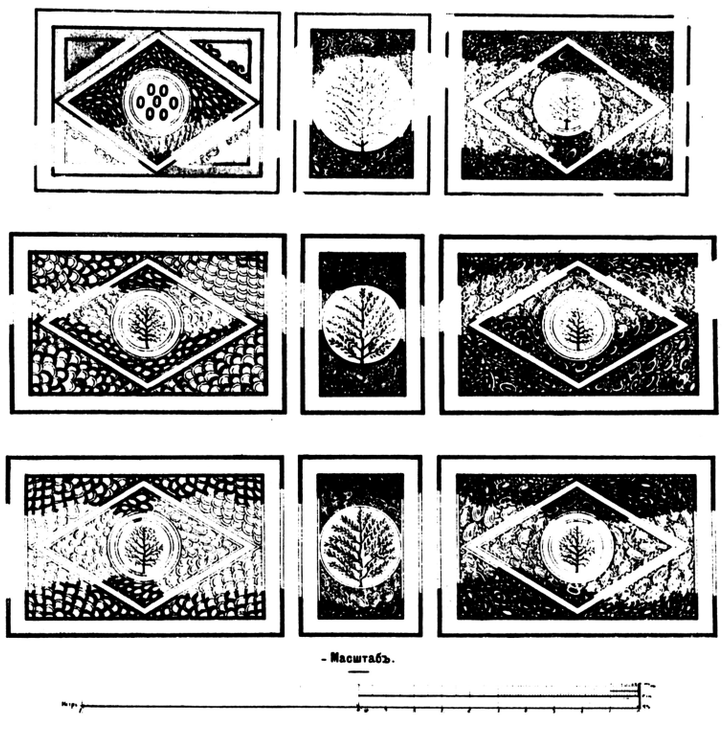


Рис. 10. Роспись стен погребальной камеры склепа 1494 по М.И. Ростовцеву

На Боспоре появление подбойных могил и грунтовые склепы фиксируются несколько позднее – с конца III – начала II в. до н. э. (*Цветаева* 1951, с. 73; *Масленников* 1990, с. 25–27). Такое положение, видимо, может объясняться тем, что до этого времени захоронения социальной верхушки Боспорского царства главным образом совершались в подкурганных склепах с каменными конструкциями нескольких типов (подр. см.: *Гайдукевич* 1949, с. 252 – 297; 1981, с. 46–52). И только в связи с ухудшением экономической ситуации представители зажиточных слоев начинают хоронить своих родственников в подбойных могилах и земляных склепах, которые, как семейные усыпальницы, получают значительное распространение в позднe-

эллинистический период и в первые вв. н. э. (*Гайдукевич* 1949, с. 383; *Масленников* 1981, с. 69).

Если эти наблюдения верны, то можно говорить, что уже с V в. до н. э. для части населения Ольвии и Боспора был характерен переход от простой грунтовой могилы, тип которой был ведущим в период архаики, к захоронениям в камерных погребальных сооружениях, семантически связанных с потусторонним жилищем умершего (ср.: *Rohde* 1898, S. 227; *Machatschek* 1967, S. 17 – 18). Неудивительно поэтому, что крышки мраморных саркофагов в первые века н. э. делались в виде черепичной кровли дома или храма (рис. 9), а в декоре росписи даже раннехристианских склепов использовались те же мотивы, что и при украшении парадных помещений домов (*Ростовцев* 1914, с. 493; АСХ, 1976, с. 157, №№ 497, 498; *Зубарь, Хворостяный* 2000, с. 46, 60; ср.: *Machatschek* 1967, S. 38) (рис. 10). Тенденция рассматривать погребальное сооружение в качестве посмертного семейного жилища нашла отражение и в обряде захоронения в обычных грунтовых могилах. В Западном некрополе Херсонеса, например, открыта вырубленная в скале могила, в которой во второй половине I – первой половине II в. н. э. было одновременно захоронено шесть урн, содержавших кремацию (*Зубарь, Шевченко, Липавский* 1989, с. 15, рис. 10, мог. 39) (рис. 11). Следовательно, есть все основания связывать распространение камерных конструкций в античных некрополях с определенным кругом верований греческого населения о потустороннем бытие, представители которого намеренно пытались соединить своих родственников в одном погребальном сооружении.

Рис. 11. Могила с коллективным захоронением пепла в урнах после кремации в могиле № 39 Западного некрополя Херсонеса. Раскопки В.М. Зубаря

Делая такой вывод, следует обратить внимание, что в некрополях Малой Азии и Восточного Средиземноморья камерные погребальные сооружения, к которым, безусловно, относятся подбойные могилы и более сложные по конструкции грунтовые склепы, фиксируются уже в VI в. до н. э., а с периода классики они становятся одним из основных типов (*Perrot, Chipier* 1885, p. 173–205; 1905. p. 81–82; *Pottier, Reinach* 1887, p. 66–68; *Herrman* 1888, S. 8–10, fig. 2–4; *Dgagendorff* 1903, S. 93; Отчет, 1908, с. 313; *Breccia* 1912, Tab. XIX, Fig. 6–7; XX, 8–9; *Ростовцев* 1925, с. 153; *Machtschek* 1967, S. 56–57; Taf. 3, 17, 19, 29; *Toll* 1946, p. 10, Fig. 2, tomb 5, 8, 17, 19; *Toynbee* 1971, p. 237 – 270; *Smith* 1982, p. 258–259). Но пока нет достаточных оснований искать истоки такой традиции, как и конструкций подбойных могил и склепов, в каком-то строго определенном регионе (ср.: *Козуб* 1974, с. 119; *Масленников* 1982, с. 37; *Зубарь* 1982, с. 28; *Айбабин* 1999, с. 23). Скорее, использование подбойных могил и грунтовых склепов в первую очередь следует объяснять трансформацией представлений и верований, связанных с погребальным культом, которые постепенно распространялись по всему античному миру. Но этот процесс не мог найти сколько-нибудь заметного отражения в погребальной практике без устойчивого роста благосостояния населения античных центров, в том числе и Северного Причерноморья (ср.: *Гайдукевич* 1949, с. 278; 1981, с. 51; *Масленников* 1981, с. 47, 54; *Кузнецов* 2004, с. 121).

Исходя из сказанного, подбойные могилы херсонесского некрополя, как, впрочем, Ольвии и городов Боспора, нельзя считать этническим признаком и безоговорочно связывать с инфильтрацией в состав населения выходцев из какого-либо негреческого этнического массива. Более того, такая конструкция погребальных сооружений в античных некрополях указанных центров появляется значительно раньше, чем на варварской периферии Северного Причерноморья (*Козуб* 1974, с. 12; *Масленников* 1990, с. 27).

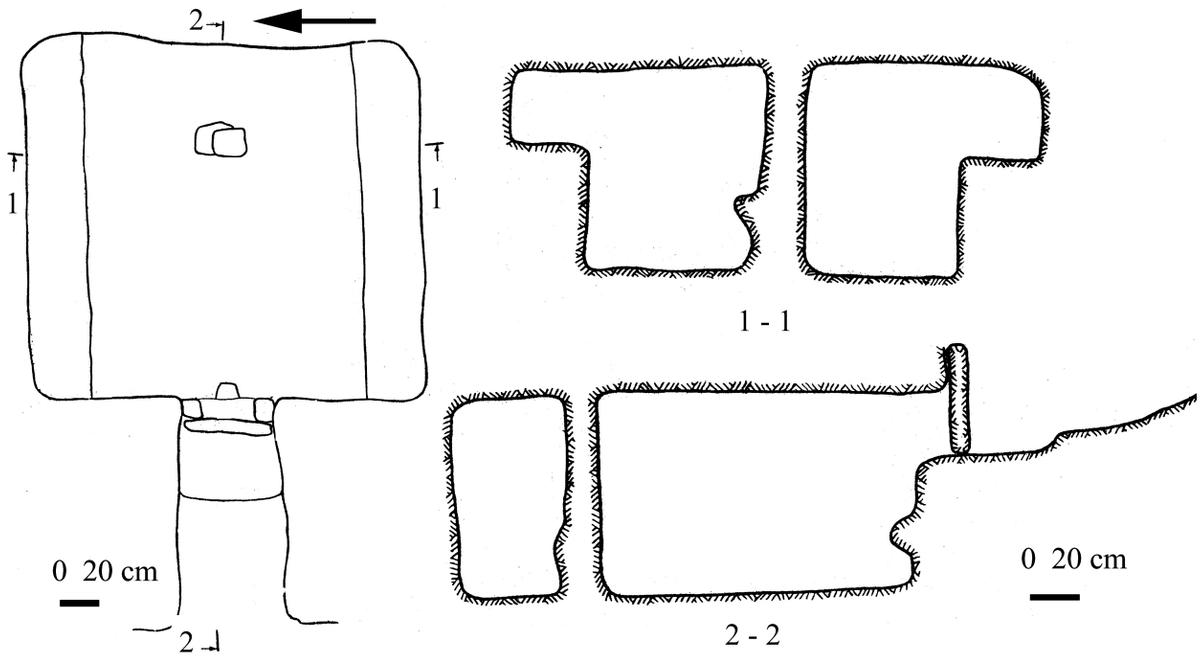


Рис. 12. План и разрез склепа № 5 Западного некрополя Херсонеса. Раскопки В.М. Зубаря 1982 г.

Вместе с тем, наличие подбойных могил в могильниках сарматизированного населения округи античных центров в первые века н. э., в том числе и в Юго-Западной Таврике, требует внимательного подхода к каждому погребальному комплексу, зафиксированному в подбойных могилах. Но только на основе совокупности всего материала, а не только конструкции погребального сооружения, следует определят этническое происхождение погребенных. Ведь хорошо известно, что в материальной культуре обществ, стоявших на разных стадиях общественного развития, можно найти чисто формальные признаки, которые в то же время отражали разные по своему содержанию верования и религиозные представления. Не удивительно поэтому, что в свое время М.И. Вязьмитина обратила внимание на отличия в конструкции подбоев в античных некрополях и могильниках туземного населения степной зоны Северного Причерномрья (*Вязмитина* 1972, с. 161–162; ср.: *Абрамова* 1982, с. 17).

В некрополе Херсонеса в ряде весьма показательных случаев в подбойных могилах зафиксированы варварские четы погребального обряда, а в четырех обнаружены костяки с деформированными черепами, которые свидетельствует о том, что здесь были погребены представители сармато-аланских племен (*Зубар* 1977, с. 72). Однако это вовсе не значит, что сам тип подбойной могилы был сюда принесен представителями именно этого этноса, так как погребальные сооружения такой конструкции, как, впрочем, и склепы, вырубленные в скале, с нишами-лежанками содержали более поздние, повторные захоронения.

Подбойные могилы Херсонеса использовались параллельно со склепами, вырубленными в скале, где захоронения совершались в нишах-лежанках, и отражали близкий круг верований, связанных с апофеозом простых смертных. Но по количеству трудовых затрат, а, следовательно, и стоимости, сооружение подбойных могил обходилось дешевле, чем вырубка склепа с нишами-лежанками (ср.: *Зубарь* 1982, с. 121).Поэтому можно предположить, что они в основном принадлежали семьям среднего достатка, которые не могли себе позволить строительство более дорогого погребального сооружения, но и не хотели довольствоваться обычной грунтовой могилой. В этом отношении достаточно показателен склеп, вырубленный в скале, с двумя нишами-лежанками и подворным столбом в центральной части погребальной камеры, который по своей планировке очень схож с подбойной могилой, но, естественно, больше по размерам (*Зубарь, Ивлев, Чепак* 1990, с. 31–33) (рис. 12).

Суммируя сказанное, следует еще раз подчеркнуть, что склепы без ниш лежанок и подбойные могилы, открытые в некрополе Херсонеса, нет никаких оснований рассматривать в качестве типов погребальных сооружений, принесенных в город сарматами. А появление подбойных могил в Херсонесе только в первые века н. э., следует объяснять более медленным процессом трансформации религиозного мировоззрения, в сравнении, например, с Ольвией и Боспором, и традиционной консервативностью взглядов дорийцев-херсонеситов, в том числе и на погребальный культ.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П. Катакомбные и склеповые сооружения Юга Восточной Европы (Середина тысячелетия до н. э. - первые века н. э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1982. – С. 9–19.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – 352 с.

Античная скульптура Херсонеса. Каталог. – К., 1976. – 343 с.

Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА. – 1981. – 3. – С. 163–180.

Веймарн Е.В. Некрополь около крестообразного загородного храма в Херсонесе // АДСВ. – 1977. – Вып. 14. – С. 5–17.

Вязьмитина М.И. Золотобалковский могильник. – К., 1972. – 190 с.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – М.–Л., 1949. – 624 с.

Гайдукевич В.Ф. Боспорские погребальные склепы V–IV вв. до н. э. с уступчатым перекрытием // Боспорские города. – Л., 1981. – С. 6–54.

Диатроптов П.Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье. – М., 2001. – 136 с.

Журавлев Д.В., Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Экономическое развитие, социальный и этнический состав населения // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. – Харьков, 2004. – С. 183–256.

Зубар В.М. Підбійні могили Херсонеського некрополя // Археологія. – 1977. – Вип. 24. – С. 68–73.

Зубарь В.М. Погребальные сооружения и погребальный обряд участка некрополя у Загородного храма в Херсонесе // Новые исследования археологических памятников на Украине. – К., 1977а. – С. 69–82.

Зубар В.М. Склепи з нішами-лежанками некрополя Херсонеса // Археологія. – 1978. – Вип. 28. – С. 36–45.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н. э. – К., 1982. – 144 с.

Зубарь В.М. Этнический состав населения Херсонеса Таврического в первые века н. э. (по материалам некрополя) // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. – К., 1987. – С. 78–105.

Зубарь В.М. О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса Таврического // Обряды и верования древнего населения Украины. – К., 1990. – С. 61–84.

Зубарь В.М. Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. – К., 2004. – 312 с.

Зубарь В.М., Шевченко А.В., Липавский С.А. Западный некрополь Херсонеса Таврического (Материалы раскопок 1983 – 1985 гг.). – Католог погребений. – К.: Препринт, 1989. – Ч. 2. – 49 с.

Зубарь В.М., Ивлев С.М., Чепак В.Н. Западный некрополь Херсонеса Таврического (раскопки 1982 г.). – К.: Препринт, 1990. – 45 с.

Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. – К., 2000. – 180 с.

Іванова А.П. Сцена «загробної трапези» на херсонеських надгробних рельєфах // Археологія. – 1970. – Т. 23. – С. 74–90.

Козуб Ю.І. Некрополь Ольвії V–IV ст. до н. е. – К., 1974. – 182 с.

Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1902 г. // ИАК. – 1904. – Вып. 9. – С. 1–62.

Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году // ИАК. – Вып. 20. – 1906. – С. 17–95.

Кузнецов В.Д. Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием // Пробелмы истории, филологии, культуры. – 2004. – Вып. 14. – С. 94–123.

Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. – М., 1981. – 128 с.

Масленников А.А. Некоторые особенности некрополей городов европейского Боспора первых веков н. э. // СА. – 1982. - № 1. – С. 33–43.

Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н. э. – М., 1990. – 232 с.

Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе // ИРАИК. – 1908. – Т. 13. – С. 303 – 322.

Парович-Пешикан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. – К., 1974. – 220 с.

Рогов Е.Я. Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // Stratum plus. – 1999. – № 3. – С. 116–144.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. – Пгр., 1914. – 537 с., 112 табл.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. – Л., 1925. – 621 с.

Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. – К., 1992. – 256 с.

Русяева А.С., Зубарь В.М. Религиозное мировоззрение // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. – Харьков, 2004. – С. 333–430.

Савостина Е.А. Опыт сравнительного анализа погребальных памятников: боспорские склепы и надгробия // КСИА. – 1987. – Вып. 191. – С. 13–19.

Сапрыкин С.Ю. Предпосылки основания Херсонеса Таврического // АДСВ. Античный и средневековый город. – 1981. – С. 35–49.

Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI–I вв. до н. э. – М., 1986.– 248 с.

Свенцицкая И.С. «Памяти ради»: эволюция отношения греков к смерти и погребальным обрядам в эллинистическо-римское время // ВДИ. – 2003. – № 4. – С. 101–110.

Тончева Г. Хронологическо развитие на плочите с «погребално угощение» от Одесос // Археология. – 1964. – № 4. – С. 37–46.

Фестюжьер А.-Ж. Личная религия греков. – СПб., 2000. – 254 с.

Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – М., 1978. – 608 с.

Цветаева Г.А. Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. – 1951. – № 19. – С. 63–86.

Alcock S.E. Tomb Cult and the Post-Classical Polis // AJA. – 1991. – Vol. 95. – № 3. – P. 447–467.

Alexandrescu-Vianu M. Les stèles funéraires de la Macédonie romaine // Dacia. – 1975. – Vol. 19. – P. 183–200.

Breccia E. Nécropoli di Sciatbi. – Cairo, 1912. – Vol. 1/2. – 212 p., 32 tab.

Burkert W. Greek Religion: Archaic and Classical. – Oxford, 1985. – 493 p.

Cumont F. Recherches sur la symbolisme funéraire des Romains. - Paris, 1942. – 329 p.

Cumont F. After Life in Roman Paganism. – New York, 1959. – 225 p.

Dragendorff H. Thera: Untersuchungen, Vermessungen und Ausgrabungen in den Jahren 1895–1902. – Berlin, 1903. – Bd. 2. – 328 s.

Javis C.G. Greek Altars. – Saint Louis, 1949. – 266 p.

Garland R. The Greek Way of Death. – Ithaca, New York, 2001. – 198 p.

Herrmann P. Das Gräberfeld von Marion auf Cyprus. - Berlin, 1888. – 63 s.

Kearns E. The Heroes of Attica. – London, 1989. – 210 p., 5 pl.

Kurtz D.S. Boardman J. Greek Burial Customs. – London, 1971. – 384 p.

Machatschek A. Die Nekropolen und Grabmäler in Gebiet von Elaiussa Sebaste und Korykos im Rauhen Kilikien. – Wien, Köln, 1967. – 127 s., 56 Taf., 74 Abb.

Morris I. Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State. – New York, 1987. – 262 p.

Morris I. Death-Ritual and Social Structure in Classical Antiquity. – Cambridge, 1996. – 264 p.

Nock A.D. Essays on Religion and Ancient World. – Cambridge, 1972. – Vol. 2. – 1029 p.

Oppermann M. Die westpontischen Polis und ihre indigenes Umfeid in vorrömischer Zeit. – Langenweibach, 2004. – 397 S., 82 Taf.

Perrot G., Chipier C. Historie de l'art dans l'Antiquite. – Paris, 1885. – T. 3. - 921 p., 544 gravures.

Pottier T., Reinach S. La necropole de Myrina. – Paris, 1887. – 631 p.

Robinson D.M. Domestic and Public Architecture // Excavations at Olynthus. – Baltimore, 1946. – Vol. 12. – 520 p.

Robinson D.M., Graham J.W. The Hellenic House // Excavations at Olynthus. – Baltimore, 1938. – Vol. 8. – 370 p., 110 pl.

Rohde E. Psyche. Seelencult und Unsterblichkeit Glaube der Griechen.– 2. Auf. – Freiburg, Leipzig, Tübingen, 1898. – Bd. 1. – 329 s.

Smith N. R. W. Funerary Simbolism in Apulian Vasa-Painting. – Berkeley, Los Angeles, London, 1976. – 303 p., 21 fig., 28 pl.

Smith J.C. A Roman chamber tomb on the south-east slops on Monasteriaki kephala, Knossos // The Annual of the British School at Athens. – 1982. – Vol. 77.

Toll N.P. The Excavations of Dura-Europos. – The Necropolis. – New Haven, 1946. – 150 p.

Toynbee J.M.C. Death and Burial in the Roman World. – New York, 1971. – 336 p.

Whitley J. Early States and Hero Cults: a Re-Appraisal // JHS. – 1988. – Vol. 108. – P. 173–182.

М. КАЗАНСКИЙ

ГЕРМАНЦЫ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ В ПОЗДНЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ И В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Германцы проникают в Юго-Западный Крым в ходе «скифских» или «готских» войн III в., хотя самые ранние прямые свидетельства о германском присутствии в этом регионе восходят к середине VI в. (Прокопий Кесарийский). Однако археологический материал позволяет выделить здесь по меньшей мере три германских элемента в культуре варварского населения римского времени и эпохи переселения народов: вельбаркско-черняховский, скандинавский и дунайский.

Германские элементы вельбаркско-черняховского происхождения неоднократно отмечались на некрополях типа Инкерман (или Инкерман-Озерное), принадлежавших ираноязычным варварам сармато-аланского круга[1] (*Кропоткин* 1978; *Пиоро* 1990, 1999; *Kazanski* 1991, p. 499–501; *Khrapounov* 1996, p. 70–72; *Айбабин* 1999). На этих могильниках обнаружены погребения-кремации, практически без сопровождающего инвентаря (*Кропоткин* 1978, табл. 1)[2]. Они подразделяются на несколько типов (*Айбабин* 1999, 24–26). Это сожжения в урнах (Скалистое–3, погр. Л50; Черная Речка, погр. 10, 12, 13, 16, 19, 20, 22–24, 27, 28, 33, 34, 38, 39, 42, 49, 79, 81а, 81б, 88, 94–96[3]), иногда окруженных камнями (Черная Речка, погр. 9а, 9б, 11, 15, 21, 35, может быть, Танковое, погр. 10) или безурновые, где остатки кремации помещены в небольшую яму компактной массой (Бельбек–1, погр. 14, 15, 22, Черная Речка, погр. 90, 93, 107).

Трупосожжения не типичны для ираноязычного населения понтийских степей. Зато они хорошо известны в цивилизациях германского круга, таких как Вельбарк и Черняхов. Так, урновые и безурновые компактные трупосожжения широко распространены в восточной части черняховской культуры (*Никитина* 1985, с. 41, 42, рис. 22; *Магомедов* 2001а, с. 27–29). Очень часто они не содержат сопровождающего инвентаря (*Никитина* 1985, с. 71, 75). Каменные конструкции в кремациях отмечены в нескольких некрополях, особенно на Нижнем Днепре (Гавриловка, Привольное, Войсковое, Федоровка), в Верхнем Поднестровье (Оселивка, Устье), реже на черноморском побережье (Викторовка), в Молдавии (Будешты) и на Подолии (Косаново, Китки) (*Никитина* 1985, с. 71, 75). Однако урны, обложенные камнями, единичны, с уверенностью можно назвать лишь погребение 76 на могильнике Оселивка (*Никитина* 1985, с. 71, 75).

Такие же кремации хорошо известны и в вельбаркской культуре. Например, только в ее восточной части (включая группу Масломенч) урновые кремации отмечены в некрополях Любомль, Брест-Тришин, Сарнаки, Брулино-Коски, Тухлин, Цецеле, Грудек, Масломенч, Вепж.

[1] Некоторые крымские археологи считают эти некрополи аланскими и приводят в качестве аргументов свидетельства древних авторов и эпиграфические данные о проживании алан в римское время в Крыму, а также северо-кавказские аналогии погребальному обряду и лепной керамике могильников типа Инкерман. Однако все данные письменных источников об аланах в Крыму ранее XIII в. относятся к восточной части полуострова, что же до параллелей в археологическом материале, то они оспариваются специалистами по сармато-аланским древностям, см.: *Мошкова, Малашев* 1999, 195-197. Благодарю В.Ю. Малашева за любезную консультацию. Сомнения в аланской принадлежности крымских могильников высказываются в последнее время и исследователями, непосредственно ведущими исследования в Крыму (*Колтухов, Юрочкин* 2004, с. 182, 202 и.т.д.; *Щукин* 2005, с. 422, 423).

[2] Сожжения найдены и на могильнике Севастопольский Совхоз-10, принадлежащему к иному кругу памятников, равно как и на некоторых других могильниках херсонесской округи (*Пиоро* 1999, с. 321, 322), но этот материал остается неопубликованным и таким образом не может привлекаться для работы.

[3] Урны трупосожжений 27 и 88 были помещены в могилы-ингумации.

«Компактные» безурновые кремации в той же зоне представлены например на могильниках Брест-Тришин, Дытыничи, Велемичи-1, Сарнаки, Брулино-Коски, Дрогичин-Козарувка, Тухлин, Цецеле, Грудек (*Кухаренко* 1961, 1980; *Szmit* 1923; *Dabrowska* 1978; *Kempisty* 1967 и 1968; *Okuliczowa* 1964; *Jaskanis* 1996; *Kokowski* 1993). Как и в черняховской культуре урны в каменной обкладке здесь единичны (Брест-Тришин, погр. 31 – *Кухаренко* 1980, табл. 3: 31).

В черняховских некрополях кремации практически всегда соседят с многочисленными ингумациями в ямах, иногда с заплечиками, ориентированными головой на север и запад (*Магомедов* 2001а, с. 33, 34). Такие ингумации не характерны для некрополей типа Инкерман в целом, ни конкретно для тех, где известны кремации.

На могильнике Танковое ингумации совершались в ямах с заплечиками, покойные были ориентированы головой на запад (*Вдовиченко, Колтухов* 1994). Такие ингумации хорошо представлены в черняховской культуре, особенно на могильниках степной группы (*Сымонович, Кравченко* 1983, с. 22), однако в черняховском погребальном обряде этот тип могил появляется под влиянием обычаев черноморского догерманского населения. В самом деле, такие могилы хорошо известны у поздних скифов или у населения греческих городов Северного Причерноморья (*Магомедов* 1987, с. 41; *Магомедов* 2001а, с. 35, 36) и поэтому их появление на Танковом вряд ли связано с проникновением сюда черняховских элементов.

На могильнике Скалистое-3 доминируют погребения в ямах с подбоями, типичные для ираноязычного населения степей, а также ингумации в плитовых могилах, также негерманские по происхождению (*Богданова и др.* 1976, с. 121). В черняховской зоне можно назвать лишь один некрополь, Фурмановка, находящийся в степной группе, где преобладают погребения в подбоях. За пределами степной группы такие погребения вообще мало характерны для черняховской культуры (*Сымонович, Кравченко* 1983, с. 26; *Магомедов* 1987, с. 31, 33). Ингумации в ямах с заплечиками также представлены в Скалистом-3, но особенности их конструкции не имеют параллелей в погребениях черняховской культуры (*Богданова и др.* 1976, с. 123). Известны здесь и три ингумации, совершенные в простых ямах, ориентированные головами на юг и юго-юго-запад, что также совершенно не характерно для черняховской культуры. В некрополе Бельбек-1 преобладают ингумации в плитовых могилах, два трупоположения были совершены в простых ямах, снова головой на юг (*Гущина* 1974, с. 32).

Наконец, на могильнике Черная Речка преобладают типичные для сарматского населения степи могилы с подбоями или в погребальных камерах с дромосами, известны 9 ингумаций в простых ямах, без сопровождающего инвентаря, головой на запад (погр. 26, 29, 32), северо-восток и север (погр. 80, 84, 85) (*Бабенчиков* 1963, с. 112, 113). Погребения такого типа хорошо известны на черняховских могильниках, однако там ингумации с северной ориентировкой обычно сопровождаются значительным погребальным инвентарем. Иными словами, отнесение к черняховским некоторых ямных погребений некрополей Черная Речка и Танковое не может исключаться, но оно нуждается в дополнительной аргументации. Скорее эти могилы все же принадлежат погребальной традиции ираноязычного населения аланосарматского круга (*Айбабин* 1999, с. 18).

Таким образом, на сегодняшний день в Юго-Западном Крыму не известны ни ингумации, которые можно было бы надежно атрибутировать как черняховские, ни биритуальные некрополи (кремации и ингумации северной ориентировки в простых ямах с обильным инвентарем), типичные для черняховской культуры (*Магомедов* 2001а, с. 33, 34; см. карту биритуальных могильников: *Kokowski* 1995, гус. 80). Видимо, германские группы, проникшие в Юго-Западный Крым в III в., практиковали в основном кремацию. Некрополи, где представлены исключительно трупосожжения, хорошо известны в вельбаркской культуре – Брест-Тришин, Дытыничи, Любомль, Велемичи-1 и т. д. (*Кухаренко* 1961, 1980; см. их карту: *Kokowski* 1995, гус. 81). Гораздо реже такие некрополи встречаются в черняховской зоне (Ханска-Лутэрия–2, Павлюковка, Башмачка, Долхешти-Маре: *Kokowski* 1995, гус. 81, № 87, 159, 268; *Магомедов* 2001а, с. 25). Поэтому представляется, что кремации на могильниках типа Инкерман связаны скорее с вельбаркским, чем с черняховским влиянием. Можно предположить, что в четырех отмеченных случаях (Бельбек-1, Скалистое-3, Черная Речка, Танковое) две группы, ираноязычная и германоязычная, использовали вместе некрополи и, возможно, составляли одну общность, где иранский элемент был все же численно доминирующим. Присутствие вещей вельбаркских и черняховских типов в ингумациях ираноязычного населения подтверждает такое предположение.

Германские вещи римского времени в Юго-Западном Крыму, найденные как на могильниках типа Инкерман (могильниках пригородной зоны), так и в городском контексте Херсонеса, разделяются на две хронологические группы. Первая относится к периодам С1 и С2 «варвар-

ской» хронологии (соответственно 220/230 по 260/270 и 260/270 по 310/330)[4]. Это наиболее ранние подвязные фибулы типа Амброз 16/2-I-1 (например, рис. 1:6,7,14, 2:1,2) найденные в Херсонесе, Инкермане, Черной Речке, Совхозе–10 (*Амброз* 1966, с. 62, табл. 11: 6; *Айбабин* 1990, рис. 3: 25; *Айбабин* 1996, рис. 3: 12; *Пиоро* 1990, рис. 27: 3; *Пиоро* 1999, рис. 5: 27), фибула украшенная гранулированными кольцами (рис. 1: 20) из Совхоза-10 (*Пиоро* 1990, рис. 27: 11), фибула центральноевропейской схемы (рис. 1: 21) из Бахчисарайского музея (*Пиоро* 1999, рис. 5: 11, о них см. *Амброз* 1966, с. 59), золотые ведерковидные подвески (рис. 3: 5) из могильника Бельбек–3 (*Дашевская* 1991, табл. 69: 11), наконечник ремня типа Раддац J2-1 из склепа 77 Черной Речки (рис. 3: 1[5]), шпоры типа Гинальский F (рис. 3: 21), найденные на могильнике Скалистое–3 (о них см.: *Kazanski* 1994, p. 431), золотые лунницы закшувского типа (рис. 3: 4) из погр. 30 некрополя Совхоз–10 и из погр. 87/37 Черной Речки (*Кропоткин* 1978, с. 157; *Дашевская* 1991, табл. 69: 15). К этому списку можно прибавить и умбон типа Хоруля (рис. 3: 28), найденный на западнокрымском поселении Донузлав (*Scukin* 1993, fig. 5: 8). В это же время в погребениях Юго-Западного Крыма начинает появляться и гончарная керамика черняховского облика. Похоже, что наиболее ранняя находка происходит из погр. 35 Черной Речки, с монетами 211-217 и 238-244 гг., а также с фибулой типа Амброз 16/2-I-1 (рис. 4: 4). Эта хронологическая группа может быть условно названа вельбаркско-пшеворской, поскольку в Восточной Европе, и в первую очередь в черняховской зоне такие вещи (за исключением, разумеется, черняховской гончарной керамики) распространяются в результате продвижения сюда вельбаркских, и в меньшей степени пшеворских групп (см., например, *Kokowski* 1995, rys. 53, 56, 58, 62–64, 74, 75)[6].

Вторая хронологическая группа «германских» вещей относится к периодам C3 и D1 (соответственно 310/330–360/370 и 360/370–400/410). Это гончарные сосуды черняховского облика (рис. 4) известные в Инкермане, Озерном–3, Совхозе–10, Черной Речке, Тас-Тепе, Суворово, Красной Заре (*Юрочкин* 1999), подвязные фибулы типов Амброз 16/2-I-2 и 3, а также Амброз 16/4-III (например, рис. 1: 2–5, 8, 9, 15–18, 22, 23; 2: 3, 4, 10, 12, 19, 20) из Херсонеса, Суук-Су, Инкермана, Лучистого, Скалистого, Дружного, Совхоза-10, Алмалык-Дере, Вишневого, Нейзаца, Суворова (*Амброз* 1966, с. 62–64, 69, табл. 11: 14; *Пиоро* 1999, рис. 5: 1, 4, 6, 7, 26, 28–30; *Айбабин* 1984, рис. 3: 25; *Айбабин* 1990, рис. 8:4; *Айбабин* 1995, рис. 3: 2; 11: 2; *Айбабин, Хайрединова* 1998, рис. 8: 3; 13: 12; 21: 18; *Лобода* 1977, рис. 2:8; *Храпунов, Мульд* 2001, рис. 9: 11, 14; *Gercen, Maczynska* 2000, Abb. 9: 1, 2; Пуздровский и др. 2001, рис. 10: 4; *Мульд* 1999, рис. 5: 2), арбалетные фибулы группы Амброз 17 и их имитации из железа (рис. 2: 6–9, 11, 13–18) из Херсонеса, Инкермана, Совхоза 10, Дружного, Лучистого, Баклинского Оврага, Нейзаца (*Амброз* 1966, с. 72; *Айбабин* 1990, рис. 8: 9, 10; *Айбабин* 1995, рис. 13: 1; *Айбабин, Хайрединова* 1998, рис. 10: 18; *Айбабин, Юрочкин* 1995, рис. 19: 2; *Храпунов, Мудьд* 2001, рис. 7: 10, 16, 17; *Храпунов, Храпунов* 1999, рис. 3: 5, 8; *Мульд* 1999, рис. 5: 3), фибула Т-образной формы группы Амброз 20-I (рис. 2: 5) из Херсонеса (*Амброз* 1966, табл. 12: 18), малые двупластинчатые фибулы черняховской традиции (рис. 5: 1, 2, 4–20), найденные в Херсонесе, Гурзуфе, Инкермане, Скалистом, Лучистом (*Амброз* 1966, табл. 13: 1, 10; *Айбабин* 1984, рис. 6:1,2; *Айбабин* 1990, рис. 9: 3–8; *Айбабин, Хайрединова* 1998, рис. 10:7; *Aibabin, Khairedinova* 2001, fig. 6: 5; *Kazanski* 1998, fig. 1:8–12; *Kühn* 1974, Taf. 219: 51.3, 4, 7), подвязная фибула с кнопкой (рис. 1: 10) из погр. 421 в Скалистом (*Айбабин* 1990, рис. 8.8), гребни типа Томас 3 (рис. 3: 18–20), найденные в Херсонесе (*Романчук* 1984, рис. 4; *Цветаева* 1984, табл. 130: 12; *Петерс* 1986, табл. 13: 8), костяные пирамидальные подвески (рис. 3: 2), металлические подвески-топорики (рис. 3: 6, 7, 15–17) из некрополей Дружное, погр. 21, 87, Совхоз-10, погр. 38, 42б, 78, 115 и Красная Заря (*Храпунов, Мульд* 2000, рис. 9: 8; 14:9; *Кропоткин* 1978, с. 155, *Пиоро* 1990, рис. 28: 4б; *Пуздровский и др.* 2001, рис. 2: 23 – об этом типе украшений см.: *Kokowski* 1997). К этой же серии вещей, возможно, относится и умбон типа Цилинг К2 из Озерного-3 (рис. 3: 29 – о них см. *Kazanski* 1994, p. 439, 440), а также гребень типа Никитина 2 из Терновки 2 (*Пиоро* 1999, рис. 4: 14). Восточногерманские фибулы типа Виллафонтана

[4] Здесь и далее использована хронология К. Годловского – Я. Тейрала, уже привлекавшаяся для изучения крымского материала (*Tejral* 1986, 1987; *Kazanski* 1991; 1994; *Казанский* 1999; *Gercen, Maczynska* 2000; *Джанов, Юрочкин* 2001). Другие хронологические системы, применяющиеся в Крыму, не получили признания у европейских исследователей, см., напр., Von der Lohe 1999; *Kazanski* 2002.

[5] Рисунок и информация М.Б. Щукина.

[6] Мнение о том, что германские элементы в Юго-Западном Крыму появляются с Боспора в первой трети IV в., (как и в целом памятники типа Инкерман) (напр., *Голенко и др.* 1999, с. 87), с точки зрения европейской хронологии представляется ошибочным, поскольку вышеперечисленные вещи существовали уже в периоды C1–C2.

(рис. 5: 3, 21, 22), периода D1 (360/370–400/410), найденные в Херсонесе, Гурзуфе, Суук-Су, Алмалык-Дере, погр. 65, также принадлежат к данной хронологической группе (*Якобсон* 1959, рис. 137:4; *Kühn* 1974, Taf. 219: 51.2; 223: 51.92; *Gercen, Maczynska* 2000, Abb. 9:5). Поскольку большинство перечисленных вещей известно, в первую очередь, в черняховской культуре, можно назвать данную группу «черняховской». Похоже, что две хронологические группы германских вещей в Юго-Западном Крыму соответствует двум волнам проникновения сюда германцев: «вельбарк-ско-пшеворской» – готы, герулы и их союзники (?) в середине и второй половине III в. и «черняховской» в IV в. – остроготы-грейтунги (?).

Некоторые предметы германского происхождения присутствуют в обеих хронологических группах. Это железные ведерковидные подвески (рис. 3: 9–11), найденные в Херсонесе, погр. 45.1985–1986, Совхозе–10, плитовая мог. 1, Дружном, погр. 21, Нейзаце, погр. 29 (*Зубарь и др*. 1989, рис. 13:4; *Пиоро* 1990, рис. 28:а; *Храпунов, Мульд* 2000, рис. 9:3,4, 14:23), янтарные подвески секировидной формы (рис. 3: 3, 12, 14) из Херсонеса, погр. 1955 г., Дружного, погр. 24 и 220 (*Борисова* 1955, рис. 7: 1; *Храпунов* 1995, рис. 4: 4; *Храпунов, Масякин* 1997, рис. 7: 13, 18), возможно гребни типа Томас 1 из Херсонеса Скалистого (*Петерс* 1986, табл. 13: 7; *Пиоро* 1990, рис. 27: 1[7]). Грибовидные янтарные подвески (рис. 8: 13) германского происхождения известны на ряде памятников Юго-Западного Крыма, однако начиная с IV в. эти подвески широко распространяются в Римской империи от Британии до Палестины и теряют функцию этнокультурного признака (*Мастыкова* 1999).

Интересно отметить присутствие германских вещей в Херсонесе – подвязные и двупластинчатые фибулы, гребни (*Kazanski* 1998). Германцы, следовательно, входили в состав населения города, хотя он и оставался все это время под контролем Империи. Не исключено, что они появились здесь вместе с римскими войсками, разместившимися в городе с конца III в. (*Kazanski* 1991, p. 494) Как известно, в Римской империи браки между римлянами и варварами были запрещены. Поэтому варварские солдаты, получавшие гражданство лишь в конце долгого срока службы, должны были привозить жен из Барбарикума, что, возможно, и объясняет присутствие предметов женского германского убора в Херсонесе (см. о подобной ситуации на Боспоре Киммерийском в VI в.: *Kazanski* 1996; *Казанский* 1999).

Наконец, серия германских вещей дунайского происхождения периодов D2 и D2/3 (соответственно 380/400–430/440 и 430/440–470/480) появляется в Юго-Западном Крыму: двупластинчатые фибулы с треугольной головкой, двупластинчатые фибулы с накладками в виде пальметт, пряжки типа Замощь (рис. 6) из Херсонеса, Гурзуфа, Ялты (*Kazanski* 1993, fig. 2: 12, 3: 2, 3; *Kazanski* 1998). Скорее всего, они также принесены семьями варварских солдат Империи, хотя и не исключено, что некоторые находки, например, в Ялте и Гурзуфе, свидетельствуют о распространении среди местной варварской знати престижной дунайской моды. Действительно, женский костюм южнобережного населения VI в., с двумя двупластинчатыми фибулами на плечах и массивной пряжкой на поясе, представляет собой «народную» адаптацию «княжеского» дунайского убора второй трети V в. (*Kazanski* 1993).

Присутствие скандинавских элементов в варварском населении Юго-Западного Крыма заметно на материалах двух некрополей Южнобережья: Ай-Тодор и Чатыр-Даг (*Блаватский* 1951; *Орлов* 1987; *Мыц* 1987; *Мыц и др*. 1997; Щукин 2005, с. 431–438). Мы их выделяем в отдельную группу памятников, типа Ай-Тодор (*Kazanski* 1991, p. 494–499; *Kazanski* 2002). Возможно, подобный некрополь был найден под Херсонесом, на Гераклейском полуострове во Флотском-Корань, но данные об этой находке отрывочны (*Зубарь* 1994, с. 78), также как и о могильниках в Верхней Ореанде и Партенитах, относимых к тому же типу (*Пиоро* 1999, с. 232). Одна фибула скандинавского облика с роскошным декором из гранулированных колец известна в Херсонесе (рис. 1: 19). По мнению А.К. Амброза, параллели ей надо искать в Северной Европе, в частности в Дании (*Амброз* 1966, с. 68).

В этих некрополях доминируют трупосожжения, только две ингумации известны в Ай-Тодоре. Более всего распространены урновые погребения, помещенные в ямы (Чатыр-Даг, погр. 5, 8, 9, 11; Ай-Тодор, погр. 2, 3, 7–9, 12, 13, 19–21, 24–27, 29, 31, 38, 40, 41, 42), иногда под каменными закладами (Ай-Тодор, погр. 10, 14, 15, 22, 23, 33), или окруженные камнями (Ай-Тодор, погр. 32), или же помещенные в каменные ящики (Чатыр-Даг, погр. 1, 2, 3, 55). Известны и безурновые сожжения, помещенные компактной массой в земляные ямки (Чатыр-Даг, погр. 7 и, возможно, 6, Ай-Тодор, погр. 1, 5, 6, 11, 16, 18, 30, 35, 36, 39), одно из них под каменным закладом (Ай-Тодор, погр. 37). Наконец, одно безурновое сожжение было помещено в «большую», более 1 м^2 , если

[7] Данный гребень отсутствует в финальной публикации: *Веймарн, Айбабин* 1993.

исходить из критериев, принятых для германских древностей (*Никитина* 1985, с 71) яму, одно находилось в каменном ящике (Чатыр-Даг, погр. 4, в предварительной публикации ошибочно интерпретировано как урновое) и одно может быть интерпретировано как «подклошевое» (под перевернутым сосудом: Ай-Тодор, погр. 28).

Многие могилы содержали предметы вооружения (в Ай-Тодоре 7 могил из 42 и в Чатыр-Даге 6 из 55 известных на 1994 г.: *Вознесенская, Левада* 1999), иногда ритуально испорченные, конские удила (Ай-Тодор), серпы (две могилы в Ай-Тодоре и три в Чатыр-Даге). Погребения с оружием представляют собой, насколько можно судить по опубликованным данным, от общего числа на Ай-Тодоре и Чатыр-Даге соответственно 16,6% и 10,9%, что составляет в примитивных обществах большинство мужского населения, способного носить оружие. Украшения и детали костюма, найденные в могилах, такие как подвязные фибулы (рис. 1: 11–13) из погр. 24, 29, 33 Ай-Тодора (*Блаватский* 1951, рис. 13:8; *Айбабин* 1990, рис. 8: 6, 7) или железные ведерковидные подвески (рис. 3: 8) из погр. 28 Ай-Тодора хорошо известны у восточных германцев и в Скандинавии (*Амброз* 1966; *Бажан, Каргопольцев* 1989). Типы оружия также широко распространены в Germania libera. Это спаты типа Биборский 9 и 10 (*Biborski* 1978, s. 86–92), умбоны типа Ай-Тодор/Цилинг Н2 и Цилинг К2 (рис. 3: 26, 27) (*Kazanski* 1994, p. 438–440), топоры типа Компанийцы/Беме 2А (Kazanski 1994, p. 456–458), пики, имеющие скандинавские параллели (*Вознесенская, Левада* 1999, с. 256, 257), копья с «мечевидным» пером (*Казакевичюс* 1988, с. 41, 42), аналоги последним известны в позднеримское время и в начале эпохи переселения народов у балтов в Литве, у германцев на Одере и Висле (культура Любошице и памятники добродзеньской группы) (*Kazanski* 1991, p. 495). Другие типы оружия, такие как топоры типа Воронов-Шенкао 2 или кинжалы с вырезами у рукояти принадлежат понто-кавказскому вооружению (*Kazanski* 1994, p. 458, 459; *Soupault* 1996).

Следует подчеркнуть разницу между трупосожжениями на могильниках типа Ай-Тодор и Инкерман. Разумеется, кремации в урнах и в малых ямах доминируют в обеих группах памятников, однако погребения с элементами каменных конструкций более характерны для некрополей типа Ай-Тодор. Трупосожжения на могильниках типа Инкерман практически не содержат инвентаря, в то время как в погребениях Ай-Тодора и Чатыр-Дага найдено оружие, предметы конского снаряжения, орудия труда, детали убора и т. д. Отметим, что предметы, характерные только для черняховской и вельбаркской культур и частые на памятниках типа Инкерман (см. выше), редки в некрополях типа Ай-Тодор, за исключением, может быть, серогончарных мисок. Подвязные фибулы Ай-Тодора, внешне похожие на черняховские, были все же выделены А.К. Амброзом в отдельную серию (*Амброз* 1966, с. 66). Таким образом, представляется, что в Юго-Западном Крыму в позднеримское время присутствуют по меньшей мере две группы германцев. Германский элемент на памятниках типа Инкерман связан по происхождению преимущественно с вельбарско-черняховской, в меньшей степени – с пшеворской средой и, видимо, отражает присутствие готов или каких то других восточных германцев.

Германский характер памятников типа Ай-Тодор сегодня никем из серьезных исследователей не оспаривается[8]. Однако пока все попытки показать их связь с восточными германцами Центральной и Восточной Европы оказались неудачными. Действительно, в восточногерманских сожжениях, тысячи которых опубликованы на сегодняшний день, серпы и удила единичны. Оружие крайне редко встречается в могилах вельбаркской и черняховской культур (*Kazanski* 1991; *Kokowski* 1993а; *Магомедов, Левада* 1996), серпы отсутствуют, удила в могилах единичны (Лохвица, Компанийцы). Оно многочисленно в погребениях пшеворской культуры, но для них не характерны каменные конструкции, топоры встречаются редко (кроме, пожалуй, некрополя Хоруля), не говоря о серпах и удилах. Сожжения в каменных ящиках полностью отсутствуют в черняховской культуре, а также, насколько мне известно, в вельбаркской и пшеворской.

Совершенно неожиданно параллели южнобережным могильникам нашлись на другом конце Барбарикума, в западной половине Скандинавского полуострова, где трупосожжения с каменными конструкциями и оружием широко распространены в римское время (*Могильников* 1974, с. 192–206). Особая концентрация урновых и безурновых сожжений в каменных ящиках или под скоплениями камней приходится на Южную и Среднюю Норвегию. Здесь хорошо известны сожжения с каменными конструкциями (в каменных ящиках, под каменными вымостками и кучами камней и т. д.), содержащие оружие, в частности мечи, копья, дротики, щиты с металлическими умбонами и рукоятями, реже – шпоры (многочисленные примеры: *Rygh* 1885; *Rygge*

[8] Попытки некоторых крымских археологов связать трупосожжения Южнобережья с римлянами свидетельствуют о недостаточном знании римских погребальных обрядов эпохи поздней Империи.

1967–1968; *Slomann* 1971). Часто оружие преднамеренно сломано (например, в Brunsberg: *Rygh* 1885, p. 51, № 225; Einang-Braatehagen: *Rygh* 1885, p. 48, 49, № 187; *Slomann* 1971, fig. 7:a; Snortheim: *Slomann* 1971, fig. 28; Nordre Fevang: *Rygh* 1885, p. 57, № 324; Rör: *Rygge* 1967–1968, fig. 4: a; Stadeim: *Rygh* 1885, p. 46, № 153; Hunn: *Resi* 1986, p. 72, pl. 12: 1, 2). В норвежских трупосожжениях представлены серпы (например, для римского времени: Braaten, Vold: *Rygh* 1885, p. 45, № 144; для эпохи переселения народов: Bjerkely: *Anonyme* 1938, fig. 15), топоры (например, для римского времени: Nedre Hov, Stadeim: *Rygh* 1885, p. 46, № 152, 153; для эпохи переселения народов: Holmegaard: *Rygh* 1885, p. 49), удила (Gudmundshagen: *Rygh* 1885, p. 51, № 227). Помещение серпов и удил в могилы с оружием сохраняется в Норвегии и в меровингское время (например, Klovjorted: *Solberg* 1980, fig. 17). Здесь также представлены сожжения под перевернутым сосудом, как в Ай-Тодор (Bremsnes: *Rygh* 1885, p. 56, № 301; *Straume* 1987, p. 77, № pl. 14). Трупоположения под каменными закладами или в плитовых гробницах, головой на юг, как в Ай-Тодоре также известны в Норвегии в позднеримское время (например, Dalem *Rygh* 1885, p. 50, № 196; Bo, курган 1: *Slomann* 1959).

В Дании урновые и безурновые сожжения с каменными конструкциями и оружием, иногда сломанным, также хорошо известны для римского времени (*Могильников* 1974, с. 203–205). Конские удила происходят из одного погребения на острове Фюн (*Могильников* 1974, с. 205). Ингумации, особенно распространенные в северной части страны, также имеют каменные конструкции. Но норвежские погребения, судя по доступным мне публикациям, более напоминают крымские. В целом вопрос крымско-скандинавских параллелей требует обсуждения при участии скандинавских специалистов, однако отмеченные параллели, а главное, их отсутствие в других частях Барбарикума представляются не случайными.

Естественно, имеются и различия. Так, норвежские могилы находятся под курганами, их инвентарь богаче и разнообразнее, вещи в погребениях относятся к другим типам, ингумации не менее многочисленны, чем кремации. Но было бы наивно ожидать простую трансплантацию всех черт археологической культуры скандинавских германцев на другой конец Европы. В варварских обществах материальная и духовная культура группы мигрантов неминуемо трансформируется, прежде всего, за счет включения в эту группу инородных элементов (инкорпорация воинов, смешанные браки, захват пленных и заложников и др.). Кроме того, до Крыма добрались скорее не сами скандинавы, а их потомки, может быть даже не первого поколения. Появление в Крыму группы скандинавских выходцев не представляется таким уж невероятным. Вспомним хотя бы о появлении на Черном море герулов, связанных по происхождению с Норвегией или германоязычных евдусиан северокавказского побережья, имя которых, Eudoses, в первый раз засвидетельствовано

[9] Действительно, о скандинавском происхождении герулов сообщают лишь авторы VI в. (Иордан и Прокопий), римские же источники их знают исключительно на континенте. К тому же рассказ Иордана об уходе герулов из Скандинавии (Getica 24), произошедшем в древние времена под давлением данов, анахроничен: даны являются поздним обьединением, возникшим лишь в эпоху переселения народов, поэтому они неизвестны римским и греческим авторам (*Ellegard* 1987, 9,10). Несомненно, однако, что к рубежу V–VI вв. герулы являлись укоренившимся в Норвегии племенем, причем жили они там, судя по контексту рассказа Прокопия (Bel. Got. II.15), с давних времен, « южные » герулы по традиции приглашают оттуда своих королей. Само по себе существование традиции свидетельствует о достаточно раннем, задолго до событий, описанных Прокопием, разделении герулов на две ветви. Напомним, что в панегирике Мамертина 289 г. герулы цитируются в одном списке вместе с народами Рейна, действовавшими на западном фронте Империи, такими как аламаны, бургундионы и какие то Chaibones (*Ellegard* 1987, 19). Конечно, нападение варваров, о котором говорит Мамертин, могло произойти и на верхнем Дунае, например в Реции или Норике, находившихся в зоне западного командования Империи (*Ellegard* 1987, 19), но тогда непонятно, почему в нем не приняли участия дунайские народы. Далее из рассказа Аммиана Марцеллина о событиях 360 г. в Галии (XX.4.2–4) следует, что герулов набирали в галльскую армию где-то за Рейном, вместе с батавами, народом Северного моря; те и другие нанимались при условии, что их не отправят на службу к югу от Альп, то есть за пределы Галлии. Вряд ли такое условие могли ставить дунайские или понтийские варвары. В 455 и 459 гг. герулы предпринимают морские набеги на атлантическое побережье Пиренейского полуострова (*Ellegard* 1987, 23). Ясно, что во всех случаях речь идет не о черноморских или центральноевропейских герулах а об их североевропейских родственниках. Хочу добавить, что мне представляется недостаточно аргументированным соотнесение с герулами находок «чудовищных» фибул и железных гребней в зоне черняховской культуры (*Щукин* 2005, с. 148). В самом деле, фибулы распространяются в основном в Молдавии (*Щукин* 2005, рис. 50) а гребни – на правобережной Украине и в той же Молдавии (см., напр., *Щукин*, рис. 51), то есть там, где герулы не засвидетельствованы письменными источниками. В то же время они совершенно отсутствуют на Дону, в бассейне Азовского моря или в Крыму, где логично было бы ожидать археологических находок, связанных с присутствием этого народа.

Тацитом в Ютландии (Germania, XL). Правда, ни те, ни другие прямо в Юго-Западном Крыму древними авторами не засвидетельствованы, а скандинавское происхождение герулов не так давно вообще было поставлено под сомнение (*Ellrgard* 1987)[9].

Для атрибуции памятников типа Ай-Тодор особое значение могут иметь сведения анонимного «Перипла» V–VI вв. о евдосианах, говорящих «на готском и таврском языках» и локализованных где то в северной части черноморского побережья Кавказа, скорее всего, неподалеку от современного Новороссийска (*Baschmakoff* 1948: Codex Londinensis 22). Уже давно они сопоставлены, во-первых, с ютландскими евдосиями Тацита, и, во-вторых, с готами-тетракстами/трапезитами Прокопия (Bel. Got. IV.4,5), проживавшими на том же участке побережья и пришедшими на Кавказ с Боспора Киммерийского, скорее всего в середине V в. (о них см. *Казанский* 1999). Точное соотношение между готами-тетракситами и евдусианами сейчас установить практически невозможно: то ли евдусиане по каким то причинам переименовали себя в тетракситов, то ли, что вероятнее, они составляли один из кланов тетракситского обьединения V–VI вв.[10] В любом случае, устанавливается некая связь между скандинавскими по происхождению евдосиями-евдусианами, германцами, знающими «таврский» язык, и готами-тетракситами, пришедшими на Кавказ из Крыма. Поэтому необходимо вспомнить еще об одном имени готов-тетракситов – трапезиты, связанном, по мнению историков, с названием горы Трапезус в Южном Крыму, ныне более известной как Чатыр-Даг, возможном изначальном месте проживания трапезитов (*Васильев* 1921, с. 363–368). Круг вроде бы замыкается: в III (?) – первой половине V в. на южном берегу Крыма, в том числе на склоне Чатыр-Дага, существует скандинавское по происхождению население, оставившее памятники типа Ай-Тодор, позднее на кавказском побережье появляются германцы со скандинавским именем евдусиане, говорящие «по таврски», одно из названий которых указывает на их южнокрымское происхождение.

Такая реконструкция имеет свои слабые места, в первую очередь с точки зрения археологии. Действительно, в районе расселения готов-тетракситов/трапезитов до их ухода в Крым, то есть на Боспоре Киммерийском, известны не скандинавские, а черняховские элементы (подробнее: *Казанский* 1999), а на кавказском побережье, на памятниках тетракситов (Дюрсо), четко выражены лишь общие для всех восточных германцев престижные элементы «дунайской» моды (*Kazanski* 1996; *Казанский* 2000; *Мастыкова* 2000; *Mastykova* 2001). Иными словами, судя по археологическим данным, боспорские готы-тетракситы были, скорее всего, какой то группой, происходившей не с Южного берега Крыма, а из черняховской зоны. Однако такая группа могла инкорпорировать и иные германские и негерманские элементы. В самом деле, погребальный обряд и материальная культура тетракситов, известный по некрополю Дюрсо, имеет и такие необычные для готов черты, как погребения коней, наверняка заимствованные от степных кочевников, присутствие гривен в женском уборе, имеющее истоки в костюме Боспора (*Мастыкова* 2000, с. 60–62) или совершенно чуждые готам присутствие оружия и сельскохозяйственных орудий в могилах. Если помещение оружия в погребения можно объяснить аланским, гуннским или боспорским влиянием, то наличие сельскохозяйственных орудий в могилах имеет параллели прежде всего в некрополях типа Ай-Тодор. Возможно, мы имеем дело с германской группой, имеющей смешанное происхождение, в состав которой могли войти на каком то этапе ее истории и южнокрымские германцы скандинавского происхождения.

Некая гетерогенность, видимо, была присуща германцам уже в момент их продвижения на Крымский полуостров. Именно таким образом можно объяснить находки в юго-западном Крыму отдельных не германских вещей позднеримского времени. Назовем, прежде всего, дакийскую фибулу из клада III в. в Долинном, возможно, принадлежавшую готским союзникам карпам (*Kazanski* 1991, p. 500, там же параллели). Возможно, она попала в Крым с первой, «вельбарской» волной варваров. В Херсонесе, в одной из коллективных гробниц долгого использования, была найдена пара фибул круга «варварских» эмалей (*Корзухина* 1978, № 127, 128). Большая часть аналогов им происходит из Мощинского клада на Верхней Оке (*Корзухина* 1978, с. 24). Мощинский клад содержал гребенчатый браслет, датированный по литовским материалам периодом С3 (*Boulitchov* 1900, pl. 13: 1; *Michrlbertas* 1986, 3 pav.). Скорее всего, эти «балто-славянские» фибулы попали в Крым со второй, «черняховской» волной северных мигрантов.

[10] В середине VI в. тетракситы представляли собой внушительную силу, способную выставить в поле 2000 воинов, цифра по тем временам немалая (Прокопий, Bel. Got. IV.18).

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. – 1984. – № 1. – С. 104–122.

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – Вып. 1. – Симферополь, 1990. – С. 4–84.

Айбабин А.И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // МАИЭТ. – Вып. 4. – Симферополь, 1995. – С. 89–131.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у с. Лучистое в Крыму // МАИЭТ. – Вып. 6. – Симферополь, 1998. – С. 274–311.

Айбабин А.И., Юрочкин В.Ю. Могильник «Баклинский овраг» (по материалам раскопок 1992–1993 гг.) // Проблемы археологии и древней истории средневекового Крыма. – Симферополь, 1995. – С. 125–135.

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР. – М., 1966.

Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. – Т. 13. – 1963. – С. 90–123.

Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю. Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе // СА. – 1989. – № 3. – С. 163–170.

Блаватский В.Д. Харакс // МИА. – № 19. – 1951. – С. 250–291.

Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I–III вв.) // СА. – 1976. – № 4. – С. 121–152.

Борисова В.В. Склеп I–III вв. н.э. Херсонесского некрополя // СА. – 1985. – № 1. – С. 186–201.

Васильев А.А. Готы в Крыму. Ранняя пора христианства и эпоха переселения народов // Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры. – 1. – 1921. – С. 288–367.

Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма. – Симферополь, 1994. – С. 82–88.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. – К., 1993.

Вознесенская Г.А., Левада М.Е. Кузнечные изделия из могильника Чатырдаг: попытка типологического анализа и технология производства // Сто лет черняховской культуре. – К., 1999. – С. 252–276.

Голенко В.К., Юрочкин В.Ю., Синько О.А., Джанов А.В. Рунический камень с г. Опук в Крыму и некоторые проблемы истории северопричерноморских германцев // Древности Боспора. – 2. – 1999. – С. 77–96.

Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1974. – С. 32–64.

Дашевская О.В. Поздние скифы в Крыму. – М., 1991.

Джанов А.В., Юрочкин В.Ю. Новый Таракташский клад (предварительное сообщение) // 175 лет Керченскому музею древностей. – Керчь, 2001. – С. 69–73.

Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. – К., 1994.

Зубарь В.М. и др. Западный некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1983–1985 гг.). – К., 1989.

Казакявичюс В. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. – Вильнюс, 1988.

Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. – К., 1999. – С. 277–297.

Казанский М.М. Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-археологический Альманах – 2000. – № 7. – С. 41–58.

Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю. От Скифии до Готии. – Симферополь, 2004.

Корзухина Г.Ф. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI вв. н. э. в Среднем Поднепровье. – Л., 1978.

Кропоткин В.В. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Сто лет черняховской культуре. – К., 1999. – С. 147–163.

Кухареко Ю.В. Памятники железного века на территории Полесья. – М., 1961.

Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тришин. – М., 1980.

Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. – 1977. –№ 4. – С. 236–252.

Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. – К., 1987.

Магомедов Б.В. Черняховская культура и Боспор // Боспорские чтения. – 1. – 2001. – С. 246–249.

Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. – Lublin, 2001a.

Магомедов Б.В., Левада М.Е. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. –Вып. 5. – Симферополь, 1996. – С. 304–323.

Мастыкова А.В. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье // Сто лет черняховской культуре. – К., 1999. – С. 171–202.

Мастыкова А.В. Социальная иерархия женских могил северокавказского некрополя Дюрсо V–VI вв. (по материалам костюма) // Историко-археологический альманах. – 7. – 2000. – С. 59–69.

Могильников В.А. Погребальный обряд культур III в. до н.э. – III в. н. э. в западной части Балтийского региона // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э. – I тысячелетии н. э. – М., 1974.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. – Волгоград, 1999. – С. 172–212.

Мульд С.А. Необычные конструкции и детали погребальных сооружений могильников первых веков нашей эры в центральном Крыму // Херсонесский сборник. – 10. – 1999. – С. 183–193.

Мыц В.Л. Могильник III–IV вв. н. э. на склоне Чатырдага // Материалы к этнической истории Крыма. – К., 1987. – С. 144–163.

Мыц В.Л. и др. Исследования Чатырдагского некрополя // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 211–221.

Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. – М., 1985.

Орлов К.К. Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма. К., 1987. – С. 106–132.

Петерс Б.Г. Костерезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. – М., 1986.

Пиоро И.С. Крымская Готия. – К. 1990.

Пиоро И.С. Черняховская культура и Крым // Сто лет черняховской культуре. – К., 1999. – С. 231–241.

Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П. Неневоля И.И. Новые памятники III–IV вв. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. – Вып. 8. – Симферополь, 2001. – С. 32–50.

Романчук А.И. Изделия из кости в средневековом Херсонесе // Античная древность и средние века. – 1984. – С. 24–104.

Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. Погребальные обряды племен черняховской культуры. – М., 1983.

Храпунов И.Н. Погребение середины III в. н.э. из могильника Дружное // МАИЭТ. – Вып. 4. – Симферополь, 1995. – С. 529–544.

Храпунов И.Н., Масякин В.В. Подбойная могила второй половины III века нашей эры из могильника Дружное // Stratum+ Петербургский Археологический Вестник. – СПб., 1997. – С. 164–180.

Храпунов И.Н., Мульд С.А. Завершение исследований могильника Дружное // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. – Симферополь, 1997. – С. 256–262.

Храпунов И.Н., Храпунов Н.И. Склеп с захоронениями IV в. н.э. из могильника Дружное в Крыму // Херсонесский сборник. – 10. – 1999. – С. 242–256.

Цветаева Г.А. Мебель, бытовая утварь, отопление, освещение, предметы туалета, игрушки // Античные государства Северного Причерноморья. – М., 1984. – С. 227–229.

Юрочкин В.Ю. Черняховская керамика Юго-Западного Крыма // Херсонесский сборник. – 10. – 1999. – С. 257–274.

Щукин М.Б. Готский путь. – СПб., 2005.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. – М.–Л., 1959.

Aibabin A.I., Khairedinova E.A. Nex early assemblages from Luchistoe cemetery in the Crimea. // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st-6th Centuries A.D. – Aszod-Nyiregyhaza, 2001. – P. 249–266.

Ajbabin A.I. Population de Crimée au milieu du IIIe et au IVe siècle // L'identité des populations archéologiques. – Sophia Antipolis, 1996. – 13-39.

Anonyme. Archaeological Investigations and Finds on th Scandinavian countries // Acta Archaeologica. – 9. – 1938. – P. 235, 236.

Baschmakoff A. Le synthese des périples pontiques. – Paris, 1948.

Biborski M. Miecze z okresu wplywow rzymskich na obszarze kultury przeworskiej (Les йрйes de l'époque des influences romaines dans la zone de la culture de Przeworsk), Materialy Archeologiczne. – 18. – 1978. – 53–165.

Boulitchov N. Kourgans et gorodietz. Recherches archéologiques sur la ligne de partage des eaux de la Volga et du Dniepr. – Moscou, 1900.

Dabrowska T. Cmentarzysko kultury przeworskiej i wielbarskiej na stanowisku «Kozarowka» w Drohiczyne, woj. Bialostocke // Wiadomosci Archeologiczne. – 43. – 1978. – 62–82.

Ellegard A. Who were the Eruli ? // Scandia. – 53/1. – 1987. – P. 5–34.

Gercen A., Maczynska M. Ein frühvölker wanderungszeitliches Kammergrab aus dem Gräberfeld Almalyk-Dere bei Mangup auf der Krim // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. – Lodz, 2000. – 522–544.

Jaskanis J. Cecele. // Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen. – Krakow, 1996.

Kazanski M. Contribution a l'histoire de la défense de la frontiure pontique au Bas-Empire // Travaux et Mémoires. – 11. – 1991. – 487–526.

Kazanski M. The Sedentary Elite in the «Empire» of the Huns and its Impact on Material Civilisation in Southern Russia during the Early Middle Ages (5th-7th Centuries AD) // Chapman J., Dolukhanov P. (dir.) Cultural Transformations in Eastern Europe. – Aldershot, 1993. – P. 211–235.

Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive

dans la région pontique: origine et diffusion // Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lubin–Marburg, 1994 (1995). – 429–485.

Kazanski M. Les Germains orientaux au nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve et au VIe s. // МАИЭТ. – Вып. 5. – Симферополь, 1996. – С. 324–337.

Kazanski M. Les Barbares a Chersonèse (Ve–Ve s.) // ΕΥΨΥΧΙΑ. Mélanges offerts a Hélène Ahrweiler. II. – Paris, 1998. – 329–344.

Kazanski M. Les antiquités germaniques de l'époque romaine tardive en Crimée et dans la region de la mer d'Azov // Ancient West & East I/2. – 2002. – 393–441.

Kempisty A. Birituale cmentarzysko z poznego okresu rzymskiego w miejscowosci Brulino-Koski, pow. Ostrow Mazowecki // Wiadomosci Archeologiczne. – 32. – 1967. – 409–450.

Kempisty A. Poznorzymski cmentarz w Sarnakach, pow. Losice // Swiatowit. – 29. – 1968. – 141–163.

Khrapounov I.N. Populations des montagnes et piémonts de Crimée a l'époque romaine tardive (d'après le matériel de la nécropole de Droujnoe) // L'identité des populations archéologiques. – Sophia Antipolis, 1996. – 61–80.

Kokowski A. Grodek nad Bugiem. Cmetarzysko grupy maslomeckiej. – Lublin, 1993.

Kokowski A. L'art militaire des Goths a l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques) // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siecle. – Saint-Germain-en-Laye. – 1993a. – 335–354.

Kokowski A. Grupa maslomecka. Za badan nad przemianami kultury gotow w mlodszym okresie rzymskim. – Lublin, 1995.

Kokowski A. Metalowe wisiorki w ksztalcie topora na terenie Barbaricum na polnoc i polnocny-wshod od limesu rzymskiego v okresie rzymskim i we wczesnym okresie wedrowek ludow // 20 lat archeologii w Maslomeczu. – T. 1. – Lublin, 1997. – 99–116.

Kühn H. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in Süddeutschland. – Graz, 1974.

Mastykova A. Amber beads with incised linear decoration in the Great Migration Period // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th centuries AD. – Aszod-Nyiregyhaza, 2001. – P. 341–361.

Michelbertas M. Senasis gelezies amzius Lietuvoje. I–IV amzius. – Vilnius, 1986.

Okuliczowa L. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Tuchline, pow. Wyszkow. // Wiadomosci Archeologiczne. – 30. – 1964. – 372–387.

Resi H.G. Gravplassen Hunn i Ostfold. – Oslo, 1986.

Rygge E. Victoria Romana i Norge // Universitets Oldsaksamlung Arbok. – 1967–1968. – 201–235.

Rygh O. Norske Oldsager/Antiquités norvégiennes. – Christiania, 1985.

Schukin M.B. A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains a l'époque romaine (d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances) // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle. – Saint-Germain-en-Laye, 1993 – 323–333.

Slomann W. Ett agtt romertids gravfunn fra Nord-Norge // Viking. – 23. – 1959. – 1–28.

Slomann W. Gravfeltet omkring Einangsteinen: Sloreasen Valdes // Viking. – 35. – 1971. – 11–88.

Solberg B. Spearheads in the Transition Period between the Early and the Late Iron Age in Norway // Acta Archaeologica. – 51. – 1980. – P. 153–172.

Soupault V. A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et épées a encoches (IVe–VIIe s.) // МАИЭТ. – Вып. 5. – 1996. – С. 60–76.

Straume E. Gläser mit Fecettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr. – Oslo, 1987.

Szmit Z. Cmentarz latensko-rzymski «Kozarowka» w Drohiczynie nad Bugem // Wiadomosci Archeologiczne. – 8. – 1923. – 152–175.

Tejral J. Fremde Einflusse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit // Peregriantio Gothica. – Lodz, 1986. – 175–238.

Tejral J. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit Mitteleuropas // Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums. – 1987. – 11–46.

Von der Lohe K. Das Gräberfeld von Skalistoje auf der Krim und die Ethnogenese der Krimgoten. Die Frühphase (Ende 4. Bis Anfang 6. Jahrhundert) // Die Sîntana de Mureş-Černjahov-Kultur. – Bonn, 1999. – 33–58.

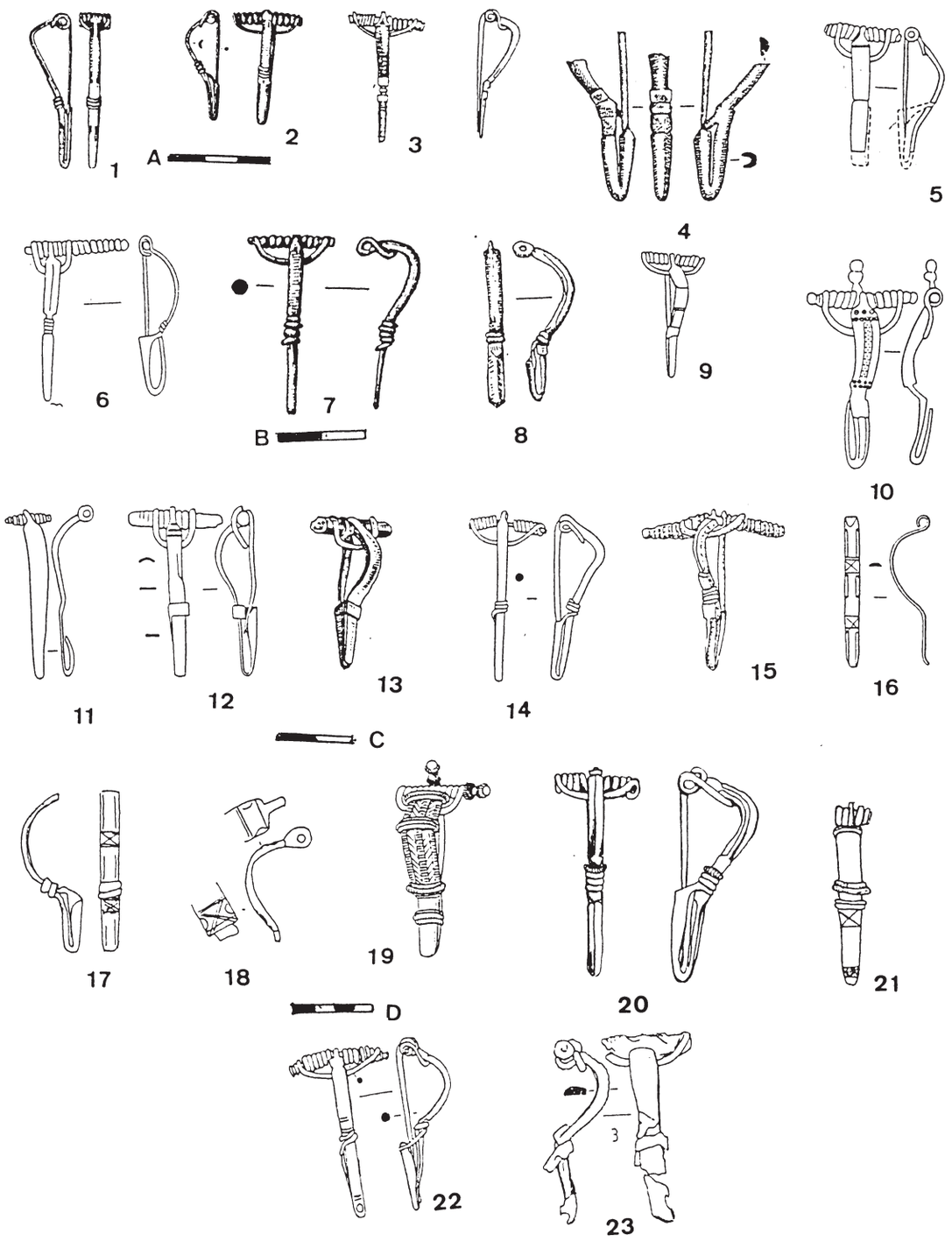


Рис. 1.
Подвязные германские фибулы в Юго-Западном Крыму.
1, 2 *– Дружное, погр. 21 (Khrapounov 1996);* ***3, 4*** *– Дружное, погр. 1.1974 (Айбабин 1995);* ***5*** *– Инкерман, погр. 21/30 (Айбабин 1984);* ***6*** *– Инкерман, погр. 2/43 (Айбабин 1990); 7 – Черная Речка, погр. 35 (Ajbabin 1996);* ***8*** *– Озерное III, погр. 1 (Лобода 1977);* ***9, 10*** *– Скалистое, погр. 421 (Айбабин 1990);* ***11*** *– Ай-Тодор, погр. 24 (Айбабин 1990);* ***12*** *– Ай-Тодор, погр. 29 (Айбабин 1990);* ***13*** *– Ай-Тодор, погр. 33 (Блаватский 1951);* ***14*** *– Херсонес (Амброз 1966);* ***15*** *– Херсонес;* ***16*** *– Херсонес (Амброз 1966);* ***17*** *– Херсонес;* ***18*** *– Херсонес (Амброз 1966);* ***19*** *– Херсонес (Амброз 1966);* ***20*** *– Совхоз 10 (Пиоро 1999);* ***21*** *– Бахчисарайский музей (Пиоро 1999);* ***22*** *– Лучистое, погр. 55 (Айбабин, Хайрединова 1998);* ***23*** *– Лучистое, погр. 82 (Айбабин, Хайрединова 1998).*
Масштаб*: A: 1-6, 8-10, 20; B: 7; C: 11-19, 22, 23; D: 21*

Рис. 2.
Подвязные и арбалетные германские фибулы в Юго-Западном Крыму.
1 *– Совхоз 10, погр. 8а (Пиоро 1990);* ***2*** *– Совхоз 10, погр. 253 (Пиоро 1990);* ***3*** *– Суворово, погр. 30 (Пуздровский и др. 2001);* ***4*** *– Лучистое, 88 (Айбабин, Хайрединова 1998);* ***5*** *– Херсонес (Амброз 1966);* ***6, 13, 14*** *– Дружное, погр. 21 (Храпунов, Мульд 2001);* ***7*** *– Дружное, погр. 1.1974 (Айбабин 1995);* ***8*** *– Совхоз 10, погр. 228 (Айбабин 1990);* ***9*** *– Инкермань погр. 20/23 (Айбабин 1990);* ***10*** *– Вишневое, погр. 1 (Пуздровский и др. 2001);* ***11*** *– Баклинский овраг, погр. 66 (Айбабин, Юрочкин 1995);* ***12*** *– Нейзац, погр. 54 (Мульд 1999);* ***15*** *– Нейзац, погр. 54 (Мульд 1999);* ***16, 17*** *– Дружное, погр. 78 (Храпунов, Храпунов 1999);* ***18*** *– Лучистое, погр. 58 (Айбабин, Хайрединова 1998);* ***19, 20*** *– Алмалык-Дере, погр. 65 (Gercen, Maczynska 2000).*
Масштаб*: A: 5-11; 13-18; B: 1-4,12,19,20*

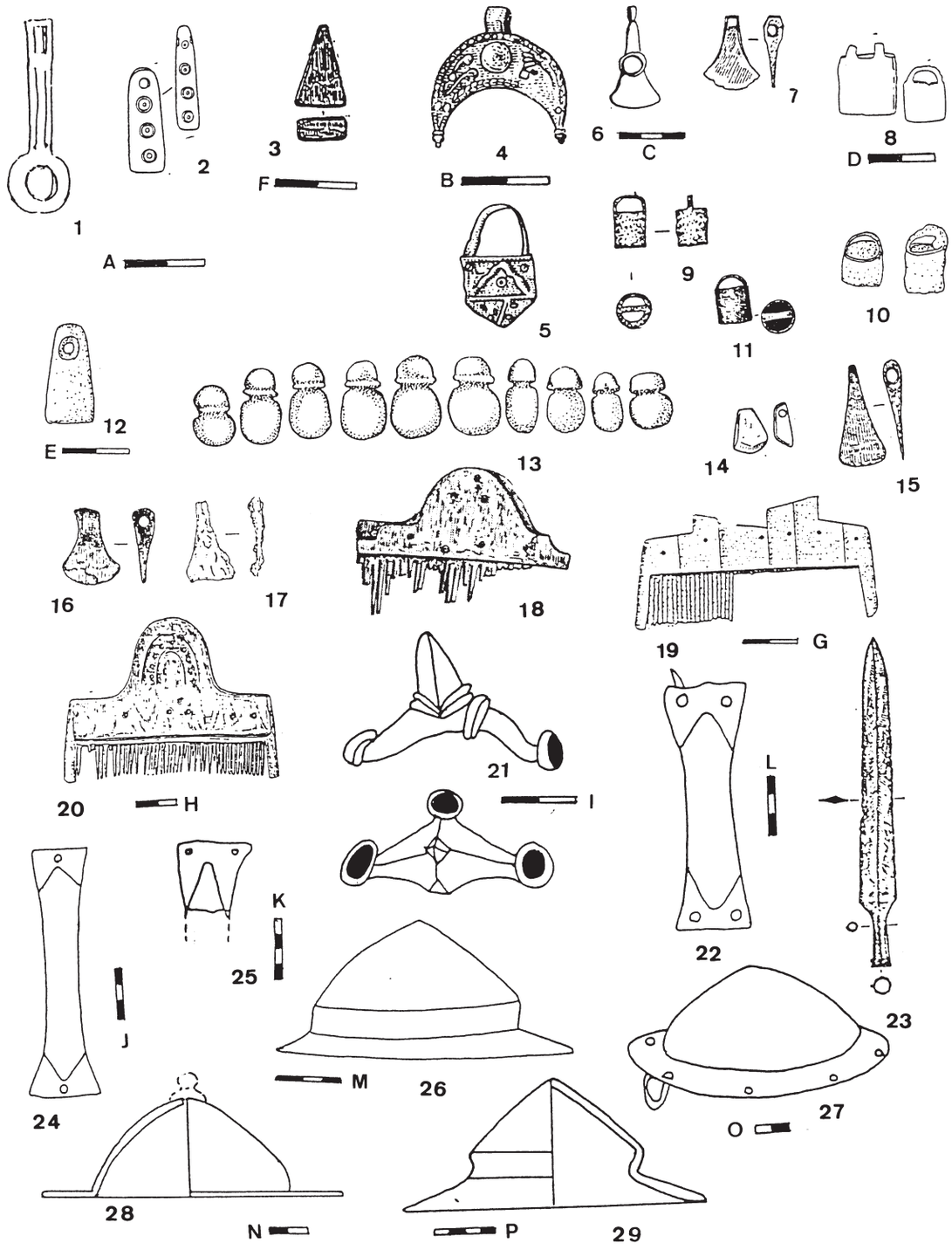


Рис. 3.

Предметы германского происхождения в Юго-Западном Крыму.

1 *– Черная Речка (по рисунку М.Б. Щукина);* ***2*** *– Скалистое, погр. 421 (Айбабин 1984);* ***3*** *– Дружное (Храпунов 1995);* ***4*** *– Черная Речка, погр. 87/37 (Дашевская 1991);* ***5*** *– Бельбек III, погр. 10 (Дашевская 1991);* ***6*** *– Совхоз 10, погр. 177 (Пиоро 1990);* ***7*** *– Дружное, погр. 1.1974 (Айбабин 1995);* ***8*** *– Ай-Тодор, погр. 28 (Айбабин 1984);* ***9*** *– Херсонес, погр. 45. 1984–1985 (Зубарь и др. 1989);* ***10*** *– Совхоз 10, каменный ящик 1 (Пиоро 1990);* ***11*** *– Дружное, погр. 21 (Храпунов, Мульд 2000);* ***12*** *– Херсонес (Борисова 1985);* ***13*** *– Совхоз 10 (Пиоро 1999);* ***14*** *– Дружное (Храпунов, Масякин 1997);* ***15, 16*** *– Дружное, погр. 87 и 21 (Храпунов, Мульд 2000); 17: Красная Заря, пргр. 34 (Пуздровский и др. 2001);* ***18–20*** *– Херсонес (Петерс 1986; Романчук 1984; Цветаева 1984);* ***21*** *– Скалистое III (Kazanski 1994);* ***22, 29*** *– Озерное III (Kazanski 1994);* ***23, 24, 26*** *– Чатыр-Даг (Мыц 1987; Kazanski 1994);* ***25, 27*** *– Ай-Тодор (Kazanski 1994);* ***28*** *– Южно-Донузлав (Kazanski 1994).*

Масштаб*: A: 1, 2, 7,9,11, 13-15; B: 4, 5, 16; C: 6; D: 8; E: 12; F: 3; G: 18, 19; H: 12; I: 21; J: 24; K: 25; L: 22; M: 26; N: 28; O: 27; P: 29. 10, 17, 23: без масштаба*

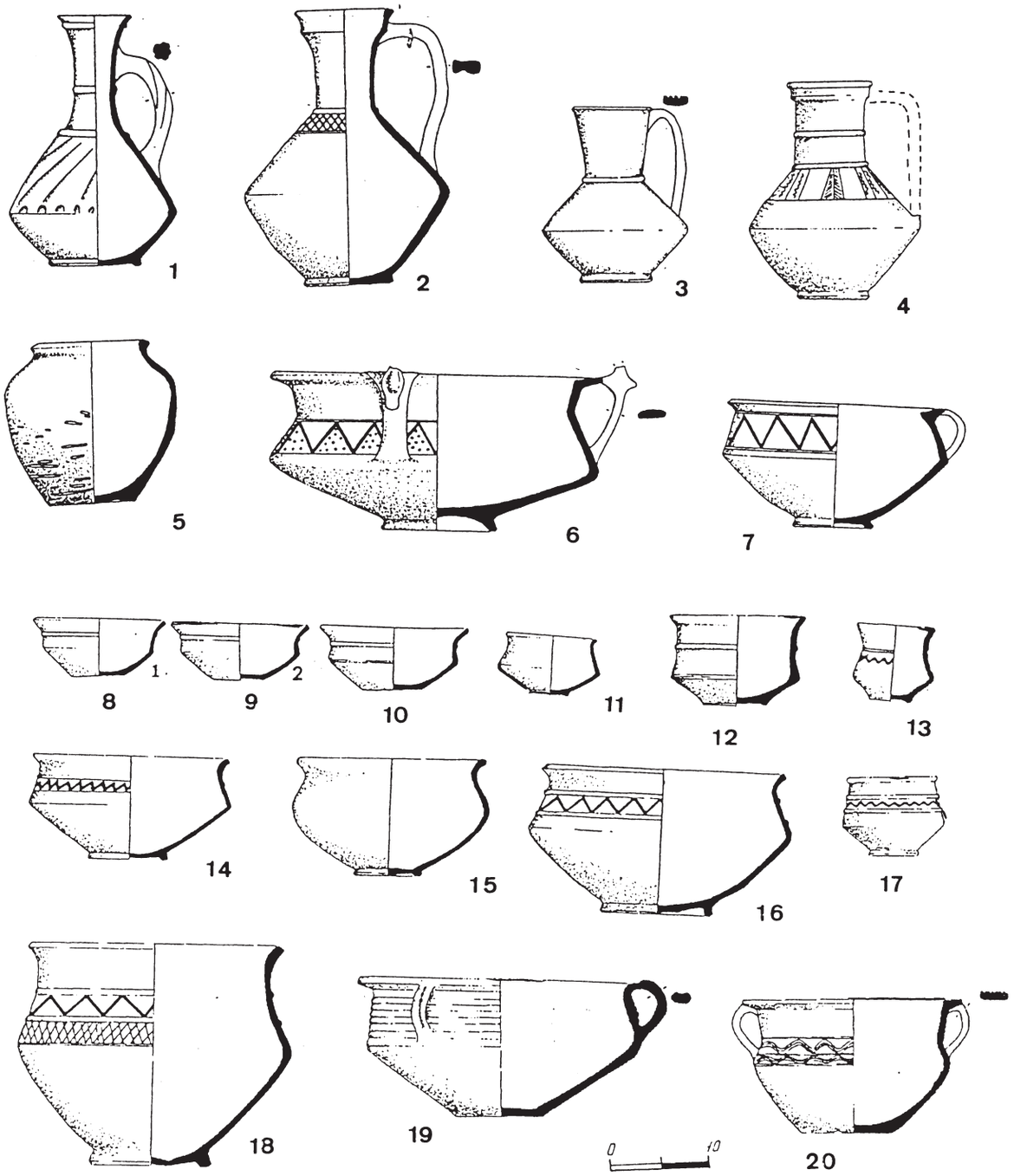


Рис. 4.
Керамика черняховского типа в Юго-Западном Крыму (Юрочкин 1999).
1–3, 5, 8–10, 17, 20 *– Совхоз 10;* ***4*** *– Черная Речка;* ***6, 12, 16*** *– Инкерман;* ***7*** *– Красная Заря;* ***11, 14, 15*** *– Тас-Тепе;* ***13, 18*** *– Суворово;* ***19*** *– Озерное III.*

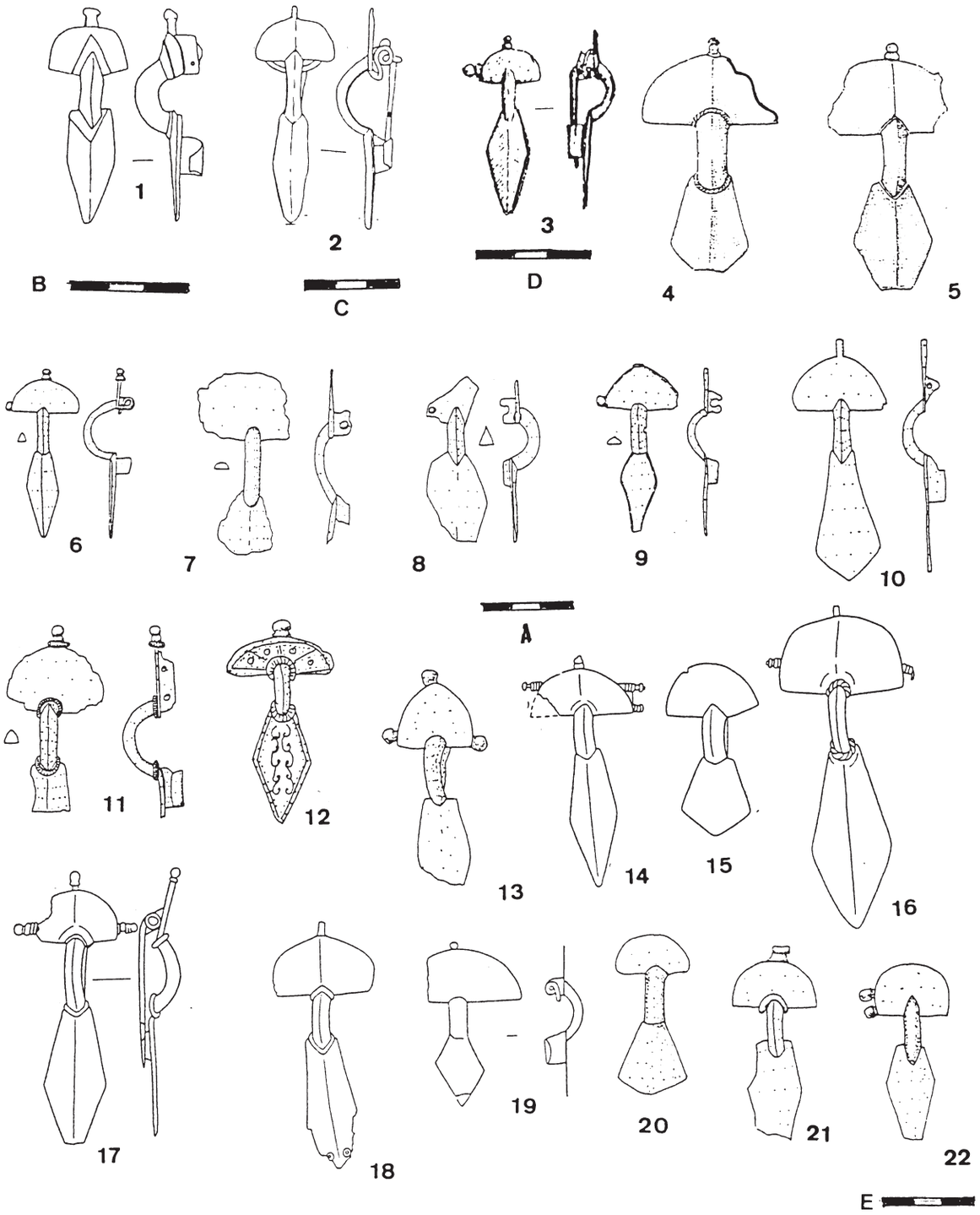


Рис. 5.
Малые двупластинчатые фибулы в Юго-Западном Крыму.
1 *– Лучистое, погр. 100 (Ajbabin, Hairedinova 2001); 2 – Лучистое, погр. 58 (Айбабин, Хайрединова 1998);* ***3*** *– Алмалык-Дере, погр. 65 (Gercen, Maczynska 2000);* ***4, 5*** *– Херсонес (Айбабин 1990);* ***6–11, 21*** *– Херсонес (Kazanski 1998);* ***12, 13, 20–22*** *– Гурзуф; 14: Инкерман, погр. 11/29 (Айбабин 1984);* ***15, 16*** *– Скалистое, погр. 421 (Айбабин 1984);* ***17, 18*** *– Скалистое, погр. 485 (Айбабин 1984);* ***19*** *– Гурзуф (Амброз 1966).*
Масштаб*: A: 4–20; B: 1; C:2; D: 3; E: 21, 22*

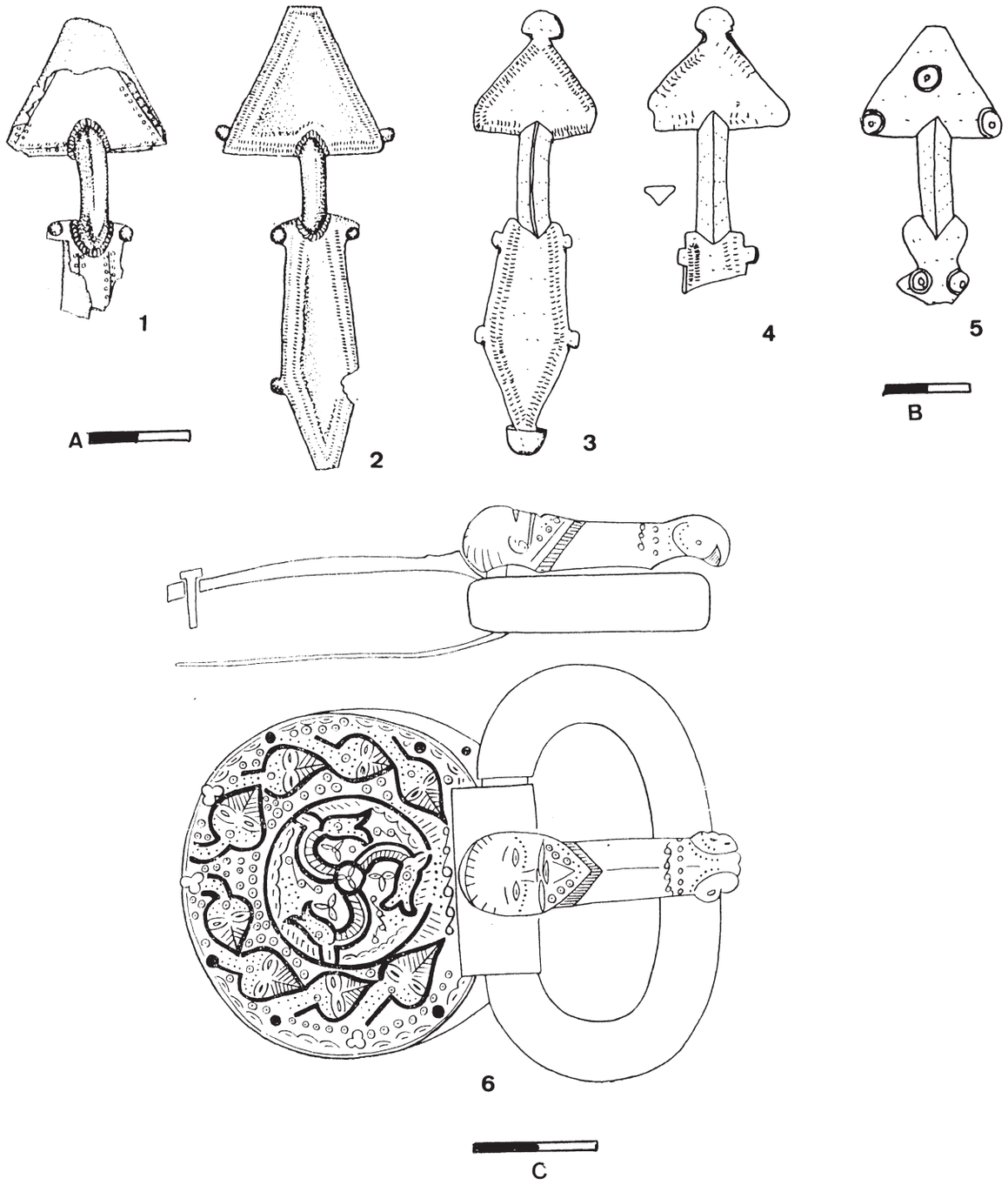


Рис. 6.
Вещи дунайского происхождения эпохи переселения народов
в Юго-Западном Крыму (Айбабин 1990; Kazanski 1998).
1–5 *– Херсонес;* ***6*** *– Ялта*
Масштаб*: A: 1–4; B: 5; C: 6*

И.Н. ХРАПУНОВ

ПОГРЕБЕНИЕ ВОИНА IV в. н. э. ИЗ МОГИЛЬНИКА НЕЙЗАЦ

Могильник Нейзац расположен в центральной части крымских предгорий, приблизительно в 20 км к юго-востоку от Симферополя, в долине реки Зуя, близ с. Балановo. Он использовался с конца II до конца IV в. н. э. На территории могильника вначале хоронили сарматы, а затем они же вместе с пришедшими с Северного Кавказа аланами. Погребальные сооружения представлены склепами, подбойными и грунтовыми могилами. Отдельные погребальные комплексы и категории инвентаря, полученные при раскопках могильника, опубликованы (*Высотская, Махнева* 1983; *Храпунов* 1998; *Храпунов* 1999; *Храпунов, Мульд* 2000; *Храпунов* 2003; *Храпунов* 2004а; *Храпунов* 2004б; *Храпунов, Мульд* 2004; *Khrapunov* 2004; *Храпунов* 2005; *Стоянова* 2004; *Стоянова* 2005).

В данной публикации речь пойдет о подбойной могиле № 125 (рис. 1; 2). Подпрямоугольная в плане входная яма ориентирована с запада на восток. Ее размеры 2,3 х 0,8 м, глубина от уровня материка 1,1 м. Над западной стеной входной ямы в материке вырубили углубление размером 0,95 х 0,45 м, максимальной глубиной 0,15 м. В нем были вертикально поставлены две плоские плитки, вплотную к ним плашмя друг на друге положены еще семь плиток.

Во входной яме на левом боку с подогнутыми ногами головой на восток похоронена лошадь.

Подбой неправильной подпрямоугольной формы сделан в северной стене входной ямы. Его размеры 2,7 х 1,35 м. Пол подбоя расположен на 0,3 м ниже дна входной ямы.

Погребение было совершено в северной части подбоя в прямоугольном гробу, от которого сохранились следы деревянного тлена, ограничивающие пространство 1,95 х 0,6 м. Под южную стенку гроба были подложены небольшие камни.

Погребение совершено в вытянутом положении на спине головой на восток. Слева от погребенного лежал меч (рис. 2: 6; 4: 5). У верхней части лезвия находились две бронзовые пряжки (рис. 2: 3, 4; 6: 3, 5), наконечник ремня (рис. 2: 8; 6: 10), два железных стержневидных предмета (рис. 2: 7, 10; 5: 6) и оселок (рис. 2: 9; 5: 1). На месте груди обнаружена железная фибула (рис. 2: 1; 6: 6), у правой руки – бронзовое кольцо (рис. 2: 2; 6: 1). К поясу был подвешен железный кинжал (рис. 2: 5; 5: 5). Вдоль левой ноги лежали серебряная пряжка (рис. 2: 11; 6: 4), шило (рис. 2: 12; 6: 7) и железная пряжка (рис. 2: 13; 6: 8). В головах за пределами гроба расчищены краснолаковое блюдо (рис. 2: 14; 3: 3), стеклянный стакан (рис. 2: 15; 3: 1), кость животного, нож (рис. 2: 17; 5: 2), амфора (рис. 2: 16; 3: 2), точильный камень (рис. 2: 18; 5: 3), железный крюк (рис. 2: 19; 4: 2) и еще один железный предмет, напоминающий топор без проушины (рис. 2: 20; 4: 1).

Выше уровня погребенного обнаружен короткий меч, стоявший почти вертикально и прислоненный к стенке подбоя (рис.4: 4). Рядом с ним лежали железные удила (рис. 4: 3). Кроме того, в заполнении могилы обнаружены железное (рис. 5: 7) и бронзовое (рис. 6: 2) кольца, а также обломки железных предметов (рис. 5: 4; 6: 9). В ногах погребенного, под гробом и между гробом и стеной могилы, находились сдвинутые человеческие кости, главным образом, трубчатые.

Для обоснования датировки погребального сооружения следует подробнее охарактеризовать некоторые найденные в нем вещи.

Стакан стеклянный со слабо вогнутым дном, плавно расширяющимися кверху стенками и вертикальным верхним краем. Стекло тонкое, прозрачное, бесцветное (рис. 3: 1).

Точных аналогий стакану удалось найти только две – это сосуды из еще не опубликованных склепов №№ 4 и 22 некрополя Нейзац. В разграбленном склепе № 22 найдены вещи III и IV вв. н. э. Склеп № 4 датируется IV в. н. э. Близко напоминает стакан из могилы № 125 сосуд, найденный в Танаисе, в помещении с остатками стеклоделательного производства, погибшего в результате готского разгрома. Но у него, в отли-

чие от нейзацкого экземпляра, край едва заметно отогнут и утолщен (*Алексеева, Арсеньева* 1966, с. 182, рис. 4,4). Известно еще несколько похожих стаканов, но все они имеют отогнутые венчики (*Гущина* 1974, рис. 1, 12; *Засецкая* 1993, кат. №№ 240, 241; *Айбабин, Хайрединова* 1998, рис. 8: 20).

Амфора (рис. 3: 2) соответствует типу «F» узкогорлых светлоглиняных амфор по Д.Б. Шелову (*Шелов* 1978, с. 19). В настоящее время датировка амфор этого типа IV в. н. э. общепризнанна (*Храпунов* 2002, с. 39), что подтверждается и материалами новейших раскопок (*Пуздровский, Зайцев, Неневоля* 2001, рис. 6: 2; 9: 7; *Юрочкин, Труфанов* 2003, с. 212, 213, 216, 217; *Лысенко, Юрочкин* 2004, с. 119).

Краснолаковые блюда, во всем подобные публикуемому (рис. 3: 3), довольно часто находят в крымских погребениях. Они соответствуют типу II, варианту 2 краснолаковой керамики из могильника Дружное (*Храпунов* 2002, с. 58). Количество таких находок постоянно увеличивается (*Пуздровский, Зайцев, Неневоля* 2001, рис. 5, 2, 7; *Нессель* 2003, 2: 3, с. 109, 110, рис. 3: 6–10). Предполагается их понтийское производство (*Domžalski* 2000, p. 163, 164; Fig. 2, 4). Предложенные ранее «широкие» даты бытования этих блюд обоснованно предлагается сократить до IV в. н. э. (*Юрочкин, Труфанов* 2003, с. 213–217).

Меч железный с черенком для рукояти без металлического навершия и перекрестия. Клинок переходит в черенок под тупым углом. На клинке сохранились остатки деревянных ножен, на черенке – остатки деревянной рукояти. Она была овальной в сечении со слабо выраженным перекрестием и железной заклепкой (рис. 4: 5). Длинные мечи без металлического навершия и перекрестия представляют собой наиболее распространенный тип оружия позднесарматской культуры, включая и IV в. н. э. (*Сокольский* 1954, с. 154–167; *Хазанов* 1971, с. 15–27; *Simonenko* 2001, p. 225–229, 237–244, 246. О существенных отличиях мечей конца II – первой половины III в. н. э. от более поздних см. *Безуглов* 2000, с. 181).

Меч железный с черенком для рукояти без металлического навершия и перекрестия, с двумя боковыми вырезами у основания рукояти, по одному с каждой стороны. На черенке и клинке сохранились остатки дерева (рис. 4: 4). Он относится, по А.М. Хазанову, к типу 5 сарматских мечей и кинжалов (*Хазанов* 1971, с. 17). Мечи этого типа были широко распространены в Крыму и на Северном Кавказе начиная с IV в. н. э. Верхняя дата, предложенная А.М. Хазановым, – VI–VII вв. н. э. (*Хазанов* 1971, с. 24), вероятно, справедлива для Северного Кавказа. В Крыму короткие мечи с вырезами у пяты клинка характерны для комплексов IV–V вв. н. э. (*Храпунов* 2002, с. 43; Пуздровский, Зайцев, Неневоля 2001, рис. 12: 9; *Айбабин* 2002, с. 40, рис. 2: 17; *Зайцев, Мордвинцева* 2003, рис. 2: 9; 6: 2; 13: 10).

Обращает на себя внимание необычное положение меча в могиле. В Крыму и на Кавказе мечи типа 5, обнаруженные *in situ*, как правило, лежали на головах или плечах погребенных. Такое положение мечей, кстати говоря, является одним из основных признаков, позволяющих судить о культурной и даже этнической близости населения Крыма и Северного Кавказа в позднеримское время (*Храпунов* 2004в, с. 150). В данном, не имеющем пока аналогий, случае меч был установлен вертикально выше уровня гроба, возможно, на его крышке. Некоторое сходство можно усмотреть с мечом из Кишпека, который стоял в углу погребальной камеры (*Бетрозов* 1980, с. 118). В этой связи вспоминаются слова Аммиана Марцеллина (31, 2, 23) о том, что аланы поклоняются воткнутому в землю мечу, олицетворяющему бога войны.

Серебряная (рис. 6: 4) и бронзовые (рис. 6: 3, 5) пряжки по всем признакам (овальная, утолщенная в передней части рамка, загнутый за нее, срезанный в тыльной части язычок) соответствует изделиям IV в. н. э. Хронология крымских пряжек этого типа была установлена работами А.И. Айбабина (*Айбабин* 1990, с. 27, 28) и А.К. Амброза (*Амброз* 1992, с. 12) и с тех пор не претерпела изменений, несмотря на сотни новых находок.

Фибула железная прогнутая двучленная со сплошным приемником. На спинке и ножке сохранились остатки ткани (рис. 6: 6). Застежки такого типа обнаружены почти исключительно в крымских комплексах IV в. н. э., что дало возможность предположить их местное производство по западным, скорее всего черняховским, бронзовым образцам (*Храпунов* 2002, с. 55, 76).

Наконечник ремня бронзовый двупластинчатый. Лицевая пластина прямоугольная с закругленным нижним концом. Ремень вставлялся в щель между лицевой и прямоугольной короткой тыльной пластинами и крепился двумя заклепками, расположенными вдоль продольной оси наконечника (рис. 6: 6). Соответствует наконечникам ремней типа I из могильника Дружное. Особенность публикуемого экземпляра заключается в расположении заклепок вдоль продольной оси наконечника. Как правило, ремень укреплялся между пластинами с помощью одной заклепки, если же их было две, они располагались вдоль поперечной оси наконечника. Наконечники ремней такого типа относятся к догуннскому времени. В гуннскую эпоху в Крыму распространились очень похожие, но состоящие

из одной расщепленной надвое в тыльной части пластины наконечники (*Храпунов* 2002, с. 44).

Приведенные выше аналогии вещам из могилы № 125 не оставляют сомнения в том, что захоронение в ней произведено в IV в. н. э.

Подбойные могилы были одним из самых распространенных типов погребальных сооружений IV в. н. э. в крымских предгорьях. В количественном отношении они уступают только склепам.

Наибольшую близость по обрядовым показателям и инвентарю могиле № 125 обнаруживает единственная подбойная могила, раскопанная в некрополе Озерное III. Там, также как и в Нейзаце, погребение было совершено в деревянном гробу, поставленном на камни. Вместе с погребенным в могилу положили однотипные публикуемым в данной статье длинный меч, размещенный, правда, справа, а не слева от умершего, бронзовую пряжку и амфору (*Лобода* 1977, с. 237, 238). Погребение в подбойной могиле, совершенное в деревянном гробу и сопровождаемое такими же, как в могиле № 125 Нейзаца, коротким мечом и амфорой открыто в могильнике Суворово (*Зайцев* 1997, с. 110).

Довольно часто в подбойных могилах встречаются мечи. Такие находки были сделаны в нескольких захоронениях Инкерманского могильника (*Веймарн* 1963, с. 16, 18, 24–26) и, в единичных случаях, в могильниках Дружное (*Храпунов* 2002, с. 32) и Курское (*Труфанов, Колтухов* 2001–2002, с. 286).

Обычай ставить в подбой гроб или колоду, как правило подкладывая под него камни, многократно отмечен в Чернореченском могильнике (могилы №№ 1–6, 10, 16, 28–30, 34, 36. Бабенчиков 1963, с. 91–95, 100, 104, 107, 108, 110, 111)[1]. В других некрополях он фиксируется редко. Кроме перечисленных выше случаев в Озерном III и Суворово, назовем еще могилу № 2 в некрополе Красный Мак (*Лобода* 2005, с. 203).

В целом можно сказать, что могила № 125 из некрополя Нейзац по большинству обрядовых показателей и по погребальному инвентарю схожа со многими синхронными подбойными могилами предгорного Крыма. Однако при ее исследовании выявлены и присущие только этому погребению особенности, которые, за отсутствием аналогий, не имеют удовлетворительного объяснения. Это установленный вертикально короткий меч, человеческие кости под гробом и заполненная каменными плитами вырубка над стеной входной ямы. Среди погребального инвентаря обращают на себя внимание железный крюк и массивный предмет в виде топора без проушины или тесла, назначение которых не известно. Погребение лошади во входной яме представляет собой признак типичный именно для могильника Нейзац, где десятки конских захоронений выявлены во входных ямах подбойных могил и склепов, в подбоях, выкопанных во входных ямах склепов, в погребальных камерах склепов и в специальных грунтовых могилах. Значительное, а для подбойных могил можно сказать беспрецедентное, количество оружия, включающего два меча и кинжал, равно, как и следы необычных обрядов в виде человеческих костей под гробом, свидетельствуют о высоком социальном статусе погребенного воина.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени// МАИЭТ. Вып. I. – Симферополь, 1990.

Айбабин А.И. Поясной набор с пуансонным орнаментом из Лучистого// МАИЭТ. Вып. IX. – Симферополь, 2002.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. Вып. VI. – Симферополь, 1998.

Алексеева Е.М., Арсеньева Т.Н. Стеклоделие Танаиса// СА. – 1966. – № 2.

Амброз А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. – 1. – М., 1992.

Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. – 1963. – Т. XIII.

Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья)// Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов-на-Дону, 2000.

Бетрозов Р.Ж. Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и в средние века. – М., 1980.

[1] Любопытно отметить, что в подбойных могилах Чернореченского могильника оружие отсутствует почти полностью. Лишь однажды (могила № 3) встречен наконечник копья, лежавший на плече погребенного. Возможно, в этом проявилась локальная специфика людей, хоронивших в Чернореченском могильнике. Может быть, причина в том, что подавляющее большинство погребений в подбойных могилах принадлежало женщинам. Следует обратить внимание и на хронологию. Почти все захоронения в подбоях Чернореченского могильника совершены в первой половине III в. н. э. Они значительно более ранние, чем погребение в могиле № 125 Нейзаца. Очевидно, обычай хоронить воинов в подбойных могилах сформировался и распространился в IV в. н. э.

Веймарн Е.В. Археологічні роботи в районе Інкермана// Археологічні пам'ятки УРСР. – 1963. –Т. XIII.

Высотская Т.Н., Махнева О.А. Новые позднескифские могильники в центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э. – К., 1983.

Гущина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму. (По материа лам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – М., 1974.

Зайцев Ю.П. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах// Археологические исследования в Крыму. 1994 год. – Симферополь,1997.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. – Вып. X. – Симферополь, 2003.

Засецкая И.П. Материалы боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н. э.// МАИЭТ. – Вып. III. – Симферополь, 1993.

Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг.// СА. – 1977. – №4.

Лобода И.И. Раскопки Красномакского могильника в 1983 – 1984 гг.// МАИЭТ. Вып. XI. – Симферополь, 2005.

Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю. Некрополь Пантикапея – Боспора (по материалам исследований 2000 – 2002 гг.) // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»» – К., 2004.

Нессель В.А. Краснолаковая керамика из могильника Килен-Балка// Херсонесский сборник. Вып. XII. – Севастополь, 2003.

Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. Новые памятники III–IV вв. н. э. в юго-западном Крыму // МАИЭТ. – Вып. VIII. – Симферополь, 2001.

Сокольский Н.И. Боспорские мечи // МИА. 1954. – № 33.

Стоянова А.А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996 – 2001 гг.) // Боспорские исследования. – Вып. V. – Симферополь; Керчь, 2004.

Стоянова А.А. Подбойная могила № 193 из могильника Нейзац в центральном Крыму // МАИЭТ. – Вып. XI. – Симферополь, 2005.

Труфанов А.А., Колтухов С.Г. Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в юго-восточном Крыму // Stratum plus. – 2001–2002. – № 4.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. – М., 1971.

Храпунов И.Н. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму // МАИЭТ. – Вып. VI. – Симферополь, 1998.

Храпунов И.Н. О позднесарматской археологической культуре в Крыму // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). – Запорожье, 1999.

Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III – IV вв. нашей эры). – Lublin, 2002.

Храпунов И.Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. – Вып. III. – Симферополь, 2003.

Храпунов И.Н. Подбойная могила позднеримского времени из некрополя Нейзац // Херсонесский сборник. – Вып. XIII. – Севастополь, 2004а.

Храпунов І.М. Ніж з тамгообразним знаком з могильника Нейзац у Криму// Археологія. – 2004б. – № 3.

Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке. Боспорские исследования. Вып. VI. – Симферополь; Керчь, 2004 в.

Храпунов И.Н. Последние погребения в могильнике Нейзац// МАИЭТ. – Вып. XI. – Симферополь, 2005.

Храпунов И.Н., Мульд С.А. Новые исследования могильников позднеримского времени в Крыму // Die spätrömishe Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungzeit in Mittel- und Osteuropa. – Lódź, 2000.

Храпунов И.Н., Мульд С.А. Склепы с погребениями III в. н. э. из могильника Нейзац //Боспорские исследования. – Вып. VII. – Симферополь; Керчь, 2004.

Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. – 1978. – Вып. 156.

Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи// Херсонесский сборник. – Вып. XII. – Севастополь, 2003.

Domžalski K. Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporian Kingdom// Rei Cretariae Romanae Fautorum. Acta 36. – Abingdon, 2000.

Khrapunov I.N. A New Account on the Contacts between the Sarmatians and the Germans in Crimea (on the materials of the excavations on the cemetery of Neyzats in 2001) // Europa Barbarica. Monumenta studia Gothica. IV. – Lublin, 2004.

Simonenko A. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Scythen im nördlichen Schwarzmeergebeit // Eurasia antiqua. – 2001. – Band. 7.

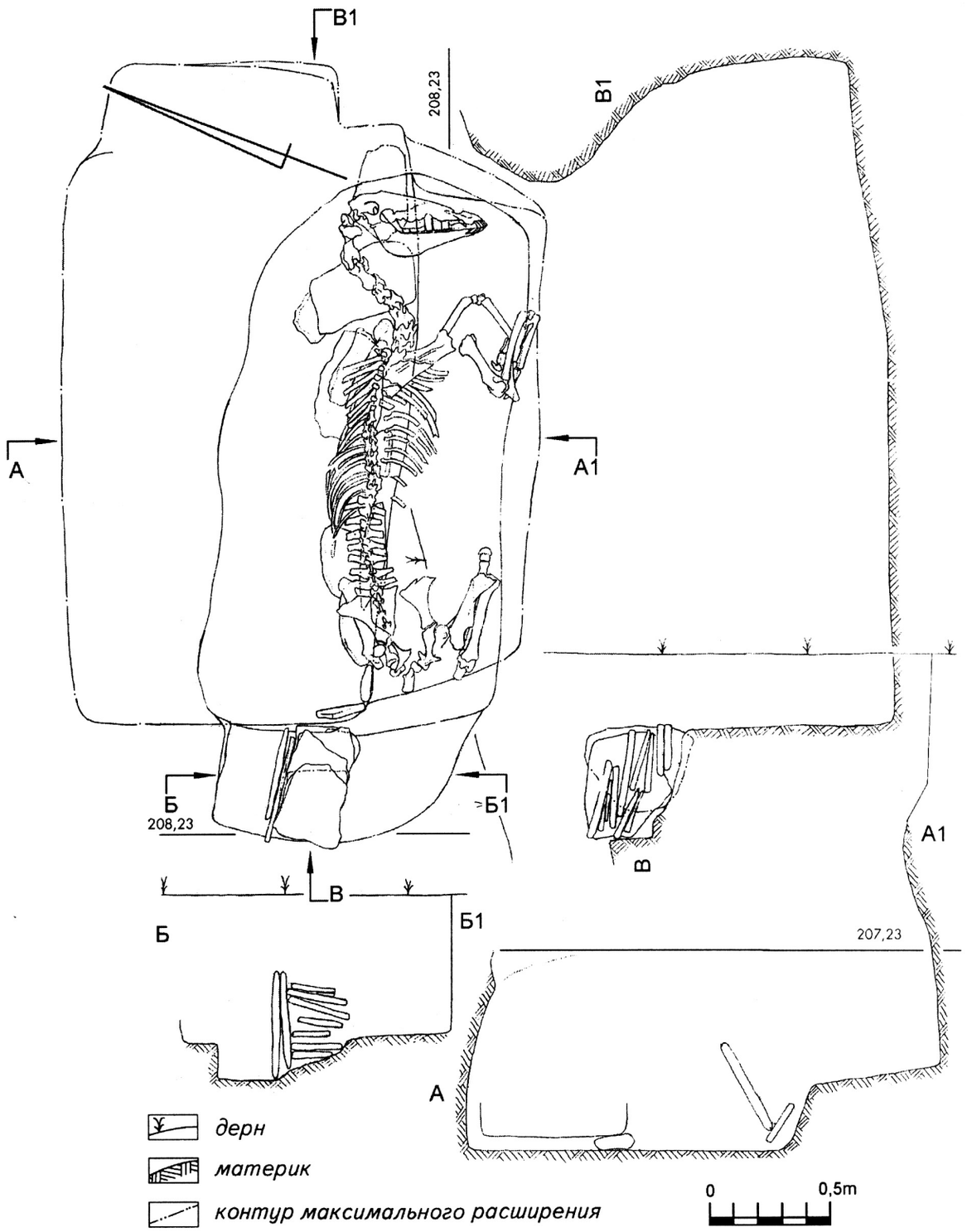


Рис. 1.
Могила № 125. План и разрезы

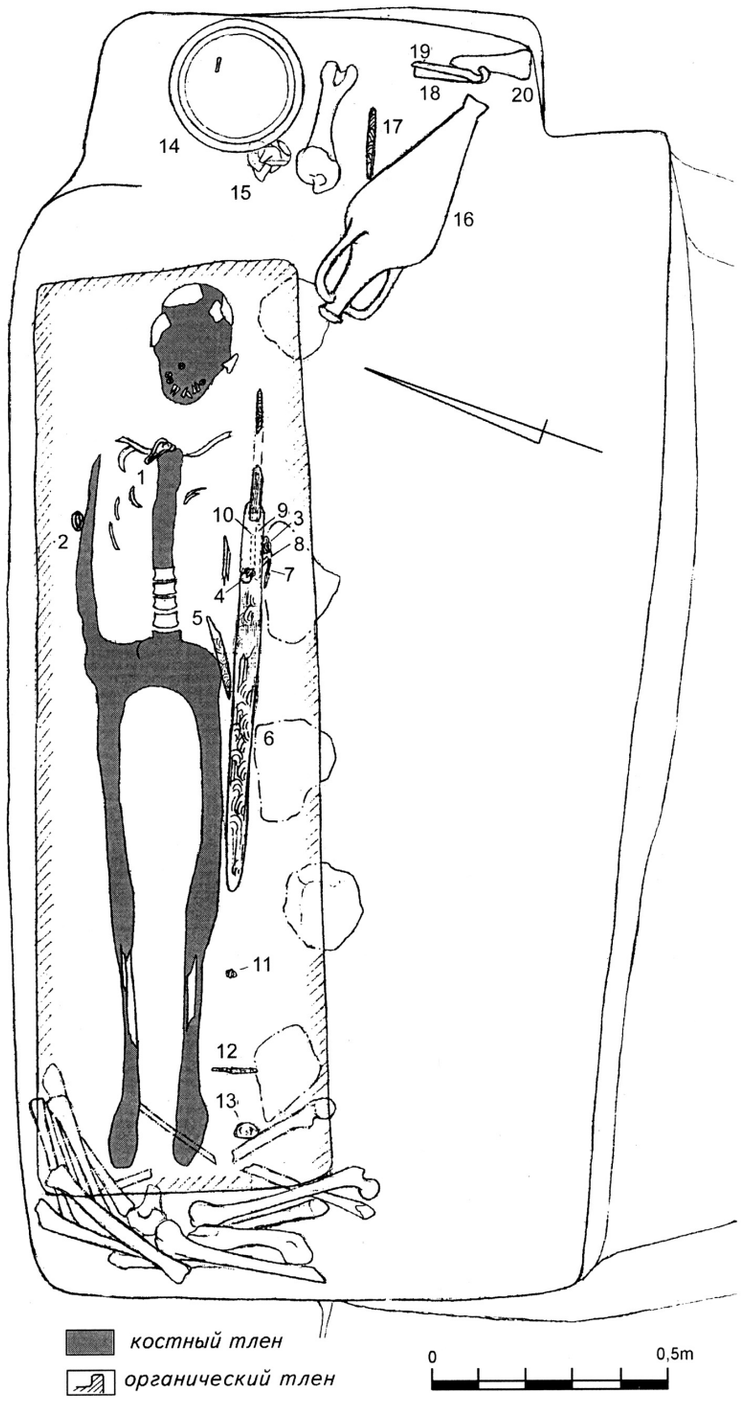


Рис. 2.
Могила № 125. План погребения.
1 *– фибула железная;* ***2*** *– кольцо бронзовое;* ***3, 4*** *– пряжки бронзовые;* ***5*** *– кинжал железный;* ***6*** *– меч железный;* ***7, 10, 19, 20*** *– предметы железные;* ***11*** *– пряжка серебряная;* ***12*** *– шило железное;* ***13*** *– пряжка железная;* ***14*** *– блюдо краснолаковое;* ***15*** *– стакан стеклянный;* ***16*** *– амфора;* ***17*** *– нож железный*

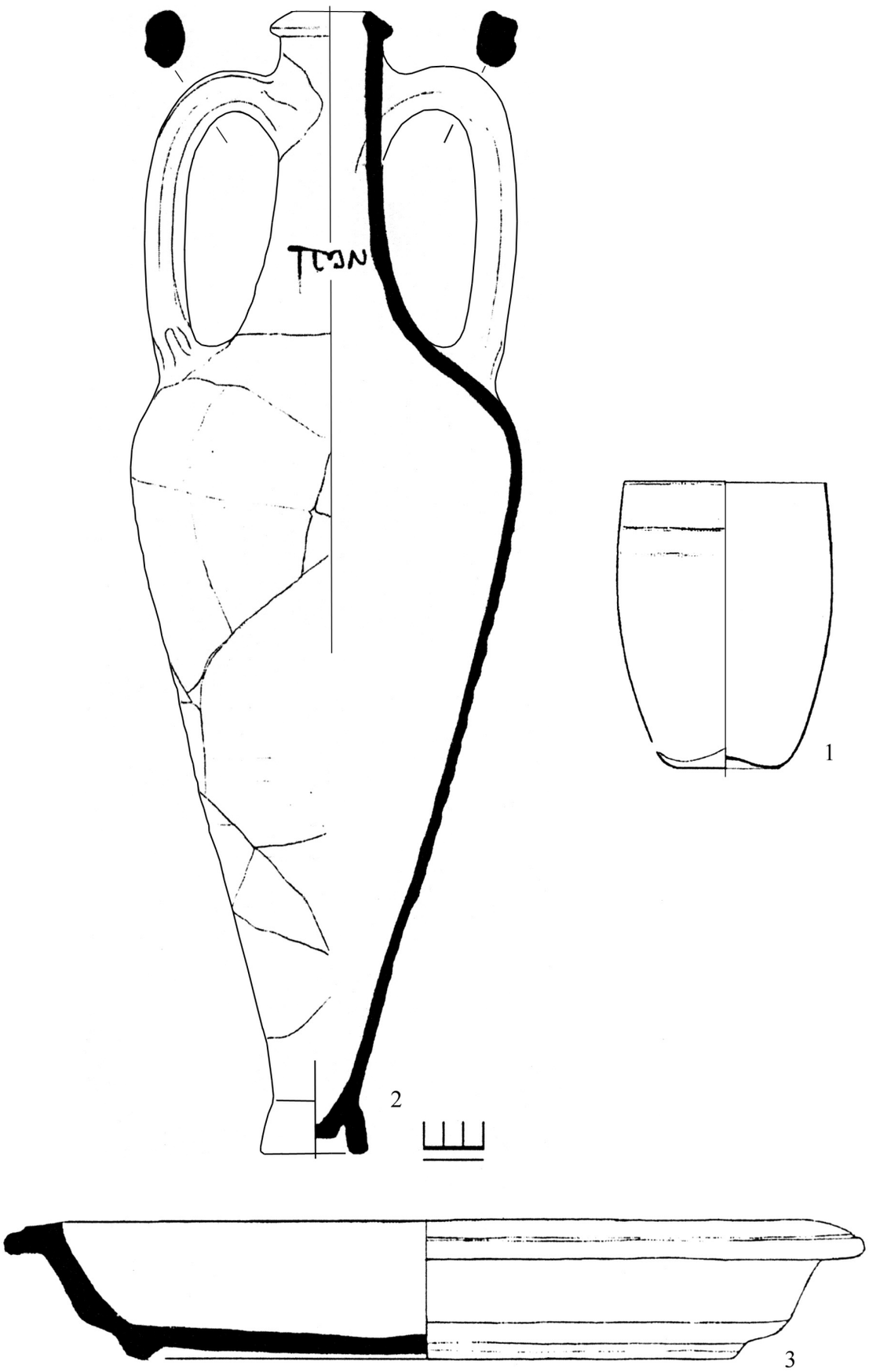


Рис. 3.
Могила № 125. Погребальный инвентарь.
1 *– стакан стеклянный;* ***2*** *– амфора;* ***3*** *– блюдо краснолаковое*

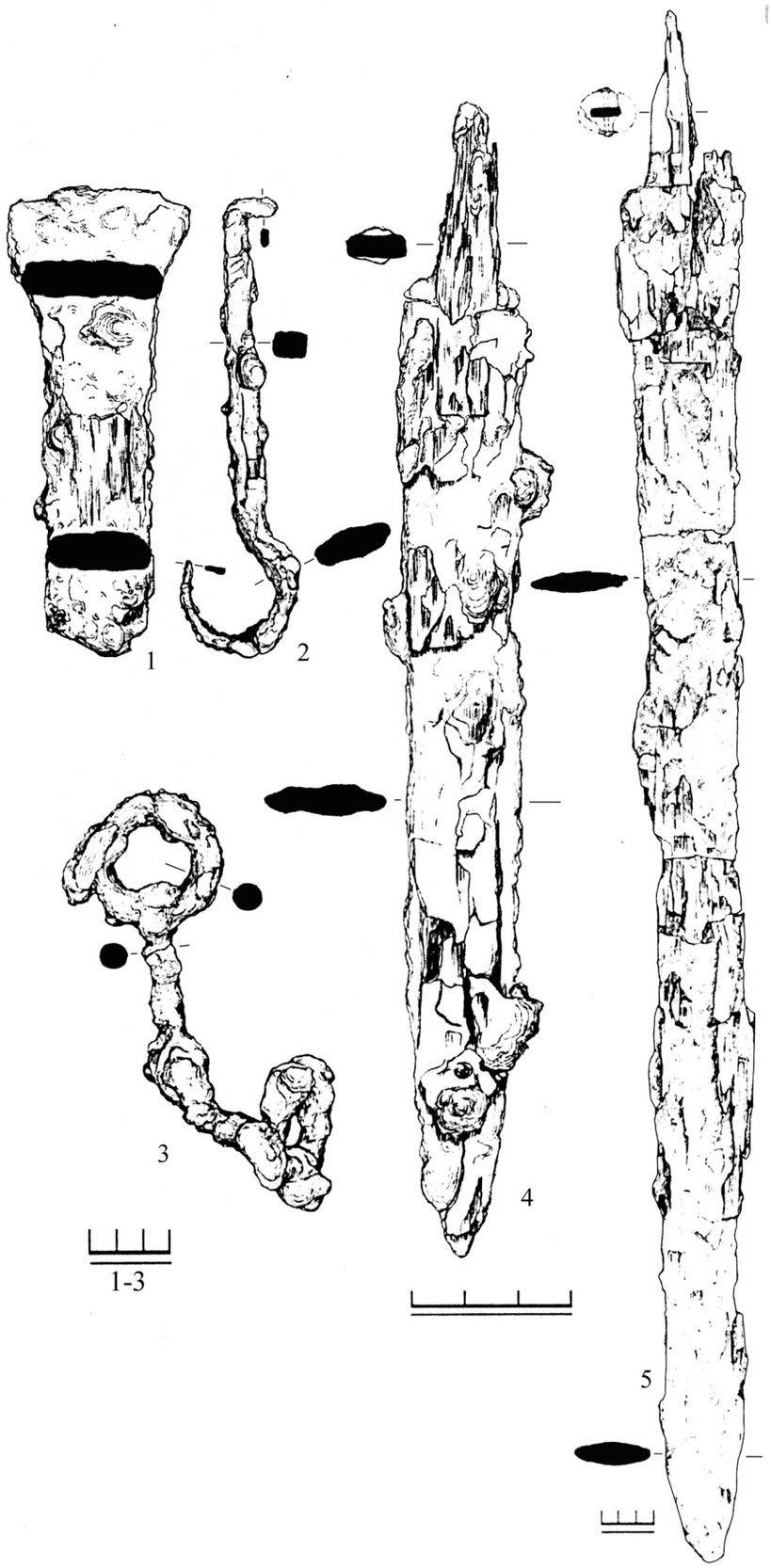


Рис. 4.
Могила № 125. Погребальный инвентарь.
1, 2 *– предметы железные;* ***3*** *– удила железные;* ***4, 5*** *– мечи железные*

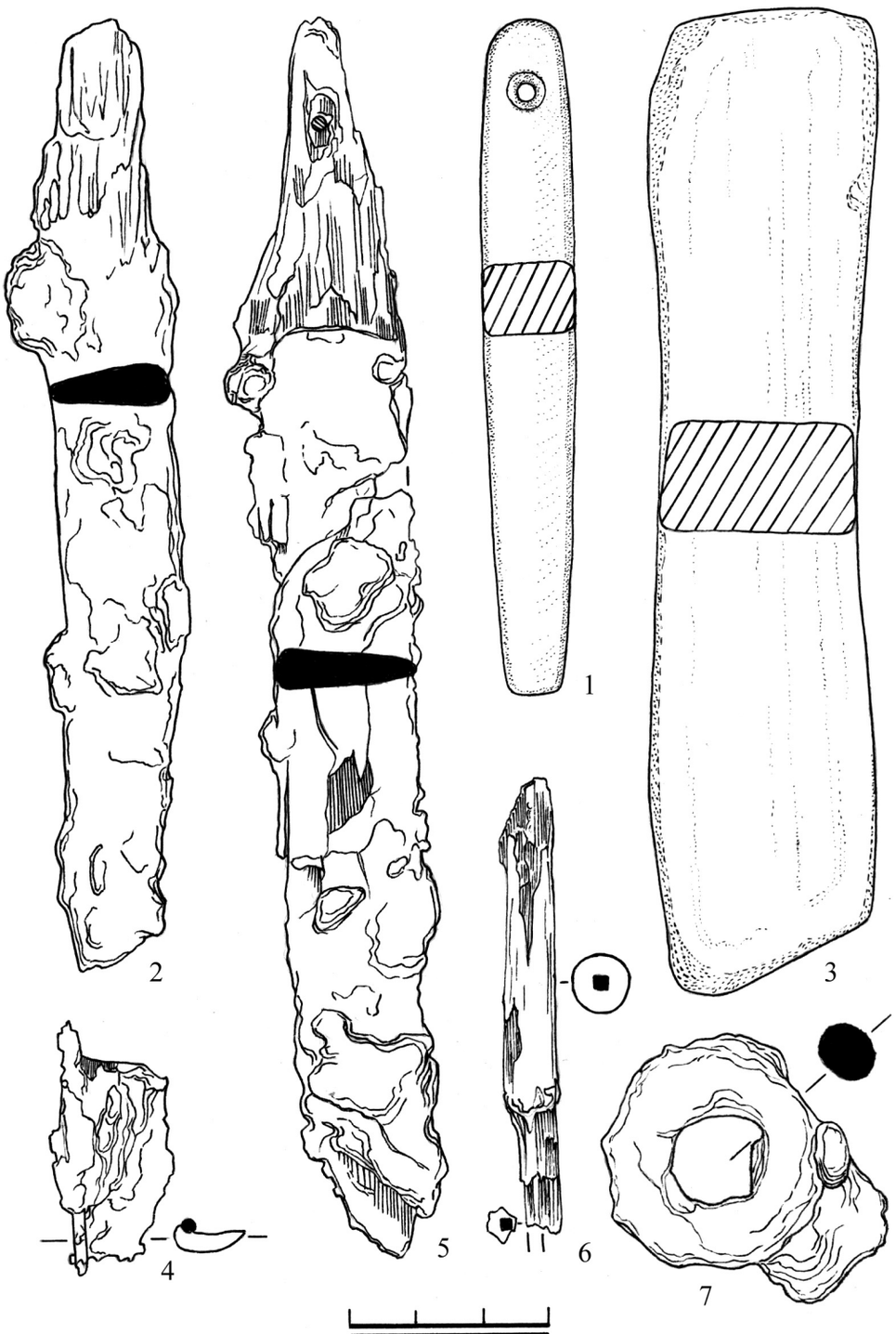


Рис. 5.
Могила № 125. Погребальный инвентарь.
1 *– оселок каменный;* ***2*** *– нож железный;* ***3*** *– камень точильный;* ***4, 6*** *– предметов железных фрагменты;* ***5*** *– кинжал железный;* ***7*** *– кольцо железное*

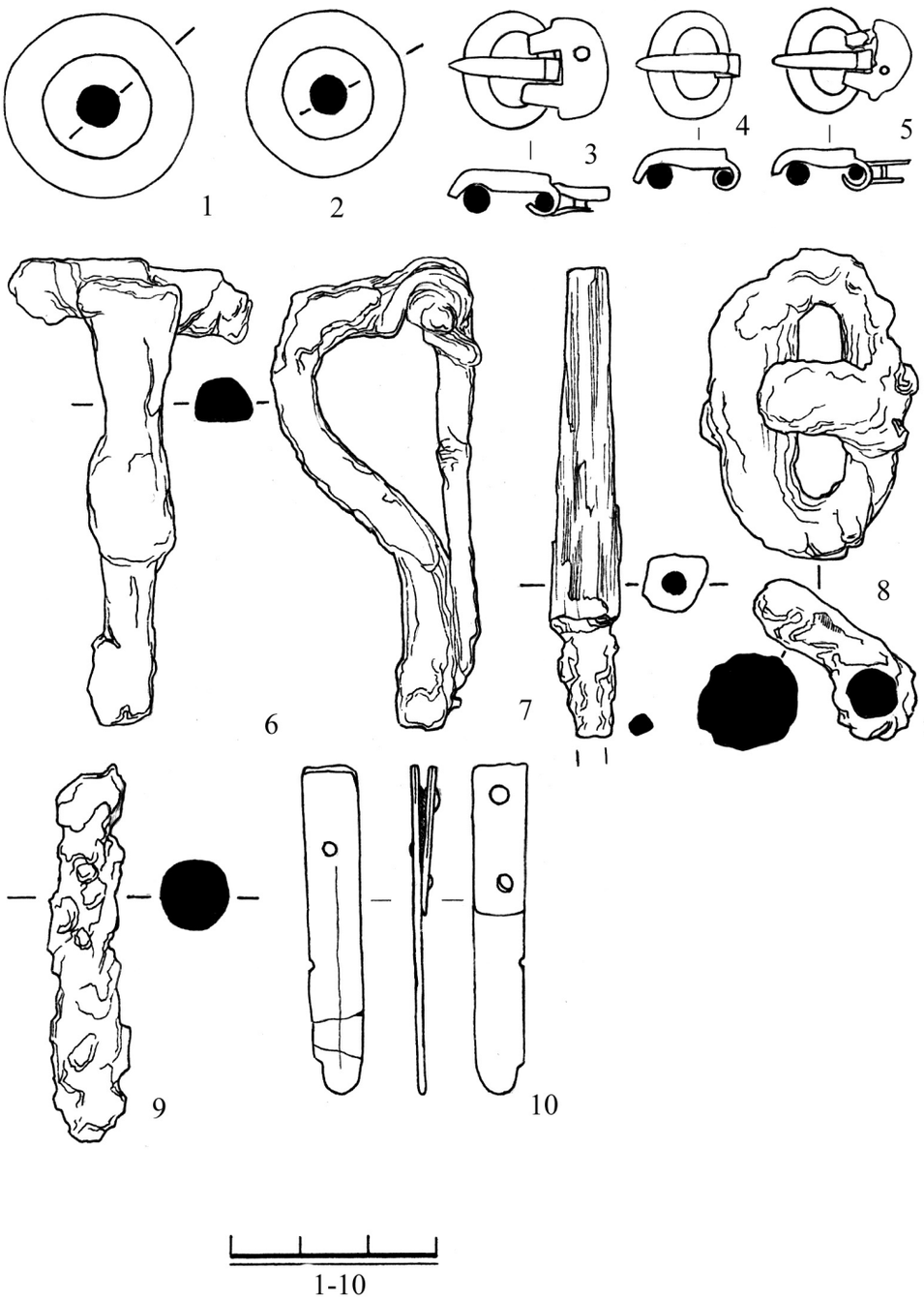


Рис. 6.
Могила № 125. Погребальный инвентарь.
1, 2 *– кольца бронзовые;* ***3, 5*** *– пряжки бронзовые;* ***4*** *– пряжка серебряная;* ***6*** *– фибула железная;* ***7*** *– шила железного фрагмент;* ***8*** *– пряжка железная;* ***9*** *– предмета железного фрагмент;* ***10*** *– наконечник ремня бронзовый*

Б.В. МАГОМЕДОВ

РИМСКИЕ АМФОРЫ В ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Торговля варваров Юго-Восточной Европы с античным миром достигает своего наивысшего развития в позднеримский период. Наиболее массовым свидетельством такой торговли являются фрагменты амфор. Они встречаются практически на каждом поселении черняховской культуры: в лесостепной зоне около 1% от всей керамики, в Причерноморском регионе в среднем 20–30%. Большую работу по учету этих находок провел В.В. Кропоткин (*Кропоткин* 1970; *Кропоткин А.В., Кропоткин В.В.* 1988). С тех пор накоплен новый материал, уточнена типология и хронология римских амфор. Работа над новым каталогом в пределах Украины проводится в Институте археологии НАНУ.

Наиболее широкое распространение имеет группа светлоглиняных узкогорлых амфор, которые производились в окрестностях Гераклеи Понтийской (*Arsen'eva, Kassab Tezgör, Naumenko* 1997, p. 187). Эта группа включает несколько типов, из которых типы D, E, F, по классификации Д.Б. Шелова, относятся к позднеримскому времени (*Шелов* 1978). Они различаются пропорциями корпуса и каждый из них имеет характерную форму дна. Тип D (или «тип Танаис») датируют III столетием (*Крапивина* 1993, с. 94; *Сазанов* 1993). На черняховских памятниках эти амфоры представлены не всегда убедительными обломками ручек и днищ (Головино 1, Радуцковка, Песчаное – жил. 5, Черепин) (*Обломский* 2002, с. 57–58; *Журко* 1994, рис. 8: 5; *Баран* 1981, табл. 38: 10; 44: 10). Достоверные находки встречаются среди древностей соседней киевской культуры – не менее четырех (рис. 1: 1) (*Терпиловский* 2004, рис. 83: 1–4).

Амфоры типа F («тип Инкерман») на черняховских памятниках наиболее многочисленны (рис. 1: 7–11). Высота сосудов 45–67 см, на горле и плечиках иногда краской нанесены греческие надписи-дипинто. Целые экземпляры происходят обычно из могильников[1] (известно более 20 экз.). Их производили, скорее всего, в течение всего IV века (*Айбабин* 1990, с. 14; *Кропотов* 1998).

Амфоры типа E известны в основном в Причерноморье, встречаются также и на севере Украины, включая поселение киевской культуры Роище (рис. 1: 12–14; 4) (*Терпиловский* 2004, рис. 83: 6). Их датируют концом IV – первой половиной V в. (*Абрамов* 1993, с. 50).

Две маленькие амфоры из могильника Оселивка в Черновицкой области иногда необоснованно причисляют к типу D, но они имеют другое оформление деталей, в частности «сплошную» ножку (рис. 1: 2, 3) (*Никитина* 1995, с. 84–86). Может быть, к ним близка фрагментированная амфора из Песчаного (рис. 1: 6) (*Журко* 1994, рис. 5, 4). По-видимому, эти сосуды представляют поздний вариант типа D (*Обломский* 2002, с. 58), переходный к типу F. По археологическому контексту и аналогиям из Крыма их можно датировать в пределах второй половины III – первой половины IV в. (рис. 1: 4, 5) (*Храпунов* 2002, рис. 93: 5; 99: 4; с. 68).

Практически на всех черняховских поселениях Северного Причерноморья полностью преобладают обломки широкогорлых красноглиняных амфор «типа Делакеу». В глубинные районы Восточной Европы эти амфоры доставлялись редко из-за больших размеров (высота до 93 см), хотя один из целых экземпляров найден за пределами черняховской территории в с. Гусинка Курской области России (*Сымонович* 1971). Полные формы известны также в Комарове, Делакеу, Каменке-Анчекрак, Александровке (рис. 2: 1–4; 4). До сих пор у исследователей не возникало сомнения, что такие амфоры полностью соответствуют типу Зеест 100, известному по позднеримским слоям античных памятников всего Причерноморья (*Зеест* 1960, с. 120, табл. 39: 100; *Кузманов* 1985, с. 16, тип X; *Сазанов* 1989, с. 50–51; *Opaiţ* 1996, p. 217, тип E-Ia, b; также другие авторы – последняя и наиболее полная библиография см.: *Paraschiv* 2002, p. 175). С этим типом часто связывали морфологически довольно разные сосуды, что уже отмечено в литературе (*Сазанов* 1995, с. 185).

[1] Места находок этих и других типов амфор см.: *Магомедов* 2001, с. 62–63

Мастерские по производству подобных красноглиняных амфор недавно открыты в окрестностях Синопы (*Garlan, Kassab Tezgör* 1996). Среди изготовлявшихся здесь нескольких родственных типов и вариантов лишь один совпадает по форме с «типом Делакеу». Он имеет широкую нижнюю часть и дно шлемовидной формы, часто ножка выделена плавным изгибом (тип Ia по Д. Кассаб Тезгер) (*Kassab Tezgör* 2006[2]). Тип Ib имеет подобную верхнюю часть, но отличается узким коническим дном, а также обычно меньшими размерами. Для типов II и III («carottes») свойственны узкое дно и высокая шейка. Неожиданными оказались результаты визуального сравнения образцов синопского и черняховского происхождения. Эти находки изготовлены из разного глиняного теста[3]. Синопская продукция имеет ярко выраженную искусственную примесь: много крупных черных блестящих зерен пироксена, присутствуют буроватые обломки базальтов, окатанный кварц и редкая слюда. Амфоры «типа Делакеу» изготовлены из более плотной глины без искусственных примесей; естественные включения – очень мелкие темные частицы, изредка пластинки слюды, характерны кусочки известняка, вокруг которых при обжиге образовались серые пятна. Применение разного сырья свидетельствует о разных центрах производства продукции. Различна и область ее распространения. Синопские амфоры типа Ia достоверно известны в небольшом количестве только на южном берегу Черного моря (*Kassab Tezgör* 2006). Типы Ib, II и III встречаются, как было сказано, по всему Черноморскому побережью. Амфоры «типа Делакеу», таким образом, являются имитацией типа Ia и к ним можно применить определение «псевдо-синопские». Кроме памятников черняховской культуры они найдены в некоторых городах Северного Причерноморья параллельно с синопскими изделиями: в Ольвии, Тире и, судя по описанию, в Танаисе (*Арсеньева, Науменко* 1995, с. 49, рис. 2: 5). Несомненно, необходима дальнейшая работа по уточнению ареалов распространения указанных типов. Датируются амфоры «типа Делакеу» по сопровождающему материалу и близким типам Ia и Ib в пределах середины IV – середины V века.

Амфоры из красной глины типа M.273 («тип Ягнятин») (*Robinson* 1959, pl. 29; *Абрамов* 1993, с. 51) встречаются на черняховских памятниках от Правобережья Днепра до Подунавья: Ягнятин, Тира, Собарь, Альдень, возможно, Фрунзовка, Яссы-Николина и Беляевка (дно); близкие формы дали Рипнев II и Комрат. (рис. 2: 5–8). Считается, что модификации с овоидной (яйцевидной) формой тулова датируются 4 в., а с «мешковидной» (заметно расширенной в нижней части) – концом IV – первой половиной V в. (*Opaiţ* 1996, p. 211, типы C III и F X). Место производства – о. Самос или западный берег Турции (*Kassab Tezgör e.a.* 2003, p. 182).

Амфоры из красной глины типа «Харакс, погр. 33». Характерной особенностью является ножка в виде выступа-кнопки и белый ангоб на поверхности (рис. 3: 1, 2; 4). Встречаются на черняховских памятниках юга Украины, отдельные фрагменты известны в Среднем Поднепровье (поселение Ржищев-Рипница, раскопки С.Н. Рыжова и Б.В. Магомедова). Этот тип относят к концу IV в. (*Абрамов* 1993, с. 52) или к первой половине V в. (*Якобсон* 1979, с. 9–10; *Айбабин* 1984, с.114, рис. 5: 21).

К редким типам относятся тонкостенные амфоры типа Зеест 95 (рис. 3: 3). Глина у них слоистая, бурого цвета, имеет много примесей слюды. Почти целый экземпляр найден на поселении Кокоара II, ножка – в Ранжевом. А.В. Сазанов датирует этот тип последней четвертью IV–VI в. Такие амфоры имели широкое распространение от Крыма до Западного Средиземноморья и Северной Африки. Место их производства предполагается на западном побережье Малой Азии в долине р. Меандр (окрестности Эфеса) (*Сазанов* 1992, с. 106).

По составу глины и оформлению очень близки к описанным выше сосудам маленькие однoручные амфоры с тонкими стенками и рифленым корпусом. Они явно имеют общий центр производства с сосудами типа Зеест 95. Целые экземпляры происходят из могильников Каменка-Анчекрак (погр. 8 – рис. 3: 5) и Барча в Румынии; фрагменты найдены на поселениях Каменка-Анчекрак и Луговое, а также на поселении киевской культуры Верхнестриженское 2 (*Терпиловский* 2004, рис. 83: 9). Встречаются они и в провинциях Западного Причерноморья (некрополь города Томы) (*Bucovala, Pasca* 1989, p. 146, pl. 9d; 12e). По находкам в Афинах они относятся к типу M.275–276 и датируются концом IV в. (*Robinson* 1959, p. 110, pl. 29). По-видимому, описанные амфоры были предназначены для дорогого сорта вина. Подобный по форме сосуд, происходящий также из Каменки-Анчекрак (погр. 5 – рис. 3: 4), сделан из низкокачественной глины кирпичного цвета и является имитацией престижного изделия.

Группа небольших амфор с узким воронковидным горлом (рис. 3: 6, 7; 4) происходит из

[1] Полная публикация доклада готовится в печати.

[3] Автора консультировали др. Д. Кассаб Тезгер (Турция), др. А. Опайц (Канада), др. С. Внуков (Россия), за что приношу этим признанным специалистам глубокую благодарность

памятников Молдовы и Мунтении, где несколько экземпляров найдены на пяти могильниках в районе римского укрепления Дафна (условно «тип Дафна»). Амфоры редких типов найдены в Тире (рис. 3: 8) и на территории Румынии (Лецкань, погр. 1; Бырлад-Валя Сяке, погр. 541; Кэсчоареле). Названные сосуды происходят из комплексов IV века.

Некоторые разновидности амфор распределены в ареале черняховской культуры довольно равномерно. Это самый массовый тип F, тип М 273 и более редкие типы Зеест 95 и М.275–276. Другие разновидности преобладают в восточной или в западной области. Граница между ними проходит по Днестро-Прутскому междуречью, где имеются находки, характерные для обеих областей (рис. 4). Находки красноглиняных амфор типов «Делакеу» и «Харакс, погр. 33», светлоглиняных типа Е нам известны только восточнее р. Прут. В юго-западных регионах встречается «тип Дафна», а также сосуды редких типов.

Такое различие в поступлении импортов объясняется торговыми связями областей с экономическими центрами античного мира. Греческие колонии и варварские племена Причерноморья традиционно были связаны в первую очередь с Малой Азией, откуда на протяжении столетий поступало огромное количество вина в амфорной таре. Те же торговые пути сохранились и в римское время, но в Подунавье малоазийский импорт был ограничен конкуренцией балканской виноделческой области. По-видимому, с этой областью связаны упомянутые амфоры редких типов и «типа Дафна». Находки таких сосудов концентрируются вблизи впадения в Дунай р. Арджеш (древнее название Мариска). Император Константин I возвел здесь около 328 г. укрепление Дафна, соединенное паромной переправой с правобережным городом Трансмариска (*Вольфрам* 2003, с. 94). Несомненно, в этом месте находился один из пунктов торговли римлян с готами, куда поступала в основном продукция ближних дунайских (балканских) провинций.

Динамика поступления амфор (и других импортных изделий) в черняховский ареал показывает, что их массовый приток приходится на IV в. и усиливается к концу этого столетия. Это объясняется исторической обстановкой в регионе. Черняховская культура (основное население которой составляли готы) формируется во время Готских войн (238–270 гг.). В этот период и позже, пока политические отношения с Римской империей были нестабильны, торговля имела нерегулярный характер. Предметы римского изготовления середины III – начала IV в. малочисленны, часть из них попала к варварам явно в качестве военной добычи. Поэтому амфоры типа D на черняховских памятниках практически отсутствуют. В область киевской культуры (Восточная Украина) такие амфоры могли попадать из Танаиса и Боспора через кочевых сармат. В 332 г. Константин I заключил постоянный договор (foedus) с готами, по которому они как федераты обязывались за вознаграждение постав¬лять в римскую армию свои воинские отряды. Часть этих субсидий могло составлять вино, так как римский обычай его потребления широко распространился среди варваров и даже приобрел ритуальный характер (*Магомедов* 2003). Кроме того, договор способствовал развитию регулярной торговли. В результате огромное количество амфор с вином было переправлено из Малой Азии в порты между устьями Днепра и Дуная и затем по речным и сухопутным путям разошлось по пространствам Юго-Восточной Европы от бассейна Дона до Трансильвании. Транзитными путями через черняховскую территорию амфоры проникали на север в лесную зону. Прежде всего, это были многие тысячи светлоглиняных амфор типа F.

По-видимому, около середины IV в. начались поставки синопского вина. Большой спрос потребовал расширения производства, что и было организовано в каком-то другом районе Черноморского побережья. Специалисты, по крайней мере, гончары – изготовители стандартной тары, были вывезены из Синопы. Новый центр виноделия, полагаю, был узко направлен на сбыт среди северных варваров, для которых дешевизна напитка была важнее его качества. Этим можно объяснить массовое появление «псевдо-синопских» амфор «типа Делакеу» на поселениях черняховской культуры и их отсутствие в античных городах. Кроме того, черняховские потребители получали более дорогое вино с берегов Эгейского моря в амфорах типов М.273, Зеест 95 и М.275–276, а также в амфорах типа «Харакс, погр. 33» (Крым?). Одновременно шла приграничная торговля местным вином на Нижнем Дунае (амфоры «типа Дафна»). После прихода гуннов (375 г.) поступление вина в амфорах по тем же маршрутам не прекращается вплоть до начала V в., когда последние остготы уходят из Северного Причерноморья за Дунай.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник (Москва). – 1993. – № 3. – С. 4–135.

Айбабин А.И. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. – 1984. – № 1. – С. 104–122.

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – 1990. – № 1. – С. 5–86.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Танаис IV–V вв. н.э. (по материалам раскопок 1989–1992 гг.) // Боспорский сборник. – Вып. 6. – М, 1995. – С. 45–58.

Баран В.Д. Черняхівська культура (за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу). – К., 1981.

Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). – СПб, 2003.

Журко А.И. Памятники черняховской культуры в лесостепном Днепровском Левобережье // РА. – 1994а. – №4. – С. 207–218.

Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. –1960. – №83.

Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. – К., 1993.

Кропоткин А.В., Кропоткин В.В. Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе // Могильники черняховской культуры. – Москва, 1988. – С. 168–184.

Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. – V в. н. э.) // САИ. – 1970. – Вып. Д1–27.

Кропотов В.В. Светлоглиняные узкогорлые амфоры «инкерманского» типа // Археологія. – 1998. – 4. – С. 128–134.

Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. – Lublin, 2001.

Магомедов Б.В. Потойбічний бенкет у поховальному обряді черняхівської культури // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України. – К., 2003. – С. 83–88.

Никитина Г.Ф. Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у села Оселивка. – М., 1995.

Обломский А.М. Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время середина III – первая половина V в. н.э.). – М., 2002.

Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. – 1989. – №4. – С. 41–61.

Сазанов А.В. Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест: типология и хронология // ПАВ. 1992. – Вып. 2. – С. 100–112.

Сазанов А.В. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. – 1993. – Вып. 3. – С. 16–21.

Сазанов А.В. Амфоры «carottes» в Северном Причерноморье ранневизантийского времени. Типология и хронология // Боспорский сборник (Москва). – 1995. – №6. – С. 185–196.

Сымонович Э.А. Находка позднеантичной амфоры из Курской области // СА. – 1971. – №4. – С. 231–232.

Терпиловский Р.В. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. – Lublin, 2004.

Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). – Lublin, 2002.

Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры: классификация и хронология // КСИА. – 1978. – Вып. 156. – С. 16–21.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. – Л., 1979.

Arsen'eva T., Kassab Tezgör D., Naumenko S. Un depotoir d'atelier d'amfores a pate claire. Commerce entre Heraclee du Pont et Tanaпs a l'epoque romaine // Anatolia antiqua, V. – 1997. – P. 187–198.

Bucovală M., Paşca C. Descoperiri recente on necropolele de epocă romană şi romano-bizantină la Tomis // Pontica. – 1988–1989. – Vol. XXI–XXII. – P. 123–161.

Garlan Y., Kassab Tezgör D. Prospection d'ateliers d'amfores et de ceramiques de Sinope // Anatolia antiqua, IV. – 1996. – P. 170–200.

Kassab Tezgör D. The Production of the Amphorae in the Workshops of Demirci-Sinope from the 2nd or 3rd to the 6th c. AD // Production and trade of amphorae in Black Sea. Intrnational Round-Table Conference. Abstracts. – Batumi-Trabzon, 2006. – P. 47–49.

Kassab Tezgör D., Lemaitre S., Pieri D. La collektion d'amfores d'Ismail Karakan a Sinop // Anatolia antiqua, XI. – 2003. – P. 170–200.

Кузманов Г. Ранновизантийска керамика от Тракия и Дакия (IV – началото на VII век). – София, 1985.

Opaiţ A. Aspecte ale vieţii economice din provincia Scithia (secolele IV–VI). Producţia ceramicii locale şi de import. – Bucureşti 1996.

Paraschiv D. Amfore pontice romane şi romano-bizantine în zona Dunarii de Jos // AM. – XXV. - 2002. – P. 165–208.

Robinson H. Pottery of the Roman Period // The Athenian Agora, V. – 1959.

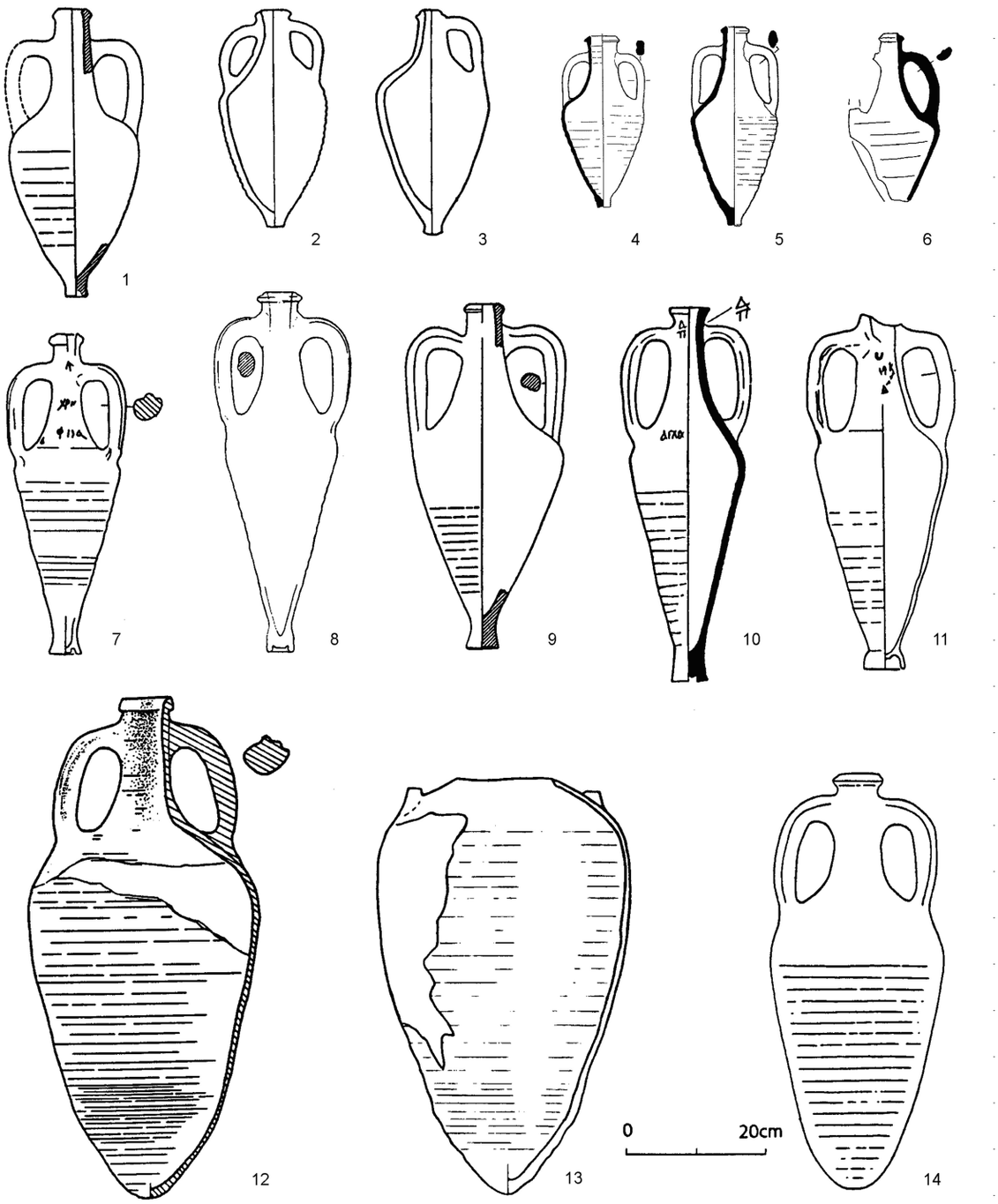


Рис. 1.
Светлоглиняные амфоры.
1 *– Беседовка;* ***2, 3*** *– Оселивка;* ***4, 5*** *– Дружное (Крым);* ***6*** *– Песчаное;* ***7, 12*** *– Каменка-Анчекрак;* ***8*** *– Николаевка;* ***9*** *– хут. Холодный;* ***10*** *– Чубовка;* ***11*** *– Тира;* ***13*** *– Александровка;* ***14*** *– Басовка* ***(1*** *– тип D;* ***2–6*** *– переходный тип D/F;* ***7–11*** *– тип F;* ***12–14*** *– тип E)*

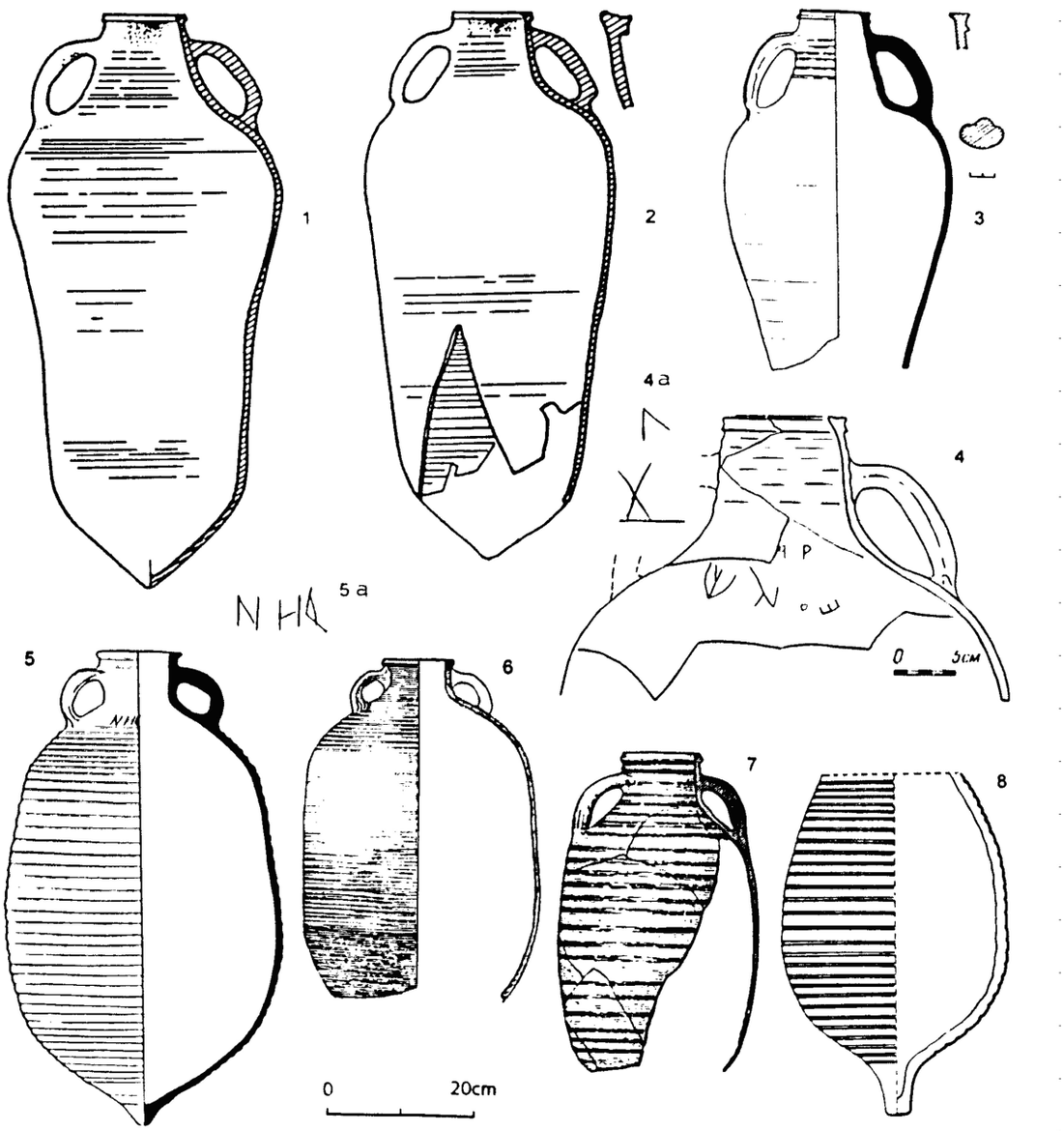


Рис. 2.
Красноглиняные амфоры.
1, 2 *– Каменка-Анчекрак;* ***3, 5*** *– Тира;* ***4*** *– Александровка (****4а*** *– граффити на обратной стороне горла);* ***6*** *– Ягнятин;* ***7*** *– Рипнев II;* ***8*** *– Яссы-Николина*
*(****1–4*** *– тип Зеест 100;* ***5–8*** *– тип М.273)*

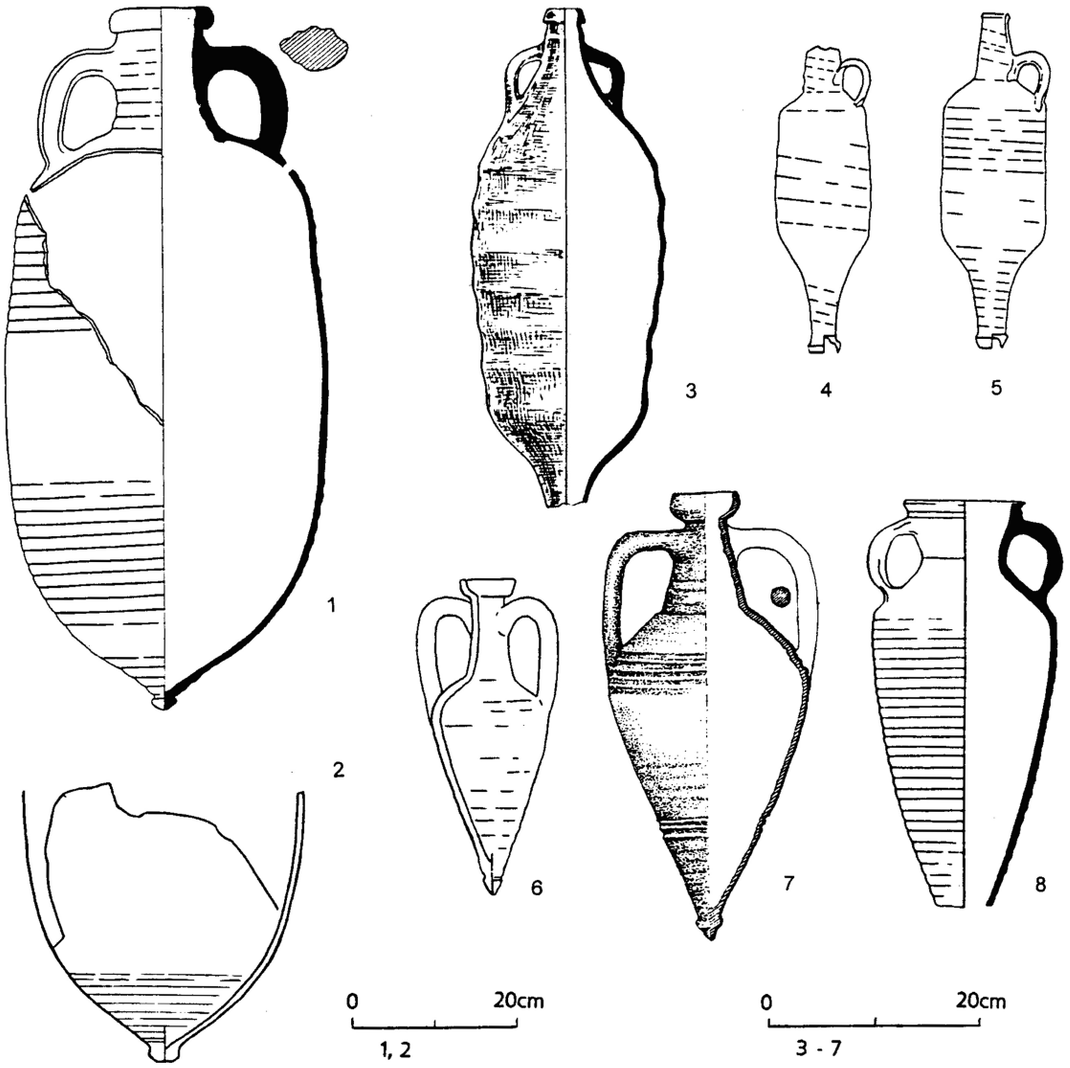


Рис. 3.
Амфоры.
1, 8 *– Тира;* ***2*** *– Александровка;* ***3*** *– Кокоара II;* ***4*** *– Каменка-Анчекрак, погр. 5;*
5 *– Каменка-Анчекрак, погр. 8;* ***6*** *– Спанцов, погр. 12;* ***7*** *– Извоаре, погр. 9*
(1, 2 *– тип «Харакс, погр. 33»;* ***3*** *– тип Зеест 95;* ***4, 5*** *– тип М.275–276;* ***6, 7*** *– тип «Дафна»)*

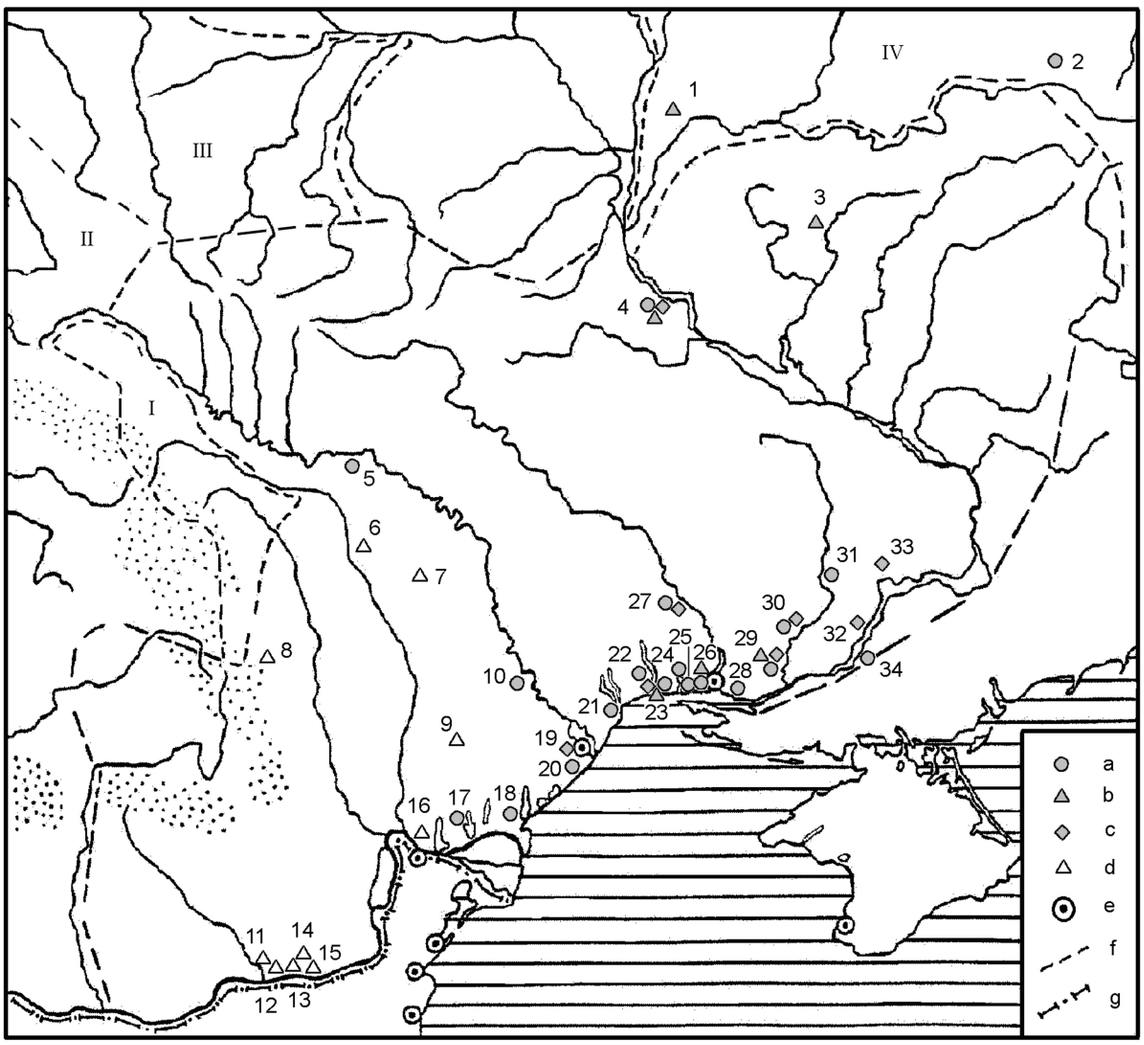


Рис. 4.

Находки некоторых типов позднеримских амфор в ареале черняховской культуры.

***a** – тип Зеест 100; **b** – тип Е; **c** – тип «Харакс 33»; **d** – тип «Дафна»; **e** – города; **f** – границы черняховской культуры и других культурных групп в середине 4 в.; **g** – граница Римской империи.*

***I** – культура карпатских курганов; **II** – пшеворская культура;*

***III** – вельбарская культура; **IV** – киевская культура.*

***1** – Роище; **2** – Гусинка; **3** – Басовка; **4** – Ржищев-Рипница; **5** – Комаров; **6** – Малаешты; **7** – Елизаветовка; **8** – Извоаре; **9** – Комрат; **10** – Делакеу; **11** – Четатя Векь; **12** – Спанцов; **13** – Коконь; **14** – Николае Бэлческу; **15** – Индепенденца; **16** – Нагорное 2; **17** – Утконосовка; **18** – Нерушай; **19** – Тира; **20** – Чабанское; **21** – Киселово; **22** – Ранжевое; **23** – Луговое; **24** – Мыс; **25** – Каборга; **26** – Каменка-Анчекрак; **27** – Городок; **28** – Станислав; **29** – Александровка; **30** – Снигиревка; **31** – Ганнивка; **32** – Дудчаны; **33** – Кут; **34** – Каиры*

М.Е. ЛЕВАДА

МИФ О ГОРОДИЩАХ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

День трубы и бранного крика против
укреплённых городов и высоких башен.
Софония 1:16

Изучение истории Северного Причерноморья в позднее римское время часто упирается в искусственно созданную проблему, когда сопоставление данных письменных источников и результатов археологических исследований обобщается не в виде реконструкции событий, а как повод для выяснения всевозможных этнических процессов. При этом тезис о том, что материальная культура не относится к обязательным характеристикам этноса, не обсуждается, а разница между племенем или народом древних авторов и современными представлениями об этносе – не рассматривается (см. Левада, Осадчий 2004, с. 230).

Важнейшими древностями региона для этого периода являются памятники черняховской культуры. Их явно восточногерманские – через генетические связи с вельбарской культурой – черты соотносимы со сведениями древних авторов о готских королевствах в «Скифии». Именно поэтому парадоксальным выглядит различие в материальной культуре черняховских древностей и синхронных памятников Крыма, также отождествляемых с готами (Пиоро 1990). Одним из возможных путей решением этой проблемы видится повторное «прочтение» археологических источников и возможная новая их интерпретация. Такой путь перспективен не только с «крымской» стороны, где осмысление новых материалов позволяет серьезно уточнить наши представления о племенной ситуации римского времени (например, *Айбабин* 1999; *Храпунов* 2004). Массив черняховских памятников также оказывается не единым и однородным, что уже неоднократно замечалось по различным поводам (например, *Щукин* 2005, с. 162–164, там же литература).

Среди свойств, определяющих черняховскую археологическую культуру, важное место занимают долговременные биритуальные могильники и открытые неукрепленные поселения (*Баран, Магомедов, Гороховский* 1990). Эти признаки подтверждены несколькими тысячами поселений и сотнями могильников. И введение в черняховский круг памятников, не совпадающих или не полностью совпадающих с определением культуры, должно тщательно обосновываться. Речь идет о том, что к черняховской культуре, без сопоставления с ее определением, относят и отдельные, единичные погребения, совершенные вне могильников (Рудка, Городница), и могильники с моноритуальным обрядом (Ханска-Лутэриэ II), и курганные могильники или погребения с каменными кругами (Войсковое, Башмачка, Августиновка). В это список принято включать также укрепленные городища-крепости – Александровку/Роксандровку, Башмачку и Городок. Уникальные для черняховских древностей, все они введены в эту культуру по наличию гончарной сероглиняной керамики и (или) «черняховского» набора украшений. Такой подход представляется несколько поверхностным. Похожие украшения и керамика (причем часто именно «черняховских» форм или типов) известны в и отдельных комплексах синхронных могильников Крыма (Суворово, Нейзац, Черная Речка, Дружное и др.) и в курганах кочевников конца IV века (Кантемировка, Новочеркасский, Кубей, Дмухайловка и др.). Однако эти и подобные им погребения никто не пытается отнести собственно к черняховской культуре. А попытки включить в нее древности с «похожим» инвентарем уже доказали свою несостоятельность (например, Брайчевский 1964).

Поскольку из всех упомянутых «сомнительных» памятников наиболее презентабельно изданы именно городища, попытаемся проанализировать их с точки зрения культурной принадлежности. Два городища исследованы значительными раскопками и достаточно полно опубликованы (*Магомедов* 1987; *Смиленко* 1992), еще одно исследовалось раскопками (*Гребенников, Горбенко* 1998). При этом определение черняховской археологической культуры специально обсуждаться в работе не будет (о некоторых сложностях, связанных с выделением черняховских древностей, см.: *Левада, Дудек* 1999, с. 152–153).

I. Целесообразность черняховских городищ.

Все относимые к черняховской культуре городища рассматриваются их исследователями как явления одного порядка (по признаку наличия системы укреплений) и их существование объясняется схожими причинами. Из-за сложности вопроса сами причины не всегда четко разграничиваются, зачастую выступая «в комплексе» (Магомедов 1987, с. 40; Кропоткин А. 1984, с. 43; Смиленко 1992, с. 111-121).

1. Ставка военного вождя (или столица готских королей). Такое объяснение, кажется, может подходить только для Башмачки. Ее небольшие, относительно двух других, размеры, расположение в центре жилых построек, наличие каких-то хозяйственных объектов действительно могут быть аргументами в эту пользу (рис. 1: *1*). Таким образом, Башмачка могла представлять собой крупную укрепленную усадьбу, включавшую и жилье, и службы. Подобный универсальный комплекс позднее стал основой хозяйственного уклада феодального замка, имевшего сараи, хлева, конюшни, зерновые ямы-хранилища, пекарни, кузни и т.д.

О Городке говорить очень сложно – памятник пока не исследован раскопками на большой площади. А вот Александровка-Роксандровка, к счастью, не только раскапывалась. Сохранился подробный и достоверный план начала XIX века с нанесенными фундаментами построек (*Магомедов* 1987, рис. 1). Ясно видно, что это был большой военный лагерь-крепость регулярной продуманной застройки (рис. 1: *2*). Все строения спланированы в едином линейном казарменном стиле. Предводитель-командир, вероятно, занимал отдельное, стоящее перпендикулярно казармам, помещение, с трех сторон которого оставалось незастроенное место – плац. Планировка крепости свидетельствует об одновременном возведении всех строений. Чувствуется традиция военных крепостей. Длинные каменные казармы характерны только для римской армии (например, *Зубарь* 1994, с. 44-49, рис. 5–7). Правда, в нашем случае общая схема напоминает скорее лагерь времен Республики, известный по описанию Полибия, т. е. лагерь для армии одного консула на два легиона (когда помещение командира располагается не по центру). Но ведь и речь идет не о собственно римском укреплении, а о влиянии традиции.

И именно поэтому городище не могло быть ставкой (столицей) вождя. Варварская дружина, организовывавшаяся по принципу товарищества, связанная личной преданностью доблестному вождю, имела иную психологию, чем римская армия с ее железной дисциплиной, четкой организацией и иерархией. «Казарменное» расселение должно подразумевать организацию войска, которую трудно представить, и варварских королей не только в это время, но и в более позднюю эпоху. Да и поддерживать такую большую крепость в жизнеспособном состоянии можно только значительными силами – гарнизон, инженеры, прислуга, фуражиры и пр. Сложно представить как в варварском черняховском обществе, с его еще только еще оформляющейся государственностью, вождь или король мог постоянно отвлекать значительные средства и людей на это.

Идея М. Б. Щукина, что одно из городищ – Башмачка или Александровка-Роксандровка – может быть легендарной крепостью, упомянутой в «Песне о Хлерде», также кажется не очень перспективной (*Щукин* 2005, с. 231). По описанию источника, эта крепость находилась в лесу Мюрквид, отделяющего гуннские земли от готских. Но в таком случае Александровка-Роксандровка должна отпадать сразу – каких-либо значительных лесов в степном регионе не существовало, а рощи в поймах рек вряд ли могли служить границами-ориентирами между большими народами. Что касается Башмачки, то на этом участке правобережья Среднего Поднепровья четкой границы, образованной лесным массивом, тоже нет. Тут ею, скорее, мог быть Днепр.

2. Племенные (политические) центры. Если *a priori* согласиться с авторами раскопок, что это городища черняховской культуры, то необходимость в них как в центрах племенных или политических союзов могла появиться только среди тех восточноевропейских племен, с которыми эту культуру принято соотносить.

Сразу бросается в глаза очень неудобное географическое расположение этих пунктов именно как таких центров (рис. 2). Башмачка находится на самой восточной границе черняховской культуры в районе Среднего Днепра. Александровка/Роксандровка – на восточном краю причерноморского («киселовского») варианта черняховской культуры, а Городок – на его северной границе. Оба последних памятника отодвинуты к краю степей, т. е. в сторону от основного культурного массива.

Импульс, приведший в Северное Причерноморье готов, захватил и другие североевропейские (восточногерманские) племена – гепидов, бургундов, тайфалов, герулов. В состав черняховской культуры с различной степенью достоверности принято включать также племена и народы Юго-Восточной Европы – венедов, часть гето-дакийского населения и т. н. «скифо-сарматских» обитателей Причерноморья. Основной «германский» ареал культуры, выделяемый по характерной лепной керамике, приходится на лесостепную зону Правобережной Украины, Волынь и частично Молдову. С венед-

скими (протославянскими) древностями связывают Киевское Поднепровье и Верхний Днестр. Черты гето-дакийского влияния проявляются в Молдове, а «скифо-сарматские» – на побережье Черного моря от Буджака до устья Днепра. Очевидно, что для любого из этих народов расположение городищ как племенных центров очень невыгодно. К тому же трудно объяснить, как готы, имеющие, судя по источникам, подавляющее военно-политическое преимущество, терпели эти центры на подконтрольной территории. А для самих готских королей так размещать центры своих «держав» было тоже неудобно. Земли везиготов-Балтов, судя из информации Марцелина, вообще тянулись к западу от Днестра. А для остроготов-Амалов стратегически выгоднее было бы организовывать административный или политический центр в окружении поселений единоплеменников, а не на периферии. Возможное разграничение готских земель по линии «киселовского» варианта, остроумно обоснованное М. Б. Щукиным, общей картины не меняет (Щукин 2005, с. 164). Правда, конфигурация племенных ареалов могла измениться поле прихода в Причерноморье гуннов, но данных о находках четко маркирующих именно это время на городищах в нашем распоряжении нет.

3. Прикрытие от ударов номадов с востока. Угроза из-за Днепра была в римское время реальной, поэтому такое объяснение существованию укрепленных пунктов кажется рациональным. Но как раз в этом случае необходим отдельный анализ целесообразности расположения каждого городища (кроме Городка, который расположен вообще в стороне от этого рубежа – на Южном Буге).

В районе днепровских порогов, где находится Башмачка, издревле существовали переправы. Они сохраняли свое стратегическое значение вплоть до позднего средневековья. Но контролировать переправу Башмачка не могла в силу своего очень неудачного именно для этой цели положения. До Днепра расстояние напрямую около трех километров. Разумеется, можно допустить существование на берегу наблюдательного поста. Но, судя по размерам городища, гарнизон был не настолько велик, чтобы прикрыть берег от высадки даже среднего по численности отряда. Небольшое укрепление было бы уместно, существуй оно в цепи подобных крепостей-постов. Такие системы укреплений известны для средневековья, когда сигнал о вторжении передавался по цепочке к основным силам. Эти пункты выносились на высокий коренной берег, в пределах видимости соседних. От Башмачки передать сигнал очень сложно – даже поселение, окружающее стены, расположено выше по склону, чем мыс городища. Такая топография, к тому же, свидетельствует, что городище не было рассчитано на регулярную военную осаду. Ко всему следует добавить, что наиболее удобная (и очень древняя) переправа через Днепр находилась у острова Хортица, т. е. значительно ниже Башмачки по течению.

Городище Александровка/Роксандровка, по мнению Б. В. Магомедова, контролировало торговый путь из Приазовья и Крыма к Дунаю (*Магомедов* 1987, с. 40). Ссылка на то, что такую же функцию в первые века н. э. выполнял находящийся неподалеку римский лагерь не выглядит веской. Сила римской военной и административной организации во многом определялась четко налаженной системой. Выдвинутый в варварскую территорию лагерь был связан с другими подразделениями регулярным оповещением и снабжением. Путь, о котором идет речь, был реконструирован (точнее, смоделирован) собственно благодаря открытию двух временных военных лагерей (типа *castellum*). Эти лагеря могли входить в систему укреплений, расположенной вдоль сухопутной военной дороги из Мезии в Таврику (Буйских 1983, с. 124–125). И речь идет о возможном сухопутном пути военной экспедиции Плавтия Сильвана в Херсонес в 63–66 г., т. е. эти лагеря вообще были предназначены для «одноразового» использования. Из одинокой крепости (а как раз такой, по-видимому, и была Александровка/Роксандровка) можно было контролировать дорогу только на расстояние в один переход. Поэтому городище не представляло серьезного препятствия и легко могло быть обойдено.

Неизвестно, существовал ли торговый путь вдоль побережья Азовского моря в период жизнедеятельности городища (IV в.) и имел ли он какое-нибудь крупное экономическое значение. Реконструировать сухопутные восточноевропейские караванные пути этого времени по распространению римских импортов пока невозможно (*Кропоткин* В. 1967). Северопонтийские античные центры, на которых держалась вся торговля этого региона, после событий второй половины III века, еще не восстановили свою экономику в полном объеме и во многом переориентировали торговые направления. Практически по всему Северному Причерноморью прекратили существования или резко сократили занимаемые площади позднеантичные сельские поселения (*Крапивина* 1993, с. 157; *Зубарь* 1994, с. 119–121). В торговых предпочтениях Херсонеса все большее значение приобретают товары южнопонтийских городов (*Зубарь* 1993, с. 57–60). Ольвия и Тира, скорее всего, становятся местами, через которые к черняховским племенам из Малой

Азии, Египта и черноморских центров поступают стеклянные сосуды, бусы и прочие украшения, вино и масло (*Кропоткин А., Кропоткин В.* 1988, с. 175–176; *Магомедов* 1987а, с. 76–86; *Павленко, Сон* 1991, с. 13). На побережье Азовского моря от Крыма до Дона поселения IV в. неизвестны. Но этот промежуток гораздо больше одного караванного перехода, и следы каких-нибудь торговых поселений («дневок») быть там обязаны. От Танаиса до Александровки/Роксандровки расстояние напрямую около 370 км. Существуют расчеты одного дневного караванного пути, сделанные для средневековья на основании арабских источников (*Моця, Халиков* 1997, с. 88, там же литература). Думается, они полностью применимы и для римского времени. В зависимости от используемых вьючных животных и особенностей транспортных средств (вариантов повозок или возов, способов размещения поклажи), протяженность одного дневного перехода составляла от 31 до 46 км. Каждые 2–3 дня была необходима суточная остановка для отдыха животных и ремонта упряжи. В таких местах и обязаны быть следы перевалочных поселений-дневок. Получается, что проход от городища до Приазовья, с учетом переправы через Днепр и его притоки, дневок и непрямого пути, мог продолжаться до одного месяца. Следует помнить, что большая часть расстояния прошла бы в то время по засушливым степям, где не было воды и достаточного корма животным. А провоз даже минимального количества воды и фуража делал караван экономически бессмысленным. Косвенным аргументом против существования такого торгового направления могут быть политические и экономические амбиции Боспорского царства в этом регионе. Учитывая большие морские возможности Боспора, надлежит признать наиболее вероятным передвижение товаров по морю, а далее – по рекам (*Кропоткин А., Кропоткин В.* 1988, с. 176). Тем более что морской путь вдоль западного побережья Понта до Ольвии, затем через Херсонес и Южный берег Таврики на Кавказ во II–III вв. сомнений не вызывает (*Зубарь* 1994, с. 75).

4. Дополнительная версия. Обсуждая со мной идею этой статьи, А.А. Васильев высказал любопытную версию, ранее не звучавшую ни в одной работе: а не мог ли на Александровке/Роксандровке находиться центр подготовки волонтеров для службы во вспомогательных частях перед отправкой в римскую армию?

На первый взгляд гипотеза выглядит перспективной. И все же, при всей привлекательности этой идеи, я, не могу с ней согласиться. После смерти императора Юлиана в 363 г. и последовавших за этим событий, связанных с борьбой Валента за власть, отношение к готам кардинально изменилось. Их лишили стипендий, ограничили пограничную торговлю, даже готский отряд в Константинополе был разоружен (*Щукин* 2005, с. 220–221). Но как раз временем, близким ко времени правления Валента, и принято датировать этот памятник (*Магомедов* 1987; 1987а, с. 88). Получается, что крепость существовала именно в тот период, когда готы утратили статус федератов. Да и готовить новобранцев следовало бы поближе к границе. А это городище расположено как раз с противоположной (восточной) стороны черняховского ареала.

II. Анализ археологических источников.

Рассматриваемые городища исследовались раскопками, правда, в разной степени. Городок пока изучен очень слабо, в Александровке/Роксандровке проведены значительные работы, Башмачка исследована полностью.

1. Городище Городок. Впервые Городок интерпретировала как черняховский памятник Н.Г. Елагина. Ее экспедиция, обследовавшая мыс городища, собрала на нем исключительно черняховскую керамику. Правда шурфы никаких материалов, позволяющих уточнить культурную принадлежность и структуру слоя, не выявили. Со ссылкой на архив И. В. Фабрициус, она отметила находки поливной керамики возле укреплений. Уже тогда стало ясно, что это не исключает позднейшую дату оборонительной системы (*Елагина* 1957).

В 1998 г. на Городке провел раскопки Николаевский педагогический институт. Никаких объектов или материалов позднего римского времени там не было обнаружено, но найдены турецкие объекты (*Гребенников, Горбенко* 1998).

Известно, что на Городке находили и керамику скифского времени. Учитывая его значительные размеры и планировку (рис. 3), это вполне могут оказаться укрепления этого же времени.

2. Городище Александровка/Роксандровка. Этот комплексный памятник, включающий могильник, обладает некоторыми странными для черняховской культуры чертами.

То, что сама крепость с ее римской планировкой – явление чуждое черняховской культуре, вроде бы понятно. А на могильнике, относящемуся к этому памятнику, сделана еще одна уникальная для черняховской культуры, но имеющая прямую связь с античной традицией находка. Речь идет о каменном жертвенном алтаре (*Магомедов* 1987, рис. 4: *1*). Культовые сооружения в черняховском ареале известны, но ничего похожего на этот алтарь пока не найдено (*Козак, Боровский* 1990, с. 84–89). Аналогии с «эсхарами», обнаруженными в скифских курганах, выглядят очень отдаленными, учитывая культурно-хронологический разрыв. Гораздо убедительнее в этом смысле параллели с находками римского времени из Ольвии и Керчи (Магомедов 1987, с. 30, 34).

Импортные позднеантичные сосуды составляют в Александровке/Роксандровке 72,6% от всей керамической посуды. Ссылка на то, что большинство фрагментов принадлежит амфорам, т. е. таре, неубедительна. По словам автора раскопок, и среди гончарной сероглиняной черняховской керамики обращает на себя внимание большое количество зерновиков-пифосов – 10%, т. е. тоже тары (*Магомедов* 1987, с. 34). На памятниках причерноморского варианта черняховской культуры процент импортной керамики относительно велик, но везде он меньше половины. Исключением является поселение Каменка-Анчекрак вблизи Ольвии (51,9%), на котором исследован нехарактерный для черняховских памятников комплекс – усадьба с большим количеством строений (Магомедов 1991, с. 14, 21). То, что черняховская керамика составляет в крепости всего 27,4 %, кажется, никого не смущает, хотя памятник с 72,6 % черняховской керамики и 27,4 % античной никто бы не рискнул зачислить в античные центры.

Немногочисленная лепная керамика из Александровки/Роксандровки производит, в общем, северопричерноморское впечатление, но отдельные сосуды имеют аналогии только в Крыму (рис. 4). Кувшин с двумя ассиметричными ручками (*Магомедов* 1987, рис. 7: *2*) напоминает находку из городища Тарпанчи (Дашевская 1991, табл. 24: *10*). Лепные горшки с этих же памятников практически идентичны (*Магомедов* 1987, рис. 7:*3*; *Дашевская* 1991, табл. 24: *5*)[1].

Вопрос, кем и для чего была основана крепость Александровка/Роксандровка, очень труден. Можно попробовать его решить, попыткой реконструкции военно-политической ситуации в Северном Причерноморье этого времени. Судя по источникам, самыми значительными военными событиями IV века в этом регионе были завоевания остроготского короля Германариха и нашествие гуннов. Германарих вел очень агрессивную внешнюю политику, расширяя границы своего королевства. Нельзя согласиться с тем, что Иордан преувеличил победы остроготов, включив в свое описание дорожник-итинерарий (*Рыбаков* 1987, с. 31–36; *Смиленко* 1992, с. 120). Любой дорожник составлялся вдоль торговых путей и служил для описания конкретного маршрута. Совершенно справедливо считает М. Казанский, что Германарих пытался взять под контроль один из янтарных путей, проходивший от эстов через земли венедов (*Kazanski* 1992; *Казанский* 1997). Причем достигал он этого не только военными действиями, но и при помощи дипломатии, подчинив эстов «умом своим и доблестью» (Гетика § 120). В походах против северных племен, похоже, преследовалась также и цель взять под контроль земли, из которых в Европу поступали меха. С попыткой контролировать устье Дона была, наверное, связана военная акция Германариха против обитавших «близ Меотийского болота» герулов (Гетика § 117). Так он старался захватить начало пути на север по Дону и Волге. Но, описывая победы остроготов в Приазовье, Иордан даже не упомянул аланов. Впервые он пишет об аланах в связи с нашествием гуннов (Гетика § 126). Это очень показательно, ведь у Меотиды Германарих не мог не столкнуться с интересами аланов-танаитов. Не постигла ли его неудача на этом направлении? Косвенные основания для такого утверждения существуют. Распространение черняховской культуры на юг ограничивается Северо-Западным Причерноморьем. Побережье Азовского моря в то время было мало пригодно для жизни. Но нет черняховских памятников и в Крыму, хотя в период Скифских войн какие-то готы там известны по письменным источникам (*Хайрединова* 1995). В середине III века в Крыму появляются многочисленные памятники типа Дружное-Нейзац, которые принято связывать с проникновением в эти земли аланов с Кавказа (*Пиоро* 1990, с. 114–160; *Айбабин* 1996, с. 295; *Khrapunow* 1998). Это население, судя по инвентарю могил, было весьма воинственным – многочисленны погребения с разнообразным вооружением, и, возможно, оно выполняло функцию федератов для позднеантичных центров Крыма. А вот находки «черняховского» происхождения (керамика и украшения) в это время в Крыму единичны, что указывает хоть и на регулярные, но незначительные контакты. Создается впечатление, что с помощью аланов готы Германариха были отброшены от юго-восточного направления.

В связи с этим очень интересно, что на памятниках причерноморского варианта черняховской культуры практически неизвестны находки вооружения, хотя в других регионах культуры они обычны (*Магомедов, Левада* 1996). Найдено только два наконечника стрел в слое поселения Каменка-Анчекрак и рукоять щита в той же Александровке/Роксандровке. Существуют погребения с оружием в могильниках Беленькое и Николаевка-Казачье, но как раз для этих памятников характерны, похоже, какие-то скорее аланские черты. Рукоять щита из Александровки/Роксандровки относится к типу Zieling X. На черняховских территориях этот тип известен, кроме Беленького, в могильнике Оселивка на Днестре в погребении 70, по признакам обряда относящегося к пшеворским (вандальским). А в Причерно-

[1] Искренне благодарю В. П. Власова за консультацию.

морье такие рукояти распространены довольно широко в основном на «аланских» территориях Крыма и Кавказа (*Kazanski* 1994).

Таким образом, аланы (или какой-то союз с их участием), вероятно, вынудили готов создать демилитаризированную зону в Северо-Западном Причерноморье с целью ограничить их стремления продвинуться в Крым, на Дон или Восточное Причерноморье. По этому коридору вдоль Черного моря аланы и попадали в Нижнее Подунавье, где сейчас выделена соотносимая с ними группа древностей (Казанский 1994, Simonenko 1995). Но мирное равновесие сохранялось недолго: первый удар по остроготам гунны нанесли при поддержке именно аланов (Amm. Mar. XXXI-3-1). Само городище Александровка/Роксандровка при этом не пострадало – следов штурма или разгрома на нем не обнаружено. Поэтому можно предложить такую версию: эта крепость была организована каким-то позднеантичным населением Крыма (не обязательно аланами, а, вполне возможно, боспорянами) с целью наблюдения за приграничными областями королевства Германариха, а возможно, и обоих готских королевств, и фильтрации, нежелательных в Крыму, военных готских отрядов. Не исключено, что ее появление стало возможным благодаря победам Валента над готами Атанариха, когда общая ситуация стала складываться не в пользу готов. То есть городище прикрывало все крымское направление. Вокруг крепости существовал ряд черняховских поселений (*Магомедов* 1987а, рис. 1: *155–169, 171–173*, с. 99), жители которых могли быть задействованы для обслуживания гарнизона. Этим и объясняется черняховская керамика на городище.

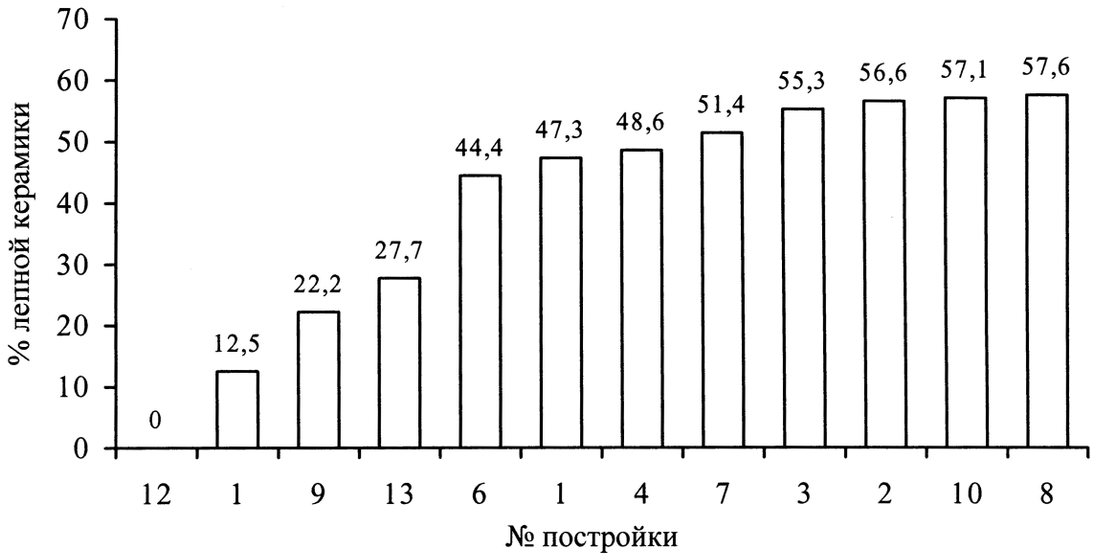
3. Городище Башмачка. Публикация отдельной книгой практически полностью раскопанного городища Башмачка отнюдь не ответила на вопрос о его культурно-хронологической принадлежности. Очень неудобно, что находки из двух могильников, поселения и городища были заранее объединены автором в один комплекс и рассматривались сообща. Такая подача материала, особенно в иллюстративных таблицах, оказалась неудачной. Лепная керамика вельбарских форм с могильников и гончарная черняховская с поселения придали всем находкам черты, характерные для лесостепных правобережных памятников черняховской культуры.

Недоумение вызывает утверждение автора, что памятник является, несомненно, однослойным, так как культурный слой, кроме находок, относящихся к черняховской культуре, вещей иных периодов не содержал (*Смиленко* 1992, с. 6). Это неверно: в небольшой части коллекции, которую мне удалось просмотреть, имеются фрагменты сосудов культуры шнуровой керамики. Именно с этой эпохой связаны и две костяные бусины не характерные для римского времени (*Смиленко* 1992, рис. 17: *22, 23*). В коллекции находится также фрагмент сероглиняного гончарного сарматского кувшина. Он, к сожалению, издан в очень неудачном рисунке (*Смиленко* 1992, рис. 32: 4). Скорее всего, именно многослойностью памятника можно объяснить различие между статистическими показателями костей животных на Башмачке и средними показателями для поселений черняховской культуры (*Смиленко* 1992 – приложение Н. Г. Белан и О. П. Журавлева, с. 129).

Странно, что в публикации отсутствуют планы двух линий укреплений. Даны только их разрезы (Смиленко 1992, рис. 6: I, 14) и описание стратиграфии. Смущает, что под насыпью вала первой линии обороны (поздней, по мнению автора) была исследована яма прямоугольной формы с кусочками истлевшего дерева в заполнении (Смиленко 1992, с. 22). Выделение двух горизонтов, определенных по глубинам котлованов построек и уровню залегания каменных укреплений ничем не обосновано. Правильнее было бы считать, что эти укрепления были воздвигнуты на уже существовавшем в то время культурном слое поселения. Именно поэтому часть постройки № 16 оказалась «срезанной» рвом первой напольной линии укреплений.

Основания для утверждения, что городище относится не ко времени черняховской культуры, имеются. В культурном слое и некоторых объектах найдена лепная керамика с чертами, присущими пеньковской культуре (*Гавритухин, Обломский* 1996, *Приходнюк* 1998). Из слоя городища происходит сковородковидный сосуд (тип Обломский-21 / Приходнюк-VIII, 13-ый вариант), диск (тип Обломский-20 / Приходнюк-X, 16-ый вариант), миниатюрный биконический сосудик (тип Обломский-2 / Приходнюк-I, 3-ий вариант), мисковидный сосуд (тип Обломский-14 / Приходнюк-VIII, 12-ый вариант), горшок (тип Обломский-12 / Приходнюк-VII, 10-ый вариант). Подобная керамика есть и в некоторых жилищах. Очень выразителен лепной сервиз из постройки № 7, формы которого почему-то были названы автором северными (*Смиленко* 1992, с. 38). Он включает сосуды типа Обломский-1, 8, 11, 12 / Приходнюк-I(1), II(5), IV(7), VII(10). Из пеньковского набора выпадает лепная миска открытого типа, названная автором крышкой, но она нехарактерна и для черняховской или вельбарской посуды (рис. 5).

По соотношению гончарной и лепной керамики постройки городища можно разделить на две группы.



Ко времени существования поселения черняховской культуры, несомненно, относятся постройки № 1, 9, 13. Постройка № 12 малоинформативная, в ней найдено только два черепка гончарного сосуда. Подвергнуть разбору остальные постройки сложно – работы по возведению укреплений и углублённых жилищ не могли проводиться без значительного перемещения культурного слоя, поэтому наличие в объектах черняховской керамики не является достоверным культурным показателем. Но каменный очаг и крупные камни вдоль стены постройки № 2 похожи на разрушенную печь-каменку. Большинство построек внутри крепости – полуземлянки или землянки. А все жилища, исследованные за пределами каменных укреплений, наземные (№ 14, 15, 17). О постройке № 16, углублённой на 0,7 м в землю, судить сложно – прослежена только часть северо-восточной стены. Непонятно, как ров, разрушивший часть этой постройки, мог начинаться от глубины её пола (*Смиленко* 1992, рис. 24:I).

К сожалению, вещей, позволяющих узко датировать пеньковский слой, в Башмачке не найдено. Диски и сосуды типа Обломский-12 / Приходнюк VII, по мнению О.М. Приходнюка, характерны для ранней фазы культуры – V в. А сосуды-сковородки с высоким бортиком и округлобокие формы – для второй стадии: начало VI – вторая половина VII в. (Приходнюк 1998, с. 506-507). Если это так, то наиболее осторожной датировкой крепости будет конец V – первая половина VI в.

Безусловно, укреплённые городища нехарактерны и для пеньковской культуры. Известно только три таких пункта. Два из них собственно пеньковские (Будище в Среднем Поднепровье и Селиште в Молдове), а один, того же времени, принадлежал, судя по всему, какому-то пришлому населению, жившему среди пеньковского окружения (Пастырское в среднем Поднепровье). Объяснить возникновение укреплений в Башмачке, как и прочих пеньковских, нелегко. Любая аргументация пока является только рабочей гипотезой. Для решения этого вопроса очень важным представляется наблюдение И.О. Гавритухина, что находки пальчатых фибул боспорского производства VI–VII вв. сосредоточены в Поднепровье в районе порогов и Канева–Черкасс (именно в местах днепровских «пеньковских» городищ). Он допускает, что это связано с компактным проживанием там выходцев из Боспора – торговцев или каких-то иммигрантов (*Гавритухин* 1997, с. 29–30). В связи с тем, что укрепления в Башмачке были сделаны явно в чуждой для этих мест манере – с использованием каменных панцирных построек, и их боспорское происхождение кажется допустимым. Возле порогов существовали обходные пути, и, скорее всего, Башмачка была местом хранения грузов, перевозимых по Днепру, т. е. попросту регулярно используемым укреплённым складом. Именно таким использованием городища можно объяснить слабонасыщенный культурный слой. Неудачное размещение укреплений на низком мысу потребовало возведения двух дополнительных линий, несмотря на которые Башмачку постигла судьба других днепровских городищ этого времени.

Высказанные в этой работе сомнения по поводу культурной принадлежности трёх городищ не должны восприниматься как попытка окончательного закрытия вопроса их атрибуции. Решение проблемы видится, с одной стороны, в полном современном издании всех имеющихся материалов. А с другой стороны, интерпретация событий этнической истории, особенно в переломные периоды развития цивилизации, возможна лишь, по справедливому замечанию И.С. Пиоро, «только на основании комплексного изучения исторических и археологических источников, данных нумизматики, эпиграфики, антропологии, лингвистики, этнографии» (*Пиоро* 1990, с. 5).

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А.И. Население Крыма в середине III–IV вв. // МАИЭТ. – Вып. V. – Симферополь, 1996. – С. 290–303, 549–557.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999.

Баран В.Д., Магомедов Б.В., Гороховский Е.Л. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). – К., 1990. – С. 30–7

Брайчевський М.Ю. Біля джерел слов'янської державності. – К., 1964.

Буйских С.Б. Оборонительные сооружения ольвийского государства первых веков нашей эры. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – НА ИА НАНУ. – № 626. – К., 1983.

Гавритухин И.О. Боспор и Поднепровье в VI–VII вв. (к изучению северопонтийских ювелирных школ) // Международная конференция Византия и Крым. Тез. докл. – Симферополь, 1997. – С. 27–32.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. – М., 1996.

Гребенников Ю.С. , Горбенко К.В. Отчёт о работе экспедиции Николаевского педагогического института в 1998 г. – НА ИА НАНУ. – К., 1998.

Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. – САИ. – Вып. Д 1–7. – М., 1991.

Елагина Н.Г. Отчёт скифской степной экспедиции истфака МГУ за 1957 год. – НА ИА НАНУ. – № 1957/34. – К., 1957.

Зубарь В.М. Херсонес Таврический в античную эпоху. – К., 1993.

Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. – К., 1994.

Казанский М.М. Могилы алано-сарматских вождей в. в Понтийских степях // МАИЭТ. – Вып. IV. – Симферополь, 1994. – С. 238–256.

Казанский М.М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // STRATUM + Петербургский археологический вестник. Сборник статей к 60-летию Д.А. Мачинского и М.Б. Щукина. – Санкт-Петербург–Кишенёв, 1997. – С. 181–193.

Козак Д.Н., Боровский Я.Е. Святилища восточных славян // Обряды и верования древнего населения Украины. – К, 1990. – С. 84–101.

Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. – К., 1992.

Кропоткин А.В. К вопросу о племенных центрах черняховской культуры // СА. – 1984. – № 3. – С. 35–47.

Кропоткин А.В., Кропоткин В.В. Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе // Могильники черняховской культуры. – М., 1988 – С. 168–184

Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. – М., 1967.

Магомедов Б.В. Черняховское городище у с. Александровка // Днепро-Дунвйское междуречье в I – начале II тыс. н.э. – К., 1987. – С. 26–41.

Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-западного Причерноморья. – К., 1987а.

Магомедов Б.В. Каменка-Анчекрак. Поселение черняховской культуры. – К., 1991.

Магомедов Б.В., Левада М.Е. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. – Вып. V. – Симферополь, 1996. – С. 304–323, 558–566

Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар–Киев. Связи – пути – судьбы. – К., 1997.

Павленко Ю.В., Сон Н.О. Пізньоантична Тіра та ранньодержавне об'єднання візіготів // Археологія. – 1991. – № 2. – С. 6–16.

Пиоро И.С. Крымская Готия. – К., 1990.

Приходнюк О.М. О единстве и различиях в пеньковской культуре // МАИЭТ. – Вып. VI. – Симферополь, 1998. – С. 499–522

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. – М., 1982

Смиленко А.Т. Городище Башмачка III–IV в. н. э. – К., 1992.

Хайрединова Э.А. Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н.э. // МАИЭТ. – Вып. IV. – Симферополь, 1995. – С. 517–528

Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. – Вып. VI. – Керчь, 2004.

Щукин М.Б. Готский путь. – М., 2005

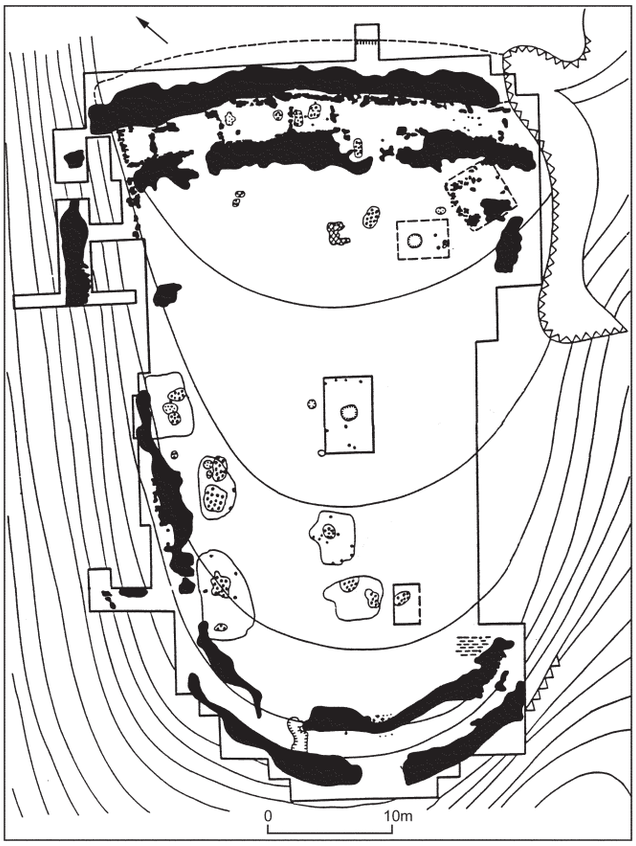
Kazanski M. Les arctoi «gentes» et l'empir d'Hermanaric // Germania. – 1992. – № 70. – 1. – P. 75–121.

Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la region Pontique: origine et diffusion // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. – Lublin/Marbourg, 1994. – P. 429–485.

Khrapunow I.N. A rapport on the cemetery near Druznoye village in the Crimea (3d–4th century A.D.) // Folia Archaeologica. – 22. – Łódz, 1998. – P. 91–98

Simonenko A.V. Catacomb graves of the Sarmathians of the North Pontic region // MFMÉ. – StudArh. – 1995. – № 1. – P. 345–374.

1



2

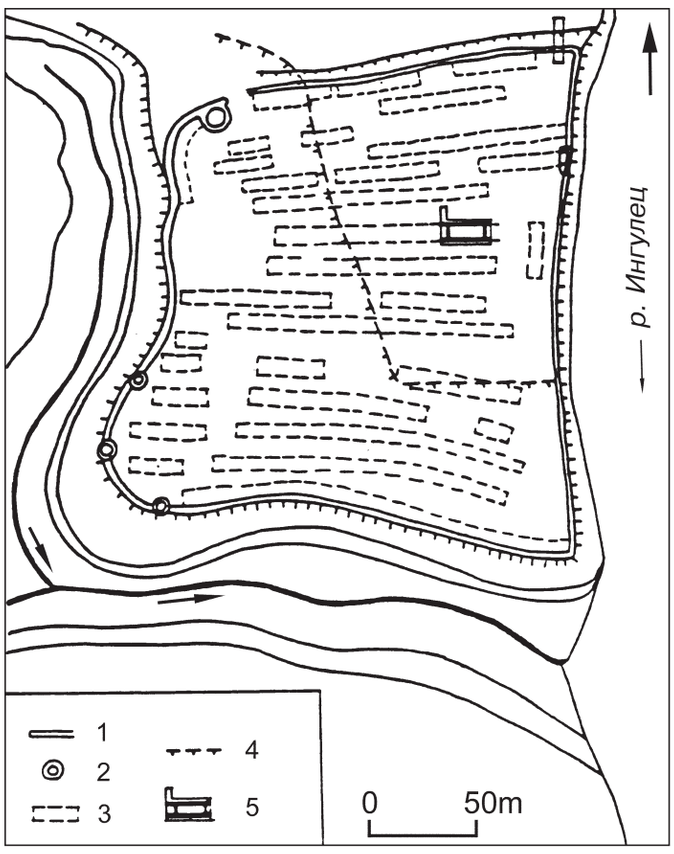


Рис. 1.
1 – Городище Башмачка (по: *Смиленко* 1992); 2 – городище Александровка/Роксандровка (по: *Магомедов* 1987)

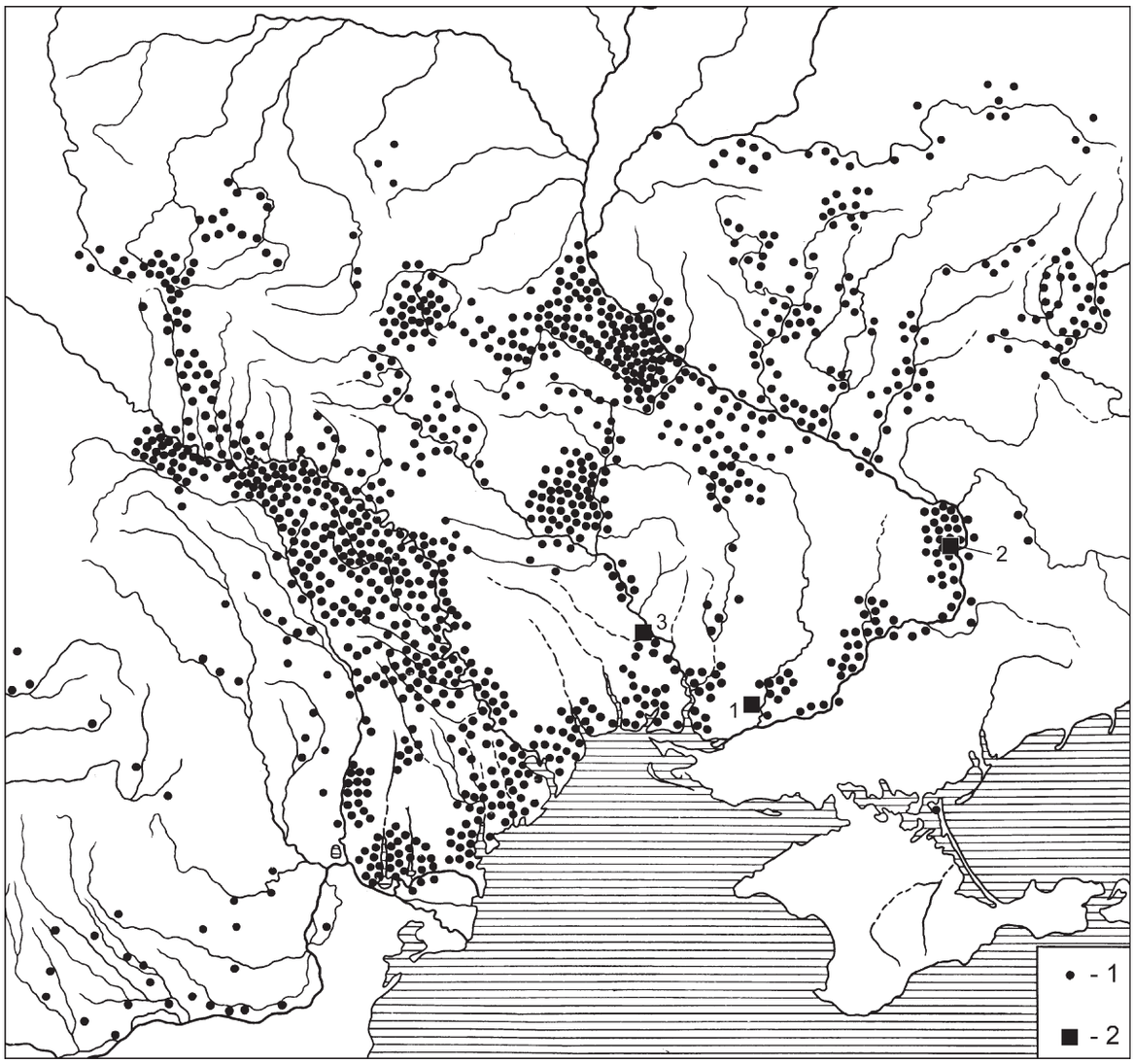


Рис. 2
Карта памятников черняховской культуры (по: *Гей* 1980):
1 – Александровка/Роксандровка; 2 – Башмачка; 3 – Городок

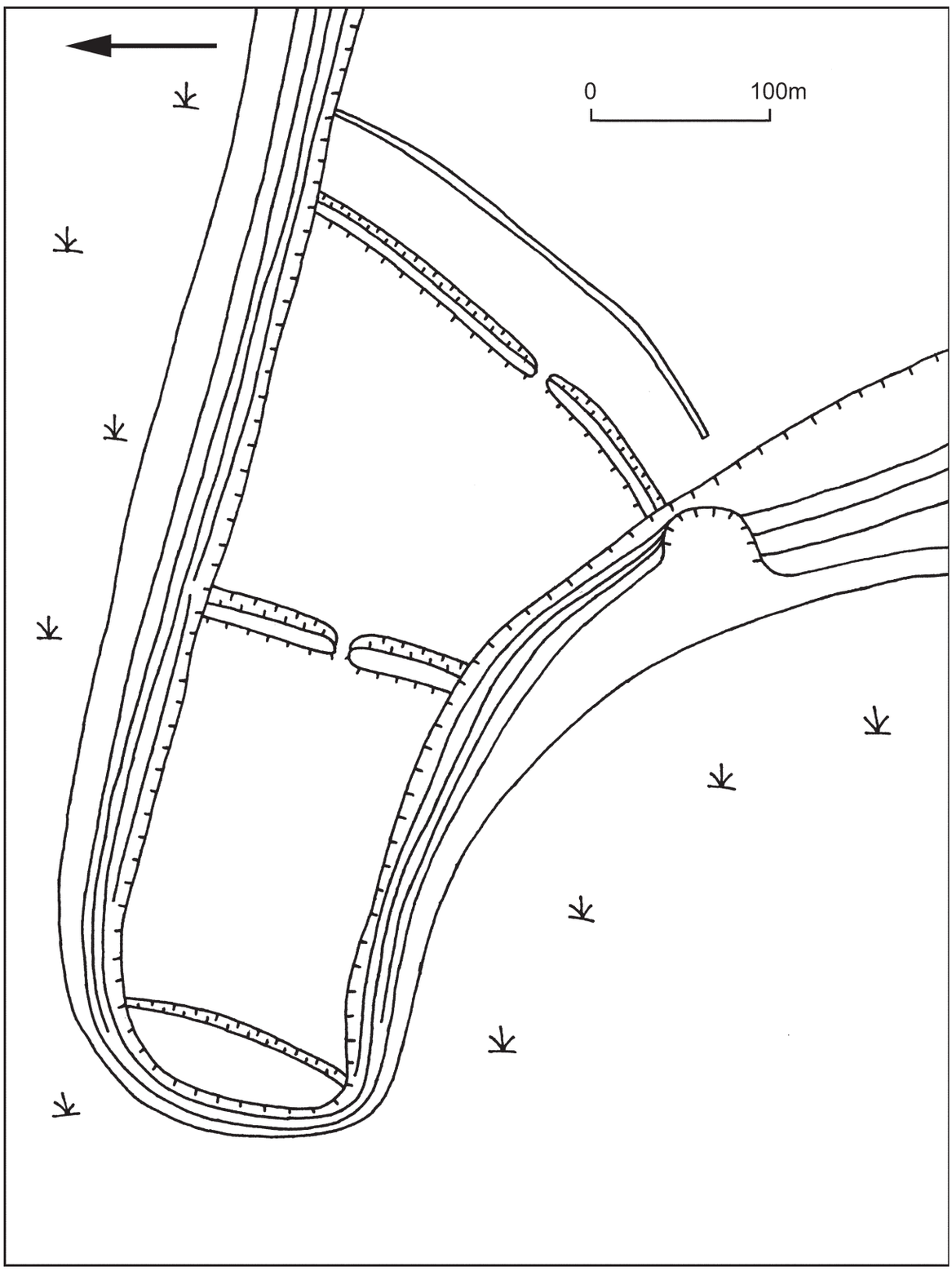


Рис. 3
Городище Городок

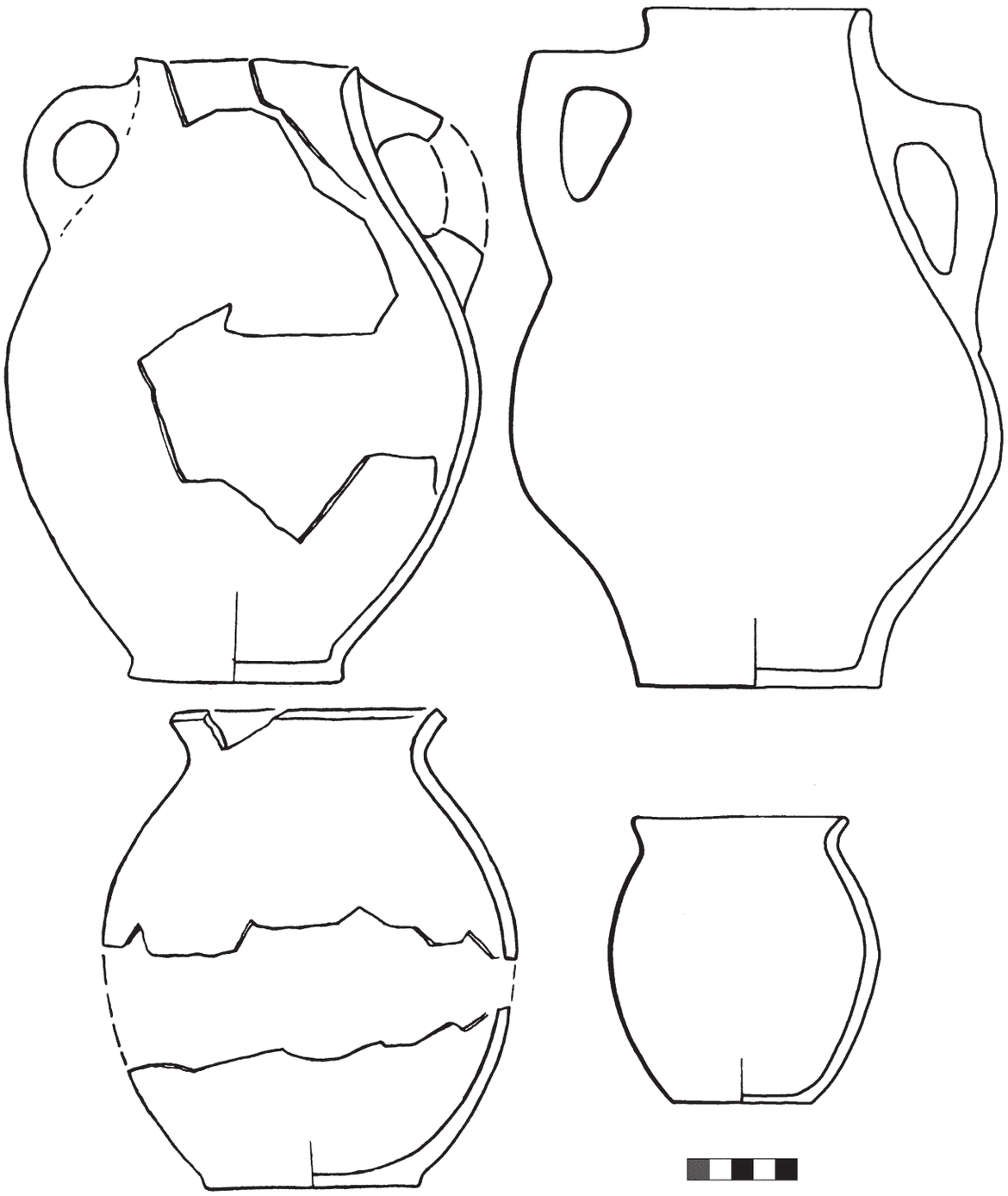


Рис. 4
Лепная керамика с городища Александровка/Роксандровка и Тарпанчи (по: *Магомедов* 1987 и *Дашевская* 1991)

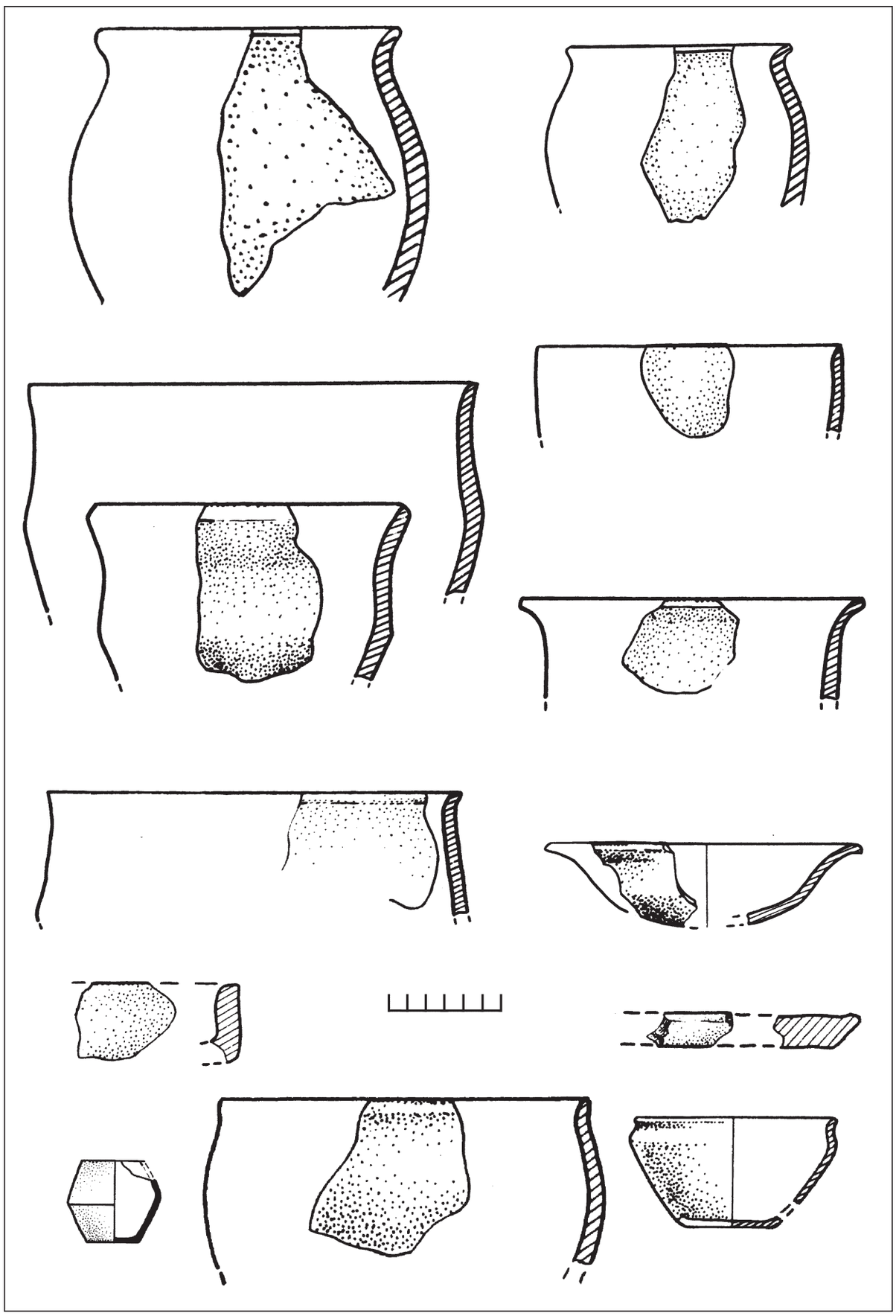


Рис. 5
Лепная керамика с городища Городок (по: Смиленко 1992)

Т.А. Рудич

САРМАТЫ В СОСТАВЕ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам антропологии)

Первая половина I тыс. н. э. является сложным периодом в истории Украины, богатым бурными историческими событиями, значительными миграциями населения, этническими процессами, возникновением и гибелью культур.

Одной из наиболее ярких археологических культур Восточной Европы этого времени является черняховская. Большинство современных исследователей придерживаются концепции ее полиэтничности. В числе основных этносов, составляющих культуру, видят славян, германцев, сарматов, поздних скифов, гето-даков. Роль отдельных этнических элементов в формировании данной культуры и их количественное отношение в составе населения различных ее регионов остаются в значительной степени спорными. Для исследования вопросов этнокультурного развития необходим комплексный подход с участием представителей разных научных дисциплин – археологии, истории, лингвистики, антропологии. Антропологический материал довольно четко фиксирует миграции, а также позволяет уточнить сочетаются ли заимствования из разных культур с биологическим сосуществованием представителей разных этносов в рамках конкретной культуры.

В данной работе, используя возможности антропологии, мы обратимся к вопросу об участии сарматов в составе населения черняховской культуры. Сарматские племена на протяжении почти шести веков являлись важнейшей этнополитической силой в степи и лесостепи Украины и играли значительную роль в историческом развитии территорий, которые они занимали. Их памятники предшествуют или сосуществуют с черняховскими в разных районах Украины и Молдовы. Определенные элементы в черняховской культуре археологи связывают с сарматской традицией, что позволяет видеть сарматов в составе носителей данной культуры.

В связи с тем, что до возникновения черняховской культуры сарматы имели на Украине уже многовековую историю, считаем необходимым кратко напомнить те ее моменты, которые нам необходимо учитывать для решения наших задач.

Пришедшие на Украину из Поволжья и Предкавказья в конце III – начале II в. до н. э. кочевники были представлены различными сарматскими группами. Попытки связать конкретные памятники и обрядовые нормы с определенными сарматскими племенами, упоминаемыми античными авторами, периодически предпринимались археологами. Последняя по времени и наиболее полная реконструкция этнической истории сармат Украины принадлежит А.В. Симоненко. Он фиксирует на археологическом материале пять волн сарматских миграций на территорию Украины. Первая волна их продвижения в Причерноморье охватывает степную зону между Доном и Днепром. Начальное продвижение сарматов в северопричерноморские степи автор относит ко II в. до. н. э. Концентрация сарматских погребений II – I в. до н. э. в степях Днепровского Левобережья очерчивает зону их кочевий. Второй волной сарматских миграций А.В. Симоненко считает освоение ими правобережных степей в первой половине I в. н. э., освоение Прутско-Днестровского междуречья, появление их в степях на север от дунайского лимеса. Третью волну продвижения исследователь относит ко второй половине I в. н. э., видит в ее носителях выходцев из районов Среднего и Нижнего Дона. В это время сарматские кочевья распространились на правобережье Среднего Поднепровья. Предположительно сарматы занимали и степи севернее дунайского лимеса. К четвертой волне сарматского продвижения относятся памятники второй половины II в. н. э. в причерноморских степях, связанные с выходцами с Нижней Волги. В середине III – первой половине IV в. н. э. в Северном Причерноморье появляется пятая волна сарматских мигрантов, возможно выходцев с Нижнего Дона, носителей катакомбного обряда (*Симоненко* 1998, с.154–176).

Племенная атрибуция археологических памятников сармат базируется, главным образом, на особенностях погребального обряда и информации античных авторов. В первых сарматских обитателях степей Украины видят роксолан и язигов. Роксоланскими считаются памятники II–I вв. до н. э., с ориентацией погребенных в северном секторе, которые располагались в междуречье Днепра и Дона. Сарматские погребения этого региона с южной ориентацией умерших приписывают язигам. В первой половине I в. н. э. отмечается массовое переселение сарматов на правый берег Днепра и освоение ими степей между Днепром и Дунаем. Среди этого населения доминировал обычай впускных погребений с ориентацией в северном секторе, что дает археологам основание видеть в нем роксолан с небольшим количеством язигов. Мигрантов третьей волны идентифицируют с аорсами и аланами. Предполагают, что аланы возглавляли группировку, однако аланские памятники сосредоточились на Левобережье, а аорсы главным образом сосредоточились в бассейнах Южного Буга и Днепра. Именно эта группировка оказывала сильное влияние на общую ситуацию в Среднем Поднепровье, а также на жизнь на позднескифских и античных памятниках. Во II в. н.э., по мнению А.В. Симоненко, непосредственно в Северное Причерноморье пришли аланы Нижнего Дона, хотя в целом племена сформировались в Заволжье-Южном Приуралье на основе пришедших из Средней Азии кочевниках массагето-сарматского круга. Аланские племена быстро продвинулись в степи Северо-Западного Причерноморья, где столкнулись с уже обитавшими там роксоланами. В мигрантах последней волны середины III в. н. э., носителях катакомбного обряда с Нижнего Дона, видят аланов-танаитов (*Симоненко* 1998, с. 154–172).

Сарматы Украины входят в западную часть огромного сарматского этно-культурного ареала, который протянулся от степей Казахстана и до Венгрии. В настоящее время имеется довольно обширный антропологический материал, характеризующий население данного ареала. Морфологический облик сарматов известен по целому ряду публикаций (*Дебец* 1948, с.164–171; *Фиртейн* 1970; *Гинзбург, Трофимова* 1972; *Кондукторова* 1956, с. 166–203; *Круц* 1991, 1993; *Батиева* 1992, с. 262–271; *Балабанова* 1999, с. 54–72; 2000 и др.). Племена сарматского круга представляют, по данным антропологии, массив населения, с которым в степной части Восточной Европы распространился новый для этой территории мезо-брахикранный, широколицый европеоидный комплекс с несколько ослабленной горизонтальной профилировкой лица.

Конечно, антропологически сарматский массив был весьма неоднороден. Морфологические варианты отражают территориальные и хронологические отличия различных групп сарматов (*Балабанова* 1999, с.121–125, *Ефимова* 1999, с. 300). Однако надо подчеркнуть, что брахикранные широколицые с легкой уплощенностью лицевого скелета морфологические формы являются определяющими для всех сарматских территорий.

К сожалению, антропологический состав населения сарматских погребальных памятников Украины изучен недостаточно полно. Наиболее представительной является серия, опубликованная Т.С. Кондукторовой и датированная II в. до н.э. – III в. н.э. (*Кондукторова* 1956, с. 166–203). Основу ее составляют материалы курганов Приазовья, точнее курганного могильника конца II в. до н. э. – III в. н. э. у сс. Новофилипповка и Аккермень (Молочанский могильник) и курганного могильника у с. Усть-Каменка, в бассейне правого притока Днепра – Базавлука.

На могильниках Аккермень и Филипповка преобладают узкие прямоугольные ямы с закругленными углами или овальные, ориентированные с северо-запада на юго - восток или с севера на юг.

На могильнике Усть-Каменка доминируют погребения в подбоях. В населении данного могильника автор раскопок Е.В. Махно видела аланов. Д.А. Мачинский рассматривает Усть-Каменский могильник, как принадлежащий аорсам (*Мачинский* 1971, с.30–54). На могильнике отмечается значительный процент погребений с диагональным положением умерших. Диагональное положение погребенных, как правило, связывают с аланами. На Молочанском могильнике и Усть-Каменском могильниках доминирует ориентация в южном секторе.

В антропологическом плане выборки черепов из Молочанского могильника и Усть-Каменки несколько отличаются друг от друга. Население Молочанского могильника характеризуется более длинной, высокой черепной коробкой, большими размерами лицевого скелета. Однако, обе серии имеют тенденцию к брахикрании, широколицести и ослабленной горизонтальной профилировке лица. Это позволило Т.С. Кондукторовой объединить их в одну более представительную группу.

В среднем выражении антропологический тип сборной серии относится к европеоидным типам, характеризуется брахикранией (суббрахикранией), широким лицом с умеренной горизонтальной профилировкой на верхнем уровне. Близкие морфологические формы характерны для целого ряда савроматских и сарматских серий Поволжья, Приуралья, Северного Казахстана, сарматских погребений Молдовы.

Со времени публикаций Т.С. Кондукторовой прошло практически 30 лет. Несмотря на интенсивные раскопки поступление антропологического материала из сарматских погребений территории Украины шло очень медленно.

С.И. Круц были исследованы и опубликованы 28 скелетов различной степени сохранности с территории Запорожской, Крымской и Херсонской областей (*Круц* 1993, с.131–141). В сборную серию вошли черепа из погребений, которые датируются II в. до н.э. – IV в. н. э., но доминируют в ней материалы из погребений I–II в. н. э. Представлены разные ориентации погребений : доминирует северная, но встречается и южная. Различны и типы погребальных сооружений: грунтовые трапецевидные ямы, ямы с подбоями, яма с заплечиками, яма перекрытая каменными плитами. Характерной особенностью серии является наличие трех черепов с искусственной деформацией – 2 мужских и 1 детского из погребений I–III вв. н.э. Искусственная деформация не типична для территории украинских степей, не носит здесь массовый характер, как в Нижнем Поволжье и Зауралье в позднесарматское время.

В среднем выражении недеформированные мужские черепа сарматов Таврии характеризуются длинной, широкой, высокой брахикранной черепной коробкой, широким, высоким, хорошо профилированным лицом. Орбиты низкие, нос среднеширокий.

Женские черепа характеризуются преобладанием мезокранных форм при большом продольном, поперечном, среднем высотном диаметрах черепа. Лицо широкое, высокое, слабопрофилированное на уровне назиона и хорошо на зигомаксилярном уровне. Орбиты средневысокие, нос мезоринный.

С.И. Круц отмечает статистическую близость таврийской выборки с сарматами уральской и саратовской групп раннесарматского и позднесарматского времени. Несколько более высокую, длинную черепную коробку, более высокое лицо и более резкую профилировку сарматов Таврии она обьясняет вхождением в состав их части скифского населения.

С.И. Круц было опубликовано также четыре сарматских черепа из лесостепной зоны Украины (*Круц* 1991). Мужской и женский черепа из могильников сарматской знати у с. Пороги Винницкой области и 2 женских черепа из кургана 19 у с. Баштечки Черкасской области. Погребения из Баштечек и Порогов территориально отдалены, но их объеденяют найденные в них сосуды с тамгообразным знаком, который археологи связывают с именем сарматского царя Инисмея (*Симоненко, Лобай* 1989, с.46). В лесостепном правобережье Среднего Поднепровья фиксируется значительное количество курганных погребений датируемых не раннее I в. н.э. А.В. Симоненко видит в них аорсов, вытесненных с востока аланами и относит их к третьей волне сарматских миграций. Исследователь предполагает возможность того, что аорская орда в данном случае возглавлялась аланской знатью.

Мужской череп из погребений у с. Пороги оказался сильно поврежденным, однако, он характеризуется брахикранией и грацильными чертами. Женская группа характеризуется среднешироким лицом и тенденциями к брахикрании и уплощенности лица. С.И. Круц видит близость Порожско-Баштечской группки женских черепов с позднескифским населением Золотой Балки, хотя и фиксирует ряд морфологических отличий, а с другой стороны с группами из позднего Тулхара и черепами сарматов волго-астраханской группы.

Небольшая выборка черепов происходит из сарматского могильника Боканы (Молдова). Нам он интересен тем, что соседствует с целым рядом черняховских памятников. Население боканского могильника характеризуется брахикранией, широколицестью, определенной уплощенностью верхнелицевого отдела. На могильнике фиксируются черепа с искусственной деформацией. Исследователь выборки М.С. Великанова отмечает морфологическую близость черепов данной серии со сборной группой сармат Украины (*Великанова* 1979, с. 81). Для позднесарматского могильника Боканы характерны североориентированные погребения. Опираясь на типологию ям, археологи связывают часть погребений в ямах с заплечиками и северной ориентацией на сарматских могильниках Молдовы с родами роксоланов и аорсов, которые не откочевали с основной массой соплеменников на запад, а остались на территориях распространения черняховской культуры. С роксоланской традицией и связывают появление ям с заплечиками на могильниках черняховской культуры. В погребенных в них некоторые археологи видят потомков роксолан (*Симоненко* 1999, с. 342).

К сарматским сериям Украины тематически примыкает группа черепов из могильников Инкерман и Черноречье II–IV веков в Крыму. Появление этих могильников связывают с приходом в Крым аланов в союзе с готами. Именно с аланами связывают погребальную традицию захоронения в катакомбах на этих могильниках, а также в подбоях, германцам же приписывают кремации. На данных могильниках присутствуют разные типы погребальных сооружений, а ориентация погребений пестрая. Сборная груп-

па черепов Чернореченского и Инкерманского могильников в среднем выражении выявляет близость к сарматским группам Украины (Соколова 1963, с. 126–159). Она характеризуется тенденциями к суббрахикрании, относительной широколицестью, умеренной горизонтальной профилировкой лица на верхнем уровне, то есть признаками характерными для сарматских групп. Надо отметить, что близкий морфологический комплекс характерен и для населения северокавказского могильника Верхний Чир-Юрт, который также связывают с аланами, но хронологически более поздними V–VII вв.

Таким образом, подводя итог краткому обзору сарматского материала можно отметить: сарматские группы Украины и близлежащих территорий принадлежали разным племенным объединениям (роксоланы, аорсы, языги, аланы). Для них был характерен различный тип и ориентация погребальных сооружений. Антропологически они не были однородны, но доминирующим у них являлся брахикранный широколицый европеоидный тип с умеренной верхней горизонтальной профилировкой лица.

Именно эти морфологические формы антропологи прежде всего отмечают на могильниках черняховской культуры как сарматские.

Вопрос об участии сарматов в составе населения черняховской культуры не раз поднимался в археологической литературе, подробная информация содержится в работе Б.В. Магомедова (*Магомедов* 1999, с.132–142).

К сарматскому вкладу в черняховскую культуру разные исследователи относят ингумации, погребения в ямах с заплечиками, в подбоях, в катакомбах, северную ориентацию погребений, погребенных с подогнутыми и скрещенными ногами, обычай сыпать в могилы уголь и пепел, класть в могилы туши животных, кусочки мела или красной краски, обычай искусственной деформации черепа, присутствие оружия в погребениях с трупоположением, зеркал, использование бус, особенно сердоликовых (*Рикман* 1975, с. 319, 320). Однако большинство этих признаков присутствуют также в могильниках Западной и Северо-Западной Европы или позднескифских памятниках Северного Причерноморья, что осталяет возможность проникновения данных традиций на памятники черняховской культуры из разных источников.

Попробуем выяснить: имеем ли мы дело лишь с культурными заимствованиями, или имело место биологическое присутствие сармат среди населения черняховских памятников. Логично предположить наибольшую концентрацию сарматского компонента в тех погребениях, где фиксируются элементы погребального обряда, которые могут быть связаны с сарматами. В связи с этим мы уделим особое внимание антропологии из погребений, где предположительно присутствует сарматская погребальная традиция.

Практически все серии черняховской культуры Украины и Молдовы характеризуются долихокранией или мезокранией, узким или среднешироким (с тенденцией к узколицести) резкопорфилированным лицом. Такая комбинация признаков диаметрально противоположна ведущему сарматскому комплексу.

Для того чтобы четче и объективней определить место черняховских и сарматских серий в кругу популяций хронологически и территориально близких им, мы обратимся к методам многомерной статистики. Значительная точность краниологических измерений позволяет пользоваться ими довольно успешно (*Дерябин* 1983, с. 227). Нами параллельно применялись разные статистические методы с использованием пакета программ Systat. Остановимся на результатах факторного анализа. Факторизация методом главных факторов и варимаксной ротации считается одной из самых строгих. Факторный анализ позволяет определить группы наиболее сопряженных между собой признаков. Завершается программа вычислением расстояния Махаланобиса между каждой группой черепов и центроидом их совокупности, и построением графика, показывающего место каждой серии в координатах основных факторов.

В анализ мужских групп были включены 29 серий III в. до н. э. – V в. н. э. с территории Восточной и Средней Европы.

Материалы черняховских памятников представляют разные регионы: Среднее Поднепровье, Левобережная Украина, Западная Украина, Северное Причерноморье, Молдова (данные в таблице 1). Материалы каждой из территорий разбиты на сборные серии, отдельно из могил, ориентированных в северном секторе, и погребений, ориентированных в западном секторе. Эти две ориентации являются доминирующим среди черняховских ингумаций. Ряд исследователей связывает североориентированные погребения в черяховской культуре с сарматской традицией. Если это соответствует действительности, то присутствие сарматского морфологического комплекса скорее всего следует ожидать в североориентированных погребениях. Надо отметить, что и западноориентированные погребения встречаются, хотя значительно реже, у разных сарматских групп (например у групп, которые связывают с сираками). На материалах Северного Причерноморья нами была также составлена

небольшая выборка черепов из могил с заплечиками. Использовались опубликованные материала Т.С. Кондукторовой (*Кондукторова* 1979, с. 143–165), С.П. Сегеды (*Сегеда, Дяченко* 1984, с. 94–105), П.М. Покаса (*Покас* 1989, с. 301–700, 2000, с. 260–273), а также материалы Т.А. Рудич.

Сарматские черепа были представлены материалами Украины: сборной Запорожской области, сборной Днепропетровской области (*Кондукторова* 1956, с. 190–199), сборной сарматов Таврии (*Круц* 1993, с. 131–141), сарматскими группами среднесарматского периода Волго-Донского междуречья, Заволжья, Донской группы (*Балабанова* 2000, с. 94), сарматами Сало-Манычской группы (*Батиева* 1992, с. 262–271), а также материалами могильников Инкерман-Черноречье в Крыму (*Соколова* 1963, с. 126–159).

Позднескифские серии происходят из нижнеднепровских памятников Николаевки-Козацкого, Золотой Балки и крымских – Неаполя Скифского и Беляуса (Кондукторова 1972, с. 59–61; Кондукторова 1979а, 143–165).

Польша представлена могильниками Грудек и Масломенч (*Kozak-Zychman, Siegieda* 1994., s. 216–219), серией вельбарской культуры Нижней Вислы (*Roznowski* 1985, s. 239–250), небольшой группой 4 в. н. э. из Силезии, в которой немецкие исследователи видят готов (*Schwidetzky, Rosing* 1975, s. 194). С территории Прибалтики взяты серии черепов грунтовых могильников Центральной Литвы II–V вв. и культуры курганов Литвы (*Чеснис* 1990, с. 7–20).

Двадцать девять серий черепов были проанализированы по 10 признакам: продольному, поперечному, высотному диаметрам черепа, ширине лба, высоте и ширине лица, высоте и ширине носа, высоте и ширине орбит.

Мы ограничились извлечением двух главных компонент, отражающих в сумме 56%, общей дисперсии участвовавших в анализе переменных (1–38,6%, 2–17,4%).

Признаки	**F1**	**F2**
8. Поперечный диаметр	+0.874	–0.336
45. Скуловой диаметр	+0.866	–0.200
9. Ширина лба	+0.782	–0.353
48. Высота лица	+0.752	+0.390
51. Ширина орбит	+0.730	+0.011
55. Высота носа	+0.647	+0.450
1. Продольный диаметр	+0.124	+0.703
17. Высотный диаметр	+0.243	+0.694
52. Высота орбит	–0.059	+0.279
54. Ширина носа	+0.379	–0.236

Высокое значение факторных нагрузок по первому фактору несут широтные признаки: ширина черепной коробки, ширина лица, ширина лба, ширина орбит, ширина носа; высотные признаки: высота лица и носа. По второму фактору наибольшие нагрузки несут продольный и высотный диаметр, а также высота орбит.

Расположение 29 серий в пространстве 1 и 2 главных компонент показано на рис.1.

Большинство сарматских групп локализуется в одном факторном поле: сарматы Днепропетровской группы (Усть-Каменка), сарматы Донской группы, сарматы Калмыкии, сарматы Сало-Манычского междуречья, сарматы Заволжья. Сарматская серия Таврии, серия сармат Запорожской области (Молочанский могильник) и серия из могильника Инкерман-Черноречье несколько отдалены от них по признакам, имеющим нагрузки по второму фактору. Можно отметить, что сарматские группы не отличаются большой статистической близостью между собой. Но, что является для нас более важным, они максимально удалены от всех без исключения черняховских серий. Значительные отличия прежде всего обеспечивают признаки несущие значительные нагрузки по первому фактору: ширина черепа, лица, деталей лица. По этим же признакам сарматские серии отличаются и от групп вельбарского круга, от населения Восточной Прибалтики, и от поздних скифов.

Довольно интересно расположились в пространстве двух факторов выборки черепов из северооиентированных черняховских погребений. Группы из северооориентированных могил с территории Среднего Поднепровья, Западной Украины выявили наибольшую близость с популяциями из грунтовых могильников и культурой курганых могильников Прибалтики II–V вв. н. э. Серии из северооиентированных погребений Молдовы, Левобережной Украины, Северного Причерноморья довольно близки антропологии масломенчской группы Польши (Грудек и Масломенч). Таким образом, наиболее ярко выраженный северо-западный характер антропологических связей среди черняховских групп имеют погребенные из могил ориентированных в северном секторе. Погребенные в них люди наиболее антропологически близки населению Прибалтики и Средней Европы и максимально удалены от сарматских групп. Это может свидетельствовать в пользу того, что обычай трупоположений с северной ориентацией имеет европейскую традицию.

Выборки черепов из западноориентированных погребений черняховских памятников Среднего Поднепровья и Молдовы с одной стороны близки группам северооориентированных черняховцев Молдовы, Северного Причерномо-

рья и Левобережной Украины, сериям Масломенча и Грудека, а с другой – довольно близки группам поздних скифов. Это свидетельствует о сложности формирования населения черняховской культуры. К позднескифским памятникам тяготеет и небольшая выборка черепов из западноориентированных могил Левобережной Украины. Серия из западноориентированных погребений Западной Украины статистически тяготеет к группам из Силезии и сериям вельбарской культуры Нижней Вислы.

Подводя итоги, можем отметить: 1) все черняховские серии морфологически и статистически значительно отличаются от сарматских групп; прежде всего это характеризуется более узким черепом, более узким лицом и деталями лица у черняховцев; 2) несколько более широкое лицо и черепная коробка некоторых групп черняховцев скорее можно объяснить вхождением в состав населения черняховских памятников «поздних скифов»; 3) выборки черепов черняховской культуры из североориентированных погребений максимально удалены от сарматских групп и приближены к группам Прибалтики и Польши. Это может свидетельствовать в пользу европейской традиции ориентации погребенных в северном секторе; 4) серия черепов из могил с заплечиками территории Северного Причерноморья также весьма далека от сарматских серий.

В условиях значительных миграций морфотип мужских и женских групп может значительно отличаться. В связи с этим факторному анализу были подданы 27 женских серий.

Женские серии черняховской кудьтуры представлены группами черепов из североориентированных и западноориентированных могил Среднего Поднепровья, Левобережной Украины, Северного Причерноморья, Молдовы, Западной Украины, а также выборками из погребений с заплечиками и подбоями с территории Северного Причерноморья. Средние данные содержатся в таблице 2.

Сарматы представлены: сборной Украины (Молочанский и Усть-Каменский могильники), сборной сарматов Таврии, сарматами Сало-Манычского междуречья, группами среднесарматского времени Волго-Донского междуречья, сборной Заволжья (*Балабанова* 2000, с. 94) и тематически примыкающей к ним группой Инкерман-Черноречье.

Привлечены для анализа позднескифские памятники из Николаевки-Козацкой, Золотой Балки, Неаполя Скифского, Беляуса. Из серий Средней Европы использованы популяции из Масломенча, Грудека, серии вельбарской культуры Нижней Вислы, Мазовии, Словено-Дравского региона. Восточная Прибалтика представлена населением могильника Марвелес в Литве I–IV вв. н. э. (*Jankauskas, Barkus* 1994, p. 78–85).

По результатам факторного анализа было выделено 2 главных компонента, отражающих в сумме 59,4% общей дисперсии (40,9 % по 1; 18,4% по 2).

По 1 фактору максимальные положительные нагрузки несут такие признаки: ширина и высота носа, ширина орбит, ширина лица, ширина черепа и лба. Все это сочетается со значительными отрицательными нагрузками на высоту черепа. То есть, значительные широтные размеры черепа, лица, орбит сочетаются с более низкой черепной коробкой и наоборот.

По 2 фактору максимальные положительные нагрузки несут высота лица, длина черепной коробки.

Расположение групп в двухфакторном пространстве показало картину (рис. 2) довольно близкую той, которая возникла при анализе мужских серий.

Все сарматские группы находятся в одном факторном поле, хотя также особой близость между собой не отличаются. Сарматы оказались максимально удалены от черняховских серий. Такая отдаленность вызвана значительными широтными размерами черепа и его деталей, а также более низкой черепной коробкой сарматских групп.

Выборки черепов из североориентированных могил черняховской культуры оказались наиболее удалены от сарматского массива. Серия из североориентированных погребений Западной Украины проявила статистическую близость с сериями Грудек и Масломенч и вельбарской культуры Нижней Вислы. Черепа из погребений ориентированных в северном секторе из Среднего Поднепровья тяготеют к сериям вельбарской культуры Мазовии, Словено-Дравского региона и выборке I–IV вв. н.э. из могильника Марвелес в Литве.

Группы черепов из западноориентированных могил Молдовы, Левобережной Украины и Северного Причерноморья тяготеют прежде всего к сериям из североориентированных погребений данных территорий и, в определенной степени, к позднескифским популяциям.

Выборка черепов из могил с заплечиками Северного Причерноморья показала наибольшую близость прежде всего с черняховскими группами Молдовы и Северного Причерноморья. Серия из могил с подбоями оказалась ближе всего группе позднескифских памятников Украины.

Суммируя, можно сказать: 1) женские серии из различных регионов черняховского мас-

сива максимально удалены от сарматских групп; 2) у женщин погребенных в североориентированных могилах Западной Украины и Среднего Поднепровья четко фиксируется северо-западный характер антропологических связей. Это может свидетельствовать в пользу европейской традиции североориентированных погребений на черняховских памятниках; 3) женщины, погребенные в могилах с заплечиками, мало чем отличаются от женщин черняховских могильников Северного Причерноморья и Молдовы из других погребальных сооружений; 4) женщины из погребений в подбоях оказываются довольно близки населению позднескифских памятников.

Таким образом, межгрупповой анализ мужских и женских серий III в. до н. э. – IV н. э. фиксирует отсутствие морфологической близости черняховских серий из любого региона с сарматскими группами. Если сарматы и присутствовали на черняховских могильниках, то серьезного влияния на антропологический облик черняховцев они не оказали. Присутствие сармат среди черняховского населения можно попробовать выявить в процессе внутригруппового анализа разных региональных групп черняховцев.

Среднее Поднепровье. Представлены антропологические материалы черняховских могильников: Черняхов, Журавка, Дедовщина, Деревяна, Маслово, Черкассы-Центр. В среднем выражении сборная серия мужских черепов характеризуется долихокранией, при довольно длинной и высокой черепной коробке, среднешироким (с тенденцией к узколицести), с хорошей горизонтальной профилировкой лицом. Женская сборная группа в среднем выражении мезо-долихокранная, со средней шириной лица и его резкой горизонтальной профилировкой. Этот комплекс признаков типичен для черняховцев и диаметрально противоположен ведущему морфологическому комплексу сармат. Были проанализированы индивидуальные данные черепов из могильников черняховской культуры Среднего Поднепровья. В качестве разграничительных признаков были взяты черепной указатель, ширина лица, назомалярный угол. Эти признаки максимально разграничивают черняховские и сарматские группы, к тому же связаны между собой довольно слабой физической корреляцией. Группа черепов, которая тяготеет к сарматскому морфологическому комплексу (брахикрания, назомалярный угол свыше 140, ширина лица свыше 137 мм для мужчин, и свыше 127 мм для женщин) оказалась весьма малочисленна. Из черепов, у которых в наличии информация по этим трем признакам, в «сарматский сектор» отходят или приближаются к нему 4,6% мужских и 7,6 % женских. Естественно, так как антропологический состав сармат неоднороден, эти результаты носят ориентировочный характер. Они отражают «сарматский минимум» в составе населения черняховской культуры, хоронивших своих умерших по обряду трупоположения. Кроме этого, на отдельных черепах фиксируются брахикрания или легкая уплощенность лицевого скелета, но эти признаки не складываются в комплекс, их в равной степени можно считать и индивидуальными отклонениями, и метисными формами. Процент таких черепов невелик. В двух случаях можно фиксировать искусственную деформацию черепов (могильники Журавка, и Черкассы-центр, п. 26). Плохая сохранность антропологического материала не позволяет составить представительную выборку из погребений с заплечиками. Однако единственный могильник этой территории, на котором присутствуют погребения в ямах с заплечиками, Журавка, в морфологическом плане тяготеет к черняховским сериям Причерноморья и позднескифским памятникам.

Левобережная Украина. Представлена материалами могильников Боромля, Сад, Успенка, отдельными черепами из Кантемировки и Лохвицы (*Покас* 1989, с. 301–400, *Покас* 2000, с. 260–273).

В среднем выражении население черняховских могильников данной территории характеризуется мезо-долихокранией, среднешироким (с тенденцией к узколицести), хорошо профилированным лицом. Общая характеристика сборной серии этой территории в значительной степени отличается от антропологии, которую обычно связывают с сарматами. Внутригрупповой анализ серии выявил немногочисленную группу черепов, которую можно связать с сарматами. При анализе индивидуальных данных по трем разграничивающим признакам к брахикранным широколицым, несколько уплощенным на назомалярном уровне формам тяготеют около 12,5% мужских и 15% женских черепов. Это черепа из могильников Сад, Боромля, Лохвица, Кантемировка. Единичными являются и черепа, которые можно связать с метисацией сарматского компонента. Правда, в связи с тем, что антропологические признаки не обязательно наследуются комплексом, то выявить метисацию, особенно во втором–третьем, поколении довольно сложно. Тем не менее, можно сказать, что существенного влияния на антропологию черняховского населения Восточной Украины сарматы не оказали.

При привлечении информации об элементах погребального обряда, которые можно связать с сарматами, ситуация складывается таким образом. Антропологический материал из катакомб

отсутствует. В Боромле из подбойного погребения 33 происходит череп с искусственной деформацией, которая считается сарматской культурной традицией. На могильнике Сад было зафиксировано 3 черепа с искусственной деформацией (*Покас* 2000, с. 260–273). К сожалению, плохая сохранность материала не позволила составить выборку из погребений с заплечиками. Однако могильник Боромля, который является единственным на этих территориях, где фиксируется значительный процент погребений с заплечиками, в антропологическом плане тяготеет больше к черняховским могильникам Северного Причерноморья и могильникам позднескифских памятников. То есть, складывается примерно та же ситуация, что и с правобережным могильником Журавка.

Западная Украина. Название региона весьма условно. Группа объединяет материалы могильников Чистилов, Чернелив-Руський, Романове Село, Токи, Косаново, Курники, Петрикивцы. Использованы материалы Т.С. Кондукторовой (*Кондукторова* 1979, с. 143–165), Г.П. Зиневич (*Зиневич* 1967, с. 132), П.М. Покаса (*Покас* 1989, с. 301–700), Т.А. Рудич.

В среднем выражении антропология черняховских могильников данного региона характеризуется длинной и высокой, долихокранной черепной коробкой, узким, хорошо профилированным лицом (мужчины). Женщины характеризуются мезокранией, среднешироким лицом, умеренной горизонтальной профилировкой лица на верхнем уровне. В суммарном выражении черняховцы Западной Украины максимально далеки от антропологии сарматских групп. Естественно, население могильников неоднородно, но в данном случае нас интересуют прежде всего сарматы.

При анализе индивидуальных данных к черепам с сарматским морфологическим комплексом можно отнести до 10 % мужских и 16% женских черепов. Они фиксируются на могильниках Петрикивцы, Чернелив-Руський, Косаново.

Погребения в подбоях, катакомбах отсутствуют. К сожалению, состояние антропологического материала из могил с заплечиками не позволяют составить репрезентативную выборку.

Надо отметить, что интересные наблюдения были сделаны в свое время Г.П. Зиневич по антропологическим материалам могильника Косаново. Автор отметила принадлежность мужчин из североориентированных погребений к долихокранному, высокоголовому и узколицему типу, который она связывает с восточными германцами. Женщины из западноориентированных погребений отличались брахикранным широколицым типом, характерным для сарматов (Зиневич 1967, с. 132).

Молдова. Антропология черняховских могильников представлена из могильников Малаешты, Будешты, Балцаты. Материалы были исследованы и опубликованы М.С. Великановой, которая отметила неоднородность населения (*Великанова* 1979, с. 70–91). В среднем выражении мужское население характеризуется долихокранным узколицым типом, с хорошей горизонтальной профилировкой лица. Женская группа в среднем выражении может быть охарактеризована как мезокранная, со среднешироким лицом, с умеренной горизонтальной профилировкой. В основе выборки лежит, как считает исследовательница, антропология фракийцев. Однако она отметила в выборке наличие брахикранных широколицых типов, которые можно связать с сарматами. В связи с тем, что у древних историков имелись упоминания о смешанных браках между сарматами и их соседями, М.С. Великанова рассмотрела возможность наличия метисных форм. По результатам анализа она отметила отсутствие следов значительного брачного смешения в прошлых поколениях и пришла к выводу, что сарматы представляют собой механическую примесь. Таким образом, она утверждает, что сарматы являлись одним из компонентов в составе населения черняховской культуры Молдовы, однако их немногочисленность не повлияла на средние характеристики черняховских серий. При анализе индивидуальных данных к антропологическому типу, который можно связать с сарматами, может быть отнесено до 9,5% мужских и 11,7% женских черепов. Плохая сохранность не позволяет проследить зависимость между антропологическим типом погребенных и типом погребальных сооружений. Однако в двух случаях М.С. Великанова зафиксировала у мужчин, которые были похоронены с согнутыми и скрещенными ногами, брахикранный и широколицый череп, который характерен для сарматов.

Северное Причерноморье. Представлены черепа из могильников Каборга, Коблево, Викторовка, Каменка, Кринички, Холмское, Нагорное 2 и нижнеднепровского могильника Гавриловка. Использованы материалы Т.С. Кондукторовой (*Кондукторова* 1979, с. 143–165), В.Д. Дяченко, С.И. Сегеды (*Сегеда, Дяченко*, 1984, с. 94–105), Т.А. Рудич.

В среднем выражении мужская выборка характеризуется долихокранией, среднешироким, резкопрофилированным лицом, а женская – мезокранией, среднешироким и резкопрофилированным лицом. Анализ средних цифр черноморской черняховской серии показал, что сарматы не оказали значительного влияния на антропологический состав черняховцев.

Внутригрупповой анализ черняховской серии Северного Причерноморья выявил небольшое количество черепов, которые могут соответствовать комплексу связанному с сарматами: 5,5% мужских и 14,2% женских. Правда, если вхождение сарматов в состав черняховской культуры юга проходило через позднескифское население, то мы, скорее всего, имеем дело с метисными формами. Однако анализ средних цифр северопричерноморской серии черняховской культуры указывает, что сарматы не оказали существенного влияния на антропологический тип населения данной культуры.

Нами был проанализирован палеоантропологический материал из могил черняховских памятников Северного Причерноморья с разным типом погребальных сооружений, связываемых с сарматской традицией. Однако мы снова столкнулись с плохой сохранностью материала. Погребения из катакомб дали всего один мужской и три женских черепа (все черепа из могильника Коблево). Антропологически черепа разнообразны. Мужской череп из п. 2 отличается долихокранией, среднешироким лицом с резкой горизонтальной профилировкой, женский череп из п. 16 характеризуется мезокранией, узким с резкой горизонтальной профилировкой лицом. В обоих случаях их антропологический комплекс не типичен для сармат. В сторону сарматского набора признаков уклоняется женский череп из п. 38 – для него характерна суббрахикрания и широколицесть. Женский череп из п. 12 хотя и тяготеет к брахикрании, но отличается узким лицом и резкой горизонтальной профилировкой. Возможно, мы имеем дело с метисной формой.

Могилы с подбоями дали весьма незначительное количество черепов: два мужских и семь женских. Оба мужских черепа (Коблево п. 8, Нагорное-2, п. 80) отличаются долихокранией и резкой горизонтальной профилировкой лица. На черепе из Коблево п. 8 это сочетается с широколицестью, что более типично для скифских серий более раннего времени. Женская серия из могил с подбоями характеризуется в среднем мезо-долихокранией при длинном, среднешироком, средневысоком черепе со среднешироким лицом. Сочетание брахикрании с широколицестью, характерное для сарматов, фиксируется на черепе из Каборги (п. 8). В среднем выражении женская выборка из могил с подбоями близка женским сериям черняховской культуры Северного Причерноморья, группам позднескифских памятников Неаполь Скифский, Беляус, Николаевка-Козацкое, Золотая Балка, Николаевского могильника III–IV вв. до н. э. в Молдове, который связывают со скифами.

Тут мы вынуждены сделать небольшое отступление. В погребениях с подбоями видят аланский или аорский обычай. С погребениями в катакомбах также связывают аланскую традицию. Археологи отталкиваются от идеи о несомненной принадлежности северо-кавказских катакомбных могил раннесредневековым аланам. Истоки обычая видят в сарматских катакомбах последних веков до н.э. – I–II веков н. э., а в их населении – также аланов.

Аланская проблема является одной из самых сложных в сарматоведении и имеет довольно богатую литературу. В археологической науке существует ряд концепций происхождения аланов: скифская, аорская, массагетская, алтайская, юэджейская, усуньская (*Яценко* 1993, с. 67, 68).

В антропологической литературе также существует ряд проблем связанных с аланами и происхождением их морфологического типа. Существует антропологическая традиция с этнонимом аланы связывать долихокранный узколицый морфологический тип (*Дебец* 1948, *Алексеев, Гохман* 1984, с. 72–86). Однако это представление сложилось: 1) при изучении могильников средневековых алан, которые датируются V–XIV вв.; 2) на немногочисленном антропологическом материале. Новые пополнения палеоантропологических коллекций несколько усложнили картину.

Опираясь на современные материалы, можно отметить, что среди населения, представленного на средневековых аланских могильниках Украины и Северного Кавказа V–XIV вв., царит определенное антропологическое разнообразие. На таких памятниках, которые исследователи связывают с аланами, как катакомбный могильник Верхний Чир-Юрт V–VII вв., катакомбный могильник Змейская X–XIII вв. бытует тенденция к брахикрании и широколицести – признакам, характерным для большинства сарматских групп более раннего периода (*Кондукторова* 1967, с.117–129; *Алексеев*, 1974, с.104–114). Антропология могильников Гамовского ущелья V–VII вв., Черкесии V–IX вв., Балабанка характеризуется мезодолихокранией со среднешироким лицом; население Мощевой Балки VIII–IX вв. – мезодолихокранией со среднешироким (тенденция к широколицести) лицом; население Верхнесалтовского могильника – мезодолихокранией со среднешироким (с тенденцией к узколицести) лицом; население Дмитриевского могильника – мезодолихокранией и узколицестью; население Дуба-Юрта IX–X вв. – долихокранией со среднешироким (с тенденцией к широколицести) лицом; население могильника Казазово 1 – долихокранией

при тенденции к узколицести (*Алексеев* 1974, с. 104–114, *Герасимова* 1986 с.204–214, *Кондукторова, Сегеда* 1990, с. 48–87, *Герасимова* 1996, с. 156–157).

Как мы видим, антропологический состав большинства могильников трудно связать с морфологией черепов сарматского мира. Морфотипы на могильниках, которые связывают с аланами, могут иметь разное происхождение для разных районов. М.М. Герасимова признает существование и широкое распространение длинноголовых и узколицых вариантов среди местного населения Северного Кавказа в доаланское время, во всяком случае для периода сложения и формирования меотской этнической общности (*Герасимова* 1986, с. 213). В.П. Алексеев в свое время отмечал, что население Верхнесалтовского могильника оказывается статистически несколько ближе к антропологическим выборкам средневековых могильников Средней Европы, чем выборке из могильников северокавказских аланов (*Алексеев* 1962, с. 86–87). Антропологические параллели другим морфотипам на аланских средневековых могильниках можно найти в некоторых могильниках скифского и позднескифского культурного круга. Но это является темой особого исследования. Несомненно, что среди многообразия антропологических форм на средневековых аланских могильниках можно найти аналоги для погребенных в катакомбах на могильнике Коблево и выборки черепов из могил с подбоями Северного Причерноморья. Однако, как уже говорилось, все мезо-долихокранные серии, связанные с аланами, происходят из могильников более поздних, чем могильники черняховской культуры. Это делает сопоставления с ними нашего материала не вполне корректными, так как применение ретроспективного метода в антропологии требует осторожности. На сарматских могильниках Украины, хронологически более ранних или синхронных черняховской культуре, которые связывают с аланами (Усть-Каменка, Черноречье, Инкерман) бытуют, как уже говорилось, другие – брахикранные и широколицые формы. Брахикранные широколицые формы характерны и для населения междуречья Волги и Дона среднесарматского времени, в котором видят аланов. В этой ситуации скорее можно предположить, что мезо-долихокранные относительно узколицые формы на средневековых аланских, салтово-маяцких могильниках были получены по наследству от местного населения: автохтонных групп Северного Кавказа или скифов. Часть средневековых аланских серий действительно довольно близка морфологически отдельным скифским группам. Кстати, антропологическую близость части северокавказских аланов и скифов приводит в качестве аргументации автор теории скифского происхождения части носителей ранних северокавказских катакомб Н.Е. Берлизов (*Берлизов* 1990).

К сожалению, очень плохая сохранность и немногочисленность черепов из погребений в подбоях и катакомбах на черняховских могильниках заставляет быть очень осторожными с выводами. Но, в любом случае, антропология из погребений с подбоями черняховских памятников ближе черняховским и позднескифским группам Северного Причерноморья, чем населению средневековых аланских могильников.

Нами была рассмотрена и выборка черепов из могил с заплечиками черняховских могильников Северного Причерноморья. Она состоит из 13 мужских и 7 женских черепов. Они происходят из могильников Холмское и Нагорное.

В среднем выражении мужская серия отличается среднедлинной, узкой, высокой, долихокранной черепной коробкой. Лицо средневысокое, узкое, резкопрофилированное в горизонтальной плоскости. Орбиты средневысокие, нос узкий, выступание его среднее. Средние данные нашей группы мало отличаются от черняховской серии Северного Причерноморья. Довольно близки они средним позднескифским популяциям, от которых их отличает более узкая и высокая черепная коробка, меньший черепной указатель, более узкое лицо. То есть признаки, которыми черняховцы обязаны северным (прибалтийским и центральноевропейским) группам.

Женская выборка черепов из погребений с заплечиками характеризуется длинной, среднешироко на грани с широкой, высокой черепной коробкой, суббрахикранной по форме. Лицо средневысокое, широкое, горизонтальная профилировка лица умеренная на назомолярном и резкая – на зигомаксилярном уровне. Орбиты низкие, нос широкий.

Женская выборка оказывается статистически близка сборным сериям черняховской культуры Северного Причерноморья и Молдовы. Но она несколько откланяется в сторону сарматских групп Украины и Молдовы (Боканский могильник). Это интересно в связи с тем, что данные черняховские могильники находятся в значительной близости с сарматским памятниками, хотя археологи и фиксируют хронологически разрыв между ними около 50 лет. Ямы с заплечиками связывают с сарматской традицией, хотя они присутствуют на позднескифских и античных памятниках.

В нашем случае мужская выборка оказывается морфологически довольно близка, с одной

стороны, к черняховским сериям причерноморских и более северных территорий, с другой стороны – поздним скифам. В целом группа весьма смешанная. Смешанной является и женская выборка, в которой присутствуют разные морфотипы, но в ней фиксируется присутствие сарматского элемента.

Таким образом, можно отметить, что на черняховских могильниках территории Северного Причерноморья количество антропологии, которую напрямую можно было связать с сарматами, оказалось немного.

Подведем итоги: биологическое присутствие сарматов на могильниках черняховской культуры фиксируется, однако его нельзя считать значительным. Наиболее оно ощутимо на могильниках Молдовы и Левобережной Украины, несколько меньше – на могильниках Северного Причерноморья. На могильниках черняховской культуры Среднего Поднепровья, Западной Украины антропологический состав населения североориентированных могил имеет северо-западный характер антропологических связей. Следовательно, происхождение традиции логичней связывать с Северной или Центральной Европой. Это может служить аргументом в пользу мнения тех археологов, которые видят в североориентированных погребениях черняховской культуры вельбарскую традицию (*Магомедов* 1999, с. 132–142).Такая же тенденция, но, может, не так сильно выраженная, фиксируется на могильниках Молдовы, Нижнего Днепра (Гавриловка), Восточной Украины (Успенка). В Северном Причерноморье такой зависимости не наблюдается, что, скорее всего, связано с сильной этнической и культурной пестротой населения. По крайней мере северная ориентация в этом регионе сочетается с большим разнообразием форм погребальных сооружений. К сожалению, плохая сохранность материала не позволяет сгруппировать серии с учетом как ориентации, так и типа погребального сооружения. Что касается связи между антропологическим типом и типом погребального сооружения, то можно отметить некоторые закономерности. Черепа с сарматоидными чертами фиксируются у погребенных в катокомбах женщин на могильниках черняховской культуры Северного Причерноморья. В среднем выражении женская выборка черепов из подбоев этого региона близка позднескифскому населению Северного Причерноморья. Надо отметить, что погребения с подбоями фиксируются на позднескифских памятниках. Сарматоидные черты имеет ряд женских черепов из погребений в ямах с заплечиками черняховских могильников Северного Причерноморья. В целом женская выборка из этих погребений оказывается статистически близкой черняховским и позднескифским группам. Но тенденция к широколицести, уплощенности лица, к большему черепному указателю, несколько уклоняют ее в сторону сарматских групп. Мужская выборка черепов из ям с заплечиками близка черняховским группам юга и антропологии позднескифских памятников. Надо сказать, что антропологический материал из погребений в катакомбах и подбоях в Северном Причерноморье чаще представлен женскими костяками.

Таким образом, можно отметить, что сарматы присутствовали среди погребенных на могильниках черняховской культуры, но не внесли существенного вклада в формирование антропологического облика населения данной культуры Украины. При этом надо учесть, что анализу были подвергнуты лишь антропологические материалы из могил с трупоположениями.

ЛИТЕРАТУРА

Алексєєв В.П. Антропологія Салтівського могильника // Матеріали з антропології України. – Вип. 2. – К., 1962.

Алексеев В.П. Происхождение Народов Кавказа. – М., 1974.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. – М., 1994.

Балабанова М.А. Краниология сарматских погребальных памятников 4–3 вв. до.н.э. // Нижневолжский археологический вестник. – Вып. 2. – Волгоград, 1999.

Балабанова М.А. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. – М., 2000.

Батиева Е.Ф. Черепа из курганов междуречья Маныча и Сала (сарматское время) // Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Маныча и Сала. – Ростов-на-Дону, 1992.

Берлизов Н.Е. Ранние аланы Северного Кавказа (по материалам катакомбных погребений 2 в. до.н.э. - 3 в. н.э.). Авторефират дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1990.

Великанова М.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. – М., 1975.

Герасимова М.М. Краниология могильника Мощевая Балка // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа. – Москва, 1986.

Герасимова М.М. Краниологические материалы к этногенезу северокавказских народов // Вестник антропологии. – Вып.2. – М., 1996.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – М., 1972.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. – Вып.4. – М.–Л., 1948.

Ефимова С.Г. Население Восточной Европы в эпоху железа и позднеримское время // Восточные славяне. Антропологическая и этническая история. – М., 1999.

Зиневич Г.П. Очерки палеоантропологии Украины. – К., 1967.

Кондукторова Т.С. Материалы по палеоантропологии Украины. Палеоантропологический материал сарматского времени // АС 1. – ТИЭ АН СССР. – Т. 33. – М.–Л., 1956.

Кондукторова Т.С. Антропологическая характеристика черепов из Верхнего Чир-Юртовского могильника в Дагестане // Вопросы антропологии. – Вып. 25. – 1967.

Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения Украины (I тысячелетия до н.э. – середины I тысячелетия н.э.). – М., 1972.

Кондукторова Т.С. Краниологические материалы из могильников черняховской культуры // Могильники черняховской культуры. – М., 1979.

Кондукторова Т.С. Физический тип людей Нижнего Приднепровья. – М., 1979а.

Кондукторова Т.С., Сегеда С.П. Краниологическая и одонтологическая характеристика людей салтово-маяцкой культурі из села Дмитриевское // Вопросы антропологии. – № 84. –1990

Круц С.И. Антропологические материалы из сарматских погребений у с. Пороги // Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы северо-западного Причерноморья в I в. н.э. (погребения знати у с. Пороги). – К., 1991.

Круц С.И. Сарматы Таврии по антропологическим данным // Симоненко А.В. Сарматы Таврии. – К., 1993.

Магомедов Б.В. Сармати у складі черняхівської культури // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячоллітті н.е. – К.–Львів, 1999.

Мачинский Д.А., О времени первого активного выступления сармат в Приднепровье по свидетельствам письменных источников // Археологический сборник. – № 13. – Л., 1971.

Покас П.М. Антропологическая характеристика населения черняховской культуры // Антропологическая характеристика населения Украины I тыс. до н.э. – I тыс. н. э. – 1989. – НА ІА НАН України, Ф.12., П.т. 173.

Покас П.М. Новые антропологические материалы к проблеме территориальной дифференциации населения черяховской культуры. Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. 2. – М., 2000.

Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. – М., 1975.

Сегеда С.П., Дяченко В.Д. Антропологический материал из черняховского могильника у с. Холмское // Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э. – К., 1984.

Симоненко А.В. Сарматы Таврии. – Киев, 1993.

Симоненко А.В. Сармати // Давня історія України. – Т.2. – К., 1998.

Симоненко А.В. Сарматы Северного Причерноморья. Хронология, периодизация и этнополитическая история. Диссертация ... доктора исторических наук, 1999а. – НА ИА НАН Украины, Фонд 12, № 800.

Симоненко О.В., Лобай Б.І. До визначення етнічної належності Фарзоя та Інісмея // Археологія. – № 1. – 1989.

Соколова К.Ф. Антропологічні матеріали могильників Інкерманської долини // Археологічні пам'ятки УРСР . – Т. 13. – 1963.

Фиртштейн Б.В. Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т.А., Фирштейн Б.В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов: Авары и сарматы. – Л., 1970.

Чеснис Г.А. Многомерный анализ антропологических данных как средство решения проблемы выдиления балтских племенных союзов в эпоху железа (преимущественно на территории Литвы) // Балты, славяне, прибалтийские финны. – Рига, 1990.

Яценко С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н. э. // Петербургский археологический вестник. – Вып. 3. – 1993.

Jankauskas R., Barkus A. Marveles senkapio (1–7 m.e. a.) antropologija (1991–92 m. medziaga) // Vidurio Lietuvos Archeologiaja. – Vilnius, 1994.

Kozak-Zychman W., Siegieda S. Wyniki wstepnej analizy Kraniologicznej i odontologicznej ludnosci grupi maslomeckiej // Annales Universitatis M. Curi-Skladowsa. Secnio C. – Vol. 49, 16. – Lublin, 1994.

Roznowski F. Stosunki antropologiczne na terenach zajetych w okresie rzimskim prez ludosc kkultury wielbarskiej i ludnosc kultury czerniachowskiej // Teoria i empiria w polskiej szkole antropologicznej, seria nr 11. – Poznan, 1995.

Schwidetzky I., Rosing F.W. Vergleichend – statistische Unersuchugen zur Antropologie der Romerzeit (0-500 u.z.) // Homo. – Bd. 26., H.4. – Zurich, 1975.

Признаки	Среднее Поднепровье		Восточная Украина		Западная Украина		Причерноморье			Молдова	
№ по Мар.	Ориентация				Ориентация						
	Сев.	Зап.	Сев.	Зап.	Сев.	Зап.	Сев.	Зап.	С запл.	Сев.	Зап.
1. Продольный диаметр	190.1	184.8	186.1	183.8	188.8	184.9	185.1	185.8	184	183.8	181.8
8. Поперечный диаметр	137.4	138.4	137.4	141.5	138.9	137.9	138.3	137.4	136.5	136.7	137.7
9. Ширина лба	96.7	96.1	94.6	96.4	94.9	94.7	96.1	94.4	94.8	95.1	94
17 .Высотный диаметр	140.9	135.9	135.4	140.5	140.7	136.7	134.4	137.5	137.1	135.9	130.7
45. Ширина лица	132.5	130.7	133	137	126.1	127.1	130.5	131.3	130	128.8	129.8
48. Высота лица	71.1	70.3	68.3	70	69.5	65.2	70	70.9	71	69.1	70
51. Ширина орбиты	41.5	40.7	41.4	41	41.5	41.3	41	41.9	41.6	41.5	41.6
52. Высота орбиты	33.1	33.4	32.1	33	33.3	32	32.4	33.4	34.6	33	32
54. Ширина носа	25.8	24.4	23.9	23.7	23.9	24.1	24.3	24.3	23.2	25.2	24.7
55. Высота носа	51.9	51.6	51.3	52.3	51.6	48.8	50.6	51.5	50.9	50.9	52
77. Назомалярный угол	137.1	136.3	137.1	136.3	137.6	138.1	136.5	137.5	138.4	136.2	139.3
8:1.Черепной указатель	72.3	74.9	73.9	77.1	73.9	74.5	74.6	74	74.3	74.6	75.8
N. Количество *(max)*	23	24	11	5	15	12	19	20	13	15	6

Табл. 1. Краниологические данные о населении черняховской культуры. Мужчины

Признаки	Среднее Поднепровье		Восточная Украина		Западная Украина		Сев. Причерноморье				Молдова	
№ по Мар.	Ориентация				Ориентация				Тип ямы		Ориентация	
	Сев.	Зап.	Сев.	Зап.	Сев.	Зап.	Сев.	Зап.	с зап.	подб.	Сев.	Зап.
1. Продольный диаметр	178.6	178	179.5	178	178.1	175.8	177	178.9	176.9	181.8	177.7	178.8
8. Поперечный диаметр	134.2	135.6	133.9	137.4	136.6	138	135.1	136.4	139.9	137.4	134.9	135.6
9. Ширина лба	92.9	92.4	92.4	94.5	95.3	95.7	93.5	92.9	93.6	95.8	93.1	93.5
17. Высота черепа	132.4	128.6	132	131	129.6	129.6	130.8	133.4	135	128	135.3	131
45. Скуловой диаметр	124.4	124.1	119.8	124.7	127.3	125.3	123.8	127.5	124.3	121.4	125.8	122.4
48. Высота лица	67.2	67.1	64.5	65.3	63.1	64.8	65.7	65.3	67	66.3	61.8	61.5
51. Ширина орбит	40.3	39.9	39.3	40	40.7	40.3	38.9	38.5	41	39.9	40.3	39.9
52. Высота орбит	32	32.9	31.9	32	32.5	31.9	31.8	31.5	31.2	33.1	31.8	32.5
54. Ширина носа	22.8	24	21.6	22.6	24.1	25.5	23.5	23.1	21.7	24	24	23.5
55. Высота носа	48.8	48.6	47.9	47	47.5	49.2	48.6	47.8	46.7	50.1	46	47.8
77. Назомалярный угол	138.8	137.8	134.3	140	140.1	141.7	138.5	137.5	141.6	135.2	140.4	141.7
8:1. Черепной указатель	75.6	76	74.5	77.4	76.5	79.6	76.6	76.3	79.1	75.6	76	75.8
N. Количество *(max)*	22	27	9	4	14	12	22	15	8	5	15	5

Табл. 2. Краниологические данные о населении черняховской культуры. Женщины

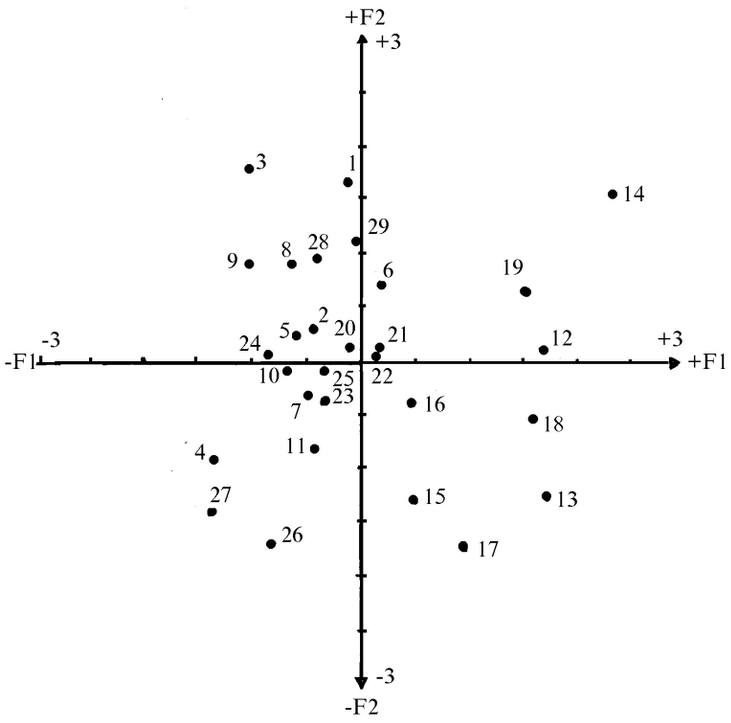


Рис.1. Результаты факторного анализа серий мужских черепов.
Черняховская к-ра Среднего Поднепровья: *1 – североориентированные, 2 – западноориентированные;* ***Черняховская к-ра Западной Украины:*** *3 – североориентированные, 4 – западноориентированные;* ***Черняховская к-ра Левобережной Украины:*** *5 – североориентированные, 6 – западно-ориентированные;* ***Черняховская к-ра Северного Причерноморья:*** *7 – североориентированные, 8 – западноориентированные, 9 – ямы с заплечиками;* ***Черняховская к-ра Молдовы:*** *10 – североориентированные, 11 – западная ориентация;* ***сарматы:*** *12 – Запорожской обл., 13 – Днепропетровской обл., 14 – Таврии, 15 – Донской группы, 16 – Калмыкии, 17 – Сала-Маныча, 18 – Заволжья; 19 – Черноречье-Инкерман; 20 – Неаполь Скифский; 21 – Беляус; 22 – Николаевка-Козацкое; 23 – Золотая Балка; 24 – Грудек; 25 – Масломенч; 26 – вельбарская к-ра Нижней Вислы; 27 – Силезия; 28 – грунтовые могильники Литвы; 29 – к-ра курганов Литвы.*

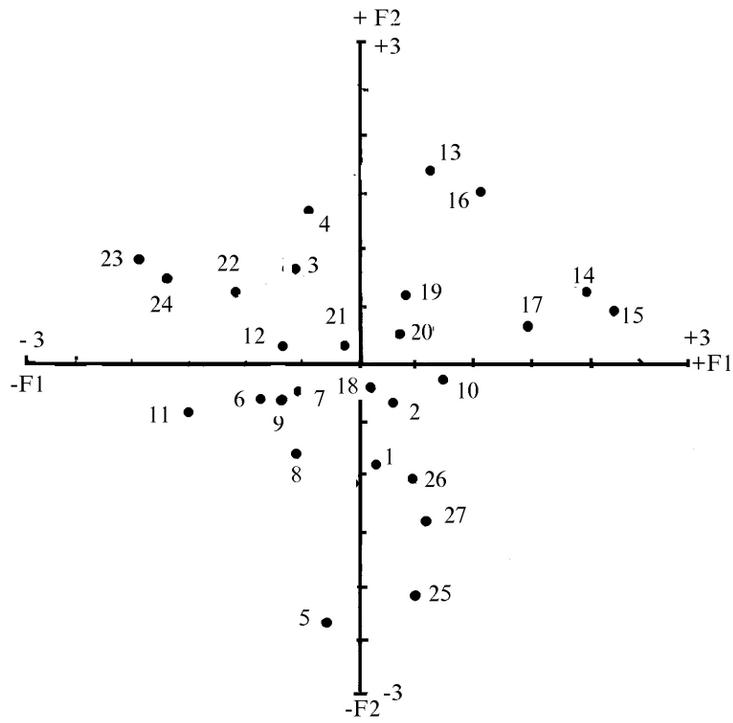


Рис.2. Результаты факторного анализа серий женских черепов.
Черняховская к-ра Среднего Поднепровья: *1 – североориентированные, 2 – западноориентированные;* ***Черняховская к-ра Западной Украины:*** *3 – североориентированные, 4 – западноориентированные;* ***Черняховская к-ра Левобережной Украины:*** *5 – севере ориентированные, 6 – западноориентированные;* ***Черняховская к-ра Северного Причерноморья:*** *7 – североориентированные, 8 – западноориентированные, 9 – ямы с заплечиками, 10 – подбои;* ***Черняховская к-ра Молдовы:*** *11 – североориентированные, 12 – западная ориентация; 13 – сарматы Украины; 14 – сарматы Таврии; 15 – сарматы Волго-Донской группы; 16 – сарматы Заволжья; 17 – Черноречье-Инкерман; 18 – Неаполь-Скифский; 19 – Беляус; 20 – Николаека-Козацкое; 21 – Золотая Балка; 22 – Грудек; 23 – Масломенч; 24 – вельбарская к-ра Нижней Вислы; 25 – вельбарская к-ра Мазовии; 26 – вельбарская к-ра Словинско-Дравская; 27 – Марвелес.*

А.Н. НЕКРАСОВА

ПАМЯТНИКИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

1. БОРОМЛЯ

Могильник и поселение черняховской культуры, расположенные на юго-западной окраине села Боромля Тростянецкого района Сумской области, открыты В.В. Примаком в 1986 г. и раскапывались А.Н. Некрасовой и Р.В. Терпиловским в 1987–91 гг. Памятники занимали высокий мысовидный выступ правого коренного берега реки Боромля (правый приток р. Ворскла, бассейн Днепра). Высота мыса до 20 м над уровнем поймы, ширина – около 250 м. Южный склон пологий, частично срезан хозяйственным участком МТФ № 2 совхоза «Гигант», восточный и западный края – обрывистые (рис. 1). На восточном краю расположен могильник (рис. 1: I), на западном – поселение (рис. 1: II). К западу, на противоположном, пологом склоне старой обводненной балки находилось еще одно большое черняховское поселение (рис. 1: III).

Могильник Боромля-I

Могильник занимал площадь около 200х100 м (рис. 1: I), раскопано 2200 м^2 (рис. 2). Территория памятника в значительной степени разрушена пролегающей с севера на юг грунтовой дорогой и плантажной вспашкой под лесопосадку, а с запада на восток – двумя буртами шириной 4 м, глубиной 1 м, при их засыпке которых был полностью переотложен культурный слой могильника.

Раскопками обнаружено 48 погребений: 47 – ингумации и разрушенная кремация. Остатки остальных кремаций в виде кальцинированных косточек и мелких фрагментов пережженной гончарной керамики встречались в заполнении буртов.

Поскольку остатки кремаций были немногочисленны, можно предполагать, что их общее количество на могильнике не превышало 15–20 погребений. Вместе с тем, принимая во внимание площадь разрушенных участков и свидетельства местных жителей о случайных находках костяков, число захоронений с ингумациями, видимо, составляло не менее 80 погребений и значительно превосходило количество кремаций. Всего Боромлянский могильник, связанный с одним из обнаруженных поселений, вероятно, содержал около 100 погребений и относился к категории некрополей средней величины.

Боромлянские ингумации типичны для черняховских некрополей. Костяки ориентированы головой на север (30) и на запад (17) с небольшими сезонными отклонениями. Захоронения северной ориентации, как правило, сопровождались сосудами (24), мясом животных (9), украшениями и предметами обихода, западные – безынвентарные (16), редко – с предметами личного убора. В обеих группах погребений отмечены случаи ритуальных разрушений скелетов (5).

Вместе с тем, Боромлянский могильник имеет свои индивидуальные особенности.

Погребения, в основном западные и безынвентарные (11), совершались в ямах с узким углублением на дне для скелета. Ноги покойников часто были неестественно сведены в пятках (17) и, вероятно, связаны, о чем свидетельствует железная ременная пряжка на перекрещенных щиколотках погребенного в захоронении № 30. В 12 погребениях один из сосудов содержал несколько мелких камешков.

Особо следует отметить 2 захоронения в ямах с подбоем №№ 33 и 46, указывающие на присутствие сарматского элемента, тем более, что в первом из них череп покойного имел ярко выраженную искусственную деформацию.

Керамика, сопровождавшая боромлянские захоронения, исключительно гончарная. Из 141 сосуда 81 шероховаты (66 горшков, 11 мисок и 4 кувшина) и 60 – лощеных (1 горшок, 54 миски и 5 кувшинов). Они часто сформованы неряшливо, некоторые – бракованные. Высоким качеством выделяется керамика из подбойного захоронения № 33.

В отличие от соседних могильников Успенка, Сумы и Сумы-Сад, в комплексах Боромли отсутствует «парадная» посуда (трехручные вазы,

богато орнаментированные кувшины и кубки). Керамика в основном не орнаментирована, только на 8 сосудах отмечены пролощенный зигзаг (1), ромбическая сетка (2), каннелюры (3) и пунктирный штамп (2). Шероховатые миски открытого типа, характерные для позднего этапа черняховской культуры, присутствуют в каждом втором инвентарном погребении.

Набор датирующих вещей из погребений в целом соответствует 3 и 4 фазам периодизации черняховских могильников, предложенной Е.Л. Гороховским (*Гороховский* 1988, с. 44) – фибулы двупластинчатые (№№ 4, 44), воинские (№ 7), подвязные вариантов Б2 (№№ 13, 33, 46) и Б3 (№№ 11, 15, 24, 45), пряжки вариантов Г1в, Д1в (№ 30) и Ж1а (№ 24), костяные трехчастные гребни типа I/2, I/2а (№№ 4, 33) и III/2 б (№ 2) (*Никитина* 1969, с. 148). Пряжка варианта А1б, характерная для периода конца III – начала IV в. Сочеталась в погребении № 45 с подвязными фибулами варианта Б3 второй половины IV в.

Наиболее раннее на могильнике подбойное захоронение № 33 с подвязной фибулой варианта Б2, костяным гребнем типа I/2а и высококачественной керамикой можно отнести к первой половине IV в. Наиболее поздние погребения (№№ 11, 24, 30) с крупными подвязными фибулами варианта Б3 и железной пряжкой Д1в – ко второй половине IV – началу V в.

С учетом характера керамического комплекса, время функционирования могильника определяется в рамках второй трети IV – начала V в.

На поселении (II), в 100 м к западу от могильника, обнаружены объекты трех хронологических горизонтов позднеримского времени. Два верхних соответствуют периоду функционирования могильника.

Погребение № 1 (рис. 3:1-3). Ингумация северной ориентации, инвентарная. Основная часть захоронения срезана дорогой, сохранился только его восточный край. Погребальная яма размером приблизительно 1,6 х 0,9 м, глубиной 0,5 м от современной поверхности (0,4 м)[1]. Судя по сохранившимся *in situ* обломкам черепа и костям левой руки, погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на север. У левого плеча зафиксирован развал кубка тонкого зеленоватого стекла, который не подлежит реконструкции. У локтя стоял гончарный лощеный двуручный кувшин (рис. 3:2), в ногах сохранились обломки придонной части гончарного шероховатого горшка (рис. 3:3).

Погребение № 2 (рис. 3: 4–9)[2]. Ингумация мужчины 30–35 лет северной ориентации, ритуально разрушенная, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2,15х1,25 м, глубиной 1,15 м от современной поверхности (0,6 м), заполненная слабогумусированным грунтом. С глубины 0,3 м, сразу под дерном, прослеживалась «грабительская» яма размерами 1,9х1,2 м, глубиной 0,9–1,1 м, заполненная ярким черным гумусом. Погребенный лежал под западной стенкой погребальной ямы в вытянутом положении на спине, головой на север с небольшим отклонением к западу. Кости груди и левой половины скелета свалены кучей в заполнении «грабительской» ямы на глубине 0,7–0,9 м. Возле черепа – две стеклянные бусины: биконическая из оливкового прозрачного стекла типа А96 (рис. 3: 7) и ребристая из серо-голубого прозрачного стекла типа А152 (рис.3: 6)[3]. Костюм погребенного, вероятно, содержал фибулы и ременную пряжку, от которых остались обширные следы бронзовых окислов на плечевых костях, крестце и тазе. В головах, слева от погребенного, сохранились гончарная лощеная миска (рис. 3: 5), фрагмент костяного гребня на бронзовых гвоздиках (рис. 3: 8), железный нож (рис. 3: 9) и часть скелета молодой овцы.

Погребение № 3 (рис. 3: 10–16). Ингумация мужчины (?) 15–18 лет, инвентарная. Погребение было разрушено и выброшено на поверхность при рытье буртов. В дерновом слое, на площади 4 м^2, собраны обломки костей человеческого скелета, глиняное биконическое пряслице (рис. 3: 16), целые и в обломках 6 гончарных сосудов: лощеные миска-ваза, горшковидная миска с пунктирным орнаментом и кружка с каннелюрами, в которой находился камешек, 2 шероховатых горшка и миска (рис. 3: 10–15).

Погребение № 4 (рис. 4: 1–17). Ингумация женщины 45–55 лет, северо-западной ориентации, инвентарная. Погребальная яма прямоугольная в плане размерами 2,4 х 1,3 м, глубиной 1,15 м от современной поверхности (0,45 м). В заполнении ямы, на глубине 0,9 м обнаружены парные серебряные двупластинчатые фибулы (рис. 4: 6, 7), вероятно, украшавшие плащ, сброшенный в частично засыпанную яму. Погребенная лежала в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад, ноги сведены в пятках. Возле шеи найдены 2 стеклянные бусины: чечевицеобразная бусина из сине-фиолетового прозрачного стекла типа А86 (рис. 4: 4)

[1] В скобках указаны глубины от уровня материка.

[2] Антропологические определения С.П. Сегеды и П.М. Покаса, остеологический анализ О.П. Журавлёва.

[3] Определения бус уточнены О. В. Бобровской (Гопкало).

и с металлической вкладкой типа А31б (рис. 4: 5), у пояса – бронзовая пряжка (рис. 4: 3), у левого колена – костяной гребень на железных гвоздиках (рис. 4: 2). Захоронение сопровождали 9 гончарных сосудов (рис. 4: 9–17), железный нож (рис. 4: 8) и мясо животного. Весь инвентарь, кроме одной мисочки у правого плеча (рис. 4: 15), располагался слева от погребенной. Возле головы стояли лощеный кувшинчик и шероховатая миска (рис. 4: 13, 17). Под восточной стенкой ямы находились шероховатый горшок (рис. 4: 10), железный нож (рис. 4: 8) и кости молодого бычка (конечности и нижняя челюсть), к югу от них – 2 лощеные миски и 3 шероховатых горшка.

Погребение № 5 (рис. 6: 18). Ингумация женщины 45–55 лет, западной ориентации, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2х0,9 м, глубиной 0,8 м от современной поверхности (0,3 м), в центре имела углубление для скелета размерами 1,9х0,6 м, глубиной 0,15 м от дна. Погребенная лежала в вытянутом положении на спине, головой на запад, кисть левой руки – на тазе.

Погребение № 6 (рис. 5: 1–11). Ингумация 40–50 лет, северо-западной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2,6х1,65 м, глубиной 1,05 м от современной поверхности (0,35 м). Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад, ноги сведены в пятках. Захоронение сопровождали 8 гончарных сосудов. В головах стояли 3 лощеные миски, шероховатая миска и 3 горшка. Здесь же находились кости ягненка и железный нож. Обломок второго ножа найден у левой ноги погребенного. Возле кисти правой руки стоял шероховатый горшочек, в котором обнаружен камешек.

Погребение № 7 (рис. 5: 12–20). Ингумация мужчины (?) 40–50 лет, северной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2,2х 1,2 м, глубиной 1,1 м от современной поверхности (0,5 м). Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на север, кисти рук – на костях таза. В погребении обнаружены 2 бронзовые воинские фибулы (рис. 5: 13, 14). Одна из них со следами ремонта, в результате которого припаян новый приемник из сплава с большим содержанием меди, а для его устойчивости – конец ножки подогнут. Слева от головы найдено глиняное лощеное и слабообожженное пряслице (рис. 5:15). Захоронение сопровождали 5 гончарных сосудов. У правого бедра стояли два одинаковых гончарных горшка (рис. 5: 16, 17). В ногах – шероховатая (рис. 5: 19) и лощеная миски (рис. 5: 20), а также глубокая миска-ваза (рис. 5: 18), в которой находился камешек.

Погребение № 8 (рис. 6: 1–6). Ингумация мужчины 35–40 лет, северной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2,3х0,9 м, глубиной 0,45 м от современной поверхности была вырыта в предматерике и заполнена черным гумусом. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на север, правая рука согнута в локте и придерживала сосуд на плече, кисть левой – на тазе, ноги сведены в пятках. Захоронение сопровождали 4 гончарных сосудов. В головах погребенного стояли 2 лощеные миски (рис. 6: 3, 4) и шероховатый горшок (рис. 6: 2), на правом плече – лощеная мисочка (рис. 6: 5), в которой находились бронзовая калачиковидная подвеска (рис. 6: 6) и два фрагмента железных окислов с отпечатками ткани.

Погребение № 9 (рис. 6: 7–14). Ингумация на боку, северной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,8х0,7 м, глубиной 0,6 м от современной поверхности (0,15 м). Погребенный лежал в вытянутом положении на правом боку, головой на север. Слева, в головах, стояли 7 гончарных сосудов: 2 лощеные миски (рис. 6: 8, 10), шероховатая миска (рис. 6: 9), 2 горшка (рис. 6: 11, 12) и 2 миниатюрных горшочка (рис. 6:13,14).

Погребение № 10 (рис. 6: 15, 16). Ингумация женщины 25–30 лет, западной ориентации. Погребальная яма овальная в плане размерами 2,2 х 0,8 м, глубиной 0,9 м от современной поверхности (0,3 м). Погребенная лежала в вытянутом положении на спине головой на запад, ноги сведены в пятках. Вокруг шеи обнаружено 9 кубических со срезанными углами из сине-фиолетового прозрачного стекла типа А134 (рис. 6: 16). Случай перекрывания погребения № 10 погребением № 7, упомянутый в предварительной публикации, не подтвердился. Ошибка вызвана смещением сетки квадратов при разбивке участка раскопок 1988 г.

Погребение № 11 (рис. 7: 1–14). Ингумация мужчины (?) 40–50 лет, северо-западной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2,1 х 0,8 м, глубиной 0,8 м от современной поверхности (0,3 м). Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. На плечах находились парные бронзовые подвязные фибулы (рис. 7: 8, 9). Захоронение сопровождали 11 гончарных сосудов и мясо животного. Инвентарь располагался справа от погребенного. На плече стоял небольшой шероховатый горшок (рис. 7: 3). Вдоль западной стенки ямы были установлены 2 шероховатых горшка (рис. 7: 6, 14) и миниатюрный шероховатый горшочек (рис. 7: 11), в котором

находился камешек, кость быка, шероховатый кувшинчик (рис. 7: 5), горшок (рис. 7: 7), три лощеные миски (рис. 7: 2, 4, 13), в одной из которых находилась миниатюрная лощеная мисочка (рис. 7: 12). Большая шероховатая миска (рис. 7: 10).

Погребение № 12 (рис. 6: 17). Ингумация женщины 55–70 лет, западной ориентации, ритуально разрушенная, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами около 2,2х0,8 м, глубиной 1,3 м от современной поверхности (0,4 м) со слабогумусированным заполнением, в западной части была разрушена «грабительской» ямой, круглой в плане диаметром 1,2 м, заполненной черным гумусом. Погребенная была захоронена в вытянутом положении на спине головой на запад. *In situ* сохранились только кости ног. Вся верхняя часть скелета разрушена, череп изъят, остальные кости свалены кучей в заполнении «грабительской» ямы на глубине 0,9–1,2 м.

Погребение № 13 (рис. 7: 15–24). Ингумация ребенка, северной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,2 х 0,8 м, глубиной 0,5 м от современной поверхности (0,1 м). В заполнении встречено 17 мелких, вторично пережженных фрагментов гончарной керамики и несколько кальцинированных косточек. Кости скелета почти полностью истлели. Сохранились *in situ* только теменная часть черепа, судя по которой погребенный лежал головой на север с небольшим отклонением к западу. Костюм погребенного содержал парные бронзовые подвязные фибулы, одна из которых была обнаружена возле левого плеча (рис. 7: 16), вторая – затянута кротами в противоположный конец ямы (рис. 7: 17). Захоронение сопровождали 7 гончарных сосудов. Слева от головы стояли лощеная миска и шероховатый горшочек (рис. 7: 21, 24), справа – шероховатый (рис. 7: 20), в котором находились 4 камешка. В ногах располагались 2 лощеные миски (рис. 7: 19, 22) и 2 шероховатых горшка (рис. 7: 18, 23).

Погребение № 14 (рис. 8: 1). Ингумация младенца 6–8 месяцев западной ориентации, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 0,85х0,45 м, глубиной 0,45 м от современной поверхности (дно – на уровне материка) имела в центре узкое углубление для скелета размером 0,65х0,3 м, глубиной 0,15 м от дна. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад.

Погребение № 15 (рис. 8: 2, 3). Ингумация женщины (?) 35–40 лет, северной ориентации. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,9х0,8 м, глубиной 0,9 м от современной поверхности (0,3 м). Погребенная лежала в вытянутом положении на спине, головой на север. На правом плече обнаружена сильно коррозированная железная подвязная фибула (рис. 8: 2).

Погребение № 16 (рис. 8: 4). Ингумация мужчины 30-35 лет, западной ориентации, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2,2х1.1 м, глубиной 1,1 м от современной поверхности (0,6 м) в центре имела узкое углубление для скелета размерами 2х0,7 м и глубиной 0,1 м. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад, ноги сведены в пятках.

Погребение № 17 (рис. 8: 5). Ингумация младенца в возрасте до 1 года, скорченного на левом боку, северной ориентации, безынвентарная. Погребение обнаружено в предматерике на глубине 0,35 м от современной поверхности. Контуры погребальной ямы не прослеживалась, кости скелета истлели.

Погребение № 18 (рис. 8: 12). Ингумация ребенка 1–2 лет, западной ориентации, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,2х0,75 м, глубиной 0,75 м от современной поверхности (0,15 м). Погребенный лежал в вытянутом положении на спине головой на запад, кисть правой руки – на тазе.

Погребение № 19 (рис. 8: 7–9). Ингумация женщины 60–70 лет, западной ориентации. Погребальная яма овальная в плане размерами 2,1х1,05 м, глубиной 0,85 м от современной поверхности (0,15 м) в центре имела углубление для скелета размерами 1,7х0,6 м, глубиной 0,15 м от дна. Погребенная лежала в вытянутом положении на спине, головой на запад, кисти рук – на тазе, ноги сведены в пятках. У левого плеча обнаружены остатки коррозированной железной фибулы (рис. 8: 8) и глиняное слабообожженное биконической пряслице (рис.8: 9).

Погребение № 20 (рис. 8: 10). Ингумация мужчины 18–20 лет, западной ориентации, ритуально разрушенная, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами около 2,3х1,2 м, глубиной 1,2 м от современной поверхности (0,6 м) заполненная слабогумусированным грунтом, в западной части была разрушена «грабительской» ямой размерами 1,9х1,2 м, глубиной 1,2 м, заполненной черным гумусом. Погребенный захоронен в вытянутом положении на спине, головой на запад, ноги – сведены в пятках. Верхняя часть скелета была разрушена до пояса, а кости, в том числе череп, сложены кучкой на дне ямы на месте груди.

Погребение № 21 (рис. 8: 11). Ингумация мужчины 40–45 лет, западной ориентации, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2,1х1 м, глубиной 1,3 м от современной поверхности (0,6 м) в центре имела узкое

углубление для скелета размерами 1,8х0,55 м, глубиной 0,15 м от дна. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад с небольшим отклонением к северу, кисть левой руки – на тазе, ноги перекрещены в щиколотках.

Погребение № 22 (рис. 9: 1–5). Ингумация мужчины 35–40 лет, северо-западной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2,3х1,1 м, глубиной 0,8 м от современной поверхности (0,15 м). Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. На правом плече зафиксированы остатки сильно коррозированной железной подвязной фибулы (рис. 9: 2). Слева от погребенного стояли 3 гончарных сосуда: 2 шероховатых горшка (рис. 9: 4, 5) и лощеная мисочка (рис. 9: 3).

Погребение № 23 (рис. 8: 6) Ингумация женщины 20–25 лет, западной ориентации, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2,2х0,9 м, глубиной 0,9 м от современной поверхности (0,15 м) в центре имела узкое углубление для скелета размерами 1,8х0,5 м, глубиной 0,35 м от дна. Погребенная лежала в вытянутом положении на спине, головой на запад, с небольшим отклонением к северу, ноги сведены в пятках.

Погребение № 24 (рис. 9: 6–28). Ингумация ребенка 3–5 лет северо-западной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,55х0,9 м, глубиной 0,9 м от современной поверхности (0,3 м). Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад, кисти рук – на тазе. Убор погребенного состоял из бронзовой подвязной фибулы на правом плече (рис. 9: 7), серебряной пряжки – на поясе (рис. 9: 8), ожерелья из бронзовой пронизи (рис. 9: 12) и 6 бусин: 2 округлых эллипсоидных усеченных дважды из сине-фиолетового прозрачного стекла типа А15 (рис. 9: 9, 10), 3 цилиндрических из сине-фиолетового и желто-зеленого стекла (рис. 9: 13, 15, 16) и полихромной из непрозрачного белого стекла с зигзагообразным декором сине-фиолетового цвета (рис. 9: 11). Захоронение сопровождали 13 гончарных сосудов, большинство из которых – миниатюрные, специально изготовленные для ребенка. На груди стояли 2 шероховатых горшочка (рис. 9: 25, 26), у правой ноги – лощеная мисочка (рис. 9: 22), в которой находились 2 камешка. В головах и слева от покойного размещались 6 лощеных мисок и мисочек (рис. 9: 17, 19, 20, 21, 23, 24), чернолощеный кувшинчик без ручек (рис. 9: 18) и 2 шероховатых горшочка (рис. 9: 27, 28)[1].

Погребение № 25 (рис. 10: 1, 2). Ингумация женщины 25 лет, северо-западной ориентации, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,8х0,7 м, глубиной 0,75 м от современной поверхности (0,15 м) заполнена черным гумусом, в котором обнаружены несколько мелких обгорелых фрагментов гончарной керамики и сердоликовая 14-гранная бусина (рис. 10: 2). Погребенная лежала в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад, кисть левой руки – на тазе, правая нога согнута в колене.

Погребение № 26 (рис. 10: 5). Ингумация женщины 20–25 лет, западной ориентации, безынвентарная. Погребение обнаружено в восточном обрезе дороги, на расстоянии 100 м к северу от основной территории могильника. Заполнение погребальной ямы прослеживалось в материке сразу под дерновым слоем (0,2 м). Яма овальная в плане размерами 2х0,8 м, глубиной 0,3 м от современной поверхности в центре имеет узкое углубление для скелета размерами 1,9х0,5 м, глубиной 0,2 м от дна. Погребенная лежала в вытянутом положении на спине, головой на запад, с небольшим отклонением к югу, кисть левой руки – на тазе, ноги сведены в пятках.

Погребение № 27 (рис. 10: 6–20). Ингумация женщины 25–35 лет, северной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2 х 1 м, глубиной 1,1 м от современной поверхности (0,4 м). Заполнение ямы испещрено кротовинами. Погребенная лежала в вытянутом положении на спине, головой на север, с небольшим отклонением к западу, кисть руки – на тазе. Костюм погребенной, вероятно, включал пару бронзовых фибул, от которых сохранились окислы на плечевых костях. Вокруг шеи обнаружено 5 винтообразных бусин синего стекла типа А203 (рис. 10: 7–12). У левого локтя найдено глиняное пряслице, украшенное густо прочерченными линиями (рис. 10: 13). Захоронение сопровождали 7 гончарных сосудов. Слева от погребенной, у головы, стояли шероховатый кувшин, горшок и миниатюрный горшочек (рис. 10: 14, 15, 17), лощеная плохо обожженная горшковидная миска оранжевого цвета (рис. 10: 16), у левого бедра – шероховатая миска и горшочек (рис.10: 18, 20), у правого локтя – шероховатый горшочек (рис. 10: 19), в котором находилось 3 камешка.

Погребение № 28 (рис. 10: 3, 4). Ингумация северо-западной ориентации, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,9х0,8 м, глубиной 0,7 м от современной поверхности (дно – на уровне материка) в центре имела углубление для скелета размерами 1,55 х 0,45 м, глубиной 0,3 м от дна. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой

[1] Изображённый на рисунке железный предмет в описании погребения не фигурирует (Ред.).

на север, с небольшим отклонением к западу, кисть правой руки – на тазе. На левом плече зафиксированы остатки коррозированной железной фибулы (рис. 10: 4).

Погребение № 29 (рис. 11: 1–5). Ингумация женщины 20–25 лет, северо-западной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,8х0,75 м, глубиной 1 м от современной поверхности (0,35 м). Погребенная лежала в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Захоронение сопровождали 4 гончарных сосудов. В головах стояли шероховатый горшок и лощеная миска (рис. 11: 3, 5), в которой находились 2 камешка, в ногах – лощеная миска и шероховатый горшок (рис. 11: 2, 4).

Погребение № 30 (рис. 11: 6–14). Ингумация мужчины 50–55 лет, северной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане 1,9 х 0,9 м, глубиной 1 м от современной поверхности (0,3 м). Погребенный лежал в вытянутом положении, головой на север, ноги перекрещены в щиколотках и, вероятно, были связаны ремнем, от которого сохранилась железная пряжка (рис. 11: 7). Слева от погребенного находились железный нож (рис. 11: 8) и 6 гончарных сосудов: 3 лощеные миски и 3 шероховатых горшка, два из которых представлены только придонными частями (рис. 11: 9–14).

Погребение № 31 (рис. 11: 15). Ингумация мужчины 35–40 лет, западной ориентации, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2,3х0,95 м, глубиной 1 м от современной поверхности (0,2 м) в центре имела узкое углубление для скелета размерами 1,95х0,6 м, глубиной 0,2 м от дна. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад, с небольшим отклонением к югу, ноги сведены в пятках.

Погребение № 32 (рис. 11: 16). Ингумация ребенка 6-7 лет, западной ориентации, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,3х0,6 м, глубиной 0,85 м от современной поверхности (0,3 м) имела в центре углубление для скелета размерами 1,1 х 0,35 м, глубиной 0,15 м от дна. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад.

Погребение № 33 (рис. 12). Ингумация мужчины 50–60 лет с искусственно деформированным черепом северной ориентации, в яме с подбоем, инвентарная. Входная яма овальная в плане размерами 2,4 х 1,15 м, глубиной 0,9 м от современной поверхности (0,55 м) заполнена однородным темно-серым грунтом. В заполнении встречались фрагменты пережженной гончарной керамики, в том числе горизонтальный венчик лощеной вазы и ручка светлоглиняной амфоры. Вдоль восточной стенки яма имела широкий, овальный в плане подбой размерами 2 х 0,7 м , высотой 0,4 м. Дно подбоя на 0,1 м ниже дна ямы. Погребенный лежал в подбое в вытянутом положении на спине, головой на север, с небольшим отклонением к западу. Затылочная часть черепа удлинена в результате ритуальной деформации в детстве. На правом плече найдена бронзовая подвязная фибула (рис. 12: 26), вокруг шеи – ожерелье, в состав которого входили разнообразные бусы (рис. 12: а): 2 округлые из оливкового прозрачного стекла типа А17 (рис. 12: 16, 17), 5 биконических из зеленого стекла типа А91, зеленоватого и бесцветного стекла (рис. 12: 18), 1 биконическая из коричневого непрозрачного стекла (рис. 12: 19), 2 шаровидных и 1 бубликовидная из черного непрозрачного стекла (рис. 12: 21, 22), 1 полихромная из белого непрозрачного стекла с зигзагообразным декором из красного непрозрачного стекла (рис. 12:20), 5 сердоликовых 14-гранных и 1–10-гранная (рис. 12: 10–15), 6 коралловых веретеновидных (рис. 12: 6, 7), 109 стеклянных цилиндрических ребристых бисерин зеленого, голубого и лилового цвета (рис. 12: 2–5, 8, 9), а также 2 бронзовые ведерковидные подвески с горизонтальными желобками (рис. 12:23,24). Одна из подвесок была заполнена ароматической смолой, вероятно, сосновой. У правого плеча погребенного лежал костяной гребень на бронзовых гвоздиках (рис. 12: 25), а у локтя – железный нож (рис. 12: 27). В головах стоял большой гончарный хорошо лощеный двуручный кувшин (рис. 12: 30). Рядом лежали кости полугодовалого поросенка (позвонки, ребра, конечности и нижняя челюсть). У правого бедра находились гончарные шероховатый горшок и лощеная мисочка (рис. 12: 28, 29), в которой обнаружено 5 камешков. У горшка отсутствуют характерные для черняховской керамики следы формовочных срезов в придонной части.

Погребение № 34 (рис. 11:17). Ингумация мужчины (?), северной ориентации, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2,1 х 1, 25 м, глубиной 0,45 м от современной поверхности (0,35 м). Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на север с небольшим отклонением к западу, кисть левой руки – на тазе.

Погребение № 35 (рис. 13:1-6). Ингумация ребенка 6–7 лет, северной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,4 х 0,7 м, глубиной 0,65 м от современной поверхности (0,1 м). Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на север, с небольшим отклонением к западу, кисти рук – на тазе. Справа от погребенного располагались 5 гончарных сосудов: 2 шероховатых горшка (рис. 13:2,3), шероховатая

миска (рис. 13: 4), лощеные миска (рис. 13: 6) и миниатюрная мисочка (рис. 13: 5).

Погребение № 36 (рис. 13: 7). Ингумация ребенка 2–5 лет, юго-западной ориентации, на животе, безынвентарная. Погребение обнаружено на уровне предматерика, сразу под дерновым слоем, на глубине 0,3 м от современной поверхности. Контуры ямы не прослеживались. Погребенный лежал на животе головой на юго-запад, руки – вдоль корпуса, ноги – слегка подогнуты влево.

Погребение № 37 (рис. 13: 8). Ингумация женщины (?) 30–35 лет, западной ориентации, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,95 х 0,95 м, глубиной 0,95 м от современной поверхности (0,4 м) в центре имела узкое углубление для скелета размерами 1,55 х 0,55 м от дна. Погребенная лежала в вытянутом положении на спине, головой на запад с небольшим отклонением к югу, ноги сведены в пятках.

Погребение № 38 (рис. 13: 9–18). Ингумация ребенка 10–12 лет, северной ориентации, инвентарная. Погребальная яма прослеживалась в материке сразу под пахотным слоем (0,1 м). Она овальная в плане размерами 1,7 х 0,6 м, глубиной 0,4 м от современной поверхности. Захоронение повреждено плугом. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на север. Погребение сопровождали 9 гончарных сосудов. В головах стояли лощеная мисочка (рис. 13: 15) и 2 шероховатых горшка (рис. 13: 11, 12), от которых сохранились только придонные части. В ногах, слева от погребенного, находились 3 шероховатых горшка (рис. 13: 10, 13, 18), лощеная мисочка (рис. 13: 14) и одноручный кувшинчик с «граненым» плечиком (рис. 13: 16). На правой руке стояла лощеная горшковидная миска (рис. 13: 17) с тремя камешками.

Погребение № 39 (рис. 14). Ингумация мужчины 40–45 лет, северо-западной ориентации, ритуально разрушенная, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2х1 м, глубиной 0,6 м от современной поверхности (0,25 м), заполненная светлым гумусом. В северной части была перерезана «грабительской» ямой размерами 1,6 х 1,15 м, глубиной 0,6–0,7 м, заполненной черным гумусом. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине головой на северо-запад, ноги сведены в пятках. Кости разрушенной грудной клетки были свалены в западном углу «грабительской» ямы на глубине 0,4–0,5 м. В погребении обнаружены 2 бусины синего стекла (рис. 14: 2, 3) и фрагмент костяного гребня на железных гвоздиках (рис. 14: 4). Захоронение сопровождалось гончарными сосудами (не менее 8 – рис. 14: 6–13), тушкой молодой овцы (целый скелет) и железным ножом (рис. 14: 5). Весь инвентарь располагался слева от погребенного. *In situ* сохранились только лощеная миска у левого бедра (рис. 14: 7) и скелет овцы. Обломки 3 шероховатых горшков и 4 лощеных мисок были разбросаны по дну и в нижней части заполнения «грабительской» ямы.

Погребение № 40. Кремация ямная (?). Погребение было полностью срезано плугом. Сохранилось только несколько крупных обломков человеческих кальцинированных костей, просевших в кротовину и обнаруженных на глубине 0,35 м от современной поверхности (0,05 м). Здесь же залегали древесные угли и 10 мелких пережженных фрагментов гончарной керамики.

Погребение № 41 (рис. 13: 19). Ингумация женщины (?) 30–35 лет, северной ориентации, безынвентарная. Костяк обнаружен сразу под дерном на уровне материка, на глубине 0,35 м от современной поверхности. Погребенная лежала в вытянутом положении на спине головой на север, с небольшим отклонением к западу.

Погребение № 42 (рис. 13: 20–23). Ингумация ребенка 5–6 лет, юго-западной ориентации (?), инвентарная. Погребение обнаружено на уровне материка, сразу под дерном, на глубине 0,25 м от современной поверхности и было повреждено плугом. От костяка сохранились *in situ* раздавленный череп и левая кость таза, указывающие на юго-западную ориентацию покойного. Слева от черепа собраны фрагменты от 3 гончарных сосудов: шероховатого горшка (рис. 13: 22) и 2 лощеных мисок (рис. 13: 21, 23).

Погребение № 43 (рис. 15: 1–5). Ингумация женщины 35–40 лет, северной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2 х 0,8 м, глубиной 0,6 м от современной поверхности (0,2 м). Погребенная лежала в вытянутом положении на спине головой на север, с небольшим отклонением к западу, ноги сведены в пятках. Справа от погребенной стояли гончарные шероховатые кувшин (рис. 15: 2), миска (рис. 15: 3) и 2 горшка (рис. 15: 4, 5).

Погребение № 44 (рис. 15: 6–11). Ингумация женщины 45–50 лет, северной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,85 х 0,95 м, глубиной 0,65 м от современной поверхности (0,35 м). Погребенная лежала в вытянутом положении на спине, головой на север, с небольшим отклонением к западу, ноги сведены в пятках. На плечах обнаружены парные бронзовые двупластинчатые фибулы (рис. 15: 10, 11). У правой руки стояли 3 гончарных сосудов: лощеная миска (рис. 15: 8), шероховатые горшок (рис. 15: 7) и горшочек (рис. 15: 9), в котором находился камешек.

Погребение № 45 (рис. 16: 1–10). Ингумация женщины 25–35 лет, северной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2,2 х 0,9 м, глубиной 0,75 м от современной поверхности (0,45 м). Погребенная лежала в вытянутом положении на спине, головой на север, с небольшим отклонением к западу. На плечах обнаружены парные бронзовые подвязные фибулы (рис. 16: 6, 7), у пояса – бронзовая пряжка (рис. 16: 8), возле правой ноги – 2 глиняных пряслица (рис. 16: 9, 10) и тупик из ребра свиньи. Захоронение сопровождали 4 гончарных сосудов, 3 из них: лощеная миска (рис. 16: 3), шероховатая миска (рис. 16: 4) и горшок (рис. 16: 2) – слева от погребенной. Справа, на тазе, стояла лощеная мисочка (рис. 16: 5), в которой найден камешек.

Погребение № 46 (рис. 17). Ингумация мужчины 25–30 лет, северной ориентации, в яме с боковым подбоем для инвентаря. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,85х0,9 м, глубиной 0,7 м от современной поверхности (0,4 м) в центре имеет узкое углубление для скелета размерами 1,6х0,4 м, глубиной 0,1 м от дна. Вдоль западной и северной стенок ямы тянется подбой шириной 0,15–0,25 м, высотой 0,2 м. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на север, с небольшим отклонением к западу. На правом плече обнаружена бронзовая подвязная фибула (рис. 17: 4), на тазе – костяной игольник с железной иглой (рис. 17: 2, 3). Погребение сопровождали 8 гончарных сосудов и мясо животного, расположенные в подбое. Слева от головы лежали на боку 2 шероховатых горшка (рис. 17: 5, 8). Справа от погребенного стояли тесной группой лощеная мисочка (рис. 17: 12), шероховатые миска (рис. 17: 10), 2 горшка (рис. 17:6, 7) и миниатюрный горшочек (рис. 17: 9). К югу от них находились кость быка и лощеная миска с шестью камешками (рис. 17: 11).

Погребение № 47 (рис. 16: 11). Ингумация мужчины 40–45 лет, западной ориентации, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2,1х0,85 м, глубиной 0,7 м от современной поверхности (0,4 м). Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад, с небольшим отклонением к северу, ноги сведены в пятках.

Погребение № 48 (рис. 16: 12–14). Ингумация северо-западной ориентации, ритуально разрушенная, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами около 2,1 х 0,9 м, глубиной 0,9 м от современной поверхности (0,3 м). Южная стенка ямы разрушена дренажной канавой. Контуры «грабительской» ямы практически совпадали с погребальной. Погребение полностью разрушено еще в древности. Кости и инвентарь были вынесены за пределы ямы. В заполнении на глубине 0,7–0,8 м обнаружены два фрагмента человеческого черепа и 2 гончарных шероховатых горшка (рис. 16:13,14).

Поселение Боромля-II

Поселение расположено в устье старой обводненной балки и занимало ее высокий крутой край (рис. 1: II). Подъемный материал встречался вдоль края балки на площади 150 х 60 м. Большая часть территории памятника занята лесополосой и сильно разрушена поздними перекопами. Вскрыта площадь 1020 кв. м, исследовано 10 жилых и хозяйственных полуземлянок, 10 хозяйственных ям, 4 напольных очага, 2 гончарных горна и 4 «рабочие площадки» (рис. 18). Объекты отличаются по составу керамических комплексов и относятся к трем хронологическим периодам: второй половины – конца III в., первой половины IV в., второй половины IV – начала V в.

Культурный слой на поселении достигает глубины 0,3-0,5 м и беден находками. Основной материал концентрируется в заполнении объектов или непосредственно рядом с ними. В культурном слое практически отсутствуют фрагменты обожженной глиняной обмазки, характерные для черняховских поселений с наземными постройками, мало костей животных. Зафиксировано 4 скопления гончарной керамики площадью 2–4 м^2, вероятно, связанные со слабоуглубленными постройками или «рабочими площадками».

В слое преобладает гончарная шероховатая керамика – 83,5 % (1132 фрагмента), гончарной лощеной найдено 12% (156 фрагментов), лепной – 4% (54 фрагмента), амфорной – 0,5% (6 фрагментов). Обнаружено 6 глиняных пряслиц, несколько фрагментов глиняных конических грузил, железное шило, каменный оселок и фальшивый денарий Фаустины Младшей 161–181 гг. н.э. (рис. 19: 3–13). В северо-восточной части поселения найдены 2 фибулы. Одна из них медная с высоким приемником, украшенная накладными гофрированными кольцами (рис. 19: 2), датируется не позднее рубежа III в. (*Kolnik* 1964, с. 416). Вторая – с полукруглым верхним щитком, украшенным по краю насечками и трапециевидной ножкой с боковым приемником, была изготолвена из бронзы и покрыта сверху тонким слоем белого металла (олова или серебра), по морфологическим признакам относится ко второй половине IV в. (рис.19:1).

Постройки раннего горизонта концентрировались в юго-западном углу поселения, ближе к краю террасы. Это жилище № 3, полуземлянки №№ 1, 6, 10. Объекты содержат от 70 до 90 % лепной керамики киевской культуры и черняховскую гончарную, преимущественно лощеную.

Комплексы датируются второй половиной – концом III в. двумя бронзовыми фибулами с высоким приемником VII группы О. Альмгрена (*Almgren* 1897, с. 91—95; *Амброз* 1966, с. 72–74, табл. 12: 13, 14; *Гороховский* 1988, с. 43) и костяным трехчастным гребнем типа I/1 (*Никитина* 1969, с. 148) из постройки № 1, бронзовой фибулой с высоким приемником, т.н. «мотыльковой» типа Страже (*Kolnik* 1964, s. 418, obr. 2) и ножками светлогляных танаисских амфор типа D (*Шелов* 1978, с. 19).

Второй период представлен жилищами №№ 7 и 8, полуземлянкой № 5. К нему, вероятно, следует относить и сооружение очагов №№ 2, 3, 4, в которых использовались обломки лепных киевских сосудов из объектов предыдущего горизонта. Объекты второго периода сосредоточены в центральной и северо-западной частях поселения. Они содержат от 34 до 60% лепной керамики как местной киевской, так и привнесенной с запада. Встречается керамика подправленная на круге. Гончарная черняховская посуда представлена в равных количествах шероховатой и лощеной. Верхнюю дату периода дает найденная в полуземлянке № 5, бронзовая подвязная фибула варианта Б2 второй – третьей четверти IV в. (*Гороховский* 1988, с. 44).

На могильнике Боромля-I этому периоду соответствует подбойное захоронение № 33 и, вероятно, погребения №№ 13, 45, 46 с фибулами варианта Б2 и пряжкой варианта А1б.

Третий период представлен только объектами хозяйственного и производственного назначения – полуземлянками №№ 2, 4, 9, ямами №№ 1–10, гончарными горнами №№ 1, 2 и следами слабоуглубленных «рабочих площадок».

Объекты содержат от 90 до 100% черняховской гончарной керамики, в подавляющем большинстве шероховатой. Аналогичный состав и характер имеют керамические комплексы из погребений могильника, датируемые второй половиной IV – началом V в. Учитывая тот факт, что на поселении Боромля-II не были обнаружены жилые постройки третьего периода, можно предполагать, что во второй половине IV в. на его территории размещались производственные выселки, связанные с большим черняховским поселением на противоположной стороне балки – Боромля-III.

Постройка № 1 (рис. 20; 21) – прямоугольная в плане полуземлянка размерами 3,5 х 2,5 м, глубиной 1,4 м от современной поверхности (1 м от уровня материка), с восточной стороны имела полуовальный вход размерами 1,6 х 0,6 м, глубиной 0,5 м. Вдоль стен в заполнении прослеживаются мощные завалы необожженной глиняной обмазки от просевших наземных конструкций. На глубине 1–1,2 м отмечена углистая прослойка с кусками обожженной обмазки. Материал однородный на всех уровнях заполнения. Преобладают фрагменты лепной керамики (73%), преимущественно от горшков киевского типа. Найдены обломки конических мисок и сковородки (рис. 21: 10–30). Гончарной черняховской керамики – 14 % (рис. 21: 3–9), при этом шероховатая представлена мелкими фрагментами (рис. 21: 4, 5, 7–9). Обломки светлоглиняных танаисских амфор составляют 13% всего керамического комплекса (рис. 21: 1, 2). В нижней части заполнения, на глубине 0,8–1,2 м обнаружены 2 бронзовые фибулы с высоким приемником группы VII О. Альмгрена (рис. 20: 2, 3), костяной гребень с низкой полуовальной спинкой на железных гвоздиках (рис. 20: 6), фрагмент внутренней пластинки второго гребня (рис. 20: 5), железные шило (рис. 20: 4), нож (рис. 20: 8) и обломки глиняных пирамидальных грузил (рис. 21:31). На полу найден каменный оселок (рис. 20:9), а во входе – заготовка костяного стиля (рис. 20:7). Среди обломков костей животных преобладает бык – 61, овца-коза – 10, свинья – 8, лошадь – 9, птица – 4.

Постройка № 2 (рис. 22; 23) – близкая к прямоугольной форме в плане полуземлянка размерами около 3,4 х 2,5 м, глубиной 0,9 м от современного поверхности (0,5 м от уровня материка). Западная стенка обрезана поздней траншеей. Пол полуземлянки подмазан светлой глиной. Под северной и южной стенками расположены столбовые ямки диаметром 0,2–0,3 м, у восточной – подпольная яма диаметром 1,2 м, глубиной 0,7 м. На полу залегал горелый слой толщиной 0,3–0,4 м из древесных углей, пепла и пережженной глиняной обмазки. В заполнении, на полу и в подпольной яме, обнаружены фрагменты в основном гончарной (84%), преимущественно шероховатой – 70% керамики (рис. 23: 1–9), лощеной – 14 % (рис. 23: 15), амфорной – 1%, в том числе венчик миниатюрного красноглиняного сосудика (рис. 22: 6). Большинство лепных фрагментов, кроме округлобокого, сильно шамотированного горшка на полу (рис. 23: 16), найдены над горелым слоем, вероятно, относятся к раннему горизонту и попали в заполнение постройки случайно. Это обломки конических мисок, лощеный с налепом сосуд, подлощенный диск (рис. 23: 17–22) и 2 ошершавленные стенки. В полуземлянке обнаружены железные ведерковидная подвеска (на полу) и «кошка» (рис. 22: 2, 3), 2 глиняных пряслица (рис. 22: 4, 5), 5 обломков конических и пирамидальных грузил (рис. 23: 23, 24), 3 костяных тупика (рис. 22: 8–10) и фрагмент жернова из вулканического туфа. Среди обломков костей животных быка – 44, овцы-козы – 10, свиньи – 9, лошади – 7, собаки – 1, птицы – 1.

Жилище № 3 (рис. 24; 25; 26) – четырехугольная в плане полуземлянка размерами 5х4 м, глубиной 1,45 м от современной поверхности (0,4 м от уровня материка). В полу сохранились ямки от столбов диаметром 0,2–0,3 м, глубиной 0,3–0,4 м: 9 – под западной и восточной стенками, 1 – в центре. Постройка погибла в пожаре, пол сильно обожжен и перекрыт слоем толщиной 0,5 м глиняной пережженной обмазки от рухнувших наземных конструкций. Четко различаются два уровня заполнения. На полу под слоем обмазки преобладала лепная киевского типа керамика – 67% (рис. 25: 1–11, 13–23). Гончарной там найдено только 28 % (рис. 25: 24–31, 26: 6–11), причем 17% – лощеной (рис. 25: 24–31). Среди последней следует отметить тонкостенную коническую мисочку с уступом под венчиком (рис. 25: 29), аналогичную по форме позднеантичным краснолаковым сосудам. Под слоем обмазки найдены обломки светлоглиняных танаисских амфор (рис. 26: 14–17), бронзовая «мотылькового» типа фибула с высоким приемником (рис. 24: 9), 5 глиняных пряслиц (рис. 24: 4–8), 14 обломков слабообожженных конических грузил (рис. 26:22–26), фрагмент каменного оселка (рис. 24: 1) и костяной тупик (рис. 24:2). Преобладают кости быка – 21, овцы-козы – 5, свиньи – 2, лошади – 2, птицы – 2.

В верхней части заполнения обнаружена в основном гончарная керамика – 94 % (рис. 25: 32–37, 26: 1–5), преимущественно шероховатая (71%), характерная для позднего периода. Найдены тигелек (рис. 26: 12) и глиняные грузила (рис. 26: 18–21). Среди обломков костей животных быка – 46, овцы-козы – 5, свиньи – 5, лошади – 1.

Постройка № 4 – полуземлянка находилась на восточной окраине поселения и почти полностью разрушена современными перекопами. Размер ее около 5 х 4 м, глубина 0,75 м от современной поверхности. В заполнении обнаружена исключительно гончарная, преимущественно шероховатая (85%) керамика.

Постройка № 5 (рис. 27: 1, 3–36; 28: 1–21) четырехугольная в плане полуземлянка размерами 3,4х3 м, глубиной 1,6 м от современной поверхности (0,5 м от уровня материка). По периметру стен прослеживались материковые приступки шириной 0,4–0,8 м, высотой 0,35 м от пола. В районе северного и восточного углов в приступках вырыты 2 столбовые ямки диаметром 0,2 м, глубиной 0,25 м. В нижней части заполнения встречаются только отдельные мелкие фрагменты гончарной и лепной керамики. Основной материал концентрируется в горелом слое на глубине 0,8–1,1 м. Приблизительно в равных количествах представлены фрагменты гончарной шероховатой – 28% (рис. 27: 13–35), гончарной лощеной – 28 % (рис. 28: 1–17) и лепной – 43% (рис. 27: 7–12) керамики. Преобладают лепные сосуды северо-западного типа темно-серого и темно-бурого цвета. Тесто плотное с примесью мелкого шамота, отдельными блестками (слюда) или белыми включениями (известняк). Часть поверхности заглажена пучком травы (рис. 26: 7, 9, 11, 12). Встречаются отдельные фрагменты киевских сосудов (рис. 26: 8, 10), обломки гончарного импортного сосуда розового цвета с рифленой поверхностью (рис. 26: 36). Найдены фрагменты костяного гребня (рис. 26: 5) и железного ножа (рис. 26: 4), глиняное подлощенное орнаментированное пряслице (рис. 26:6), обломки плохо обожженных глиняных грузил (рис. 28: 18–21) и бронзовая подвязная фибула варианта Б2 (рис. 26: 3). В горелом слое много небольших обгорелых камней и обломков костей животных: быка – 42, овцы-козы – 6, свиньи – 7, лошади – 1, собаки – 4.

Верхняя часть котлована полуземлянки, как и в остальных случаях, использовалась в качестве свалки мусора в более позднее время. На глубине 0,4–0,7 м преобладает гончарная шероховатая керамика – 72%, гончарной лощеной – 20%, лепной – 8%. Среди костей животных: быка – 22, овцы-козы – 9, свиньи – 5.

Постройка № 6 (рис. 27: 2, 28: 22–27, 29: 1–22) – близкая к четырехугольной форме в плане полуземлянка размерами 2,6 х 2,1 м, глубиной 1,4 м от современной поверхности (0,7 м от уровня материка). Всю западную половину постройки занимала подпольная яма диаметром 1,6 м, глубиной 0,4 м от пола. В юго-западную стенку постройки врезалась полуземлянка № 5, а сверху ее перекрывала «рабочая площадка» с очагом № 1. Нижняя часть заполнения постройки на высоту 0,7 м от пола определяет время ее существования. Среди керамики значительно преобладает лепная – 77%, представленная в основном обломками киевских горшков, отдельными мелкими фрагментами конических мисок и лощеных сосудов (рис. 28: 24–27, 29: 1–10). Гончарная керамика, лощеная и шероховатая, составляет 13% (рис. 29: 11–22). Найдено 16 обломков (10%) светлоглиняных танаисских амфор (рис. 29: 23), фрагмент железного ножа (рис. 28: 22) и раковина-подвеска (рис. 28: 23). Весь материал в заполнении со следами горения, много угольков, фрагментов обожженной глиняной обмазки и костей животных: быка – 43, овцы-козы – 12, свиньи – 4, лошади – 1.

«Рабочая площадка» с очагом № 1 (рис. 27: 2; 29: 23–38) расположена над постройкой № 6 и проявилась скоплением материала в культурном слое на глубине 0,25–0,4 м от современной поверхности. Пол фиксировался на глубине

0,4 м (уровень предматерика) остатками глинобитного очага размерами 0,6х0,5 м и в некоторых местах был подсыпан от проседания светлой материковой глиной. Материал в основном концентрировался к востоку от очага на площади около 2,5 кв. м. Преобладали фрагменты гончарной шероховатой керамики – 71 % (рис. 29: 24–30), гончарной лощеной – 19% (рис. 29: 31–34), лепной – 9 %. Последняя представлена преимущественно мелкими фрагментами и обломком подправленного на круге горшочка (рис. 29: 35), близкого по фактуре лепной керамике северо-западного типа из постройки № 5. Здесь же найдены фрагмент дна красноглиняной амфоры (рис. 29: 36), железный стержень (рис. 29: 23) и обломки 2 конических грузил (рис. 29: 37, 38).

Жилище № 7 (рис. 30–32) – прямоугольная в плане полуземлянка размерами 5х3,6 м от современной поверхности (0,5 м от уровня материка). В полу сохранились ямки от столбов диаметром 0,15 м, глубиной 0,15–0,45 м. Из них 10 расположены под стенками по периметру жилища и 1 – в центре, рядом с очагом. Очаг линзовидный размерами 1,5 х 1,1 м и глубиной 0,12 м был заполнен золой и кусками обугленных плах. Всю северную часть постройки занимала подпольная яма размерами 3 х 1,4 м, глубиной 0,3 м. От наземных глинобитных конструкций сохранились развалы глиняной обмазки вдоль восточной стенки на глубине 0,3–0,4 м и в центре котлована на глубине 0,5–0,8 м. Керамический комплекс жилища довольно однороден. Однако, в верхней части заполнения, до глубины 0,5–0,7 м преобладает гончарная (88%), преимущественно шероховатая (61%) керамика. В нижней части и на полу количество лепной керамики возрастает до 34 %, а среди гончарной преобладает лощеная – 35 %. Гончарная шероховатая посуда представлена в основном обломками горшков (рис. 32:1-24), лощеная – мисок и 3 трехручных ваз (рис. 31). Лепная, в равной степени, горшками северо-западного типа (рис. 30: 4, 6, 7, 10, 11, 15–17), киевскими (рис. 30: 8, 9, 12–14, 21, 22) и подправленными на круге (рис. 30: 18–20, 23, 24). Выделяется лепной горшок с ошершавленным песком бочком, украшенным по венчику и под шейкой ногтевыми вдавлениями (рис. 30: 4). В заполнении и на дне полуземлянки обнаружены фрагменты около 20 глиняных грузил (рис. 32: 25–33), глиняное пряслице (рис. 30: 2), костяной стиль (рис. 30: 3) и более 400 обломков костей животных: быка – 224, овцы-козы – 36, свиньи – 16, лошади – 1, собаки – 5.

Постройка № 8 (рис. 33; 34) – четырехугольная в плане полуземлянка размерами 4,4х4 м, глубиной 1,1 м от современной поверхности (0,4 м от уровня материка), северную стенку перерезает более поздняя яма № 8. В полу постройки сохранились столбовые ямки: две под западной стенкой и одна – в центре. Под южной и восточной стенками – две подпольные ямы размерами 0,8 х 0,6 м, глубиной 0,2 м.

В постройке выделяется два уровня заполнения. Сверху, до глубины 0,4–0,6 м преобладает гончарная (80%), преимущественно шероховатая (59%) керамика. В нижней части и на полу количество лепной керамики увеличивается в три раза и составляет 60%, гончарной шероховатой – 26%, гончарной лощеной – 11%, амфорной – 3%.

Гончарная шероховатая керамика представлена фрагментами горшков, мисок и кувшинов (рис. 34: 15–24), гончарная лощеная – обломками ребристых мисок (рис. 34: 25–33). Особо следует отметить коническую мисочку с уступом под венчиком (рис. 34: 15), по форме аналогичную позднеантичным и мисочке из жилища № 3, но, в отличие от последней, не лощеную, более грубую и толстостенную. Встречаются фрагменты лепной, подправленной на круге посуды (рис. 34: 5, 8), один из которых клеится с фрагментом дна из жилища № 7 (рис. 30: 24).

Лепная керамика представлена в основном обломками киевских горшков, 2 конических мисок и несколькими фрагментами лощеных сосудов (рис. 34: 1, 2, 4–11, 13, 14). В лепном комплексе отсутствуют ярко выраженные северо-западные формы. Вместе с тем, найдены фрагменты сосудов, по тесту близких к киевским, но украшенных орнаментом в виде шишечек и защипов, который не имеет местных аналогов (рис. 34: 3, 6, 12).

В нижней части заполнения обнаружены фрагмент ручки крупной светлоглиняной амфоры (рис. 34: 34–36), 9 обломков глиняных грузил (рис. 33: 6), 3 пряслица (рис. 33: 3–5), железное зубило (рис. 33: 2) и обломки костей животных: быка – 39, овцы-козы – 6, свиньи – 3, лошади – 1, лося – 1.

Постройка № 9 (рис. 35) – четырехугольная в плане полуземлянка размерами 3х2,5 м, глубиной 1,2 м от современной поверхности (0,4 м от уровня материка). На дне отмечено скопление обожженной глиняной обмазки. Основная часть материала концентрируется в углистом слое на глубине 0,4–0,9 м. В заполнении обнаружена исключительно гончарная, преимущественно шероховатая (83 %), керамика, 5 фрагментов глиняных грузил (рис. 35: 30–33), «граненое» пряслице (рис. 35: 2), костяной «конек» (рис. 35: 3) и кости животных: быка – 64, овцы-козы – 8, свиньи – 9, лошади – 1, собаки – 1.

Постройка № 10 (рис. 36: 1–13) – близкая к четырехугольной в плане полуземлянка размерами 3,3 х 3 м, глубиной 1,2 м от современной поверх-

ности (0,6 м от уровня материка). Сверху перекрыта двумя напольными глинобитными очагами №№ 3 и 4. В нижней части заполнения полуземлянки встречаются немногочисленные фрагменты только лепной киевской керамики и ручка светлоглиняной танаисской амфоры III в. (рис. 36: 7). В верхней части, на глубине 0,3–0,8 м также преобладают фрагменты лепных киевских сосудов, большинство из которых пережжены и, вероятно, происходят из вымостки очагов. Найден крупный обломок стенки светлоглиняной амфоры (рис. 36: 8) и 26 мелких фрагментов гончарной керамики (рис. 36: 2–6), в том числе, шероховатых мисок и лощеного каннелюрированного сосуда, характерных для позднего этапа черняховской культуры.

Очаги №№ 3 и 4 (рис. 36: 1, 14–24) расположены в культурном слое на глубине 0,3 м от современной поверхности, непосредственно над землянкой № 10. Участки хорошо обожженных глиняных подов размерами 0,5х0,45 м и 0,9х0,45 м, толщиной 5–6 см, расположены на расстоянии 0,6 м друг от друга и могли являться одним большим очагом. Снизу поды вымощены обломками лепных киевских сосудов (рис. 36: 18–24) и небольшими камнями. Наличие в вымостках лепной, подправленной на круге (рис. 36: 20) и гончарной (рис. 36: 17) керамики, свидетельствует, что их построили в поздний период с использованием материала из заполнения ранней полуземлянки № 10.

Очаг № 2 (рис. 37: 1–6) расположен в центральной части поселения. Остатки глинобитного пода размерами 0,65 х 0,55 м, толщиной 0,2 м обнаружены в культурном слое на глубине 0,4 м от современной поверхности. Снизу под был вымощен обломками лепных киевских сосудов (рис. 37: 2–6). Найден ошлакованный фрагмент гончарной лощеной керамики.

Яма № 1 (рис. 37: 7–11) диаметром 1,2 м, глубиной 1,1 м от современной поверхности. В углистом заполнении обнаружена гончарная, преимущественно шероховатая (65%) керамика. Можно отметить обломки лощеного кувшина (рис. 37: 10), железный предмет (рис. 37: 9) и железный чекан (?), рабочий конец которого оформлен зубчиками (рис. 37: 8).

Яма № 2 с «рабочей площадкой» (рис. 37: 12, 14–18). Яма круглая в плане, диаметром 0,8 м, глубиной 1,5 м от современной поверхности, вероятно, входила в конструкцию слабоуглубленной постройки или «рабочей площадки». К западу от ямы на глубине 0,4–0,5 м отмечено скопление площадью 3х1,5 м фрагментов обожженной обмазки, керамики и костей животных. Керамика исключительно гончарная, преимущественно (80%) шероховатая. Определены кости быка (5) и свиньи (1).

Яма № 3 (рис. 37: 13) округлая в плане диаметром около 2 м, глубиной 1,2 м от современной поверхности. В заполнении преобладают мелкие фрагменты гончарной шероховатой керамики.

Яма № 4 (рис. 37: 19) круглая в плане, диаметром 1,3 м, глубиной 1,5 м от современной поверхности. В материале преобладает гончарная шероховатая керамика и кости быка.

Яма № 5 (рис. 37: 20, 21) круглая в плане диаметром 1,5 м. Глубиной 1,4 м от современной поверхности. Под восточной стенкой имеет материковую ступеньку шириной 0,3 м, высотой 0,4 м, на которой лежал скелет молодой собаки. В заполнении преобладает гончарная шероховатая керамика и кости быка.

Ямы №№ 6 и 7 с «рабочей площадкой» (рис. 38: 1–7). Ямы, вероятно, входили в конструкцию небольшой слабоуглубленной постройки площадью около 4 х 3 м, пол которой залегал на уровне материка – 0,8 м от современной поверхности. Ямы овальная и круглая в плане, размерами 2,4х1,6 м и диаметром 1,2 м, глубиной 0,2 и 0,3 м от уровня пола. Материал из заполнения ям и постройки идентичен. Преобладает гончарная шероховатая (88%) керамика.

Яма № 8 (рис. 33: 1, 38: 8–12) овальная в плане размерами 1,8х1,3 м, глубиной 1,3 м от современной поверхности. Керамический комплекс представлен обломками исключительно гончарных шероховатых сосудов: 4 горшков и пифоса с налепленным валиком. Преобладают кости быка – 8 , овцы-козы – 2, лошади – 1.

Яма № 9 (рис. 38: 13–33) круглая в плане диаметром 1,8 м, расширяется книзу до 2 м, глубиной 1,45 м от современной поверхности. Под западной стенкой имеет материковую ступеньку шириной 0,5 м, высотой 0,25 м от дна. Заполнение горелое с большим количеством угольков, фрагментов глиняной обмазки и небольших пережженных камней. Керамика исключительно гончарная, преимущественно шероховатая (рис. 38: 14–22, 26–29), лощеной – 10% (рис. 38: 23–25, 30–32). Костей животных немного: быка – 15, овцы-козы – 5, лошади – 1.

Яма № 10 и «рабочая площадка» (рис. 39: 1–15). Яма круглая в плане, диаметром 1,75 м, глубиной 2,3 м от современной поверхности, под восточной стенкой имела материковую приступку шириной 0,25 м, высотой 0,5 м от дна. Заполнение горелое с большим количеством кусков обожженной обмазки с отпечатками плетневых конструкций и камнями. Керамика, по большей части ошлакована, исключительно гончарная, преимущественно шероховатая (рис. 39: 5–8, 11–14), лощеной – 10% (рис. 39: 9, 10, 15). Найдены 2 кварцитовые гальки, возможно игральные жетоны (рис. 39: 3, 4) и железный ножик (рис. 39: 2).

Преобладают обломки костей быка – 24, овцы-козы – 5, свиньи – 3, лошади – 1.

«Рабочая площадка» прослежена в 2 м к северу от ямы в виде скопления материала в культурном слое на глубине 0,4–0,5 м от современной поверхности, площадью 2,4х2 м. Керамика исключительно гончарная, преимущественно шероховатая. Преобладают кости быка.

Гончарный горн № 1 (рис. 40) обнаружен на южной окраине поселения. Он двухъярусный, топочная камера, округлая в плане, диаметром 1,5 м, высотой 0,75 м, была вырезана в материке (глубина дна 1,75 м от современной поверхности) и ориентирована устьем на юг, к краю террасы. Перекрытие с продухами опиралось на сплошную продольную перегородку толщиной 0,35 м. Топочная камера была забита пеплом и обломками гончарной, преимущественно (90 %) шероховатой (рис. 40: 2–12) керамики.

Гончарные горны №№ 2 и 2-а (рис. 39: 16–24) обнаружены в центральной части поселения. От первоначального горна № 2-а сохранилось только дно топочной камеры на глубине 1 м от современной поверхности. Оно округлое в плане размерами 1,2 х 1 м. Горн был перестроен после, вероятно, непродолжительного функционирования (дно слабо обожжено). Новый горн № 2 несколько сдвинут к югу и углублен в материк на 0,3 м. Топочная камера округлая в плане размерами 1,35х1,25 м, высотой 0,45 м, была ориентирована устьем на юго-запад к краю террасы. Перекрытие с продухами опиралось на сплошную продольную перегородку шириной 0,2-0,3 м. В топке обнаружена исключительно гончарная, преимущественно шероховатая – 84 % (рис. 39: 17–24) – керамика. Большинство фрагментов сильно деформированы при обжиге, к чему, по мнению специалистов, могло привести плохое качество формовочной массы.

2. УСПЕНКА

Могильник расположен в северо-восточной части с. Успенка Бурыньского района Сумской области (рис. 41) и занимал юго-западный склон плато в районе левого берега реки Терн – правого притока р. Сулла (бассейн Днепра). Памятник исследовался Е.В. Махно в 1968–1972, 1976 годах, результаты раскопок 1968–1969 годов частично опубликованы (*Махно* 1971, с. 214–218; 1972, с. 214–220).

При подготовке данной публикации использована полевая документация Е. В. Махно и полная коллекция находок, хранящаяся в фондах Сумского областного краеведческого музея.

В процессе раскопок на могильнике было вскрыто 1540 м^2, обнаружено 27 ингумаций и 8 кремаций, задокументировано 1624 так называемых «погребений с рассеянными косточками».

Территория могильника подвергалась значительным разрушениям. Вся западная его часть уничтожена карьером, расположенным поблизости кирпичного заводика, восточный край разрушен поздними постройками, центр пересекала старая дренажная канава (рис. 42). На участке раскопа 1976 г. гумусированный слой с остатками битого кирпича и керамики XVII–XVIII вв. достигает 1 м. Материалы черняховского времени в этом слое отсутствуют.

Принимая во внимание масштабы разрушений, можно предполагать, что в свое время могильник содержал от 100 до 150 погребений, преимущественно кремаций. Только на участке, разрушенном карьером в 1973–1975 годах, по словам местных жителей, находилось не менее 10 костяков.

Культурный и гумусированный слой на могильнике достигает глубины 0,5–0,7 м, местами 0,9 м от современной поверхности. Предматерик и материк на глубине 1,2–1,3 м перерыты многочисленными кротовинами. На этих глубинах, судя по полевой документации, контуры реальных погребальных ям четко не прослеживались. В результате Е.В. Махно ошибочно разделила ряд комплексов на отдельные погребения – №№ 130, 139; №№ 137, 725 и 733; №№ 1655 и 1656 (*Махно* 1972, с. 217).

С учетом вышесказанного представляется маловероятной достоверная фиксация «погребений с рассеянными косточками», расчищенных Е. В. Махно по всей раскопанной площади, кроме участка 1976 года. Большинство – 80% «погребений с рассеянными косточками» – обнаружены в гумусированном слое на глубине до 1 м. Они размещались густо рядами, перекрывая друг друга и реальные захоронения. Две трети из них не содержат материала. «Инвентарь» отмечен преимущественно в «погребениях с рассеянными косточками», расположенных на уровне культурного слоя и представляет собой типичные для этого слоя находки – отдельные мелкие фрагменты частично пережженной гончарной керамики, обломки фибул, пряжки, бусины, оплавленное стекло и единичные кальцинированные косточки. Последние встречались в «погребениях с рассеянными косточками» поблизости от реальных кремаций. Это хорошо видно на общем плане, где все находки этих косточек нанесены безотносительно «погребений с рассеянными косточками» (рис. 42).

Распределение находок в слое могильника, включая «погребения с рассеянными косточками»:

глубина	фрагменты керамики	кальцинированные кости
0–0,5 м	614	90
0,5–0,8 м	423	82
0,8–1,3 м	260	22

Кроме того, найдены 5 бронзовых и серебряных пряжек, 5 фрагментов бронзовых фибул, 4 глиняных пряслица, 12 небольших слитков стекла, оплавленная стеклянная и 2 сердоликовые бусины, 5 фрагментов внутренних пластинок костяных гребней (рис. 43: 15–25).

Безусловных кремаций семь: 2 – урновые, 1 – в накрытой урне и 4 – ямные. Погребение № 1646 с большим количеством обломков гончарной керамики не содержало кальцинированных костей. Шесть на глубине 0,4–0,7 м и одно (№ 936) – в предматерике на глубине 0,9 м от современной поверхности. Контуры погребальных ямок прослеживались условно по концентрации находок, их размеры приблизительно 0,5 х 0,6 м. В качестве урн использовались лепной горшок, гончарные шероховатые горшок и миска. Крышкой служила лепная мисочка. Урны содержали от 100 до 400 обломков кальцинированных костей. В ямных кремациях обнаружены от 10 до 30 косточек, 5–15 небольших фрагментов гончарной обгорелой керамики и бронзовая пряжка.

Ингумации залегали ниже гумусированного слоя – в предматерике или материке на глубине 1–2 м от современной поверхности.

Захоронения совершались в простых овальных ямах, только в погребении № 1631 можно предполагать подбой.

Костяки ориентированы головой преимущественно на север (18), северо-запад (6) или северо-восток (2), один – строго на запад. Большинство лежат в вытянутом положении на спине, один – скорченный на правом боку (№ 1618) и один, вероятно поздний, – на животе (№ 140). В трех захоронениях (№№ 1619, 1620, 1653) скелеты ритуально разрушены.

Безынвентарных погребений 5, в остальных найдены сосуды (22), кости животных (овцы – 4, свиньи – 1, быка – 1) и яичная скорлупа (2). В 15 захоронениях встречались украшения (фибула, пряжки, бусы, подвески), в 7 – предметы обихода (гребни, пряслица, ножи, шилья, игла, тупик, оселок).

Половина ингумаций детские (14), часто содержат специально изготовленную миниатюрную посуду. В погребениях №№ 1654 и 1659 покойники были уложены прямо на сосуды.

Керамический комплекс могильника насчитывает 138 сосудов, в том числе 19 из разрушенных карьером погребений, а также гончарные шероховатые (72) и лощеные (62) сосуды, 3 лепных и 1 краснолаковая позднеантичная коническая мисочка.

Лепная керамика с примесью шамота и песка представлена невыразительным в этнокультурном плане округлобоким горшочком, высоким слабопрофилированным горшком и пиаловидной мисочкой.

Гончарная шероховатая посуда состоит в основном из горшков (58), мисок (6) и двуручных кувшинов (3). Половина горшков украшена по плечику 1–2 горизонтально прочерченными линиями.

Гончарная лощеная керамика представлена разнообразными мисками (48), трехручными вазами и миской-вазой (4), коническим кубком, кувшинами с двумя (2) и одной (8) ручками. Среди последних – 3 «левобережного» типа с высоким горлом и биконическим «граненым» корпусом, характерные для позднего этапа черняховской культуры. Большинство лощеных сосудов оформлены профилированными валиками, ободками и уступами, в 16 сосудах (26%) они сочетались с другими орнаментами: пролощенными треугольниками (1), зигзагом (5), сеткой (3), пунктирным штампом (5), каннелюрами (2), «гранями» (5). Корпус кувшина из разрушенного погребения покрывали вертикальные пролощенные линии.

Набор датирующих вещей из погребений и слоя соответствует 5 фазе по Е.Л. Гороховскому (*Гороховский* 1988, с. 45–46) и относится во второй половине IV – началу V в.: фибулы двупластинчатые (№ 137), воинские (№ 1654), подвязные вариантов Б3 (№№ 1216, 1647, 1659, слой), Б2 и «крымского» варианта по А. К. Амброзу (№ 1215) (*Амброз* 1966, с. 66), пряжки вариантов В1б и 2б, Г и Г1а (слой, № 1619), Д2б (№ 1308), Ж1 в и З2а (№№ 1659, 1655) (*Гороховский* 1988, с. 34-46), костяные гребни с выделенными плечиками типа III (*Никитина* 1969, с. 148). В указанный отрезок времени укладывается и бронзовая пряжка варианта Б1б из кремации № 131.

Три подвязные фибулы варианта Б1 конца III – середины IV в. найдены в комплексах с более поздними вещами – фибулой варианта Б3 (№ 1659) и обломком костяного гребня типа III (№ 1631). Вместе с тем, обращает на себя внимание тот факт, что на Успенском могильнике, как и на Боромлянском, типологически наиболее ранние фибулы были обнаружены именно в подбойном захоронении № 1631.

Таким образом, могильник относится к позднему этапу черняховской культуры и может датироваться второй половиной IV – началом V в.

Погребение № 5 (рис. 44: 1, 2) Кремация в урне. Контуры ямки в гумусированном грунте не прослеживались. На глубине 0,55 м от современной поверхности стоял лепной банковидный горшок-урна, заполненный кальцинированными костями.

Погребение № 29 (рис. 44: 6, 7). Ингумация северной ориентации, инвентарная. Погребение почти полностью разрушено местными «кладоискателями». Погребальная яма была овальная в плане размером около 2,2 х 0,8 м, глубиной 1,2 м от современной поверхности. Судя по сохранившимся *in situ* костям ног, скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на север. В ногах стоял гончарный серолощеный одноручный кувшин с высоким горлом и «граненым» плечиком. «Грани» подчеркнуты пунктирным штампом (рис. 44: 7).

Погребение № 50 (рис. 44: 18). Детская ингумация западной ориентации, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размером 0,95х0,5 м, глубиной 0, 85 м от современной поверхности. Скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад, с небольшим отклонением к югу.

Погребение № 72 (рис. 44: 8–11) Детская ингумация северной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная плане в плане размером 1,1 х 0,65 м, глубиной 1,25 м от современной от современной поверхности. Скелет лежал на спине головой на север. Слева от него, в южной части ямы, стояли три сосуда: гончарная лощеная миска (рис. 44: 9), гончарный шероховатый (рис. 44: 11) и лепной (рис. 44: 10) горшочки.

Погребение № 129 (рис. 44: 17). Ямная кремация. В гумусированном грунте контуры ямки прослеживались слабо. Ее размер приблизительно 0,6 х 0,5 м, глубина 0,7 м от современной поверхности. На дне двумя кучками лежали кальцинированные кости. Здесь же найдены обгорелые 5 фрагментов гончарной лощеной и шероховатой керамики и обломок сердоликовой 14-гранной бусины типа 15 а по типологии Е.М. Алексеевой – и А 15-а (*Алексеева* 1982, с. 17)[1].

Погребение № 130 (рис. 44: 23, 24). Кремация в урне. Погребальная яма, вырытая в гумусированном слое визуально не прослеживалась. Ее контуры определялись разницей в плотности грунта, размеры приблизительно 0,9х0,5 м, глубина 0,65 м от современной поверхности. В заполнении зафиксировано 9 мелких кальцинированных косточек и 12 фрагментов гончарной лощеной и шероховатой керамики. На глубине 0,4 м стояла гончарная шероховатая миска-урна, заполненная кальцинированными костями. В полевой документации Е.В. Махно погребение числится как две перекрывающихся кремации – урновая № 130 и «в обширной яме с рассеянными косточками» № 139.

Погребение № 131 (рис. 44: 15, 16) Ямная кремация. Часть погребения срезана при снятии культурного слоя, контуры определены по концентрации находок. Вероятный диаметр ямки 0,5 м, глубина 0,45 м от современной поверхности. В заполнении находились отдельные угольки, 15 кальцинированных костей, бронзовая пряжка и 8 небольших фрагментов обгорелой гончарной керамики.

Погребение № 137 (рис. 45). Ингумация северо-западной ориентации, женская, инвентарная. Южная часть погребения разрушена карьером, юго-восточная – перекрыта погребением № 140. Погребальная яма овальная в плане размером приблизительно 2х1 м, глубиной 1,9 м от современной поверхности. Погребенная лежала на спине головой на северо-запад, кисть правой руки – на костях таза. Отдельные мелкие кости скелета, вероятно, растянутые грызунами, встречались в заполнении ямы. Убор погребенной представлен парными серебряными двупластинчатыми фибулами (рис. 45: 3, 4) и ожерельем из разнообразных бусин (рис. 45: 6): 3 округлых эллипсоидных усеченных дважды из прозрачного сине-фиолетового (А15) и 1 серо-голубого (А17) стекла, 1 биконическая из сине-фиолетового стекла (А94), 3 ребристые – из сине-фиолетового прозрачного (А149), розово-коричневого и белого непрозрачного стекла, граненая кубическая со срезанными углами (А134) из сине-фиолетового прозрачного стекла, полихромная из черного непрозрачного стекла с тремя желтыми пятнами (А1), 10 коралловых (А3) и 6 сердоликовых 14-гранных призматических со срезанными углами (А15а). Справа от головы лежал костяной гребень на бронзовых гвоздиках (рис. 45: 2). Возле правого бедра находились 2 глиняных пряслица (рис. 45: 7, 8), костяное лощило (рис. 45: 5) и гончарная серолощеная мисочка, украшенная по ребру косыми каннелюрами (рис. 45: 15), а в ней – обломки дна гончарного шероховатого сосуда (рис. 45: 13). У левого локтя в переотложенном состоянии находились придонная часть гончарного лощеного сосуда (рис. 45: 12) и одна из упомянутых фибул. В головах погребенной под северной стенкой ямы на приступке высотой 0,1–0,15 м стояли 5 гончарных сосудов: чернолощеная трехручная ваза (рис. 45: 11) и в ней лощеная мисочка с пролощенной по плечику ромбической сеткой (рис. 45: 14), 2 шероховатых горшка (рис. 45: 9, 10) и ло-

[1] Здесь и далее определения бус уточнены О.В. Бобровской. Типы по Е.М. Алексеевой даны как А№.

щеная миска. Здесь же лежали лопатка и ребра козы (или овцы), а также яичная скорлупа. По словам рабочих карьера, в ногах погребенной стояли 3 гончарные миски.

При раскопках 1968 года яма погребения № 137 не была прослежена до конца. Ее северный край с пятью сосудами и восточный участок с надбитым сосудом и фибулой, при раскопках следующего года были зафиксированы отдельными погребениями №№ 725 и 733, обозначенными в предварительной публикации как «трупоположения с разрушенными скелетами» (*Махно* 1972, с. 217).

Погребение № 140 (рис. 45:1). Ингумация, возможно поздняя, северной ориентации на животе, безынвентарная. Перекрывало погребение № 137. Погребальная яма размерами около 1,6х0,7 м, глубиной 1,45 м от современной поверхности, в южной части обрезана карьером. В заполнении встречались типичные для переотложенного слоя находки: 2 кальцинированные косточки, 6 мелких фрагментов гончарной керамики и 4 стеклянных бусины, аналогичные найденным в погребении № 137. Каким именно бусам из погребения № 137 они аналогичны, к сожалению, не известно. Погребенный лежал на животе с подогнутыми ногами и сложенными под корпусом кистями рук.

Погребение № 366 (рис. 46: 1–6). Детская ингумация северной ориентации, инвентарная. Яма овальная в плане размерами 1,8х0,6 м, глубиной 0,9 м от современной поверхности. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на север, кисти рук сложены на тазовых костях. Возле черепа найдена стеклянная бусина неустановленного типа и серебряная проволочная серьга, обнаруженная при антропологическом анализе (рис. 46: 2), у правого плеча – остатки железного предмета, возможно, фибулы. Рядом с правым локтем лежали в кучке 11 фрагментов обгорелой глиняной обмазки и уголек. В головах погребенного, под восточной стенкой, стояли в ряд 4 гончарных сосудов: 2 шероховатых горшка (рис. 46: 3, 4), шероховатый двуручный кувшинчик (рис. 46: 5) и лощеный одноручный кувшинчик (рис. 46: 6).

Погребение № 546 (рис. 44: 12–14). Детская ингумация северной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,15х0,6 м, глубиной 0,86 м от современной поверхности. Погребенный лежал на спине, головой на север. Слева от него стояли гончарная лощеная миска и гончарный шероховатый горшочек с отбитым венчиком.

Погребение № 921 (рис. 46: 7–14). Детская ингумация северной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,5 х 0,75 м, глубиной 1,1 м от современной поверхности. Покойник лежал под западной стенкой в вытянутом положении на спине, головой на север. По левую руку от него стояли в ряд 5 гончарных сосудов: шероховатая миска (рис.46: 11), придонная часть крупного шероховатого сосуда (рис. 46: 10), шероховатый горшок (рис. 46: 9) и две лощеные мисочки (рис. 46: 13, 14). Рядом с последней лежали кости свиньи. Здесь же, у левого локтя, найдена винтообразная бусина (рис. 46: 8) из сине-фиолетового прозрачного стекла (А203). В головах погребенного, в 10 см выше дна, лежал гончарный лощеный одноручный кувшинчик (рис. 46: 12).

Погребение № 936 (рис. 44: 3–5). Кремация в накрытой урне. Контуры ямки просматривались слабо. Диаметр ее около 0,3 м, глубина – 0,9 м от современной поверхности. На дне стоял гончарный шероховатый горшок-урна накрытый лепной пиалообразной мисочкой. Урна содержала около 380 обломков кальцинированных костей ребенка.

Погребение № 1215 (рис. 46: 15–20). Ингумация северной ориентации, инвентарная, частично разрушена поздней канавой. Погребальная яма овальная в плане размерами 2,5 х 0,85 м, глубиной 1,65 м и от современной поверхности. Покойник лежал в вытянутом положении на спине головой на север. Скелет частично поврежден грызунами. На плечах погребенного находились две бронзовые подвязные фибулы (рис. 46: 16, 17), у пояса – бронзовая пряжка (рис. 46: 18). Справа от бедра стояла гончарная лощеная миска (рис. 46: 20), а в ней – 5 небольших стенок гончарного шероховатого сосуда. Участок погребения между черепом и северным краем ямы разрушен поздней канавой шириной 0,6 м, глубиной 1,7 м. От инвентаря, возможно, находившегося в головах погребенного, сохранился только гончарный шероховатый горшок под самой стенкой ямы (рис. 46: 19).

Погребение № 1216 (рис. 47: 1–12). Детская ингумация северо-восточной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,27 х 0,7 м, глубиной 1,45 м от современной поверхности. Покойник лежал в вытянутом положении на спине головой на северо-восток. На плечах сохранились две бронзовые подвязные фибулы (рис. 47: 2, 3), у шеи – 4 полихромные бусины (рис. 47: 4–7), три из которых неустановленного типа украшены красными и фиолетовыми зигзагами и одна (А1) – красными «глазками». Погребение сопровождали 5 гончарных сосудов (рис. 47: 8–12). Слева от погребенного стояли 3 шероховатых горшка (рис.

47: 8–10) и лощеная мисочка. Еще одна лощеная мисочка находилась у правого локтя.

Погребение № 1308 (рис. 48). Ингумация северной ориентации, инвентарная. Погребальная яма прямоугольная в плане размерами 2,55х1,22 м, глубиной 2,05 м от современной поверхности. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине головой на север, с плотно прижатыми к корпусу руками (вероятно, был связан). На поясе и возле кисти левой руки найдены две железные ременные пряжки (рис. 48: 3, 4). В головах лежали кости козы (овцы) и железный нож (рис. 48: 5). Захоронение сопровождали 14 гончарных сосудов (рис. 48: 6–18). Слева от погребенного расположены с севера на юг 2 мисочки – лощеная и шероховатая пиалообразная, чернолощеный кубок с пунктирным орнаментом, шероховатый горшок, лощеная миска, орнаментированная зигзагом, шероховатая и лощеная миски. У правого бедра находилась миниатюрная лощеная мисочка. В ногах стояли 5 шероховатых горшков и большой лощеный одноручный кувшин.

Погребение № 1367 (рис. 47: 13–20). Ингумация северной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2,35 х 1,15 м, глубиной 1,7 м от современной поверхности. Покойник лежал в вытянутом положении на спине головой на север с небольшим отклонением к западу. На поясе находилась железная пряжка (рис. 47: 14). Захоронение сопровождали 6 гончарных сосудов. Слева от погребенного стояли в одну линию 3 шероховатых горшка (рис. 47:1 5–17) и 2 лощеные миски (рис. 47: 18, 19). Справа от головы находилась лощеная мисочка (рис. 47: 20).

Погребение № 1618 (рис. 44: 19–22) Детская ингумация северо-западной ориентации, скорченная на правом боку, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 0,9 х 0,7 м, глубиной 0,85 м от современной поверхности. В головах стояла придонная часть гончарного шероховатого горшка. У черепа найдены 2 бусины: эллипсоидная усеченная дважды из сине-фиолетового прозрачного стекла (А15) и полихромная красная с желтыми полосками неустановленного типа.

Погребение № 1619 (рис. 49). Ингумация северной ориентации, ритуально разрушенная, инвентарная. Погребальная яма формы близкой к прямоугольной в плане размерами 2,5 х 1,4 м, глубиной 2,1 м от современной поверхности, в северной части была разрушена «ритуальной» ямой размером 1,3 х 1 м, хорошо выделявшейся интенсивным черным заполнением. Погребенный был захоронен в вытянутом положении на север и сопровождался девятью гончарными сосудами (рис. 49: 6–14), мясом животного, железным ножом (рис. 49: 2), бронзовыми иглой (рис. 49: 3), шильцем (рис. 49: 4) и ременной пряжкой (рис. 49: 5). Верх скелета разрушен, череп изъят. Часть костей и инвентаря свалены на месте грудной клетки, остальные – под северной стенкой «ритуальной» ямы. *In situ* сохранились кости ног правой руки и часть инвентаря. Возле таза, между ног, находились ременная пряжка, игла, шильце и 2 шероховатых горшка. У правого бедра стояли 2 лощеные миски – биконическая, орнаментированная ромбической сеткой и горшковидная. На месте груди лежали нижняя челюсть, кости таза, лощеная миска с каннелюрами, целый и фрагментированный шероховатые горшки, железный нож и кости животного – челюсть, ребра и позвонки козы или овцы. Под северной стенкой, на дне «ритуальной» ямы, лежали в куче кости грудной клетки и левой руки, а также обломки упомянутого шероховатого горшка и придонной части лощеной трехручной вазы. Остальные фрагменты вазы и развал лощеного одноручного «граненого» кувшина находились в заполнении «ритуальной» ямы в 0,6-0,7 м от выше уровня дна.

Погребение 1620 (рис. 47: 21–26). Детская ингумация северной ориентации, ритуально разрушенная, инвентарная. Погребальная яма формой близкой к прямоугольной в плане, ориентированная север-юг, размерами 1,5 х 0,95 м, глубиной 1,1 м от современной поверхности. Скелет ребенка полностью разрушен, череп изъят. *In situ* сохранились только фаланги левой кисти и правой стопы, указывающие на вытянутое положение на спине, головой на север. Остальные, переотложенные кости скелета вместе с остатками инвентаря лежали на дне ямы. В центре концентрировались кости верхней части скелета, обломок нижней челюсти и стеклянные бусы (рис. 47: 22): 1 эллипсоидная усеченная дважды из сине-фиолетового прозрачного стекла (А15), 3 чечевицеобразные бусины – 2 из прозрачного сине-фиолетового стекла (А86) и 1 из желто-зеленого (А83), цилиндрическая бусина из непрозрачного зеленого стекла не установленного типа. В южной части ямы разбросаны кости ног, яичная скорлупа, 2 глиняных пряслица (рис. 47: 23, 24) и часть крупного гончарного шероховатого горшка (рис. 47: 25). Обломок второго горшка лежал в северо-восточном углу ямы (рис. 47: 26). В заполнении помимо фрагментов упомянутых горшков, находились отдельные обломки стенок лощеных сосудов, в том числе «граненого» кувшина с пунктирным орнаментом.

Погребение № 1629 (рис. 50: 1, 2). Ингумация северо-западной ориентации, инвентарная. Погребальная яма узкая, овальная в плане раз-

мерами 1,9х0,7 м, глубиной 1,3 м от современной поверхности. Покойник лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. В ногах стоял гончарный шероховатый горшок (рис. 50: 2). Между костями скелета и в заполнении ямы обнаружено довольно много мелких обгорелых фрагментов гончарной лощеной и шероховатой керамики.

Погребение № 1630 (рис. 50: 3). Ямная кремация. Ямка овальная в плане, размерами 0,65х0,5 м, глубиной 0,68 м от современной поверхности, выделялась в гумусированном слое пепельным заполнением. На дне лежала кучка кальцинированных костей и 15 довольно крупных обгорелых обломков гончарной керамики.

Погребение № 1631 (рис. 50: 4–15). Ингумация северной ориентации, подбойная (?), инвентарная. Погребение прослежено с глубины 1,3 м от современной поверхности. Яма овальная в плане, ориентирована север-юг, размерами 2,2х0,8 м, глубиной 1,6 м от современной поверхности, вдоль западной стенки имела подбой шириной 0,3–0,4 м высотой более 0,3 м. Покойник лежал в подбое на спине, головой на север, ноги слегка подогнуты вправо, кисть правой руки – на костях таза. На плечах найдены 2 бронзовые подвязные фибулы (рис. 50: 5, 6), возле шеи – много осколков синего и зеленого стеклянного бисера (рис. 50: 7), на груди – остатки костяного с железными гвоздиками гребня (рис. 50: 8), под головой и возле колен – 2 глиняных пряслица (рис. 50: 9, 10). Захоронение сопровождали 5 гончарных сосудов (рис. 50: 11–15). У правого плеча стояла лощеная мисочка, под левым локтем – шероховатый горшок, в ногах, на границе подбоя – 2 шероховатых горшка и лощеная миска, украшенная по ребру косыми пунктирными линиями.

Погребение № 1643 (рис. 50: 17). Ямная кремация. В гумусированном слое контуры ямки определены условно. Ее размеры около 0,6х0,5 м, глубина 0,43 м от современной поверхности. В темном заполнении найдено 20 мелких кальцинированных косточек и 5 обгорелых фрагментов гончарной керамики.

Погребение № 1644 (рис. 50:18). Детская ингумация северо-западной ориентации, безынвентарная. Контуры погребальной ямы не прослеживались. На глубине 0,7 м от современной поверхности лежал скелет подростка в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад.

Погребение № 1645 (рис.51: 1–8). Ингумация северной ориентации, инвентарная. Погребальная яма узкая, овальная в плане размерами 1,9х0,8 м, глубиной 1,4 м от современной поверхности. Покойник лежал в вытянутом положении на спине головой на север, кисти рук – на тазе, ноги сведены в пятках. Между ног, возле таза, лежал железный нож (рис. 51: 2). Погребение сопровождали 7 гончарных сосудов (рис. 51: 3–8). Слева от головы стояли одна в другой 2 лощеные мисочки. Справа, вдоль корпуса, расположены 3 лощеные миски и 2 шероховатых горшка.

Погребение № 1646 (рис. 50: 16). Кремация (?). Яма овальная в плане, ориентирована север-юг, размером 1,4 х 1 м, глубиной 1,2 м от современной поверхности (рис. 8, 13). Яма прослежена с глубины 0,6 м за счет интенсивного черного заполнения, в котором обнаружены оплавленная стеклянная бусина неустановленного типа и 52 относительно крупных, частично обгорелых фрагментов стенок гончарной лощеной (27) и шероховатой (25) керамики. На дне расчищена ямка размерами 0,8х0,6 м, глубиной 0,2 м от дна. В ее заполнении встречались древесные угли. Кости отсутствуют. В полевой документации Е.В. Махно яма № 1646 зафиксирована как 3 «трупосожжения с рассеянными косточками» №№ 1646, 1657 и 1658.

Погребение № 1647 (рис. 52). Ингумация северной ориентации, инвентарная. Восточный край погребальной ямы разрушен карьером. Она овальная в плане, размерами 2,6х1 м, глубиной 1,6 м от современной поверхности. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на север. На плечах находились парные серебряные подвязные фибулы (рис. 52: 5, 6), вокруг шеи – ожерелье (рис. 52: 7) из 64 коралловых (А3) и 3 сердоликовых 14-гранных (А15а) бусин, на поясе – бронзовая пряжка с квадратным щитком (рис. 52: 3), между колен – морская раковина-подвеска (рис. 52: 8), маленькая бронзовая посоховидная булавка (рис. 52: 4) и глиняное пряслице (рис. 52: 9). По правую руку от погребенного лежал костяной гребень на бронзовых гвоздиках (рис. 52: 2). Захоронение сопровождали 10 гончарных сосудов (рис. 52: 10–19). В головах стояла лощеная миска-ваза, орнаментированная пролощенным зигзагом. Справа от погребенного расположены 8 сосудов: лощеные трехручная ваза, двуручный кувшин и 2 миски, шероховатые миска и 3 горшка, один из которых с отбитым верхом. Слева у бедра стоял шероховатый горшок, а в ногах лежали кости разрубленной на куски почти целой туши овцы. В заполнении ямы и среди костей скелета найдено более 20 мелких фрагментов гончарной, преимущественно, лощеной керамики.

Погребение № 1648 (рис. 50: 19). Ингумация северо-восточной ориентации, безынвентарная.

Погребальная яма овальная в плане, размерами 1,75х0,8 м, глубиной 1,15 м от современной поверхности. Покойник лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Руки сложены под грудью. Между костями скелета встречались 8 мелких фрагментов гончарной керамики.

Погребение № 1651 (рис. 51: 9, 10). Ингумация северо-западной ориентации на боку, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане, размерами 1,75х0,7 м, глубиной 0,9 м от современной поверхности. Погребенный лежал в вытянутом положении, слегка повернутый на правый бок. Возле правого плеча стоял гончарный шероховатый горшок (рис. 51: 10).

Погребение № 1652 (рис. 51: 11). Ингумация младенца северной ориентации, инвентарная. Погребение срыто при снятии культурного слоя, сохранилась только его северо-западная часть. Яма, вероятно, была овальная в плане размерами 0,8х0,6 м, глубиной 0,9 м от современной поверхности. Под северной стенкой сохранились *in situ* обломки черепа. К югу от них лежали несколько ребер и фрагмент дна гончарного лощеного сосуда.

Погребение № 1653 (рис. 51: 12). Детская ингумация с северо-западной ориентацией, ритуально разрушенная, безынвентарная. Погребение частично срыто при раскопках, сохранилась только его северо-западная часть. Погребальная яма, вероятно, овальная в плане размерами 1,5 х 0,9 м, глубиной 1,05 м от современной поверхности. Покойник лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Левая половина скелета ритуально разрушена в древности, а кости сдвинуты к северной стенке ямы.

Погребение № 1654 (рис. 53). Детская ингумация северной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане, размерами 1,25х0,8 м, глубиной 1,46 м от современной поверхности. Погребенная частично лежит на поставленных в ямку сосудах, в вытянутом положении на спине, головой на север, кисть левой руки – на тазовых костях. На плечах находились 2 бронзовые воинские фибулы (рис. 53: 3, 4), на шее – ожерелье (рис. 53: 5) из 13 чечевицеобразных бусин из сине-фиолетового прозрачного стекла (А86), 1 стеклянной зеленой неустановленного типа, 3 янтарными (А2) и 6 коралловыми (А3). Справа от черепа лежал костяной гребень на железных гвоздиках (рис. 53: 2), возле таза, между ног – крупная железная ведерковидная подвеска (рис. 53: 6) и бронзовое шильце, у левого локтя – 3 глиняных пряслица (рис. 53: 7–9). Захоронение сопровождали 12 гончарных, преимущественно миниатюрных, детских сосудов (рис. 53: 10–21). В головах, частично под скелетом, находилась мелкая лощеная мисочка и 3 шероховатых горшочка. Еще один горшочек стоял под поясницей, а правая нога лежала на лощеной миске, орнаментированной по ребру «шлифованными» овалами и пунктирными линиями. В юго-восточной части ямы, слева от погребенной стояли 2 шероховатых горшка, лощеные большая и 2 маленькие миски, краснолаковая коническая мисочка (рис. 53: 21).

Погребение № 1655 (рис. 51: 13–24). Детская ингумация северо-западной ориентации, инвентарная. Контуры погребальной ямы прослежены условно, ее глубина 1,4 м от современной поверхности. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад, кисть левой руки – на костях таза. Возле правого бедра найдены маленькая бронзовая ременная пряжка (рис. 51: 14) и точильный брусок (рис. 51: 15). Погребение сопровождали 10 гончарных сосудов, на которых 4 миниатюрные – детские (рис. 51: 16–24). У правого локтя стоял шероховатый горшок с отбитым верхом, в нем – обломок дна шероховатого сосуда. В головах погребенного располагались: большая лощеная миска, украшенная по ребру «шлифованными» овалами, придонная часть и 2 целых шероховатых горшка, 2 миниатюрных шероховатых горшочка и 2 лощеные мисочки.

В полевой документации Е. В. Махно группа сосудов в головах погребенного определена как отдельное погребение – «инвентарное трупосожжение с рассеянными косточками» № 1656.

Погребение № 1659 (рис. 54). Детская ингумация северной ориентации, инвентарная. Контуры погребальной ямы прослеживались плохо. Она овальная в плане размерами 1,4х0,7 м, глубиной 1,1 м от современной поверхности. Погребенная лежит частично на поставленных в яму сосудах, в вытянутом положении на спине, головой на север, кисть левой руки – на костях таза. На плечах сохранились 2 бронзовые подвязные фибулы (рис.54: 4, 5), вокруг шеи – ожерелье (рис. 54: 2) из 26 биконических бусин из сине-фиолетового прозрачного стекла (А94). В стороне от скелета найдена бронзовая римская пряжка (рис. 54: 3). Захоронение сопровождали 7 гончарных сосудов (рис. 54: 6–12). Под головой и спиной стояли шероховатая и лощеная миски. Правая рука лежала на шероховатом горшке, в котором обнаружены ребра быка. В головах стояли лощеная миска, внутри нее лощеная мисочка. Рядом – шероховатый горшок и миниатюрный горшочек.

3. КОМПАНИЙЦЫ

Могильник расположен в урочище Касюровщина возле хутора Компанийцы (с. Григоро-Бригадировка) Кобылянского района Полтавской области (рис. 55). Он был открыт в 1960 г. А.В. Бодянским и раскапывался Е.В. Махно в 1960–1965 гг. (Махно 1967, с. 160–162; 1971а, с. 87–99). Однако существующие публикации не дают исчерпывающей информации об исследованном памятнике, что и призвана восполнить данная работа (Е.В. Махно при работах на этом памятнике осуществляла фиксацию по такому же принципу, что и на могильнике Успенка, чем и объясняется «рваная» нумерация погребений в работе А.Н. Некрасовой – ред.). Она основывается на полевой документации Е.В. Махно и изучении археологической коллекции в фондах Полтавского краеведческого музея.

Погребение № 1 (рис. 57: 1–10). Ингумация северной ориентации, ритуально разрушенная, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2,4х1 м, глубиной 0,9 м от современной поверхности. Скелет лежал в вытянутом положении на спине, головой на север. Кости груди и таза отсутствуют, череп потревожен. На левом плече найдена серебряная фибула (рис. 57: 5), у левого бедра – бронзовые пряжка и ременная накладка (рис. 57: 2, 3), возле шеи – 2 бусины: крупная зеленого стекла и сердоликовая 14-гранная (рис. 57: 6 ,7). Слева от погребенного стояли 2 гончарные лощеные миски (рис. 57: 9, 10), справа – гончарный лощеный одноручный кувшинчик, орнаментированный по плечику густо пролощенными косыми линиями (рис. 57: 8).

Погребение № 2 (рис. 58: 1–5). Ингумация на боку северо-западной ориентации. Глубина захоронения 0,6 м от современной поверхности. Контуры погребальной ямы не прослеживались. Погребенный лежал на правом боку с подогнутыми ногами, головой на северо-запад. Кости скелета плохой сохранности, фиксировались только их контуры. В области груди найдены парные бронзовые перекладчатые фибулы с остатками соединявшей их железной цепочки (рис. 58: 2, 3), у таза – фрагмент железной пряжки (рис. 58: 4), возле черепа – обломок обгорелой сердоликовой 14-гранной бусины (рис. 58: 5).

Погребение № 3 (рис. 57: 11–15). Кремация в урне. Расположено на глубине 0,4 м от современной поверхности и частично разрушено вспашкой. От урны сохранилась придонная часть обгорелого гончарного лощеного сосуда, видимо, кувшина (рис. 57: 15), заполненная смешанными с угольками, кальцинированными косточками. Среди остатков кремации находились 2 железные ременные накладки (рис. 57: 12, 13), фрагмент костяного гребня на бронзовых гвоздиках (рис. 57: 14) и обломок стенки гончарной лощеной миски.

Погребение № 4 (рис. 57: 16, 17). Кремация в урне. На глубине 0,2 м от современной поверхности сохранился, заполненный кальцинированными костями, гончарный шероховатый обгорелый горшок-урна (рис. 57: 17). Верх его срезан плугом. Рядом найдено 12 небольших обожженных фрагментов гончарной лощеной керамики.

Погребение № 5 (рис. 59: 1–5). Ингумация северо-восточной ориентации, инвентарная, наполовину разрушена погребением № 30. Погребение находилось на глубине 0,2 м от современной поверхности. Уцелевшие кости нижней части скелета потревожены вспашкой. В ногах погребенного сохранились *in situ* 2 гончарных шероховатых горшка, гончарная лощеная миска и лепной горшок (рис. 59: 2–5). Здесь же найдены 2 оплавленные стеклянные бусины.

Погребение № 6. Ямная кремация. Ямка овальная в плане размерами 1х0,75 м, глубиной 0,2 м от современной поверхности заполненная кальцинированными костями и обломками гончарных сосудов.

Погребение № 6а (рис. 57: 18). Ямная кремация. Частично обожженные кости вместе с мелкими обломками сосудов лежали на глубине 0,18 м от современной поверхности в слое пепла и угольков на площадке диаметром 0,3 м.

Погребение № 7 (рис. 57: 19–22). Ямная кремация. Обнаружено на глубине 0,2 м от современной поверхности в виде скопления кальцинированных костей и обломков гончарного лощеного кувшина (рис. 57: 20). Рядом стояли лепной горшок и гончарная мисочка (рис. 57: 21, 22).

Погребение № 8 (рис. 59: 6–11). Ямная кремация. Ямка круглая в плане диаметром 0,4 м, глубиной 0,36 м от современной поверхности заполнена золистой землей с отдельными обломками гончарных сосудов. На дне ямки лежал слой измельченных кальцинированных костей, среди которых обнаружены бронзовая фибула (рис. 59: 7), 2 обгорелые сердоликовые бусины (рис. 59: 8, 9) и 25 обломков керамики от 5 лощеных и одного лепного сосудов.

Погребение № 9 (рис. 58: 6–8). Кремация в накрытой урне. На глубине 0,35 м от современной поверхности стоял лепной горшок (рис. 58: 7), наполненный кальцинированными костями. Сверху урна была накрыта большим обломком гончарной шероховатой миски (рис. 58: 8).

Погребение № 11 (рис. 58: 9–11). Кремация в накрытой урне. На глубине 0,2 м от современной поверхности обнаружена лепная миска-урна (рис. 58: 10), на дне которой находился пепел и очень мелкие кальцинированные косточки. Урну прикрывал обломок гончарной лощеной миски (рис. 58: 11).

Погребение № 13 (рис. 59: 12–21). Ингумация разрушенная вспашкой, северной ориентации, инвентарная. Обнаружено на глубине 0,15 м от современной поверхности. От скелета сохранились обломки черепа, повернутого теменем к северу. В 0,15 м к юго-востоку от него (у левого плеча) стояла гончарная лощеная мисочка, а в 0,07 м к югу найдены 2 стеклянные бусины и 6 окисленных железных предметов (подвески-«ведерки»).

Погребение № 15 (рис. 60: 1–9). Урновая кремация. В ямке диаметром 0,3 м, глубиной 0,3 м от современной поверхности стоял перевернутый гончарный шероховатый горшок-урна (рис. 60: 2), заполненный кальцинированными костями. Среди них найдены железный нож (рис. 60: 5), обломок бронзовой фибулы (рис. 60: 8), 8 обгорелых фрагментов костяного гребня на бронзовых гвоздиках (рис. 60: 4) и слиток зеленоватого стекла. Дно урны было пробито сверху длинным железным шилом (рис. 60: 9). Над урной в заполнении ямки обнаружено еще одно железное шило (рис. 60: 6), бронзовая ременная накладка (рис. 60: 7) и 15 мелких ошлакованных фрагментов гончарных лощеных мисок(рис. 60: 3).

Погребение № 16 (рис. 60: 10). Ингумация северной ориентации, ритуально разрушенная с применением огня, безынвентарная. Контуры погребальной ямы не прослежены. На глубине 0,5 м от современной поверхности в углистом слое обнаружены обломки затылочной части черепа и в 0,65 м к югу от них – фрагменты костей рук и ног взрослого человека.

Погребение № 17 (рис. 60: 14, 15). Кремация в урне. На глубине 0,25 м от современной поверхности стояла, частично разрушенная вспашкой, гончарная лощеная трехручная ваза-урна (рис. 60: 15). В ней аккуратно сложены очищенные кальцинированные кости подростка. Идентифицировались фрагменты черепа, позвонков и конечностей.

Погребение № 18 (рис. 60: 11). Ямная кремация. Погребальная яма диаметром 0,25 м, глубиной 0,2 м от современной поверхности содержала перемешанные с пеплом кальцинированные кости. Среди них найден обгорелый обломок гончарной лощеной керамики.

Погребение № 19 (рис. 61: 1–5). Ямная кремация с сосудом. Погребальная ямка овальная в плане размерами 0,2х0,25 м, глубиной 0,4 м от современной поверхности. На дне кучкой лежали кальцинированные кости, среди которых идентифицируются обломки черепа, позвонков и конечностей. Рядом стоял гончарный серолощенный кубок (рис. 61: 5). Сверху в золистом заполнении найдены железный нож (рис. 61: 4) и ременная накладка (рис. 61: 3), бронзовая игла (рис. 61: 2), слиток зеленоватого стекла и 40 обгорелых фрагментов гончарной лощеной керамики.

Погребение № 20 (рис. 60: 12, 13). Кремация в урне. Ямка круглая в плане диаметром 0,3 м, глубиной 0,55 м от современной поверхности с углистым заполнением, в котором на уровне 0,15 м от дна находился крупный фрагмент бочка гончарной лощеной миски-урны (рис. 60: 13). В урне и вокруг нее – много мелких кальцинированных костей.

Погребение № 22 (рис. 61: 6–14). Ямная кремация, накрытая сосудами. В ямке диаметром 0,35 м, глубиной 0,25 м от современной поверхности на дне были сложены кучкой кальцинированные кости. Среди них – обломки бронзовой фибулы (рис. 61: 9), железной пряжки (рис. 61: 7) и костяного гребня на бронзовых гвоздиках (рис. 61: 8). Сверху кости прикрывали две половинки гончарных лощеных мисок. Над ними, в свою очередь, размещались придонная часть гончарного шероховатого горшка, миниатюрный гончарный шероховатый горшочек и гончарная лощеная мисочка. Вся керамика со следами пребывания в погребальном костре.

Погребение № 23 (рис. 61: 15–19). Кремация в урне, перекрытая обломками керамики. На глубине 0,2 м от современной поверхности стояла придонная часть лепного сосуда, заполненная кальцинированными костями и перекрытая сверху обломками обгорелой керамики. Сохранилось 12 фрагментов от пяти гончарных лощеных и одного лепного сосудов.

Погребение № 27 (рис. 61: 20–23). Ямная кремация. Сохранилось на глубине 0,2 м от современной поверхности в виде золистого пятна диаметром 0,35 м, в котором находились мелкие кальцинированные кости, стеклянный «жетон» (рис. 61: 23), 2 фрагмента стеклянного кубка с прошлифованными овалами (рис. 61: 21, 22) и 4 небольших обломка обгорелой гончарной керамики.

Погребение № 28 (рис. 62: 1, 2). Ингумация северной ориентации, ритуально разрушенная с применением огня, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,6х0,6 м, глубиной 0,9 м от современной поверхности. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на север. У левого плеча стояла лепная лощеная мисочка с сосковидным налепом (рис. 62: 2). Скелет покрыт слоем золы толщиной

2–3 см. Кости груди отсутствуют, на их месте в заполнении ямы прослеживается черное скопление площадью и толщиной 0,3 м.

Погребение № 30 (рис. 59: 1). Ингумация западной ориентации, ритуально разрушенная, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,5 х 0,8 м, глубиной 0,7 м от современной поверхности, с черным заполнением. Погребенный лежал на спине головой на запад. *In situ* сохранились обломки черепа и костей ног.

Погребение № 31 (рис. 62: 7–11). Кремация в урне с сосудами, частично разрушена вспашкой. На глубине 0,2 м от современной поверхности в черном слое площадью около 0,3 м^2 стояла лепная лощеная трехручная ваза-урна (рис. 62: 9), украшенная по плечику пролощенными линиями и круглыми вдавлениями. Внутри урны вместе с кальцинированными костями находились гончарный лощеный одноручный кувшин (рис. 62: 8), лепная чернолощеная мисочка с сосковидным налепом (рис. 62: 10) и в ней – лепной лощеный биконический кубок, украшенный лощеными и пунктирными линиями (рис. 62: 11). Керамика со следами пребывания в погребальном костре.

Погребение № 32 (рис. 62: 3–6). Ямная кремация с обломками керамики. Верхняя часть погребения растянута вспашкой. На глубине 0,2 м от современной поверхности сохранилось золистое пятно площадью 0,35х0,2 м, в котором находились несколько кальцинированных косточек и 14 довольно крупных обломков обгорелой гончарной керамики. Поблизости в культурном слое на глубине 0,15 м обнаружено еще 18 фрагментов аналогичных сосудов и отдельные кальцинированные косточки. Частично реконструируются гончарные лощеные сосуды: миска (рис. 62: 4) и биконический кубок (рис. 62: 6). А также придонная часть шероховатого горшка (рис. 62: 5).

В полевой документации Е. В. Махно керамика из слоя записана отдельным «трупосожжением» № 32-а.

Погребение № 34 (рис. 62: 12, 13). Ямная кремация с обломками керамики. Яма круглая в плане диаметром 0,65 м, глубиной 0,4 м от современной поверхности с черным заполнением. На дне под южной стенкой лежали в кучке кальцинированные кости, среди них – железный стержень от пружины фибулы. В заполнении ямы обнаружено 27 обгорелых фрагментов гончарной лощеной и 2 – лепной керамики.

Погребение № 36 (рис. 62: 14–16). Ямная кремация. Сохранилась придонная часть погребальной ямки диаметром 0,3 м, глубиной 0,25 м от современной поверхности, заполненная золой с вкраплениями мелких кальцинированных костей. Здесь же найдены фрагменты более 20 обгорелых стеклянных бусин зеленоватого и желтого цветов, фрагмент костяного гребня (рис. 62: 15) и обломок бронзовой подвязной фибулы (рис. 62: 16).

Погребение № 37 (рис. 63: 1, 2). Ямная кремация. Ямка круглая в плане диаметром 0,2 м, глубиной 0,25 м от современной поверхности содержала до 80 крупных обломков кальцинированных костей, среди которых найден фрагмент спинки бронзовой фибулы (рис. 62: 2) и стенка лепного сосуда.

Погребение № 39 (рис. 63: 3–5). Кремация в накрытой урне. На глубине 0,25 м от современной поверхности стояла лепная лощеная миска-урна (рис. 63: 4), наполовину заполненная мелкими кальцинированными костями, прикрытыми сверху обломком дна гончарного лощеного сосуда (рис. 63: 5).

Погребение № 40 (рис. 63: 6–13). Ямная кремация с разбитыми сосудами. Ямка диаметром 0,3 м, глубиной 0,45 м от современной поверхности была заполнена золой с плотно уложенными ошлакованными обломками специально разбитых семи сосудов: трех гончарных лощеных мисок (рис. 63: 10, 12, 13), двух лепных горшков-кумпфов (рис. 63: 7, 8) и двух лепных лощеных мисок (рис. 63: 9, 11). Среди керамики встречались отдельные кальцинированные косточки, найдены оплавленный фрагмент бронзовой фибулы и стенка красноглиняной амфоры.

Погребение № 41 (рис. 63: 14–16). Кремация в двух урнах. Контуры ямки не прослежены. Два лепных горшка-урны стояли вплотную друг к другу на глубине 0,25 м от современной поверхности. Первый был заполнен перемешанными с золой крупными обломками кальцинированных костей, среди которых идентифицировались фрагменты черепа и конечностей. На дне второго горшка с отбитым верхом лежала горсть мелких кальцинированных костей. Рядом найдено 7 небольших обгорелых обломков гончарных лощеных сосудов.

Погребение № 42 (рис. 63: 17–19). Кремация в урне, перекрытая обломками керамики. На дне ямки размерами 0,3х0,2 м, глубиной 0,25 м от современной поверхности стоял сферический гончарный лощеный богато орнаментированный кубок-урна (рис. 63: 19), заполненный мелкими кальцинированными костями. Сверху урна была засыпана мелкими обгорелыми обломками специально разбитых гончарных лощеных сосудов: кувшина, двух ваз и миски.

Погребение № 43 (рис. 64: 1, 2). Кремация в урне. На глубине 0,2 м от современной поверхности сохранилась придонная часть лепного

горшка-урны (рис. 63: 2), заполненная мелкими кальцинированными костями.

Погребение № 44 (рис. 64: 3–8). Ямная кремация, прикрытая обломками керамики. На дне ямки диаметром 0,3 м, глубиной 0,2 м от современной поверхности лежала кучка мелких кальцинированных костей. Среди них – 2 обгорелые сердоликовые 14-гранные бусины (рис. 64: 4, 5), фрагмент стеклянного зеленоватого кубка и обломок круглой железной заклепки. Кости были прикрыты обломками двух гончарных лощеных мисок, в свою очередь, засыпанных мелкими фрагментами (63) гончарных, преимущественно лощеных сосудов. Вся керамика со следами пребывания в погребальном костре.

Погребение № 45 (рис. 64: 9–14). Кремация в накрытой урне с обломками керамики. На дне ямки диаметром 0,35 м, глубиной 0,65 м от современной поверхности стояла гончарная лощеная трехручная ваза-урна (рис. 64: 10), заполненная крупными обломками кальцинированных костей, на которых стоял гончарный лощеный биконический кубок с пунктирным орнаментом (рис. 64: 11). Сверху урну прикрывала перевернутая кверху дном большая гончарная лощеная миска (рис. 64: 12). Пространство между урной и стенками ямки было плотно заполнено обломками обгорелых, специально разбитых двух гончарных лощеных мисок (рис. 64: 13, 14).

Погребение № 46. Ямная кремация. Контуры ямки не прослежены. На глубине 0,35 м от современной поверхности лежали в кучке 9 мелких кальцинированных костей и 6 обгорелых стенок гончарных лощеных сосудов.

Погребение № 48 (рис. 64: 15, 16). Ямная кремация. Ямка диаметром 0,2 м, глубиной 0,38 м от современной поверхности с золистым заполнением. На дне найдено несколько мелких кальцинированных косточек, 4 пережженных фрагмента стенок гончарных лощеных сосудов и бронзовая серьга с перевитыми концами (рис. 64: 16).

Погребение № 49 (рис. 64: 17–19). Ямная кремация с сосудом, прикрытая обломками керамики. Контуры ямки не прослежены. На глубине 0,4 м от современной поверхности лежала кучка мелких кальцинированных костей. Рядом стоял перевернутый, побывавший в костре гончарный лощеный биконический кубок (рис. 64: 19). Сверху лежал крупный обломок гончарной лощеной миски, орнаментированной по плечику пролощенным зигзагом (рис. 64: 18).

Погребение № 49-а-б. Возможно, ямная кремация, разрушенная и растянутая плугом по площади около 1,5 м^2. На глубине 0,2–0,4 м от современной поверхности найдено несколько кальцинированных косточек, 40 небольших обгорелых фрагментов гончарной керамики, бронзовая заклепка костяного гребня, 2 слитка стекла и обгорелая сердоликовая 14-гранная бусина.

Погребение № 50 (рис. 65: 1–3). Кремация в двух перевернутых урнах. На глубине 0,2 м от современной поверхности стоял кверху дном лепной горшок-урна, заполненный кальцинированными костями (рис. 65: 3). Второй урной служил расположенный вплотную крупный обломок гончарной лощеной трехручной вазы (рис. 65: 2).

Погребение № 51 (рис. 65: 4–8). Ингумация детская северо-западной ориентации, ритуально разрушенная, инвентарная. Контуры погребальной ямы не прослежены. На глубине 0,4 м от современной поверхности сохранились *in situ* обломки черепа, слева от которого стояли лепной (рис. 65: 7) и гончарный (рис. 65: 6) горшочки, справа – гончарная лощеная мисочка (рис. 65: 8). Над сосудами обнаружена оплавленная бронзовая подвязная фибула (рис. 65: 5).

Погребение № 52 (рис. 64: 20–22). Кремация в урне присыпанной обломками керамики. На глубине 0,17 м от современной поверхности стояла урна – придонная часть лепного сосуда (рис. 64: 21), заполненная мелкими кальцинированными костями вперемешку с осколками пережженных стеклянных бус. Сверху урна была засыпана мелкими обгорелыми фрагментами двух гончарных лощеных мисок.

Погребение № 53 (рис. 67: 11). Ингумация детская, западной ориентации ритуально разрушенная, безынвентарная, перекрывала погребение № 69. Контуры погребальной ямы не прослежены. На глубине 0,5 м от современной поверхности сохранились *in situ* кости грудной клетки и таза. Вокруг них разбросаны обломки черепа.

Погребение № 54 (рис. 64: 23). Ямная кремация. Сохранилась на глубине 0,32 м от современной поверхности в виде кучки мелких кальцинированных костей и обгорелых фрагментов (5) гончарной керамики.

Погребение № 55 (рис. 65: 9–12). Ингумация северной ориентации на животе, инвентарная. Погребальная яма, овальная в плане размерами 2,5 х 1 м, глубиной 0,95 м от современной поверхности. В заполнении встречались золистые включения, мелкие фрагменты гончарной керамики и несколько кальцинированных косточек. Погребенный лежал в вытянутом положении на животе, головой на север, кисти рук – под костями таза. У правого плеча стоял лепной горшок (рис. 65: 12), возле левого бедра найдены бронзовая ременная пряжка (рис. 65: 11) и железный нож.

Погребение № 56 (рис. 66: 1–10). Ямная кремация с разбитыми сосудами. Яма диаметром 0,65 м, глубиной 0,4 м от современной по-

верхности заполнена черной землей. На дно вместе с кальцинированными костями были сброшены целые и разбитые сосуды: 5 лепных горшков (рис. 66: 3–7), 2 гончарные лощеные миски (рис. 66: 9, 10) и гончарный чернолощеный сферический кубок, украшенный круглыми вдавлениями, пунктирными и пролощенными линиями (рис. 66: 8). Здесь же найден фрагмент тонкого стеклянного кубка и половина крупной полихромной бусины темно-синего цвета с зигзагообразным декором (рис. 66: 2).

Погребение № 57 (рис. 65: 13, 14). Детская ингумация северо-западной ориентации, ритуально разрушенная с применением огня. Контуры погребальной ямы не прослежены. Остатки скелета обнаружены в черном пятне на глубине 0,35 м от современной поверхности. *In situ* сохранились обломки черепа и в районе пояса – остатки сильно корродированной железной пряжки. Несколько в стороне найден обломок бронзовой подвязной фибулы (рис. 65: 14).

Погребение № 58 (рис. 68: 1, 7). Ингумация северной ориентации, инвентарная, наполовину обрезана погребением № 71. Погребальная яма овальная в плане размерами 2х0,8 м, глубиной 0,45 м от современной поверхности. Судя по сохранившимся костям ног, погребенный лежал в вытянутом положении, головой на север. Возле правой ступни стоял кверху дном лепной горшок (рис. 68: 7).

Погребение № 59 (рис. 65: 15, 16). Кремация в урне. На глубине 0,3 м от современной поверхности стоял лепной кумпфовидный горшок-урна, заполненный кальцинированными костями.

Погребение № 60 (рис. 66: 11–15). Ингумация западной ориентации, ритуально разрушенная, инвентарная. Погребальная яма прямоугольная в плане размерами 1,9 х 1,4 м, глубиной 1,0 м от современной поверхности. Верхняя часть скелета отсутствует. Судя по сохранившимся *in situ* костям рук и ног, погребенный лежал под северной стенкой в вытянутом положении на спине, головой на запад. В головах стояли 2 гончарные плохо лощеные, слабого обжига миски (рис. 66: 12, 13) и лепной горшок (рис. 66: 14). Здесь же находились остатки жертвенного мяса быка. В ногах погребенного стоял второй лепной ребристый горшок (рис. 66: 15).

Погребение № 62 (рис. 67: 1). Ямная кремация, перекрытая обломками керамики. На дне ямки диаметром 0,3 м, глубиной 0,8 м от современной поверхности лежал черный слой с мелкими кальцинированными костями, среди которых найдены молочные зубы. Сверху остатки кремации присыпаны обгорелыми обломками стенок гончарных, преимущественно лощеных, сосудов.

Погребение № 65 (рис. 67: 4–10). Ямная кремация, перекрытая обломками керамики. Ямка прямоугольная в плане размерами 0,3х0,2 м, глубиной 0,4 м от современной поверхности. В нижней части яма была заполнена крупными кальцинированными костями, перемешанными с золой. Над ними лежал слой пережженных фрагментов от четырех гончарных лощеных мисок (рис. 67: 6–10) и биконического кубка (рис. 67: 5).

Погребение № 66. Ямная кремация. Сохранилась на глубине 0,3 м от современной поверхности в виде круглого черного пятна диаметром 0,1 м, в котором находились мелкие кальцинированные косточки и 2 пережженных фрагмента гончарной лощеной керамики.

Погребение № 68 (рис. 67: 2). Ямная кремация, перекрытая обломками керамики. Сохранилась на глубине 0,2 м от современной поверхности в виде небольшой кучки кальцинированных костей, над которыми залегало несколько крупных обломков гончарной лощеной пережженной керамики.

Погребение № 69 (рис. 67: 11–13). Ингумация северо-западной ориентации, инвентарная, перекрытая сверху детским погребением № 53. Погребальная яма овальная в плане, размерами 2,4х0,9 м, глубиной 0,95 м от современной поверхности. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. В ногах стоял лепной горшок, орнаментированный по венчику косыми насечками, а по плечику овальными вдавлениями (рис. 67: 13). На поясе лежала бронзовая пряжка (рис. 67: 12), возле правого колена – остатки костяного гребня на бронзовых гвоздиках.

Погребение № 70 (рис. 67: 3). Детская ингумация западной ориентации, ритуально разрушенная, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,4 х 0,6 м, глубиной 0,55 м от современной поверхности. От скелета сохранилась лежавшая *in situ* верхняя часть черепа.

Погребение № 71 (рис. 68: 1–6, 8–10). Ингумация северной ориентации, ритуально разрушенная, инвентарная, перекрывала погребение № 58. Погребальная яма прямоугольная в плане, ориентирована север-юг, размерами 2,15х1,3 м, глубиной 0,75 м от современной поверхности. Кости скелета отсутствуют. Сохранились *in situ* только отдельные фрагменты черепа. Судя по ним и расположению нетронутого инвентаря, погребенный лежал под восточной стенкой на спине, головой на север. Возле левого плеча находился костяной орнаментированный гребень на бронзовых гвоздиках (рис. 68: 2). Рядом с черепом обнаружены обломок бронзовой подвязной фибулы (рис. 68: 3) и 6 шаровидных бусин синего

стекла (рис. 68: 4), в районе пояса – остатки железной пряжки. Справа от погребенного стояли в одну линию 5 гончарных сосудов (рис. 68: 5, 6, 8–10): придонная часть крупного лощеного сосуда, лощеная мисочка, перевернутая лощеная мисочка, лощеный одноручный кувшин и шероховатый горшок. Рядом с перевернутой мисочкой лежали 4 крупных слитка зеленоватого стекла.

Погребение № 72 (рис. 68: 11–14). Ямная кремация с сосудом. Ямка диаметром 0,3 м, глубиной 0,4 м от современной поверхности на высоту 0,1 м от дна была заполнена мелкими кальцинированными костями. Среди них найдены 2 обгорелые сердоликовые 10-гранные бусины (рис. 68: 12, 13) и стеклянный слиток. На слое костей стоял кверху дном лепной горшок (рис. 68: 14). Рядом с ним – несколько крупных пережженных фрагментов гончарной лощеной и шероховатой керамики.

Погребение № 73. Ямная кремация. Контуры ямки не прослежены. На глубине 0,5 м от современной поверхности зафиксирована кучка из 16 крупных кальцинированных костей.

Погребение № 74 (рис. 69: 1). Ямная кремация. Ямка диаметром 0,3 м, глубиной 0,45 м от современной поверхности заполненная черным грунтом с отдельными мелкими кальцинированными костями и фрагментами пережженной гончарной лощеной керамики.

Погребение № 75 (рис. 69: 2, 3). Ингумация детская, северной ориентации, ритуально разрушенная с применением огня. Погребальная яма, овальная в плане ориентирована север-юг размерами 1,2 х 0,6 м, глубиной 0,45 м от современной поверхности. От скелета сохранились только обломки черепа, сдвинутые в центр ямы. Среди них найдены клык-амулет (рис. 69: 3) и остатки железного предмета. На дне, под северной стенкой ямы, зафиксировано углистое пятно диаметром 0,3 м.

Погребение № 77 (рис. 69: 6–9). Ямная кремация с обломками керамики. На дне ямки диаметром 0,5 м, глубиной 0,6 м от современной поверхности были разбросаны вперемешку кальцинированные кости и обломки пережженной гончарной лощеной и шероховатой керамики, в том числе двух лощеных мисок (рис. 69: 7, 8).

Погребение № 78 (рис. 69: 10–15). Кремация в двух урнах. Ямка размерами 0,3х0,2 м, глубиной 0,55 м от современной поверхности была заполнена черным грунтом. На дне стояли впритык два надбитых и пережженных сосуда-урны: лепной горшок (рис. 69: 11) и гончарный сферический кубок с пунктирным орнаментом (рис. 69: 12). Среди заполнявших урны кальцинированных костей найдены 3 обгорелые сердоликовые 14-гранные бусины (рис. 69: 13–15) и оплавленная стеклянная.

Погребение № 79 (рис. 69: 16–18). Ямная кремация накрытая сосудами. На дне ямки диаметром 0,3 м, глубиной 0,7 м от современной поверхности лежала кучка мелких кальцинированных костей, над которыми опрокинуты половина лепного горшка (судя по рисунку 69: 17, речь идет о гончарном кухонном горшке. – Ред.) и гончарный лощеный сферический кубок, украшенный уплощенными овалами, отпечатками круглого и пунктирного штампов (рис. 69: 18). Здесь же найдено 12 мелких гончарных лощеных фрагментов. Вся керамика со следами пребывания в погребальном костре.

Погребение № 82 (рис. 70: 1–4; 72: 1). Ингумация детская, ритуально разрушенная северной ориентации, инвентарная, перекрывала погребение № 97. Погребальная яма прямоугольная в плане размерами 1,3 х 0,7 м, глубиной 0,4 м от современной поверхности. От скелета сохранились только обломки черепа, лежавшие *in situ* под северной стенкой ямы. Рядом находились парные бронзовые подвязные фибулы (на рисунке А.Н. Некрасовой – рис. 70: 2, изображена только одна фибула – ред.). Справа от погребенного стояли 2 лепных горшочка (рис. 70: 3, 4).

Погребение № 83 (рис. 70: 5–11). Ингумация северной ориентации, ритуально разрушенная, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане ориентирована север-юг размерами 2,4х1 м, глубиной 0,45 м от современной поверхности. Кости скелета полностью отсутствуют. В северной части ямы на дне стояли *in situ* придонная часть крупного лепного горшка (рис. 70: 8) и 2 одинаковых гончарных шероховатых горшка (рис. 70: 6, 7), в одном из которых находился лепной горшочек (рис. 70: 9). Рядом с сосудами лежали бронзовая подвязная фибула (рис. 70: 11), сердоликовая 14-гранная бусина (рис. 70: 10) и обломки костей животных.

Погребение № 86 (рис. 71; рисунки оружия – меч, наконечник копья, топор, умбон и рукоять щита – были сделаны А.Н. Некрасовой, вероятно, по фотографиям. Здесь изображения этих предметов даны по рисункам М.Е. Левады с натуры. – Ред.). Кремация в урне, накрытой умбоном, сопровождалась оружием и, вероятно, перекрытая обломками керамики. Погребальная ямка овальная в плане, размерами 0,4 х 0,35 м, глубиной 1 м от современной поверхности прослежена с уровня материка – 0,8 м. Обломки кальцинированных костей были очищены от остатков погребального костра и мелкие (800) – сложены кучкой на дне ямки. Крупные помещались в лепном горшке-урне с ошершавленным мокрой глиной корпусом и подлощенным верхом, украшенным круглыми вдавлениями (рис. 71: 8). Урна, в свою очередь,

стояла в деревянном ведре (рис. 71: 7), от которого сохранились железные детали (дужка, петли, фрагменты обручей) и сверху была накрыта разбитым железным умбоном (рис. 71: 5; на поле умбона имеются капли бронзы и серебра. – Ред.). В урне, помимо костей, обнаружено 50 мелких фрагментов тонкого серебряного сосуда (или обкладки). В ямке находились бронзовая литая двупластинчатая фибула (рис. 71: 13), железные ручка от щита (рис. 71: 6), согнутый меч (рис. 71: 2), боевой топор (рис. 71: 4), наконечник копья (рис. 71: 3), нож (рис. 71: 10), скоба от деревянной рукояти (рис. 71: 11), шило и зубило (рис. 71: 9, 12). Последние были определены автором раскопок как стрела и дротик.

В предварительной публикации Е.В. Махно отмечает наличие в погребении большого количества обломков гончарных разбитых сосудов, преимущественно мисок. В полевой документации это факт не упоминается, а соответствующий материал отсутствует.

Погребение № 86-а (рис. 69: 4, 5). Ямная кремация. Ямка диаметром 0,5 м, глубиной 0,8 м от современной поверхности была заполнена внизу черным грунтом с мелкими обломками кальцинированных костей и гончарных пережженных сосудов. Здесь же найден фрагмент бронзовой фибулы (рис. 69: 5).

Погребение № 93 (рис. 70: 12). Ямная кремация. Ямка круглая в плане, расширяющаяся книзу, дно сферическое. Верхний диаметр 0,3 м, максимальный – 0,45 м, глубина – 0,65 м от современной поверхности. Сверху, до глубины 0,35 м, ямка заполнена черным грунтом, снизу – рыхлым пепельным. Основная масса кальцинированных костей сконцентрирована в черном слое, остальные лежат кучками на дне.

Погребение № 95 (рис. 70: 13, 14). Ямная кремация, перекрытая обломками керамики. Ямка овальная в плане размерами 0,3 х 0,25 м, глубиной 0,45 м от современной поверхности. На дне лежал слой крупных неочищенных кальцинированных костей. Над ними – более 50 обгорелых обломков от трех гончарных лощеных сосудов и лепного горшка (рис. 70: 14).

Погребение № 96 (рис. 70:15–17). Кремация в урне с сосудом-приставкой. На глубине 0,2 м от современной поверхности стояла заполненная мелкими кальцинированными костями урна – придонная часть срезанной плугом гончарной лощеной миски-вазы (рис. 70: 16). Рядом с ней – гончарный лощеный сферический кубок (рис. 70: 17). Оба сосуда сильно ошлакованы.

Погребение № 97 (рис. 72: 1; 70: 1). Ямная кремация, перекрытая погребением № 82. Контуры ямки не прослежены. На глубине 0,4–0,7 м от современной поверхности – скопление площадью 0,4 кв. м мелких кальцинированных костей и 5 небольших обгорелых обломков гончарной лощеной керамики.

Погребение № 99 (рис. 72: 2). Ямная кремация. Контуры ямки не прослеживались. На глубине 0,5 м от современной поверхности лежала кучка мелких кальцинированных костей и 2 небольших обломка керамики.

Погребение № 100 (рис. 72: 3). Ямная кремация. Контуры ямки не прослеживались. Кальцинированные косточки залегали на глубине 0,7–0,75 м от современной поверхности в черном пятне диаметром 0,1 м.

Погребение № 102 (рис. 72: 4). Ямная кремация. Ямка четырехугольная в плане площадью 0,25 м^2, глубиной 0,4 м от современной поверхности. В черном заполнении рассеяны мелкие кальцинированные косточки и 3 обломка обгорелой гончарной керамики.

Погребение № 109 (рис. 72: 5–7). Кремация в перевернутой урне. Ямка диаметром 0,7 м, глубиной 0,45 м от современной поверхности была заполнена черным с углистыми включениями грунтом. В центре стоял кверху дном гончарный шероховатый горшок-урна (рис. 72: 7), заполненный крупными кальцинированными костями. В заполнении ямки найдена бронзовая оплавленная подвязная фибула (рис. 72: 6).

Погребение № 112 (рис. 72: 8–10). Ямная кремация перекрытая обломками керамики. На дне прямоугольной в плане ямки размером 0,3х 0,25 м, глубиной 0,35 м от современной поверхности лежал слой мелких кальцинированных костей, перекрытых обгорелыми обломками двух гончарных лощеных мисок (рис. 72: 9, 10). Среди костей найдена оплавленная стеклянная бусина.

Погребение № 115 (рис. 72: 11, 12). Ингумация подростка северной ориентации, ритуально разрушенная с применением огня, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,5х0,9 м, глубиной 0,8 м от современной поверхности. В заполнении встречались углистые прослойки, особенно интенсивно у дна, и обломки обгорелых гончарных лощеных сосудов. От скелета сохранились только кости черепа, лежавшие *in situ* под северной стенкой, и обломки костей ног. В ногах стоял лепной кумпфовидный горшок с подлощенным верхом и ошершавленным песком корпусом (рис. 72: 12).

Погребение № 117 (рис. 73: 1–9). Кремация в перевернутой урне, сопровождавшаяся целыми и разбитыми сосудами. Ямка диаметром 0,3 м, глубиной 0,4 м от современной поверхности была выложена по дну обломками лепной лощеной миски (рис. 73: 6), на которых стоял кверху дном

большой лепной лощеный горшок-урна (рис. 73: 5) сверху присыпанный фрагментами двух гончарных лощеной (рис. 73: 8) и шероховатой (рис. 73: 9) мисок. Урна заполнена крупными очищенными кальцинированными костями, среди которых стояли один в другом лепная лощеная мисочка с тремя х-видными ушками (рис. 73: 7) и гончарный лощеный сферический кубок (на рисунке А.Н. Некрасовой отсутствует. – Ред.). Здесь же обнаружены: обгорелая железная пряжка (рис. 73: 3), стеклянная светло-зеленая бусина (рис. 73: 2) и фрагмент костяного гребня на бронзовых гвоздиках (рис. 73: 4). Вся керамика со следами пребывания в погребальном костре.

Погребение № 118 (рис. 73: 10–15). Ингумация северной ориентации, ритуально разрушенная с применением огня, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 1,75х 1 м, глубиной 1,4 м от современной поверхности. В нижней части заполнения встречались угли и золистые прослойки, особенно интенсивные на дне. Здесь же в переотложенном состоянии находились лепной горшок (рис. 73: 13) и гончарная лощеная мисочка (рис. 73: 14). От скелета сохранились только череп и плечевая кость левой руки, лежавшие in situ в северном конце ямы. Возле черепа обнаружены парные бронзовые воинские фибулы (рис. 73: 11, 12) и 19 сердоликовых 14-гранных бусин (на рис. А.Н. Некрасовой отсутствуют. – Ред.). В ногах, слева от погребенного стояла гончарная лощеная миска с отбитым венчиком (рис. 73: 15).

Погребение № 120 (рис. 73: 16–18). Ингумация на животе северо-западной ориентации, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2,15х0,9 м, глубиной 1 м от современной поверхности. Погребенный – в вытянутом положении на животе, головой на северо-запад. Ноги, вероятно, были связаны под коленями. В головах лежал на боку лепной горшок (рис. 73: 17), а у правого локтя – гончарная лощеная миска (рис. 73:18).

Погребение № 121 (рис. 74: 1–3). Ямная кремация, накрытая обломками сосудов. В центре на дне ямы размерами 0,7х0,6 м, глубиной 0,55 м от современной поверхности лежала небольшая кучка кальцинированных костей, накрытая крупными обломками двух гончарных шероховатых горшков (рис. 74: 2, 3).

Погребение № 122 (рис. 74: 4–12). Ингумация северной ориентации, ритуально разрушенная, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане, размерами 1,9х0,9 м, глубиной 1,4 м от современной поверхности. Погребенный лежал на спине с подогнутыми вправо ногами, головой на север, северо-восток. Кости рук, грудной клетки и таза отсутствуют. На месте левого плеча найдена бронзовая подвязная фибула (рис. 74: 6), на поясе – бронзовая пряжка (рис. 74: 5), у колен – глиняное пряслице (рис. 74: 8), справа от бедра – остатки костяного гребня на бронзовых гвоздиках (рис. 74: 7). В головах погребенного лежали лепные горшок и кубок (рис. 74: 11, 12). По правую руку – один в другом стояли гончарные лощеные миска и кубок, орнаментированные пролощенным зигзагом (рис. 74: 9, 10).

Погребение № 123 (рис. 72: 13–15). Ямная кремация с обломками битых сосудов. Четырехугольная в плане ямка размерами 0,2х0,25 м, глубиной 0,5 м от современной поверхности была выложена по дну обломками гончарной лощеной миски (рис. 72: 15), на которых лежал слой крупных кальцинированных костей, присыпанных сверху мелкими фрагментами гончарной лощеной мисочки (рис. 72: 14). Вся керамика со следами пребывания в огне.

Погребение № 124 (рис. 75: 1–8). Ингумация с северной ориентацией в яме с подбоем, инвентарная. Яма овальная в плане, ориентирована север-юг размерами 2х1,2 м, глубиной 1,7 м от современной поверхности. У восточной стенки имеет ступеньку шириной 0,5 м, высотой 0,25 м, вдоль западной – подбой шириной 0,4–0,5 м, высотой 0,7 м. Погребенный лежал в подбое в вытянутом положении на спине, головой на север. Справа от погребенного, под стенкой подбоя, находились: в головах – лепной горшок, большой железный нож с остатками деревянных ножен (рис. 75: 8) и кости быка, у локтя – лепные горшок и двуручный кувшин, а также придонная часть гончарного шероховатого сосуда, заполненная углями, возле колена – гончарная лощеная миска. Вся керамика грубо сформована и плохо обожжена. В ногах лежал кубок тонкого зеленоватого стекла (рис. 75: 7).

Погребение № 125 (рис. 74: 13). Ямная кремация. Ямка четырехугольная в плане, размерами 0,4х0,35 м, глубиной 0,7 м от современной поверхности. Посередине на дне лежала кучка кальцинированных костей, перемешанных с мелкими обгорелыми фрагментами гончарной лощеной и лепной керамики.

Погребение № 128 (рис. 75: 9–14). Кремация в урне присыпанная обломками керамики. На дне ямки диаметром 0,4 м, глубиной 0,6 м от современной поверхности стоял лепной горшок-урна с подлощенным орнаментированным ногтевыми вдавлениями верхом и ошершавленным мокрой глиной корпусом (рис. 75: 13). Рядом в дне ямки торчал острием кверху железный нож (рис. 75: 14). На глубине 0,4–0,5 м погребение перерывал слой из 55 небольших ошлакованных

фрагментов гончарных, преимущественно лощеных сосудов.

Погребение № 130 (рис. 74: 14–21). Ингумация северной ориентации, разрушена, возможно, с ритуальной целью. Контуры ямы не прослежены. На глубине 0,65 м от современной поверхности сохранились *in situ* череп и остатки ожерелья – 5 стеклянных зеленых и синих бусин (рис. 74: 15–17, 20; на рис. А.Н. Некрасовой только 4 бусины. – Ред.), сердоликовая 14-гранная (рис. 74: 19), янтарная плоская треугольная подвеска (рис. 74: 18), железная ведерковидная подвеска (рис. 74: 21) и римская монета с отверстием (утеряна). Справа от черепа найдены фрагменты сильно корродированной железной фибулы.

Погребение № 131 (рис. 74: 22, 23). Ямная кремация, перекрытая обломками керамики. Верхняя часть погребения сдвинута плугом.

При захоронении кальцинированные кости были сложены на дне ямки диаметром 0,25 м, глубиной 0,35 м от современной поверхности и присыпаны сверху мелкими ошлакованными фрагментами гончарной лощеной миски (рис. 74: 23).

Погребение № 132 (рис. 76: 1–10). Ямная кремация, перекрытая обломками сосудов. На дне четырехугольной в плане ямки размерами 0,3 х 0,25 м, глубиной 0,5 м от современной поверхности лежали кальцинированные кости, среди которых находились железный нож (рис. 76: 4), глиняное пряслице (рис. 76: 5) и две сердоликовые 14-гранные бусины (рис. 76: 2, 3). Сверху были плотно уложены пережженные обломки пяти сосудов: двух лепных горшков, гончарного шероховатого горшка и двух гончарных лощеных мисок (рис. 76: 6–10).

Погребение № 133. Ямная кремация. Контуры ямки не прослежены. На глубине 0,2 м от современной поверхности зафиксирована кучка из 11 крупных кальцинированных костей.

Погребение № 138 (рис. 82: 9). Детская ингумация южной ориентации, безынвентарная. Контуры ямы не прослежены. Остатки почти истлевшего скелета ребенка обнаружены на глубине 0,45 м от современной поверхности.

Погребение № 139 (рис. 76: 11–20). Кремация в накрытой урне сопровождавшаяся сосудами и перекрытая обломками керамики. Яма обширная, овальная в плане, размерами 1,2х0,8 м, глубиной 0,55 м от современной поверхности с черным заполнением. На дне, под юго-восточной стенкой, стоял лепной горшок-урна с поверхностью, покрытой слабыми расчесами (рис. 76: 16). В урне, помимо кальцинированных костей находился миниатюрный лепной лощеный богато орнаментированный одноручный кувшинчик (рис. 76: 20). Урна была накрыта лепным лощеным сферическим кубком, украшенным глубокими круглыми вдавлениями (рис. 76: 14). Сбоку к урне прислонена лепная лощеная миска (рис. 76: 15). На глубине 0,2–0,3 м погребение перекрывал слой сажи с отдельными мелкими кальцинированными косточками и обломками пяти гончарных лощеных сосудов: трех мисок (рис. 76: 17–19), трехручной вазы (рис. 76: 12) и кувшинчика (рис. 76: 13). Вся керамика в погребении носит следы пребывания в погребальном костре.

Погребение № 141 (рис. 82: 10). Детская ингумация западной ориентации, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 1.4х 0,65 м, глубиной 0,35 м от современной поверхности. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине головой на запад. У черепа найден мелкий фрагмент гончарного черняховского сосуда.

Погребение № 159 (рис. 77: 1–3). Ямная кремация, накрытая обломками сосудов. Контуры ямки четко не прослеживались, ее размеры приблизительно 0,5х0,4 м, глубина 0,8 м от современной поверхности. На дне, под западной стенкой лежали кучкой 144 крупные кальцинированные косточки, прикрытые сверху обгорелыми обломками двух гончарных лощеных мисок и трехручной вазы.

Погребение № 162 (рис. 78). Ингумация северной ориентации в яме с нишей-подбоем, инвентарная. Погребальная яма овальная в плане, ориентированная север-юг размерами 2,15х 1,2 м, глубиной 1,7 м от современной поверхности. В западной стенке имела подбойную нишу размерами 1 х 0,4 м, высотой 0,4 м на 0,3 м, приподнятую над дном ямы. Погребенный лежал у восточной стенки в вытянутом положении на спине, головой на север. Кости груди, рук и таза отсутствуют. Возле головы найдены 2 подвески из морских раковин (рис. 78: 4, 5), на шее – ожерелье из сердоликовых 14-гранных (21) и синей стеклянной бусин (рис. 77: 6), рядом – обломок бронзовой фибулы (рис. 77: 2). Инвентарь размещен справа от погребенного. У локтя стояла гончарная шероховатая мисочка (рис. 77: 13), в которой находилось глиняное пряслице (рис. 77: 3). К западу от нее – гончарная лощеная миска, орнаментированная по ребру косыми лощеными и пунктирными линиями (рис. 77: 11). На границе с подбоем зафиксировано черное пятно, в котором лежали кости козы и железный нож (рис. 77: 8). В нише-подбое находились гончарный шероховатый двуручный кувшин (рис. 77: 9), гончарная лощеная мисочка (рис. 77: 12), лепной горшок (рис. 77: 10) и костяной гребень на бронзовых гвоздиках (рис. 77: 7).

Погребение № 163 (рис. 82: 11). Ямная кремация. Контуры ямки не прослежены. На глу-

бине 0,45 м от современной поверхности в гумусированном слое обнаружена кучка мелких кальцинированных костей и обгорелых фрагментов гончарной лощеной керамики.

Погребение № 164 (рис. 79). Ямная кремация, сопровождавшаяся сосудами и обломками керамики. Погребальная яма овальная в плане размерами 0,8х0,6 м, глубиной 0,9 м от современной поверхности с ярко выраженным черным заполнением. На дне, вымощенном ошлакованными обломками керамики, под южной стенкой лежала кучка кальцинированных костей диаметром 0,25 м. Среди них находились обгорелые осколки тонкого стеклянного кубка, 3 сердоликовые 14-гранные бусины (рис. 79: 2–4), глиняное пряслице (рис. 79: 5), фрагменты железной проволочной спирали (рис. 79: 6) и стержня. На костях лежал гончарный лощеный биконический кубок (рис. 79: 8). Рядом стояли лепной лощеный богато орнаментированный одноручный кувшинчик (рис. 79: 9) и лепной подлощенный кумпфовидный горшок, украшенный по корпусу вертикальными рядами ногтевых вдавлений (рис. 79: 14). Погребальная яма на высоту 0,3 м была плотно забита ошлакованными обломками специально разбитых сосудов. Всего в захоронении обнаружено более 500 фрагментов от 10 сосудов, в том числе: лепная лощеная миска с сосковидным налепом из вымостки дна (рис. 79: 17), лепной лощеный сферический кубок, украшенный «жемчужным» орнаментом (рис. 79: 7), 5 гончарных лощеных мисок (рис. 79: 12, 13, 15, 16, 20), трехручная ваза (рис. 79: 18), двуручная вазочка (рис. 79: 19), одноручный кувшинчик (рис. 79: 10) и дно гончарного шероховатого сосуда.

Погребение № 166 (рис. 76: 21–24). Кремация, перекрытая обломками керамики. Ямка диаметром 0,24 м со сферическим дном глубиной 0,6 м от современной поверхности на высоту 0,6 м была заполнена кальцинированными костями. Среди них на дне, в центре ямки, стояла гончарная лощеная кубок-урна (рис. 76: 24) также наполненная кальцинированными костями. Сверху лежал слой обломков специально разбитой гончарной лощеной миски, орнаментированной по плечику пролощенным зигзагом (рис. 76: 22).

Погребение № 166-а. Ямная кремация. Сохранилось в виде кучки кальцинированных костей диаметром 0,1 м на глубине 0,8 м от современной поверхности.

Погребение № 169 (рис. 82: 1–4). Ямная кремация, перекрытая обломками керамики. Верхняя часть погребения растянута плугом. Ямка диаметром 0,2 м, глубиной 0,65 м от современной поверхности на высоту 0,12 м была заполненая крупными кальцинированными костями, среди которых находились большой железный нож (рис. 82: 4) и фрагмент железного острия (рис. 82: 3). Сверху сожжение перекрывал слой обгорелых обломков от гончарного шероховатого и четырех гончарных лощеных сосудов, в том числе трехручной вазы, орнаментированной по плечику пролощенной ромбической сеткой (рис. 82: 2).

Погребение № 171 (рис. 77: 4–9). Кремация в накрытой урне сопровождавшаяся битыми сосудами. Ямка диаметром 0,38 м, глубиной 0,4 м от современной поверхности заполнена черным грунтом. На дне, в центре ямки, стояла урна – лепная лощеная ваза с маленькой Х-видной ручкой, украшенная по плечику пролощенным орнаментом (рис. 77: 5). Урна была заполнена тонкими кальцинированными костями и накрыта лепной лощеной миской (рис. 77: 6). Оба сосуда относятся к разряду керамики специально изготовленной для погребений – имеют слабый обжиг, крошащийся и расслаивающийся черепок. По обе стороны от урны лежали в обломках две специально разбитые, побывавшие в огне гончарные лощеные миски (рис. 77: 8, 9). Здесь же найдены отдельные фрагменты гончарной лощеной трехручной вазы и подправленного на круге лепного кумпфовидного горшка (рис. 77: 7).

Погребение № 173 (рис. 80: 1–9). Кремация в урне, перекрытая обломками керамики. Ямка квадратная в плане, площадью 0,27 м^2, глубиной 0,3 м от современной поверхности. На дне, в центре, стояла подправленная на круге лепная ошлакованная миска-урна, заполненная мелкими очищенными кальцинированными костями. Среди них найдены 4 сердоликовые обгорелые (рис. 80: 2–5) и 4 оплавленные стеклянные (зеленые и синие) бусы. Сверху урна засыпана крупными, частично обгорелыми обломками четырех сосудов: лепного горшка, гончарного шероховатого горшка и двух гончарных лощеных мисок.

Погребение № 174 (рис. 77: 10–16). Ингумация северной ориентации, ритуально разрушенная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2 х 0,8 м, глубиной 0,7 м от современной поверхности. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на север. Кости рук, грудной клетки и таза отсутствуют. Возле черепа найдены 2 бронзовые фибулы – воинская и подвязная (рис. 77: 15, 16), а также 6 сердоликовых 14-гранных бусин (рис. 77: 11–14).

Погребение № 175. Ингумация северной ориентации, разрушенная при земляных работах. Сохранились только лежавшие *in situ* на глубине 0,6 м от современной поверхности череп и плечевая кость левой руки. Рядом – остатки сильно корродированного железного предмета, возможно, фибулы.

Погребение № 176 (рис. 82: 5). Ингумация северной ориентации, ритуально разрушенная, безынвентарная. Погребальная яма узкая, овальная в плане, размерами 1,8 х 0,6 м, глубиной 0,55 м от современной поверхности. От скелета сохранились только потревоженный череп и, лежащие *in situ* берцовые кости.

Погребение № 190 (рис. 80: 10–14). Ямная кремация с обломками керамики. Верхняя, разрушенная часть погребения записана в полевой документации Е.В. Махно отдельным погребением № 180. Контуры погребальной ямки, вырытой в гумусированном грунте, не прослеживались. На глубине 0,7 м от современной поверхности обнаружено скопление площадью 0,2 м^2 довольно крупных кальцинированных костей (340), среди них находились железное шило (рис. 80: 14), оплавленная стеклянная бусина и несколько обгорелых фрагментов гончарной лощеной богато орнаментированной миски (рис. 80: 11). Сверху, на глубине 0,5 м, зафиксированы две горсти мелких кальцинированных костей (31), фрагмент костяного гребня (рис. 80: 13) и растянутые по площади 0,3х0,6 м обгорелые обломки гончарной лощеной миски (рис. 80: 12).

Погребение № 196 (рис. 81: 1–3). Кремация с оружием. На глубине 0,85 м от современной поверхности обнаружена компактная группа из поставленного острием кверху железного наконечника копья и железных удил. Вокруг, на том же уровне, на площади 3 кв. м встречались отдельные мелкие кальцинированные косточки. Е.В. Махно связывает находку оружия с расчищенным рядом сомнительным погребением «с рассеянными косточками в обширной яме». Яма размером 1,55х 1,25 м, глубиной 1,45 м от современной поверхности со слабовыраженным заполнением, в котором найдено 8 мелких кальцинированных косточек.

Погребение № 205 (рис. 81: 4–6). Разрушенная ямная кремация перекрытая обломками керамики. Гумусированный слой на участке достигал 1 м от современной поверхности. На уровне 0,4–0,6 м на площади 0,5 м^2 сконцентрировано 40 крупных обломков кальцинированных костей. Сверху на участке 6х2 м рассеяны 175 небольших ошлакованных фрагментов от 10 сосудов: семи гончарных лощеных, гончарного шероховатого и трех лепных. Здесь же найдено 5 обломков амфор и железная ременная подвеска (рис. 81: 6).

Погребение № 209 (рис. 82: 7). Ингумация северной ориентации, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размером 2,1 х 0,75 м, глубиной 0,5 м от современной поверхности. Погребенный лежал в вытянутом положении на животе, головой на северо-восток. Кисть левой руки – под костями таза.

Погребение № 224 (рис. 83: 1–5). Разрушенная ямная кремация, перекрытая обломками керамики. Контуры погребальной ямки в глубоком гумусированном слое не прослеживались. На глубине 0,35–0,5 м в черном пятне размерами 0,2х0,3 м сконцентрировано до 100 мелких кальцинированных костей. Сверху на площади более 1 м^2 рассеяно около 60 обломков ошлакованной гончарной лощеной и шероховатой керамики. Аналогичные фрагменты и отдельные кальцинированные косточки встречаются на расстоянии до двух метров от погребения. Возможно, к нему относятся найденные по соседству 2 обгорелые сердоликовые бусины (рис.83: 2, 3), оплавленный фрагмент стеклянного кубка с прошлифованными овалами (рис. 83: 4) и бронзовый «колокольчик» (рис. 83: 5).

Погребение № 230. Ямная кремация. Овальная яма с корытообразным дном, ориентированная с севера на юг, размерами 1,8 х 1,48 м, глубиной 0,9 м от современной поверхности заполнена черным грунтом. На глубине 0,7 м от современной поверхности разбросаны в небольшом количестве мелкие кальцинированные косточки и 4 обломка гончарных сосудов. Сплошным слоем кальцинированные косточки залегали в центральной части ямы и у юго-западной стенки.

Погребение № 232 (рис. 82: 6). Ингумация северо-восточной (?) ориентации, ритуально разрушенная, безынвентарная. На дне овальной в плане погребальной ямы размерами 1,4х1 м, глубиной 0,8 м от современной поверхности были разбросаны обломки черепа и бедренных костей.

Погребение № 236 (рис. 82: 8). Ингумация северной ориентации, ритуально разрушенная, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане, размерами 2х1 м, глубиной 0,4 м от современной поверхности. Ее западная стенка была перекопана в древности при ритуальном разрушении скелета. Погребенный, видимо, лежал на правом боку с подогнутой левой ногой. Кости грудной клетки отсутствуют, череп потревожен.

Погребение № 238 (рис. 81: 7–9). Ингумация северо-восточной ориентации, инвентарная. Погребальная яма прямоугольная в плане размерами 2,4х1 м, глубиной 0,5 м от современной поверхности. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине головой на северо-восток, кисть правой руки – на костях таза. В ногах стояли лепной горшок (рис. 81: 8) и гончарная лощеная миска (рис. 81: 9). У правой голени прослежены остатки сильно корродированного железного предмета.

Погребение № 286 (рис. 83: 6–8). Ингумация северной ориентации, ритуально разрушенная, инвентарная. Погребальная яма овальная

в плане, размерами 2х0,9 м, глубиной 0,7 м от современной поверхности. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине головой на север, кости груди, таза и рук отсутствуют, череп потревожен. Возле черепа найдено 15 мелких стеклянных бусин, у правого плеча – бронзовая подвязная фибула, у левого бедра – бронзовые щипчики (утеряны). В головах стояли гончарный лощеный одноручный кувшин с пролощенным орнаментом (рис. 83:8) и лепная горшковидная миска, украшенная под венчиком пальцевыми вдавлениями, а в придонной части – вертикальными расчесами (рис. 83: 7).

Погребение № 417. Ингумация северной ориентации, ритуально разрушенная, со следами огня, безынвентарная. Погребальная яма овальная в плане размерами 2,5 х 1 м, глубиной 1,7 м от современной поверхности имела черное заполнение с углистыми включениями у дна. Погребенный лежал в вытянутом положении на животе, головой на север. Кости груди и правой руки отсутствуют, череп потревожен.

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. // САИ. – Вып. Д1-30. – 1966.

Гороховский Е.Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. – Т.4. – 1988. – С. 34–46.

Махно Е.В. Раскопки на Компаниевском могильнике // Археологические исследования на Украине в 1965–1966 гг. – Вып.1. – 1967.

Махно Е.В. Раскопки Успенского могильника // АИУ 1968 г. – Т. 3. – 1971. – С. 214–218.

Махно Є.В. Типи поховань та планування Компаніївського могильника // Середні віки на Україні. – Т.1. – 1971а.

Махно Є.В. Нові розкопки Успенського могильника // АИУ 1969 г. – 1972. – С. 214–220.

Никитина Г.Ф. Гребни черняховской культуры // СА. – № 1. – 1969. – С. 147–159.

Шелов Д.Б. Узкогорлые светлогляняные амфоры первых вв. н. э. // КСИА. – № 156. – 1978. – С. 19.

Almgren O. Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. – Stockholm, 1897.

Kolnik T. Honosné spony mladšej dobi rimskej vosvetle nálezov z juhozápadného Slovenska // Slovenska archeologia. – XII-2. – 1964.

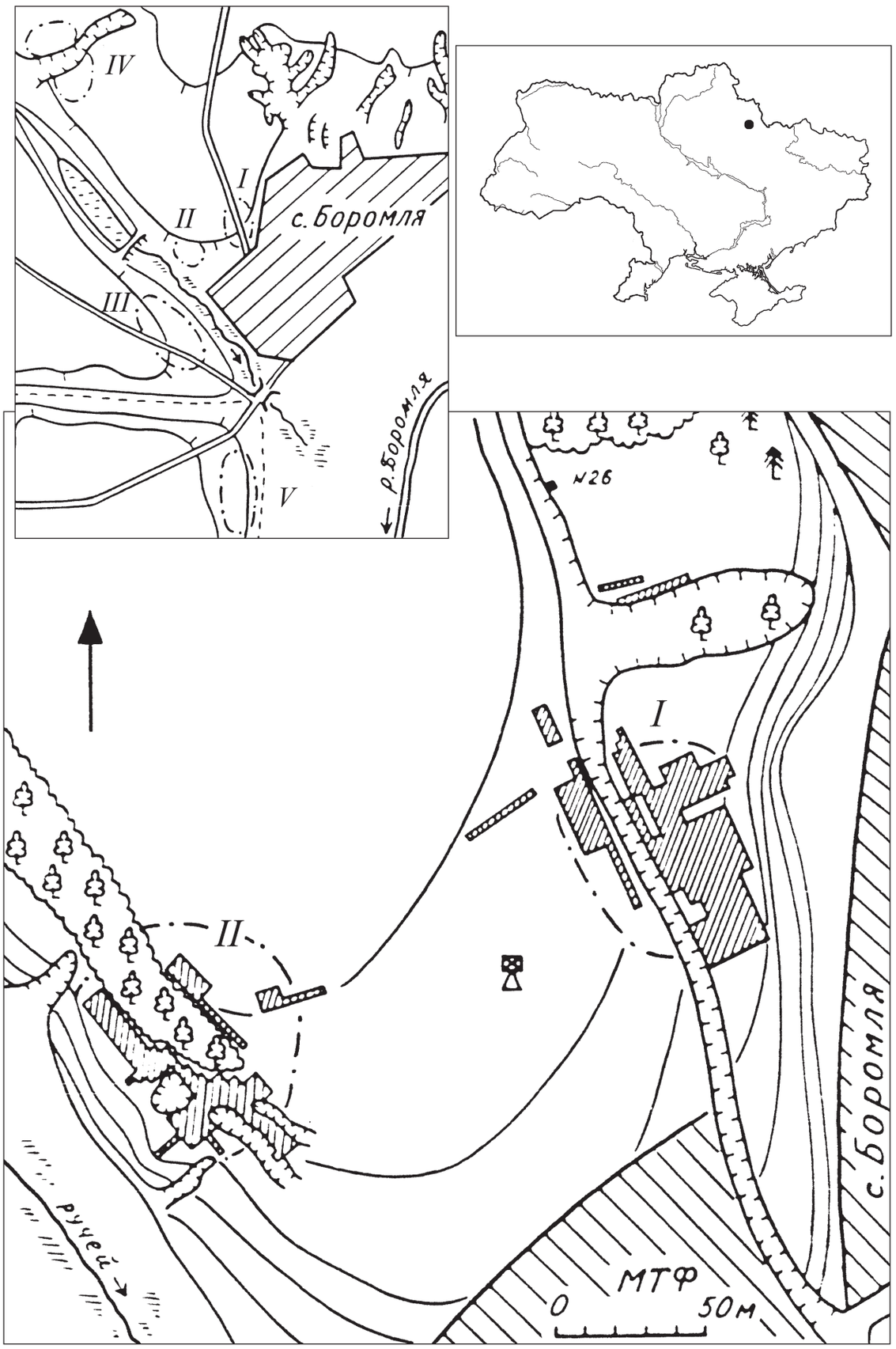


Рис. 1.
Памятники черняховской культуры у с. Боромля.
I *– могильник Боромля-I;* ***II*** *– поселение Боромля-II;* ***III*** *– поселение Боромля-III*

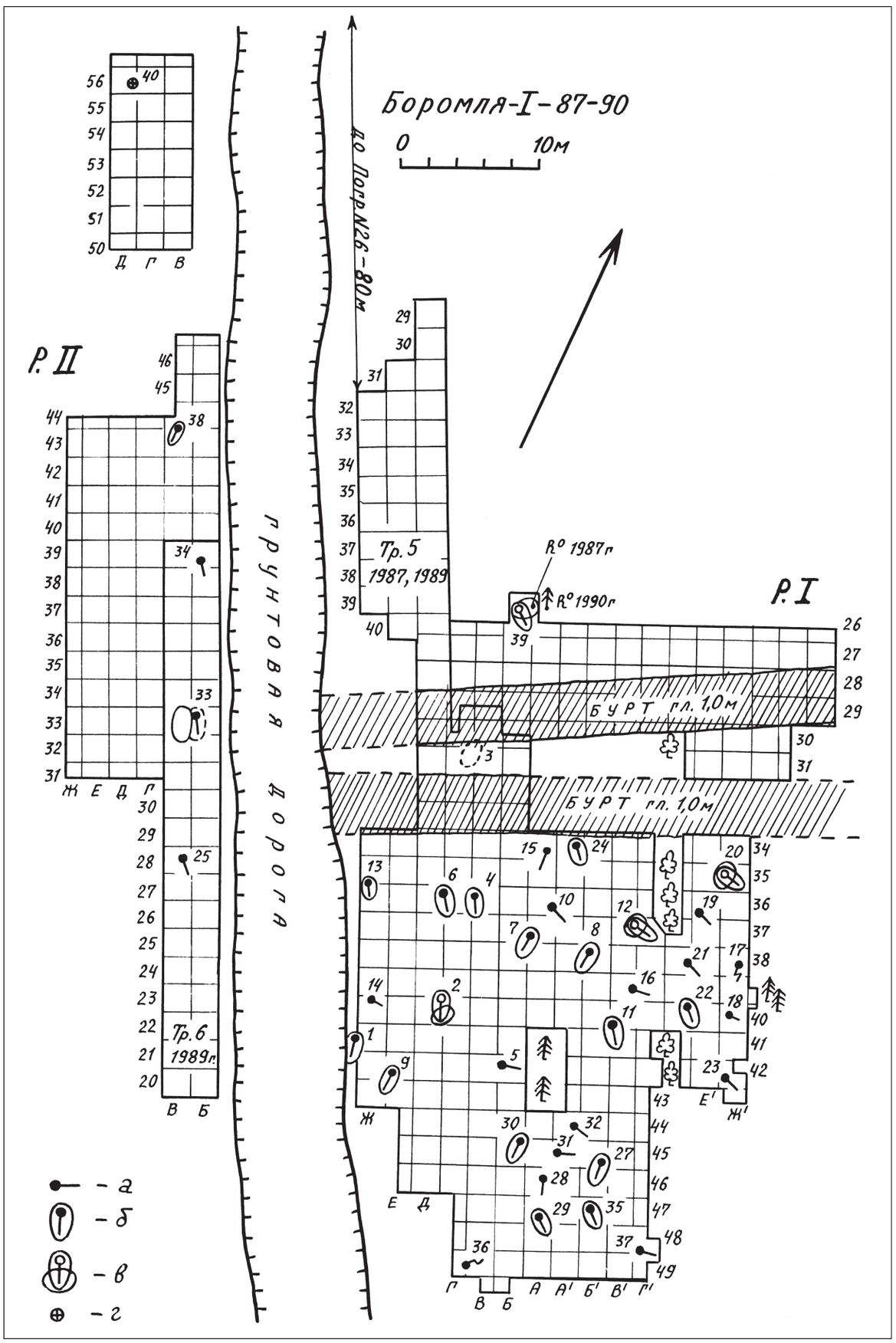


Рис. 2.
Могильник Боромля-I, план раскопов

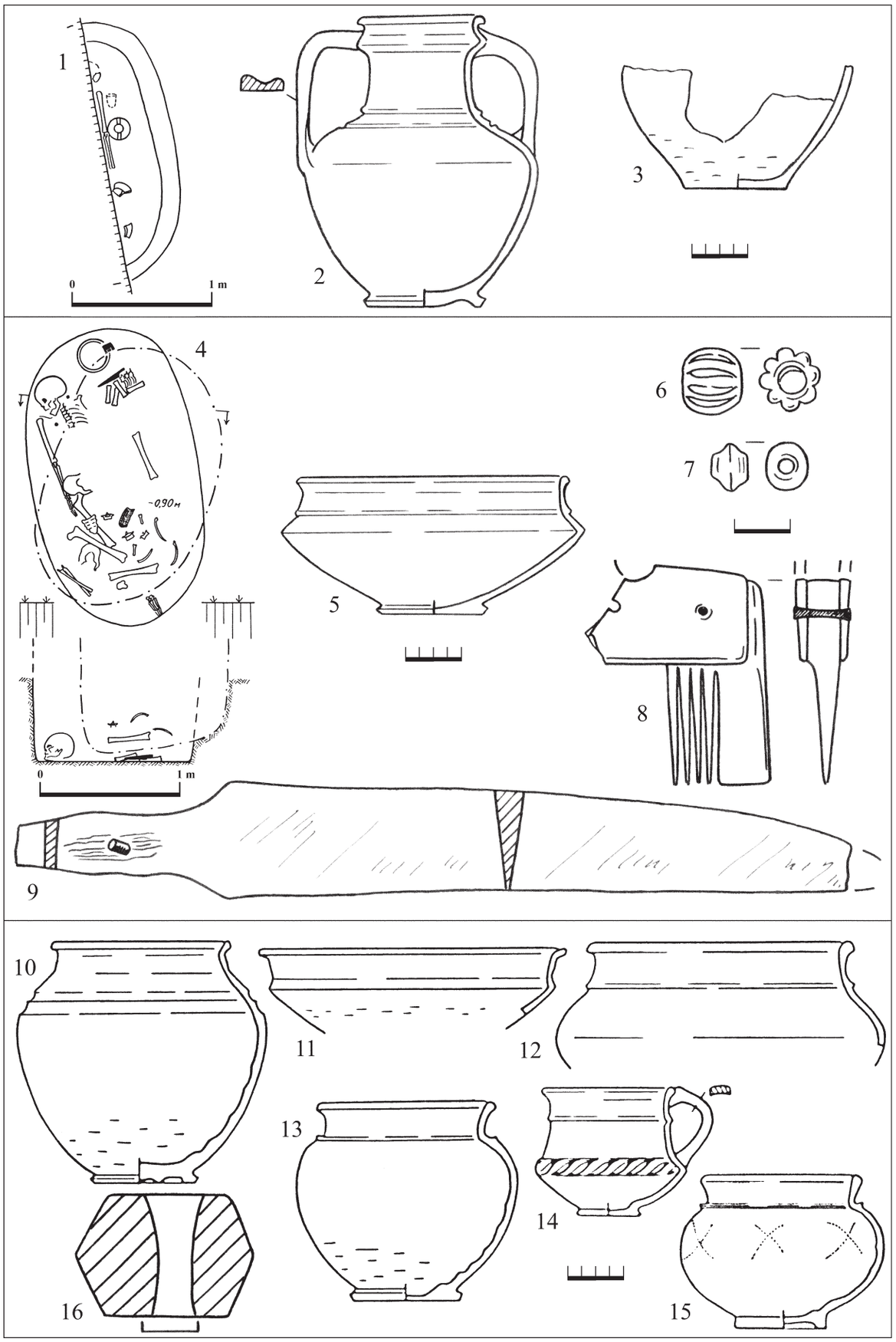


Рис. 3.
Могильник Боромля-I. ***1–3*** *погребение № 1;* ***4–9*** *– погребение № 2;* ***10–16*** *– погребение № 3*

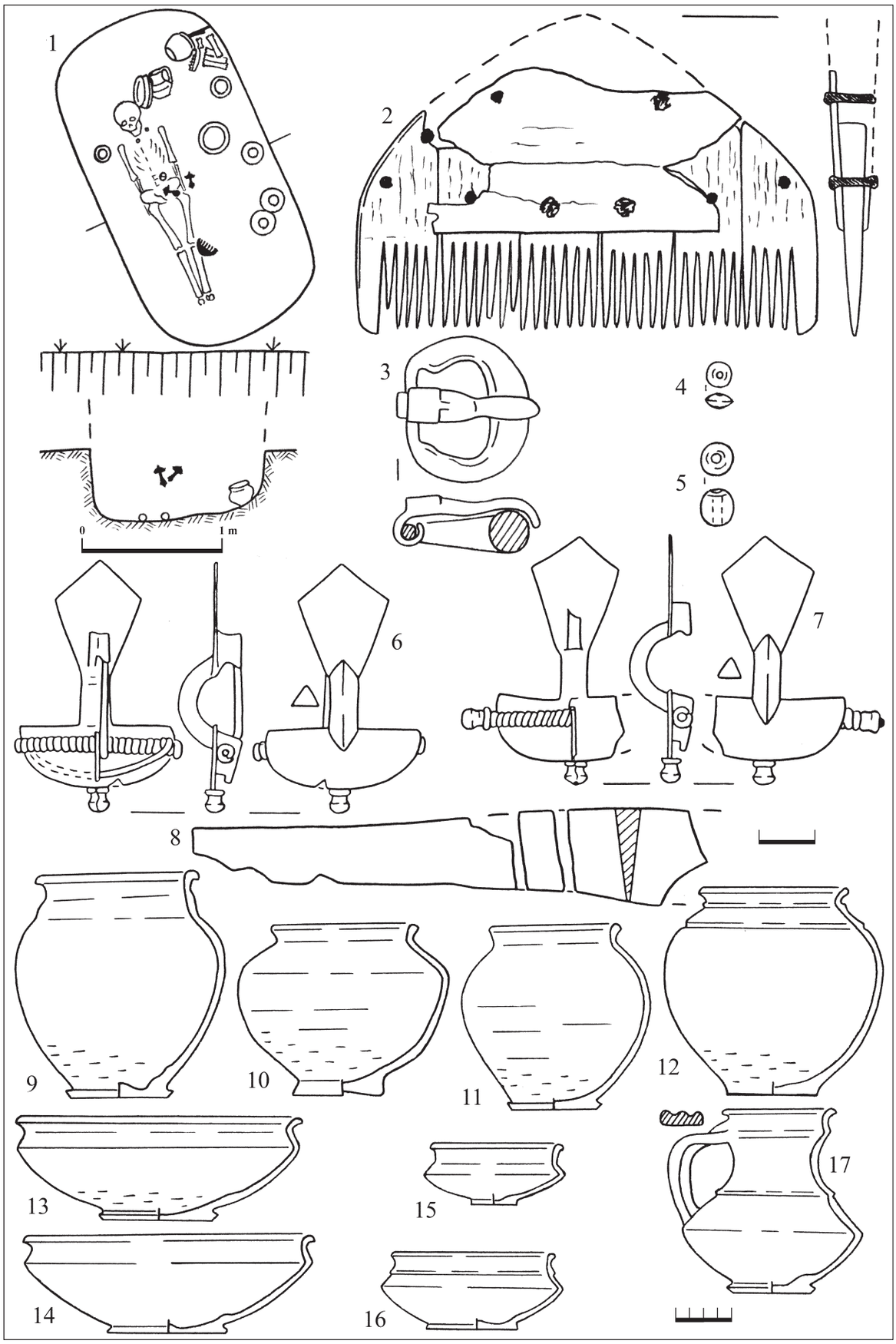


Рис. 4.
Могильник Боромля-I. Погребение № 4

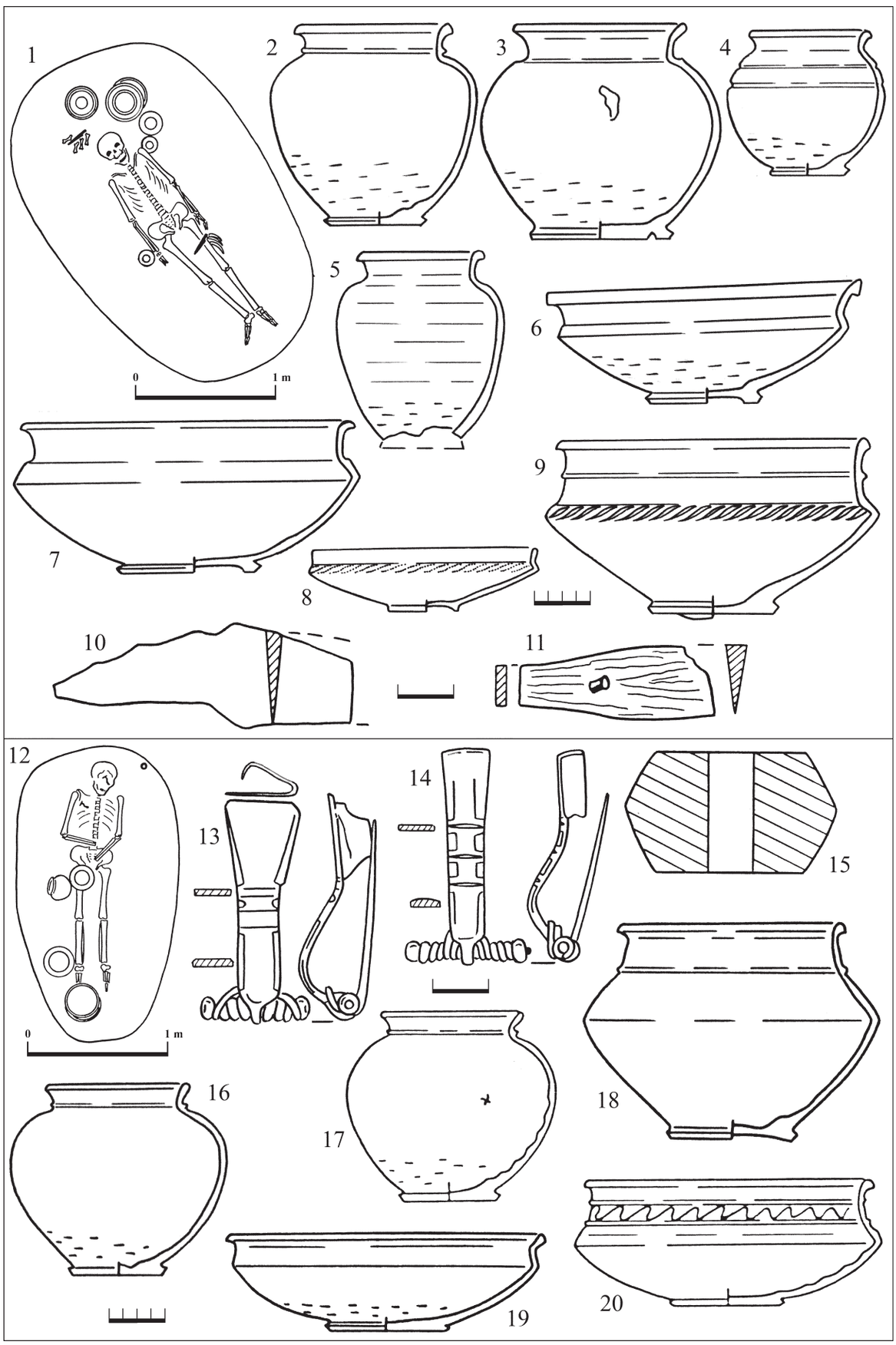


Рис. 5.
Могильник Боромля-I. ***1–11*** *– погребение № 6;* ***12–20*** *– погребение № 7*

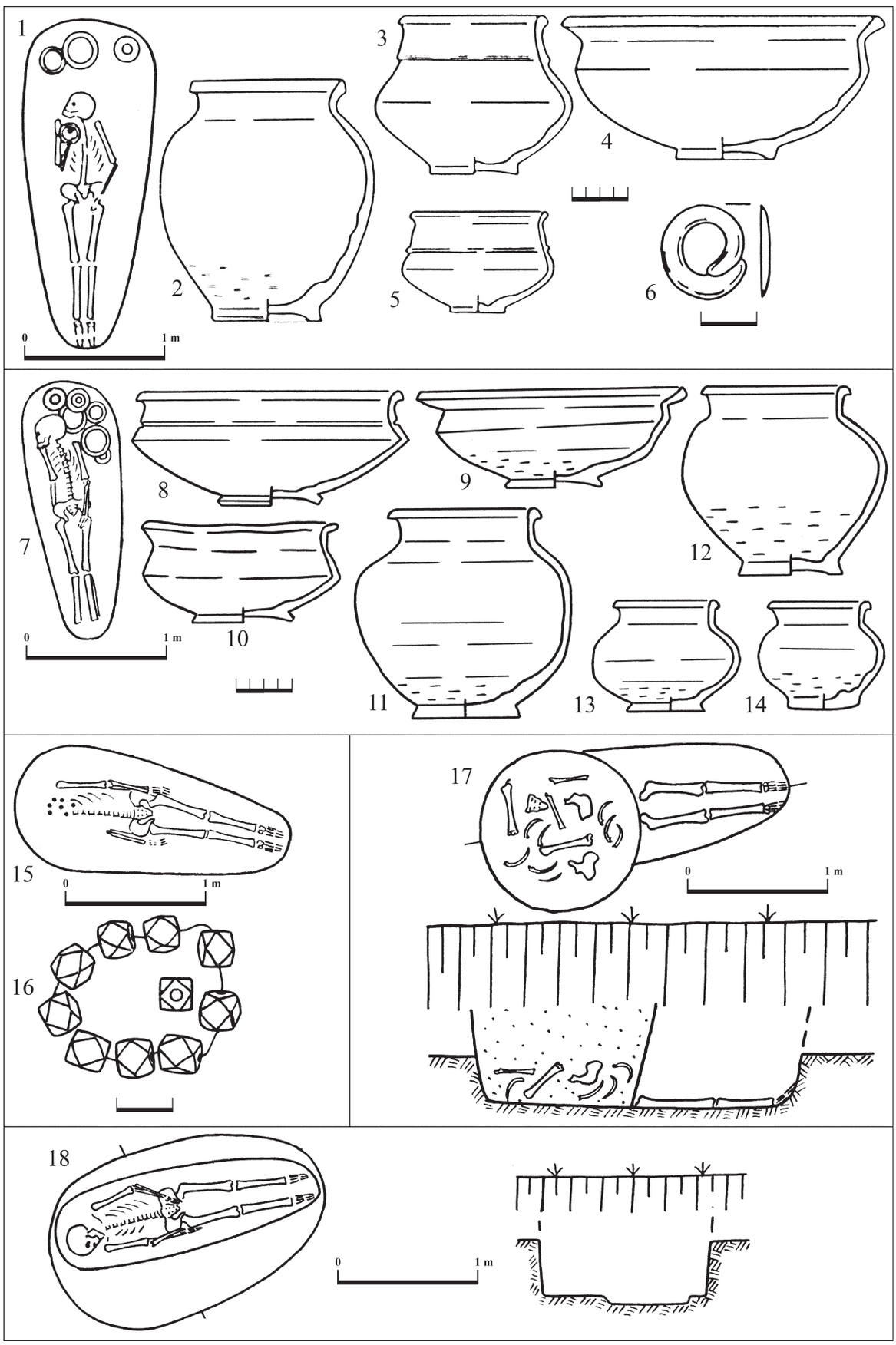


Рис. 6.
Могильник Боромля-I.
1–6 *– погребение № 8;* ***7–14*** *– погребение № 9;* ***15, 16*** *– погребение № 10;* ***17*** *– погребение № 12;* ***18*** *– погребение № 5*

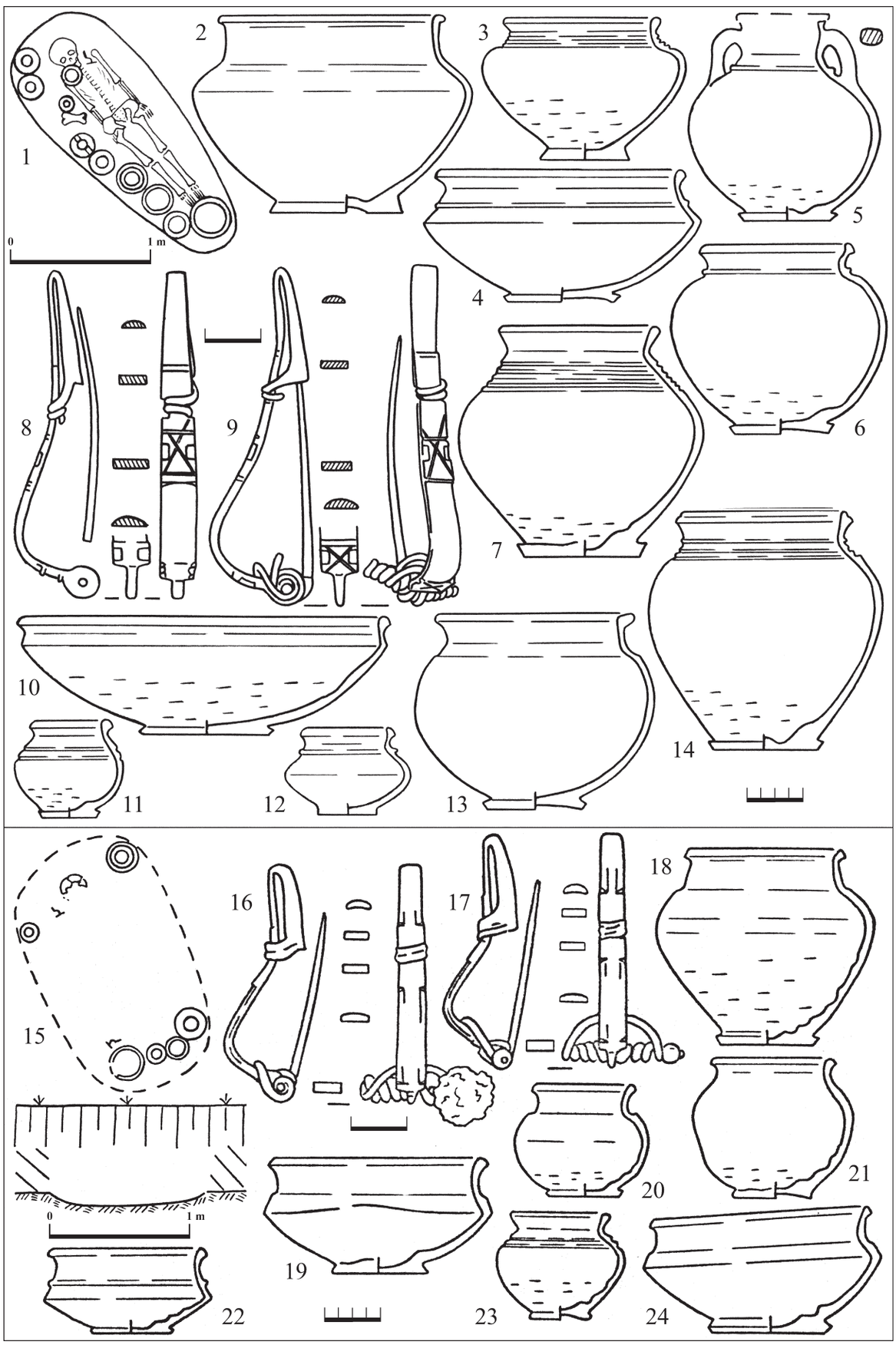


Рис. 7.
Могильник Боромля-I. ***1–14*** *– погребение № 11;* ***15–24*** *– погребение № 13*

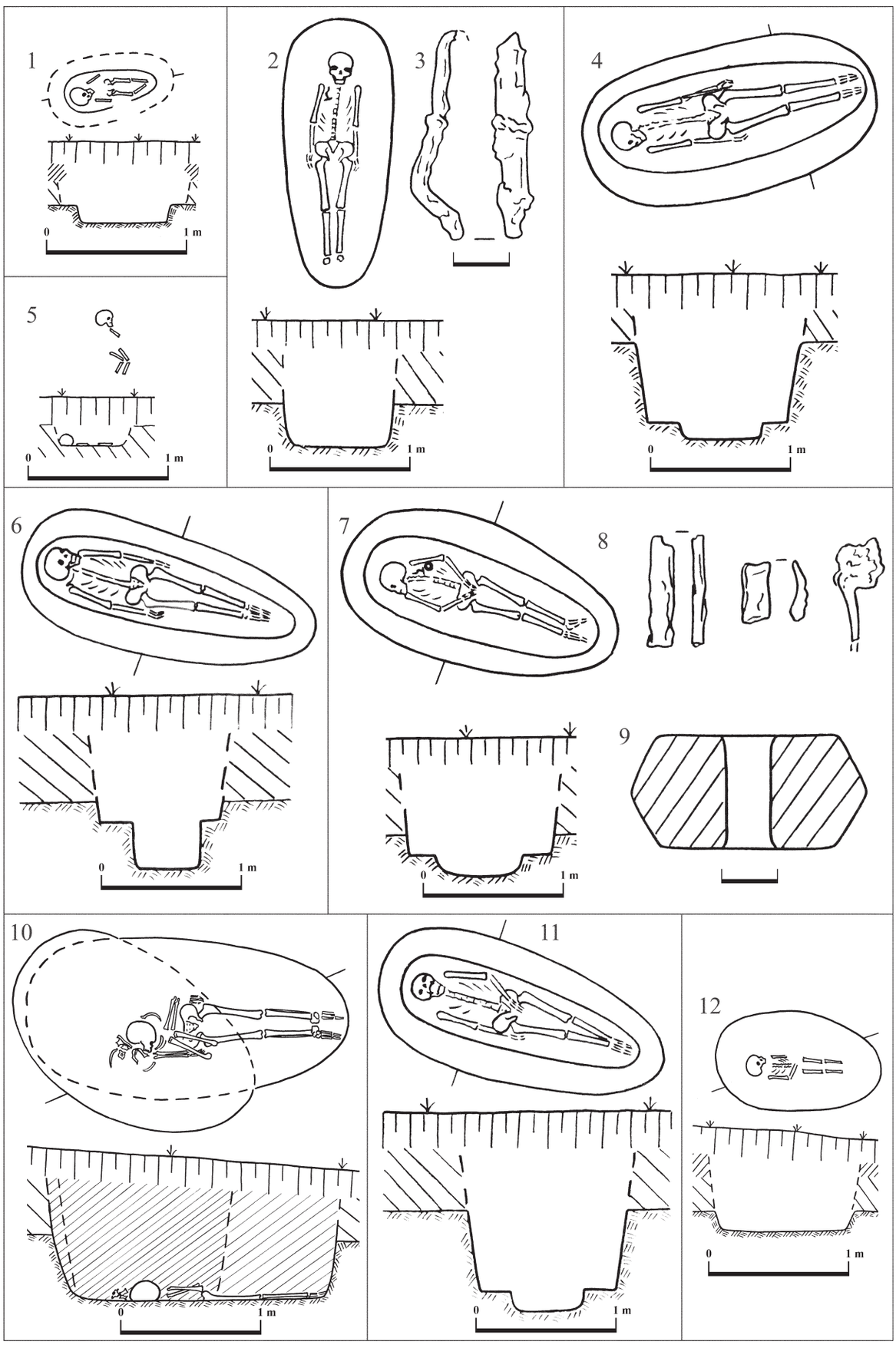


Рис. 8.

Могильник Боромля-I. ***1*** *– погребение № 14;* ***2, 3*** *– погребение № 15;* ***4*** *– погребение № 16;* ***5*** *– погребение № 17;* ***6*** *– погребение № 23;* ***7–9*** *– погребение № 19;* ***10*** *– погребение № 20;* ***11*** *– погребение № 21;* ***12*** *– погребение № 18*

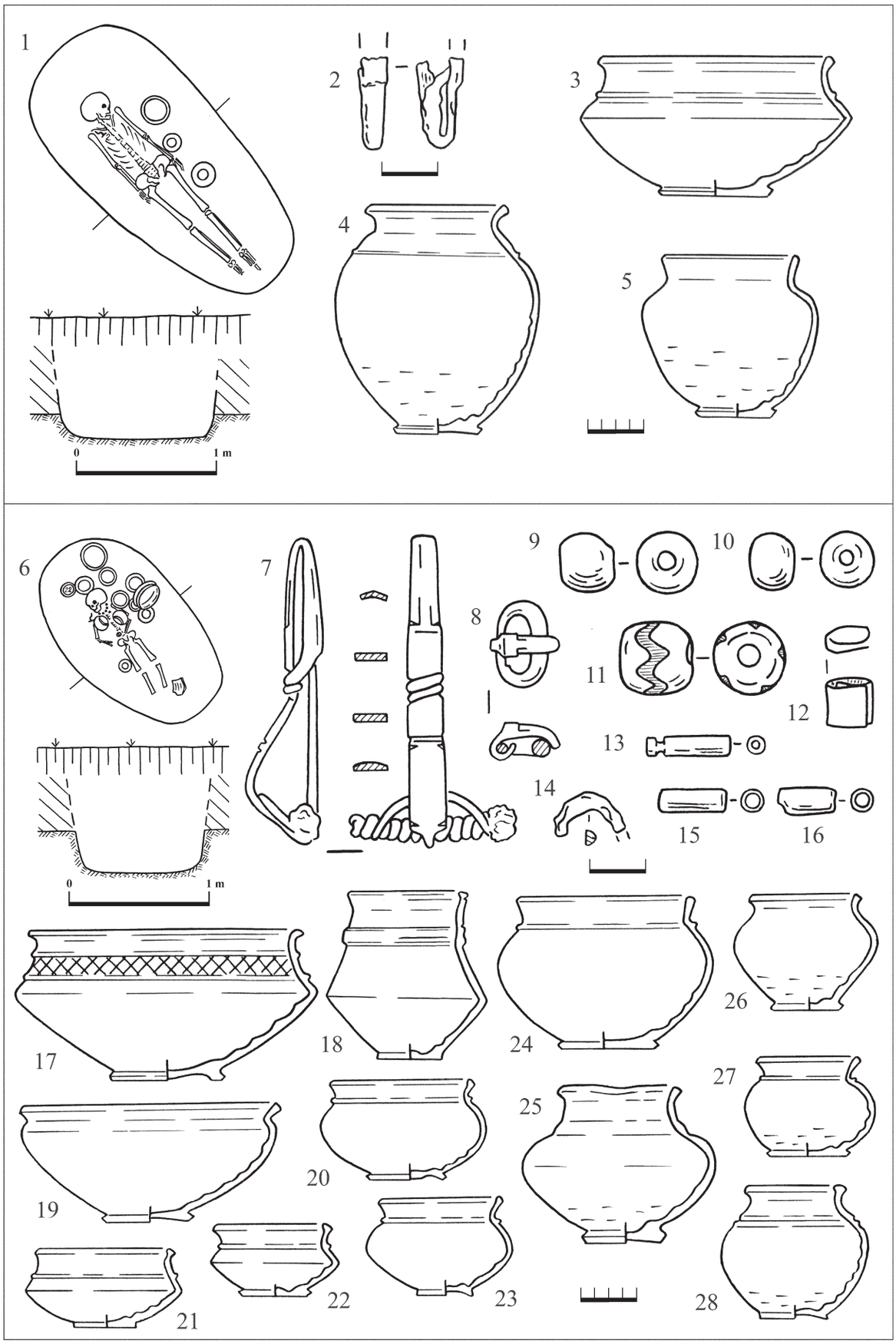


Рис. 9.
Могильник Боромля-I. ***1–5*** *– погребение № 22;* ***6–28*** *– погребение № 24*

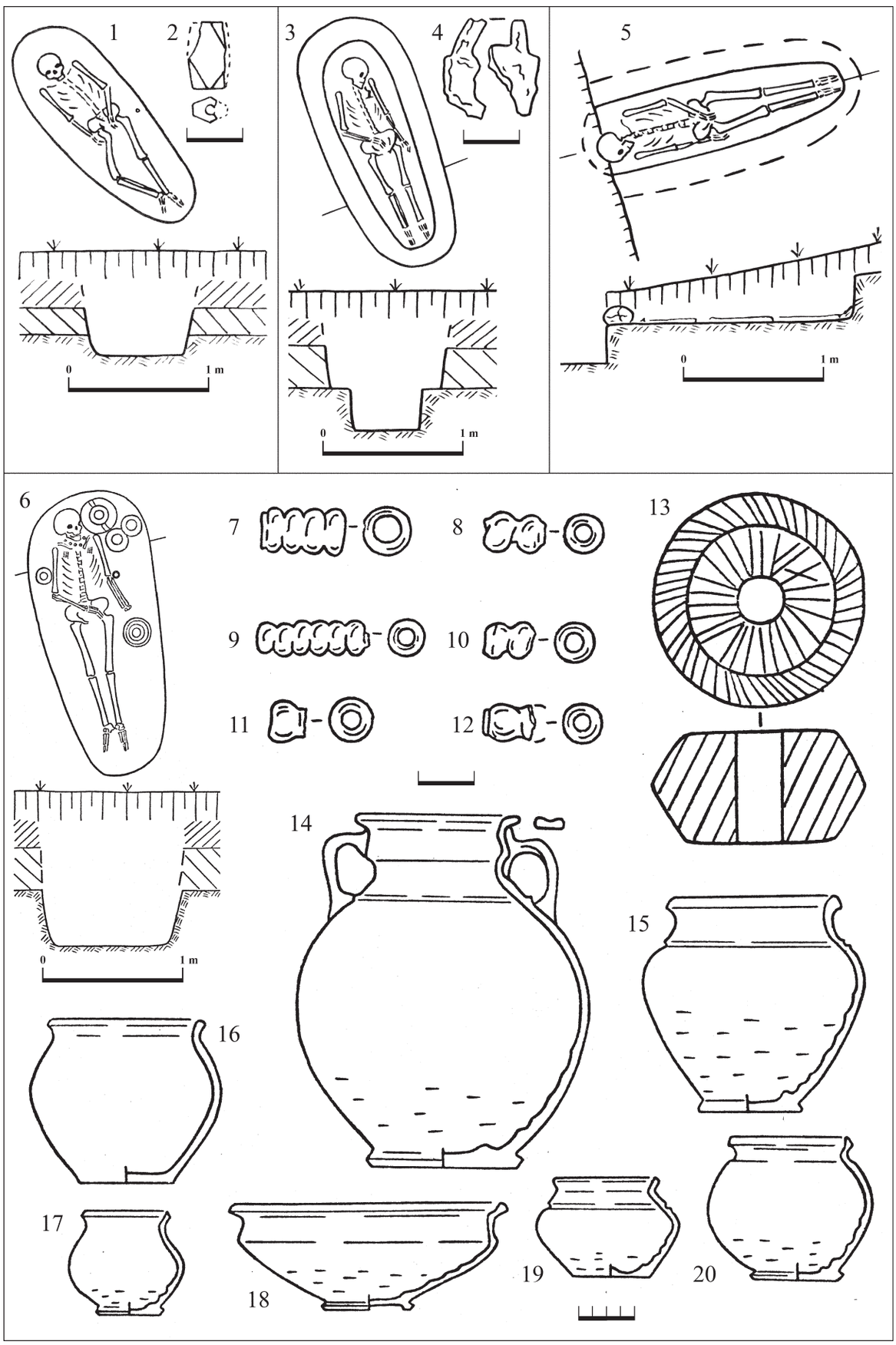


Рис. 10.
Могильник Боромля-I:.***1, 2*** *– погребение № 25;* ***3, 4*** *– погребение № 28;* ***5*** *– погребение № 26;* ***6–20*** *– погребение № 27*

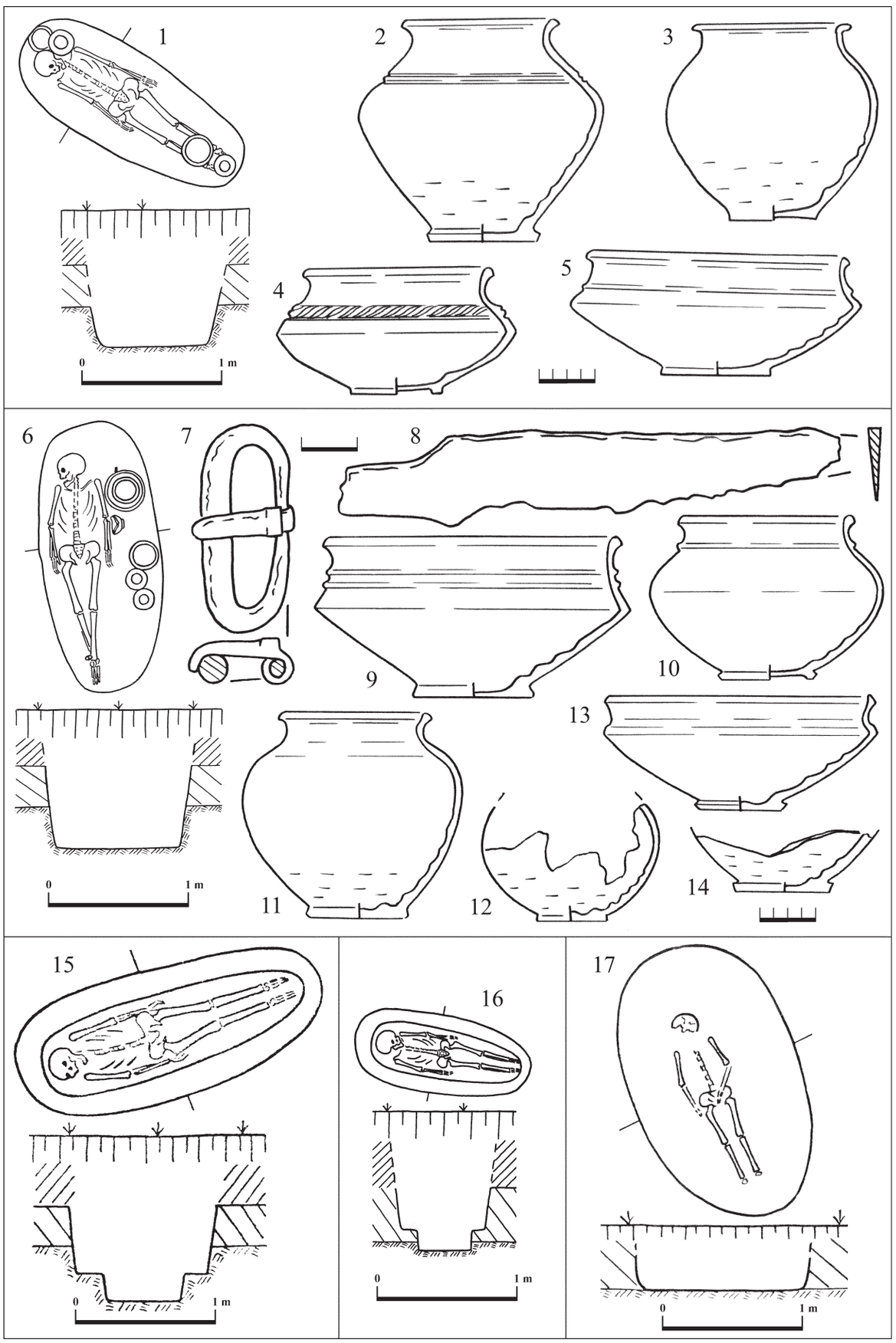


Рис. 11.
Могильник Боромля-I. ***1–5*** *– погребение № 29;* ***6–14*** *– погребение № 30;* ***15*** *– погребение № 31;* ***16*** *– погребение № 32;* ***17*** *– погребение № 34*

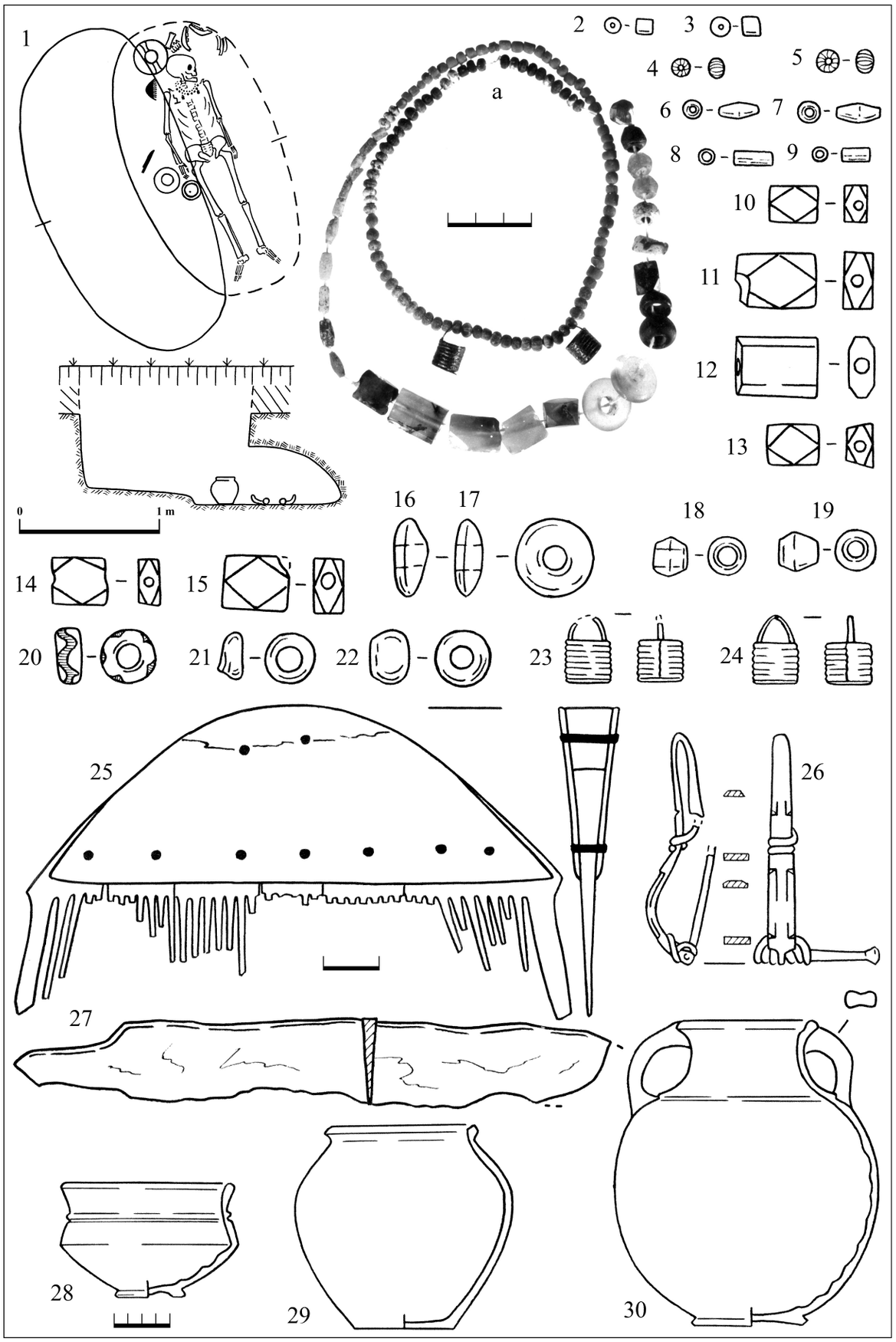


Рис. 12.
Могильник Боромля-I. ***1–30*** *– погребение № 33*

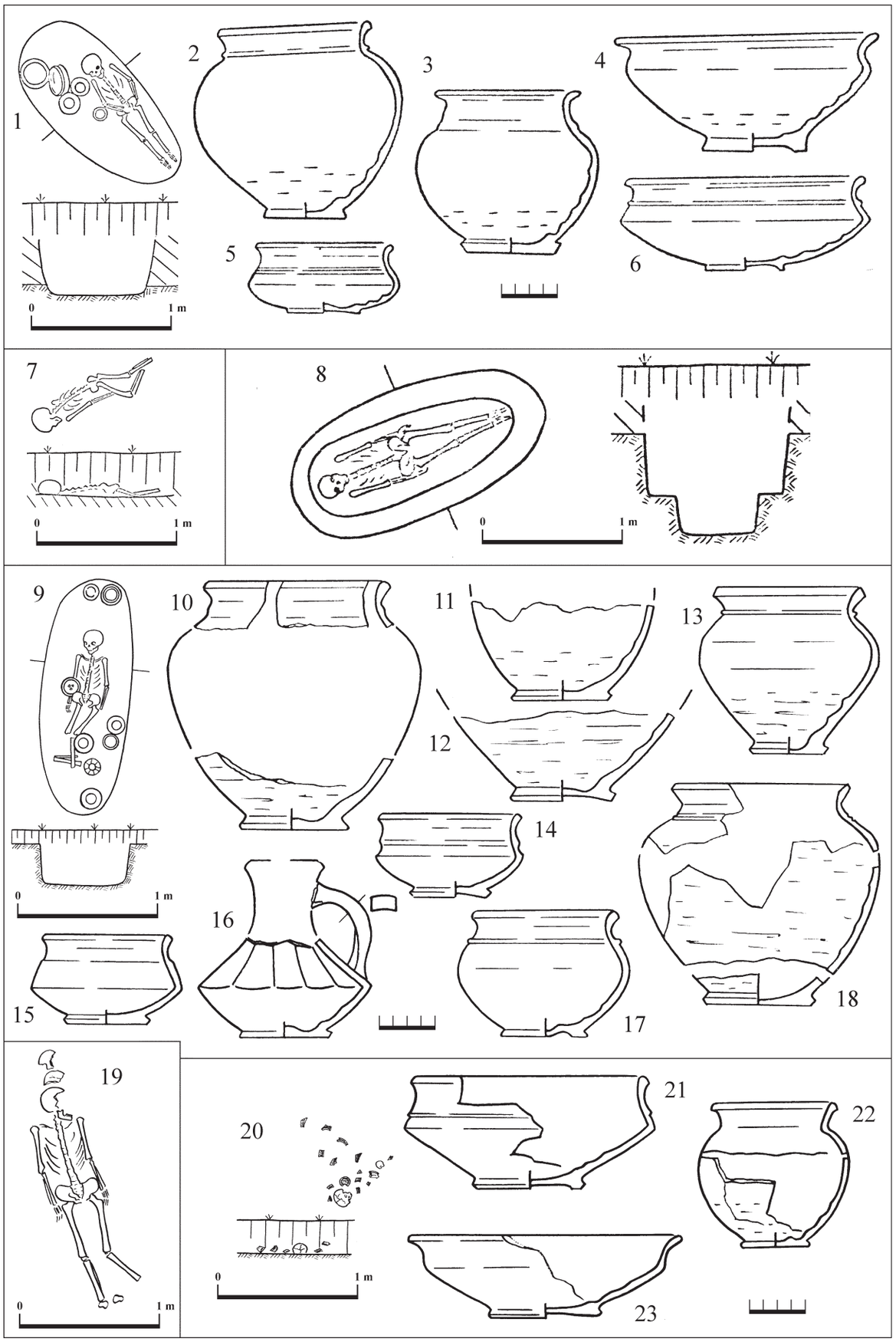


Рис. 13.
Могильник Боромля-I. ***1–6*** *– погребение № 35;* ***7*** *– погребение № 36;* ***8*** *– погребение № 37;* ***9–18*** *– погребение № 38;* ***19*** *– погребение № 41;* ***20–23*** *– погребение № 42*

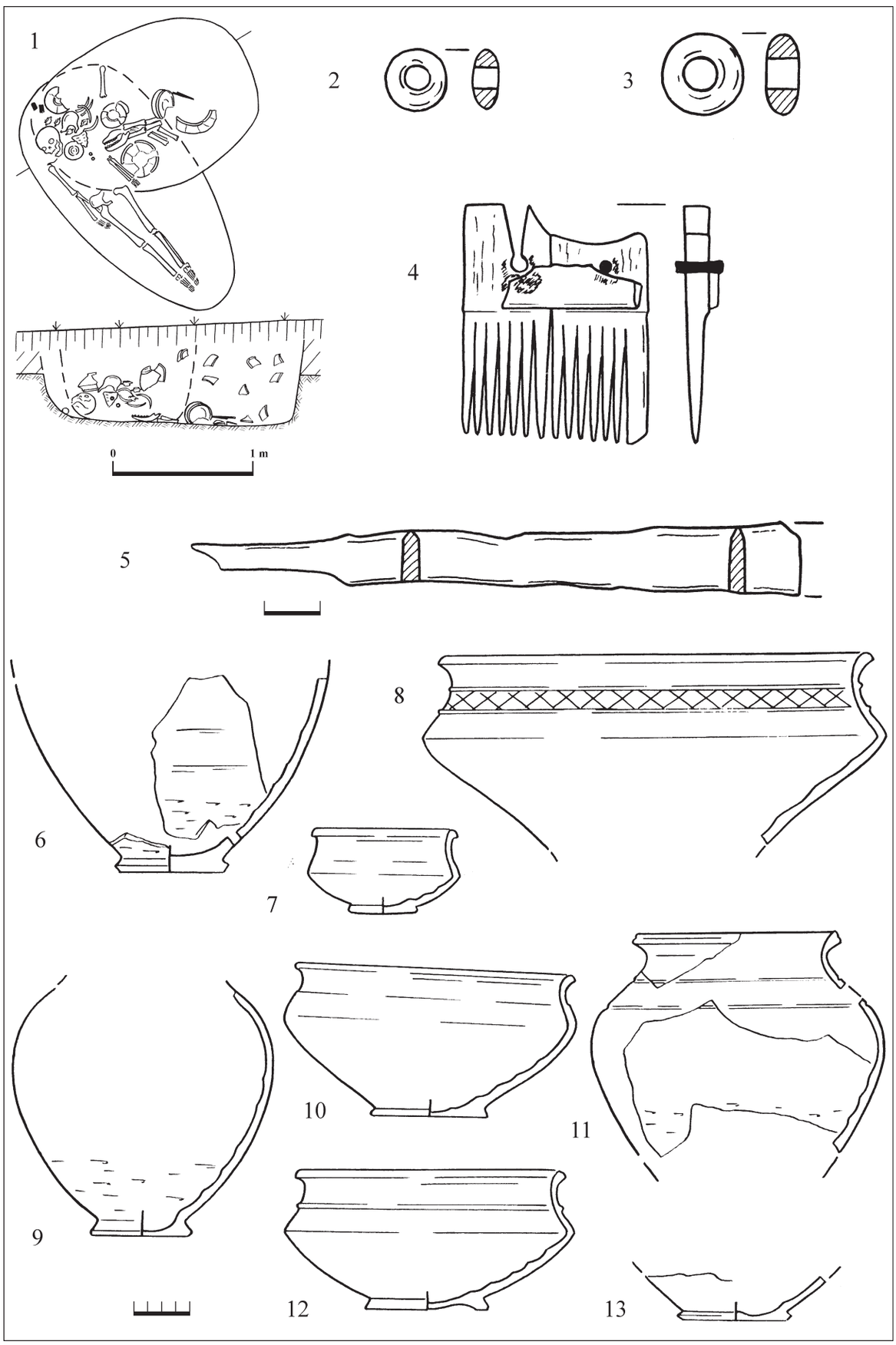


Рис. 14.
Могильник Боромля-I. ***1–13*** *– погребение № 39*

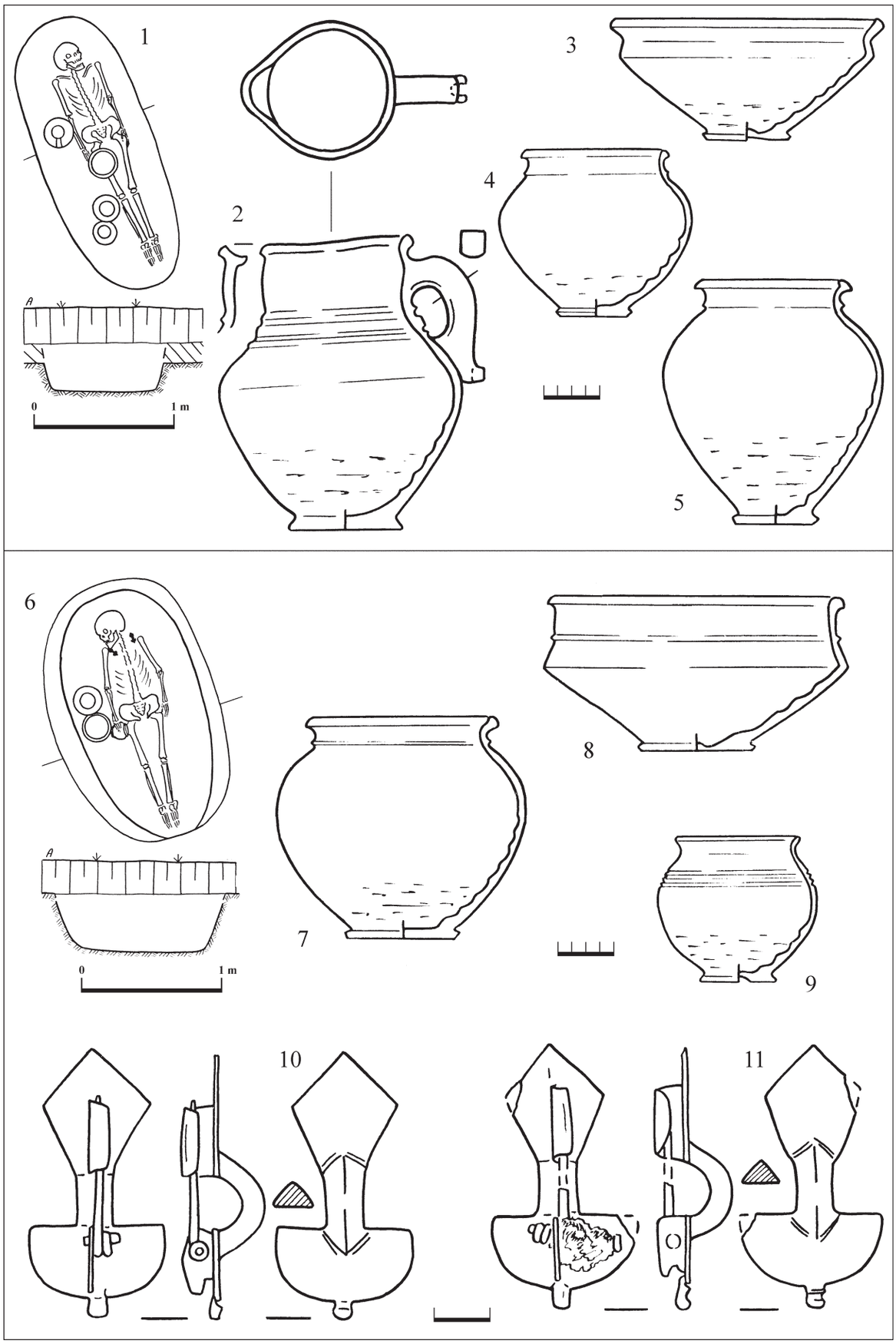


Рис. 15.
Могильник Боромля-I. ***1–5*** *– погребение № 43;* ***6–11*** *– погребение № 44*

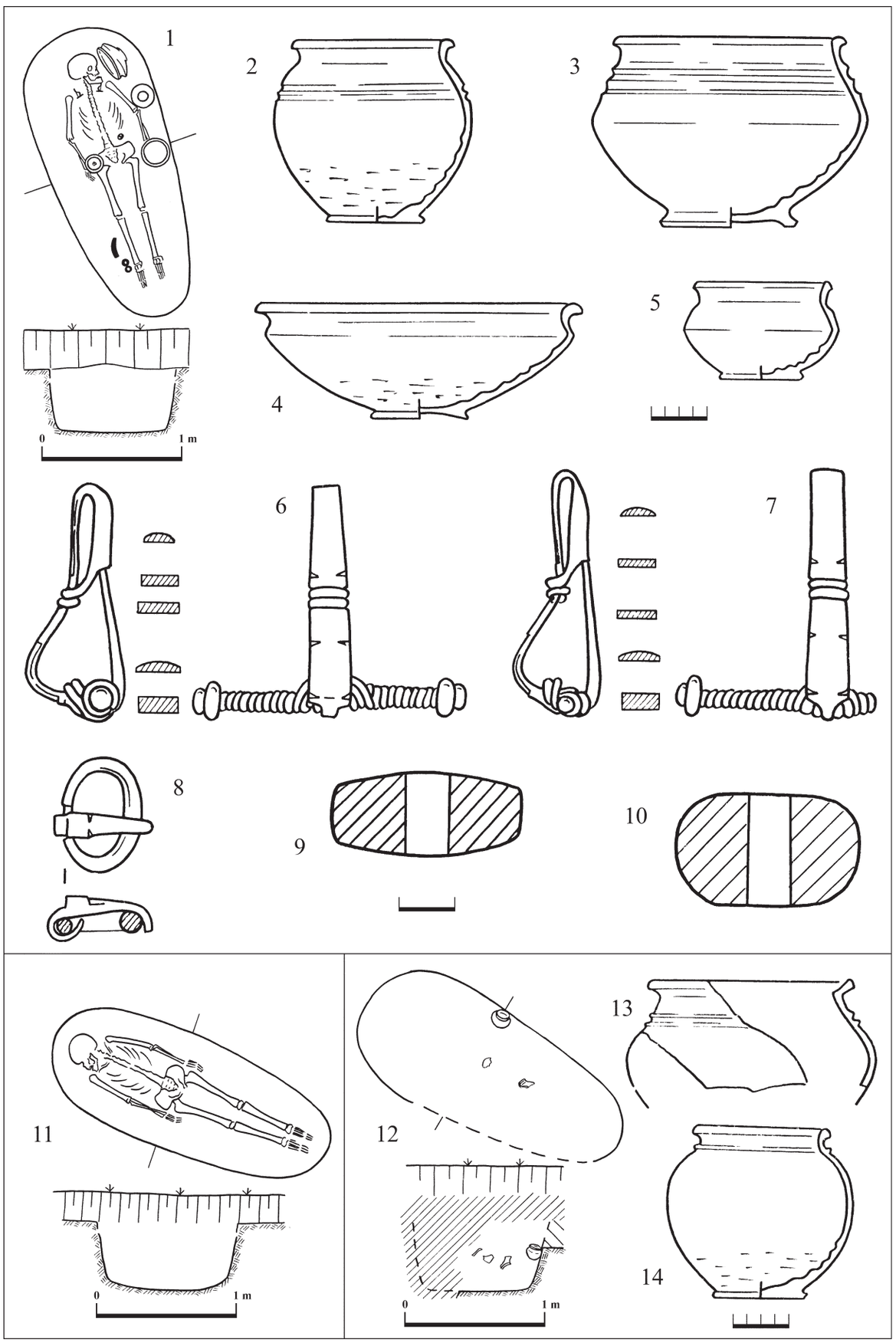


Рис. 16.
Могильник Боромля-I. ***1–10*** *– погребение № 45;* ***11*** *– погребение № 47;* ***12–14*** *– погребение № 48*

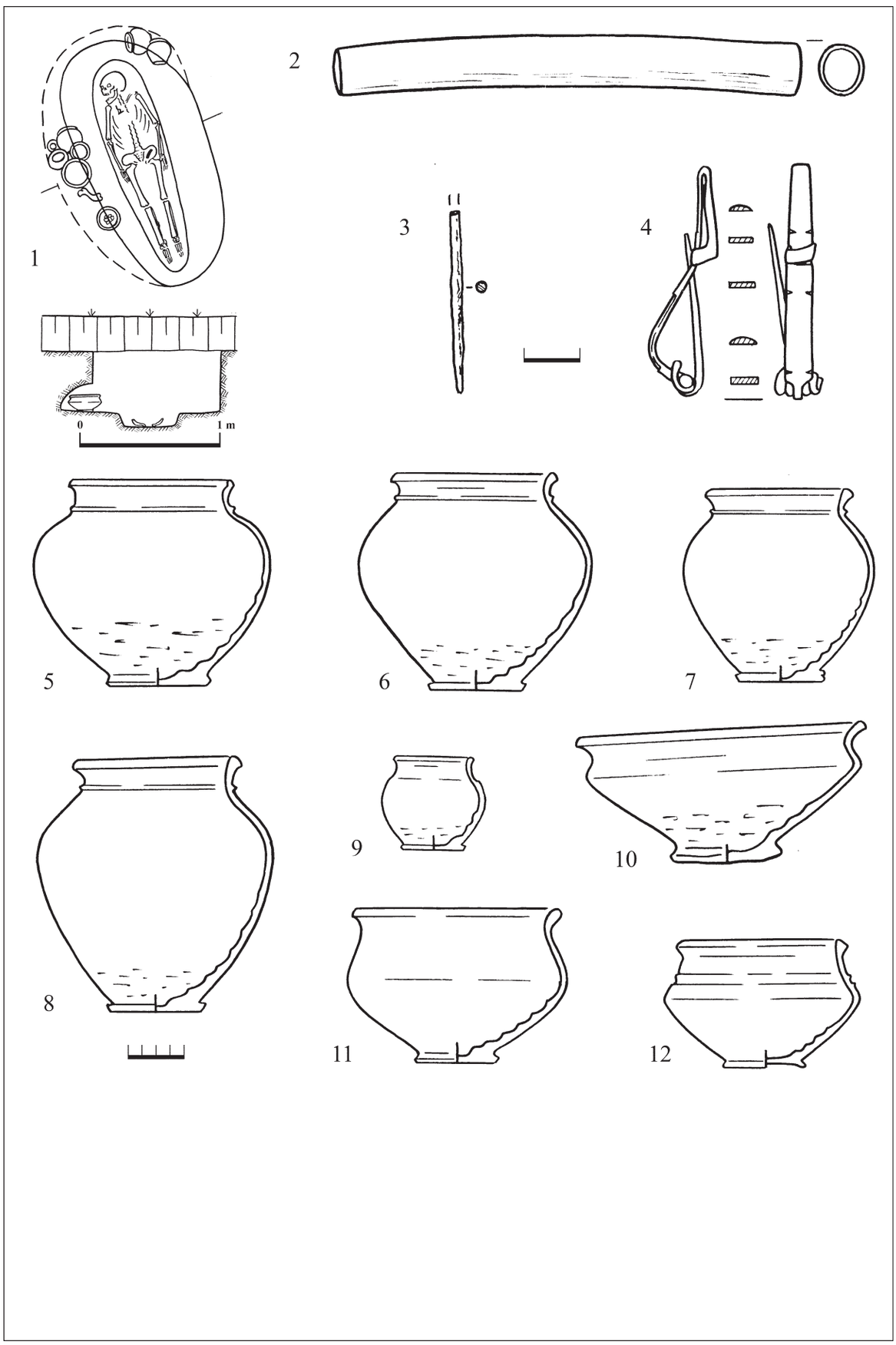


Рис. 17.
Могильник Боромля-I. ***1–12*** *– погребение № 46*

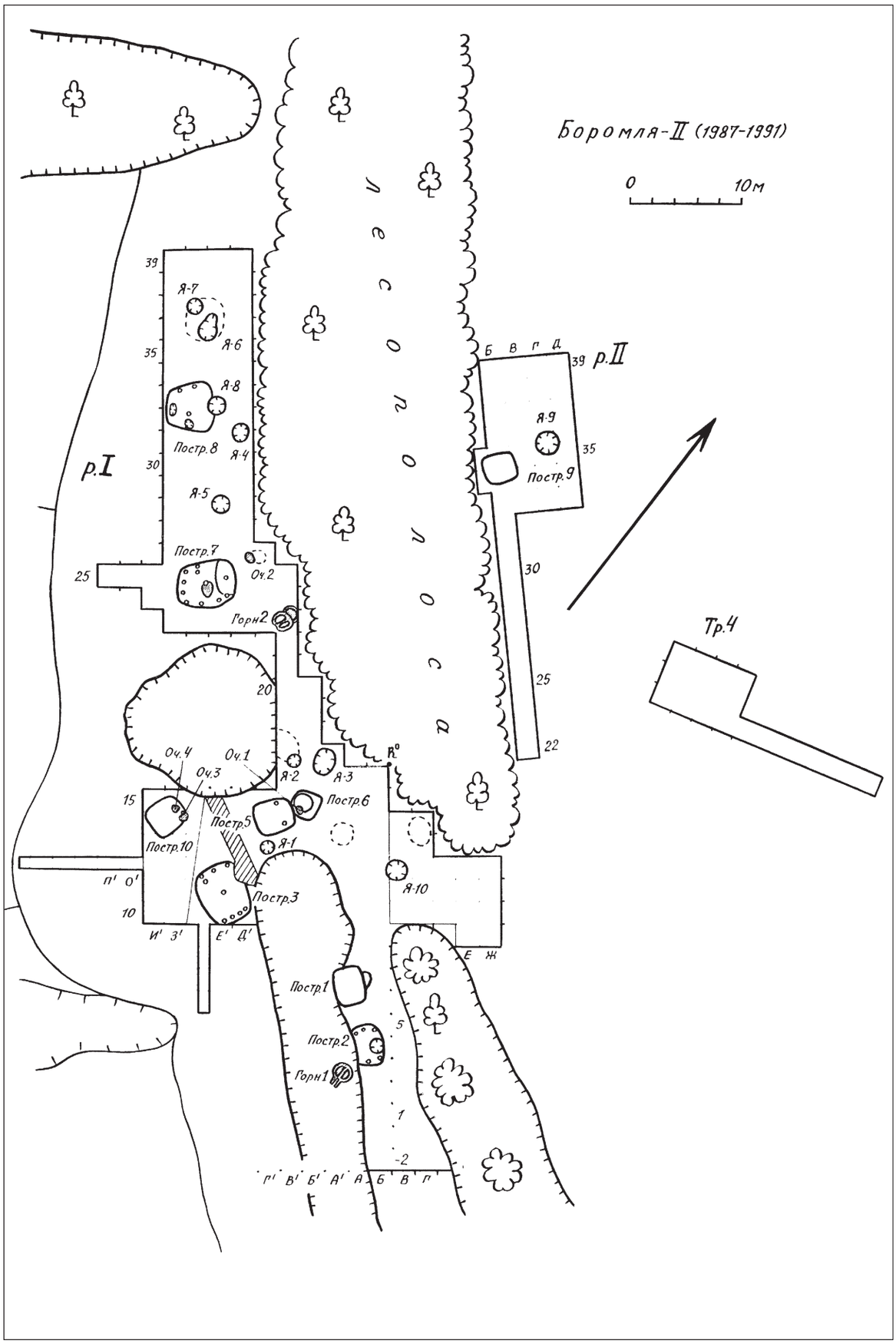


Рис. 18.
Поселение Боромля-II, план раскопов

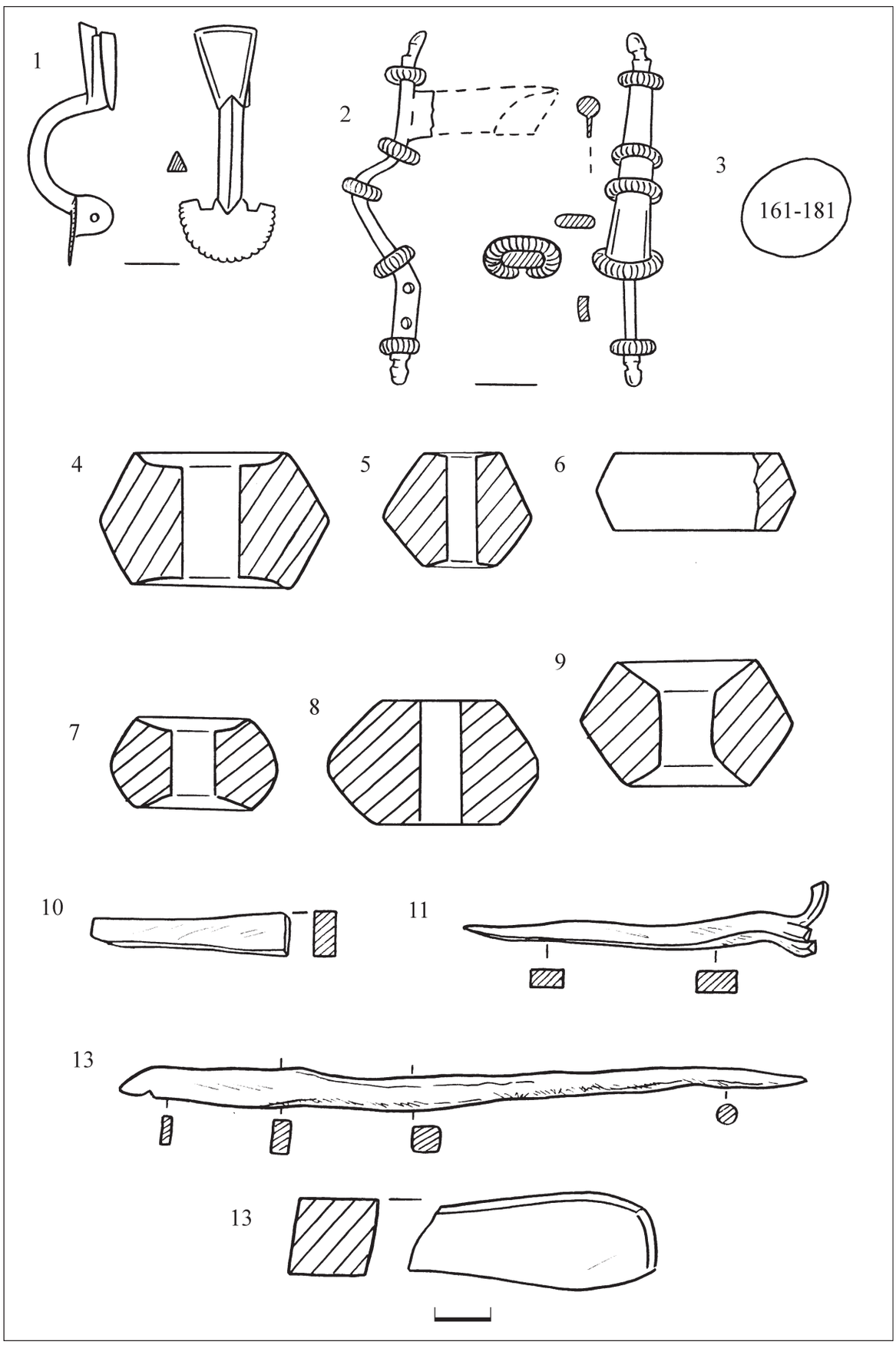


Рис. 19.
Поселение Боромля-II. ***1–13*** *– находки из слоя*

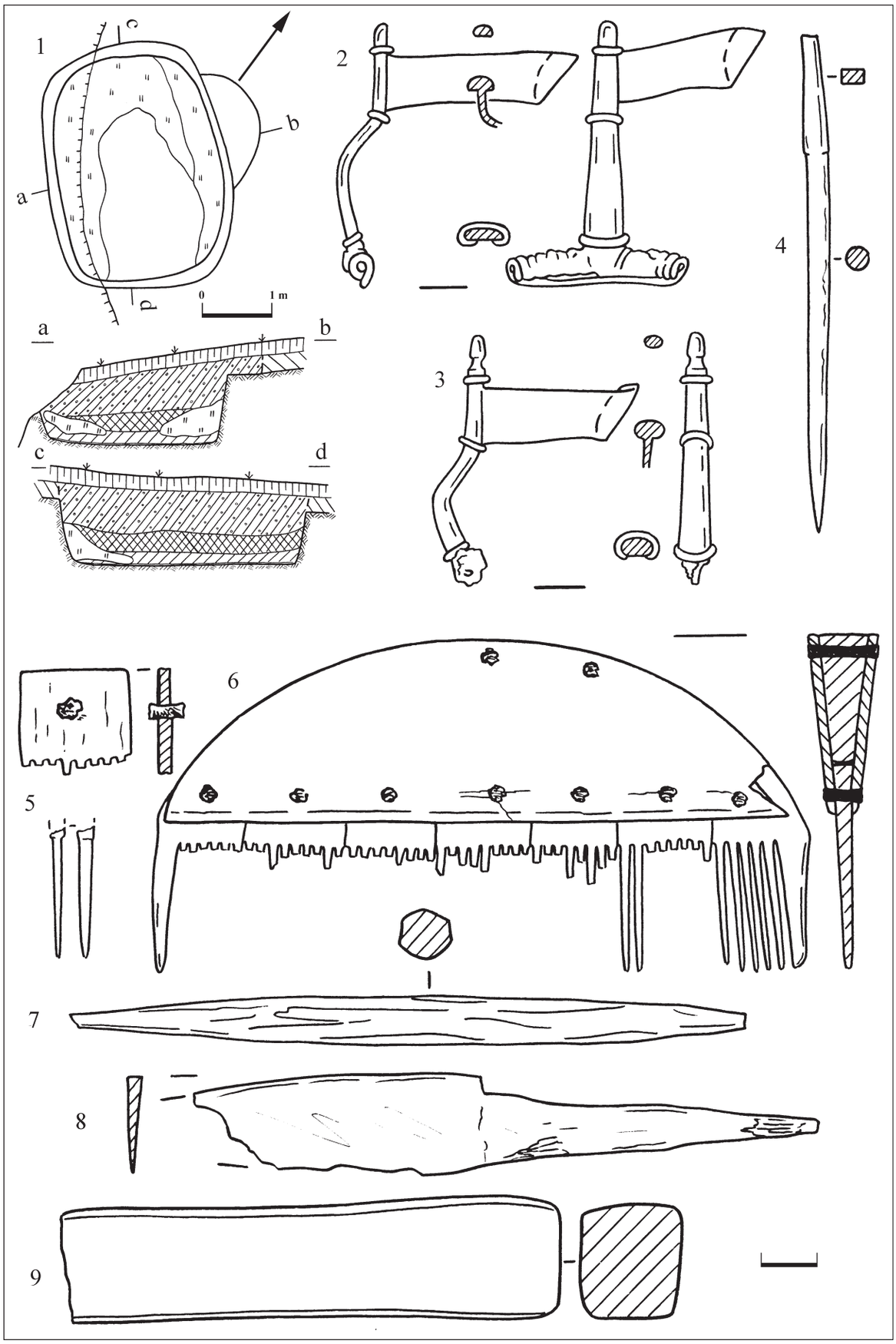


Рис. 20.
Поселение Боромля-II. ***1–9*** *– постройка № 1*

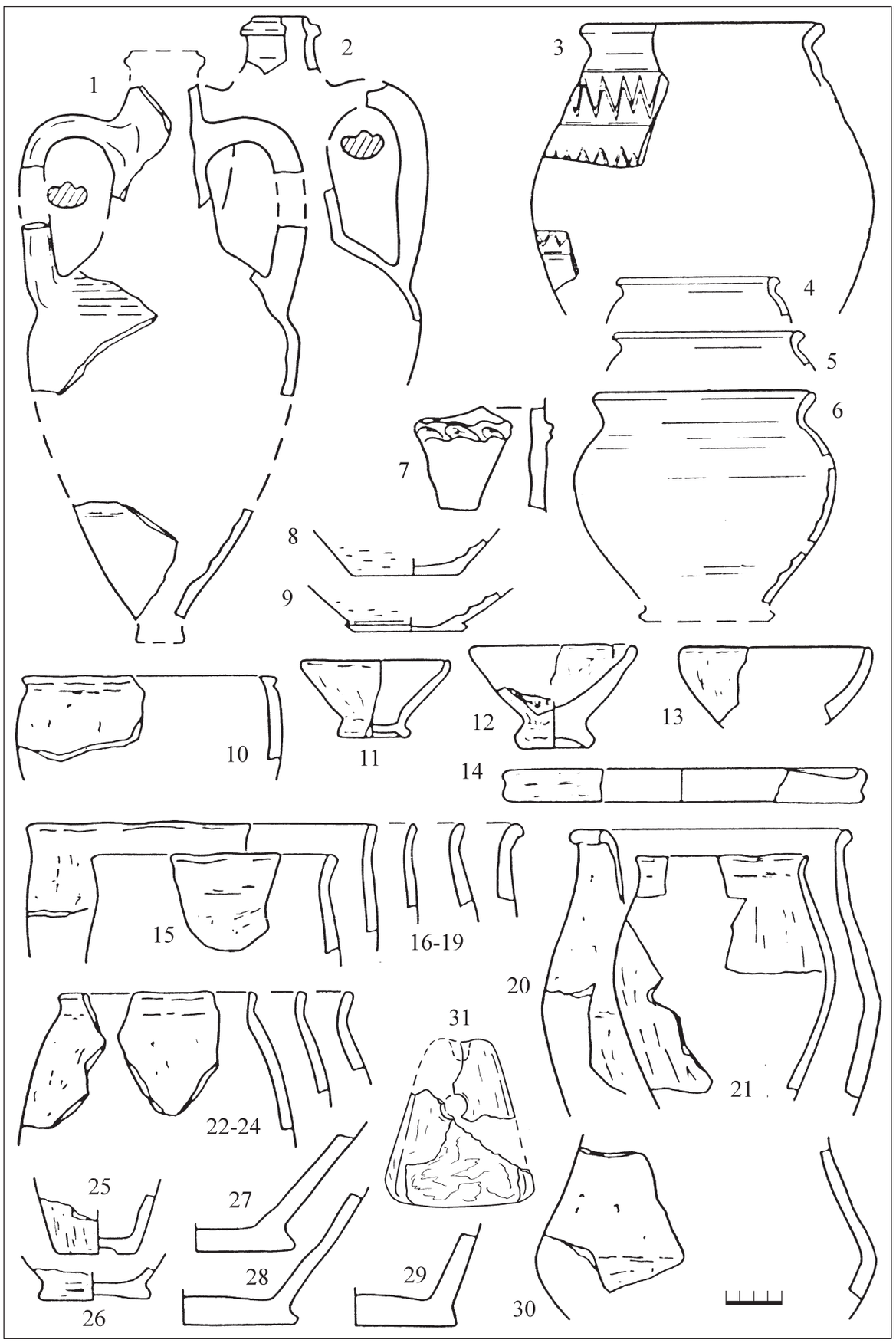


Рис. 21.
Поселение Боромля-II. ***1–30*** *– постройка № 1*

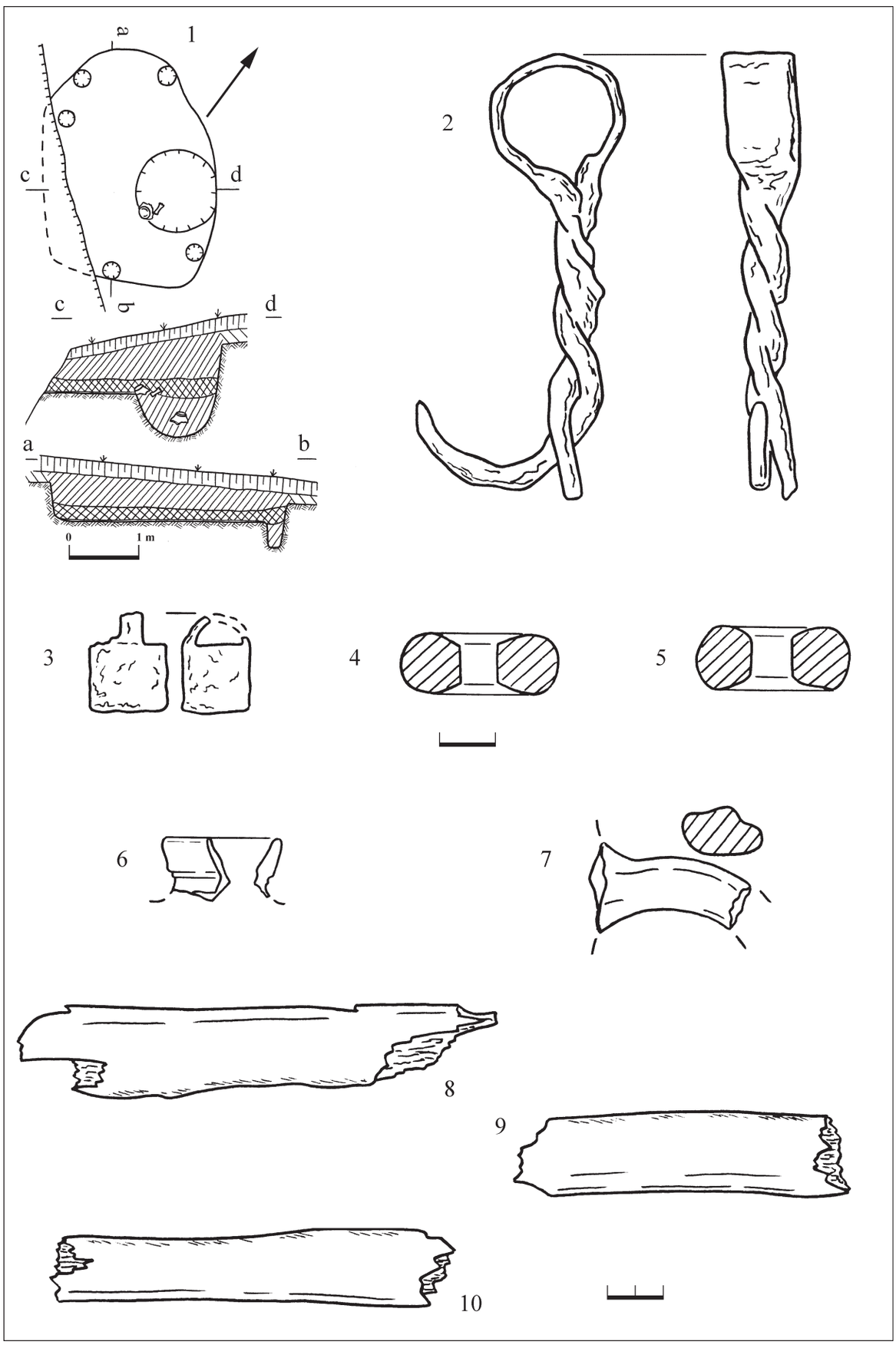


Рис. 22.
Поселение Боромля-II. ***1–10*** *– постройка № 2*

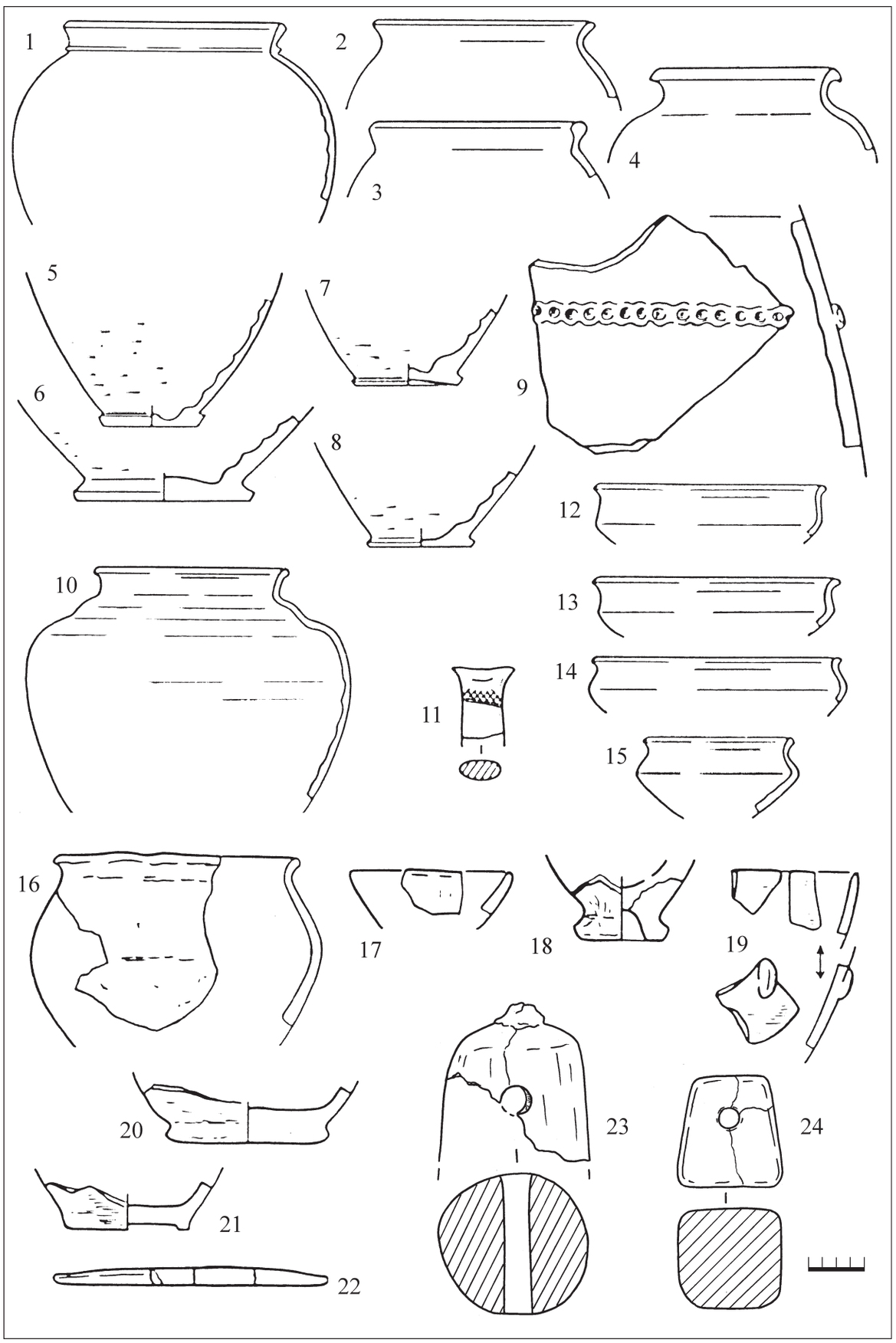


Рис. 23.
Поселение Боромля-II. ***1–24*** *– постройка № 2*

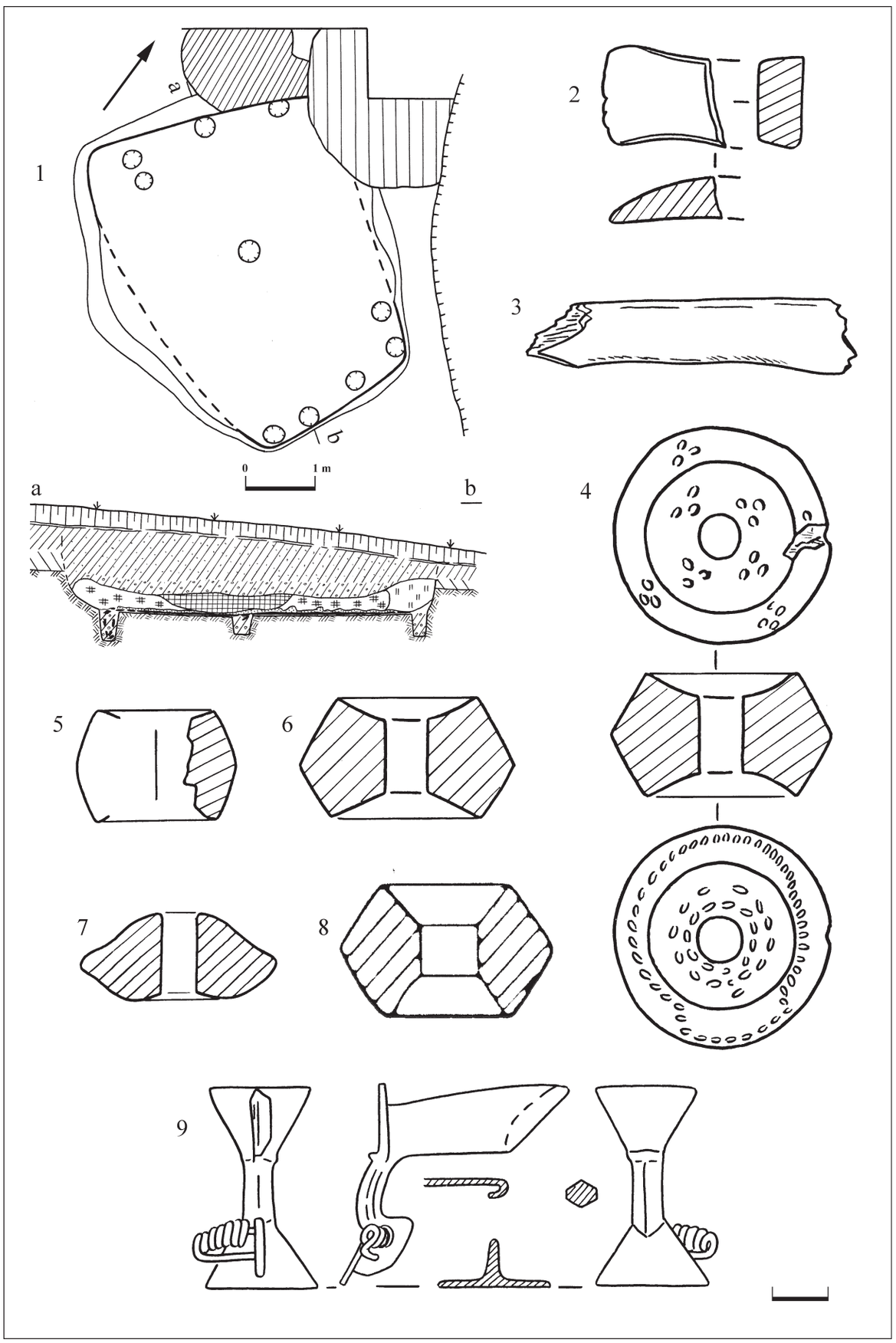


Рис. 24.
Поселение Боромля-II. ***1–9*** *– жилище № 3*

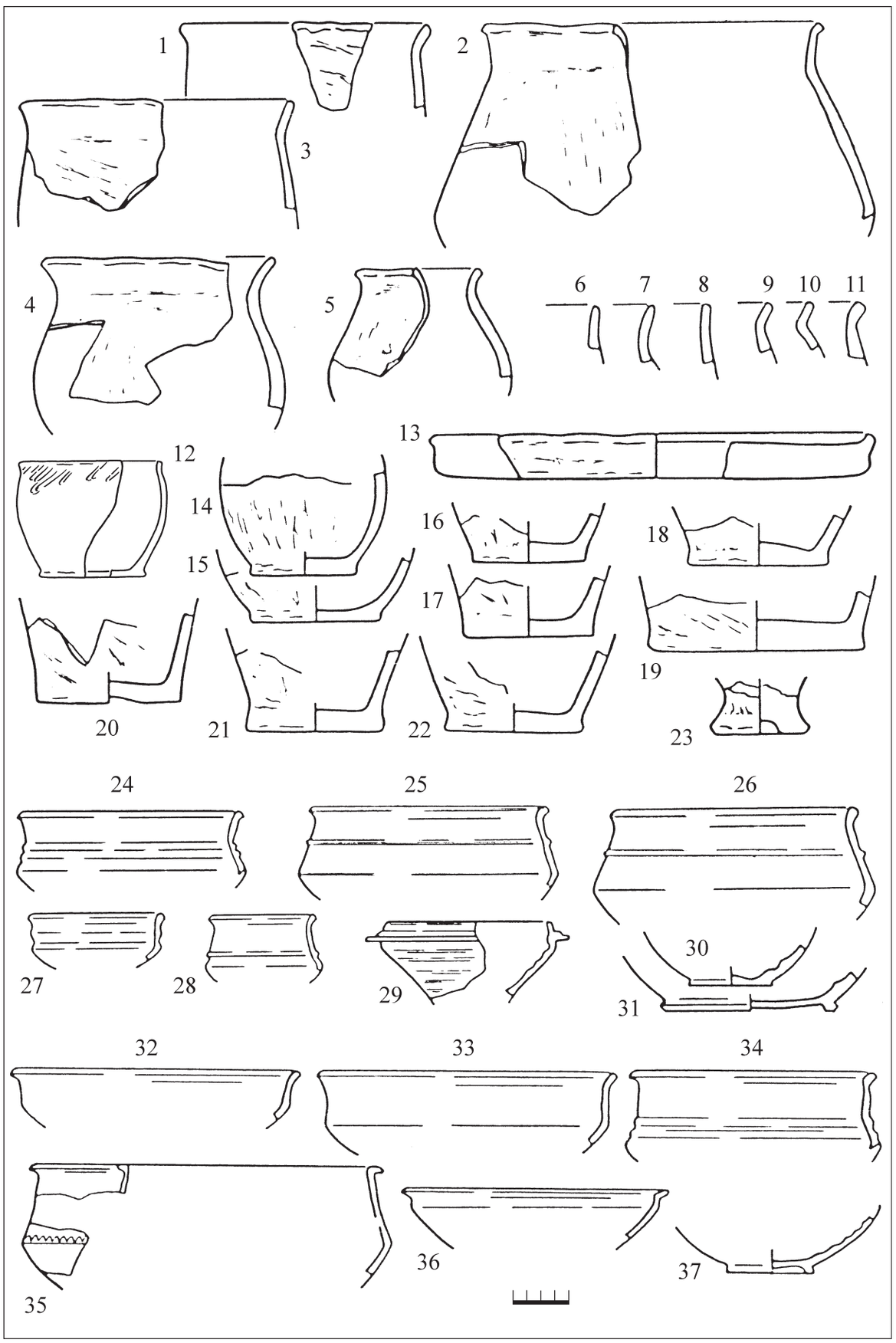


Рис. 25.
Поселение Боромля-II. ***1–37*** *– жилище № 3*

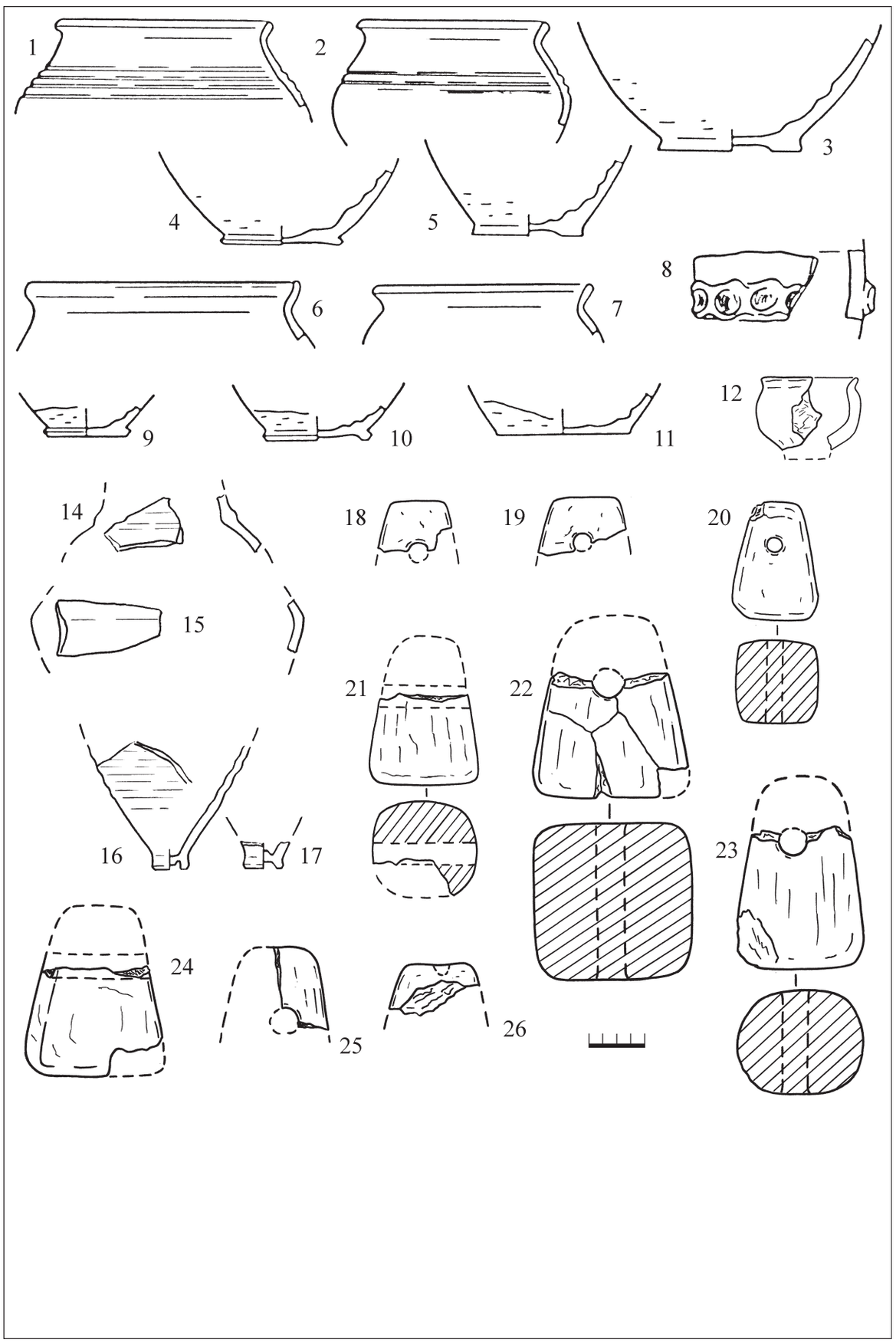


Рис. 26.
Поселение Боромля-II. ***1–26*** *– жилище № 3*

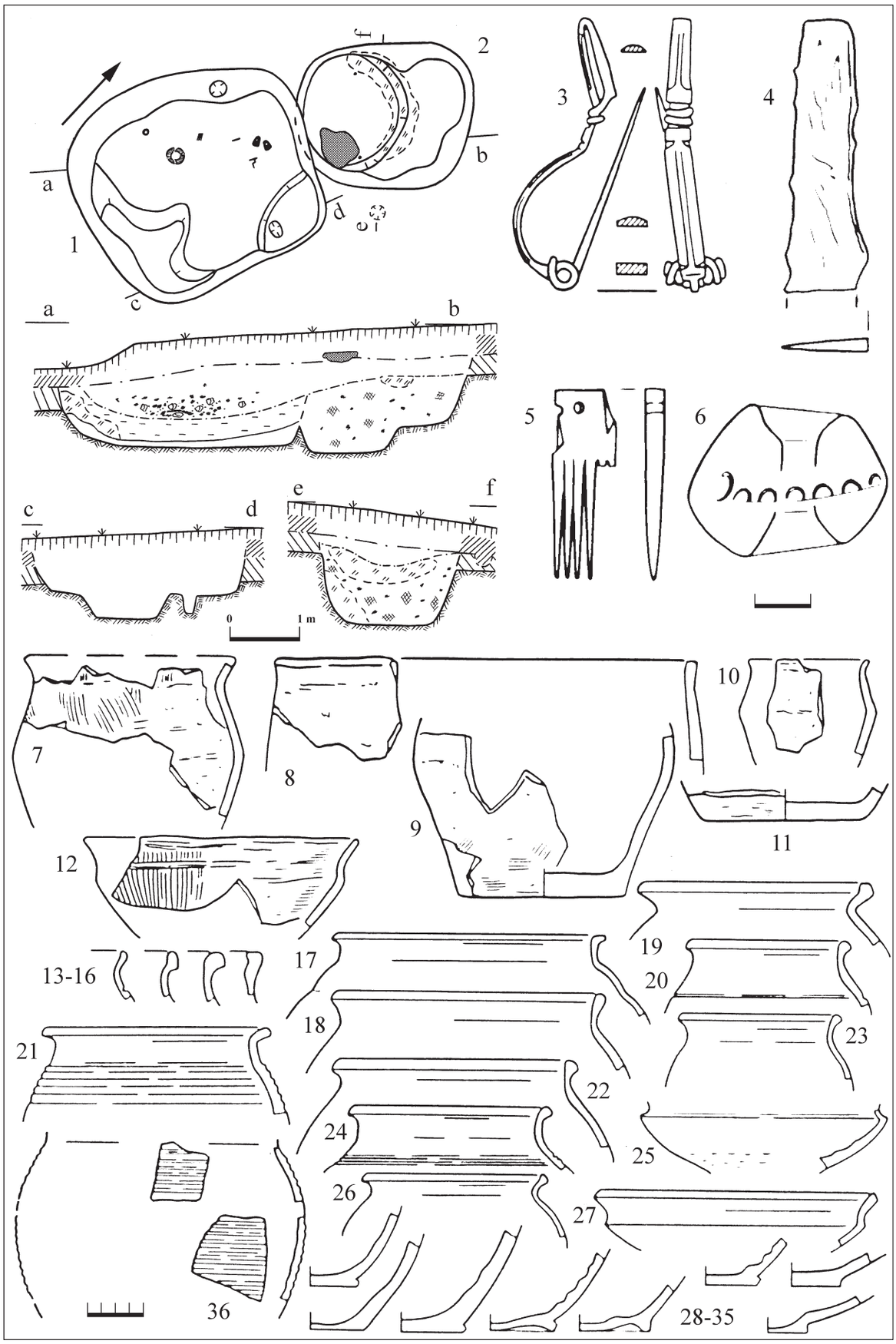


Рис. 27.
Поселение Боромля-II. ***1, 3–36*** *– постройка № 5;* ***2*** *– постройка № 6, «рабочая площадка» с очагом № 1*

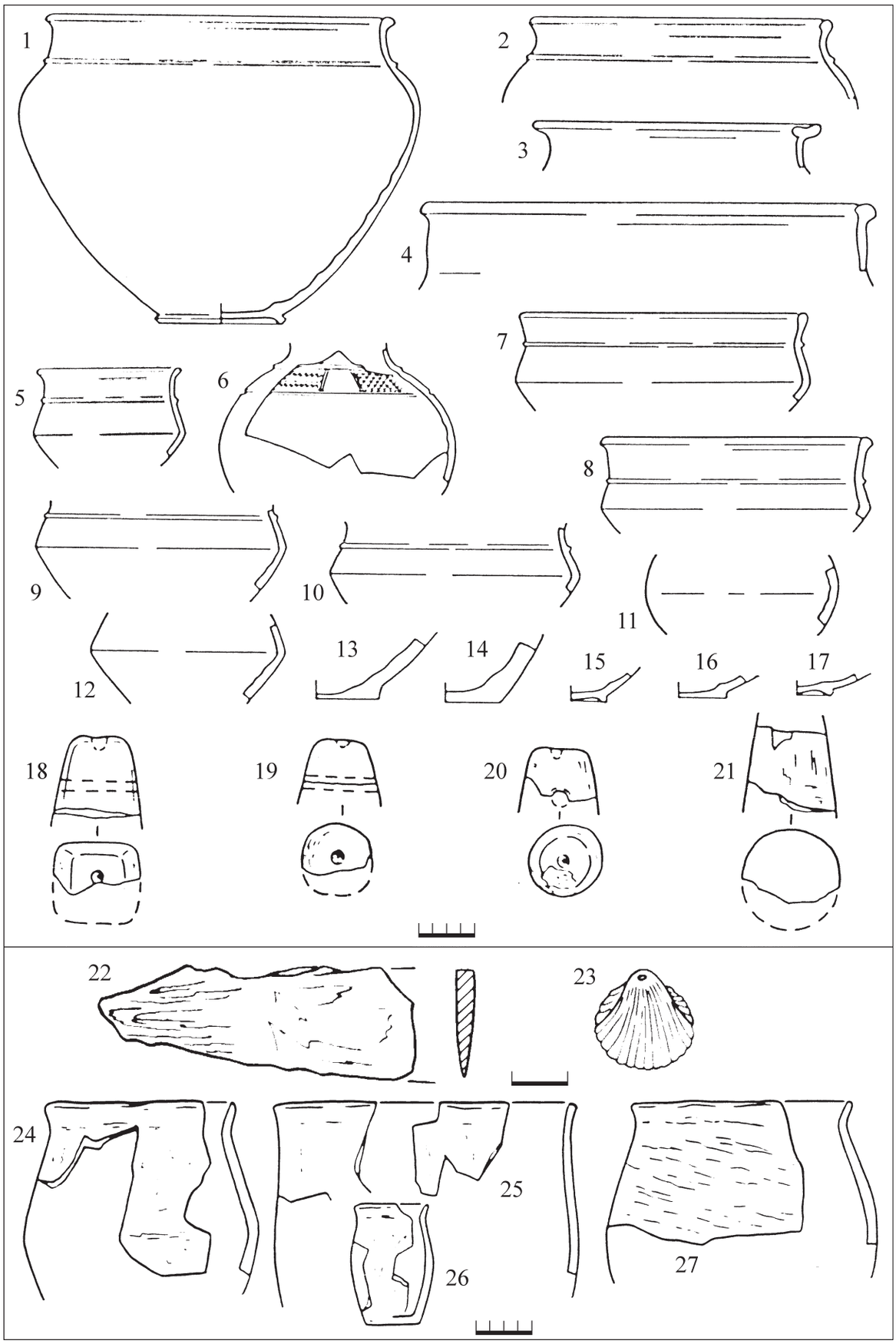


Рис. 28.
Поселение Боромля-II: ***1–21*** *– постройка № 5;* ***22–27*** *– постройка № 6*

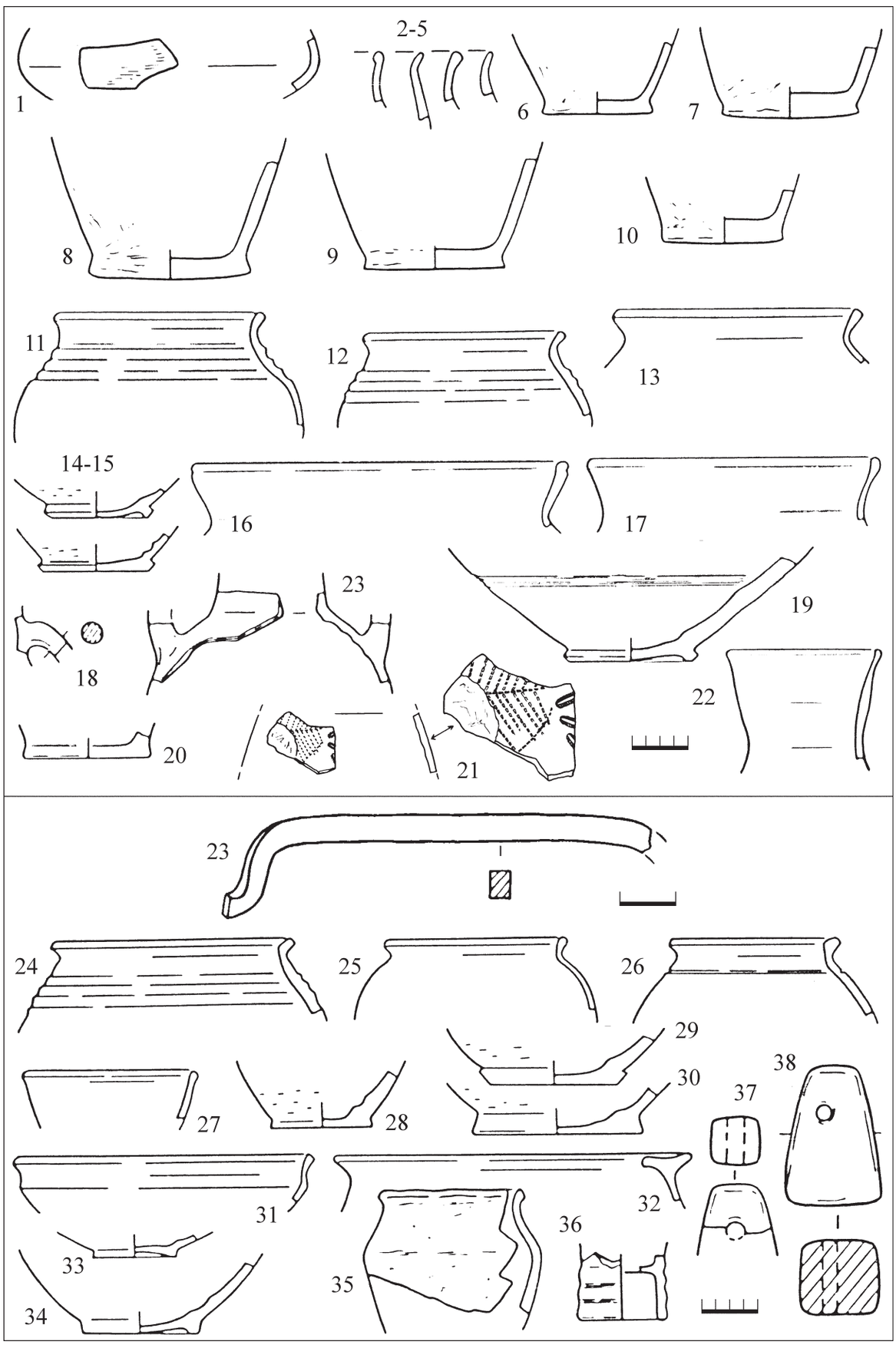


Рис. 29.
Поселение Боромля-II: **1–22** – постройка № 6; **23–38** – «рабочая площадка» с очагом № 1

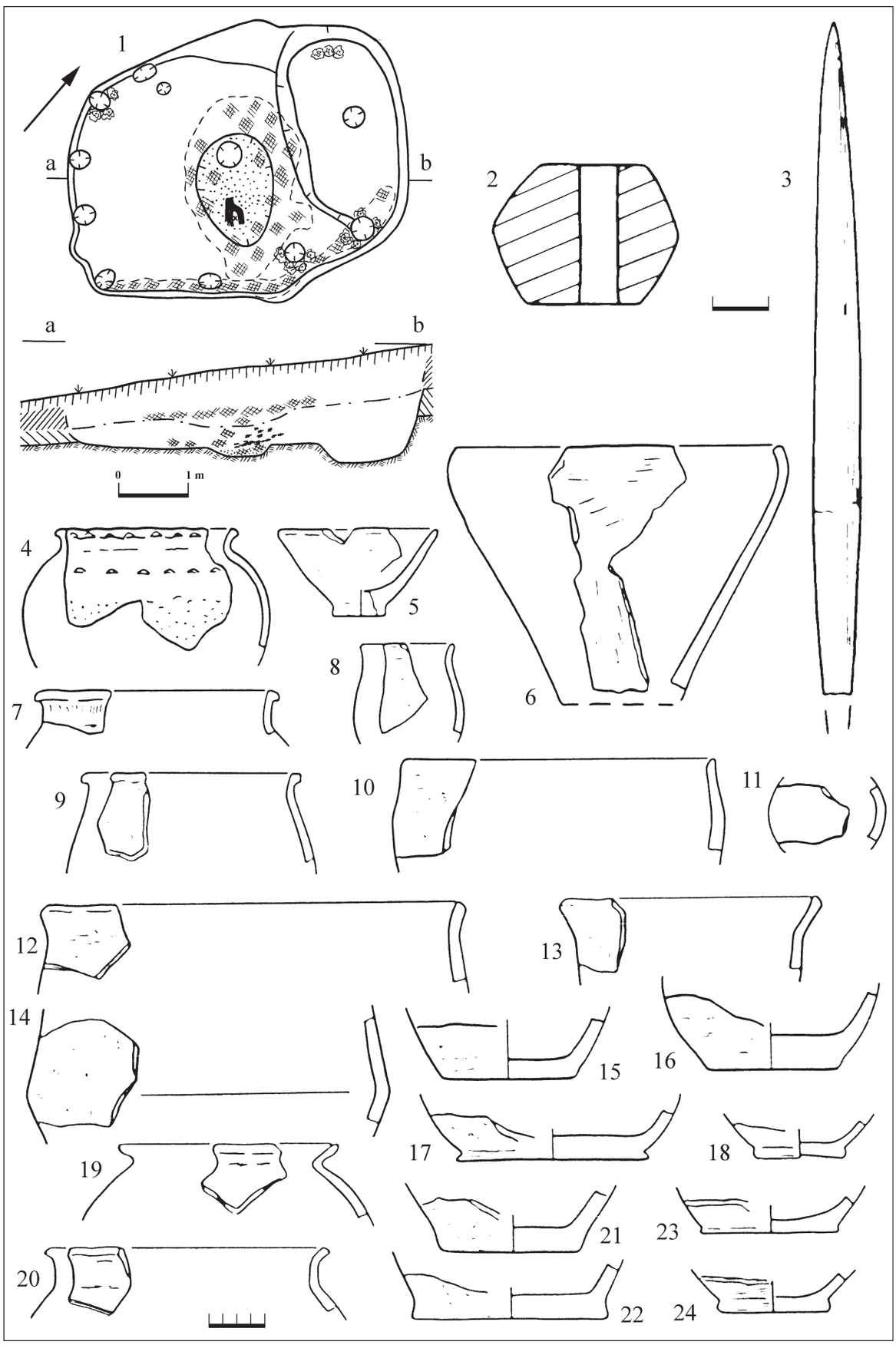


Рис. 30.
Поселение Боромля-II. ***1–24*** *– жилище № 7*

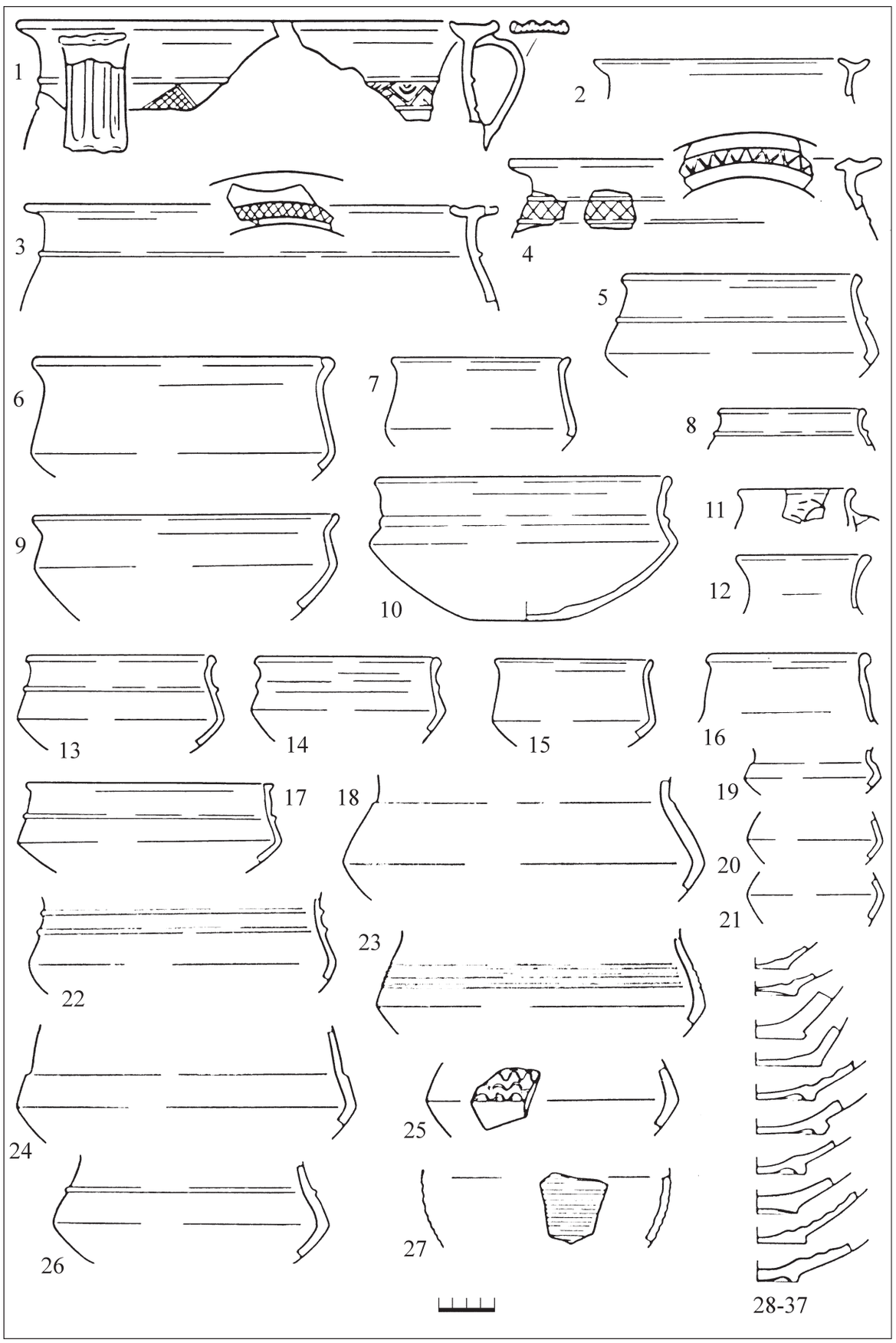


Рис. 31.
Поселение Боромля-II: ***1–37*** *– жилище № 7*

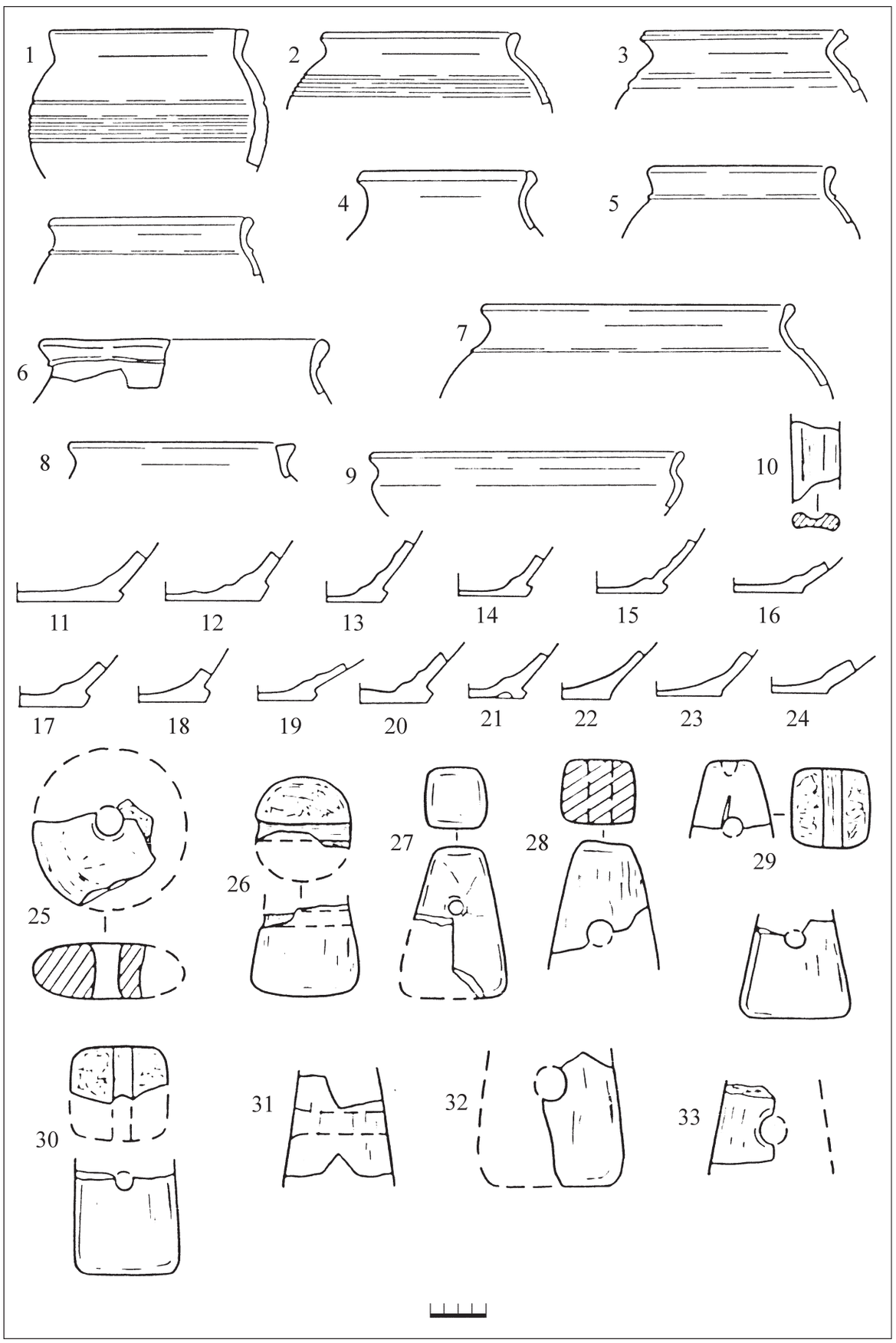


Рис. 32.
Поселение Боромля-II. ***1–33*** *– жилище № 7*

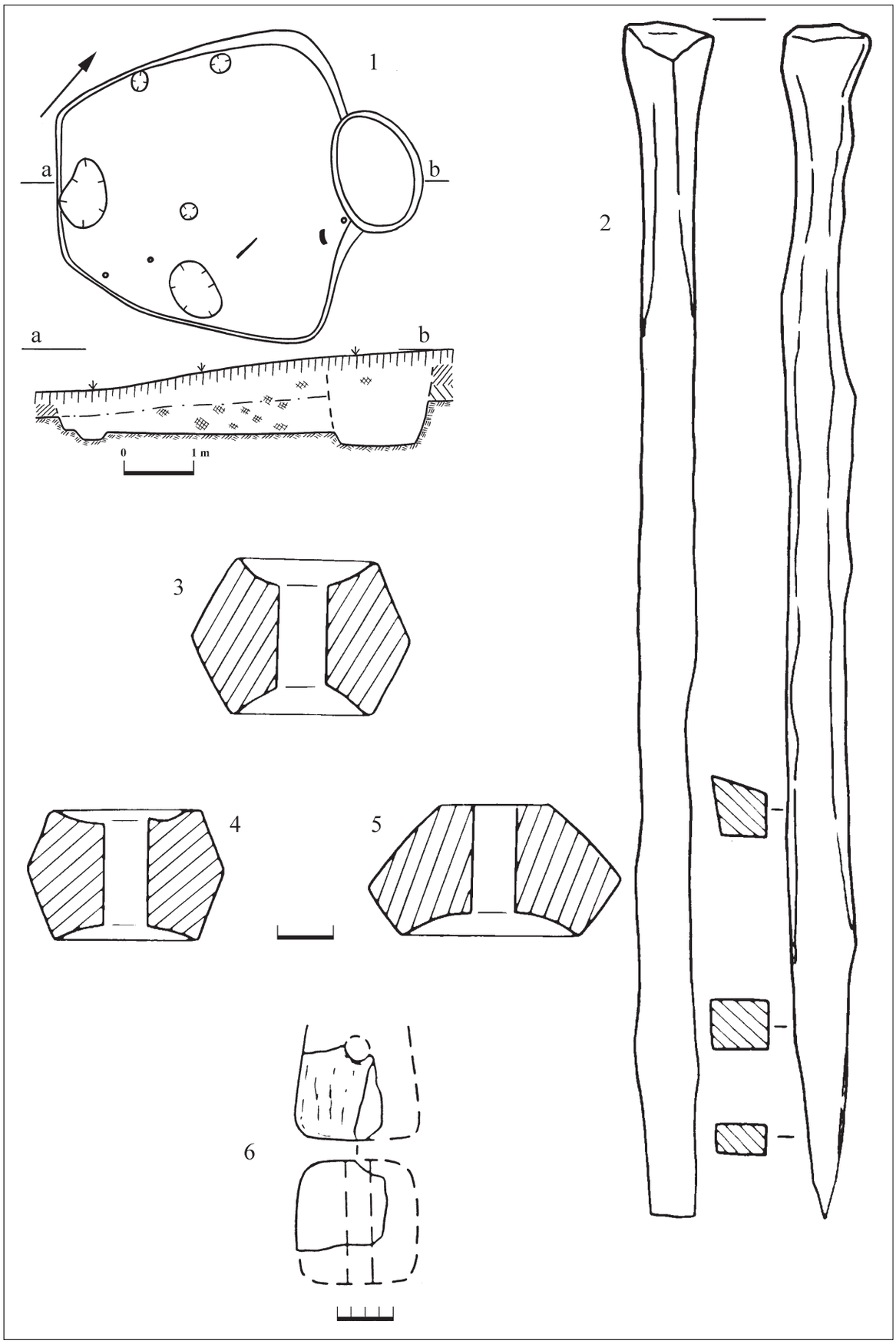


Рис. 33.
Поселение Боромля-II. ***1*** *– постройка № 8, яма № 8;* ***2–6*** *– постройка № 8*

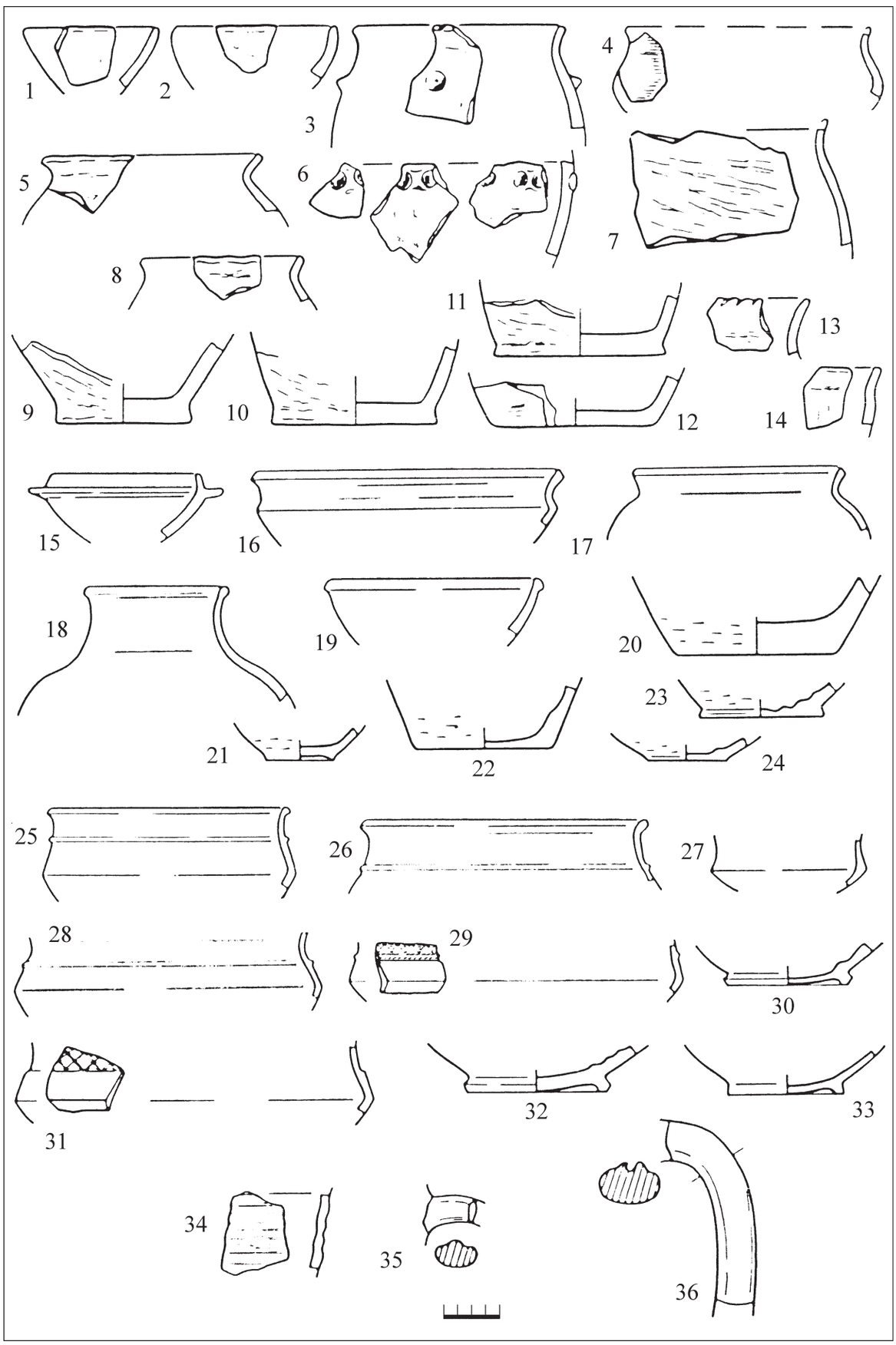


Рис. 34.
Поселение Боромля-II. ***1–36*** *– постройка № 8*

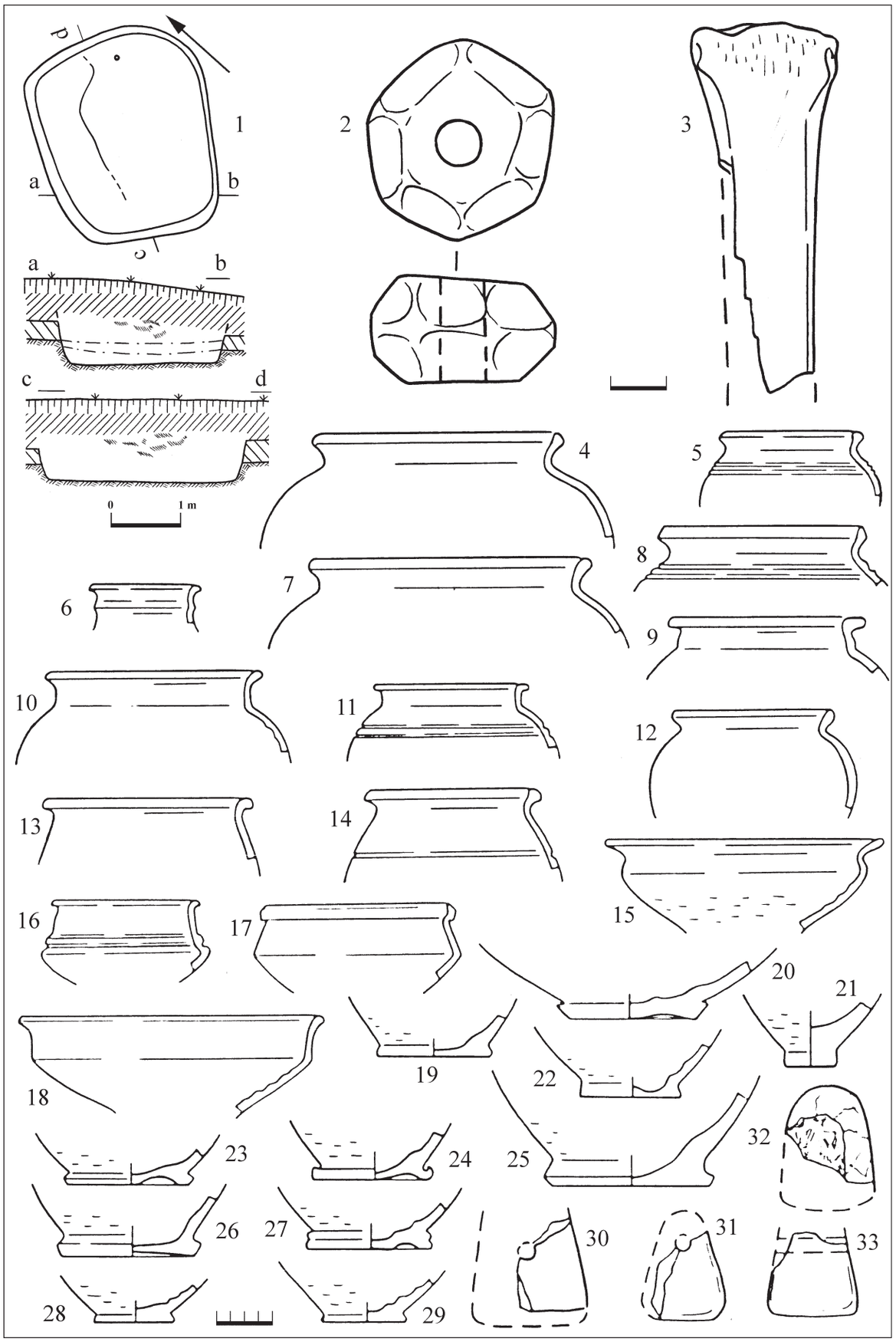


Рис. 35.
Поселение Боромля-II. ***1–33*** – *постройка № 9*

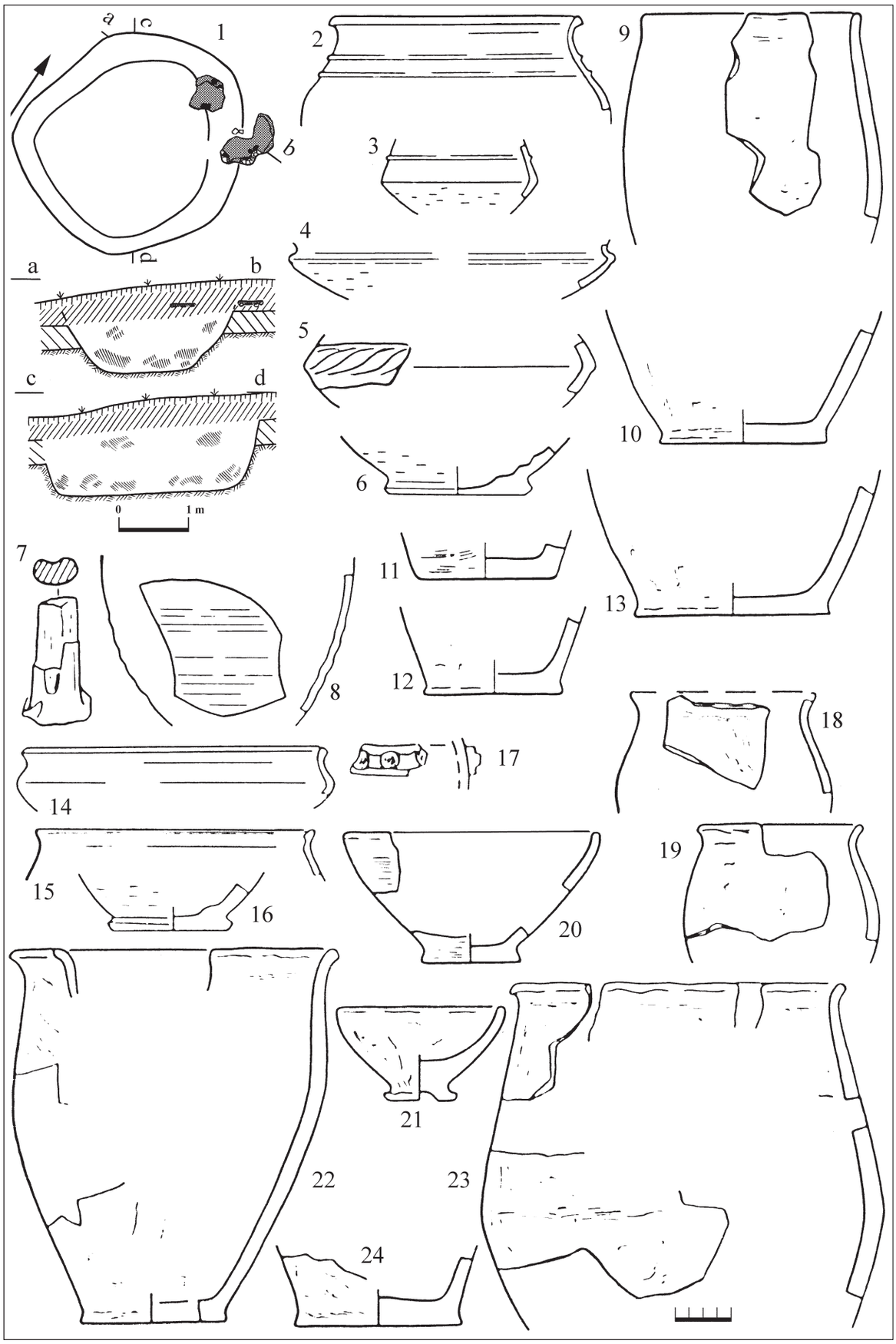


Рис. 36.
Поселение Боромля-II. ***1*** – постройка № 10, очаги №№ 3 и 4; ***2–13*** – постройка № 10; ***14–24*** – очаги №№ 3 и 4

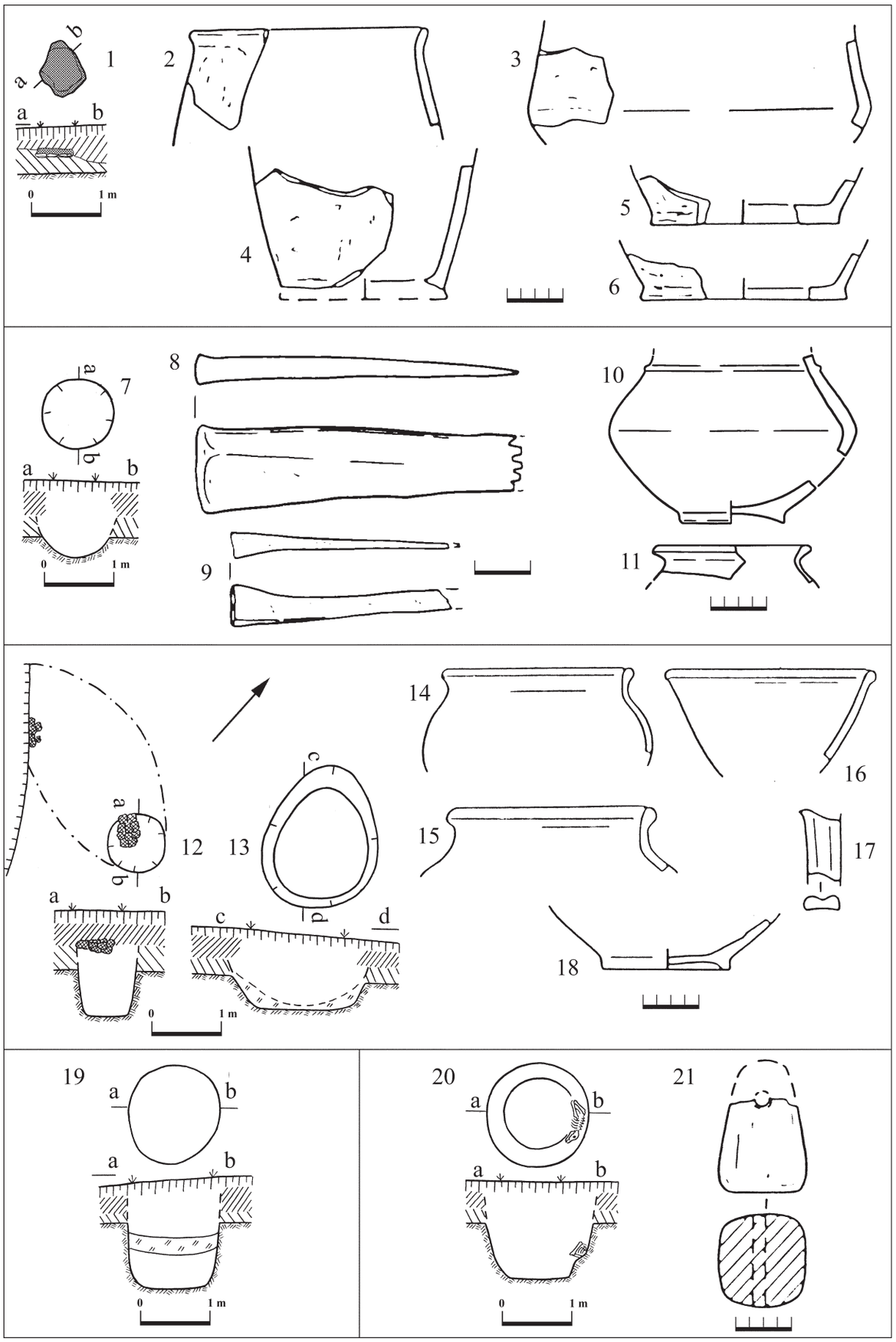


Рис. 37.
Поселение Боромля-II. ***1–6*** *– очаг № 2;* ***7–11*** *– яма № 1;* ***12,***
14–18 *– яма № 2 с «рабочей площадкой»;* ***13*** *– яма № 3;* ***19*** *– яма № 4;* **20, 21** *– яма № 5*

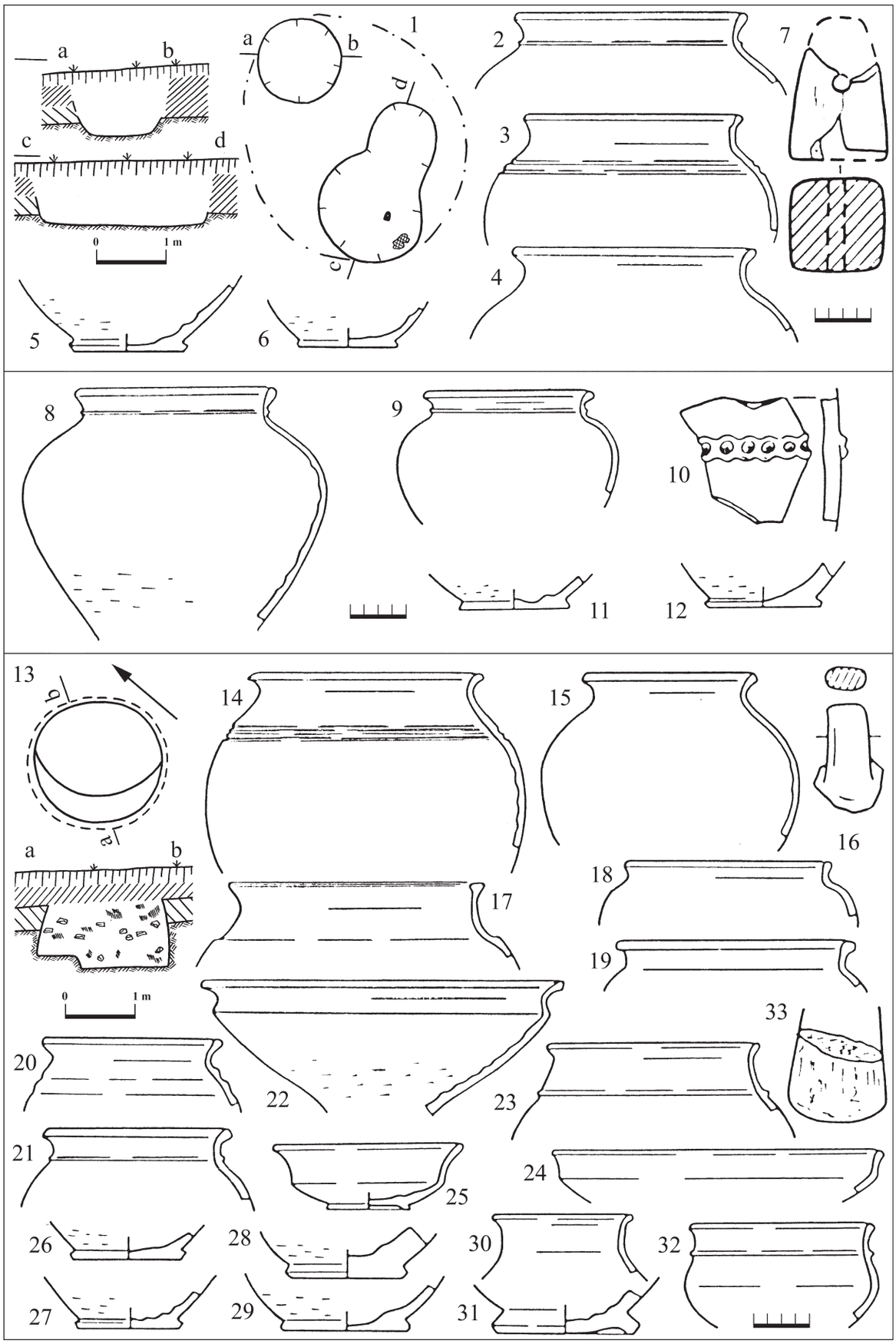


Рис. 38.
Поселение Боромля-II. ***1–7*** *– ямы №№ 6 и 7 с «рабочей площадкой»;* ***8–12*** *– яма № 8;* ***13–33*** *– яма № 9*

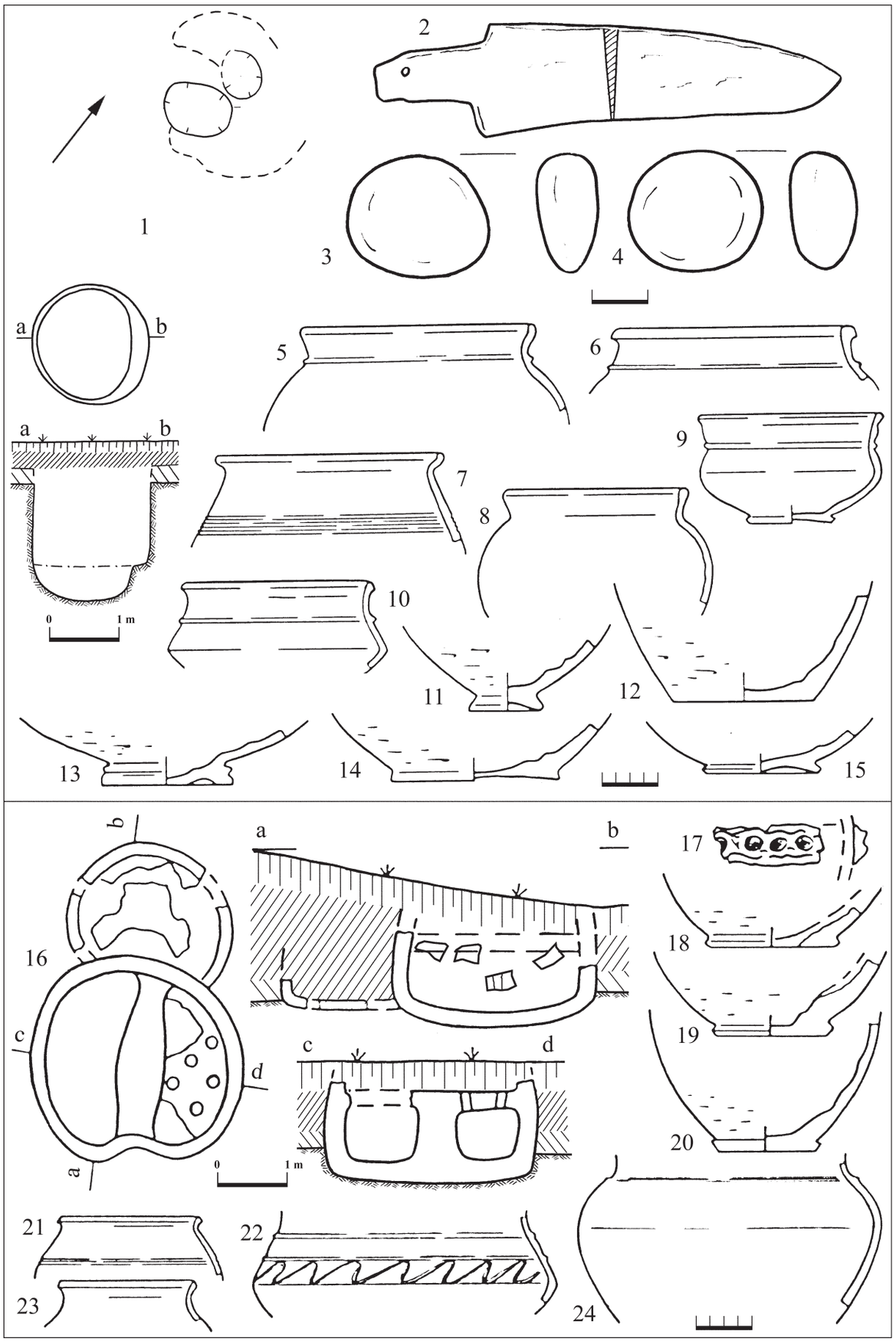


Рис. 39.
Поселение Боромля-II. ***1–15*** – яма № 10 и «рабочая площадка»; ***16–24*** – гончарные горны №№ 2 и 2-а

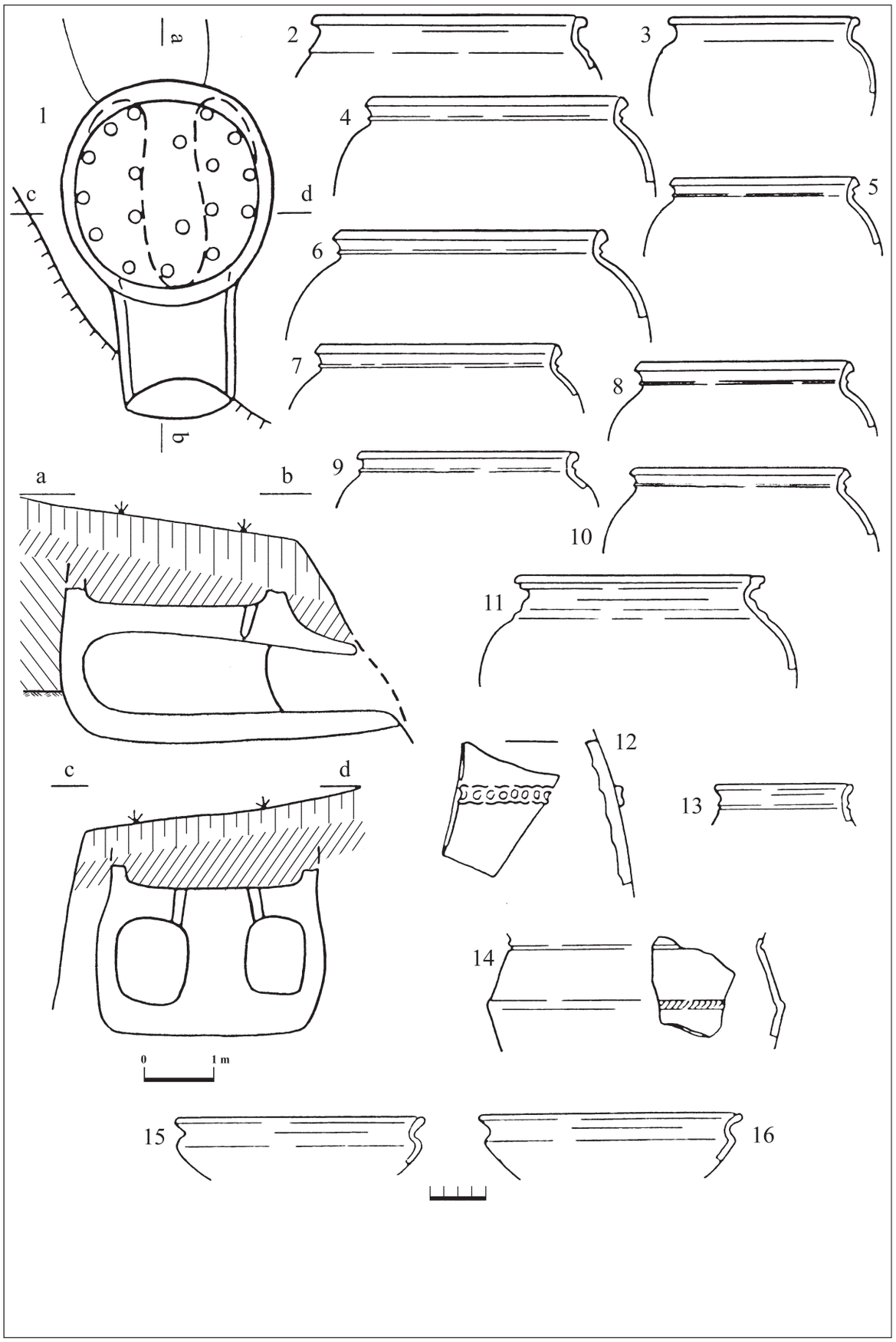


Рис. 40.
Поселение Боромля-II. ***1–16*** *– гончарный горн № 1*

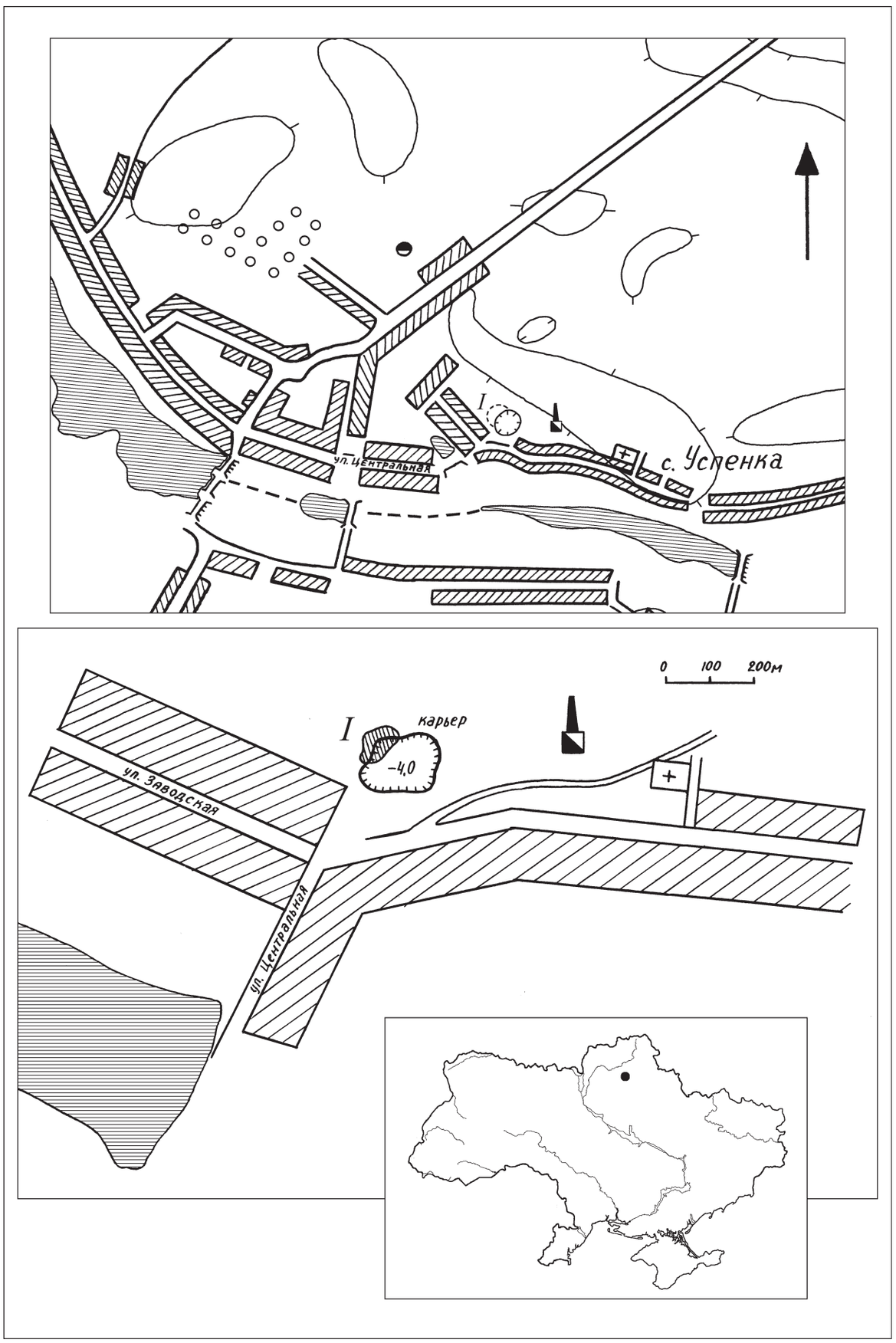


Рис. 41.
Могильник Успенка, ситуационный план

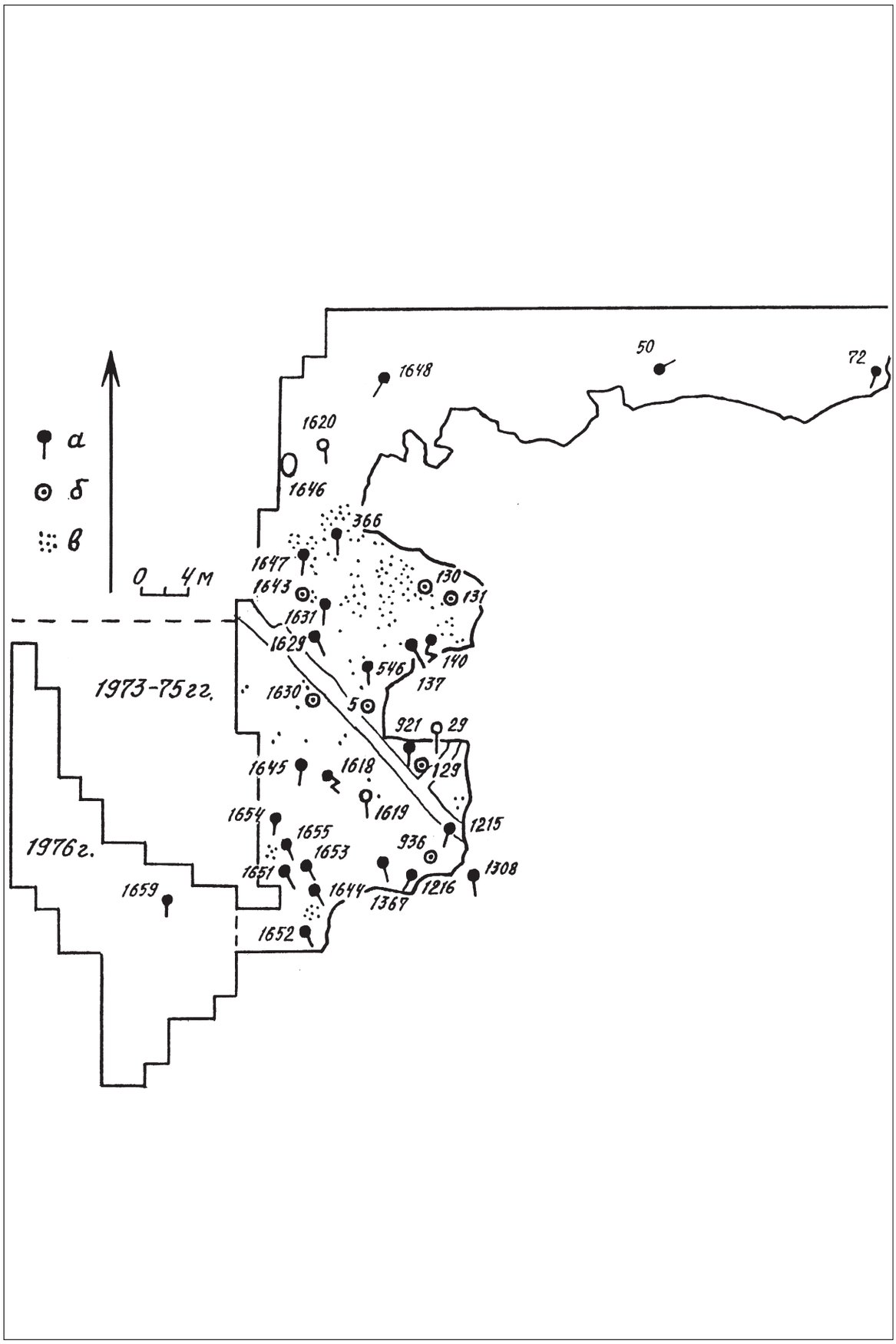


Рис. 42.
Могильник Успенка, план раскопов

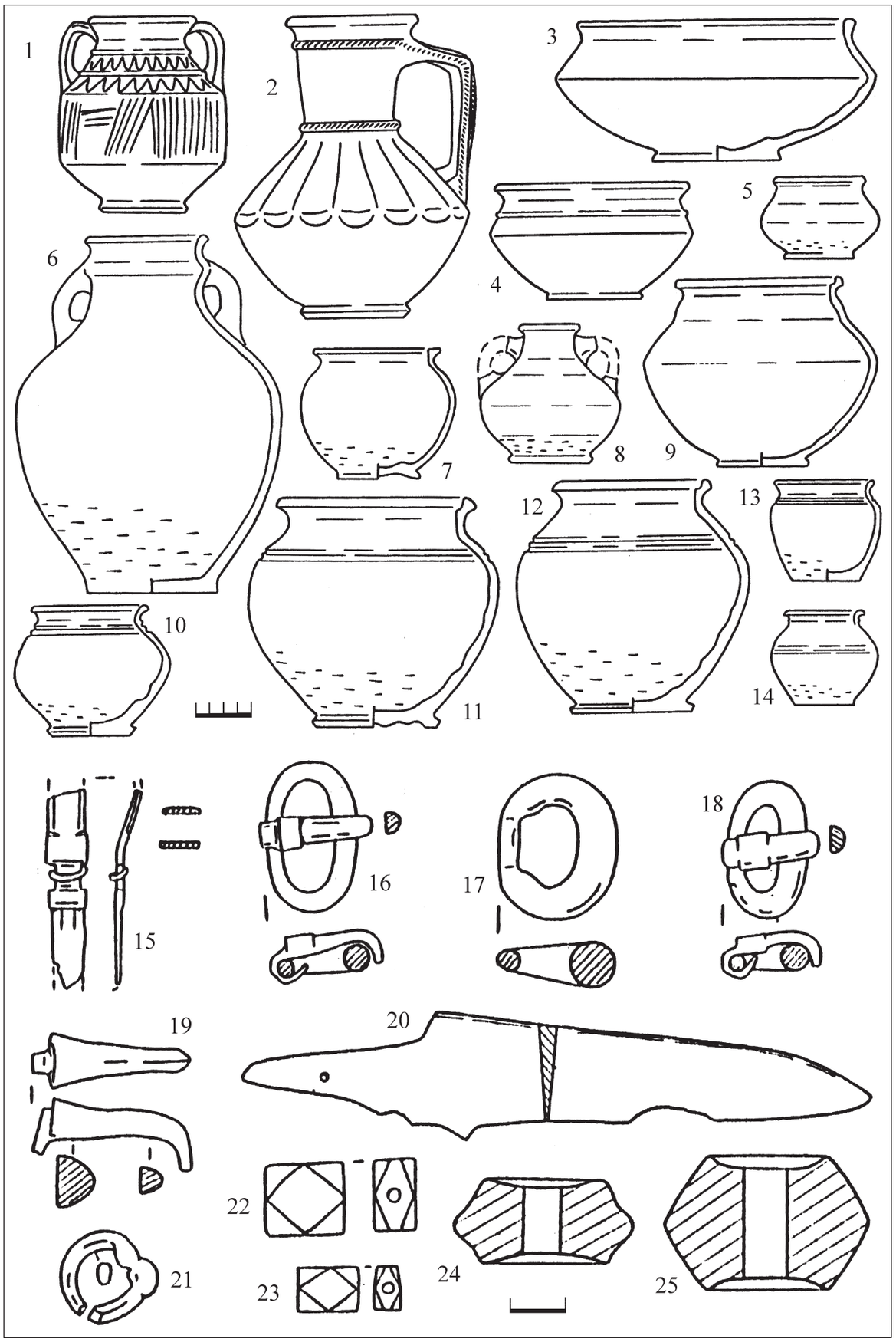


Рис. 43.
Могильник Успенка. ***1–14*** *– сосуды из разрушенных погребений,* ***15–25*** *– находки из слоя*

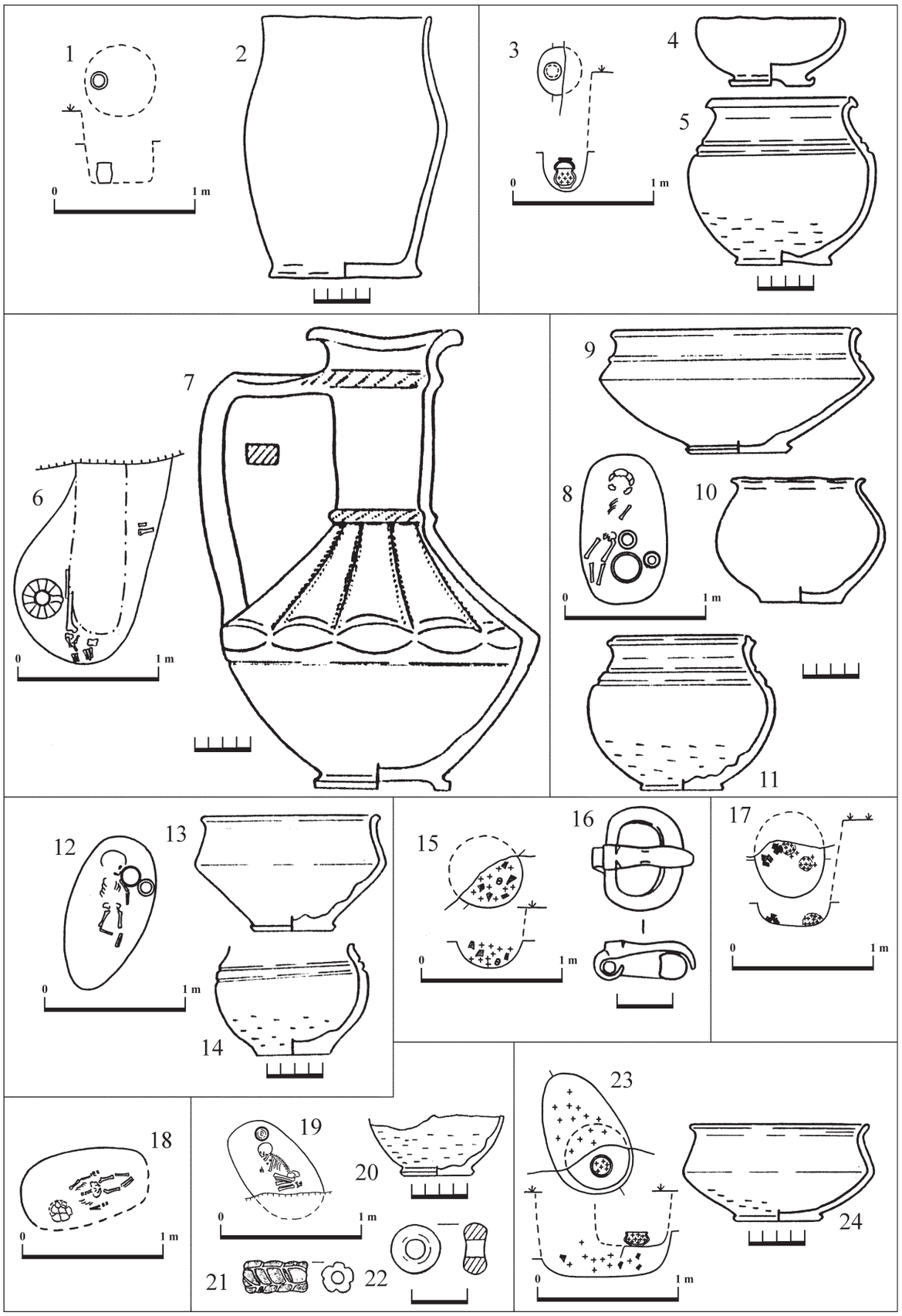


Рис. 44.
Могильник Успенка: ***1, 2*** *– погребение № 5;* ***3–5*** *– погребение № 936;* ***6, 7*** *– погребение № 29;* ***8–11*** *– погребение № 72;* ***12–14*** *– погребение № 546;* ***15, 16*** *– погребение № 131;* ***17*** *– погребение № 129;* ***18*** *– погребение № 50;* ***19–22*** *– погребение № 1618;* ***23, 24*** *– погребение № 130*

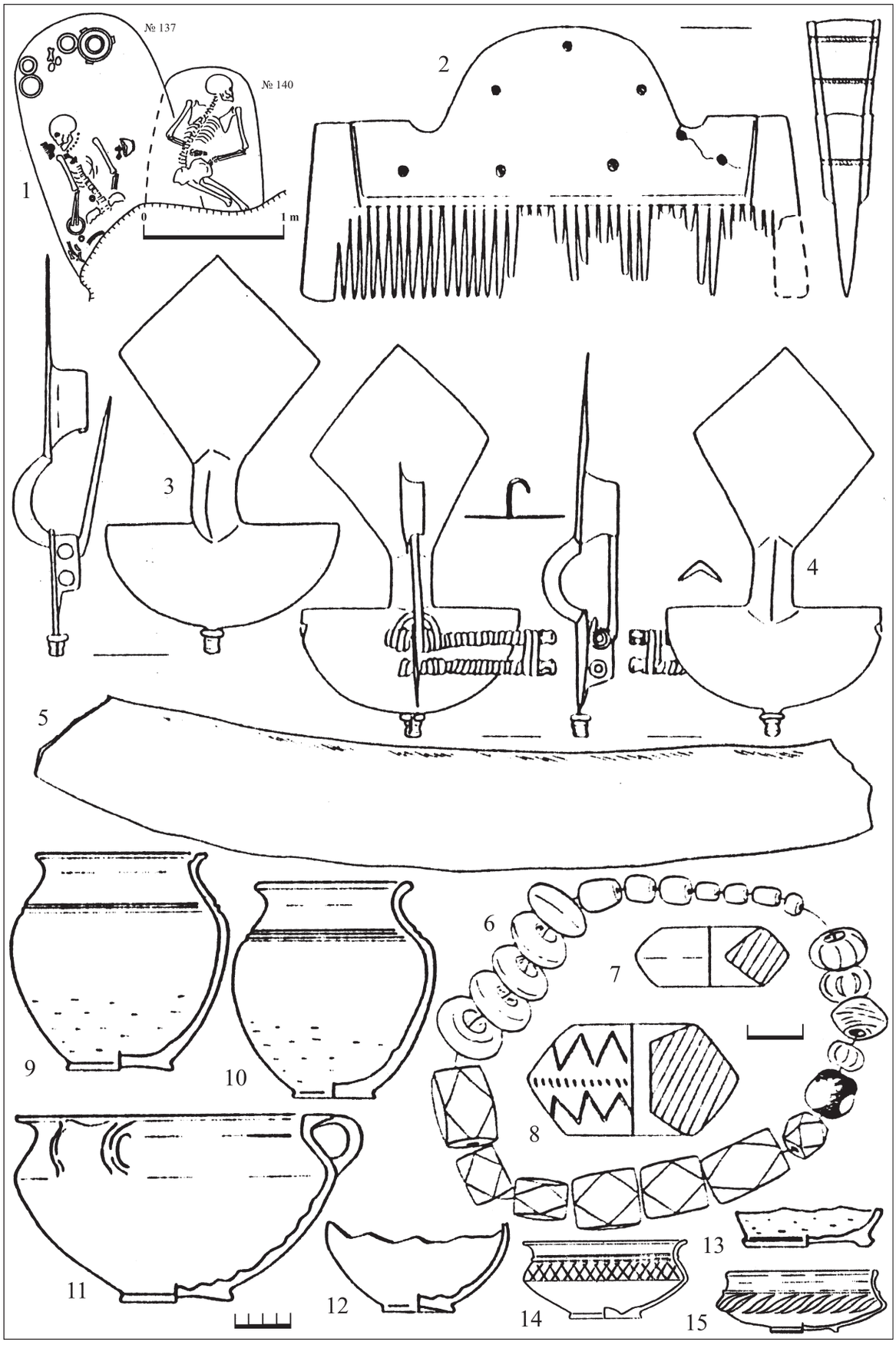


Рис. 45.
Могильник Успенка. ***1–15*** *– погребение № 137*

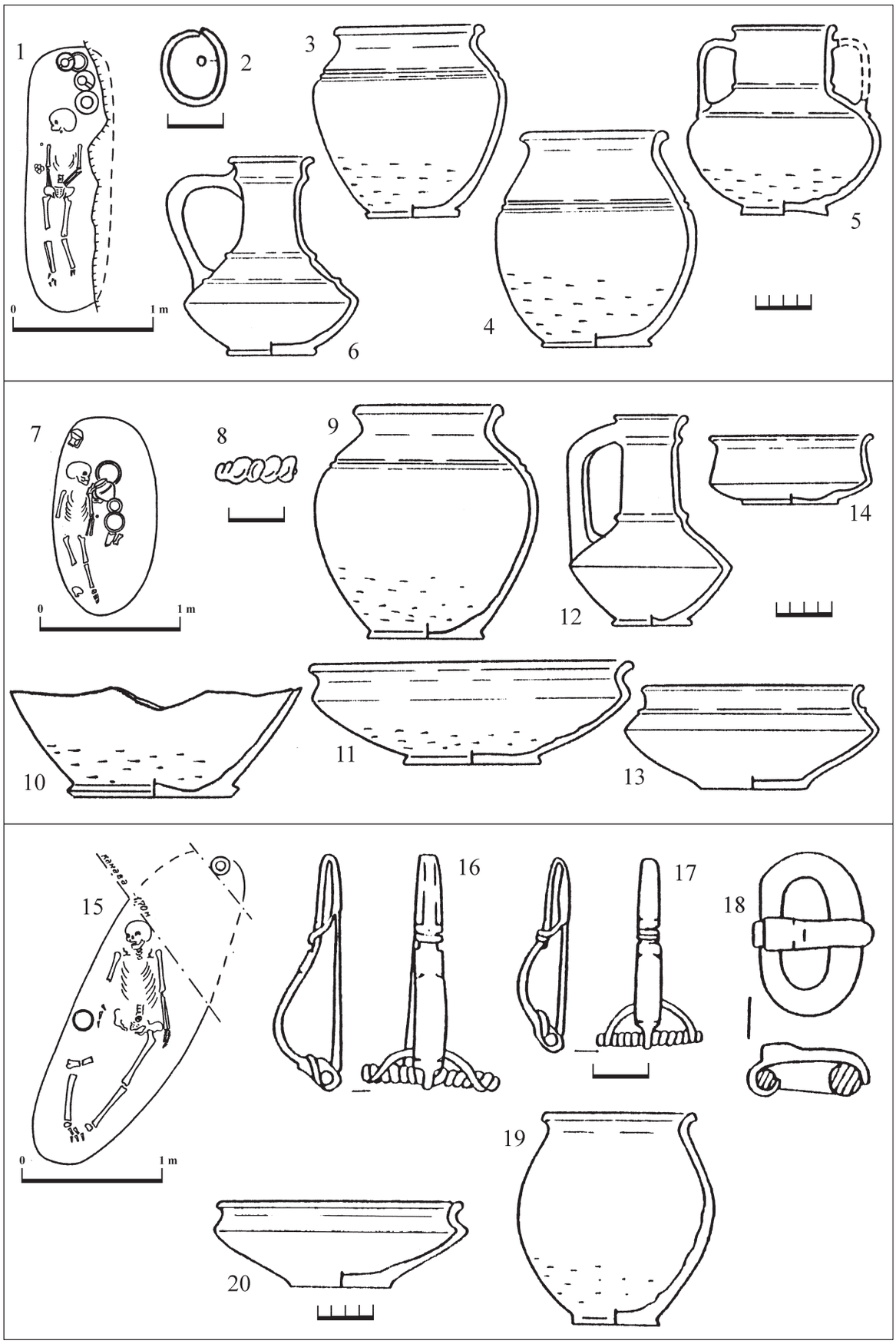


Рис. 46.
Могильник Успенка. ***1–6*** *– погребение № 366;* ***7–14*** *– погребение № 921;* ***15–20*** *– погребение № 1215*

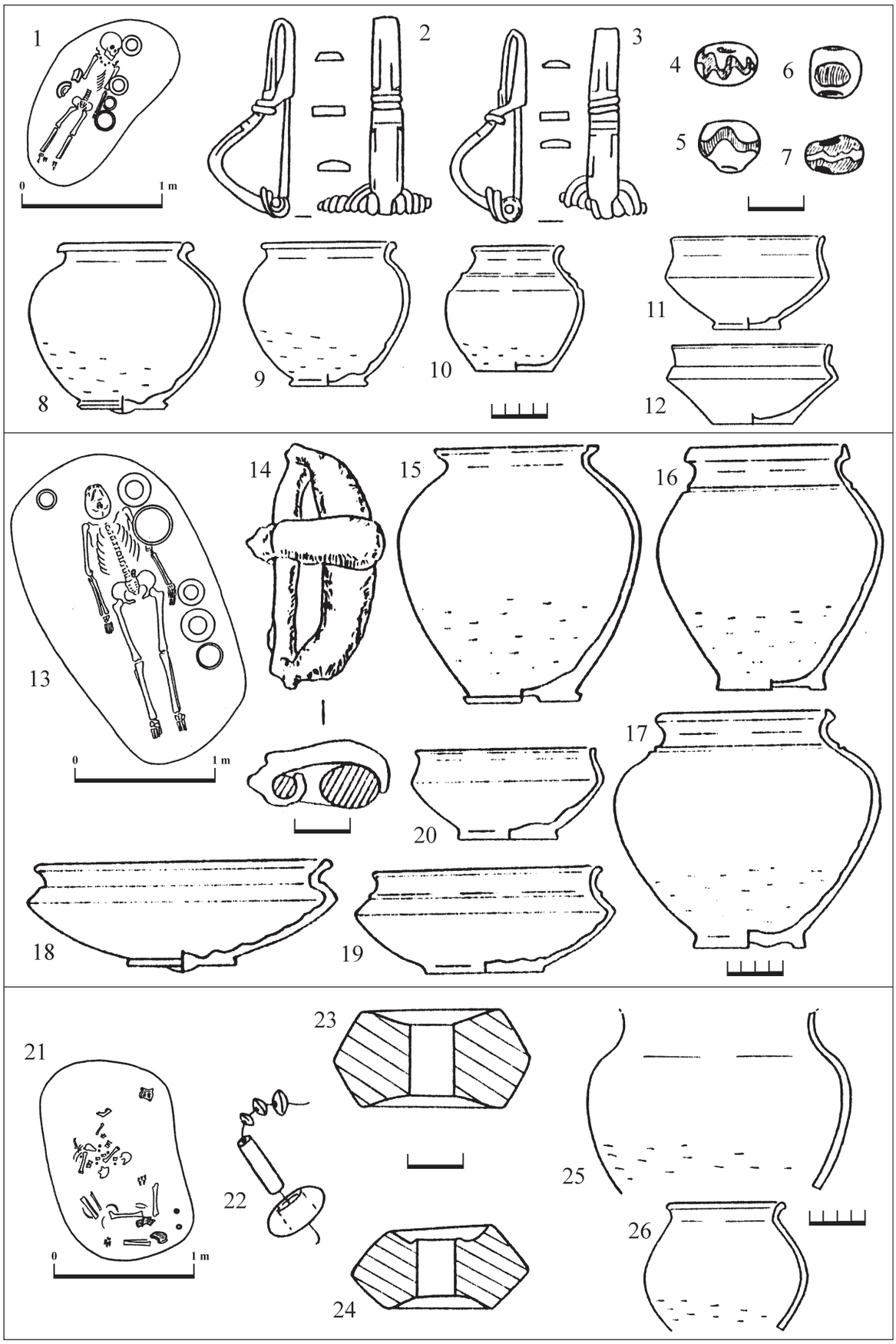


Рис. 47.
Могильник Успенка. ***1–12*** *– погребение № 1216;* ***13–20*** *– погребение № 1367;* ***21–26*** *– погребение № 1620*

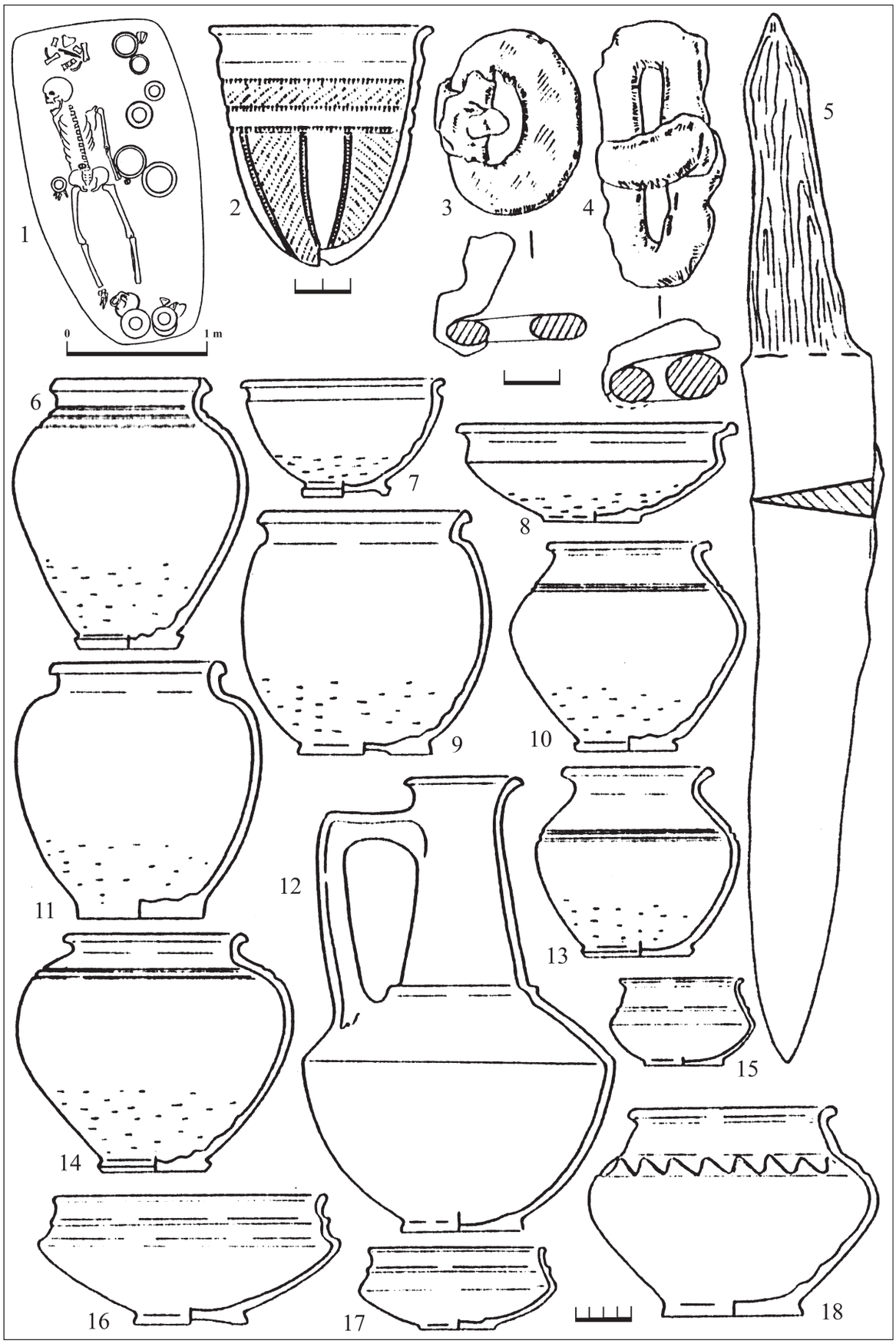


Рис. 48.
Могильник Успенка. ***1–18*** *– погребение № 1308*

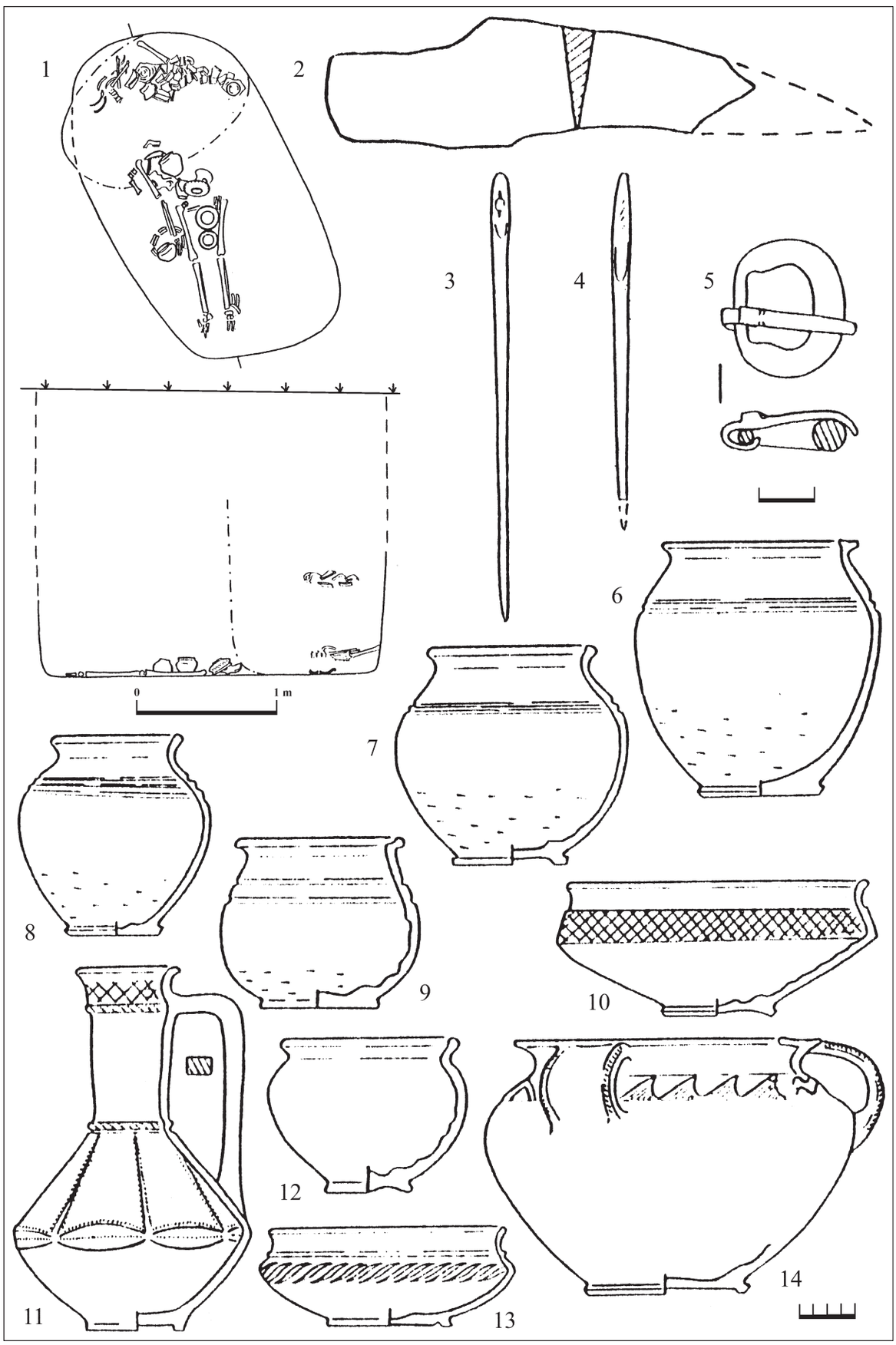


Рис. 49.
Могильник Успенка. ***1–14*** *– погребение № 1619*

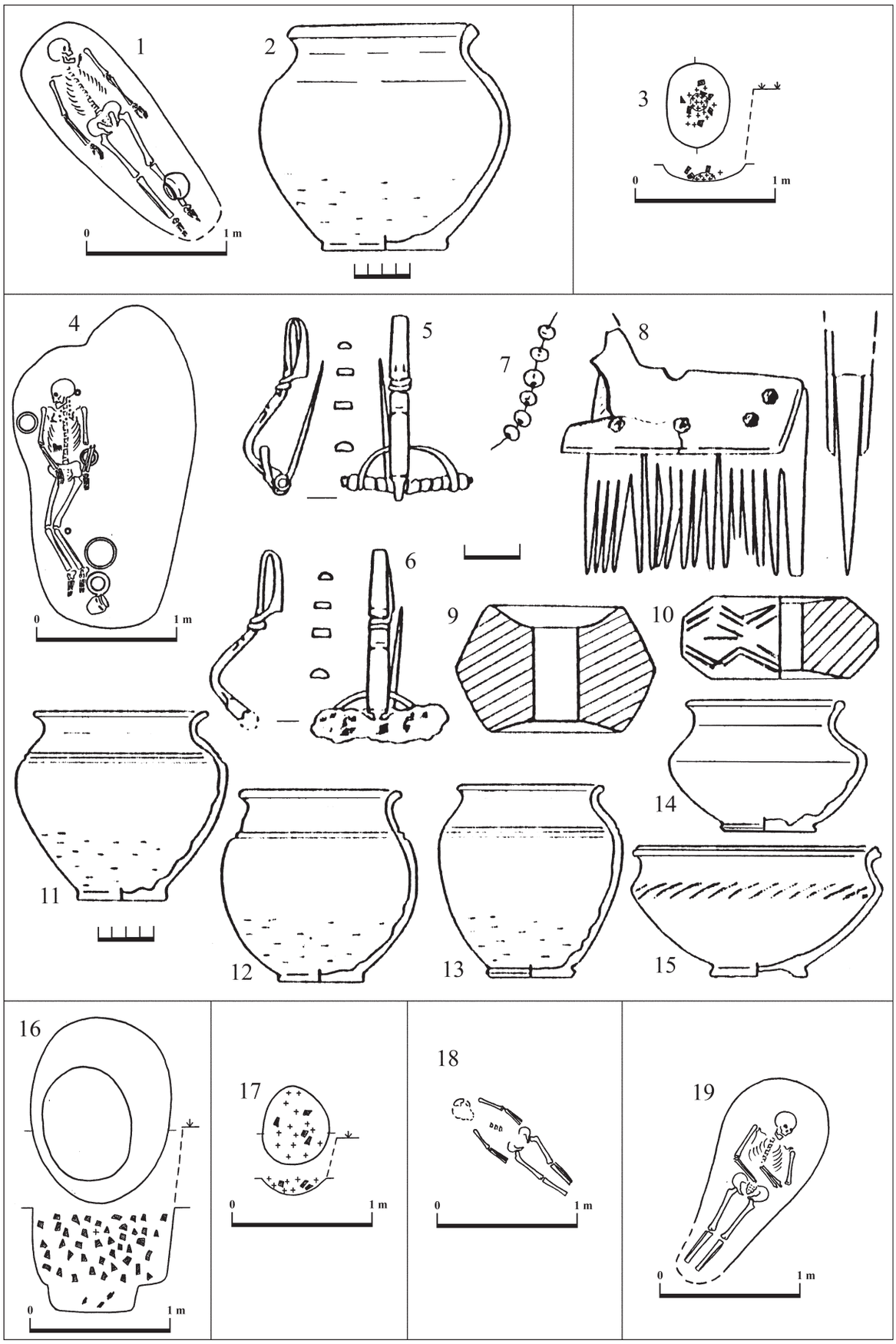


Рис. 50.
Могильник Успенка. **1, 2** – погребение № 1629; **3** – погребение № 1630; **4**–**15** – погребение № 1631; **16** – погребение № 1646; **17** – погребение № 1643; **18** – погребение № 1644; **19** – погребение № 1648

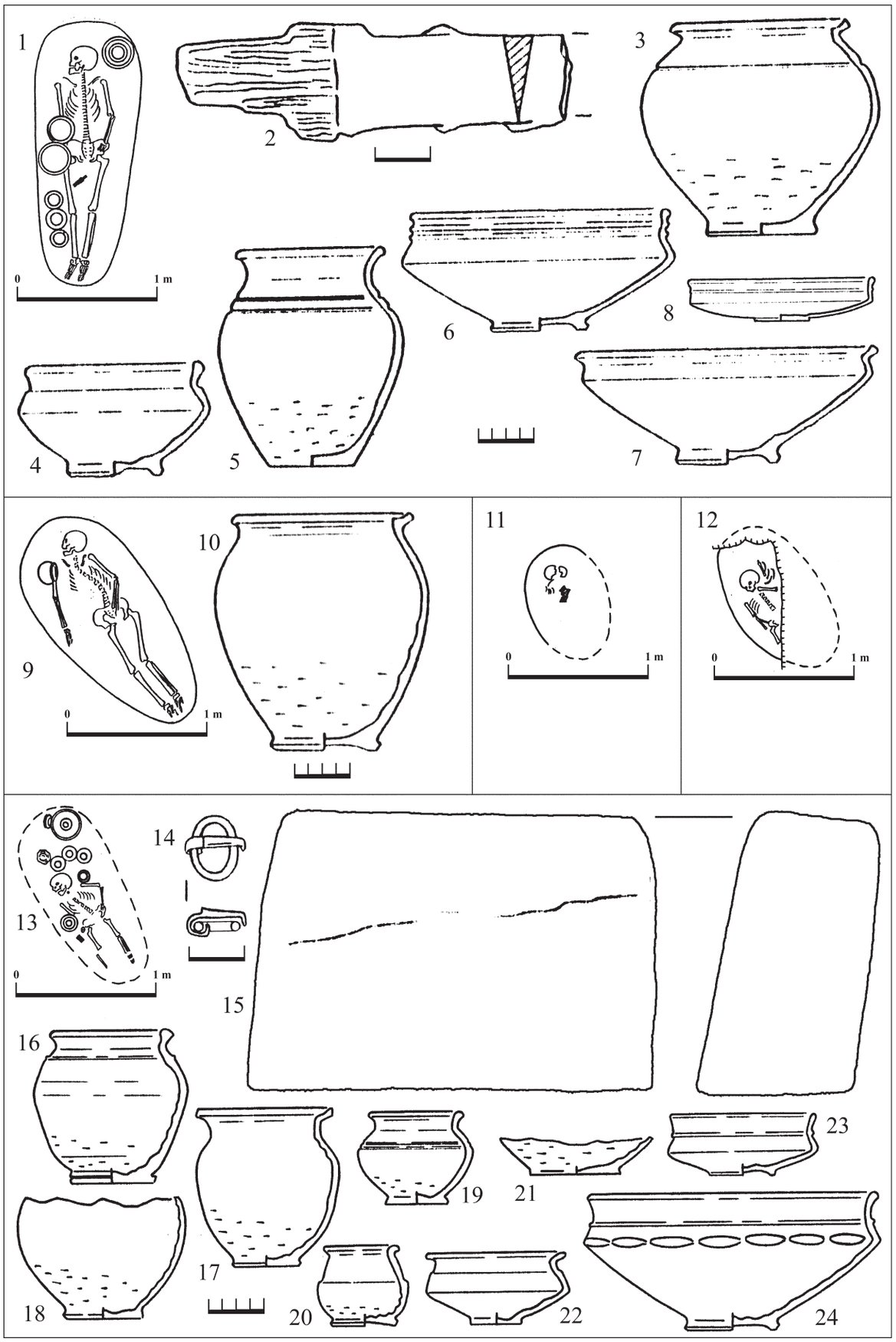


Рис. 51.
Могильник Успенка. **1–8** – погребение № 1645; **9, 10** – погребение № 1651; **11** – погребение № 1652; **12** – погребение № 1653; **13–24** – погребение № 1655

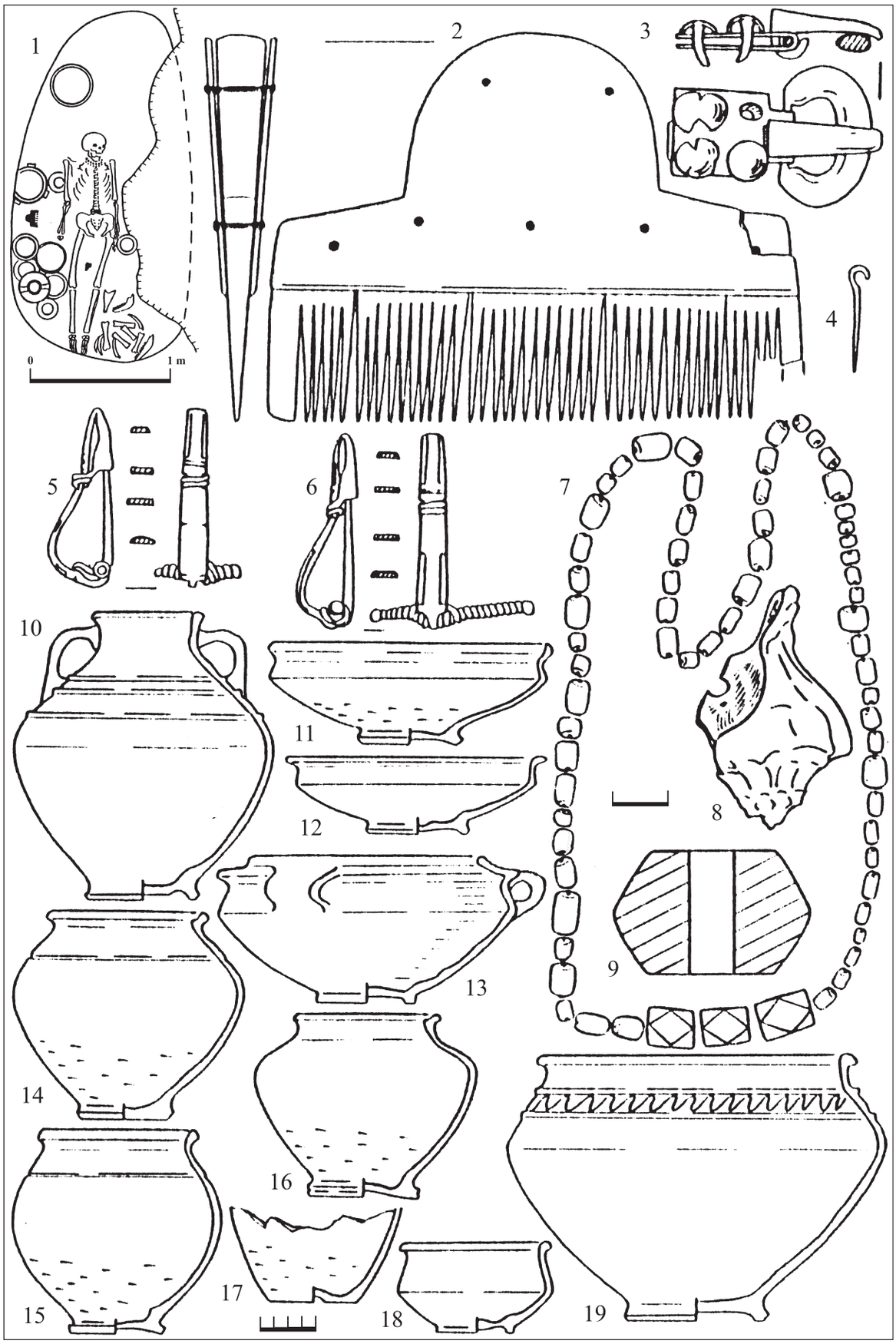


Рис. 52.
Могильник Успенка. ***1–19*** *– погребение № 1647*

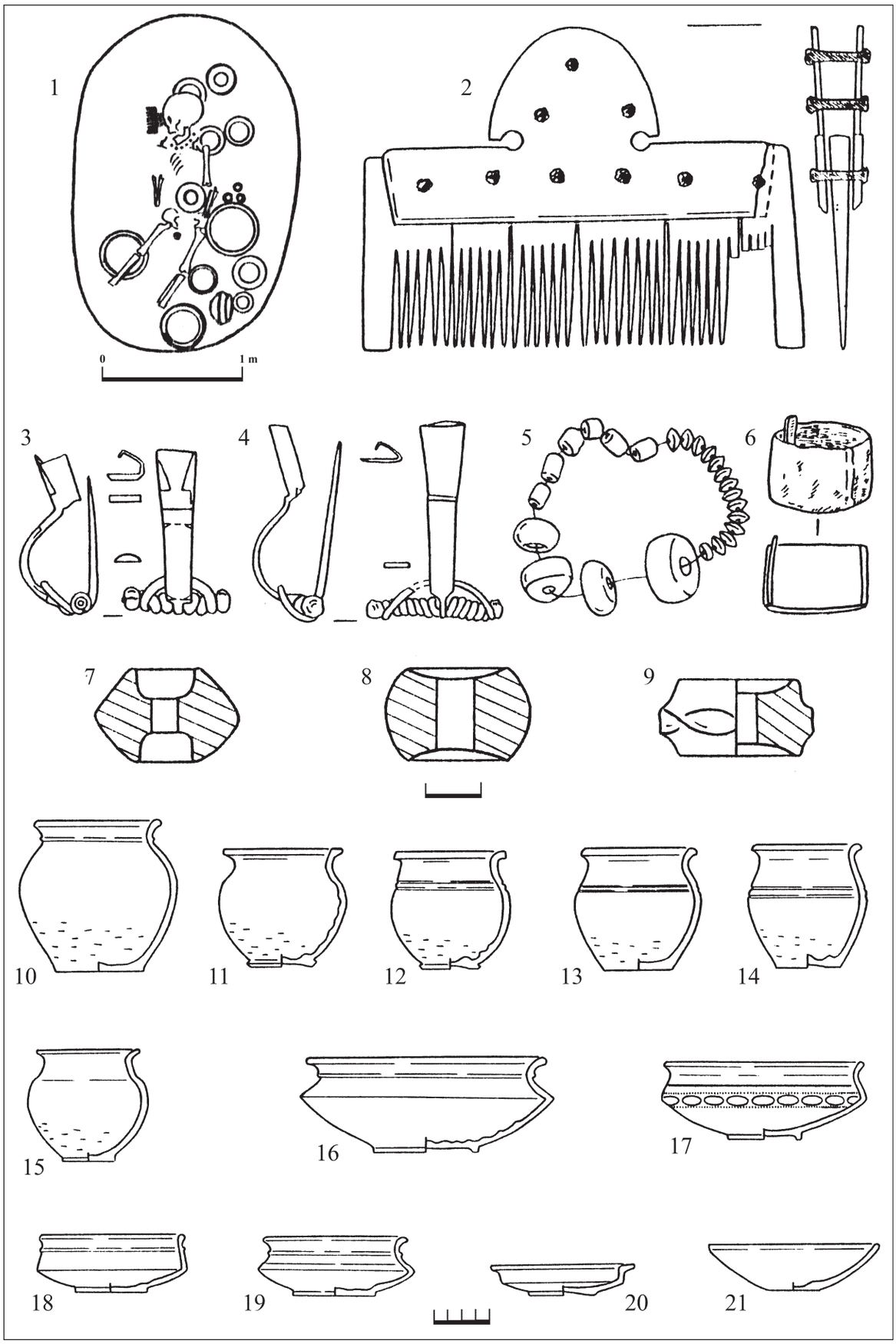


Рис. 53.
Могильник Успенка. ***1–21*** *– погребение № 1654*

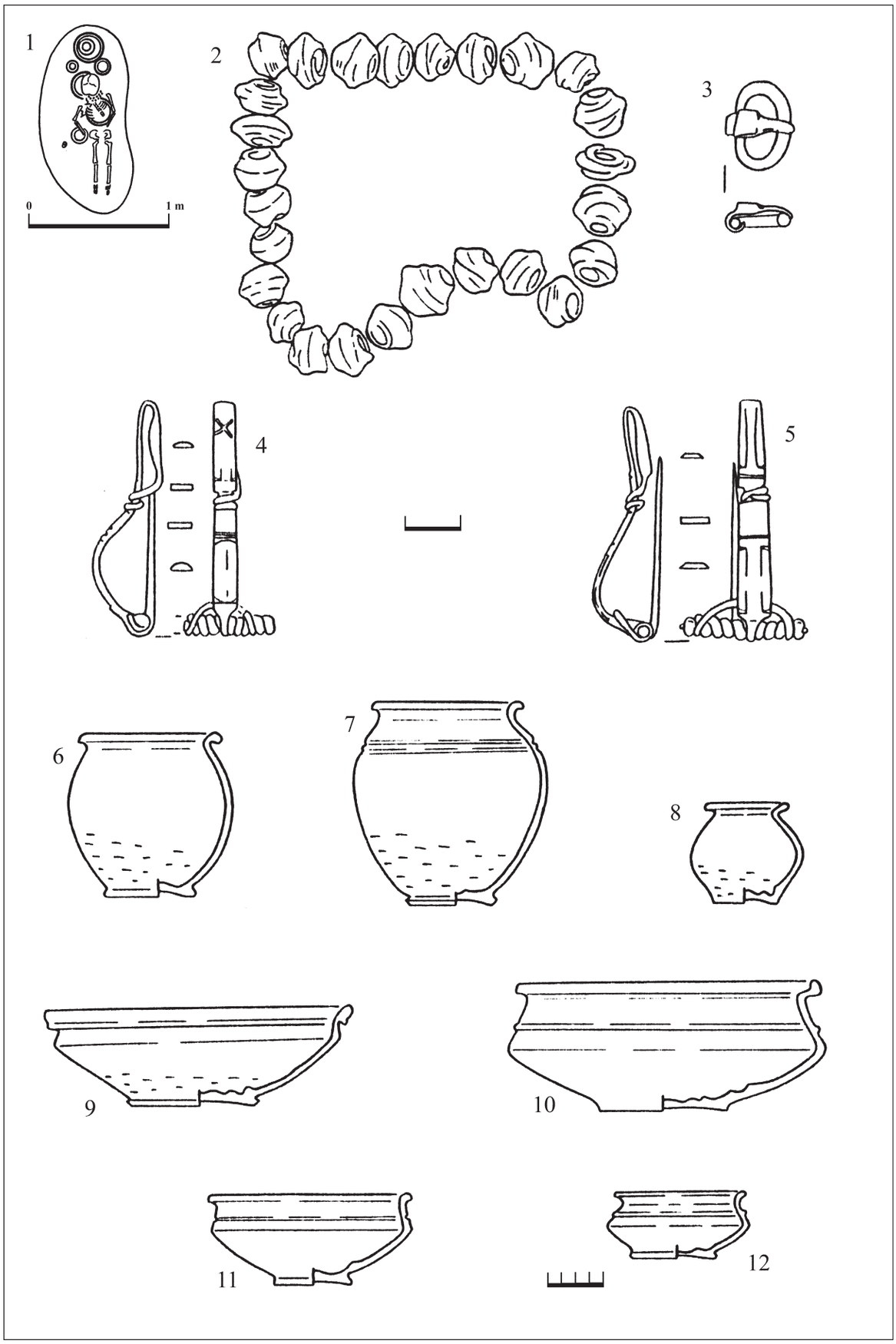
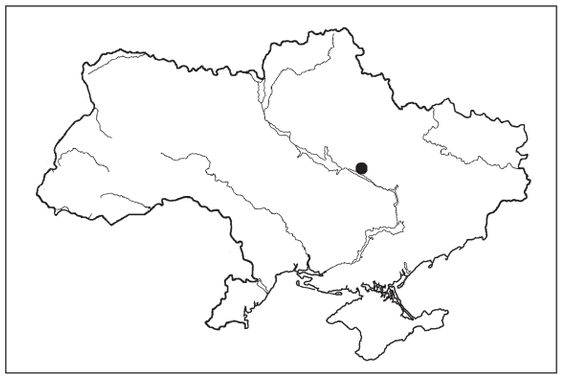


Рис. 54.
Могильник Успенка. ***1–12*** *– погребение № 1659*



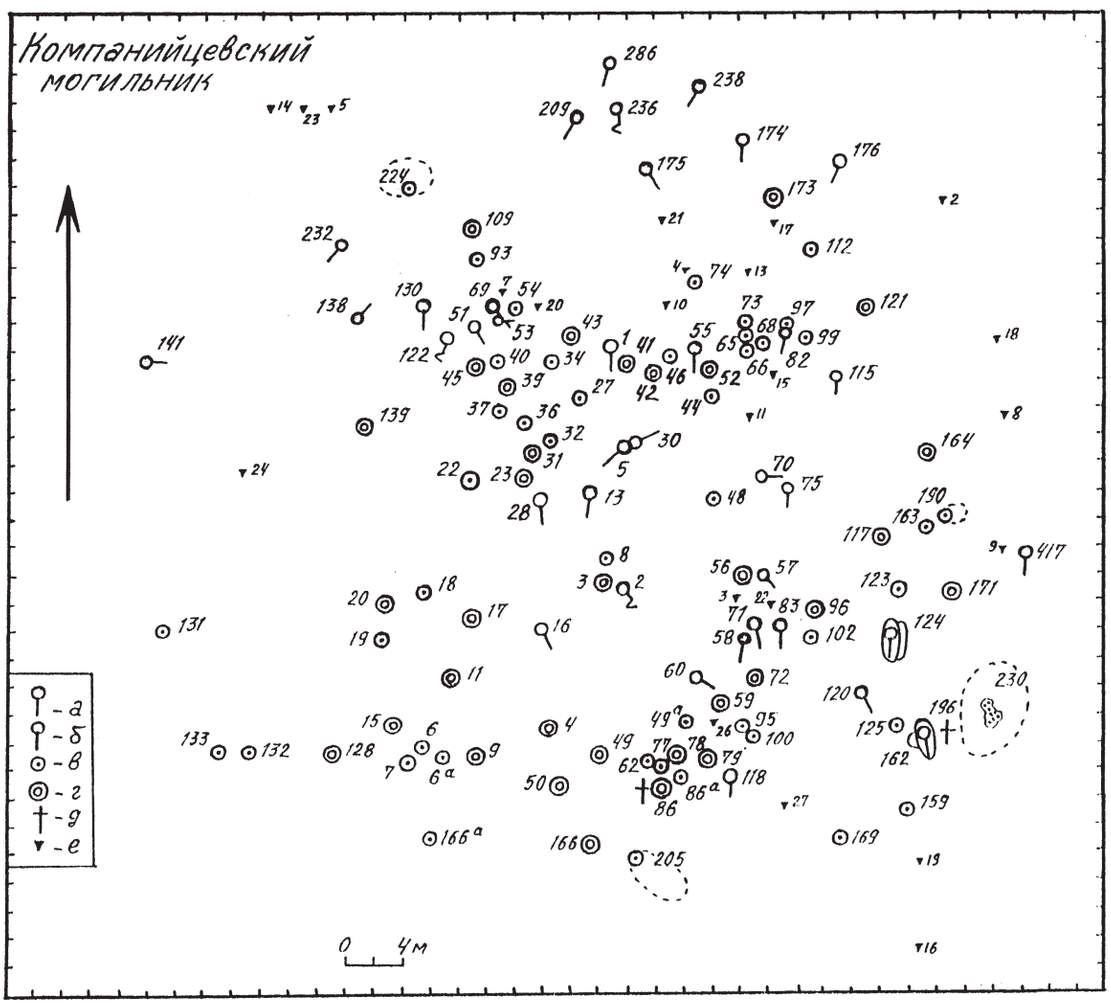


Рис. 55.
Могильник Компанийцы, план раскопа. ***А*** *– ингумации;* ***Б*** *– ритуально разрушенные ингумации;* ***В*** *– кремации ямные;* ***Г*** *– кремации урновые;* ***Д*** *– кремации с оружием;* ***Е*** *– находки из слоя (нумерация находок в соответствии с нумерацией рис. 56: 1–3, 2–3, 3–1, 4–4, 5–7, 6–5, 7–6, 8–8, 9–9, 10–10, 11–14, 12–15, 13–17, 14–11, 15–12, 16–13, 17–16, 18–18, 19–19, 20–26, 21–27, 22–20, 23–21, 24–22, 25–23, 26–25, 27–24)*

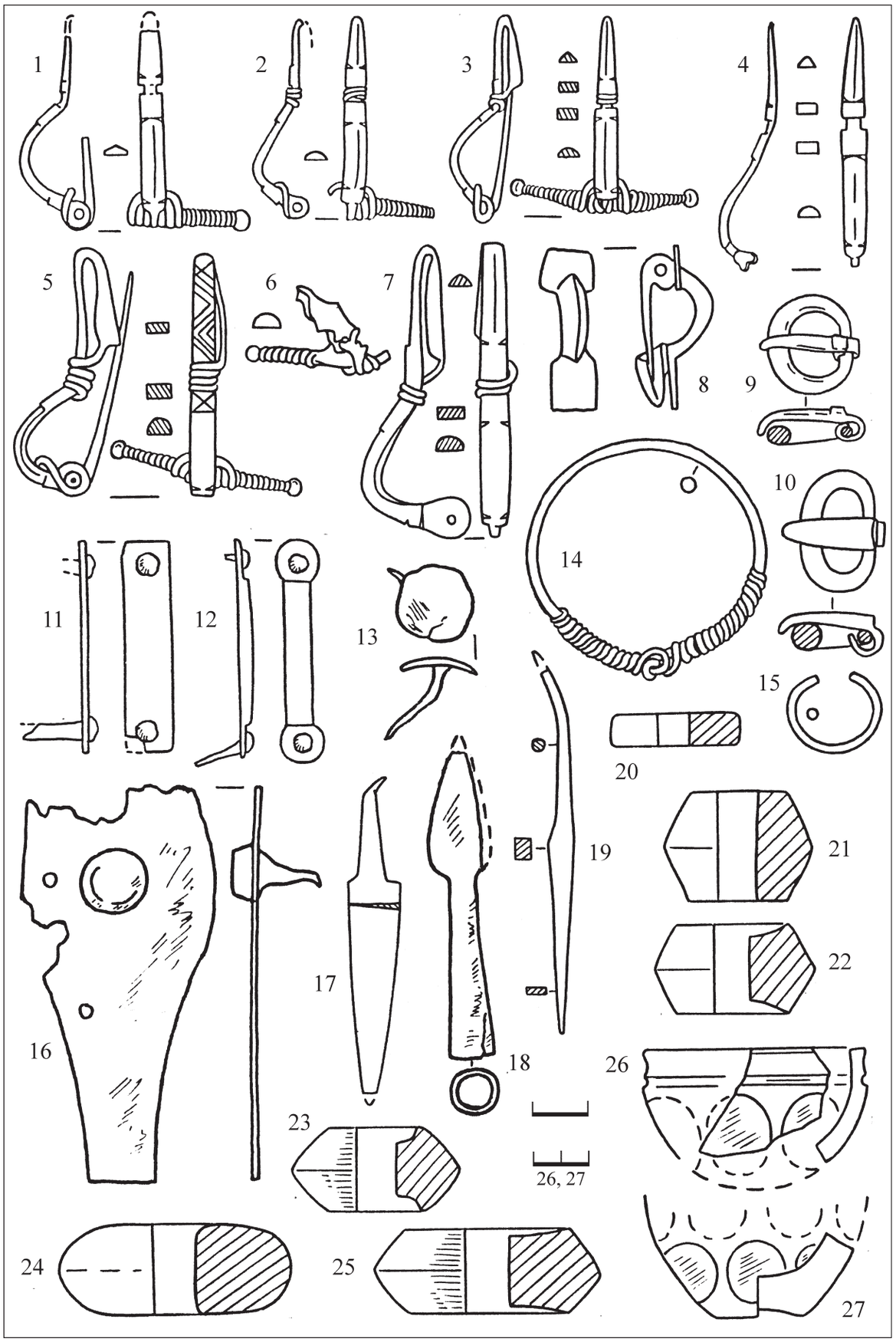


Рис. 56.
Могильник Компанийцы. ***1–27*** *– находки из культурного слоя (****1–10****,* ***14****,* ***15****,* ***17*** *– бронза,* ***11–13****,* ***16****,* ***19*** *– железо,* ***20–25*** *– керамика,* ***26****,* ***27*** *– зеленоватое стекло)*

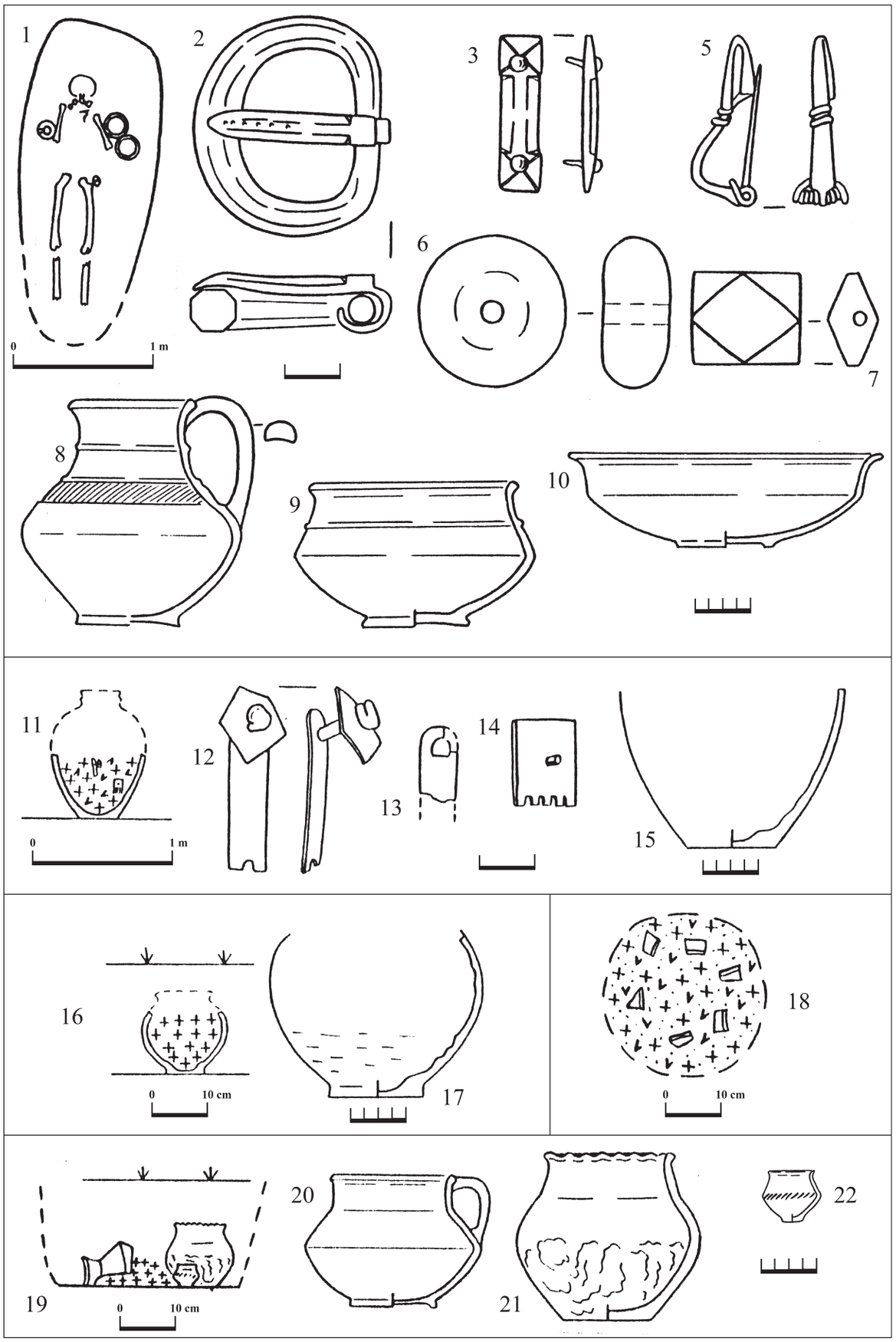


Рис. 57.
Могильник Компанийцы. ***1–10*** *– погребение № 1;* ***11–15*** *– погребение № 3;* ***16, 17*** *– погребение № 4;* ***18*** *– погребение № 6а;* ***19–22*** *– погребение № 7*

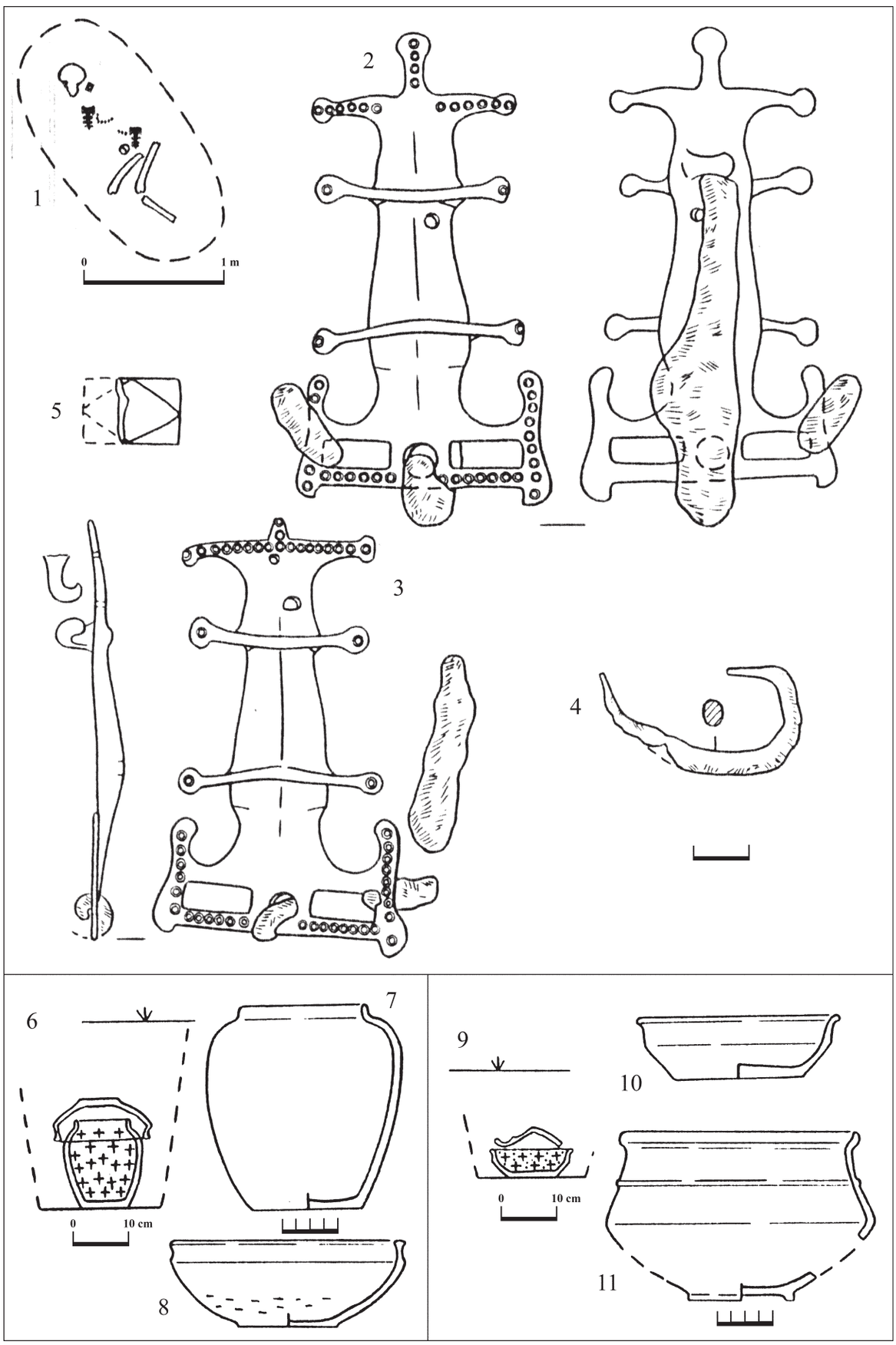


Рис. 58.
Могильник Компанийцы. ***1–5*** *– погребение № 2;* ***6–8*** *– погребение № 9;* ***9–11*** *– погребение № 11*

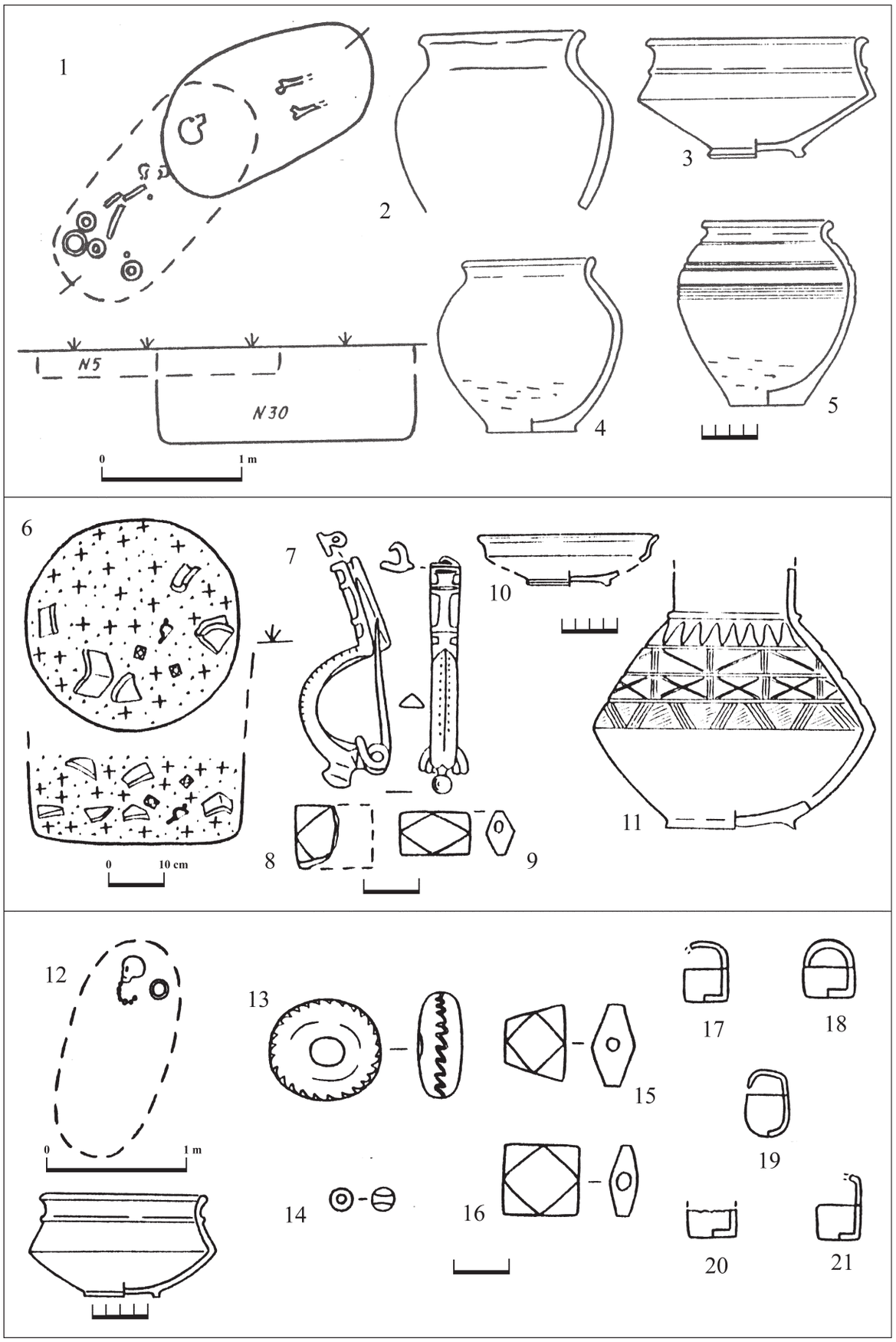


Рис. 59.
Могильник Компанийцы. ***1*** *– погребения №№* ***5, 30; 2–5*** *– погребение № 5;* ***6–11*** *– погребение № 8;* ***12–21*** *– погребение № 13*

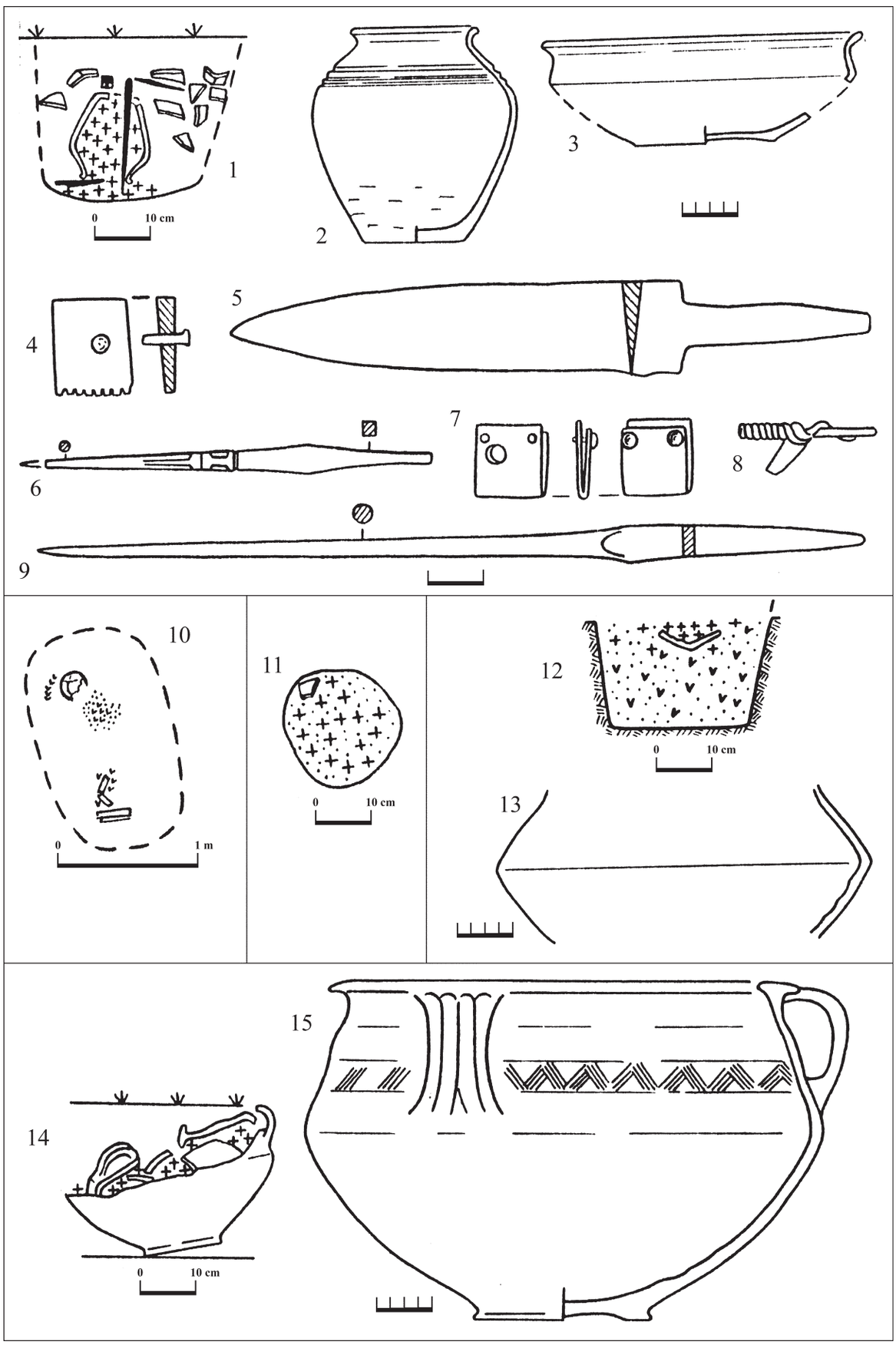


Рис. 60.
Могильник Компанийцы. ***1–9*** *– погребение № 15;* ***10*** *– погребение № 16;* ***11*** *– погребение № 18;* ***12, 13*** *– погребение № 20;* ***14, 15*** *– погребение № 17*

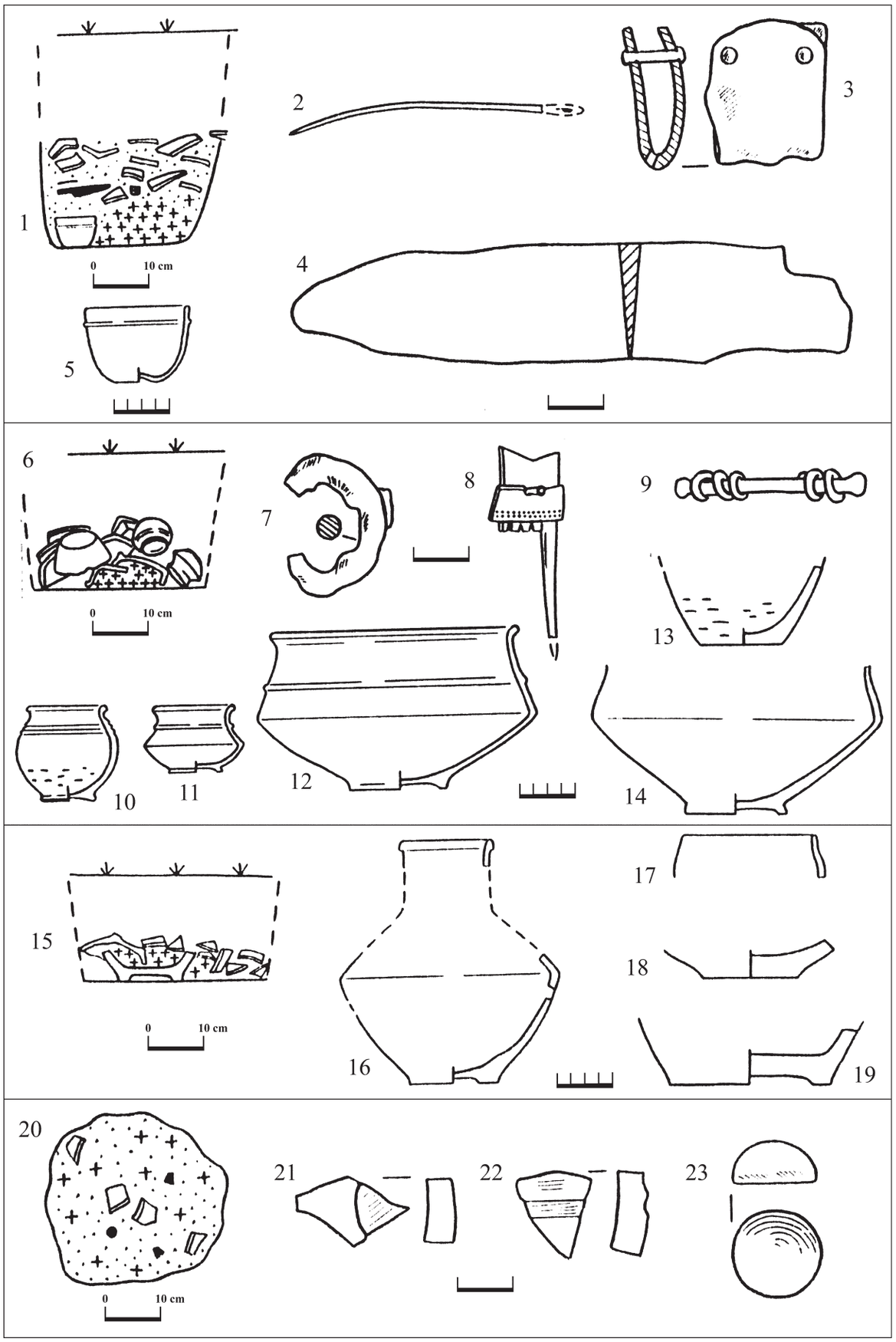


Рис. 61.
Могильник Компанийцы. ***1–5*** *– погребение № 19;* ***6–14*** *– погребение № 22;* ***15–19*** *– погребение № 23;* ***20–23*** *– погребение № 27*

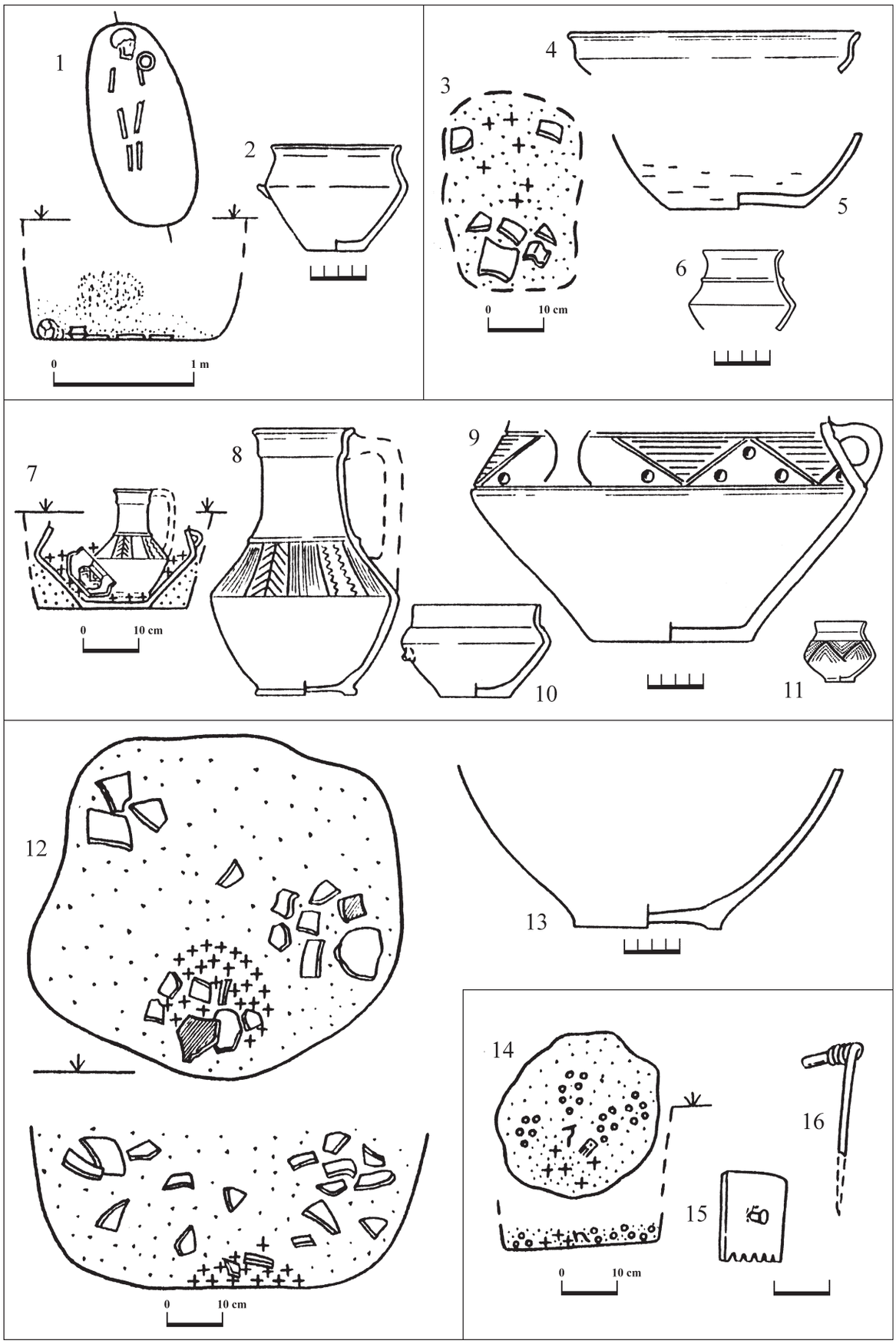


Рис. 62.
Могильник Компанийцы. ***1, 2*** *– погребение № 28;* ***3–6*** *– погребение № 32;* ***7–11*** *– погребение № 31;* ***12, 13*** *– погребение № 34;* ***14–16*** *– погребение № 36*

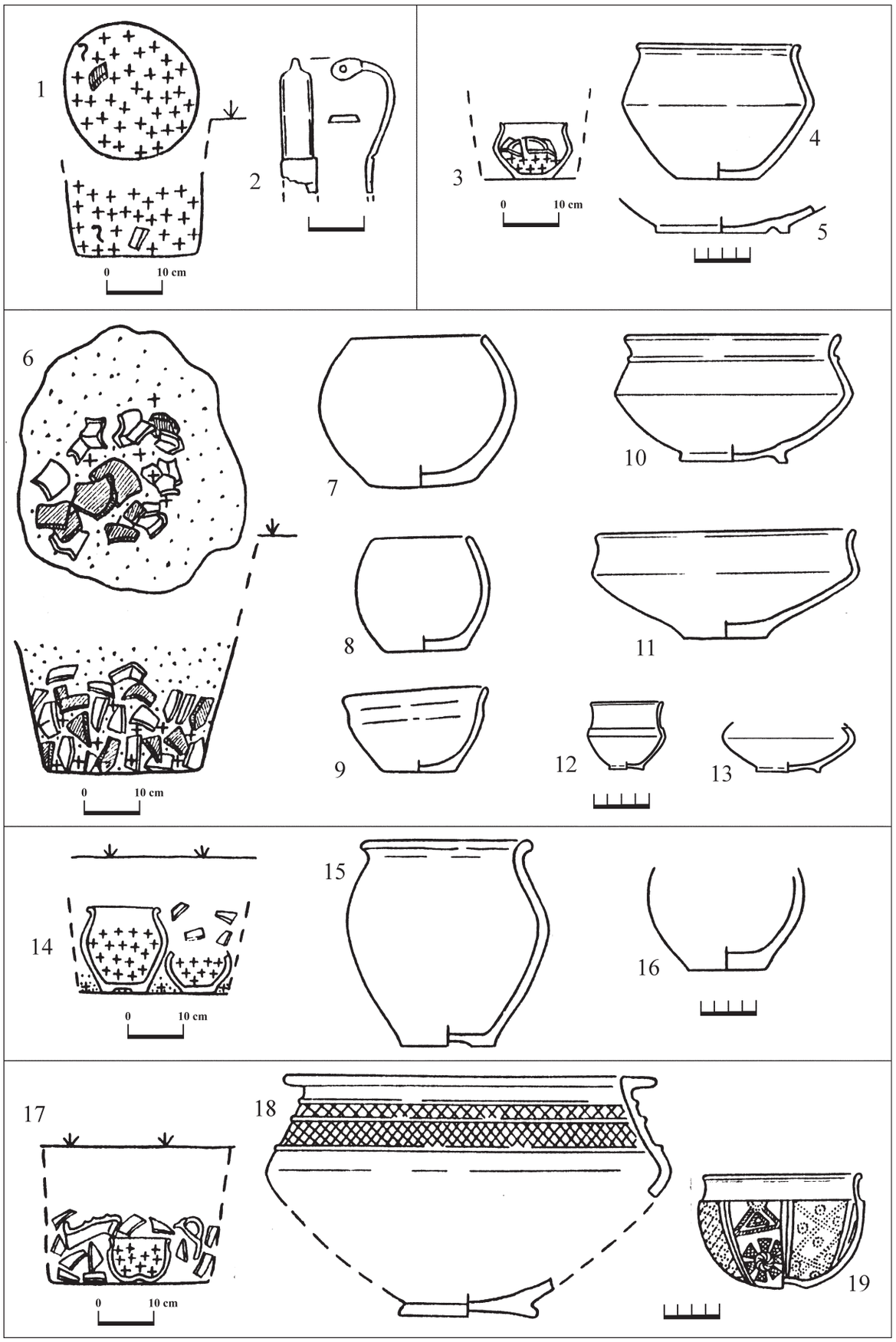


Рис. 63.
Могильник Компанийцы. ***1, 2*** *– погребение № 37;* ***3–5*** *– погребение № 39;* ***6–13*** *– погребение № 40;* ***14–16*** *– погребение № 41;* ***17–19*** *– погребение № 42*

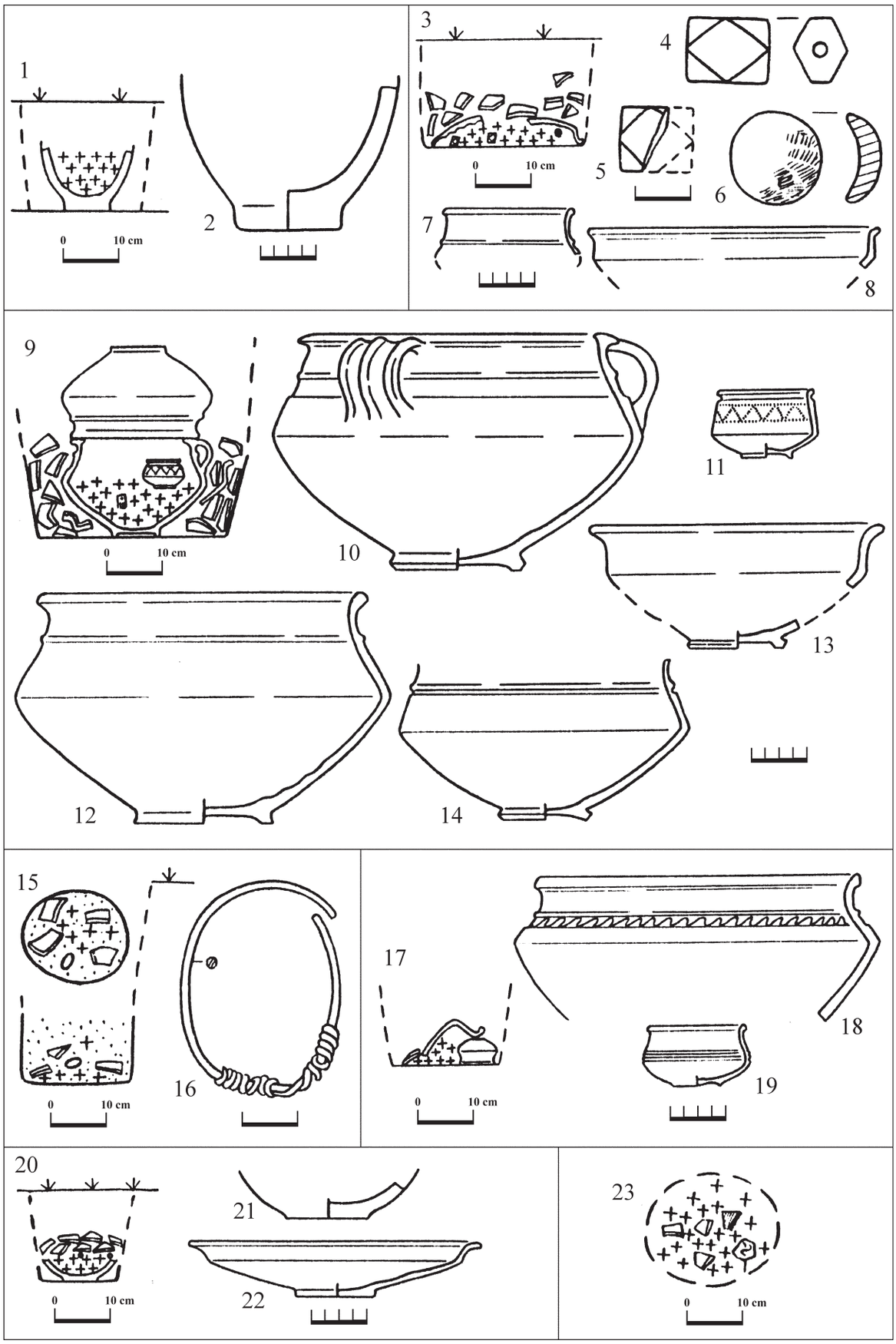


Рис. 64.
Могильник Компанийцы. ***1, 2*** *– погребение № 43;* ***3–8*** *– погребение № 44;* ***9–14*** *– погребение № 45;* ***15, 16*** *– погребение № 48;* ***17–19*** *– погребение № 49;* ***20–22*** *– погребение № 52;* ***23*** *– погребение № 54*

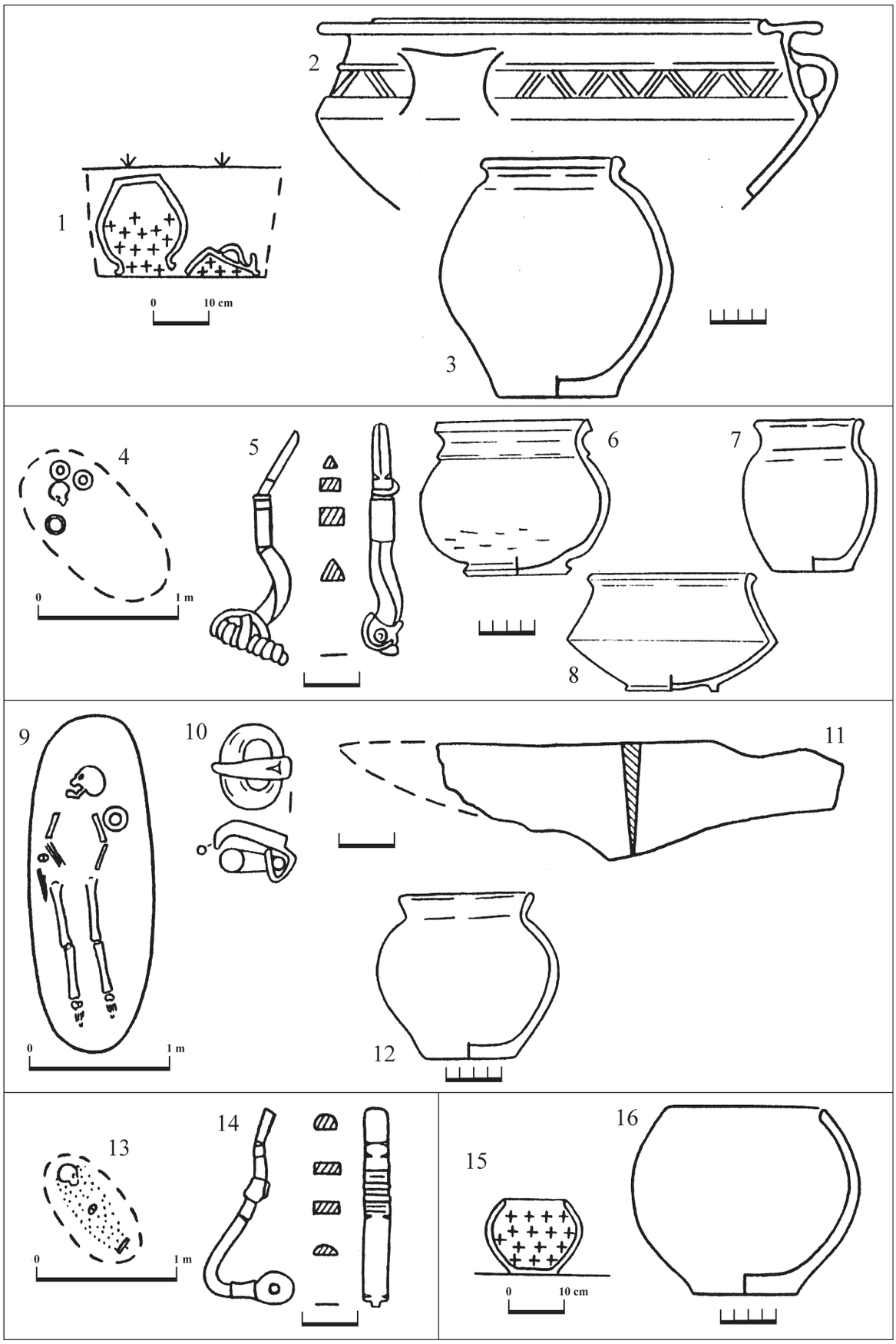


Рис. 65.
Могильник Компанийцы. ***1–3*** *– погребение № 50;* ***4–8*** *– погребение № 51;* ***9–12*** *– погребение № 55;* ***13, 14*** *– погребение № 57;* ***15, 16*** *– погребение № 59*

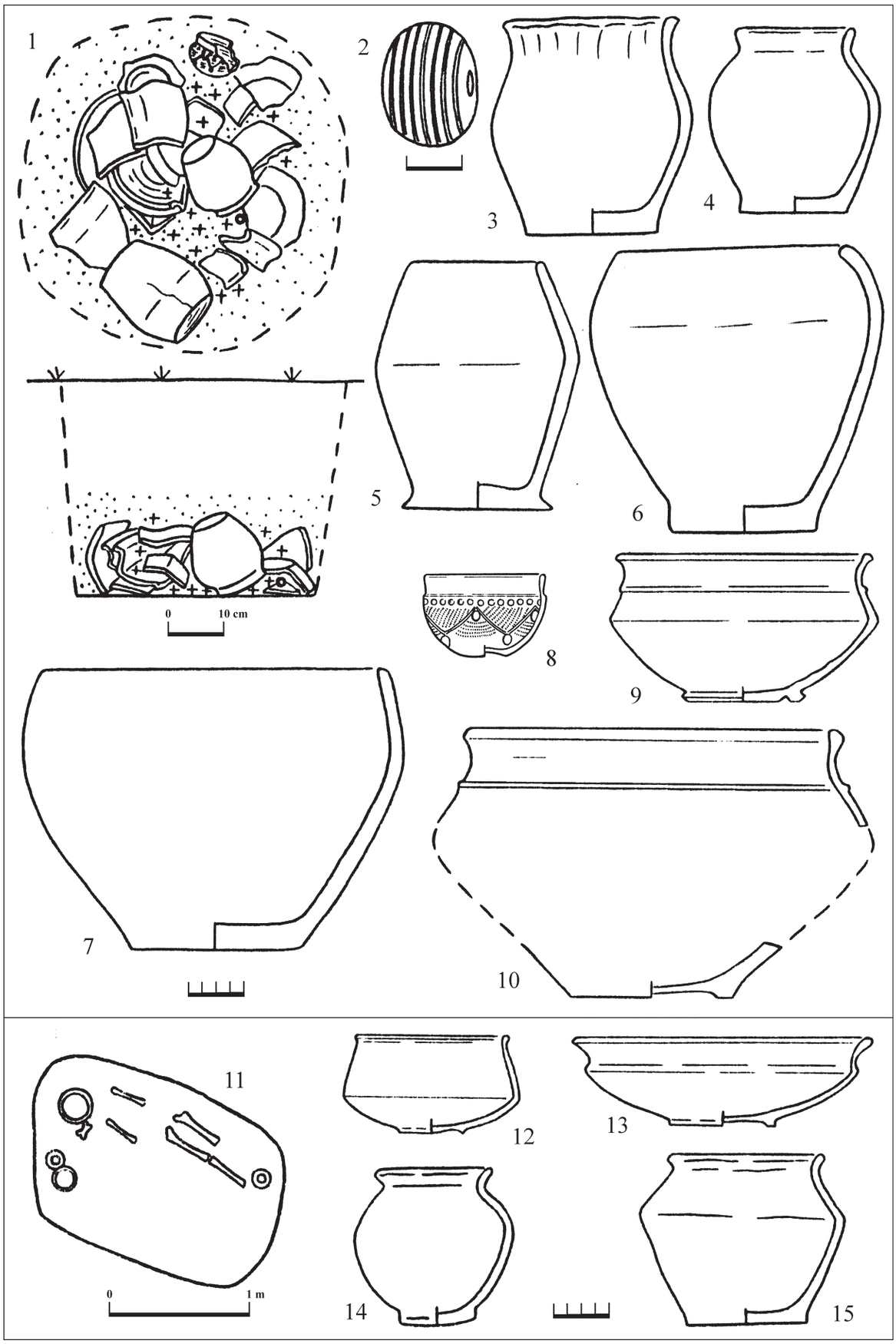


Рис. 66.
Могильник Компанийцы. ***1–10*** *– погребение № 56;* ***11–15*** *– погребение № 60*

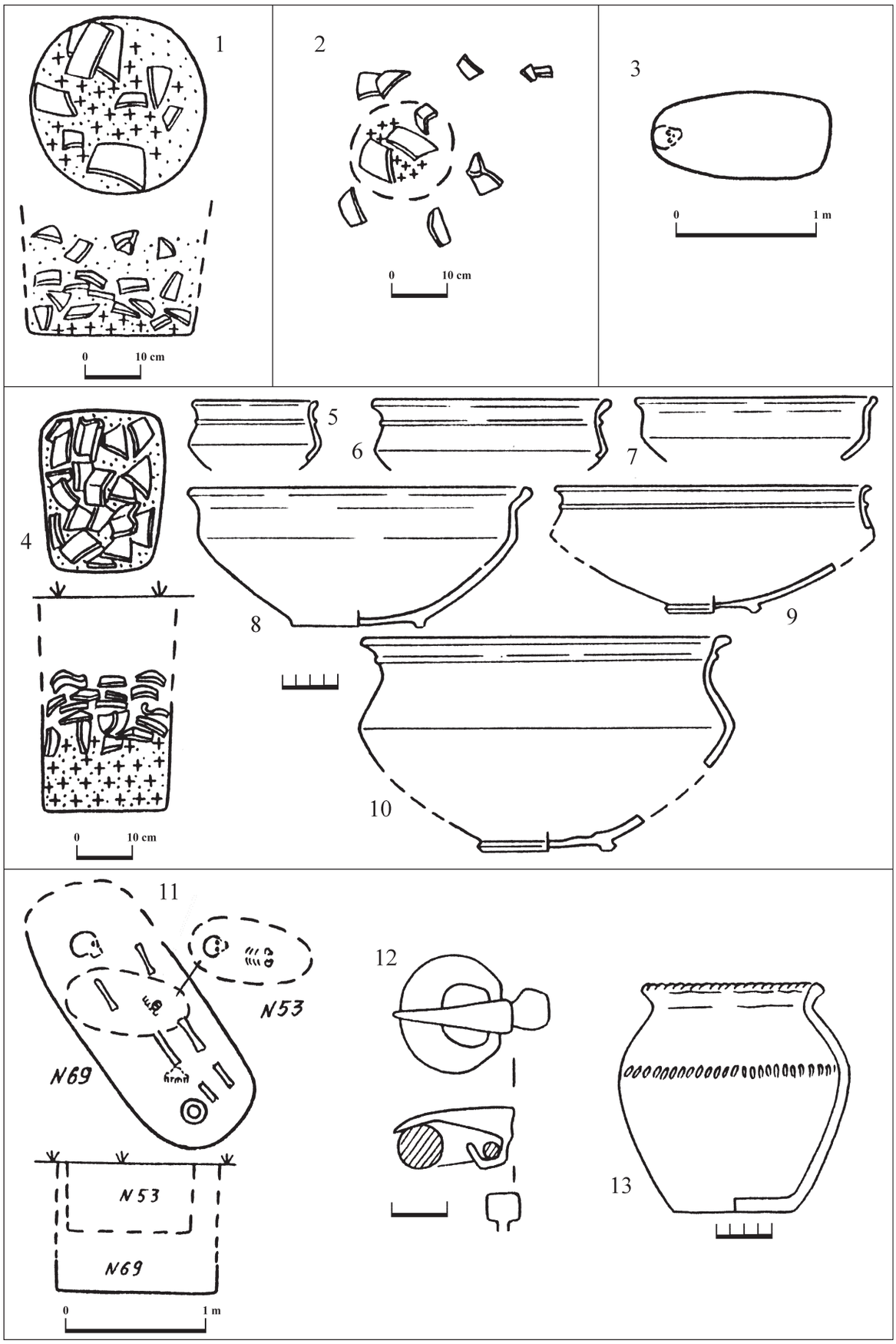


Рис. 67.
Могильник Компанийцы. ***1*** *– погребение № 62;* ***2*** *– погребение № 68;* ***3*** *– погребение № 70;* ***4–10*** *– погребение № 65;* ***11*** *– погребения №№ 53, 69;* ***12, 13*** *– погребение № 69*

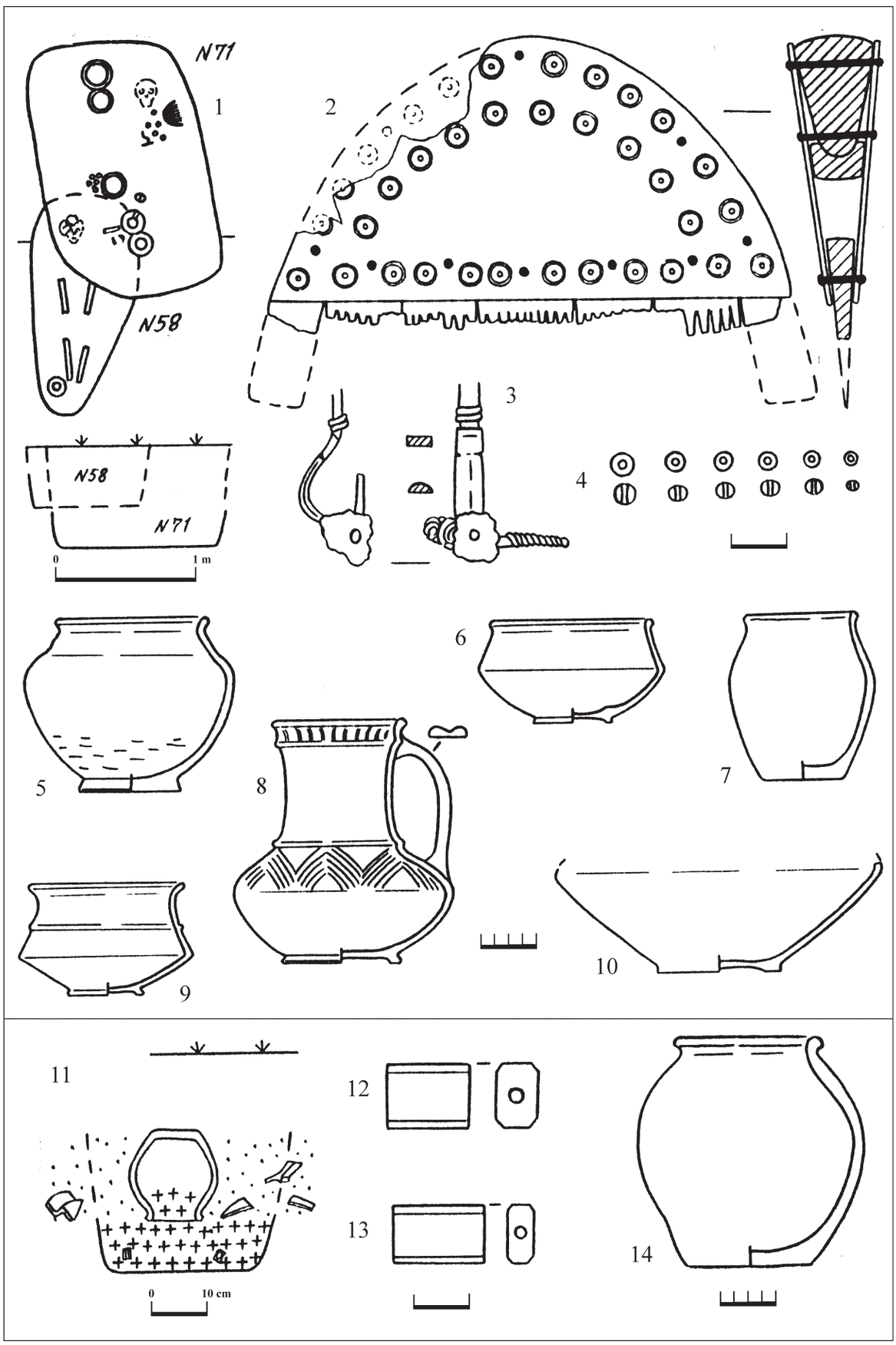


Рис. 68.
Могильник Компанийцы. ***1*** *– погребения №№ 58, 71;* ***2–6, 8–10*** *– погребение № 71;* ***7*** *– погребение № 58;* ***11–14*** *– погребение № 72*

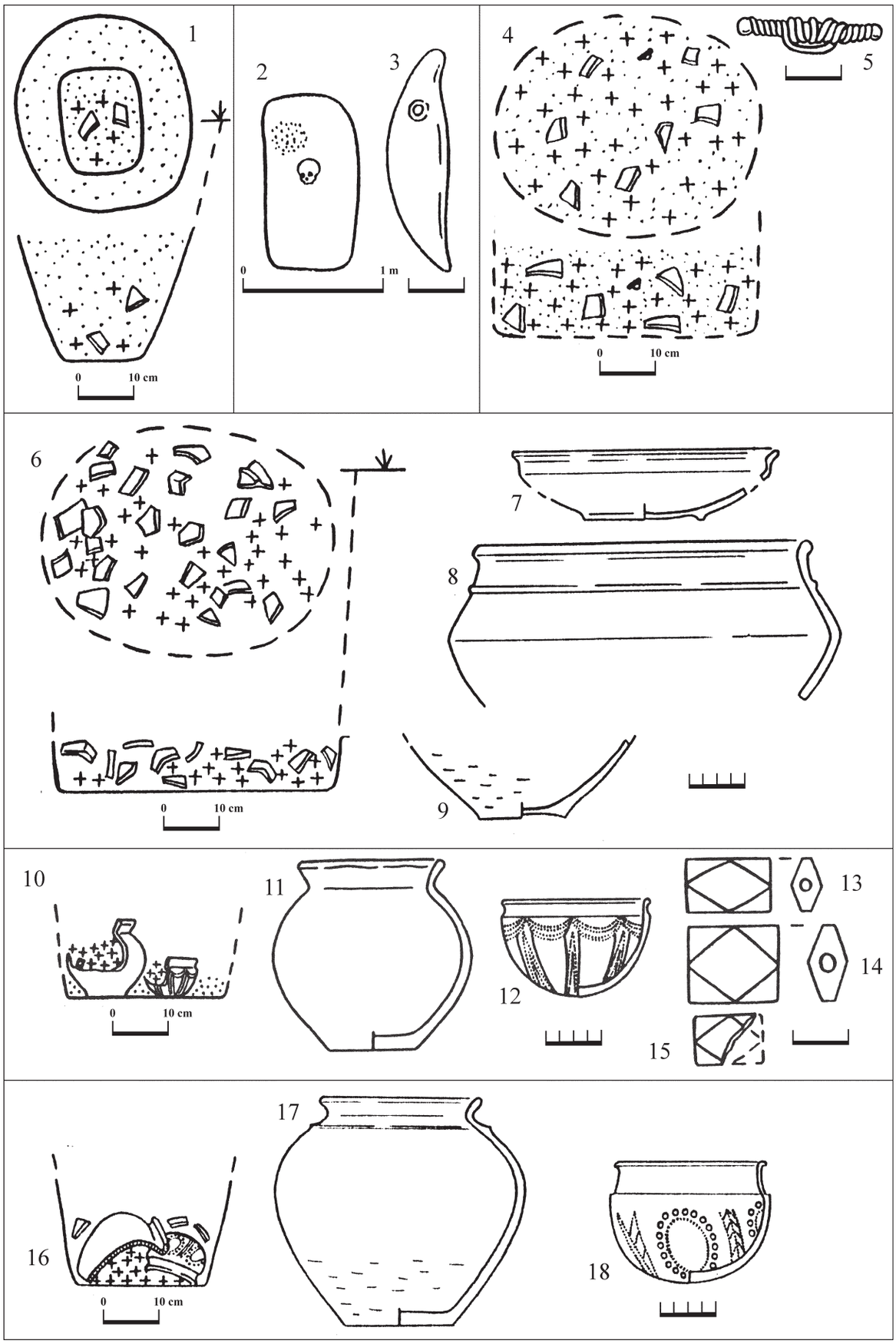


Рис. 69.
Могильник Компанийцы. ***1*** *– погребение № 74;* ***2, 3*** *– погребение № 75;* ***4, 5*** *– погребение № 86а;* ***6–9*** *– погребение № 77;* ***10–15*** *– погребение № 78;* ***16–18*** *– погребение № 79*

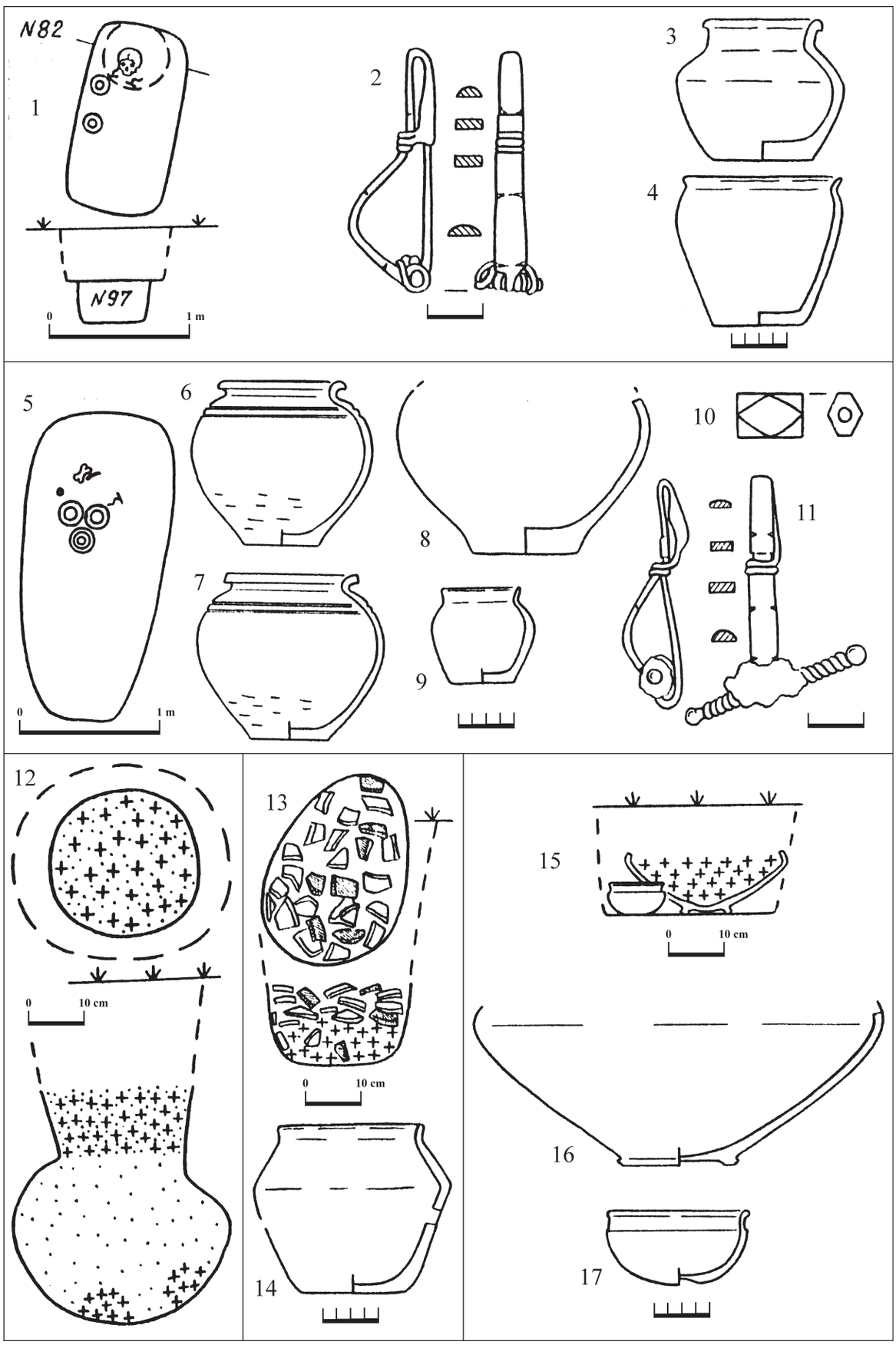


Рис. 70.
Могильник Компанийцы. ***1*** *– погребения №№ 82, 97;* ***2–4*** *– погребение № 82;* ***5–11*** *– погребение № 83;* ***12*** *– погребение № 93;* ***13, 14*** *– погребение № 95;* ***15–17*** *– погребение № 96*

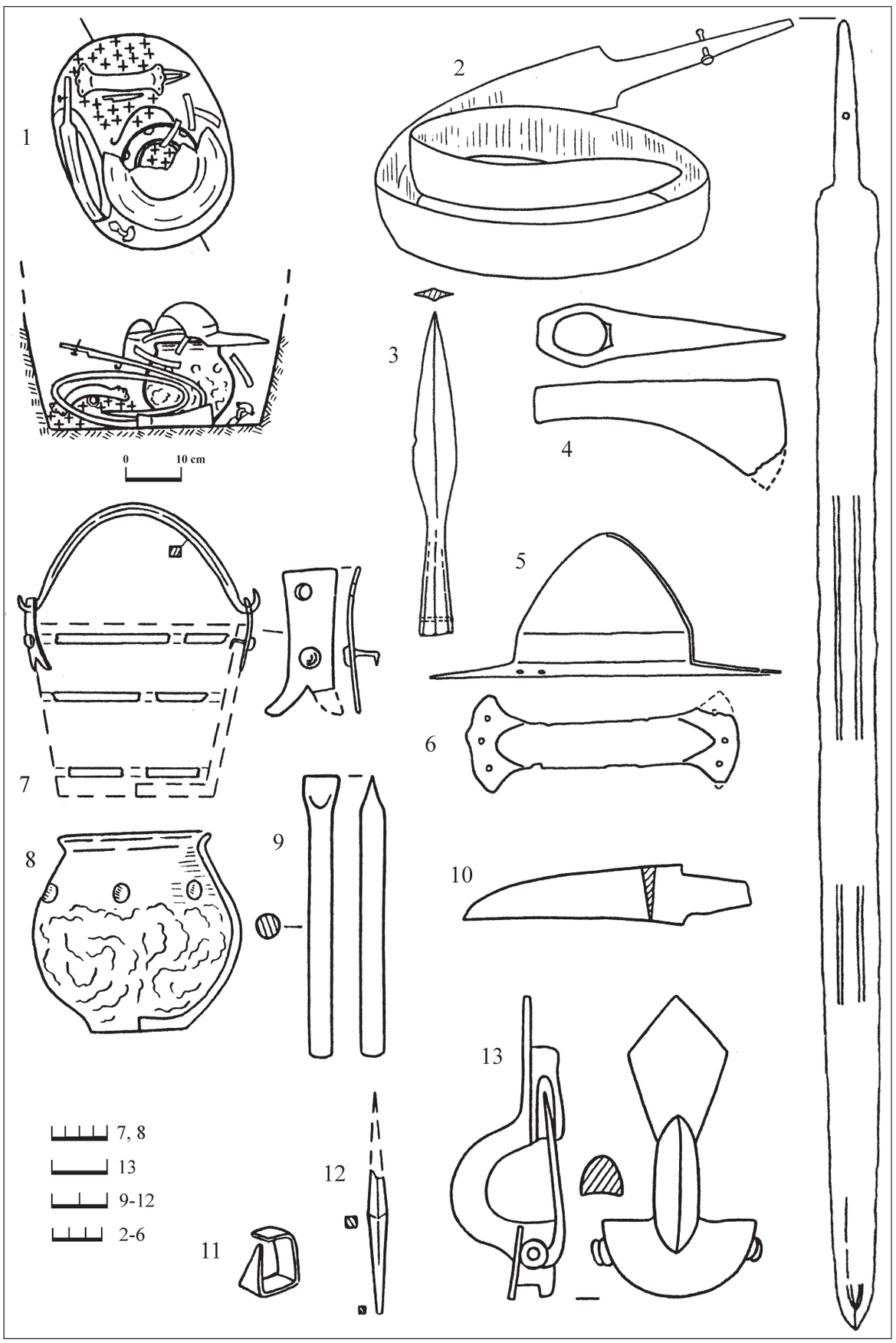


Рис. 71.
Могильник Компанийцы. ***1–13*** *– погребение № 86*

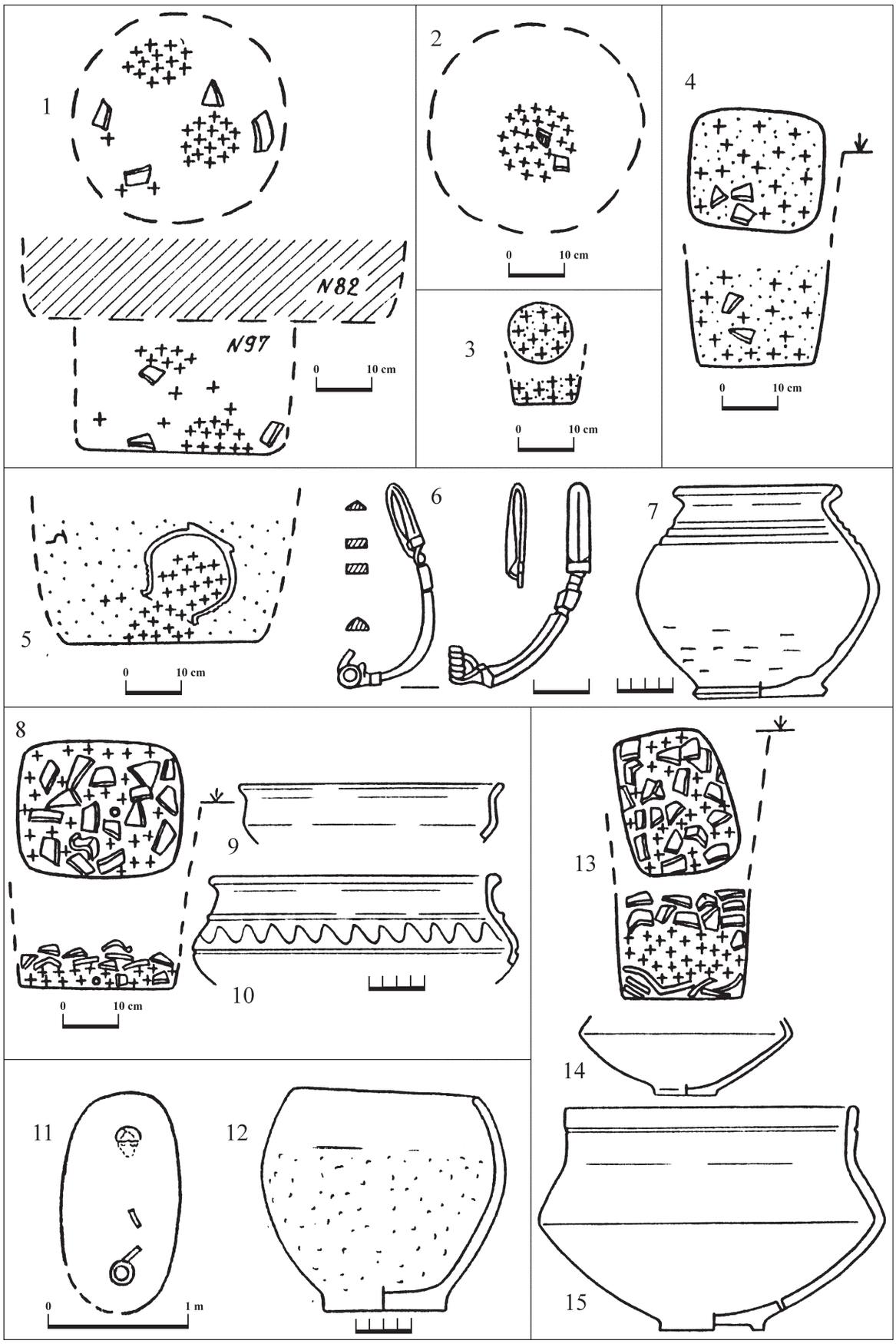


Рис. 72.

Могильник Компанийцы. ***1*** *– погребения №№ 82, 97;* ***2*** *– погребение № 99;* ***3*** *– погребение № 100;* ***4*** *– погребение № 102;* ***5–7*** *– погребение № 109;* ***8–10*** *– погребение № 112;* ***11, 12*** *– погребение № 115;* ***13–15*** *– погребение № 123*

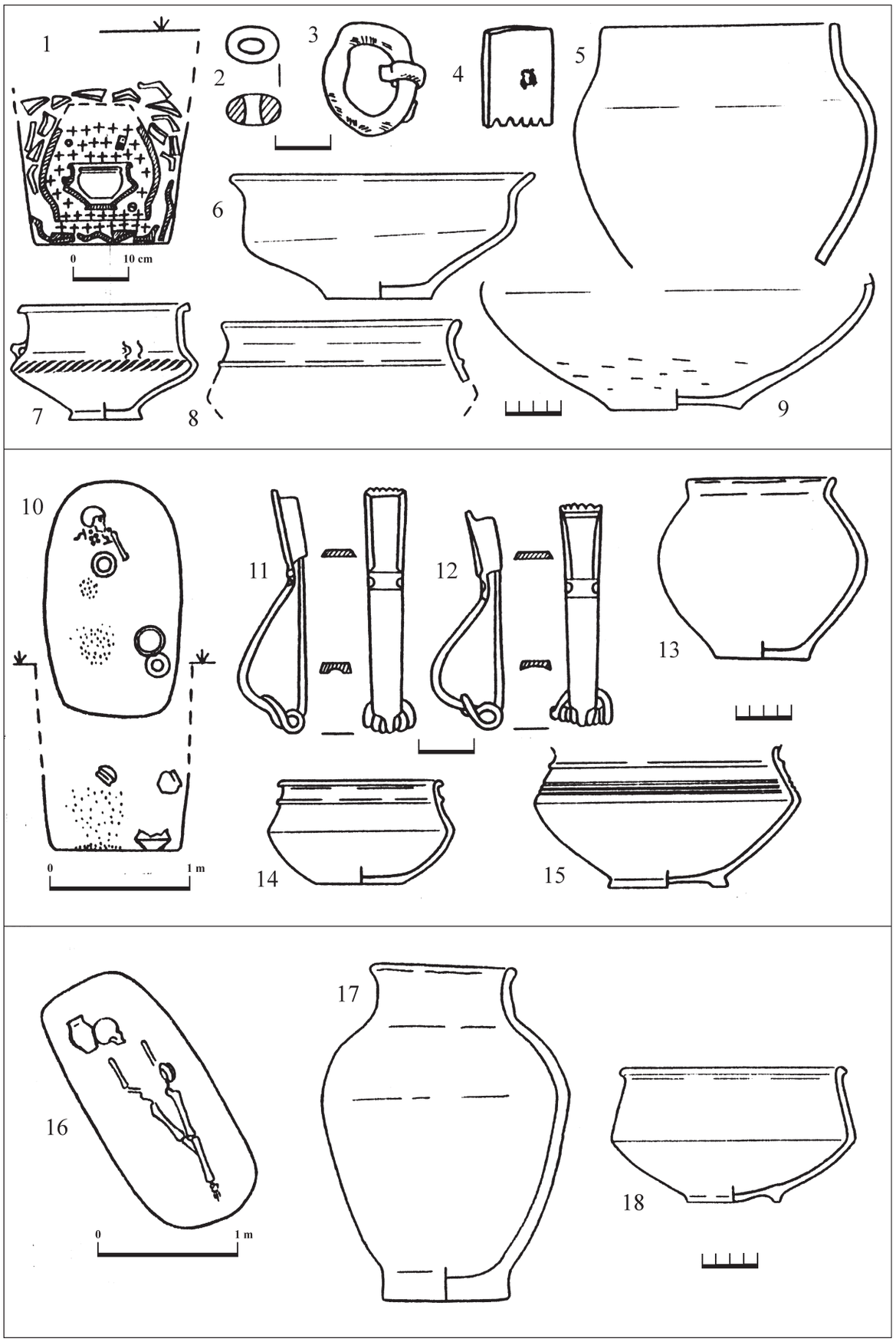


Рис. 73.
Могильник Компанийцы. ***1–9*** *– погребение № 117;* ***10–15*** *– погребение № 118;* ***16–18*** *– погребение № 120*

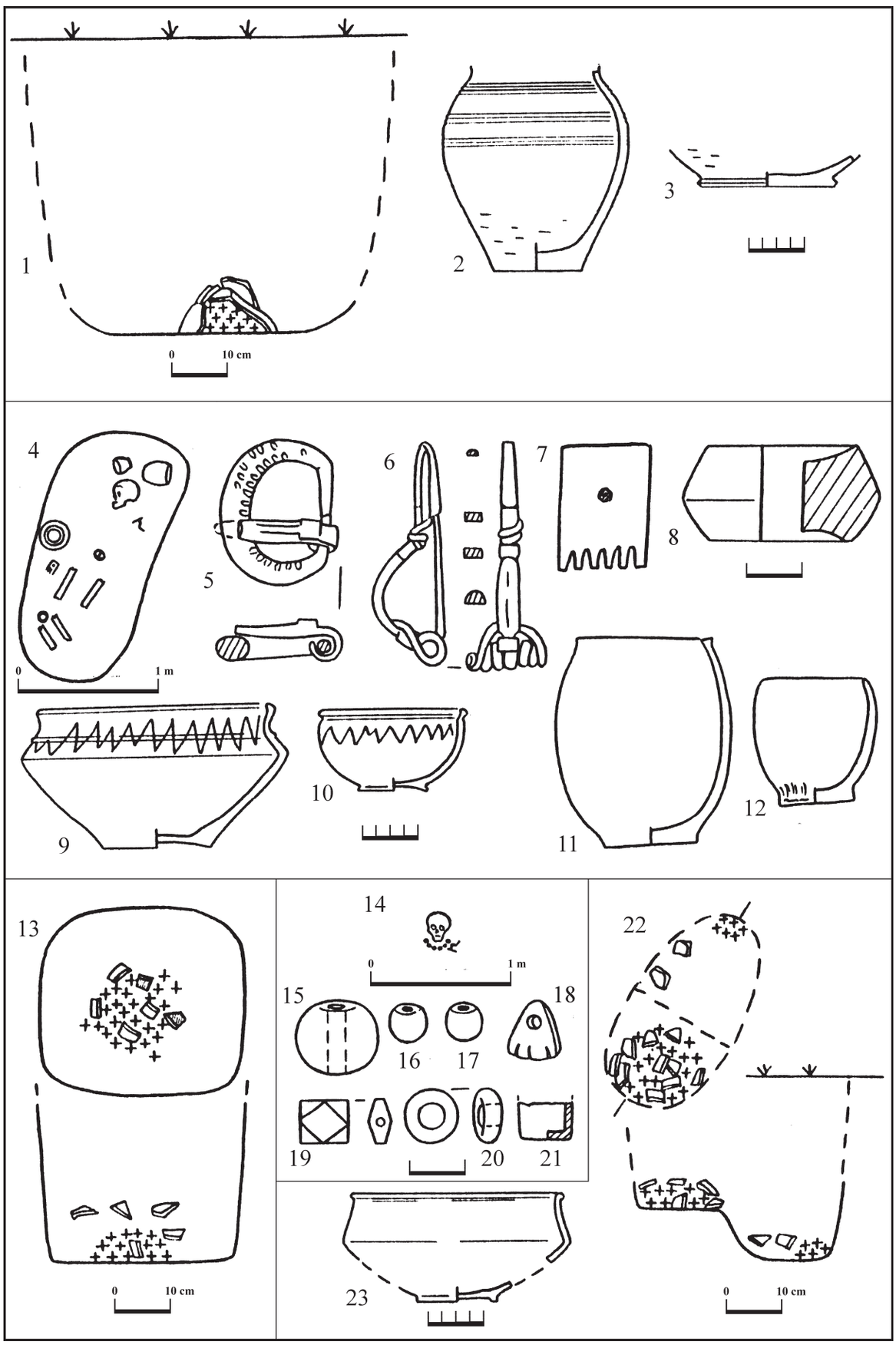


Рис. 74.
Могильник Компанийцы. ***1–3*** *– погребение № 121;* ***4–12*** *– погребение № 122;* ***13*** *– погребение № 125;* ***14–21*** *– погребение № 130;* ***22, 23*** *– погребение № 131*

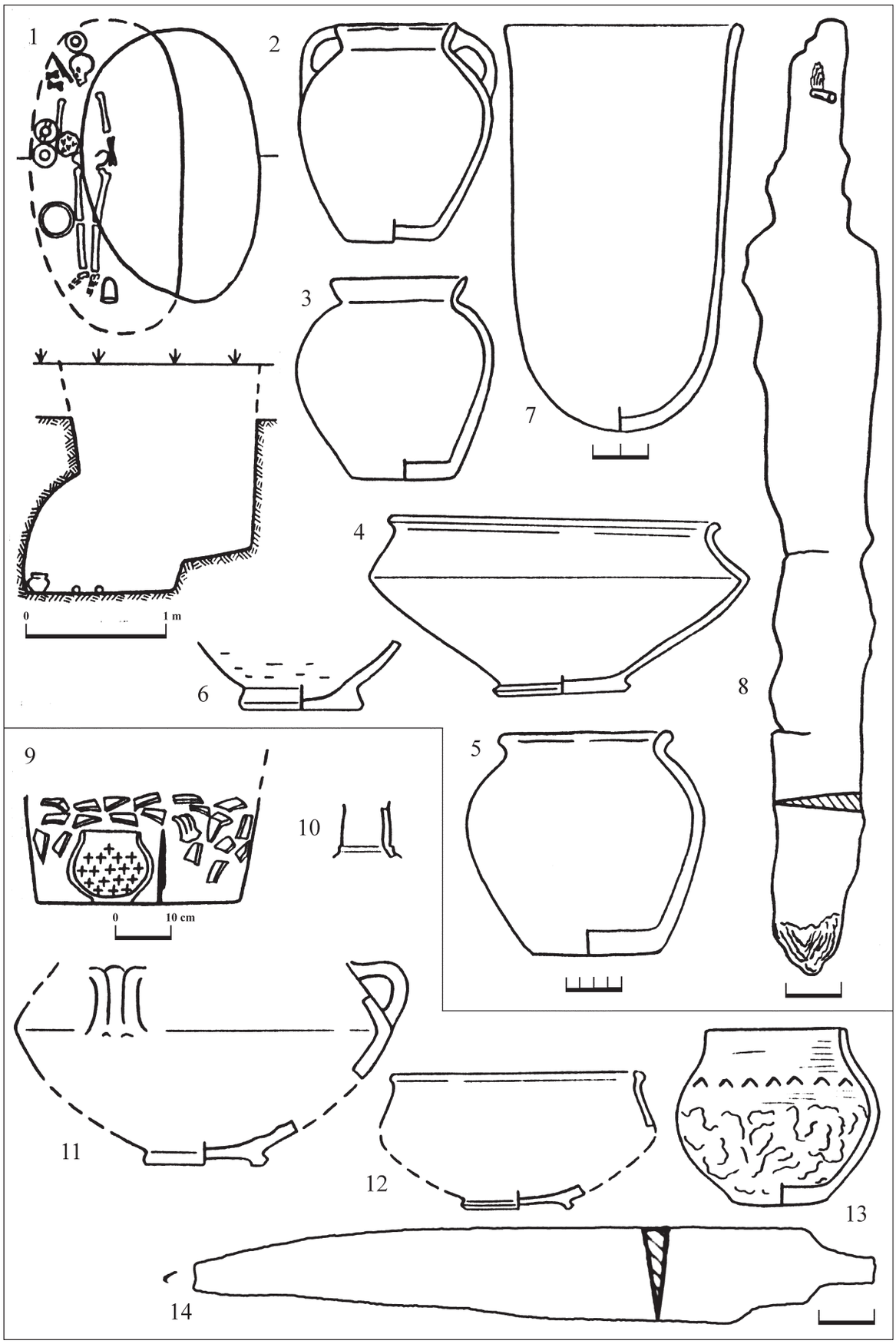


Рис. 75.
Могильник Компанийцы. ***1–8*** *– погребение № 12;* ***9–14*** *– погребение № 128*

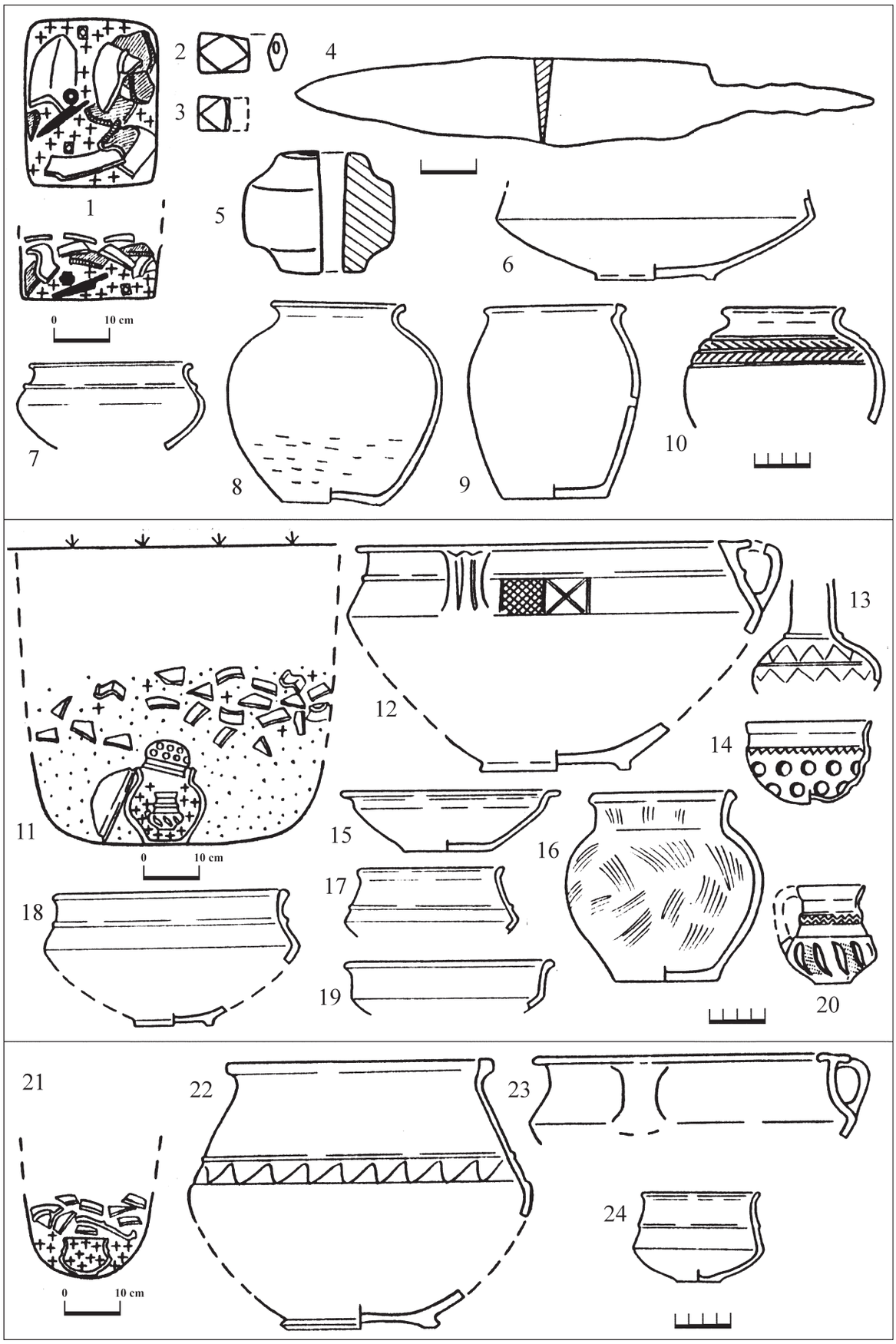


Рис. 76.
Могильник Компанийцы. ***1–10*** *– погребение № 132;* ***11–20*** *– погребение № 139;* ***21–24*** *– погребение № 166*

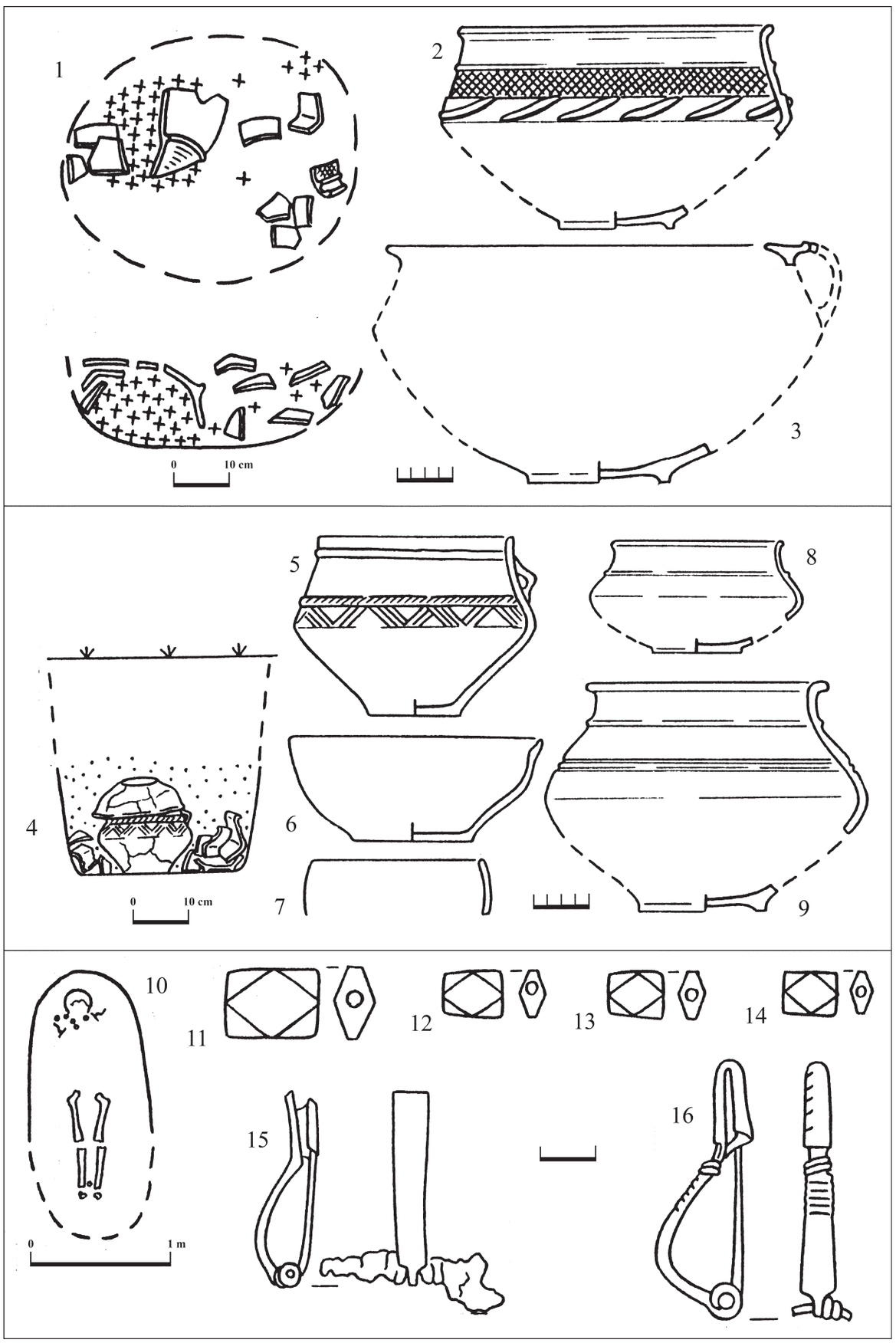


Рис. 77.
Могильник Компанийцы. ***1–3*** *– погребение № 159;* ***4–9*** *– погребение № 171;* ***10–16*** *– погребение № 174*

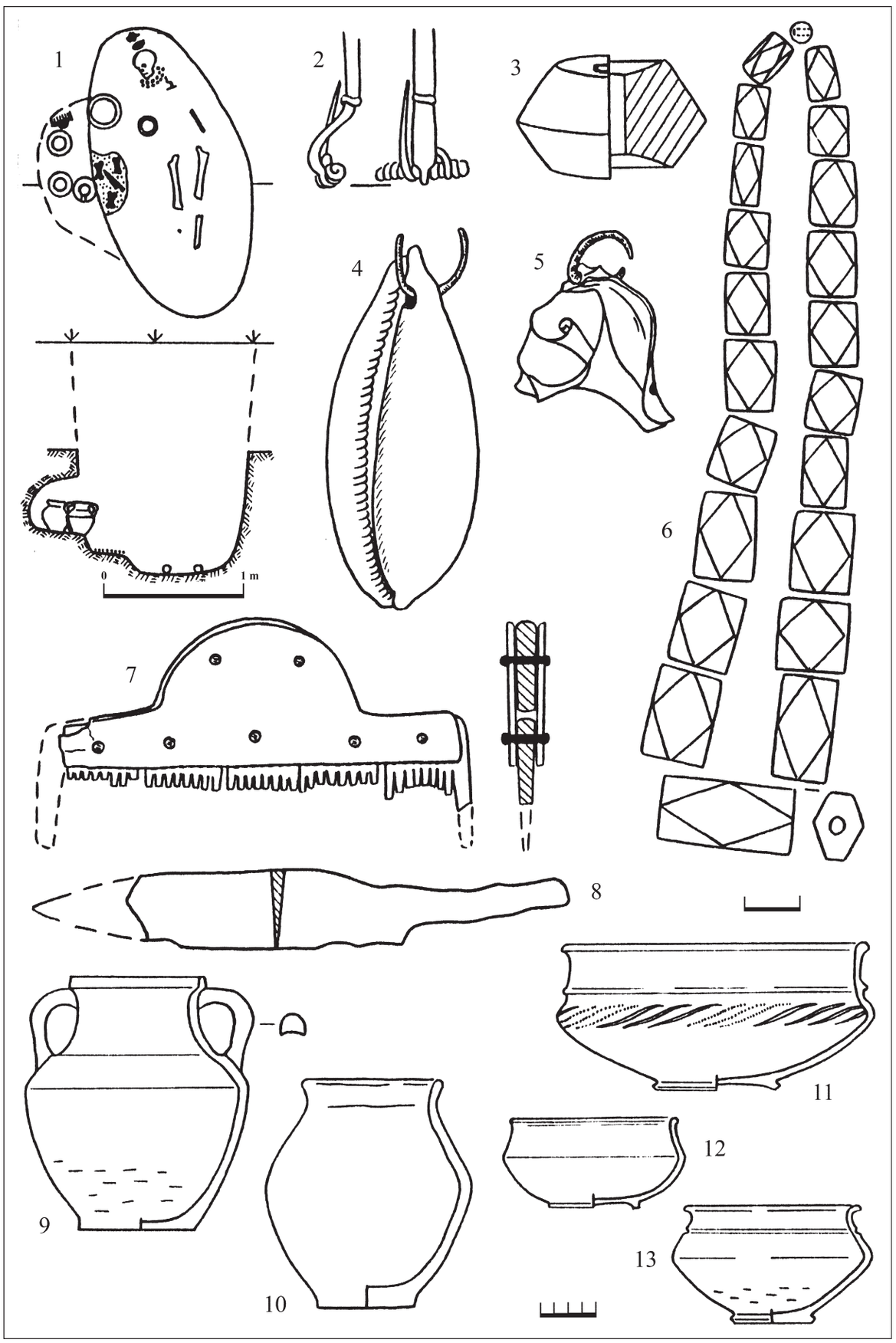


Рис. 78.
Могильник Компанийцы. ***1–13*** *– погребение № 162*

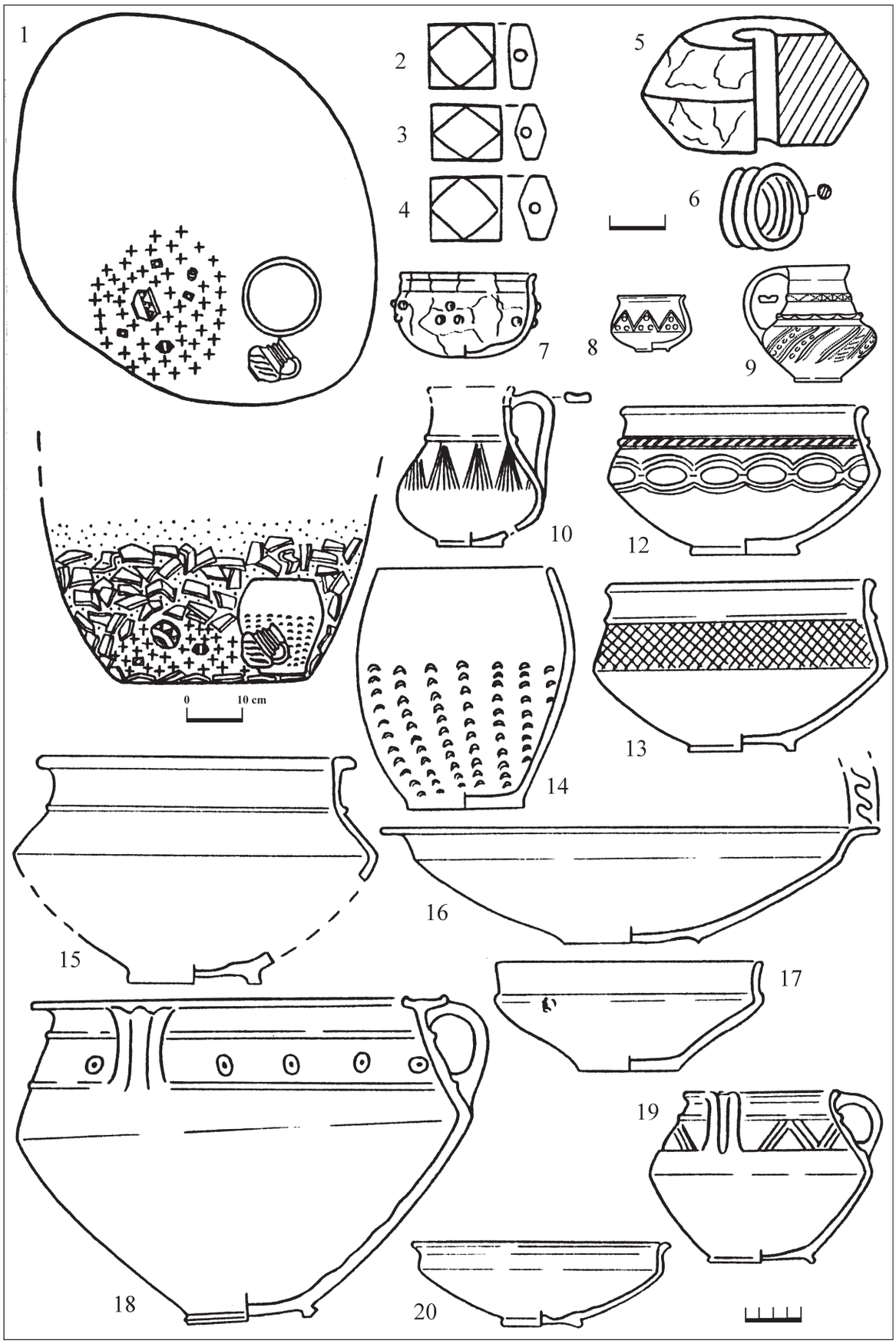


Рис. 79.
Могильник Компанийцы. ***1–20*** *– погребение № 164*

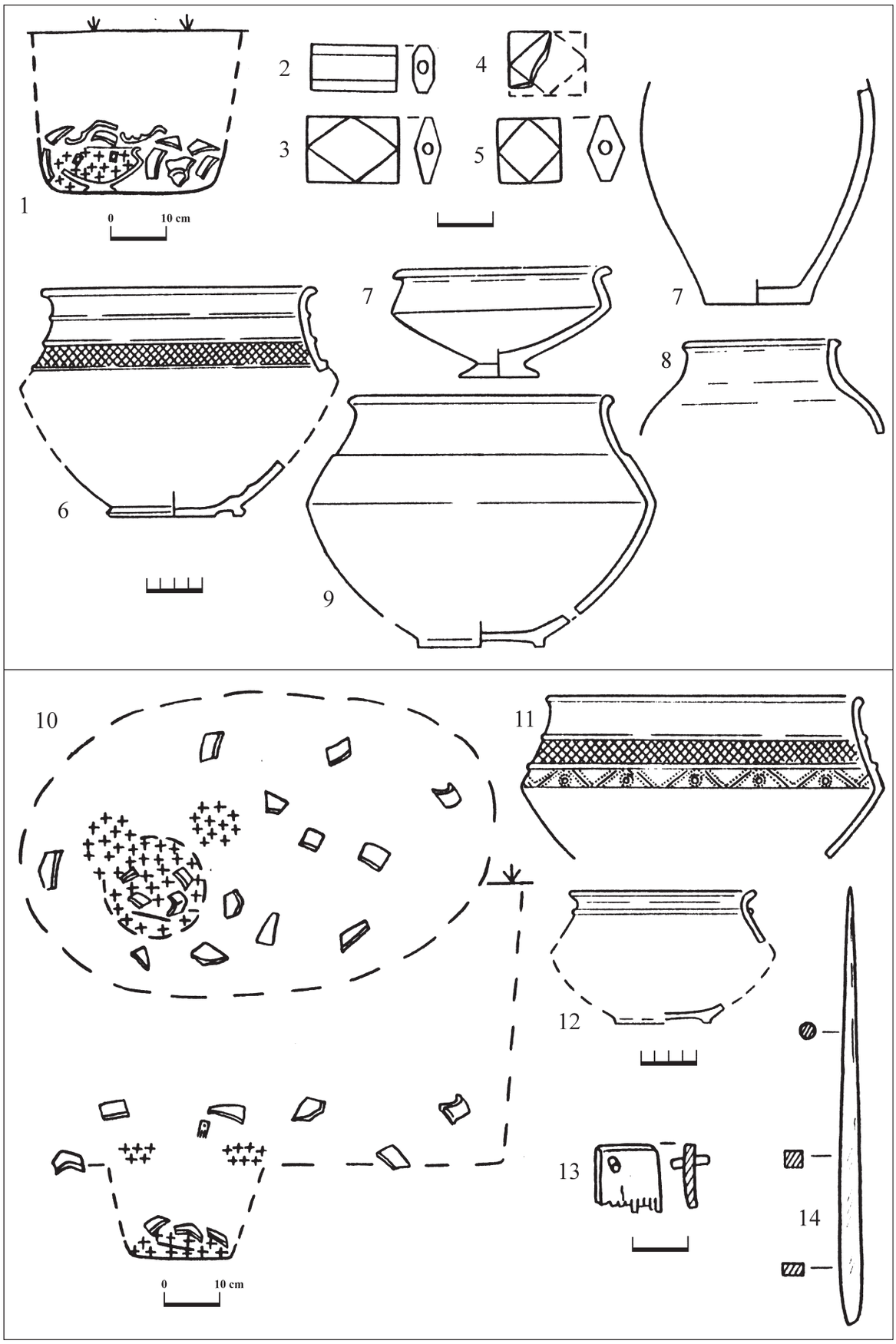


Рис. 80.
Могильник Компанийцы. ***1–9*** *– погребение № 173;* ***10–14*** *– погребение № 190*

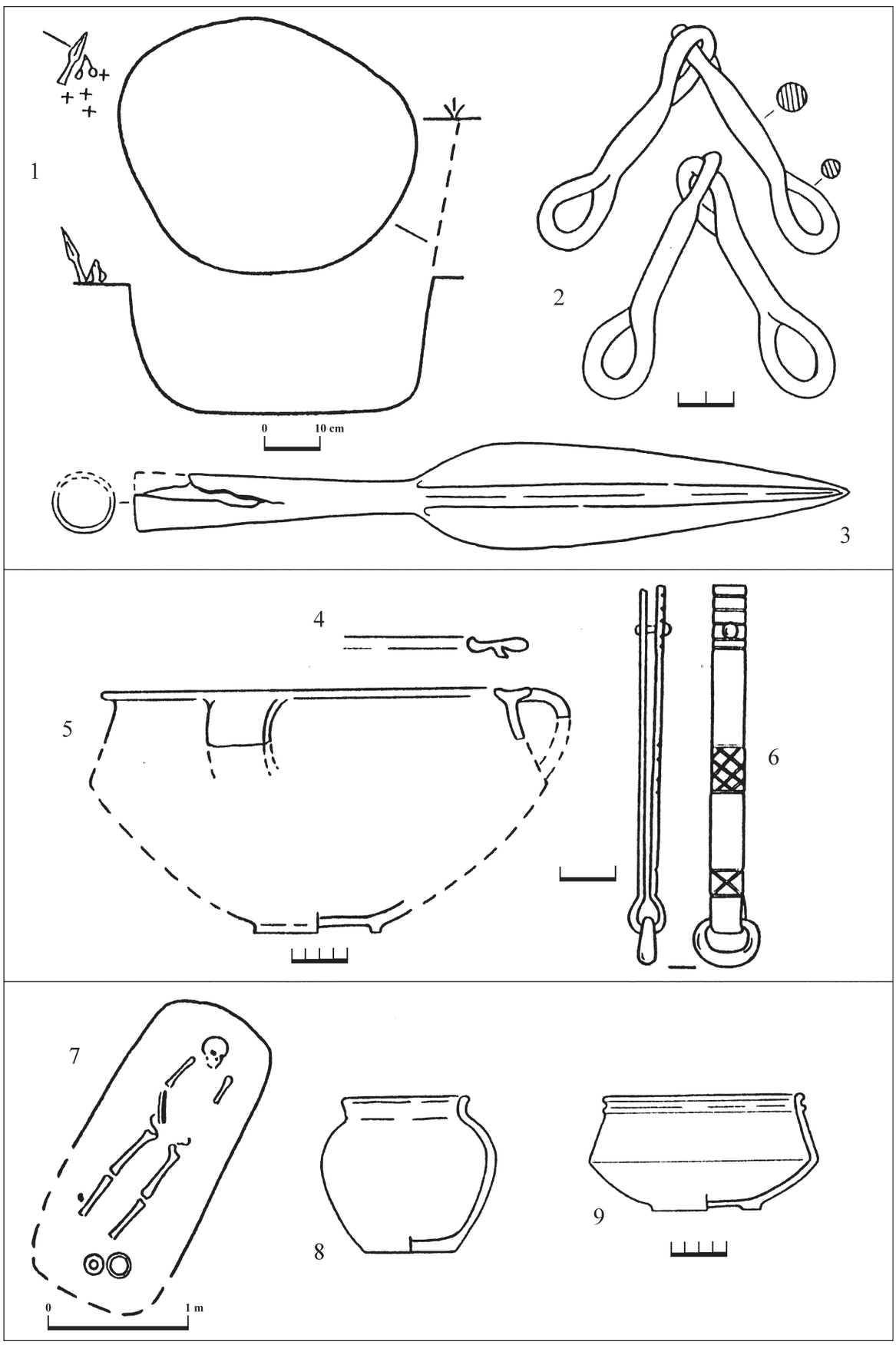


Рис. 81.
Могильник Компанийцы: ***1–3*** *– погребение № 196;* ***4–6*** *– погребение № 205;* ***7–9*** *– погребение № 238*

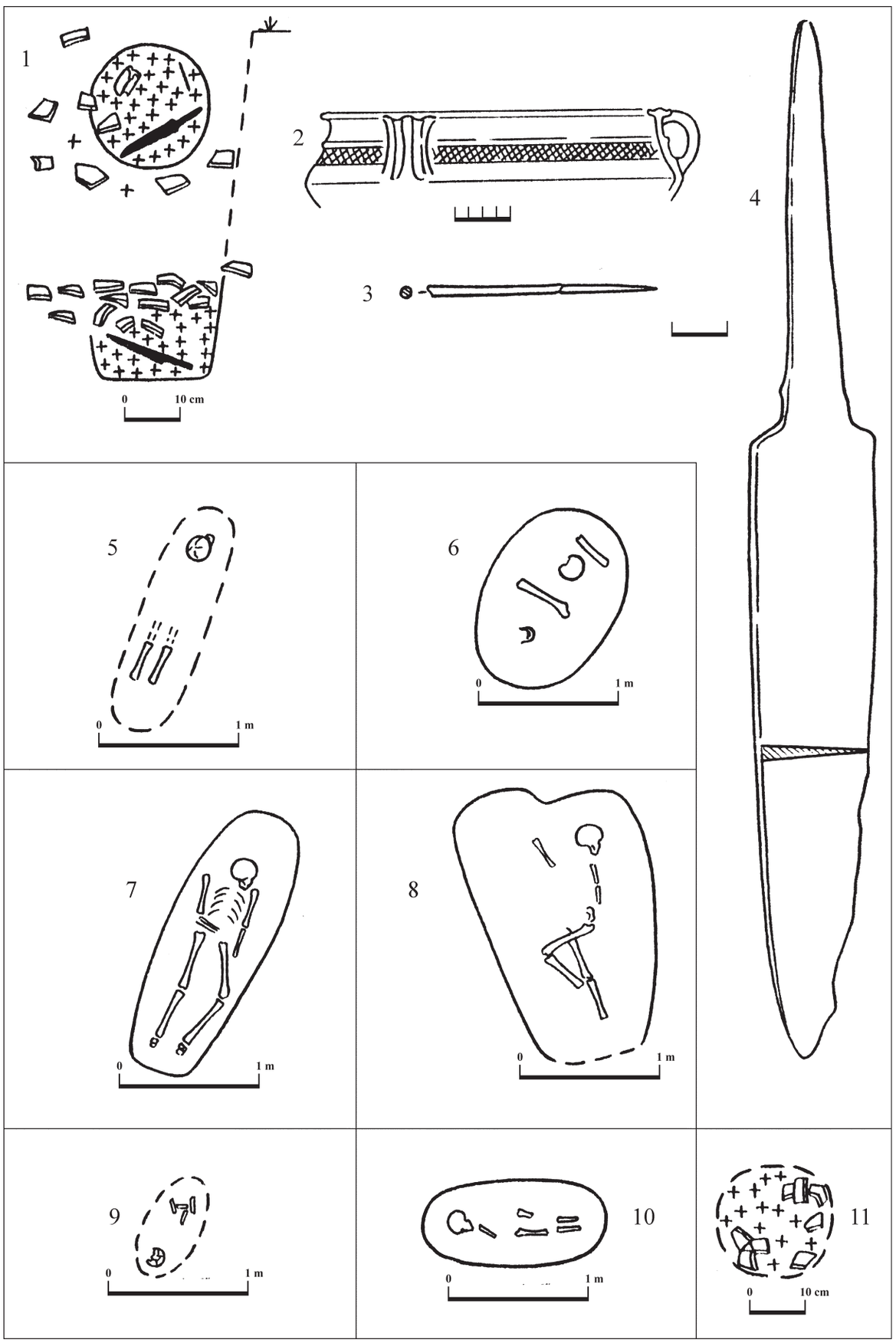


Рис. 82.
Могильник Компанийцы. ***1–4*** *– погребение № 169;* ***5*** *– погребение № 176;* ***6*** *– погребение № 232;* ***7*** *– погребение № 209;* ***8*** *– погребение № 236;* ***9*** *– погребение № 138;* ***10*** *– погребение № 141;* ***11*** *– погребение № 163*

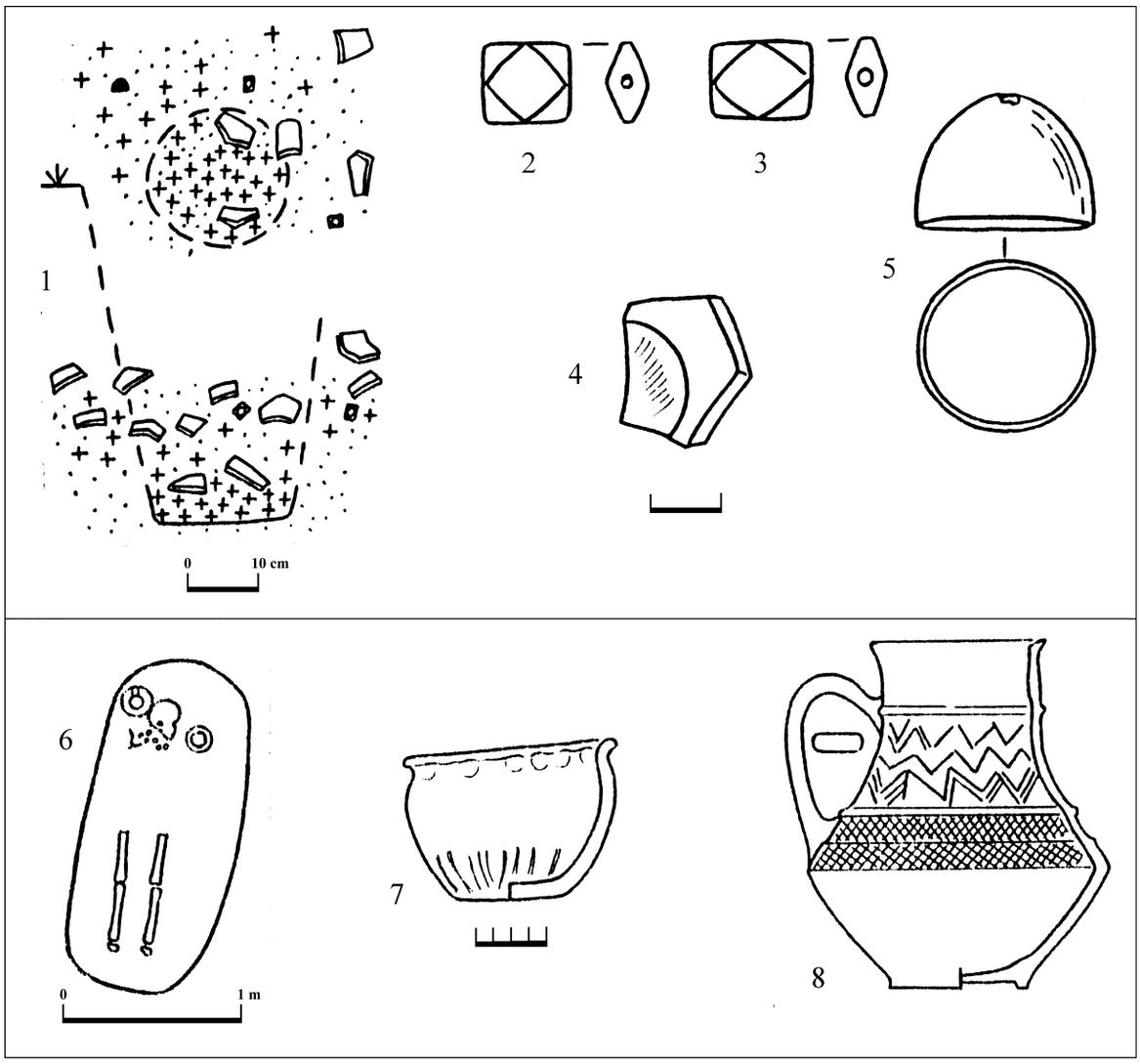


Рис. 83
Могильник Компанийцы. ***1–5*** – погребение № 224; ***6–8*** – погребение № 286

Г.А. ВОЗНЕСЕНСКАЯ, М.Е. ЛЕВАДА, Б.В. МАГОМЕДОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕРНЯХОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ВИШЕНКА-1 В ВИННИЦЕ

Поселение черняховской культуры Винница-Вишенка-1, расположенное на западной окраине города (рис. 1: 1, 2, 3), исследовалось в 1991–1992 гг. (*Магомедов, Левада* 1993). В 1994 г. работы продолжились на восточной части памятника.

Конфигурацию раскопов определил проект строительства канализации, которая должна была проходить через поселение (рис. 2). Общая площадь раскопов составила 2757 м^2 (р. 1 – 1511 м^2, р. 2 – 1021 м^2, р. 3 – 225 м^2). Таким образом, площадь, исследованная на памятнике на протяжении 1991, 1992 и 1994 г. составляет 5329 м^2. Находки из раскопок хранятся в фондах Винницкого областного краеведческого музея.

Во время последних исследований выявлены одно жилище, шесть хозяйственных ям и семь открытых очагов (рис. 3). Культурный слой поселения, глубина которого достигала 0,75 м, был неравномерный. Так, на участках раскопов, примыкающих к насыпи дороги, находки практически отсутствовали (рис. 4, 5). Подъемный материал, найденный там на поверхности, объясняется просто – вся пойма р. Вишенка до насыпи использовалась в предыдущие годы жителями близлежащих микрорайонов города под огороды. Заболоченность берега заставляла хозяев регулярно подсыпать свои участки землей, которую они брали выше по склону, т.е. с территории поселения.

Раскоп 1 (1994)

Раскоп был разбит по всей ширине поселения вдоль ручья, впадающего в Вишенку. На берегу Вишенки, повторяя конфигурацию проекта строительства, раскоп поворачивал под углом 90° и продолжался вдоль берега к насыпи. Сетка раскопа отклонялась на 17°45’ к востоку. Выявлено одно наземное жилище и хозяйственная яма (рис. 3:1). В квадрате Г-16/17 найдено погребение красноармейца времени Второй мировой войны, которое было перезахоронено представителями военкомата на городском кладбище.

Жилище 3 (рис. 6).

Для построек была продолжена существующая нумерация. Сооружение выявлено на глубине 0,4 м от современной поверхности по столбовым ямам, расположенным вдоль северо-восточной и юго-западной стенам. Западный угол жилища располагался практически на самом берегу ручья, поэтому выявить ямы от столбов не удалось из-за высокой влажности грунта.

Размеры прямоугольной в плане постройки составляли 6 х 6,6 м. Ямы от столбов были диаметром от 0,2 до 0,6 м и глубиной от 0,2 до 0,55 м от уровня пола.

По центру жилища на глубине 0,4 м от уровня современной поверхности находился квадратный в плане очаг, размерами 0,8 х 0,8 м (рис. 7: 1). Частично сохранившийся глиняный под толщиной до 3 см покрывал каменную основу. Куски гранита были выложены в два слоя толщиной 10 см. Камни и земля под ними были сильно обожжены. Среди камней найден кусок жернова из туфа.

Возле очага найдено скопление сильно обожженных стенок пифоса. В западной части постройки найден железный нож (рис. 7: 2), в южном углу – железная пряжка (рис. 7: 4). И нож, и пряжка найдены на глубине 0,4 м, совпадающей с уровнем пола. Кроме этого, в яме «В» найдена бронзовая пружина с широкой тетивой и иголкой от фибулы (рис. 7: 3).

В жилище 3 не найдено обожженной обмазки. Вероятно, оно, в отличие от жилищ 1 и 2, не сгорело, после того как было оставлено.

Яма 1 (р. 1, кв. Д-18, рис. 7: 11).

Овальная в плане яма размерами 1,5 х 0,8 м и глубиной 0,85 м от современной поверхности. В заполнении найдено незначительное количество мелких фрагментов черняховской керамики и угольков.

Раскоп 2 (1994)

Раскоп продолжал направление проекта трассы после насыпи дороги. Отклонение сетки раскопа от направления С-Ю составляло 14°. Участок под насыпью дороги не раскапывался, поскольку исследование под дорогой на раскопе 1 показало, что при строительстве насыпи склон был нивелирован до материка и подсыпан щебнем и строительным мусором. Глубина культурного слоя в раскопе достигала 0,6 м. Найдено семь открытых очагов и пять хозяйственных ям, составлявших единый комплекс с объектами раскопа 1992 г.

Ямы 2, 3, 4 (р. 2, кв. И/з-46, рис. 8: 1).

Три ямы, расположенные на одной линии в направлении Ю-В – С-З на расстоянии 0,6–0,7 м одна от другой. Яма 2 прямоугольной в плане формы, размерами 0,8 х 4,5 м и глубиной 0,8 м от современной поверхности. Яма 3 округлая в плане, диаметром около 0,4 м и глубиной 0,65 м от уровня современной поверхности. Яма 4 овальная в плане, размерами 0,35 х 0,12 м, глубиной 0,65 м от современной поверхности.

Яма 5 (р. 2, кв. з-48, рис. 8: 2).

Овальная в плане яма, размерами 0,4 х 0,55 м и глубиной 0,7 м от уровня современной поверхности.

Яма 6 (р.2, кв. Д-45, рис. 8: 3).

Округлая в плане яма, диаметром 0,4 м и глубиной 0,8 м от уровня современной поверхности.

Очаг 1 (р. 2, кв. з/Ж-45/46, рис. 8: 4).

Очаг располагался в яме размерами 1,8 х 1,0 м и глубиной 0,6 м от уровня современной поверхности, ориентированной длинной осью в направлении Ю-З – С-В. В юго-западной части ямы находился, частично разрушенный, глиняный под, вмазанный в пол ямы. Размеры пода 1,0 х 1,6 м, толщина 0,1 м. Заполнение ямы было насыщено мелкими угольками.

Очаг 2 (р. 2, кв. з-31/32, рис. 8: 5).

Близкий в плане к квадратной форме очаг имел размеры около 0,7 х 0,7 м и находился на глубине 0,5 м от уровня современной поверхности. В глиняный под, толщиной до 4 см, были вмазаны камни. Под камнями земля пропеклась на 5–10 см. На очаге лежало пятно сильно обожженной глины светлого цвета, а на пятне – скопление пережженной керамики. Найдено 32 фрагмента от трех столовых (рис. 10: 3, 6, 8), одного лепного (рис. 12: 6) и двух плохо реконструируемых кухонных сосудов.

Очаг 3 (р. 2, кв. Е-25, рис. 9: 1).

На глубине 0,4 м от уровня современной поверхности находился частично разрушенный очаг, который до разрушения был, скорее всего, квадратной в плане формы, размерами 1,0 х 1,0 м. Очаг был выложен слабо обожженными кусками гранита. Между камнями встречались небольшие угольки. Судя по незначительному обжигу, очаг функционировал недолгое время.

Открытые очаги схожей конструкции известны на этом поселении по раскопкам 1991–1992 гг. В раскопе 1991 г. – 20 очагов, 1992 г. – 2. Ближайшие выходы гранита существуют ниже по течению р. Вишенка, в месте ее впадения в Южный Буг, в 3 км от поселения.

Очаг 4 (р. 2, кв. Д-46, рис. 9: 2).

На глубине 0,6 м от уровня современной поверхности находился наполовину углубленный в материк глиняный под округлой формы диаметром около 0,8 м и толщиной 0,15 м.

Очаг 5 (р. 2, кв. И/К-32, рис. 9: 3).

Округлый в плане очаг находился на глубине 0,4 м от уровня современной поверхности. Глиняный под был диаметром около 0,65 м и толщиной до 3 см. Земля под очагом была обожжена на глубину до 5 см.

Очаг 6 (р. 2, кв. Г-46, рис. 9: 4).

Конструкция этого очага была сходна с очагом 1 – он размещался в насыщенной угольками яме. К сожалению, полностью яму исследовать не удалось – она выходила за пределы раскопа, определенные проектом строительства. Яма, глубиной 0,7 м от уровня современной поверхности и шириной 1,6 м, была ориентирована длинной осью в направлении С-Ю. В южной части находился округлый в плане очаг диаметром 0,5 м. Глиняный под, толщиной до 4 см, сохранился плохо.

Очаг 7 (р.2, кв. з-47, рис. 9: 5).

От очага остался очень плохо сохранившийся глиняный под, толщиной 5 см, земля под которым была обожжена на глубину до 3 см. На поде находились куски обожженной рыхлой глины светло-желтого цвета.

Исследование поселения на протяжении трех сезонов позволили прийти к выводу о невысокой плотности его заселения. Отдельные усадьбы располагались с интервалом около 50–100 м. Каждая усадьба включала жилой дом, окруженный легкими хозяйственными постройками. Судя по исследованным участкам и скоплениям находок на поверхности, на восточной части поселения находилось не более пяти усадьб. Наиболее исследованной является усадьба, входившая в раскопы 1992 г. и раскоп 2 1994 г. (рис. 3: 2).

В центральной, неисследованной, части поселения прослежено два скопления обмазки, которые, возможно, соответствуют двум усадьбам.

Крупнейшей частью поселения является западная, но ее исследования проводились только с восточного края (возле шоссе), где выявлено одно жилище. Далее на запад подъемный материал имеет большую насыщенность. Это может свидетельствовать либо про значительную плотность заселения этого участка, либо в пользу более длительного существования этой части памятника. Известно, что черняховские поселения развивались, как правило, от мысов и далее по берегу. Среди подъемного материала на этой части поселения найдена фибула типа Гороховский-А1а, соответствующая ранней фазе черняховской культуры (*Магомедов, Левада* 1993, рис. 9: 2; *Гороховский* 1988).

Все три исследованные на поселении жилища были наземной конструкции. Жилище 1, площадью 166 м^2, принадлежит к типу «длинных домов» – «stallhaus». В жилищах 1 и 2 ямы от столбов не прослежены. Не исключено, что вдоль периметра

стен в них использовались горизонтальные деревянные плахи с пазами для вертикальных столбов. Такая конструкция полностью оправданна для влажных черноземных почв. Жилища 2 и 3 подобны размерами (36 и 39,6 м^2), но жилище 2, вероятно, имело пристройку, а очаг в нем располагался не по центру, а возле стены.

Раскопки в 1994 г. дали количественно небольшой, но очень выразительный керамический материал. Из обоих раскопов происходит 808 фрагментов керамики. В раскопе 1 керамика раннего железного века составляла 4,8%, а трипольской культуры – 0,7% от общего числа. В раскопе 2 скифская керамика составляла 10,0%. Несмотря на постоянность находок, общий вес материалов раннего железного века на поселении незначителен. Отсутствие синхронных объектов позволяет предположить, что берег Вишенки в то время был заселен незначительно, если только исключить, что скифские объекты не могут концентрироваться на неисследованных участках памятника.

Распределение черняховского керамического комплекса имеет такой вид:

Гончарная кухонная керамика представлена

КАТЕГОРИЯ	КОЛИЧЕСТВО В РАСКОПЕ 1	% В РАСКОПЕ 1	КОЛИЧЕСТВО В РАСКОПЕ 2	% В РАСКОПЕ 2
Гончарная кухонная	58	42,3	203	34,0
Гончарная столовая	45	33,0	195	32,7
Гончарная тарная (пифосы)	1	0,7	1	0,2
Лепная	31	22,6	194	32,5
Импортная	2	1,4	4	0,6
ВСЕГО	145	100,0	597	100,0

обычными для Черняховского керамического комплекса горшками (рис. 7: 6, 10: 2–5) и большими горшковидными сосудами, массивные венчики которых имеют с внутренней стороны слабо намеченный выступ. Найдены также (рис. 10: 6–11) подобные последним, но изготовленные из столового теста с лощеной поверхностью (рис. 11: 6–8). Похожие по форме сосуды были найдены в Беляевке на Среднем Днепре. Авторы раскопок считают, что это «обломки трехручных зерновиков-корчаг» (*Вакуленко, Приходнюк* 1988, с. 67, рис. 1: 6).

Наиболее интересной находкой среди кухонного керамического комплекса являются фрагменты круглобокого гончарного горшка, венчик которого загнут внутрь. Практически это выполненная на гончарном круге имитация формы лепного сосуда т.н. «эльбского» типа. Такая лепная посуда, относящаяся к группе Волангевич-IA, характерна для восточногерманских древностей, в том числе и для черняховской культуры (*Wołągiewicz* 1990, mapa 44). Гончарная керамика такой формы очень редко встречается именно на черняховских памятниках бассейна Южного Буга – поселения Шершни (*Магомедов, Гудим-Левкович* 1991, с. 96, рис. 5: 8, 9) и Федоровк а (неопубликованные раскопки М.Е. Левады).

Гончарная столовая керамика представлена типичными для черняховской культуры серолощеными мисками с выделенным ребром (рис. 11: 1–5), описанными выше горшковидными сосудами с массивными венчиками (рис. 11: 6–8), трехручными вазами (рис. 12: 1, 2), кувшинами (рис. 12: 3, 5). Найдены также фрагменты сосуда, имитирующего формой деревянное ведро (рис. 12: 4).

Первая из трехручных ваз отличается большими размерами: диаметр массивного венчика достигает 36 см (рис. 12: 1). Форма ручек другой вазы необычна для посуды этого типа. Ближайшими к ней аналогиями являются ручки вазы из погребения Рудка в верхнем течении Припяти (Кухаренко 1980, табл. XXXI: 9), погребения 191 могильника Опочно на Дунае (*Pleinerová* 1995, taf. 33: 4) и погребения 1 могильника Закшув на Вроцлавщине. Для пшеворской культуры такие вазы названы Х. Добжаньской типом A IX, хотя, по нашему мнению, выборка этой формы в ее работе очень мала для выделения в отдельный тип – учтена только находка из Закшува (*Dobrzańska* 1977, s. 103).

Керамическая имитация ведер характерна для синхронных памятников пшеворской культуры – тип F IV (*Dobrzańska* 1977, s. 125). Среди черняховских древностей такая посуда встречается редко – единственной целой формой является находка в могильнике Каборга в Причерноморье (*Магомедов* 1979, с. 32). Наш экземпляр отличается лощеным двуярусным орнаментом в виде сетки и треугольников (рис. 12: 4).

Лепная керамика очень разнообразна. Найдены горшки двух типов. К первому относятся слабопрофилированные, или с отогнутыми наружу венчиками формы, имеющие гладкую, иногда даже заглаженную поверхность округлого тулова (рис. 13: 1, 4, 5). Горшки второго типа – типичные, упомянутые ранее, «эльбские» круглобокие сосуды с загнутыми внутрь венчиками и специально ошершавленным – «хроповатым», туловом (рис. 13: 2, 3, 6). У конической миски также «хроповатые» стенки (рис. 13: 8).

Высокие миски-урны («schaleurnen») представлены двумя вариантами. Одна из них подлощенная, по тулову нанесены косые каннелюры (рис. 13: 10), другая – с заглаженной шейкой и «хроповатым» туловом (рис. 13: 9).

Часть лепных сосудов имеет декоративные ручки – глухие «псевдоушки». Они встречены как на горшках (рис. 13: 11), так и на мисках (рис. 13: 12).

Также найден фрагмент горла лепного чернолощеного кувшина с пролощенным орнаментом (рис. 13: 13).

Вся лепная керамика имеет прямые аналогии с керамическим комплексом синхронных

древностей Нижней Вислы и Поморья.

Железные изделия представлены пряжкой (рис. 7: 4), фибулой (рис. 14: 1) и семью ножами (рис. 7: 2, 8, 9; 14: 3–6). Изделия с наилучшей сохранностью металла – наконечник дротика из раскопок 1991 г. (*Магомедов, Левада* 1993, рис. 9: 8) и пять ножей были отобраны для структурного изучения с применением металлографических методов исследования. Целью исследования было определение технологии изготовления каждого предмета и выяснение ее соотношения с общей характеристикой технического порядка черняховского кузнечного производства, известного по предыдущим исследованиям (*Вознесенская* 1972; *Вознесенская* 1983).

Номера анализов даются по книге регистрации анализов, хранящейся в лаборатории естественнонаучных методов исследования Института археологии НАН (Киев). Далее в описании номера в скобках соответствуют номерам коллекционной инвентарной описи. Приводим результаты аналитического исследования (рис. 15).

Анализ 3100 (р. 1, кв. Г-26, № 267), нож.

Шлиф, изготовленный на поперечном разрезе клинка, представил мелкодисперсную ферритно-перлитную структуру с неоднородным составом и распределением углерода. С одной стороны клинообразного шлифа от спинки до острия ферритно-перлитная структура с содержимым углерода 0,1–0,3 %, микротвердость 236 кг/мм^2. С другой – ферритно-перлитная структура с содержимым углерода 0,7–0,8 %, микротвердость 297 кг/мм^2. Четкой границы между зонами с разным составом углерода нет. Включения шлаков в металле незначительные.

Судя по всему, полоса-заготовка для ножа была подвергнута односторонней цементации. Дальнейшей тщательной проковкой полосы была достигнута мелкозернистость структуры. Если бы операция цементации была последней при изготовлении клинка, структура была бы крупнозернистой, а цементационный пласт выглядел более характерно с точки зрения уменьшения углерода от поверхности изделия к середине.

Анализ 3101 (р. 2, кв. с-37, № 274), нож.

Микроскопическое исследование поперечного разреза клинка проявило на его поверхности мелкозернистую ферритно-перлитную структуру с незначительным количеством мелких шлаковых включений. Содержимое углерода 0,1–0,2%. Клинок выковывали из очень мягкой сырцовой стали. Практически – это кричное железо.

Анализ 3102 (р. 2, кв. Е-43, № 275), нож.

Микроскопическое исследование поперечного разреза клинка выявило на его поверхности с одной стороны структуру крупноигольчатого мартенсита с троститом, микротвердость 361–464 кг/мм^2. На оставшейся части шлифа – ферритно-перлитная структура с составом углерода 0,1–0,3 %, микротвердость 254 кг/мм^2. Шлаковых включений мало, они мелкие.

При изготовлении клинка применялась технология односторонней поверхностной цементации (возможно, полосы-заготовки) с последующей закалкой готового ножа.

Анализ 3103 (р. 2, кв. Ж-45, № 276), нож.

Микроскопическое исследование поперечного разреза клинка проявило на его поверхности неоднородную структуру: с одной стороны – мартенсито-тростито-сорбитная структура, а на оставшейся части шлифа – ферритно-перлитная структура с составом углерода 0,1–0,2%. Зерно мелкое, шлаковых включений мало. Микротвердость метастабильных структур 297–464 кг/кв. мм, микротвердость феррита 180 кг/мм^2.

При изготовленные клинка применена технология односторонней поверхностной цементации (возможно, полосы-заготовки) с последующей закалкой готового клинка.

Анализ 3104 (р. 2, кв. Е-42, № 277), нож.

Микроскопическое исследование поперечного разреза клинка выявило на его поверхности мелкозернистую ферритную структуру с небольшим количеством шлаковых включений. Микротвердость феррита 135–143 кг/мм^2. Нож изготовлен из кричного железа.

Анализ 3105 (жилище 1, № 214 1991 г.), наконечник дротика.

Микроскопическое исследование шлифа, изготовленного на 1/2 поперечного разреза пера наконечника, выявило неоднородную ферритно-перлитную структуру. На лезвии пера – феррит и перлит, содержимое углерода 0,8–0,9%, микротвердость 274–322 кг/кв. мм. Ближе к центру пера содержимое углерода постепенно уменьшается до 0,2–0,3 %. Металл мелкозернистый, шлаковых включений очень мало.

Судя по всему, полоса, из которой планировалось выковать наконечник, была поддана сквозной цементации в месте будущих лезвий пера. Зоны, науглероживание которых было нежелательно, могли обмазываться глиной. Микроструктура изделия свидетельствует о тщательной разносторонней проковке в оптимальном температурном режиме. Если бы цементировалось готовое изделие, поверхностный цементационный пласт выглядел бы иначе, а структура была бы крупнозернистой.

Исследование отобранных кузнечных изделий показали, что основными технологическими приемами при изготовлении орудий труда и оружия были приемы свободной кузнечной ковки. Все изделия демонстрируют совершенное владение механической обработкой. В четырех из пяти исследованных ножах зафиксировано использование локальной поверхностной или сквозной цемента-

ции. Причем в двух ножах односторонняя поверхностная цементация объединяется со следующей тепловой обработкой клинка, – прием, характерный для восточнокельтского кузнечного производства эпохи Позднего Латена (*Вознесенская* 1983, с. 87–90). Именно поэтому технологические особенности кузнечных изделий целиком отвечают общей характеристике технического строя кузнечного ремесла черняховской культуры.

Пока не удалось встретить одного из распространенных технологических приемов черняховских кузнецов – пакетирования заготовок. Разумеется, это связано с небольшой выборкой материалов исследования. Надеемся, что будущие работы дополнят наши характеристики относительно материалов поселения Вишенка-1. Полученные результаты подтверждают мысль о черняховском кузнечном деле, как небольшом по масштабу, ориентированном на заказ в пределах общины. Малая производительность, отсутствие стандарта формы и технологии (т.е. серийного производства) требовала от ремесленника совершенного владения кузнечными навыками для изготовления изделий широкого ассортимента – от обычных хозяйственных ножей до оружия.

О значительном использовании железных предметов в быту свидетельствуют также находки точильных брусков из песчаника (рис. 14: 2). К каменным изделиям принадлежит и половина жернова (рис. 14: 8). Жернов, диаметром 0,45 м с внутренним отверстием диаметром 0,13 м и максимальной толщиной 4 см, изготовлен из известняка-ракушечника. Этот материал использовался в позднее римское время для изготовления жерновов наряду с вулканическим туфом и гранитом. Выходы всех этих пород известны на Винничине.

Изделия из цветных металлов в раскопах 1994 г. представлены бронзовой пружиной с иголкой для фибулы из жилища 3 (рис. 7: 3) и фрагментом круглой в разрезе бронзовой проволоки (рис. 7: 7).

Датировка поселения, при отсутствии закрытых датирующих комплексов, возможна только в общих границах. Находками, позволяющими определиться с хронологией памятника, являются: фрагмент бронзовой фибулы из первого года исследований, железная фибула, о которой речь шла выше. Кроме этого, местными «любителями древностей» за последние годы с помощью детекторов металла найдено несколько интересных предметов, в том числе фрагмент серебряной фибулы, два динария и бронзовый язычок пряжки «с крылышками». Последний нам удалось зарисовать (рис. 14: 7).

Язычок характерен для пряжек типа В8 по Р. Мадыде-Легутко (*Madyda-Legutko* 1987, S. 13–14) и датируется в Центральной Европе пределах фазы С1 К. Годловского (150/160–250/260). Такие пряжки характерны, прежде всего, для т.н. любошицкой культуры. На территории черняховской культуры этот тип пряжек до сих пор не был известен.

Фибула из первого года раскопок, типа Гороховский-А1а, относится к «ружичанской» фазе – 230–270 гг. (*Магомедов, Левада* 1993, рис. 9: 2; *Гороховский* 1988).

Железная фибула (рис. 14: 1), по аналогиям с бронзовыми экземплярами, могла существовать во второй–третьей четвертях IV в.

Железная пряжка (рис. 7: 4) сохранилась плохо, поэтому мы не можем предложить для нее дату у́же всего IV в.

Таким образом, датировка поселения укладывается в промежуток между 250–350 гг.

ЛИТЕРАТУРА

Вознесенская Г.А. Технология обработки железа и стали // Металл черняховской культуры. – МИА. – № 187. – 1972. – С. 8–49.

Вознесенская Г.А. Кузнечное производство лесостепных племён Восточной Европы рубежа первой половины I тыс. н.э. // История чёрной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н.э. – III в. н.э.). – К., 1983. – С. 75–102.

Вакуленко Л.В., Приходнюк О.М. Поселення біля с. Біляївка на Кіровоградщині // Археологія. – Вип. 62. – 1988 – С. 59–69.

Магомедов Б.В. Каборга IV (раскопки 1973–1974 гг.) // Могильники черняховской культуры. – М., 1979 – С. 24–61.

Магомедов Б.В., Гудим-Левкович А.Н. Черняховские поселения Курники и Шершни на Южном Буге // Древности Юго-Запада СССР. – Кишинёв, 1991. – С. 84–106.

Магомедов Б.В., Левада М.Є. Черняхівське поселення Вишенька-1 у м. Вінниця // Подільська старовина. – Вінниця, 1993. – С. 131–145.

Dobrzańska H. Zagadnienie datowania ceramiki toczonej w kulturze przeworskiej // Arheologia Polski. – T. 24. – 1977. – S. 87–152.

Madyda-Legutko R. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum // Brtish Archaeological Reports. – International Series 360. – Oxford, 1987

Pleinerová. Opočno. Ein Brandgräberfeld der jüngeren und späten Kaiseryeit in Nordwestböhmen. – Kraków, 1995.

Wołągiewicz R. Ceramica kultury wielbarskiej między Bałtykiem a Morzem Czarnym. – Szczezin, 1990

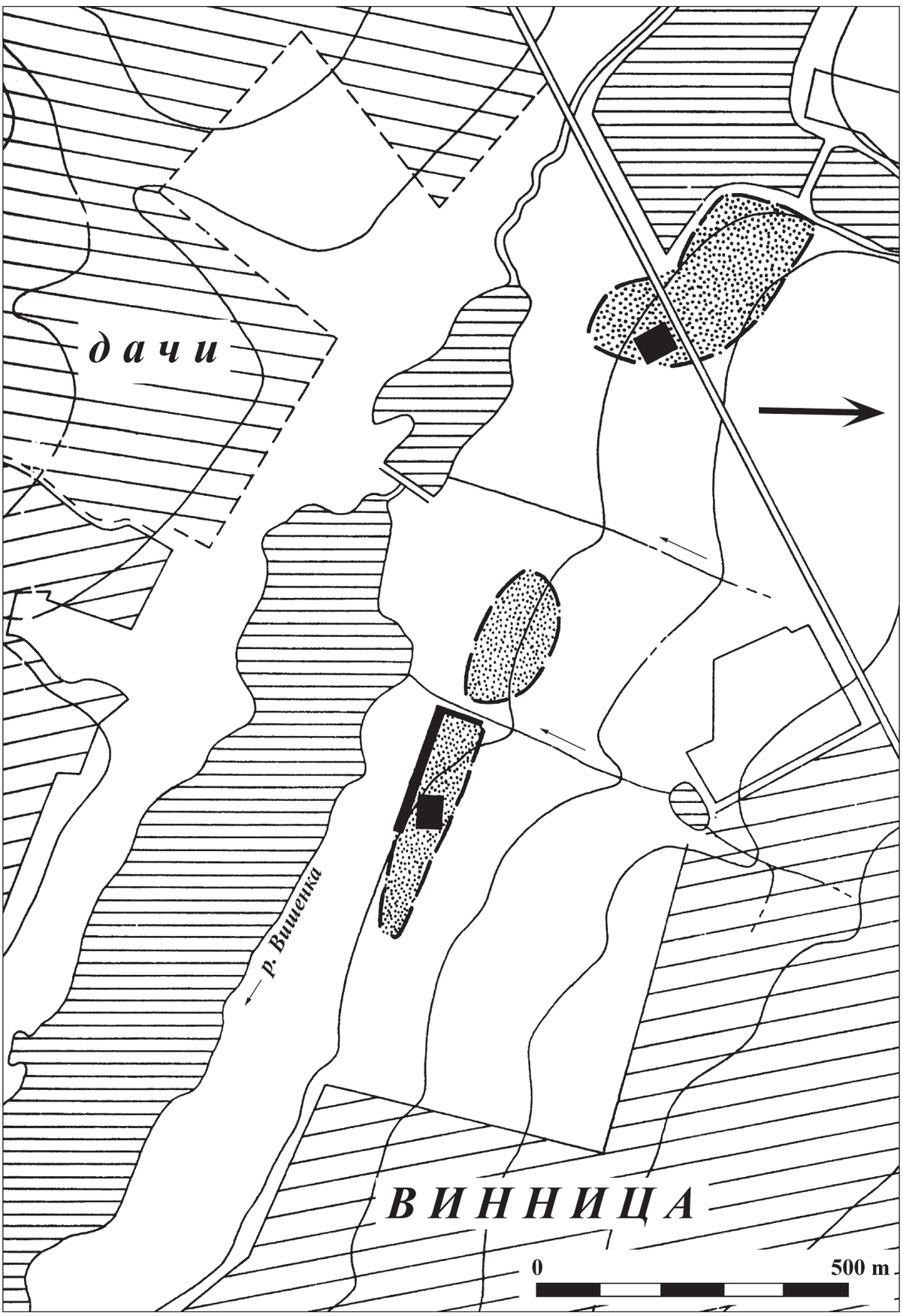


Рис. 1.
Поселение черняховской культуры Вишенка-1 в г. Винница

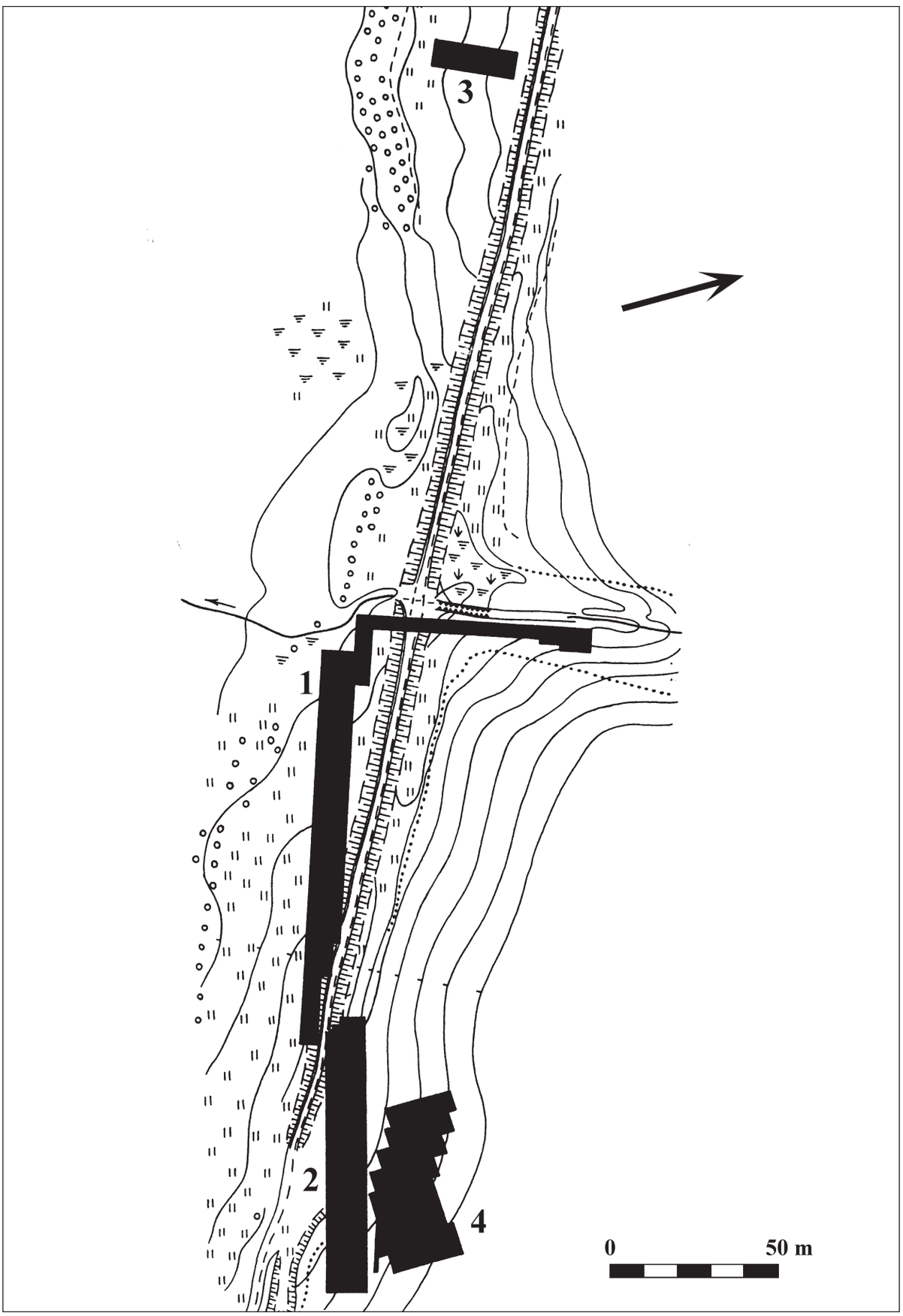


Рис. 2.
Поселение Вишенка-1, конфигурация раскопов 1994 г. ***1*** *– раскоп 1;* ***2*** *– раскоп 2;* ***3*** *– раскоп 3;* ***4*** *– раскоп 1992 г.*

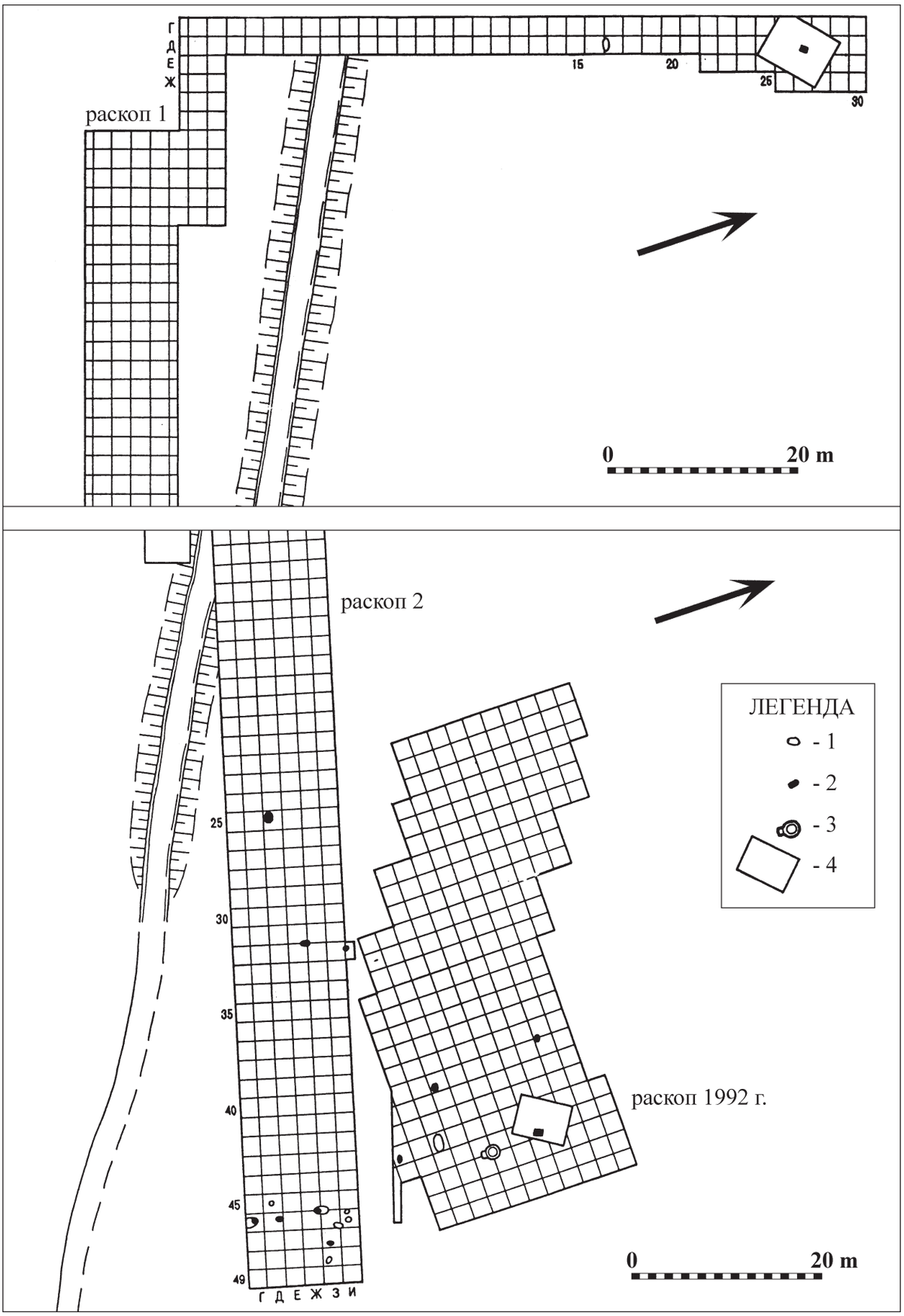


Рис. 3.
Поселение Вишенка-1, расположение объектов. ***1*** *– ямы;* ***2*** *– очаги;* ***3*** *– гончарный горн;* ***4*** *– жилище*

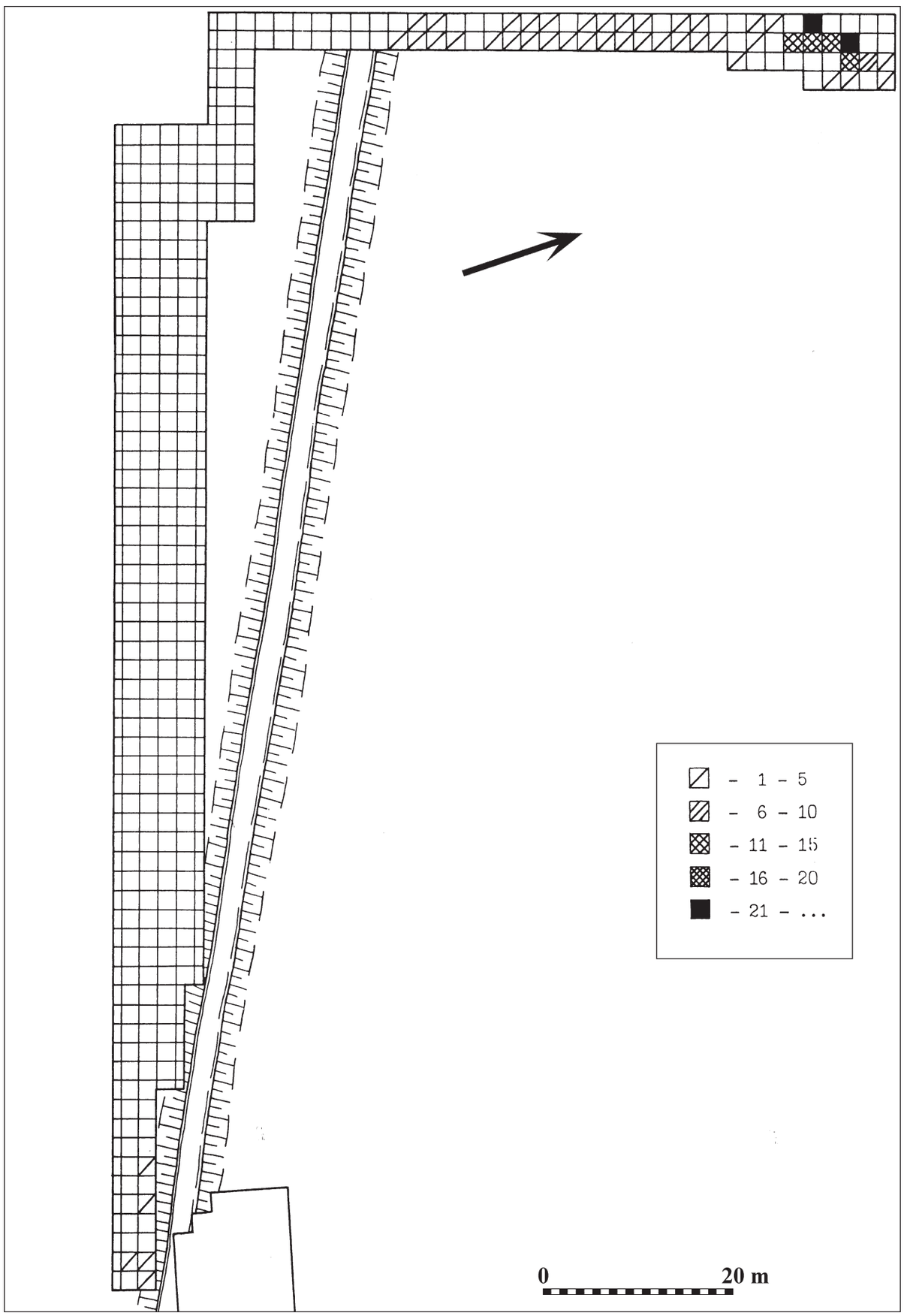


Рис. 4.
Поселение Вишенка-1, насыщенность культурного слоя в раскопе 1
(количество фрагментов керамики на квадрат 2х2 м)

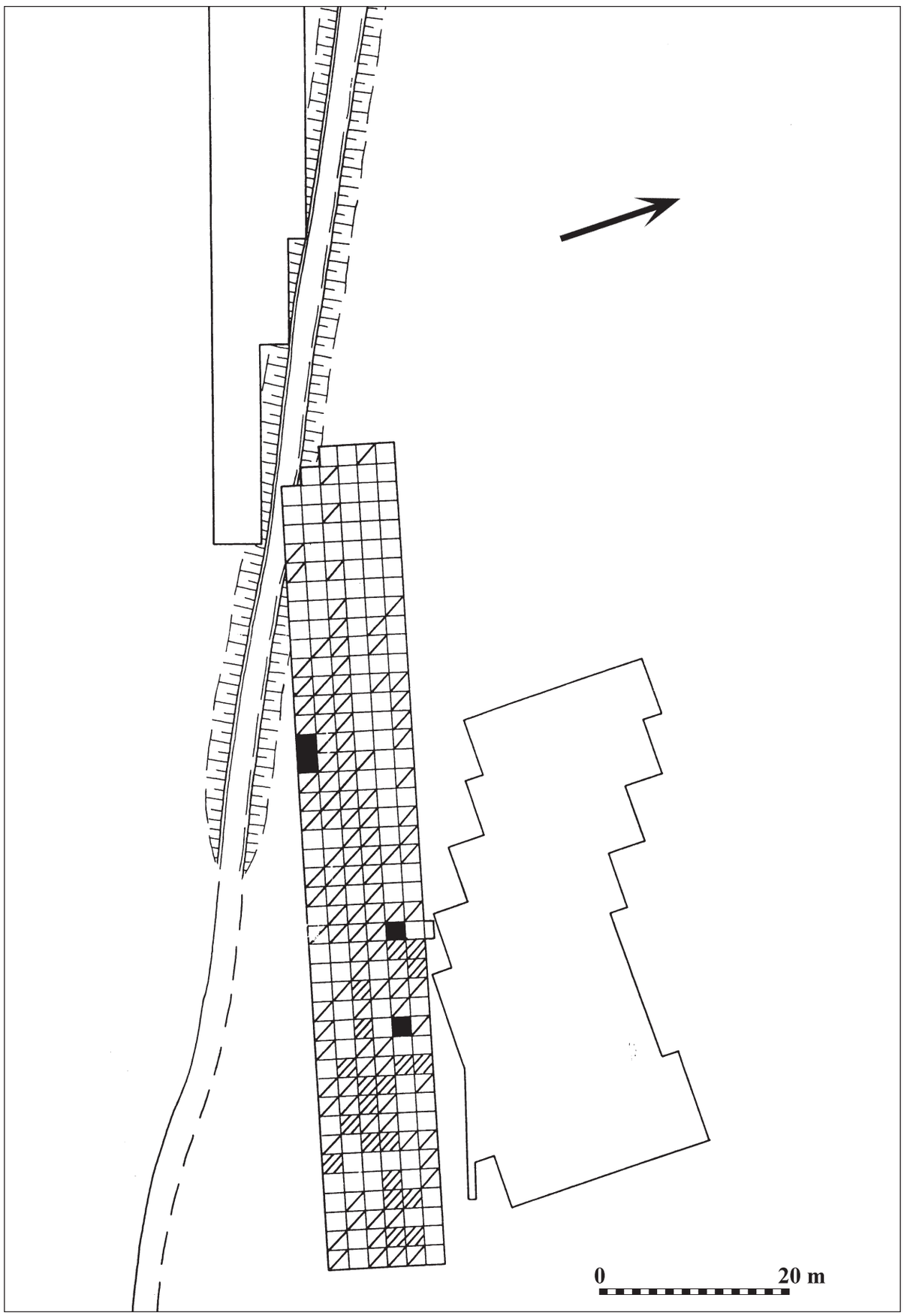


Рис. 5.
Поселение Вишенка-1, насыщенность культурного слоя в раскопе 2
(количество фрагментов керамики на квадрат 2х2 м)

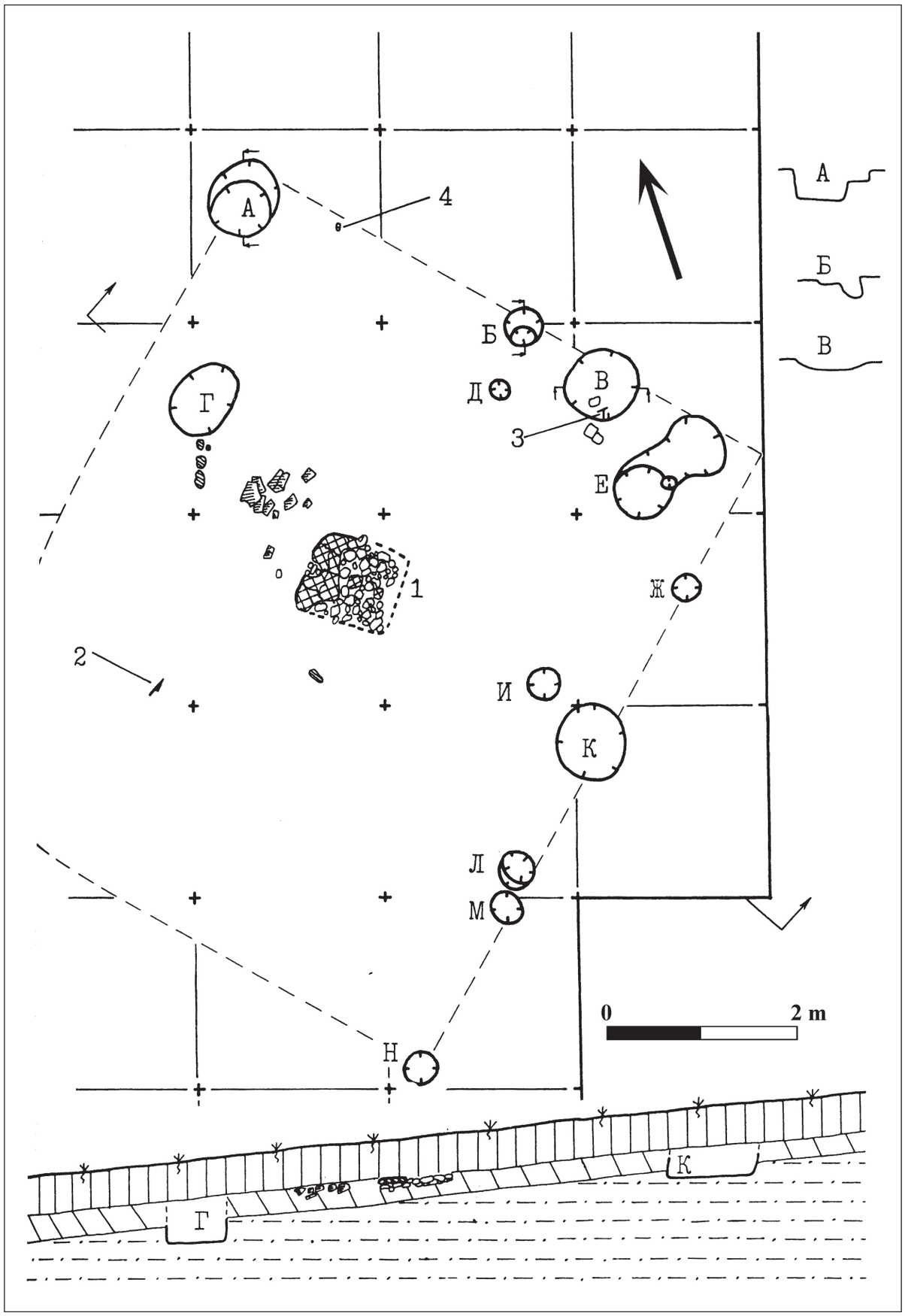


Рис. 6.
Поселение Вишенка-1, жилище 3. ***1*** *– очаг;* ***2*** *– нож;* ***3*** *– пряжка;* ***4*** *– пружина от фибулы*

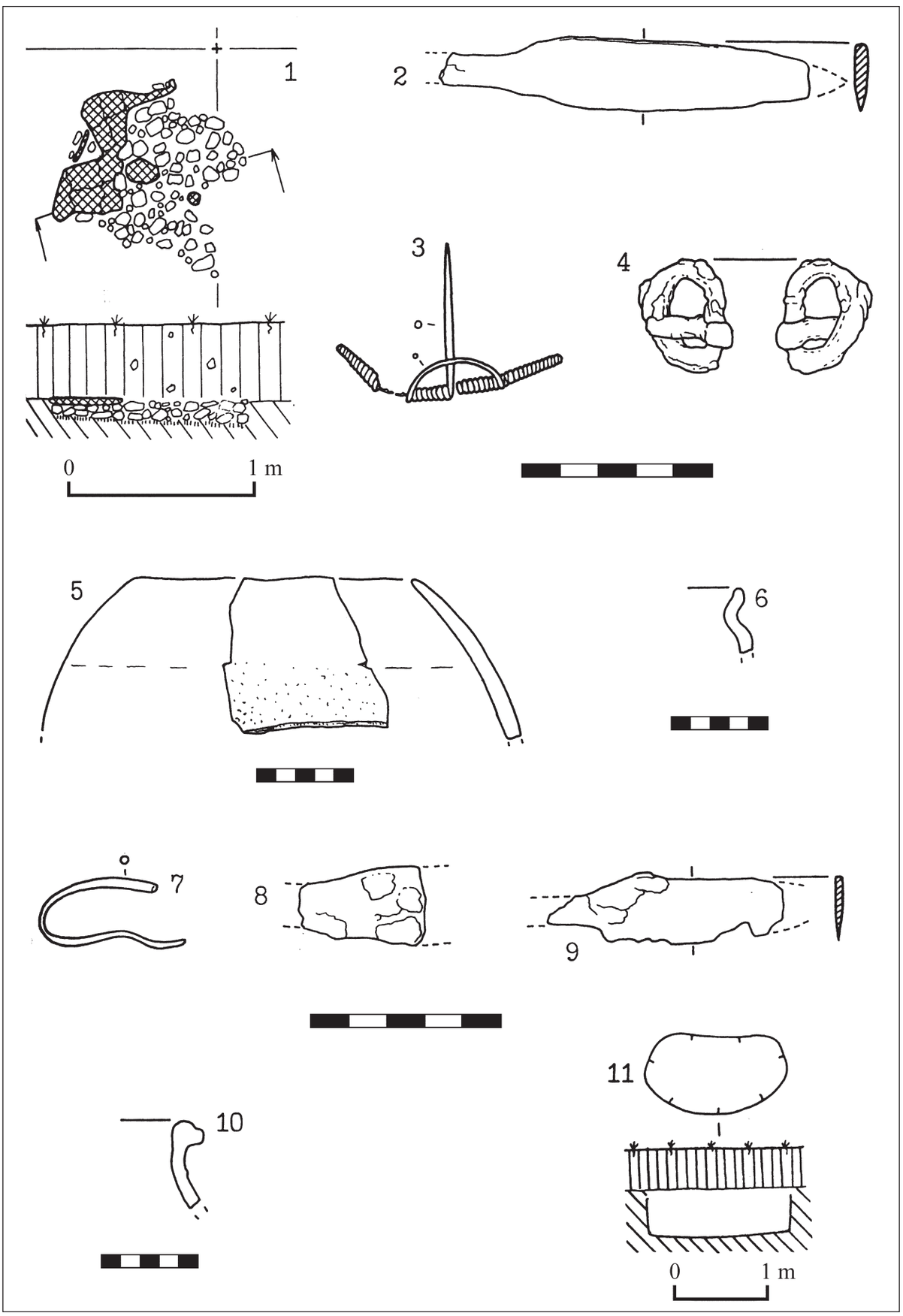


Рис. 7.
Поселение Вишенка-1. ***1*** *– очаг из жилища 3;* ***2–10*** *– находки из жилища 3;* ***11*** *– яма 1*

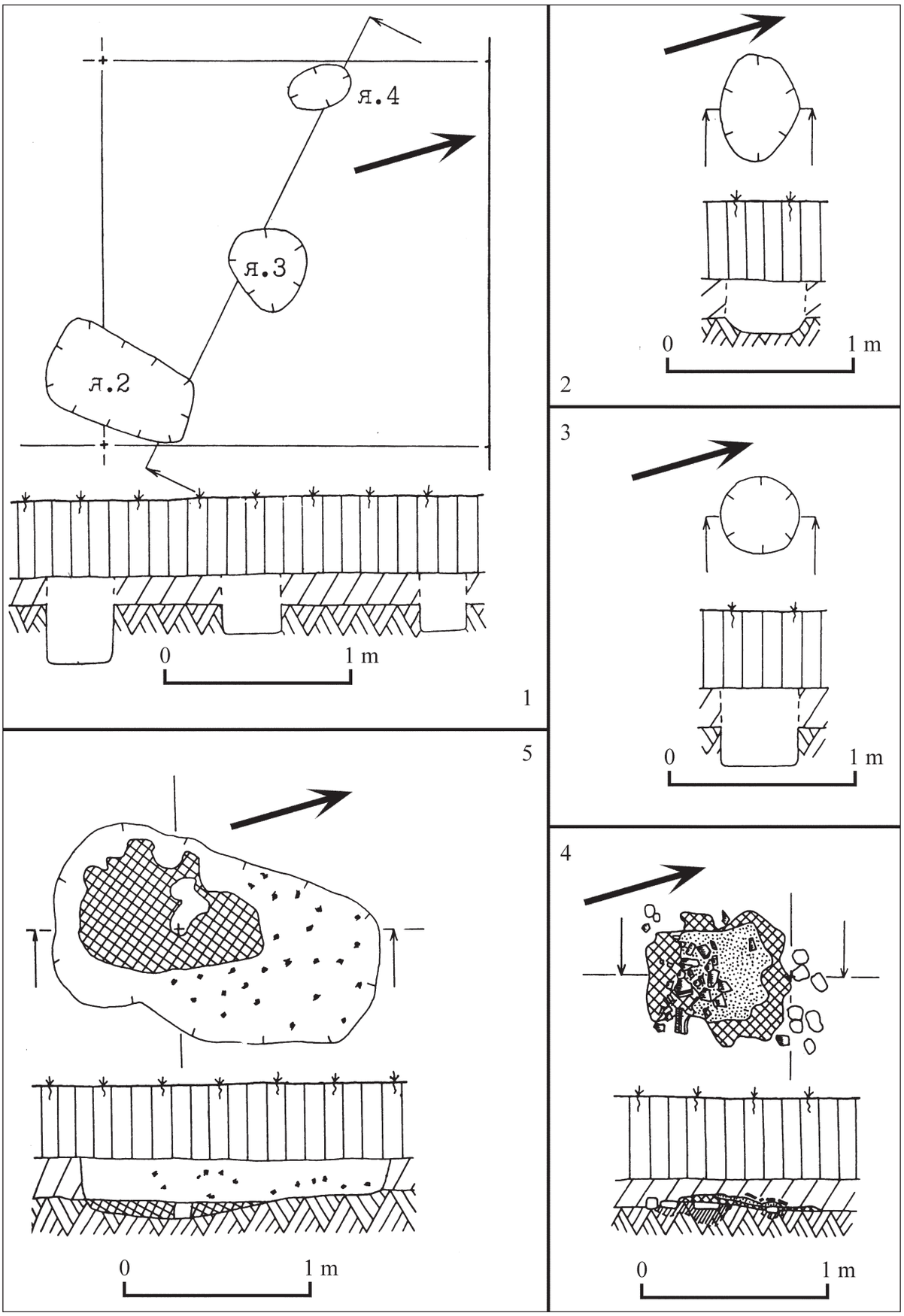


Рис. 8.
Поселение Вишенка-1. ***1*** *– ямы 2, 3, 4;* ***2*** *– яма 5;* ***3*** *– яма 6;* ***4*** *– очаг 1;* ***5*** *– очаг 2*

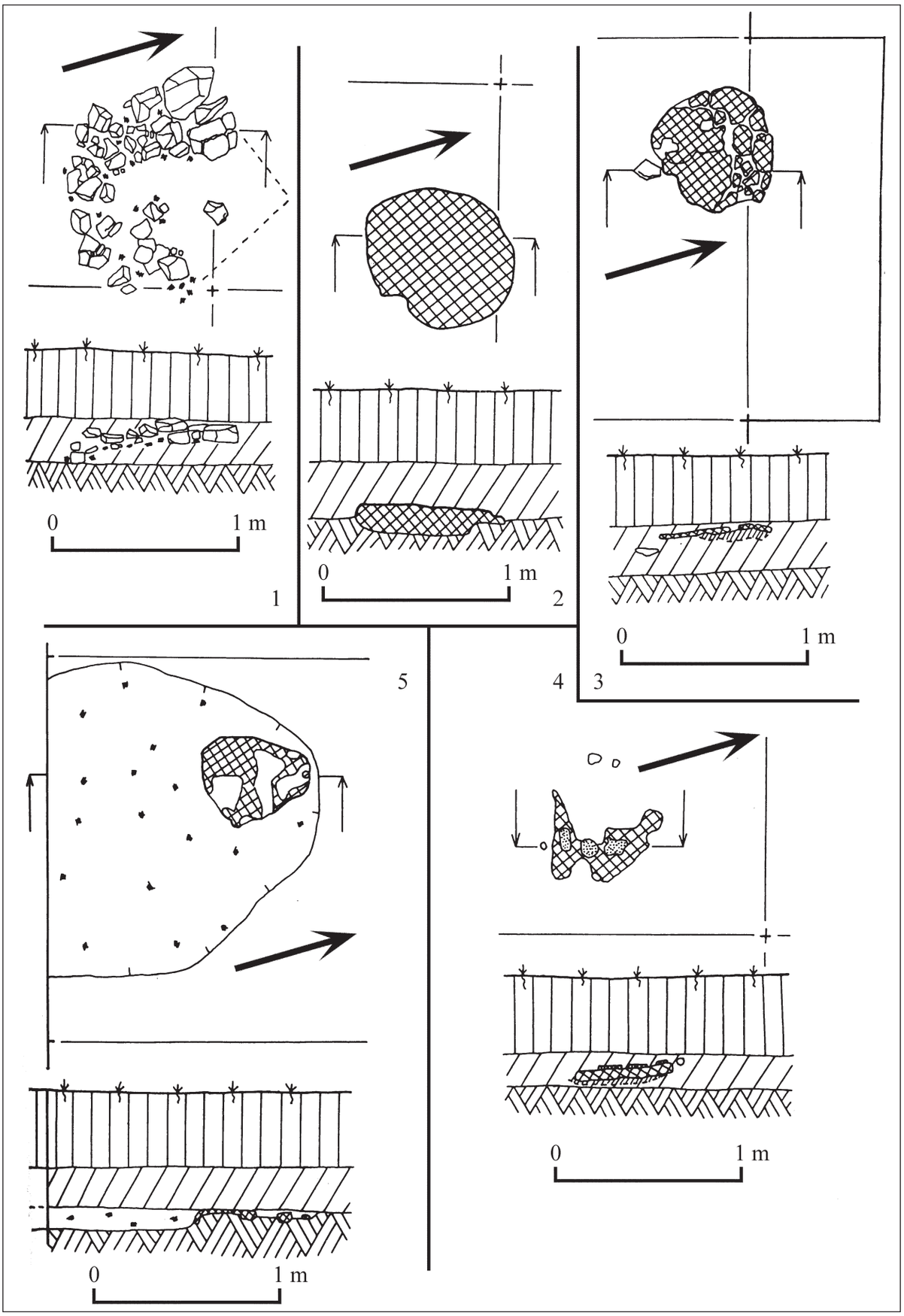


Рис. 9.
Поселение Вишенка-1. ***1*** *– очаг 3;* ***2*** *– очаг 4;* ***3*** *– очаг 5;* ***4*** *– очаг 6;* ***5*** *– очаг 7*

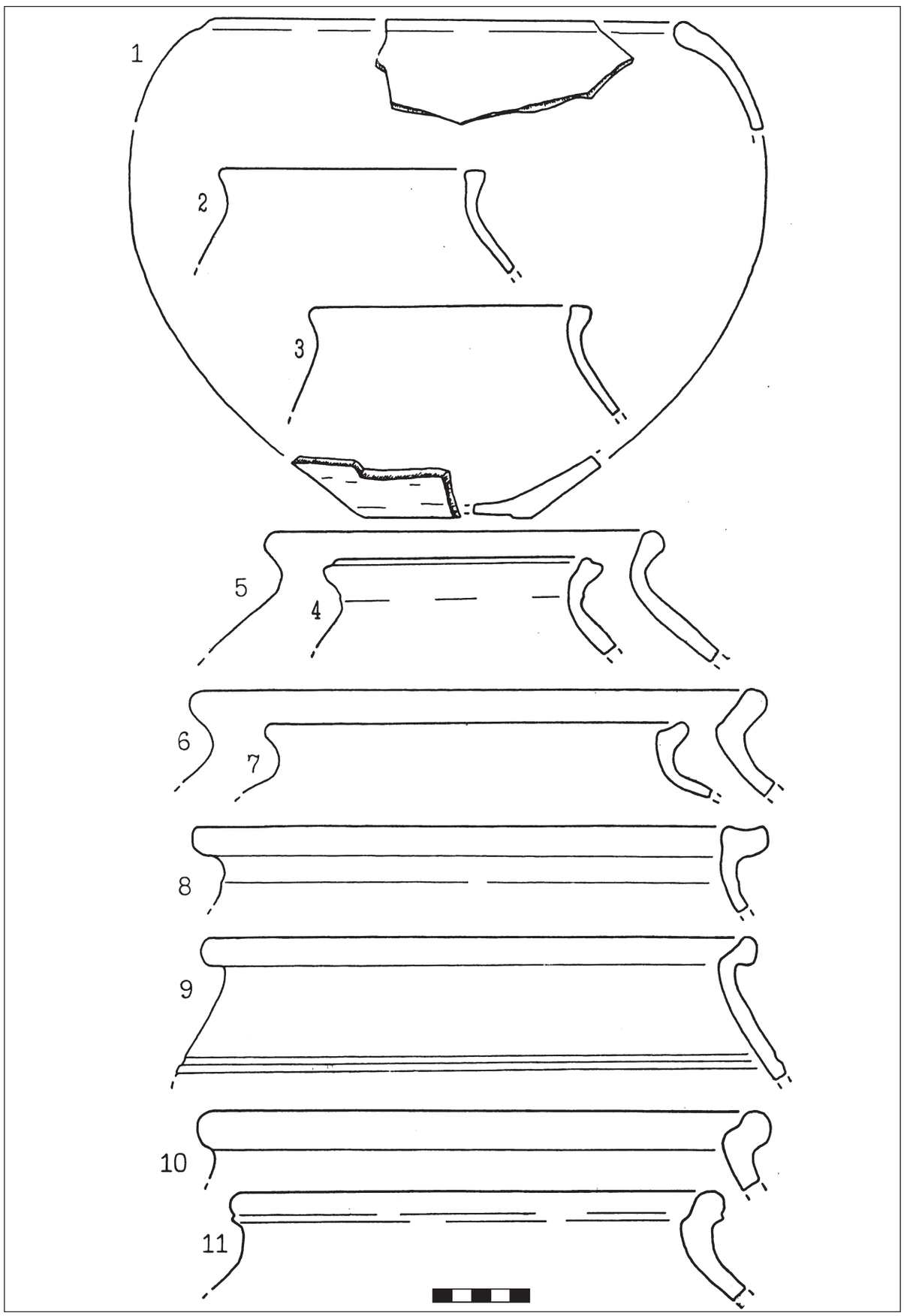


Рис. 10.
Поселение Вишенка-1. Гончарная кухонная керамика

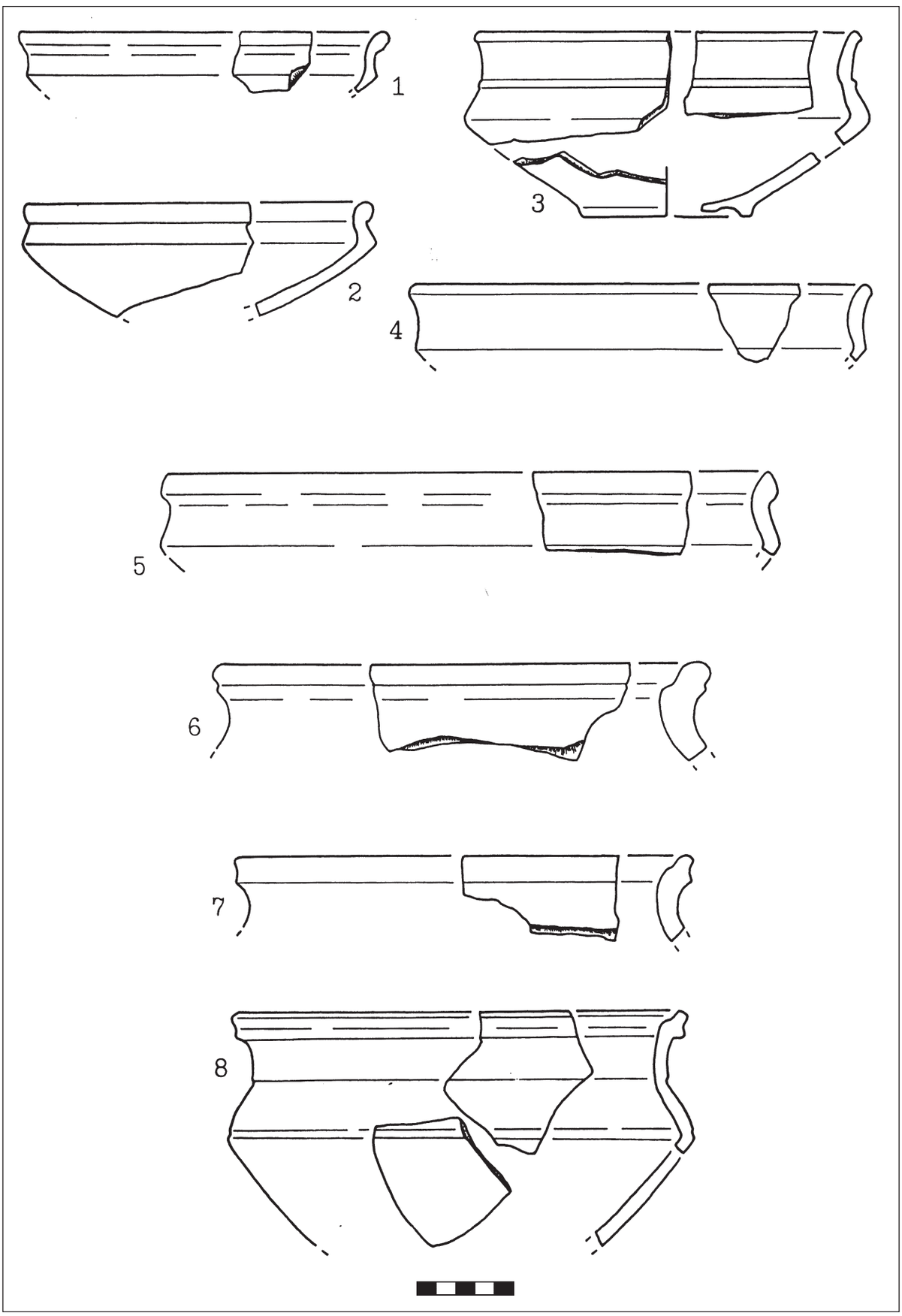


Рис. 11.
Поселение Вишенка-1. Гончарная столовая керамика

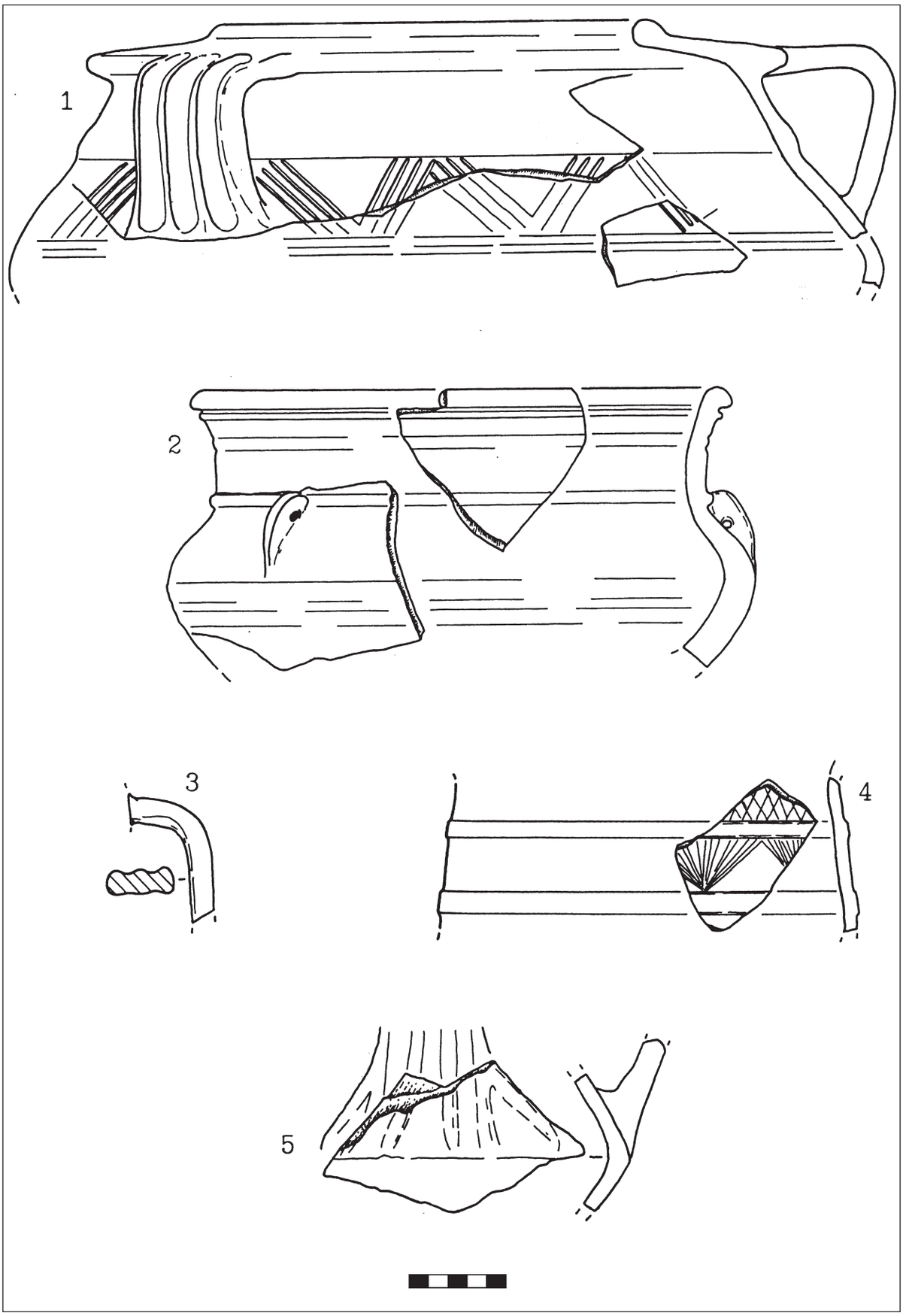


Рис. 12.
Поселение Вишенка-1. Гончарная столовая керамика

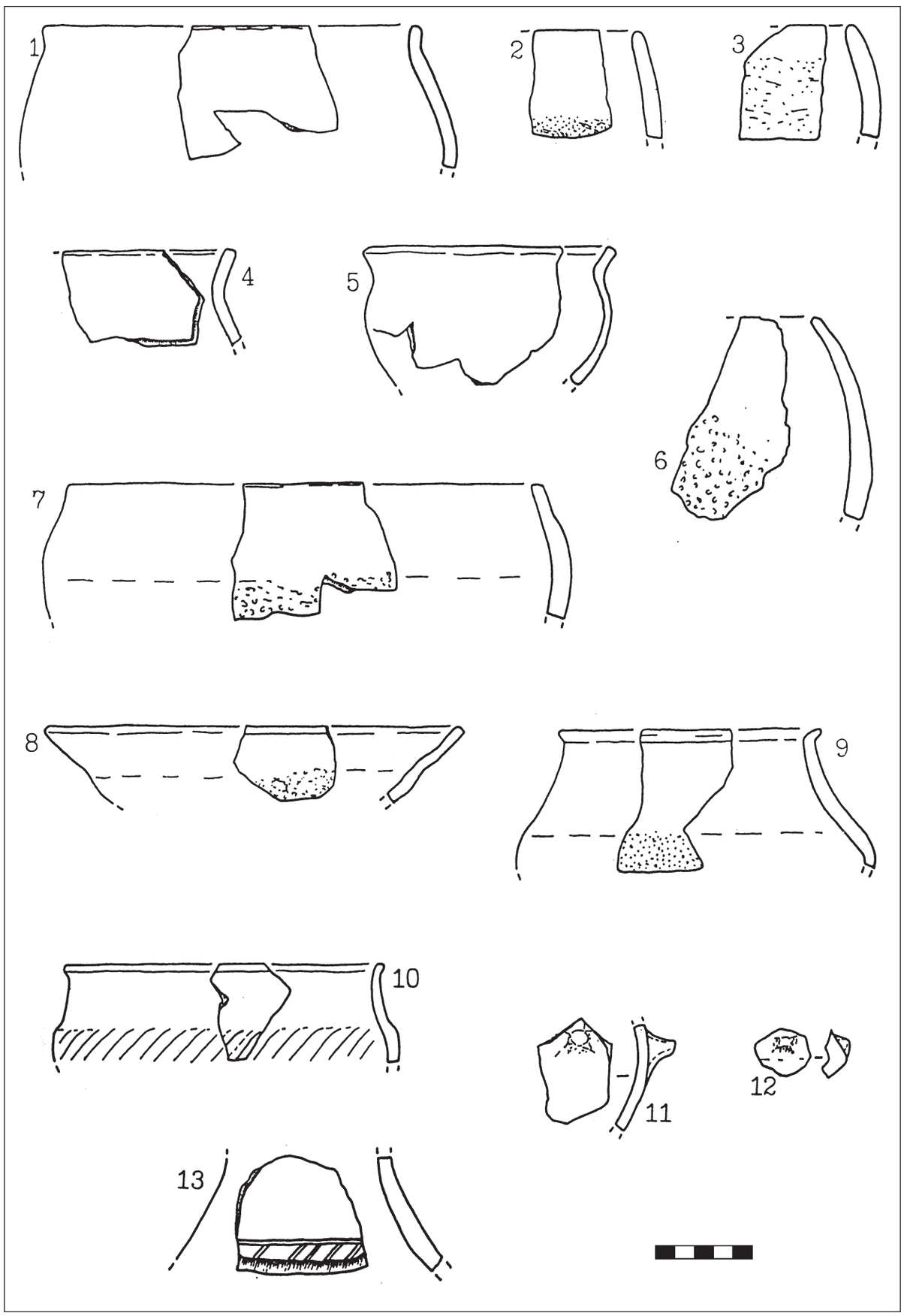


Рис. 13.
Поселение Вишенка-1. Лепная керамика

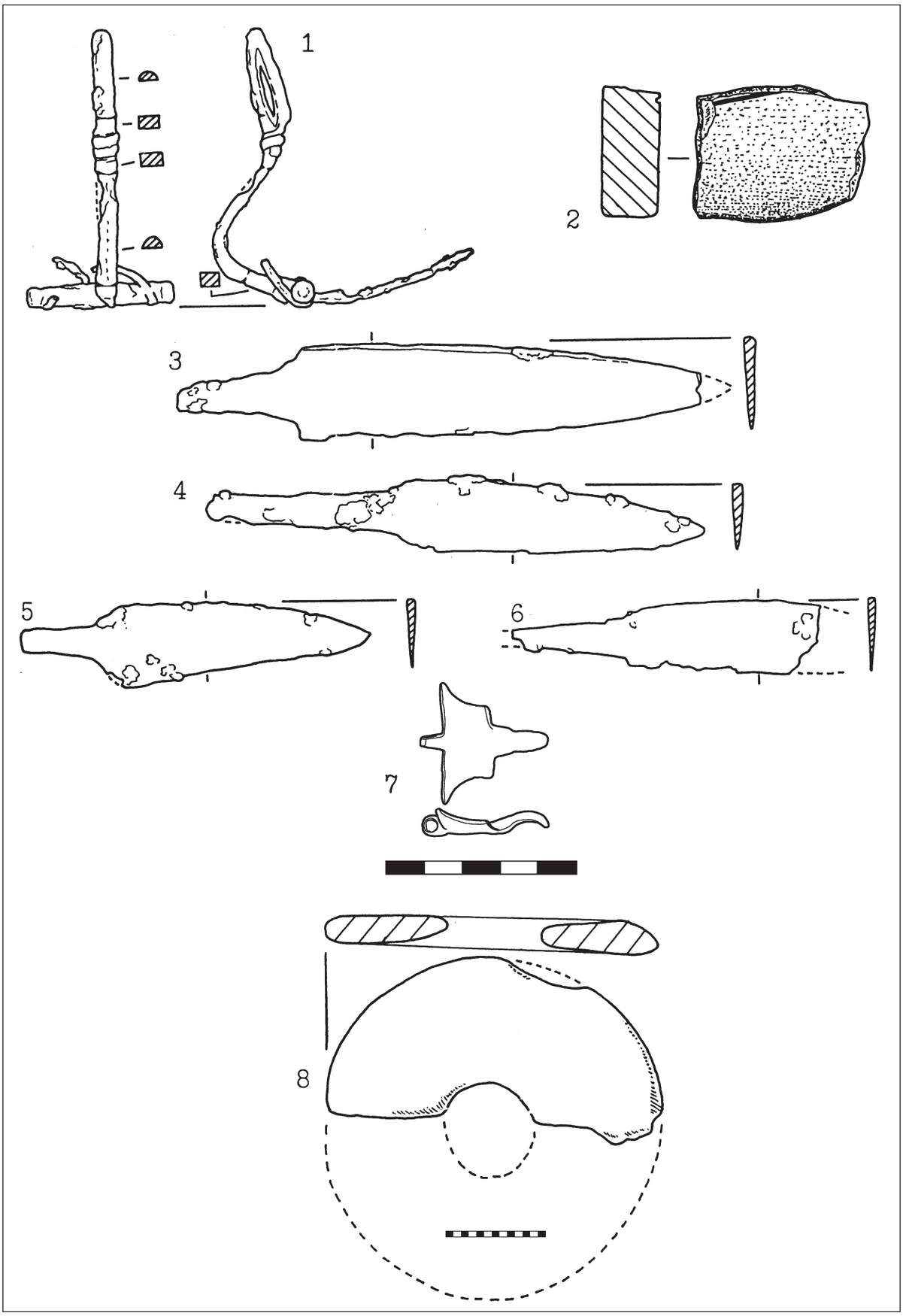


Рис. 14.
Поселение Вишенка-1. ***1*** *– железная фибула;* ***2*** *– оселок;* ***3–6*** *– железные ножи;* ***7*** *– бронзовый язычок пряжки,* ***8*** *– жёрнов*

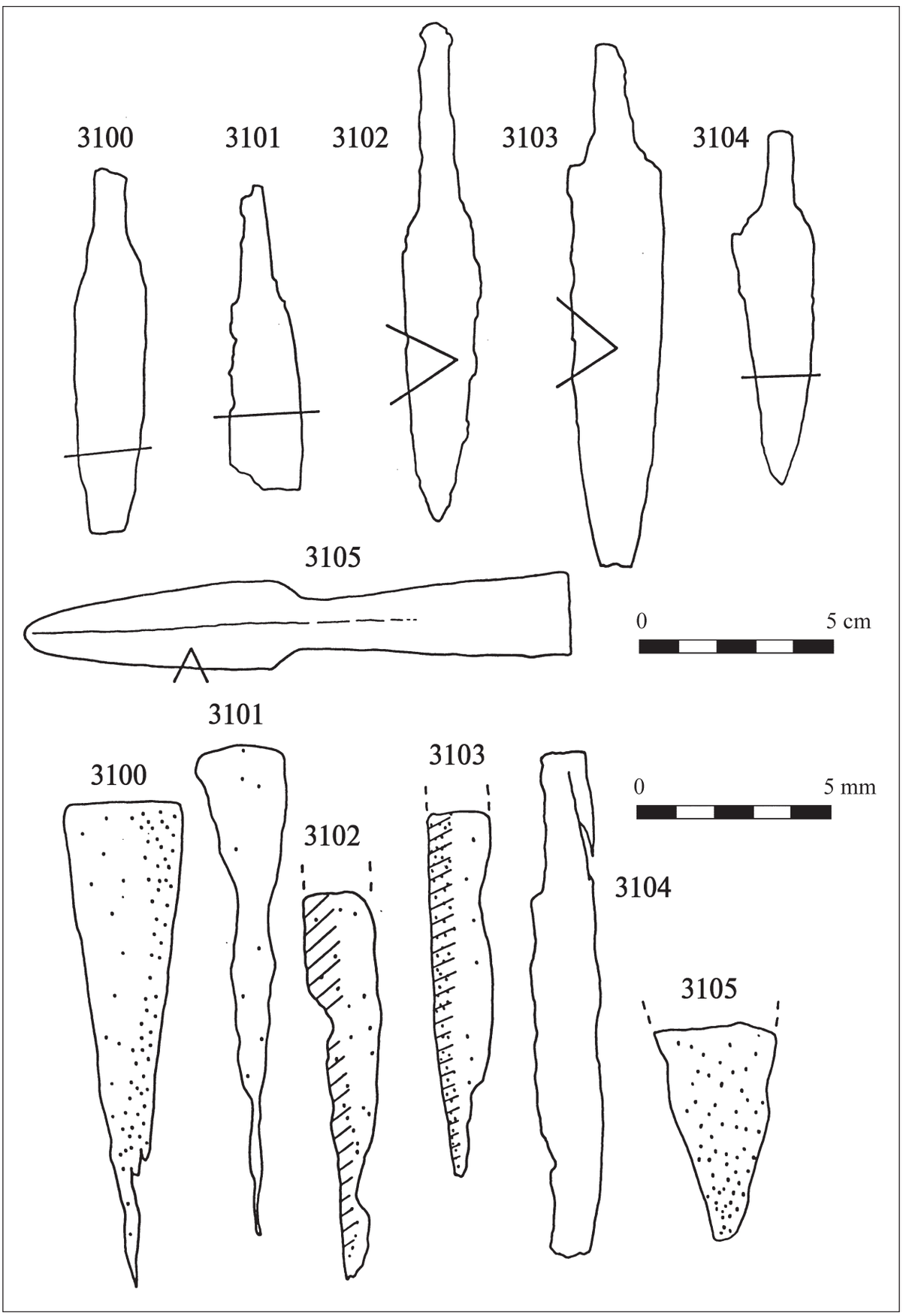


Рис. 15.
Поселение Вишенка-1. Результаты металлографических анализов железных изделий

А.Г. ГЕРЦЕН, С.В. КАРЛОВ

ДОЗОРНЫЙ И КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС ПОД ОКОНЕЧНОСТЬЮ МЫСА ТЕШКЛИ-БУРУН (МАНГУП)

В сентябре 1967 г. на Мангупе после тридцатилетнего перерыва возобновились археологические исследования. Основные работы проводились совместной экспедицией Отдела археологии Крыма Института археологии АН УССР, Бахчисарайского историко-археологического музея и Крымского государственного педагогического института (КГПИ) им. М.В. Фрунзе (с 1971 г. – Симферопольский государственный университет им. М.В. Фрунзе (СГУ), с 2000 г. – Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского (ТНУ). До 1974 г. руководителем экспедиции являлся старший научный сотрудник Отдела археологии Крыма ИА АН УССР, кандидат исторических наук Е.В. Веймарн, которому в 2005 г. исполнилось бы 100 лет. Статью о нем, ставшую, увы, и некрологом, написал И.С. Пиоро[1]. Печально, что и его уже нет.

Именно на Мангупе Игорь Станиславович, еще будучи студентом исторического факультета Киевского государственного университета, впервые проявился как самостоятельный исследователь. Ему было поручено ведение раскопок жилого и хозяйственного комплекса на юго-восточной окраине городища, открытого разведками в 1969 г. Стратиграфическая ситуация на этом участке, расположенном рядом с краем обрыва, была очень сложной. Культурный слой сохранился здесь не более чем на 0,3–0,4 м., причем, в основном его составлял переотложенный горизонт с разновременными материалами. Лишь на поверхности скалы и в ее лакунах сохранялись отдельные фрагменты ранних напластований *in situ*. Тем не менее, молодой исследователь блестяще разобрался в этой сложной ситуации, установив последовательность и функциональный характер существовавших на данном месте объектов[2]. Фактически впервые в истории изучения Мангупа был исследован комплекс бытового характера. Особо следует подчеркнуть важность установления времени существования винодельческого хозяйства, тарапан которого был перекрыт позднейшим слоем[3]. Подтвердилась гипотеза Е.В. Веймарна о расцвете виноградарства и виноделия в предгорной части Юго-Западного Крыма в так называемый «хазарский период». К сожалению, И.С. Пиоро так и не успел в полной мере опубликовать чертежи и массовый археологический материал этих раскопок, что теперь является нашим долгом перед его памятью.

Предлагаемая статья посвящена исследованиям архитектурно-археологического объекта, игравшего важную роль в жизни поселения как дозорный и цекрковно-погребальный комплекс. При его раскопках, последующей обработке и интерпретации археологических материалов использовался опыт работы в весьма сложной стратиграфической ситуации, впервые в условиях Мангупского городища полученный в исследовательской практике И.С. Пиоро.

Тешкли-Бурун – крайний северо-восточный мыс Мангупского плато, окаймлен обрывами высотой до 30 м. С напольной стороны он перегорожен оборонительной линией из двух куртин, между которыми высятся руины трехэтажного здания, известного в литературе как дворец, дон-

---

[1] *Піоро І.С.* Складна доля археолога (до 85-річчя Євгена Володимировича Веймарна //Археологія. – 1990. – №4. – С. 144–148.

[2] *Піоро І.С.* Археологічні дослідження залишків садиби на середньовічному городищі Мангуп у 1969 році // Вісник Київського університету. Серія історії. – 1972. – №14. – С.113–118; *Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С., Чореф. М.Я.* Археологические исследования столицы княжества Феодоро //Феодальная Таврика. – К.: Наукова думка, 1974. – С.130–134.

[3] *Веймарн Е.В., Герцен А.Г., Лобода И.И., Пиоро И.С.* Исследования Мангупского городища // АО за 1972 г. – М., 1973. – С. 265–266.

жон, редюит[4]. Общепризнано, что комплекс построек на площадке мыса являлся цитаделью города и в основном сформировался в XIV–XV вв.[5] Однако в этот комплекс правомерно включать и отдельные объекты, находящиеся у подножия обрывов, связанных функционально с цитаделью. На оконечности мыса, напоминающей внешним видом носовую часть огромного корабля, остатки сооружений расположены в два яруса. Верхний – трехуровневый комплекс наземных и внутрискальных сооружений. В его составе были две наземные постройки. Первая – это башня прямоугольной в плане формы, располагавшаяся на скальной площадке, являющейся кровлей ниже расположенного обширного внутрискального помещения. До настоящего времени от башни практически не осталось следов, но в ее существовании не приходится сомневаться, так как она обозначена на топографических планах конца XVIII в.[6] и ее упоминают путешественники первой половины XIX вв.[7] От второго сооружения сохранилась вырубленная в скале прямоугольная выемка размером 10,55х5,05 м, являвшаяся нижней частью помещения. В его северо-восточной стене находится дверной проем и лестничный спуск, ведущий в помещение с частично обрушившейся северо-западной стеной, в результате чего образовалась обширная брешь, хорошо просматривающаяся от подножья плато и давшая основание для наименования мыса Тешкли-Бурун (Дырявый мыс).

Публикуемый комплекс органически связан с вышеописанным, хотя и расположен ниже его на 29 м под юго-восточным обрывом, у самой оконечности мыса Тешкли-Бурун (рис.1; 2; 3). Здесь у подошвы датского яруса известняков начинается структурный уступ, протянувшийся вдоль юго-восточного склона мыса более чем на 30 м. Ниже уступа параллельно склону проходит дорога, которая ведет из балки Алмалык-дере на городище. В обрыве имеется упускающий под небольшим углом вниз от площадки пещерного комплекса №2 (по нумерации Е.В. Веймарна)[8] естественный желоб, прерываемый горизонтальными уступами. Он заканчивается внизу над площадкой комплекса. При использовании веревок, веревочных, а местами и приставных лестниц-стремянок, по нему можно было без особого труда подниматься на поверхность мыса. Другая возможность для связи с крепостью – выход за пределы комплекса на дорогу и следование по ней до пересекающей стены барбакана, затем через главные городские ворот, и далее подъем к воротам цитадели. В общей сложности этот маршрут составлял полкилометра, и еще четверть километра отделяет ворота цитадели от площадки пещерного комплекса №2, находящейся над исследовавшимся памятником у подножия обрыва.

В конце 1998 года произошло обрушение северной оконечности уступа, нависающей над поворотом дороги. В результате этого обвала обнажился разрез культурных напластований на террасе и две вырубные могилы с плитовым перекрытием (рис. 4, 5). Обе они были ограблены современными посетителями. В августе – сентябре 1999 г. на этом участке Мангупского городища археологической экспедицией Симферопольского государственного университета им. М.В. Фрунзе были проведены охранные раскопки[9]. Здесь исследовались три объекта:

1. Терраса структурного уступа.

2. Пещерная церковь в оконечности мыса Тешкли-Бурун.

3. Участок дороги под террасой.

1. Терраса расположена на 30 м ниже поверхности плато мыса Тешкли-Бурун и на 5 м выше полотна современной грунтовой дороги. В основании полки уступа находится широкий навес, делающий её неприступной почти на всем протяжении. Подняться на террасу от дороги можно только по склону примерно в 35 м к юго-западу от оконечности мыса.

Протяженность раскопа на террасе составила 18,75 м при максимальной ширине 4,68 м (рис. 6). Кроме того, в комплекс входили остатки помещения на северном конце террасы, разрушенного обвалом: блоки № 1, 2, 3 и полка с остатками могилы № 2. Таким образом, исследованиями была охвачена почти вся площадь террасы (рис. 7).

Культурный слой распределялся по поверхности неравномерно. В южной и центральной частях его мощность составляла 0,08–0,44 м и увеличивалась к северу до 0,82 м.

Сверху, по всей поверхности террасы, залегал слой дерна мощностью 0,04–0,38 м. Он представлял собой рыхлую, обильно гумусированную

[4] *Бертье-Делагард А.Л.* Каламита и Феодоро // ИТУАК. – 1918. – №55. – С.16.

[5] *Герцен А.Г.* Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. – 1990. – С.143–146.

[6] План городу Мангупу. ЦГВИА РФ. ВУА, № 22138.

[7] *Муравьев-Апостол И.М.* Путешествие в Тавриду в 1820 г. – СПб,1824. – С.185.

[8] *Веймарн Е.В.* Разведки оборонительных стен и некрополя // МИА. – 1953. №34. – С.426–427.

[9] *Герцен А.Г.* Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища 1999г. – Симферополь, 2000. – Т. I – 182 с. – Т. II (Приложения). Описание пещерной церкви до раскопок 1999 года см. *Герцен А.Г., Могаричев Ю. М.* Пещерные церкви Мангупа. – Симферополь: Таврия, 1996. – С. 14–15, 71, рис. 18.

почву темно-серого цвета. В слое присутствовали в виде включений отдельные глыбы среднего размера и разномерный плитчатый щебень. В средней части террасы культурный слой имел небольшую мощность и был задернован до скальной поверхности. Это объясняется тем, что значительная площадь этого участка находится под скальным навесом, поэтому попадание сюда сбросов с плато было затруднено. Во-вторых, поверхность полки здесь достаточно гладкая, без резких перепадов и трещин, что исключало применение нивелировочных подсыпок. Забегая вперед, добавим, что именно в этой части террасы было обнаружено меньше всего археологических находок.

В южной части раскопа под дерновым слоем обнаружен более плотный горизонт серого цвета (2-й слой). Он представлял собой умеренно гумуссированный грунт, содержащий щебень, мелкий и средний камень, плитняк, деструктированный раствор, известняковый отес. Слой был выявлен на площади 8,1х2,15 м и залегал непосредственно на скале. Его размеры уменьшаются в северном направлении, а на юге горизонт уходит в борт раскопа (рис. 8: а, б, в). Горизонтом нивелируется ступенчатый перепад скального основания террасы, достигая мощности 0,26 м. Поверхность горизонта понижается в восточном направлении в сторону обрыва.

Стратиграфическая ситуация на северном участке полки сложнее. Здесь под дерном обнаружено еще три слоя. На значительной площади, 5,65х2,86 м, залегал рыхлый, слабо гумусированный грунт серого цвета (2-й слой) с включениями мелкого бута, плитняка, щебня, дресвы. По структуре, характеру и археологическому материалу он аналогичен 2-му слою южного участка. Поверхность горизонта имеет уклон в сторону обрыва, его мощность возрастает с юга на север от 0,10 до 0,38 м (рис. 9: а, б). Он нивелирует естественные понижения, и искусственные подрубки в этой части террасы. Горизонт перекрывал искусственную полость каменоломни. Длина ее сохранившегося участка – 4,5 м, а с учетом обвалившейся части террасы (блок № 1) ее протяженность достигала не менее 5,22 м. Максимальная ширина вырубки составляет 2,44 м, а наибольшая глубина фиксируется в месте обвала – 0,54 м. (рис. 10)

В заполнении каменоломни выделялись два горизонта (рис. 9: б). Верхний из них (3-й) обнаружен на площади 4,10х1,30 и мощностью до 0,1 м и представляет собой прослойку строительного мусора бледно-серого цвета. В его состав входит мелкий щебень, известняковый отес, деструктированный известковый раствор, речной песок и галька. Поверхность слоя располагается на одном уровне с горизонтом планировки скального основания полки. Ниже, почти по всей площади выемки, залегал рыхлый, слабо гумусированный грунт светло-серого цвета (4-й слой) мощностью до 0,46 м. Слой состоит из крупного окатанного известнякового щебня (средний размер 0,07х0,06х0,05 м), плитняка, продуктов выветривания (дресвы, песка и т. п.). В состав заполнения входят также мелкие окатанные глыбы. Происхождение слоя установить затруднительно. Грунты с подобным составом обломочных фракций, как правило, естественного происхождения, являются заполнением гротов выветривания. Можно лишь добавить, что однородный с ним грунт залегает на полу пещерного храма, расположенного над северным участком террасы. После уборки заполнения на стенках и дне вырубки обнажились следы ломки камня.

Скальное основание террасы имеет почти ровную, слегка бугристую поверхность, заглаженную в результате действия водных потоков и длительного использования. В южной части оставлен несрубленным участок верхней корки скалы, который протянулся от входа вглубь полки на 5,25 м, шириной до 2,35 м. Он образует невысокий ступенчатый перепад – до 0,2 м и частично подвергся эрозии. На остальной площади отмечается плавное понижение уровня поверхности с юга на север. Общая разница высоты в продольном разрезе террасы (без учета глубины вырубки каменоломни) составляет 0,75 м.

В наиболее узком месте южного участка (шириной около 2,7 м) полку перекрывала каменная ограда. Еще до начала исследований на это указывали архитектурные элементы, которые вырублены в скальной стене и в козырьке скального навеса над террасой (рис. 11). Они представляют собой два массивных прямоугольных выступа размерами 1,45х0,27 м и 0,77х0,48 м. На участке длиной около 7 м к северу от этого места козырек полностью стесали. Оба выступа вынесены на 0,20–0,25 м за линию стены скального массива. Между выступами вырублена вертикальная пазуха шириной до 0,35 м. В верхней половине пазуха имеет ступеньку, над которой высечен паз шириной 0,13–0,15 м.

В процессе исследований, ниже выступов обнаружен *in situ* фрагмент пороговой плиты размером 0,88х0,38х0,31 м (рис. 12; 13). На половину своей высоты плита выступала над поверхностью горизонта (2-го слоя). Во время раскопок вокруг порога отмечено максимальное скопление известкового раствора. После уборки горизонта выяснилось, что плита уложена на постель размером 1,5х0,5х0,08 м, вырубленную в скальном основании террасы. Плита имеет затертую ступеньку с круглым гнездом, диаметром 0,06 м, для нижнего конца стойки калитки. Кроме того, от кладки внешнего панциря стены остался один бутовый камень с грубо обработанными фасами размером 0,45х0,38х0,25 м. Он обнаружен *in situ*

в 0,60 м к востоку от обломка пороговой плиты. Камень был уложен непосредственно на скалу в одну линию с плитой. Рядом с ним на краю обрыва террасы перпендикулярно линии стены вырублена «постель» размером 0,91х0,30 м, служившая для укладки торцовых блоков стены.

Полученные данные позволили уточнить конструктивные особенности ограды террасы. Её длина составляла около 2,7 м, высота – около 3 м (рис. 14). Кладка была сложена в характерной для позднего средневековья строительной технике: с использованием ровных блоков (особенно в торце стены и косяках проема) и бутового камня, на известковом связующем растворе с примесью крупного речного песка. Восточный отрезок ограды представлял собой двухпанцирную кладку толщиной не менее 0,75 м и длиной около 1 м с забутовкой мелким камнем. Основание укладывали на ровные участки скалы и специально вырубленную «постель» на краю обрыва. В западной части располагался входной проем. Участок входа можно восстановить, благодаря сохранившейся части пороговой плиты и конструктивным элементам, которые вырублены в скальном массиве. Западный откос выкладывали вплотную к подтесанной скале и в пазухе между двумя выступами. На высоте 1,57 м от порога крепилась доска перемычки. Выше нее укладывали горизонтальный противоусадочный брус, западный конец которого вставляли в паз. Таким образом, высота дверного проема составляла 1,57 м, ширина – около 0,75 м, калитка была одностворчатой и открывалась внутрь. Нижний конец поворотной оси вставлялся в гнездо пороговой плиты. За порогом высота проема увеличивалась до 1,82 м. Опорой для края перемычки здесь служил массивный искусственный выступ, вырубленный в скале и выполнявший функцию консоли.

Впоследствии кладка была разобрана до основания, так что, кроме выше описанных остатков, мелкого камня и кусков раствора, от стены на террасе ничего не сохранилось. Нижний горизонт культурного слоя формировался во время возведения стены и в период использования площади террасы.

Осадки и талая вода, поступавшая на террасу с плато, отводились с внутренней стороны ограды по водостоку, прорубленному от угла торцовой кладки к подножию уступа.

Далее, в северном направлении, от поперечной стены проходило деревянное ограждение. На это указывают десять гнезд круглой, овальной и прямоугольной формы, размером от 0,11х0,12 м до 0,15х0,18 м и глубиной 0,12–0,29 м. Отверстия вырублены вдоль кромки террасы, примерно на одинаковом расстоянии друг от друга (в среднем – 1,5 м). Еще два таких гнезда сохранились в глыбах (№ 1 и № 2), отколовшихся от основного массива уступа. Ограждение могло представлять собой простые перила или забор из деревянных дощатых или плетеных щитов, которые прибивали к столбам (рис. 15).

В средней части террасы в покатой кромке обрыва вырублена «постель» длиной 2,82 м, шириной 0,22–0,46 м (рис. 16). По всей видимости, она служила основанием для кладки каменной стены. Напротив «постели», в глубине навеса, стенка скалы подтесана в нижней части в виде горизонтальной ступеньки или скамьи длиной 3,6 м и шириной до 0,45 м. В этом месте навес максимально накрывает террасу, поэтому можно предположить, что здесь находилось помещение для караульного. В «постели» кладки выбиты два гнезда для опор деревянной ограды. Это обстоятельство позволяет говорить о более раннем периоде существования помещения относительно деревянной ограды террасы.

Дальше к северу поверхность террасы немного понижается. Здесь обнаружено несколько искусственных подрубок, которые, по-видимому, связаны с северной стеной упомянутого помещения. Обращает на себя внимание одна из этих подрубок. Она прямоугольная в плане размером 0,73х0,85 м, расположена у обрыва радом с юго-западным углом каменоломни. Края и стенки подрубки полностью разрушены и заглажены в результате эрозионных процессов. Вероятно, подрубка представляет собой остатки «постели» угловой кладки какой-то постройки или ограды. Похожая по характеру и назначению подрубка высечена на террасе монастырского комплекса Чильтер-Кобы[10]. Плохая сохранность и отсутствие планиграфической связи с другими архитектурными остатками позволяет сделать вывод о том, что эта вырубка принадлежит самому раннему строительному периоду на террасе, следы которого уничтожены эрозией, позднейшими подрубками и каменоломней.

На краю обрыва по соседству с каменоломней сохранились остатки двух «постелей» разной длины, расположенных ступенями, одна над другой. Нижняя – продолжает линию восточной стены помещения сторожки. Верхняя ступень вырублена на 0,48 м ниже дна каменоломни и находится вровень с ее южным бортом. По-видимому, с восточной стороны вырубка каменоломни была ограничена двухпанцирной стеной (крепидой) толщиной около 0,5 м и высотой не менее 1,3 м.

На кромке северного участка, разрушенного в результате обвала, в отколовшемся блоке № 1

[10] *Даниленко В.Н.* Монастырь Чильтер-Коба: архитектурный аспект // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 1993. – С. 83 – 84, 350, рис. 2а.

вырублена «постель» для кладки забора, который продолжает линию крепиды, а выше – гнездо для опоры деревянной ограды последнего строительного периода.

В скале над каменоломней, на высоте 1,2 м от поверхности террасы, вырублена вертикальная ниша трапециевидной формы (рис. 17) с закругленными углами высотой около 1,34 м. Задняя стенка ниши закруглена и дугообразно нависает над полкой. Длина стенки составляет 1,60 м, ширина – 0,58–0,81 м. Края, стенки и полка ниши подверглись сильной эрозии и разрушению. Глубину полки можно восстановить по наиболее сохранившемуся участку северной стенки. Она составляла не менее 0,60 м и, вероятно, имела культовое назначение – служила костехранилищем в преддверии пещерного храма. Справа от ниши в скальном основании вырублены два гнезда для деревянных балок лестницы, ведущей к входу в пещерную церковь.

Археологический материал (немногим более тысячи находок), полученный в процессе раскопок на террасе, был неравномерно распределен по площади и горизонтам. Наибольшая его концентрация наблюдалась в ходе исследования южного и северного участков. Из общего количества находок в раскопе на террасе 63% составляют обломки керамики, 4% – разнообразные изделия и 33% – кухонные остатки костей животных. Основная масса керамики представлена маловыразительными мелкими фрагментами и сколами, которые не всегда поддаются точному определению, что характерно для переотложенного материала.

Более трети всех находок было обнаружено в верхнем гумусированном слое. К наиболее поздним из них относятся несколько обломков позднесредневековых тонкостенных калиптеров – так называемой «татарки». Кроме того, в северной части террасы, у подножия входа в пещерный храм, в дерне (почти на поверхности) обнаружен обломок глиняной курительной трубки (рис. 18: 2*0*). Она сформована из теста хорошего качества красного обжига, с мелкими включениями слюды. В изломе видны отдельные продольные поры, а также мелкие частицы примеси шамота или глиняного концентрата. Трубка имеет коническую втулку без киля и валика, длиной 2,5 см. Нижний шов грубо заглажен. Ближе к краю втулка небрежно орнаментирована широкой углубленной концентрической линией. Канал втулки (диаметром 0,2–0,7 см) несколько изогнут. Чашечка изделия почти полностью утрачена. От нее сохранилась лишь наружная закругленная часть дна, орнаментированная (довольно грубо) врезными линиями разной ширины и глубины, отходящими от центра дна чашечки под разными углами в виде лучей. Следы лощения или ангоба на внешней поверхности отсутствуют. Сохранившаяся часть трубки морфологически близка одной из разновидностей трубок «северопричерноморской» группы, выделенной И.В. Волковым и датируемой им второй половиной XVII в.[11] Хотя способ и характер орнаментации нашего экземпляра имеет отличия, его можно отнести (пока предварительно) к местным – северопричерноморским изделиям. В классификации керамических турецких трубок изданной Дж. Хейсом[12] этот тип не представлен.

В целом в верхнем горизонте остатки кровельной черепицы составили довольно многочисленную категорию находок – 35% от всей керамики. Чаще всего встречались фрагменты керамид с невысоким бортиком трапециевидного или треугольного сечения. Они сформованы из хорошо подготовленной массы, имеющей небольшое содержание естественных примесей (известняк и песок) и отощителя (шамот, шлак). Цвет черепка оранжевый, красный, светло-красный, реже темно-розовый. Черепица этой группы относится к числу массовых находок на городище, особенно в развалах построек периода княжества Феодоро (2-я пол. XIV – XV в.). Обломков калиптеров этой группы, как и черепицы других групп, в слое было найдено гораздо меньше.

Среди остатков разновременной тарной керамики, обнаруженных в слое, выделяются несколько обломков корпуса красноглиняных и коричневоглиняных гладкостенных пифосов, фрагменты стенок амфор с дуговидными ручками XII–XIV вв. широко распространенных в Северном Причерноморье, в том числе в Горном Крыму и Херсонесе (рис. 18: *2*)[13], фрагменты стенок и плоской ручки красноглиняных тарных кувшинов (рис. 18: *7*).

---

[11] *Волков И.В.* Частная коллекция «турецких» курительных трубок из Москвы.//Материальная культура Востока. – М., 1999. – С. 237–238, 240, 251, рис. 3, 6, 9.

[12] *Heyes J.* Turkish Clay Pipes: A Provisional Typology.// The Archaeology of the Clay Tobacco Pipe. – IV. – London, 1980. – P. 3–9.

[13] *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. – Л, 1979. – С. 111–113, рис. 69: 1–5; *Мыц В.Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. – К., 1991. – С. 83, 85, 97, рис. 32: 7–9; 34: 1–4, 6–8. Авторы херсонесской классификации 1995 года относят эти амфоры к классу 45 и отмечают, что в Херсонесе они встречаются в комплексах конца XIII и XIV в. – см.: *Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов Византийского Херсона // Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. – Ч. 2. – Екатеринбург, 1995 – С. 73–77, табл. 35–42, 53–59.

Половину всех керамических находок слоя составляют фрагменты простой и поливной гончарной посуды XIV–XV вв. Остатки неполивных сосудов в основном представлены обломками тонкостенных горшков с неравномерно обожженным черепком кирпично-красного, коричневого и серого цвета (рис. 18: *10–12*), фрагментом стенки кувшина кирпично-красного обжига, украшенного по плечу врезным линейно-волнистым орнаментом (рис. 18: 9), а также фрагментом горла кувшина темно-красного обжига с закругленным венчиком и ручкой линзовидного сечения, просверленной в двух местах (рис. 18: *1*).

Основная масса глазурованной посуды представлена фрагментами красноглиняных мисок и чашек разного размера и профиля (рис 18: *16–20*). Обращает на себя внимание однообразное оформление многих из них. Изнутри они покрыты бледно-зеленой, зеленовато-желтой или бесцветной прозрачной поливой по белому ангобу, а край и бортик с внешней стороны – зеленой поливой. У отдельных экземпляров по внутренней стороне края прочерчены 2–3 концентрические линии. Обнаружены единичные фрагменты красноглиняных мисок с остатками орнамента (чаще растительного) в технике сграффито (рис. 18: *14–15, 21*), покрытых монохромной прозрачной поливой, соответственно, зеленого, желтого и золотистого цвета. Среди обломков глазурованных сосудов выделяется один фрагмент турецкой красноглиняной чаши XV в. (рис. 18: *13*). На ее внутренней поверхности сохранились остатки росписи кобальтом по белому фону. С внешней стороны – в виде прямой и волнистой концентрических линий, нанесенных оливково-зеленой краской по белому ангобу под прозрачной кроющей поливой.

Помимо керамики, в южной части террасы в дерне обнаружены: изделие из трубчатой кости (рис.19: *3*), свинцовый брусок (разновес?) (рис.19: *1*), несколько изделий из железа: обломок ножовочного полотна (рис.19: *2*), нож с коротким тонким лезвием (рис.19: *4*), наконечник турецкой стрелы (рис.11:*10*), кольцо (рис.11: *8*), кованые гвозди с прямоугольной шляпкой (рис.19: *6–7*), кусочки шлака. Но наиболее выразительной находкой является фрагмент зеркала из биллона с рельефной арабской надписью на оборотной стороне (рис.19: *7*). Диаметр целого изделия составлял 8,6 см, высота бортика – 0,4 см. Г.А. Федоров-Давыдов отнес такие зеркала в отдел «С» – «С арабской надписью почерком «насх» вокруг центральной орнаментальной розетки», тип I – с высокой закраиной, и датировал их, в контексте другого инвентаря из позднекочевнических погребальных комплексов, XIII–XIV вв.[14] В монографии учтены два зеркала этого типа – из Нового Сарая и Болгара. Остатки надписи на мангупском фрагменте хорошо согласуются с опубликованным экземпляром (рис. 19: 5, 9). Надпись гласит: «Слава, которая (есть) высшее счастье для могущественных начальников, (да будет) тебе благодеянием будущая жизнь»[15]. На нашем экземпляре сохранилось слово «будущая».

Со времени выхода вышеупомянутой монографии ареал находок зеркал этого типа значительно расширился. Кроме Поволжья, они встречаются на Нижнем Днепре в материалах городища Большие Кучугуры, датируемого XIV – началом XV в.[16] Кочевнические захоронения с такими зеркалами обнаружены в г. Ростове-на-Дону[17] и в Ставропольском крае[18]. Авторы последней публикации предлагают сузить датировку инвентаря погребения, применительно к золотоордынским степным городам, в пределах 1330–1395 гг.

Необходимо добавить, что на северном участке в 1-м слое обнаружено 22 фрагмента костей скелета человека. В нижних горизонтах на той же площади находок подобного рода не обнаружено. По-видимому, они связаны с повреждением культурного слоя в пещерной церкви.

Формирование почвы в южной и северной части террасы происходило с конца XV в. на остатках культурного слоя предшествующего времени. Этот процесс сопровождался разборкой каменной ограды и дальнейшими сбросами мусора с плато цитадели. Активного «обживания» этой площади в последующую эпоху не наблюдается. Поэтому в материале преобладают находки, относящиеся к XIV–XV вв., и скудно представлен турецкий период.

Как было отмечено ранее, в квадрате на среднем участке террасы, кроме почвенного слоя, никаких напластований больше не выявлено. Количество находок, обнаруженных здесь, срав-

[14] *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М., 1966. – С. 83, 111–114, рис. 13, С I.

[15] Там же, с. 83, прим. 485.

[16] *Попандопуло З.Х.* Средневековые зеркала городища Большие Кучугуры //Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. – Т. X. – Запоріжжя, 2002. – С. 228, 234–236, рис. 5: 1–3.

[17] *Кузьмин В.Н.* Позднекочевническое погребение на территории г. Ростова-на-Дону.// Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. – Вып.16. – Азов, 2000, с. 274 – 275, рис. 1: 1.

[18] *Волков И.В.,Маслов В.Е.,Петренко В.Г.* Золотоордынские погребения в Центральном Предкавказье //РА. – 2001. – № 2 – С. 126–130, рис. 3.

нительно мало – всего 30 мелких невыразительных обломков черепицы, стенок от разных гончарных сосудов XIV–XV вв., в том числе фрагмент бортика поливной чаши с утолщенным краем, орнаментированным двумя врезными концентрическими линиями под двухцветной прозрачной глазурью: зеленой снаружи, бесцветной внутри (рис. 18: *17*). На наш взгляд, такая малочисленность археологического материала на участке под скальным навесом объясняется тем, что на последнем этапе функционирования комплекса построек здесь не было. Мусор, который неизбежно накапливался на этой площади в период ее использования, сметали в южную и северную части террасы. Таким образом, на этих участках формировался 2-й горизонт культурного слоя.

Эти наблюдения подтверждаются и при анализе археологического материала, обнаруженного во 2-м слое, отложившемся на южном и северном участках террасы. Характер и ассортимент керамических находок в целом близок вышележащему горизонту. Однако можно выделить ряд особенностей. Во-первых, значительно сократилось количество черепицы. С другой стороны, преобладают обломки кухонных и столовых гончарных сосудов XIV–XV вв. В квадратах на южном участке раскопа они представлены фрагментами коричнево- и красноглиняных горшков разного размера (рис. 20: *4–7*); мелкими фрагментами красноглиняных монохромных чаш XIV–XV в. с подглазурным орнаментом, выполненным в технике «сграффито», покрытых светло-зеленой или темно-желтой поливой; обломками красноглиняных полихромных чаш и мисок XIV–XV вв., с остатками орнамента «сграффито» и подцветкой, нанесенной коричневой краской, под зеленовато-желтой поливой (рис. 20: *14*); фрагменты красноглиняной тарелки со следами ремонта, орнаментированной изнутри в технике «сграффито» по белому ангобу, и тонкостенного блюдца, покрытые желтой поливой (рис. 20: *9, 16*). Отдельную группу сосудов составляют фрагменты небольших широкогорлых кувшинов с рельсовидным венчиком, датирующихся XV–XVI в.[19] Черепок, чаще всего, коричневого, красного, или оранжево-красного обжига и имеет многочисленные мелкие включения пироксена и песка. В слое обнаружены фрагменты стенок без специального покрытия, покрытые снаружи темно-серым или темно-бурым ангобом, а иногда – прозрачной глазурью по черепку. От одного из кувшинов этой группы в 1-м и 2-м слоях собрано полтора десятка фрагментов стенок и профильных частей (рис. 18: *6*; 12: *10–12*). Горло и верхняя часть корпуса сосуда были покрыты бесцветной прозрачной поливой по темно-серому ангобу. Вероятно, во время сушки глазури сосуд устанавливали вверх дном, поэтому на венчике ее слой достигает значительной толщины.

Среди маловыразительных остатков керамической тары можно выделить фрагмент расширяющегося горла с массивным закругленным венчиком большого диаметра коричневоглиняного пифоса (рис. 21: *1*).

На небольшой глубине в слое обнаружены четыре железных черешковых наконечника турецких стрел (рис. 21: *2–5*). У трех из них обломаны острия в результате удара твердую преграду. Три наконечника имеют зауженную боевую головку ромбического сечения, что является отличительным признаком бронебойных стрел, служивших для поражения противника одетого в легкие доспехи или кольчугу. Наконечники этих типов являются преобладающими в слоях, связанных с турецким штурмом столицы княжества Феодоро в 1475 году.

Из других находок во 2-м слое на южном участке представляет интерес медная золотоордынская монета чекана города Крым, конца XIV в. (определение В.А. Сидоренко), обломок железной накладной петли (рис. 20: *19*), несколько фрагментов железных гвоздей, обломок зеленоватого оконного стекла, известняковый шарик диаметром 2,1 см с заглаженной поверхностью (рис. 20: *18*), несколько десятков зубов и фрагментов костей животных и чешуйка осетра.

Северный участок по количеству археологического материала, обнаруженного во 2-м слое, уступает южному, но по характеру и ассортименту керамических находок почти не отличается. К ним относятся несколько обломков керамид, гладкостенных красноглиняных пифосов, фрагменты коричневоглиняных гончарных горшков и кувшинов, несколько стенок и часть ручки овально-уплощенного сечения (рис. 20: *3*) красноглиняного кувшина, покрытого снаружи светлым желтоватым ангобом. Наиболее выразительными находками представлена столовая поливная посуда. В основном это обломки красноглиняных полихромных мисок и чаш XIV–XV вв., украшенных геометрическим и растительным орнаментом в технике «сграффито» с подглазурной подцветкой коричневыми и зелеными мазками. Большинство

[19] *Тесленко И.Б., Лысенко А.В.* Средневековый христианский храм на окраине с. Малый Маяк // О древностях Южного берега и гор Таврических. – К., 2004. – С. 268–269, 293, рис. 16, 1 – 3. См. также: *Кирилко В.П., Мыц В.Л.* Укрепление Чобан-Куле // Там же. – С. 212, 241, рис. 22: 2; Мыц В.Л. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50–70-е гг. XV в. // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. – К.: ИД «Стилос», 2002. – С. 157, 166, рис. 24: 5.

фрагментов довольно мелкие, потому выделим наиболее представительные из них, которые принадлежат четырем сосудам. Все они имеют плотный черепок равномерного обжига красного или светло-красного цвета. В изломе визуально определяются мелкие продольные поры, редкие включения известняка и бурых частиц шамота. На обломках двух сосудов сохранились остатки простого геометрического орнамента, состоящего из сходящихся к центру дуговидных линий, типа «сегнерова колеса» (рис. 20:*15*), а во втором случае – из треугольника, волнообразной и прямой линий (рис. 20: *13*). Все элементы нанесены двузубым и трезубым резцом. Композиция расположена ближе ко дну и заключена в окружность, состоящую из двух линий, прочерченную при помощи циркуля или лекала. Линии, как правило, средней ширины – до 2 мм. Сосуды покрыты по внутренней стороне соответственно бледно-желтой и бесцветной прозрачной поливой. Полихромные сосуды, украшенные геометрическим, растительным или растительно-геометрическим орнаментом, выполненным в такой технике и стиле, встречаются на обширной территории Северного Причерноморья от Белгорода-Днестровского и Азова до поселений и крепостей Южного берега Крыма в основном в слоях и комплексах XIV, XV и XIV – XV вв.[20], в том числе на территории Мангупа во время раскопок княжеского дворца[21] и цитадели[22].

Третий фрагмент от придонной части глубокой чаши покрыт изнутри зеленовато-желтой поливой (рис. 20: *21*). Подглазурный гравированный орнамент нанесен по ангобу линией средней ширины. От композиции сохранились остатки двух листьев и завивающихся стеблей, радиально расходящихся от центра дна. Выше находится восьмилучевая «снежинка», которая образована четырьмя короткими отрезками, пересекающимися под разными углами. Прямые аналогии орнаменту нами пока не найдены. Можно только заметить, что такая деталь орнамента, как «снежинка-звездочка», присутствует на поливном блюде с изображением птицы из слоя пожара 1475 года в башне Орта-Куле в Алустоне[23].

От четвертого сосуда в слое найдено девять фрагментов, пять из которых склеены. Он представляет собой миску с плавно изогнутым внутрь бортиком, профилированным ниже края рельефным валиком (рис. 21:*1*). Закругленный край имеет диаметр 16 см. Максимальный диаметр сосуда составляет около 18 см. Прозрачная полива желтого цвета покрывает внутреннюю поверхность и внешнюю сторону бортика. Подглазурный орнамент нанесен по белому ангобу в технике «сграффито» линией средней ширины. С внутренней стороны сохранилась по краю двойная концентрическая линия, а ближе ко дну – остатки восьмилучевой «звездочки-снежинки». По бортику снаружи, между краем и валиком, расположена концентрическая орнаментальная лента, состоящая из косой сетки, заключенной между двумя параллельными линиями. Под рельефным валиком проходит концентрическая линия, к которой примыкают поочередно «уголками», нанесенными парной линией. Близкая по профилю и орнаментации бортика чаша обнаружена в Алустоне, в слое разрушения башни Орта-Куле, которая датирована XV в.[24] Не менее близкие аналогии встречаются на полихромных чашах из комплексов первой половины XIV в. в Белгороде-Днестровском[25].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что напластования 2-го стратиграфического горизонта на южном и северном участках террасы однотипны по происхождению и представляют собой остатки бытового и строительного мусора. Присутствие во 2-м слое на южном участке кувшинов XV–XVI вв. вместе с материалами, связанными с турецкой осадой 1475 года, дает основание полагать, что период формирования слоя не выходит за рамки XV в. Если учесть выводы И.Б. Тесленко относительно распространения кувшинов с рельсовидным венчиком с конца первой четвер-

---

[20] *Кравченко А.А.* Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII – XIVв.). – К., 1986. – С. 69–75, рис. 26–28; *Романчук А.И., Перевозчиков В.И.* Глазурованная керамика из Азова (херсоно-азакские параллели в орнаментике) // АДСВ. Византия и сопредельный мир. – Свердловск, 1990. – С. 114–115, рис. 16–51; *Мыц В.Л.* Укрепления...– С. 89–90, 92, рис. 38: 1, 3, 8–10; 41; *Мыц В.Л.* Генуэзская Луста... – С. 170–177, рис. 28–35; *Тесленко И.Б., Лысенко А.В.* Ук. Соч. – С. 294, рис. 17; *Кирилко В.П., Мыц В.Л.* Ук. Соч. – С. 241, рис. 22, 1, 5, 9–12;

[21] *Якобсон А.Л.* Дворец. // МИА. – №34 – 1953. – С. 400, рис. 13: а, в, д; *Мыц В.Л.* Укрепления... – С. 94–95, рис. 43–44.

[22] *Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. – Симферополь, 1998. – С. 70, рис. 2: 1–2.

[23] *Адаксина С.Б.* Изображение животных и птиц на средневековой керамике Крыма // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. – Симферополь, 1998. – С. 6, рис. 1, 4; *Мыц В.Л.* Генуэзская Луста... – С.177, рис.35.

[24] *Мыц В.Л.* Там же. – С. 156, рис. 15: 7.

[25] *Кравченко А.А.* Ук. Соч. – С. 71–72, рис. 27: 7–8.

ти XV в.[26], то эту дату можно сузить с конца первой четверти до конца третьей четверти XV в. 2-й слой в северной части террасы, судя по стратиграфии, также формировался на последнем этапе существования комплекса. Датирующие находки в целом укладываются в диапазон XIV–XV вв.

В прослойке отеса, заполнявшей верхнюю часть каменоломни (3-й горизонт на северном участке террасы), находки единичны и невыразительны. Среди них можно выделить фрагмент дна с придонной частью стенки коричневоглиняного горшка XIV–XV в. (рис. 21: *9*) и обломки тонкостенной тарелки (рис. 21: *6–8*), от которой сохранились два фрагмента горизонтального бортика с закругленным краем диаметром 19 см и часть кольцевого поддона диаметром 7,2 см. Черепок сосуда пористый коричневого обжига, как у горшков и некоторых кувшинов XIV–XV вв. В составе формовочной массы визуально просматриваются бурые включения, песок, частицы известняка. Следы покрытия на фрагментах отсутствуют.

Находки из нижнего слоя заполнения каменоломни (4-й слой) более многочисленны. В состав керамического комплекса входят в основном невыразительные обломки стенок плоской черепицы, красноглиняных амфор, коричневоглиняных кувшинов с широкими ленточными ручками, коричневоглиняных кухонных горшков XIV–XV вв., неполивных столовых кувшинов, в том числе фрагмент уплощенно-овальной ручки коричневоглиняного кувшина (рис. 21: *12*). Остатков местной красноглиняной поливной керамики в слое не обнаружено.

Поливная столовая посуда представлена единственным обломком дна открытого сосуда на невысоком кольцевом поддоне (рис. 21: *10*). Диаметр поддона – 6,2 см, высота – 0,8 см. Черепок плотный, светло-розового цвета с единичными включениями известняка, песка и шамота. Обе стороны сосуда покрыты матовой белой поливой. На внутренней поверхности видны два отпечатка подставки. В центре дна, поверх глазури, сохранилось пятно коричневого люстра, из-под которого выступает тонкий контур подглазурной росписи синим кобальтом.

По размерам и профилю поддона обломок из заполнения каменоломни близок сосудам обнаруженным при раскопках Судака, Алушта (случайная находка)[27], а также в Китай-городе в Москве[28].

Сосуд относится к группе испано-мавританской керамики, которая производилась в округе Валенсии и в XIV–XV вв. и получила распространение в Восточной Европе, вероятно, через посредство генуэзских купцов, обосновавшихся в Северном Причерноморье[29]. Посуда этой группы является довольно редкой находкой на Мангупе. Во время раскопок базилики, проводимых М.А. Тихановой в 1938 году, зафиксированы лишь единичные находки люстровой керамики[30].

Таким образом, засыпь каменоломни содержит материал, относящиеся в целом к XIV–XV вв. Ее появление было связано с необходимостью нивелировки вырубки, которая мешала свободному доступу к пещерному сооружению и помещению на северном конце террасы.

Помимо находок позднесредневекового времени, культурные напластования на террасе содержали немало раннесредневековой керамики, что является нормальным для такого многослойного памятника как Мангуп. Она составляет около 12 % от всего керамического материала и встречается во всех без исключения слоях. В составе ранней примеси количественно преобладают обломки стенок амфор и красноглиняных гладкостенных пифосов. Профильные части попадались гораздо реже. Среди находок керамической тары можно отметить фрагмент плоской ручки серого обжига амфоры с сужением корпуса V–VII вв.[31] (рис. 18: *3*), обломок ручки овального сечения, профилированной по внешней стороне двумя валиками, красноглиняной желобчатой амфоры V–VII вв.[32] (рис. 20: *2*), ручек овального сечения,

---

[26] *Тесленко И.Б., Лысенко А.В.* Ук. соч. – С. 268–269.

[27] Соответственно №№ 27 и 13 по каталогу И.Б. Тесленко. См.: *Тесленко И.Б.* Испанская керамика с росписью люстром в Крыму // Сугдейский сборник. – К.–Судак, 2004. – С. 481, 486, 492–493, рис. 4: 2, 4.

[28] Обломок чаши из раскопок в Зарядье обнаружен в слое XIV–XV вв. См.: *Коваль В.Ю.* Испанская люстровая керамика в Москве // РА – № 1. – 1996. – С. 170, 173, рис. 1, 2.

[29] Там же. – с. 174–175; *Тесленко И.Б.* Ук. Соч. – С. 467–477.

[30] Два мелких обломка обнаружены в слое отвалов из раскопок Р.Х. Лепера. См.: *Тиханова М.А. Базилика* // МИА. – 1953. – № 34. – С. 344.

[31] *Романчук А.И. и др.* Ук. Соч. – С. 16–19, 112–113, табл. 2–3. Авторы относят их к классу 1 и уточняют, что в Херсонесе эти амфоры происходят из комплексов конца VI – середины VII в.

[32] Авторами херсонесской классификации 1971 года эти амфоры выделены в тип V, см.: *Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И.,Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. – Сб. 7. – Свердловск, 1971. – С. 85, рис. 6. А.В. Сазанов датирует их второй четвертью VI–VII вв. см.: *Сазанов А.В.* Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. – Симферополь, 1991. – Вып. II. – С. 61 – 64, 252–258. См. также: *Романчук А.И. и др.* Ук. соч. – С. 24–25, табл. 7: 32; 8: 34.

профилированных с внешней стороны продольным валиком, несколько смещенным от центра, светло-красного и коричневого обжига (рис. 18: *5, 8*; 13: *11*),и фрагменты гладких стенок, иногда орнаментированных зонами мелкого рифления (рис. 20: *8*) «причерноморских» амфор с яйцевидным корпусом VIII–X вв.[33] К домашней посуде VIII–X вв. следует отнести и фрагмент массивного уплощенного сверху венчика толщиной 0,8 см и диаметром 12 см коричневоглиняного горшка, изготовленного на ручном круге (рис. 18: *4*).

На северном крае террасы находилась каменная однокамерная постройка, ориентированная на восток-северо-восток. В настоящее время от здания сохранилась лишь юго-западная стена, которая вырублена в подножии скального навеса, и прилегающая к ней часть пола с остатками могилы № 2. Вдоль стены помещения вырублена скамья длиной 2,54 м, шириной до 0,68 м и высотой до 0,35 м. Остальная часть полки, расположенная к востоку и юго-востоку от этого места, обвалилась в декабре 1998 года. После обрушения наиболее крупные блоки № 1, 2 и 3 остались лежать на месте падения. На их обнажившейся поверхности видны подрубки, относящиеся к южной половине помещения и прилегающей к нему территории, которые позволяют частично реконструировать ситуацию на террасе, сложившуюся до обвала (рис. 2). Кроме того, в двух местах этого участка частично сохранился культурный слой.

На крупном обломке террасы, блоке № 2, на площади размером 2,40 х 1,24 м зачищен золисто-щебнистый грунт серого цвета мощностью до 0,04 м. Грунт перекрывал подрубки к югу от могилы № 1 и содержал несколько переобожженных фрагментов кухонной и столовой посуды XIV–XV вв., а также железных гвоздей разного размера с остатками древесного угля (рис. 22: *1–7*) и обугленных костей животных. Ясно, что сохранившийся грунт является остатком нижнего горизонта культурных напластований, так как вышележащие слои утрачены во время обвала.

На сохранившемся участке пола с остатками могилы № 2, прилегающем к юго-восточной стене помещения, на площади размером 1,3 х 1,0 м уцелел нетронутым культурный слой, который четко делился в обрезе на две неравные части. Сверху залегал тонкий слой (до 0,08 см) светлого желтовато-коричневого цвета. Грунт состоял из продуктов выветривания стены помещения: известняковой тырсы, дресвы, мелкого щебня. В нем обнаружено два фрагмента тонкостенного коричневоглиняного горшка XIV–XV вв. со следами копоти. Ниже, на полу помещения и над плитами могилы № 2, залегал серый золистый грунт мощностью 0,21–0,30 м, также содержащий тырсу и щебень. В слое обнаружено несколько мелких разрозненных фрагментов гончарной керамики: стенки тарных сосудов, в том числе два фрагмента амфор с дуговидными ручками (рис. 22: *8*); обломки коричневоглиняных тонкостенных горшков XIV–XV вв. со следами копоти (рис. 22: *9, 11*). Здесь же найдены три обломка поливных сосудов: стенка красноглиняного кувшина, покрытая зеленой прозрачной поливой по черепку; стенка открытого сосуда светло-коричневого обжига, покрытого изнутри по белому ангобу коричневой поливой, с многочисленными темными пятнами не растворившегося красителя; бортик с закругленным краем тонкостенной полусферической чашечки, покрытой внутри бледно – зеленой, а снаружи – ярко-зеленой поливой по светлому ангобу (рис. 22: *10*). Судя по подрубкам, сохранившимся в юго-западной стене, помещение имело полуциркульный свод высотой около 4 м и шириной до 3,45 м. На момент обвала длина постройки достигала 5,42 м. Здесь необходимо отметить, что северо-восточный край террасы обвалился задолго до 1998 года, поэтому восстановить полную длину здания не представляется возможным (рис. 23–24).

В южном углу помещения сохранились порог и откос входа, вырубленные в скальном монолите юго-западной стены. Порог размером 1,3 х 0,75 м возвышался над скальным полом помещения на высоту 0,44 м. Внутрь вели три ступеньки. Во второй из них вырублены два круглых гнезда (диаметром около 0,06 м) на расстоянии 0,72 м друг от друга, которые служили для установки поворотных стоек двустворчатой двери. Между отверстиями пробита небольшая прямоугольная щель для щеколды, фиксирующей западную створку двери. На высоте 1,6 м от порога в откосе, вырублена широкая ниша для укладки деталей перемычки проема. Судя по ее растеске, перекрытие входа было сводчатым. Кроме того, в нише, в том месте, куда, по идее, должна заходить торцовая часть перемычки, вырублена небольшая ниша с полукруглым сводом и размерами приблизительно, 0,40 х 0,30 м. По технике тески она резко отличается от окружающей поверхности. Ниша явно служила для установки небольшой иконы, однако место для этого выбрано не совсем удачно. Либо сооружение ниши относится к более позднему периоду, когда здание было уже разрушено.

[33] Относятся к варианту 3 по: *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. – Л, 1979. – С. 31–32, рис 13, 5–8; и 24 классу по: *Романчук А.И. и др.* Ук. соч. – С. 50–52, табл. 20–22.

К северо-западу от порога сохранились остатки неглубокой «постели» для кладки юго-восточной стены и желоба водостоков, вырубленные перпендикулярно трассе стены. В скальном полу постройки, вырублены две могилы с закраинами для укладки плит, ориентированные по оси помещения. У входа, вдоль «постели» юго-восточной стены, вырублена могила № 1 размером 1,75х0,40 м и глубиной – до 0,49 м. На закраинах для плит отмечены остатки известкового раствора. В западном углу помещения, вдоль северо-западной стены, обнаружены остатки могилы № 2. Ее северо-западная половина разрушена обвалом. Она сохранилась в длину на 1,21 м, шириной до 0,57 м, глубиной 0,35–0,45 м. Уцелели in situ две закладные плиты размерами 0,65х0,48 м и 0,63х0,30 м. Края плит уложены на известковом растворе. В могиле оставалось немного серого тлена, археологический материал отсутствовал. В декабре 1998 года на месте обвала помещения были собраны крупные кости скелета человека. Как показали антропологические исследования, костные останки принадлежали всего двум скелетам: мужчины 40–50 лет и девушки 16–18 лет (см. приложение).

На северо-восточном крае блока № 2 вырублена ступенька, которая вела в ныне отсутствующую северо-восточную часть помещения. Рядом вырублено гнездо для деревянной стойки небольшого диаметра (рис. 5; 129). Видимо, стойка служила опорой для деревянной ограды или внутренней переборки помещения. Подобным же образом оформляли и алтарные части храмов.

Суммируя вышеизложенное, можно заключить, что «помещение с могилами» представляло собой культовое здание – небольшую часовню мемориального характера. Внутри находились вырубные могилы с плитовым перекрытием, в которых были похоронены два человека. Остатки культурного слоя, содержавшего золу, обгоревшие кости и керамику, гвозди с остатками древесного угля, позволяют говорить о том, что помещение погибло в пожаре. Материалом, датирующим слой пожара, могут выступать только обломки обгоревших горшков XIV–XV вв., поскольку фрагменты тарных и поливных сосудов не имели следов закопченности и, следовательно, могли попасть в слой позже, в ходе разборки постройки на материал.

Поскольку комплекс археологических и архитектурных остатков, сохранившихся на террасе, тесно связан с пещерным храмом, делать какие-либо выводы без учета архитектурных и стратиграфических особенностей последнего не представляется возможным.

2. Пещерная церковь представляет собой одиночное сооружение, вырубленное в отвесном восточном обрыве мыса в нескольких метрах от оконечности. Несмотря на то, что описание церкви не раз приводилось в научной литературе[34], исследования 1999 года позволяют внести некоторые уточнения и дополнения.

Прямоугольное отверстие входа (1,58х0,75 м), расположено на значительной высоте, и хорошо просматривается с дороги в том месте, где она огибает мыс Тешкли-Бурун и поворачивает в ущелье Капу-Дере к главным городским воротам. Порог входного проема находится на высоте 4,30 м от современной дневной поверхности террасы и на 4,60 м от её скального основания (рис. 4; 26).

Перед входом в храм, на уровне порога, было пристроено небольшое по площади деревянное помещение (крыльцо), через которое можно было попасть внутрь пещерного сооружения. Для крепления конструкций крыльца была использована неглубокая трещина в скале, расположенная южнее проема. После обработки стенок расщелины образовалась небольшая ниша, в которую заводили конец поперечной несущей балки, а также устанавливали вертикальную опору, служившую для крепления перекрытия и конструкций кровли над крыльцом. Противоположный край площадки нависал над террасой, и имел в качестве опоры деревянный столб. Подпятник опоры с сечением основания не менее 0,16 м вырублен в скальном выступе на 2,2 м ниже порога (рис. 27).

Внизу, на поверхности террасы (на 4,4 м ниже порога церкви), вырублено два круглых гнезда на расстоянии 0,65 м друг от друга. Вероятно, эти подрубки служили для крепления стоек деревянной лестницы, ведущей на крыльцо.

Помещение церкви однокамерное, неправильной в плане формы, близкой к овалу, длиной около 5,19 м и шириной около 3,80 м, ориентировано с юго-запада на северо-восток, средняя высота в центральной части составляет 2,20 м (рис. 27–31). Северный и западный углы закруглены. Не выражена граница и при переходе от стен к плоскому потолку. Полукруглая в плане апсида занимает северо-восточную часть и архитектурно выделена от остального помещения. В северо-западной стене её границей является плечо апсиды. В юго-восточной стене плечо отсутствует, так как толщина скального монолита в этом месте незначительна. Но на высоте 0,67 м от пола, на расстоянии 0,75 м слева от дверного проема, в стене вырублен неглубокое гнездо шириной до 0,1 м, служившее для крепления горизонтального бруса деревянной алтарной преграды и, таким образом, обозначало границу между наосом и алтарем. Кроме перечис-

[34] *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Пещерные церкви Мангупа. – Симферополь, 1996. – С. 14–15, с. 71, рис. 18.

ленных признаков, можно заметить, что потолок алтарной части ниже потолка наоса. Благодаря этой особенности, со стороны основного помещения вход в алтарную часть выглядит как бы перекрытым аркой с узким тяблом. В глубине апсиды на высоте 0,61–0,66 м от пола вырублена арочная ниша алтаря, ориентированная на восток с шириной основания 1,21 м, высотой 0,96 м и глубиной до 0,28 м. Обработка стен апсиды и наоса (параллельные или пересекающиеся глубокие борозды, расстояние между которыми не менее 0,1 м) выглядит однотипно. Ниша алтаря обработана более тщательно, но в аналогичной манере. В восточной части ниши грубо прочерчен «крест на престоле» с раздвоенными концами размером 0,45х0,21 м, ниже него, почти посередине тонкой линией процарапан небольшой крест с раздвоенными концами без основания (возможно не сохранилось).

В северо-западной стене на расстоянии 0,15 м от плеча апсиды на высоте 0,91 м вырублена арочная ниша размером 0,55х0,45 м и глубиной 0,30 м.

Юго-западная стена церкви имеет значительные утраты первоначальной поверхности, но её основные архитектурные элементы можно проследить и сейчас. В правой половине стены (смежной с западным углом помещения) вырублена неглубокая полукруглая ниша со скамьей. Длина скамьи 1,46 м, ширина до 0,46 м, высота от скального основания – 0,26 м. В левой части стены и южном углу помещения на высоте 0,59 м от пола также сооружена полукруглая ниша длиной 1,52 м, глубиной до 0,53 м и высотой 1,39 м. В нише когда-то располагался оссуарий, передняя стенка которого в настоящее время полностью разрушена.

В юго-восточной стене ближе к апсиде вырублен упомянутый выше входной проем. По обе стороны от него вырезаны углубления шириной до 0,45 м для боковых досок дверной коробки. Поверхность скалы в углублениях тщательно отесана. Слева от входа, как упоминалось выше, вырублен паз для алтарной преграды. По правую сторону от проема значительная часть поверхности стены отслоилась, но на расстоянии 0,88 м от него сохранилась неглубокая вертикальная канава шириной 0,05–0,13 м, не доходящая до потолка 0,37 м.

Поверхности потолка достаточно ровная и обработана тщательнее стен, но в юго-западной половине имеет значительные утраты.

Скальная поверхность пола помещения грубо выровнена и имеет наклон с северо-востока и юго-запада к середине зала, а в центральной части она понижается от северо-западной стены на юго-восток. Вдоль северной стены апсиды вытесана ровная узкая площадка размером 2,12х0,53 м, которая выходит за пределы алтарной части и примыкает к северо-западной стене у подножия вышеупомянутой ниши. Площадка возвышается над другими участками поверхности на высоту до 0,29 м. Необходимо заметить, что в апсиде нет специального углубления для каменного престола. Хотя для службы могли использовать деревянный престол.

В северо-западной части наоса в скальном полу вырублена неглубокая «постель» длиной 1,64 м и шириной около 0,24 м для поперечной балки. Продолжением «постели» является вертикальная вырубка в нижней части северо-западной стены высотой около 0,72 м. Паз такой же ширины высечен внизу юго-восточной стены справа от двери. Сюда вставляли один конец балки, а второй заводили в вертикальный паз северо-западной стены и укладывали балку, длина которой составляла около 3,80 м. Затем к этой поперечной балке прибивали деревянный настил пола.

В наиболее пониженной центральной и юго-западной части храма на площади 3,66х3,10 м залегал культурный слой. Мощность слоя достигала максимальных значений в южном углу и центре помещения 0,18–0,22 м, постепенно уменьшаясь в северо-восточном направлении (рис. 32). Он представлял собой однородный, слабо гумусированный грунт светло-серого цвета, состоящий из крупного окатанного известнякового щебня (0,07х0,06х0,05 м), известнякового отеса и продуктов разложения известняка (песок, дресва). На его поверхности в разных местах выявлены четыре линзы золистого грунта площадью от 0,24х0,18 м до 1,10х0,52 м и мощностью 0,02–0,05 м без следов прокаливания пода. В составе заполнения необходимо отметить также несколько мелких глыб скругленных очертаний. Такой вид камни могли приобрести только в результате интенсивного окатывания на поверхности плато и в пещерном сооружении оказались лишь искусственным путем. Слой на полу в пещерном храме по характеру и структуре аналогичен нижнему слою засыпи каменоломни и происходит, по-видимому, оттуда.

Археологический материал (немногим более сотни находок), обнаруженный в ходе исследований слоя на полу пещерного храма, подтверждает искусственное происхождение слоя. В составе керамического комплекса (84% от всех находок в храме) почти половина приходится на обломки плоской черепицы. Кроме того, обнаружены несколько фрагментов красноглиняных гладкостенных пифосов и стенок раннесредневековых амфор, в том числе небольшой ручки овального сечения с продольным ребром на внешней стороне красноглиняной желобчатой амфоры[35]

[35] Тип V по: *Антонова И.А.* и др. Ук. соч. – С. 84, рис. 5.

(рис. 33: *2*), два обломка амфоры с дуговидными ручками[36] (рис. 15: *1*), более десятка фрагментов горшков XIV–XV вв. переобожженных с обеих сторон (15: *3–5, 7–8*) и обломок стенки коричневоглиняного кувшина с остатками нижнего прилепа ручки, украшенного по корпусу вертикальными линиями, нанесенными белым ангобом (рис. 33: *6*). Обломки таких сосудов обнаружены в слое пожара 1475 года на полу башни Ашага-Куле в Алустоне[37], а также при раскопках дворца Мангупа 1425–1475 гг.[38] Однако подобная роспись встречается и на корпусе коричневоглиняных горшков[39], которые традиционно датируются XIV–XV вв.[40] В связи с этим узко датировать кувшины с линейной росписью XV в., или каким-то его промежутком, пока нет оснований. Как и в слое заполнения каменоломни на террасе, среди находок в пещерном храме отсутствуют остатки красноглиняной поливной посуды.

Помимо керамики, в заполнении на полу храма обнаружено кованое железное кольцо и несколько кусочков железной окалины. Особый интерес представляет обломок браслета длиной 2,5 см, изготовленный из полупрозрачного стекла синего цвета уплощенного профиля шириной 1,2 см, и толщиной прута более 0,3 см (рис. 33: *11*). Судя по сохранившейся части браслета, его диаметр составлял 7 см. Вероятнее всего, браслеты из синего стекла распространялись в Юго-Западном Крыму через Херсонес. По мнению некоторых исследователей, изделия, подобные нашему, появляются в этом византийском центре не ранее середины IX в.[41]

Не меньший интерес представляют два костяных изделия. Первое представляет собой черешковый наконечник охотничьей стрелы ромбовидного сечения с обломком плоского черешка (рис. 33: *10*). А.Ф. Медведев отмечает, что костяные черешковые наконечники употреблялись с древности до конца средних веков главным образом в северной полосе. Южнее наконечники с плоским, реже с круглым черешком трехгранного, ромбического, шестигранного сечения с острием клиновидной и килевидной формы использовали на охоте и в бою с IX по XIV в.[42] Наиболее близкие нашему наконечнику по форме и пропорциям аналогии датированы XII в. (Девич-Гора и Колодяжин)[43] и XIII в. (Изяславль)[44].

Второе изделие является обрезком трубчатой кости длиной 8,1 см (рис. 33: *9*). Один конец и поверхность трубки зашлифованы до блеска. Вероятно, она служила рукоятью плети-нагайки, в которую продевали кожаные ремешки.

В ходе исследований было обнаружено большое количество (1407) разрозненных человеческих костей. Насыщенность слоя костями скелета возрастала с северо-востока к юго-западной стене помещения. Кости располагались беспорядочно, не в анатомическом положении. По данным медико-антропологического исследования, проведенного Д.Ю. Пономаревым[45], кости принадлежат остаткам не менее 22-х человек обоего пола и разных возрастных групп от 57–67 лет до новорожденных (см. приложение). Кости оказались в слое в период полного скелетирования трупов, то есть не ранее 1–3 лет после их первичного захоронения. Обращает на себя внимание факт, что представлены только мелкие кости и полностью отсутствуют самые объемные по размерам части скелета, например череп, тазовые и бедренные кости[46]. Таким образом, обнаруженный во время исследования пещерного храма антропологический материал происходит, вероятнее всего, из костехранилища, остатки которого находятся в юго-западной стене помещения. На момент сооружения насыпного пола оссуарий был уже разрушен, поэтому крупные кости были изъяты, а остальные погребены в тонком

---

[36] Класса 45 по: *Романчук А.И. и др.* Ук. соч. – С. 73–77, талб. 35–42, 53–59.

[37] *Мыц В.Л.* Генуэзская Луста... – С. 170, 184–185, рис. 42–43.

[38] *Якобсон А.Л.* Дворец. – С. 396–397, рис 9.

[39] Например, в том же слое пожара в башне Ашага-Куле, см. *Мыц В.Л.* Генуэзская Луста... – С. 183, рис. 41.

[40] *Тесленко И.Б., Лысенко А.В.* Ук. соч. – С. 267–268.

[41] *Голофаст Л.А., Рыжов С.Г.* Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. – Вып. X. – Симферополь, 2003. – С. 221–222, 258, рис. 24, 1. А.И. Айбабин считает, что «синие стеклянные браслеты вошли в моду на полуострове на рубеже IX – X вв.», см. *Айбабин А.И.* Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ – Вып. II. – Симферополь, 1991. – С. 46–47.

[42] *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ – Вып. Е1–36. – М., 1966. – С. 88.

[43] Там же, табл. 22: 17 – 18.

[44] Там же, табл. 25, 27.

[45] *Герцен А.Г.* Отчет об археологических исследованиях Мангупского городища 1999г. – Симферополь, 2000. – Т. I – С. 40–46.

[46] Там же. – С. 46.

слое щебнистого грунта. Этим объясняется распределение костей скелета в слое. Возможно, здесь были перезахоронены и кости из другой разрушенной костницы, которая расположена на нижней террасе над полостью каменоломни.

Ближе к выходу с поверхности в слой заполнения церкви была впущена линза гумусированного пылевидного грунта, насыщенного перегнившей соломой и хворостом. Линза размером 1,20х0,86 м имела неровные очертания, форму, близкую к вытянутому овалу, и мощность 0,05–0,07 м. Кроме современного мусора, здесь найдены свинцовая сферическая пуля диаметром 1,3 см и сверток свинцового прута, вероятно, полуфабрикат для отливки пули (рис. 15: *12–13*). По свидетельству одного из очевидцев конца XVII в., подобные свинцовые пруты выдавали турецким солдатам в качестве боезапаса для самостоятельной отливки пуль[47]. Видимо, этот материал, как и обломок трубки, обнаруженный в дерновом слое внизу на террасе, связаны с наиболее поздним периодом использования пещерного сооружения уже во времена турецкого присутствия на территории крепости (1475–1774 гг.). По всей вероятности, линза гумуса с остатками соломы является намеренно подготовленным местом для ночлега, вырытым в грунте, заполняющим пещерный храм. В процессе обустройства этой «лежанки» грунт сбрасывался в разные стороны, в том числе через дверной проем, в результате чего несколько костей оказались в дерне на северном участке террасы (см. выше), несколько зольных линз, а также кострище овальной формы размером 0,57х0,50 м и мощностью до 0,03 м с прокаленным подом, перекрытое основным слоем на 0,04–0,06 м.

В центральной части помещения в том месте, где поверхность скалы резко понижается на юго-запад, на полу обнаружена линза мелкого уплотненного известнякового отёса белого цвета площадью 0,96х0,64 м и мощностью до 0,04 м. Поверхность линзы покрывает тонкая корка черного цвета, на которой просматривались отпечатки досок. Таким образом, отёс является остатками субструкции, которая подсыпалась в центральной и юго-восточной части помещения для выравнивания общего уровня поверхности перед укладкой деревянного настила первоначального пола.

Суммируя все полученные в ходе проведенного исследования данные, в истории храма можно выделить четыре периода.

Первоначально, в откосе скального массива над террасой вырубили пещерное сооружение храмового типа, служившее придорожной церковью. Оно имело одно основное помещение, апсиду с алтарной нишей в северо-восточной части, паз для крепления алтарной преграды в юго-восточной стене, нишу с костехранилищем в южном углу, нишу со скамьей в западном углу, а также небольшую арочную нишу в северо-западной стене. При сооружении помещения строителям не везде удалось вырубить ровный пол, за исключением вышеупомянутой узкой площадки вдоль северной стены апсиды. Чтобы устранить этот недостаток, пониженные участки пола перекрыли деревянным настилом. Его крепили гвоздями к поперечной лаге, для укладки которой, как уже отмечалось, в полу и стенах помещения были сделаны подрубки. Для того чтобы придать доскам настила дополнительный упор, поверхность нивелировали подсыпкой мелкого известнякового отёса. Именно деревянным покрытием, вероятнее всего, можно объяснить отсутствие в скальном полу апсиды гнезда для установки каменного престола.

Судя по высоте расположения узкой ровной площадки в левой части апсиды, она не перекрывалась досками, а ее поверхность находилась на одном уровне с поверхностью настила. Вероятно, на площадке устанавливали жертвенник и другую необходимую утварь.

Южный угол храма, в котором находилась ниша с костехранилищем, был, по-видимому, отгорожен от остальной части наоса деревянной перегородкой и выполнял мемориальную функцию. Стойку перегородки заводили в вертикальную подрубку юго-восточной стены, а основание крепили к деревянному настилу пола или непосредственно к поперечной лаге.

Обработка поверхности стены в углублениях вокруг дверного проема резко контрастирует с другими участками той же стены. Загубленная растеска обеих боковых сторон, обрамляющих проем, предназначалась для установки досок деревянного портала, украшавшего внутренний фасад входа. По-видимому, портал и дверь расписывали красками, что создавало торжественный вид.

Обработка стен храма выглядит очень грубо и не эстетично, поэтому вполне логично предполагать, что вертикальные поверхности и свод апсиды имели какую-то дополнительную облицовку. Скорее всего, это была штукатурка, так как следы применения других отделочных материалов полностью отсутствуют. В связи с этим необходимо сделать важное замечание. При обследовании помещения на стенах и в культур-

[47] *Марсильи Л.* Военное состояние Османския империи с ея приращением и упадком. – СПб., 1737. – Ч. 2. – С. 13–14.

ном слое на полу храма не было обнаружено ни одного фрагмента штукатурки или известкового раствора. На наш взгляд, этот факт можно объяснить только одним обстоятельством – штукатурка могла быть утрачена в то время, когда помещение длительный период не использовалось и не ремонтировалось.

Культурного слоя с археологическим материалом, указывающим на время сооружения храма, не сохранилось, поэтому вопрос о дате его появления остается открытым. В первых публикациях церкви в оконечности мыса Тешкли-Бурун авторы относили его сооружение к периоду Б датированного концом X–XI – серединой XIV в., на основании сравнительного анализа архитектуры и характера обработки различных пещерных сооружений[48]. По-видимому, верхнюю границу можно ограничить временем относительного запустения города в XII–XIII вв., для которого пока не выявлено археологических комплексов, а находки этого времени единичны[49]. Этот период в истории Мангупа, когда оставленные без присмотра постройки и сооружения приходили в негодность и разрушались, является вторым этапом в истории пещерного храма. В течение длительного времени элементы внутреннего убранства были утрачены: штукатурка осыпалась, деревянные детали разобраны или сгнили. Видимо, в этот период была разрушена стенка оссуария в южном углу (возможно, разрушение было естественным).

Впоследствии, на третьем этапе функционирования, помещение очистили от мусора (сгнивших досок, обломков штукатурки и т. п.), крупные кости, видимо, перезахоронили в новом месте упокоения, а мелкие останки были погребены в насыпном полу. Вероятно, факт такого погребения, даже в незначительном по мощности слое, имел символический характер. Насыпь пола содержит археологический материал, относящийся, самое позднее, к XIV–XV вв. Поэтому третий этап в жизни храма датируется в рамках этого периода, точнее периода расцвета Феодоро (второй половиной XIV–XV в.). Однако храм уже не играл той роли, которая была на первом этапе. В противном случае его интерьер бы восстановили. Скорее всего, он служил часовней для отправления эпизодических второстепенных служб и редко посещался.

Последний, четвертый, этап приходится на период, когда Мангуп являлся центром турецкого кадылыка. В это время помещение несколько раз использовалось в качестве удобного укрытия от непогоды. На это указывают следы кострища и импровизированная лежанка, заглубленная в грунт, с остатками сена. Пуля и скатка свинцового прута, найденные в слое, свидетельствуют о том, что один из посетителей был солдатом или охотником.

Хронологическая ситуация на террасе комплекса выглядит сложнее. Период первоначального освоения структурного уступа, по-видимому, связан с сооружением пещерного храма. Синхронного ему культурного слоя не сохранилось, а из архитектурных остатков гипотетически можно с ним связать лишь подрубку для поперечной стены, почти уничтоженную эрозией, к югу от более поздней вырубки каменоломни. Видимо, к этому времени можно отнести и костницу на террасе. По крайней мере можно говорить, что оссуарий был разрушен до периода формирования на террасе последующих отложений, иначе бы они сопровождались остатками костей скелета.

Повторное освоение террасы приходится, вероятно, на вторую половину XIV – начало XV в. В это время на месте древнего Дороса зарождалась столица княжества Феодоро. Этот процесс сопровождался демографической активностью и связанным с ней строительством общественных и культовых зданий. В этот период на северном крае уступа была построен мемориальный храм, который, по-видимому, принадлежал частному лицу и обслуживал духовные нужды одной семьи. Об этом свидетельствуют находки костей скелета мужчины и женщины на месте разрушения двух могил храма. Закладке часовни предшествовала очистка площадки от культурных остатков раннего периода, процедура перенесения костей из разрушенных оссуариев и ритуал освящения места.

В ходе строительных работ, производилась ломка камня на площадке южнее здания. Объем материала, добытый в каменоломне, был ничтожен. Даже если учесть, что в соответствии со строительной техникой этого времени тесаный камень использовали только в кладке углов и проемов здания, эффективность каменоломни не могла бы удовлетворить самые скромные запросы. Вообще создается впечатление аврала на завершающей стадии строительных работ, когда каменщикам не хватило двух десятков блоков. Чтобы закончить работу, они стали выламывать их прямо на месте, чтобы далеко не ходить. Затем строители смастерили крепиду на восточном крае и засыпали образовавшийся «бассейн» щебнистым грунтом (4-й слой), который нашли неподалеку – в естественных навесах мыса Теш-

[48] *Герцен А.Г., Могаричев Ю.М.* Ук. соч. – С. 5, 15; *Могаричев Ю.М.* Ук. соч. – С. 5, 60.

[49] *Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Ук. соч. – С. 71.

кли-Бурун. Нивелировочный грунт содержал керамику, отложившуюся на тот момент, и объективно свидетельствует о времени строительства. Тем же грунтом засыпали скальный пол в пещерном храме.

В процессе возведения часовни площадь на северном участке террасы подверглась интенсивной планировке, что находит отражение в подрубках, сохранившихся вокруг каменоломни и прослойке и строительного мусора (3-й слой), перекрывшего нивелировочную засыпь. Вероятно, при часовне находился сторож или священник, для которого под навесом террасы было построено небольшое каменное помещение. Часовня функционировала непродолжительный период, за который вряд ли мог отложиться существенный слой, и погибла в пожаре.

На последнем этапе существования, который приходится на конец первой четверти – третью четверть XV в., площадь комплекса была увеличена, за счет южной части террасы. Здесь в самом узком месте построили каменную поперечную стену, а остальную территорию обнесли деревянной оградой восточному краю, а руины часовни и сторожку, вероятно, разобрали. О назначении этой площадки судить затруднительно. Возможно, здесь располагался дозорный пост на подъезде к городским воротам. Это не мешало, однако, проводить службу в пещерном храме.

Во время осады 1475 года площадка у южной стены комплекса подверглась кратковременному обстрелу – почти у каждого из турецких наконечников погнуто или поломано острие в результате удара о твердую преграду. В этот момент здесь мог находиться дозорный отряд феодоритов, который контролировал перемещения турецких аванпостов и лазутчиков в районе главной дороги в крепость.

3. Участок грунтовой дороги.

На 5 м ниже террасы комплекса расположен структурный уступ, по которому проходит современная колесная дорога (рис. 3). Его ширина в этом месте превышает 12 м. В целях выяснения стратиграфической ситуации поперек полки уступа в направлении с запада на восток заложен шурф площадью 12,7х3,1 м. Отложения, вскрытые в процессе исследования, имеют в среднем мощность 0,3–0,4 м, достигая 0,76 м в восточной части раскопа у обрыва полки. Они представляют собой слабо гумусированный переотложенный суглинок желтовато-серого цвета с многочисленными щебнистыми включениями, задернованный по обе стороны от дороги. В ходе раскопок на разной глубине, вплоть до самого материка, в слое встречался современный мусор.

Поверхность материковой скалы на участке раскопа плавно понижается от подножия верхнего уступа, и далее на восток идет почти горизонтально до конца полки (рис. 34). Обнаженный раскопками участок материка подвергся интенсивному шелушению. Особенно сильная и глубокая эрозия скалы отмечена в восточной части у обрыва и под полотном дороги (рис. 35). Профиль разреза полки дает основание предположить, что в древности по ее поверхности, как и сейчас, проходила трасса колесного пути. Других следов культурной деятельности на скале в пределах исследованной площади выявлено не было.

Археологический материал, обнаруженный в процессе раскопок, невыразителен. В основном это мелкие фрагменты разновременной строительной и бытовой керамики, гвозди, подковы (рис. 22: *12*), шлак. Часть материала смывалась с вышележащей террасы дозорного комплекса. Остается открытым вопрос о времени сооружения дороги. Нет сомнений, что она уже функционировала во второй период жизни города Феодоро (1-я – 3-я четверть XV в.). Что касается более раннего времени, то, судя по описанию иеромонаха Матфея (конец XIV в.), а также по данным разведок, на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун существовала дорога, проходившая через территорию раннесредневекового могильника в балке Алмалык-дере и поднимавшаяся несколькими маршами по склону мыса[50]. Возможно, ее последний марш выходил на северо-западный склон балки Капу-дере и подводил к главным городским воротам, не огибая при этом оконечность мыса, как это существует сегодня. В дальнейшем предполагается прослеживание трассы этой дороги с инструментальной съемкой и археологическим раскопками.

[50] *Герцен А.Г.* Описание Мангупа-Феодоро в поэме иеромонаха Матфея // МАИЭТ. – 2003. – Т. X. – С. 567.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МЕДИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОСТЕЙ СКЕЛЕТА ЧЕЛОВЕКА, ОБНАРУЖЕННЫХ В ХОДЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОЗОРНО-ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА В ОСНОВАНИИ МЫСА ТЕШКЛИ-БУРУН

В 1999 г. в коде археологического исследования архитектурно-археологического комплекса, расположенного в основании оконечности мыса Тешкли-Бурун на Мангупе, был получен антропологический материал из пещерной церкви и непосредственно с жилой и хозяйственной территории комплекса. Кроме того, с указанным материалом были объединены кости скелета, обнаруженные в плитовой вырубной могиле, расположенной в полу ранней разрушенной церкви и обнажившейся после обвала скалы (сбор материала произведен в декабре 1998 г.)

При зачистке пола пещерной церкви, вырубленной в толще скалы, практически по всей ее площади в слое, насыщенном мергелевым щебнем, было обнаружено скопление костей скелета человека, среди которых встречались единичные кости животных и, главным образом, птиц. Кости располагались беспорядочно, не в анатомическом порядке. Не обнаружено рядом расположенных костей одного отдела скелета, например, позвонков, костей голеней и предплечий. Насыщенность слоя человеческими костями возрастала от алтарной части церкви к противоположной стене. Остальные кости скелета обнаружены в квадратах разбитых непосредственно на жилой и хозяйственной территории комплекса, расположенной на естественной скальной полке мыса. Наиболее насыщенным костями оказался слой дерна квадрата «Г», расположенного непосредственно под пещерной церковью у входа в раннюю разрушенную церковь.

Исследование костей производилось в лабораторных условиях, визуально и с помощью стереомикроскопа МБС-10. Измерения производились штангенциркулем. Для идентификации костей применялся пакет прикладных программ «Остеология», часть 1, 2, Киев, 1990. Научные консультанты программы – главный судмедэксперт Украины Шупик Ю.П., главный судмедэксперт-криминалист Украины Филипчук О.В., под управлением операционной системы MS DOS с использованием персонального компьютера типа IBM PC AT 286.

ИССЛЕДОВАНИЕ

А. КОСТИ СКЕЛЕТА, ОБНАРУЖЕННЫЕ НА ЖИЛОЙ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ КОМПЛЕКСА

Обнаружены диафиз бедренной кости, левая пяточная кость, две левых и одна правая таранные кости, фрагмент правой теменной кости, 5 пястных костей, ладьевидная кость стопы, 5 фрагментов костей свода черепа, левый надко-ленник, ладьевидная кость кисти, 3 зуба. Все кости объединены с костями, обнаруженными в пещерной церкви, поскольку, вероятнее всего, кости оказались в слое дерна под церковью в результате постепенного разрушения слоя у входа в церковь, где он на момент исследования комплекса фактически отсутствовал.

Б. КОСТИ СКЕЛЕТА, ОБНАРУЖЕННЫЕ В СЛОЕ ВНУТРИ ПЕЩЕРНОЙ ЦЕРКВИ

На исследование были представлены кости в 6-ти упаковках. В четырех из них находились кости из квадратов, разбитых внутри церкви. Упаковка №5, шифр «ЦТБ, зольник №3», содержала три кости и два зуба, принадлежащих человеку, а именно правый надколенник, концевая фаланга 1-го пальца кисти, средняя фаланга кисти, малый коренной зуб и клык. Упаковка Мб, шифр «МК-99, ЦТБ, зольник №5», содержала 4 фрагмента ребер человека. Все вышеуказанные кости при исследовании были объединены.

Представленные на исследование кости были рассортированы в соответствии с их анатомической локализацией, половой и возрастной принадлежностью. Подробно описывались кости, которые были представлены в большом количестве и были пригодны для идентификации.

1.Надколенники

Исследовано 23 надколенника, из них правых 13, левых – 9. Определение половой принадлежности надколенников производилось по методике Колесникова В.Л. (1977 г.), основанной на анализе остеометрических данных. Для этого использовалось 11 размеров надколенников, значения который сравнивались с данными таблиц автора. Все показатели попали в границы достоверных и вероятных показателей половой принадлежности костей. Таким образом, из правых надколенников 7 принадлежат скелету мужчин, а 6 – скелетам женщин, а из левых надколенников 4 принадлежат мужчинам, а 5 – женщинам. Далее производилось определение возрастной принадлежности правых надколенников.

а) мужской правый

Определение возраста проведено по визуальной и стереомикроскопической оценке поверхности надколенника. Результаты таковы:

Суставная поверхность (СП):

Наличие канавки у нижнего края наружной

Количественная характеристика остеологического материала.

№ п/п	Наименование кости	Количество (включая фрагменты)
1.	Кости черепа (фрагменты)	27
2.	Нижняя челюсть	4
3.	Шейные позвонки	44
4.	Грудные позвонки	69
5.	Поясничные позвонки	20
6.	Крестец	9
7.	Ребра	126
8.	Ключицы	19
9.	Лопатки	7
10.	Плечевые кости	1
11.	Локтевые кости	6
12.	Лучевые кости	7
13.	Кости запястья и предплюсны	206
14.	Грудина	4
15.	Тазовые кости	1.2
16.	Бедренные кости	3
17.	Большие берцовые кости	6
18.	Малые берцовые кости	5
19.	Надколенники	23
20.	Пяточные кости	14
21.	Таранные кости	27
22.	Пястные и плюсневые кости	260
23.	Фаланги пальцев стоп и кистей рук	481
24.	Эпифизы и апофизы длинных, трубчатых костей	27
	Всего:	**1407**

части – нижний край канавки валикообразный.

Наличие валиков по периметру СП – валик по периметру массивный.

Наличие гребня по периметру СП – мелкий гребень различим по всему периметру.

Суставной гребень – имеет небольшое плавное углубление в центре.

Валик у нижнего края внутренней части СП – имеет вид продольного вала.

Кортикальная пластинка СП – зернистая на ограниченном участке.

***Передняя поверхность* (ПП):**

Характер поверхности – намечается продольная исчерченность.

Валик у медиального края – валик отделен от ПП.

Бугристость – отчетливая.

Основание:

Гребень – спереди отделен канавкой.

Бугристость – массивное возвышение около одного из краев.

Переходный участок между ПП и Основанием – на вале видны гребешки

Возраст: 53 (+/– 5 лет).

Далее описательные признаки не приводятся.

б) мужской правый – 19–29 лет;

в) мужской правый – 31–41 лет;

г) мужской правый – 27–37 лет;

д) мужской правый – 23–33 лет;

е) мужской правый – 37–47 лет;

ж) мужской правый – 37–47 лет;

з) женский правый – 27–37 лет;

и) женский правый – 23–33 лет;

к) женский правый – 19–29 лет;

л) женский правый – 19–29 лет;

м) женский правый – 57–67 лет;

н) женский правый – 41–51 лет.

Правый надколенник мужчины 19–29 лет имел аномальное дольчатое строение – *patella partita*. Представлена более крупная его часть, меньшая доля отсутствует, на ее месте у верхне-внутреннего края надколенника определяется полулунной формы выемка, стенки которой образованы компактной костной тканью. Формы выемка, стенки которой образованы компактной костной тканью.

2. Пяточные кости.

Исследовано 14 пяточных костей. Из них одна левая кость принадлежала скелету ребенка 1–2 лет, одна правая – ребенку 3–5 лет, еще одна правая – юноше 15–16 лет. Остальные кости принадлежат скелетам взрослых индивидов, из

них 5 правых (3 мужских и 2 женских) и 6 левых (4 мужских и 2 женских).

3. Таранные кости.

Исследовано 27 костей. Из них три кости – две правых и одна левая – принадлежали скелетам двух индивидов юношеского возраста. Остальные кости являлись частями скелетов взрослых людей. Из них правых костей 13 (7 мужских и 5 женских) и 12 левых костей (6 мужских и 6 женских).

4. Фрагменты грудины.

Принадлежат скелетам двух индивидов юношеского и второго детского возраста.

5. Ключицы.

Исследовано 19 ключиц. Ключицы принадлежат скелетам одного новорожденного, трем индивидам первого детского возраста (0,5–1, 1–2 и 3–5 лет), одному индивиду второго детского возраста (11–12 лет), одному индиви-ду юношеского возраста (16–18 лет), Остальные ключицы принадлежат скелетам взрослых людей.

6. Нижние челюсти.

Исследовано 4 фрагмента от нижних челюстей двух женщин. На фрагментах сохранились единичные зубы, степень стертости которых соответствует возрастному диапазону ориентировочно 40–50 лет.

7. Бедренные кости.

Для идентификации пригодными оказались только три кости, две правых и одна левая, при этом левая и одна из правых костей принадлежали скелету одного человека. Произведено определение возрастной принадлежности костей.

Определение возраста проведено по длинным трубчатым костям, исходя из их длины (с учетом эпифизов) и пола, что представлено ниже :

а) кость бедренная левая – 14,50 правая – 14,60. Возраст ребенка: 0,5–1 лет;

б) кость бедренная левая – 0,00, правая – 32,20. Возраст ребенка: 11–12 лет.

8. Локтевые кости.

Определение возраста проведено по длинным трубчатым костям, исходя из их длины (с: учетом эпифизов) и пола, что представлено ниже:

а) кости предплечья левая – 18,70, правая – 0,00. Возраст ребенка: 11–12 лет.

б) кости предплечья левая – 21,70, правая – 0,00. Возраст ребенка: 14–15 лет.

9. Большие берцовые кости.

Четыре кости, парных (правые и левые), принадлежат скелетам двух индивидов, а еще две правых кости – скелетам двух других индивидов. Произведена диагностика возрастной принадлежности костей.

Определение возраста проведено по длинным трубчатым костям, исходя из их длины (с учетом эпифизов) и пола, что представлено ниже:

а) кость голени левая – 11,30, правая – 11,20. Возраст ребенка: 0,5–1 лет;

б) кость голени левая – 10,30, правая – 10,40. Возраст ребенка: 0,5–1 лет.

в) кость голени левая – 0,00, правая – 12,30. Возраст ребенка: 1–2 лет;

г) кость голени левая – 0,00, правая – 10,90. Возраст ребенка: 0,5–1 лет.

Аномалии развития, обнаруженные на костях:

– дополнительное поясничное ребро, вероятнее всего, прикреплявшееся к первому поясничному позвонку;

– дольчатый надколенник.

Патологические изменения костей:

– остеолиз дистального конца основной фаланги правой стопы с признаками репарации костной ткани. Подобные изменения костей скелета встречаются при отморожении IV степени, проказе (лепре), нейро-дистрофических поражениях и травме крупный нервных стволов нижней конечности;

– кистевидные изменения костной структуры головок плюсневых костей, которые обусловлены накоплением в них солей мочевой кислоты при подагре;

– деформирующий артроз 2~3 степени костей стопы, который является вторичным и чаще всего обусловлен различными видами деформаций стоп, например, продольное и поперечное плоскостопие, конская стопа и пр.;

– различные виды дегенеративно-дистрофических поражений позвоночного столба (остеохондроз, лигаментоз, тендиноз, деформирующий спондилез, унко-вертебральный артроз, спондилоартроз, реберно-позвоночный артроз и пр.).

В. КОСТИ СКЕЛЕТА ИЗ ПЛИТОВОЙ ВЫРУБНОЙ МОГИЛЫ В ПОЛУ РАЗРУШЕННОЙ РАННЕЙ ЦЕРКВИ.

Как отмечалось выше, после произошедшего осенью 1998 г. обвала северо-восточной оконечности скальной полки мыса обнажилась плитовая вырубная могила в полу ранней разрушенной церкви. Кости были собраны в декабре 1998 г. Установлено, что они принадлежат скелетам двух индивидов.

а) мужчина 40–50 лет.

К скелету мужчины относятся следующие кости: правая и левая большие берцовые, правая и левая бедренные, поясничный позвонок, левая плечевая и правая локтевая кости, а также правая тазовая кость. Возраст индивида определялся по проксимальному концу правой и левой бедренной костей.

Определение возраста проведено по остеоскопической оценке внешнего вида костей, что представлено ниже:

Внешние признаки

контуры поверхности кости – с выступами и шероховатостями

выраженность границ большого вертела – выражена четко

о состояние диафиза и эпифиза – сращены

эпифизарная пиния – в виде узкой полоски

ямка головки – умеренной глубины

На распиле

расположение балок губчатого вещества – в виде мелкопористой сети балок

форма балок – тонкие

верхняя граница костно-мозговой полости – на 1–2 см ниже хирургической шейки

эпифизарная линия – в виде узкой полоски

наличие вакуолей в губчатом веществе – отсутствуют

Возраст: 40–49 лет.

Исследованием костей обнаружены признаки деформирующего артроза 3 степени обоих коленных суставов с резкой деформацией, шлифовкой, субхондральным склерозом суставных поверхностей нижних эпифизов бедренных костей и проксимальных эпифизов больших берцовых костей, которые по периметру окружены массивными гребневидными краевыми остеофитами. Кроме того, справа и слева обнаружены признаки тендиноза собственной связки надколенника, проявляющегося в виде обширного окостенения дистального участка связки в области прикрепления ее к бугристости большой берцовой кости.

б) женщина 16–18 лет

Скелету женщины принадлежат правая и левая плечевые кости, а также фрагмент правой тазовой кости. Плечевые кости полностью сформированы, а на тазовой кости обнаружен неполный синостоз бугристости седалищной кости.

ВЫВОДЫ

I. Собранные при расчистке пола пещерной церкви монастыря в основании мыса Тешкли-Бурун, 1407 костей человеческих скелетов располагались не в анатомическом порядке, то есть, вероятнее всего, были перезахоронены. Взаиморасположение костей и отсутствие на костях признаков механического расчленения тела свидетельствует о том, что перезахоронение производилось в период наступления поздних трупных явлений, а именно в период полного скелетирования трупов, то есть не ранее 1–3 лет после их первичного захоронения.

Обнаруженные кости принадлежат трупам не менее чем 22 человек, а именно:

– 7 – мужчинам в возрасте 19–29 ; 23-33; 27–37; 31–41; 37–47; 37–47 и 48–58 лет;

– 5 женщинам в возрасте 19–29; 19–29; 23–33; 27–37; 41–51 и 57–67 лет;

– одному новорожденному (но не исключено, что и младенцу 1-го месяца жизни);

– 5 – индивидам первого детского возраста, три из которых умерли в возрасте 0,5–1 лет, а два остальных – в 1–2 и 3–5 лет;

– одному индивиду второго детского возраста (11–12 лет);

– двум индивидам юношеского возраста, скончавшимся в возрасте 14–15 и 16–18 лет.

Анализ костей показал, что в церкви в подавляющем большинстве представлены мелкие кости скелета человека (плоские губчатые и короткие трубчатые). Длинные трубчатые кости взрослых представлены только мелкими фрагментами. Не исключено, что такая «сортировка» костей не случайна и обусловлена, вероятнее всего, стремлением захоронить большее количество костей в небольшом по мощности слое грунта внутри церкви. Поэтому среди костей полностью отсутствуют самые объемные и большие по размерам кости скелета человека, например череп, тазовые и бедренные кости. Скорее всего, обнаруженное в церкви захоронение костей является символическим и имело целью погребение хотя бы части скелета от каждого индивидуума после переноса их из места первоначального захоронения.

II. В вырубной плитовой могиле, расположенной в полу ранней разрушенной церкви, были погребены 2 человека: мужчина 40–50 лет и девушка, скончавшаяся в возрасте 16—18 лет.

Пономарев Д.Ю.,
врач судмедэксперт-криминалист

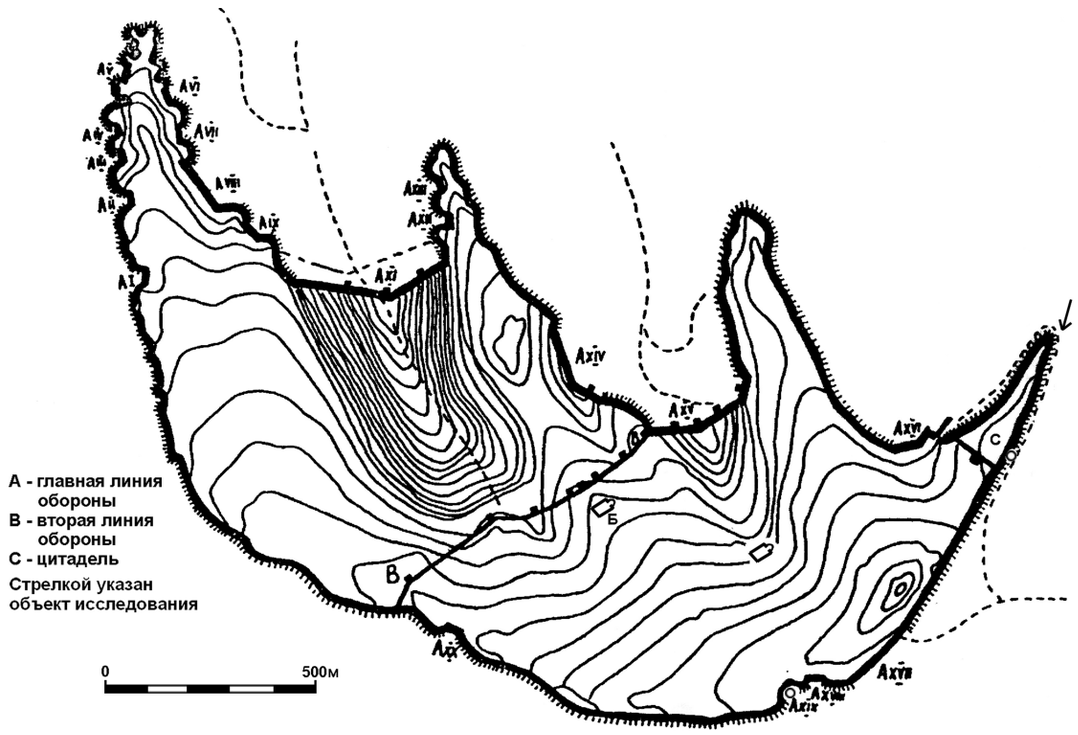


Рис. 1. Схема Мангупа с указанием объекта исследования

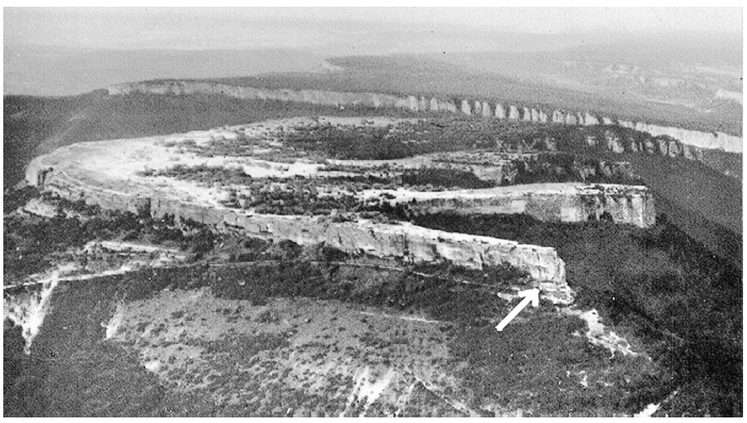


Рис. 2. Аэрофото Мангупа. Стрелкой указан объект исследований

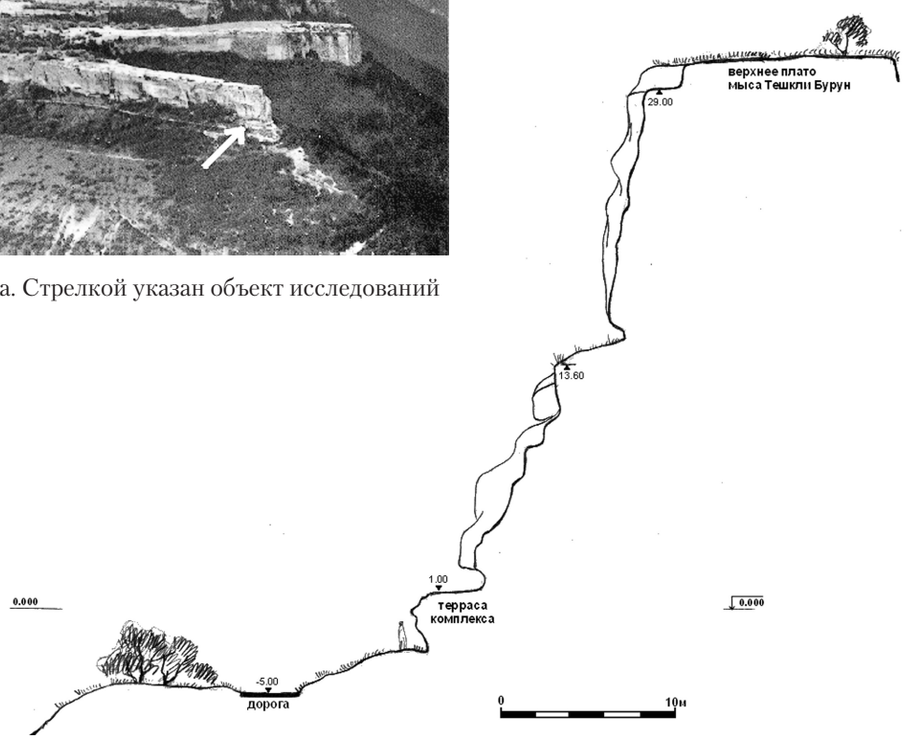


Рис. 3. Разрез через дорогу и оконечность мыса Тешкли-Бурун по скальному кулуару

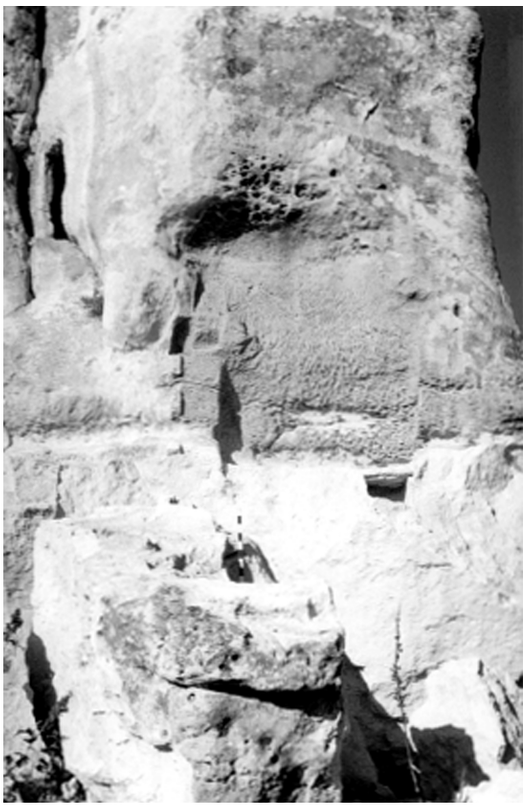


Рис. 4. Остатки «помещения с могилами». Вид с северо-востока

Рис. 5. «Помещения с могилами». Могила № 1. Вид с северо-востока

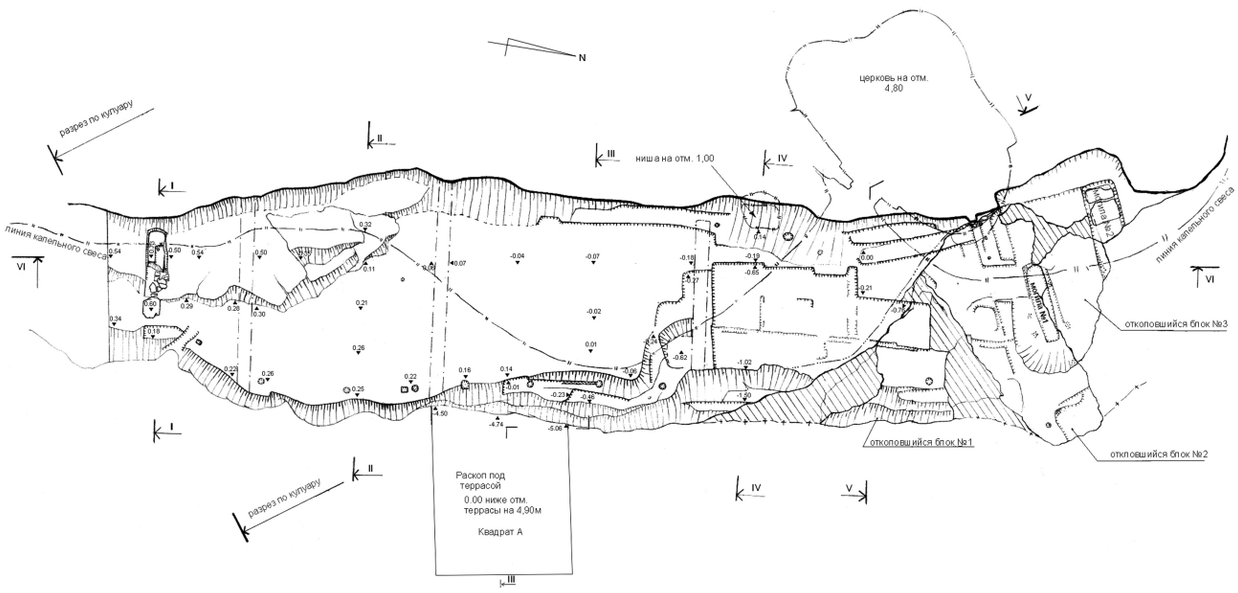


Рис. 6. План скальной площадки дозорно-церковного комплекса

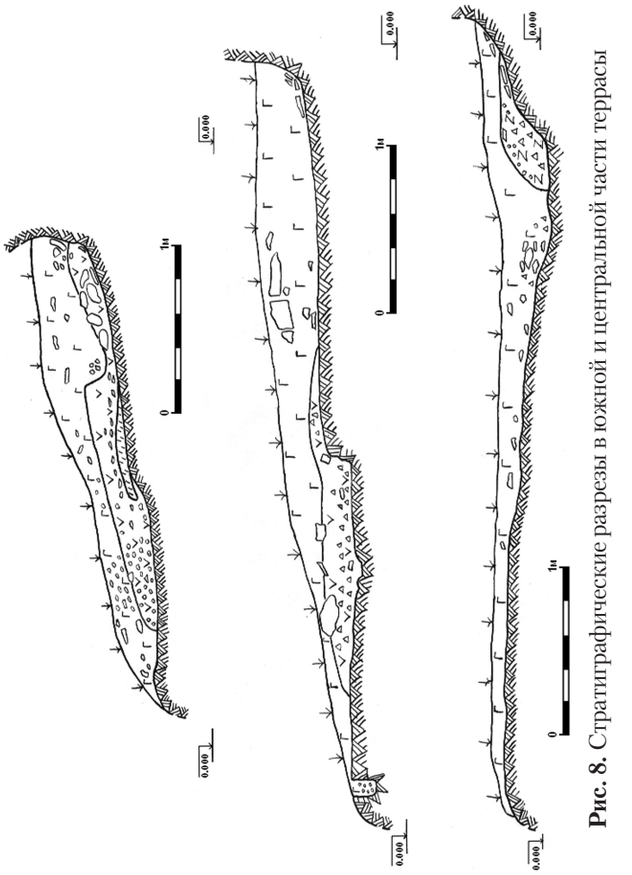


Рис. 8. Стратиграфические разрезы в южной и центральной части террасы

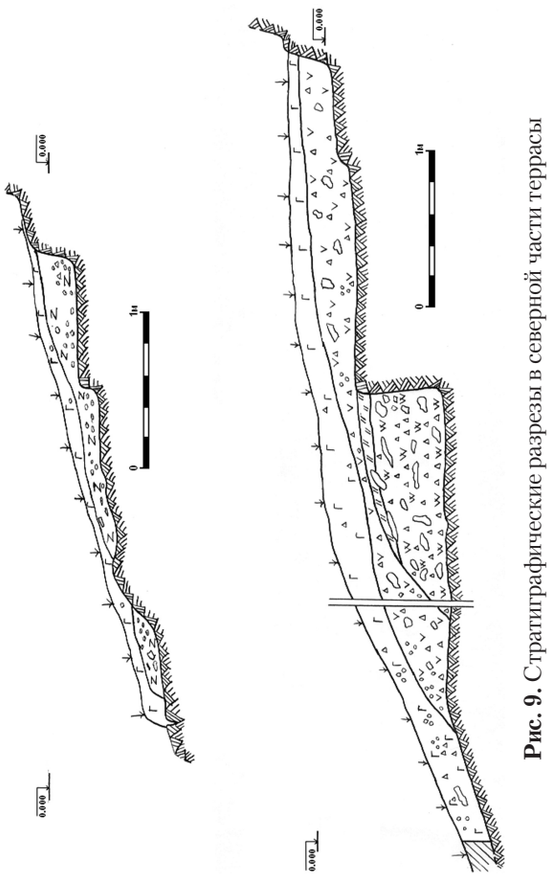


Рис. 9. Стратиграфические разрезы в северной части террасы

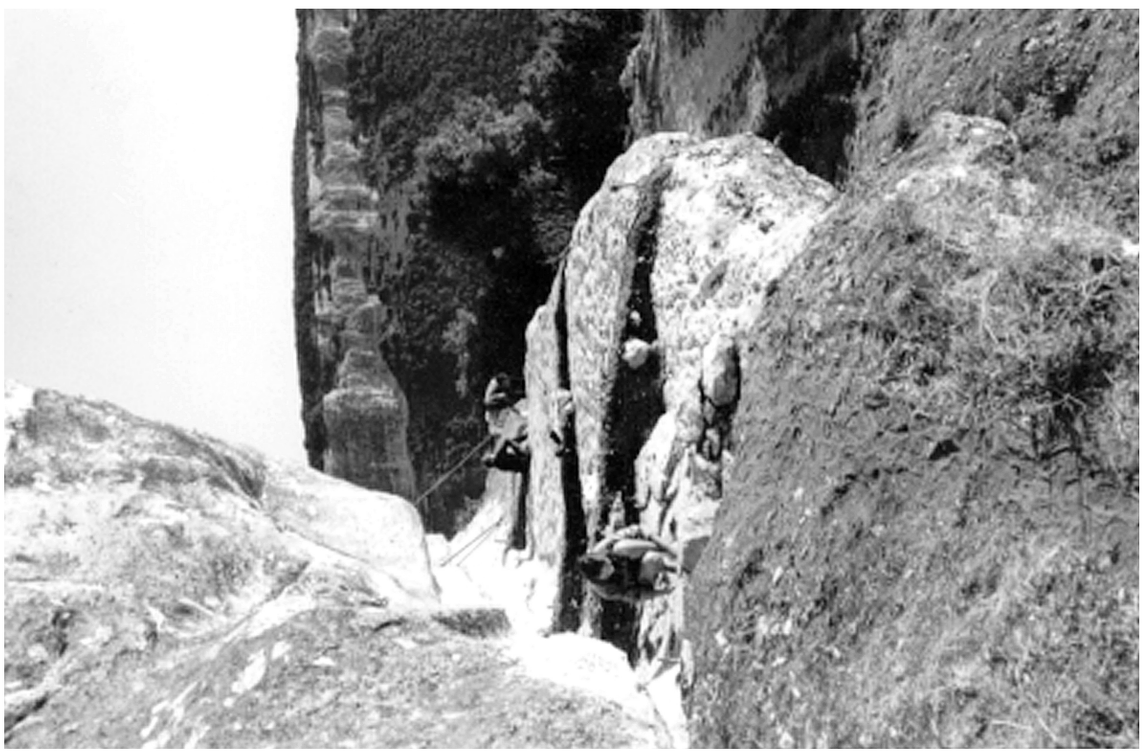


Рис. 7. Вид террасы комплекса с юга. Рабочий момент

Рис. 10. Борт каменоломни в северной части террасы

Рис. 12. Пороговый камень ворот

Рис. 11. Остатки ворот. Вид с севера

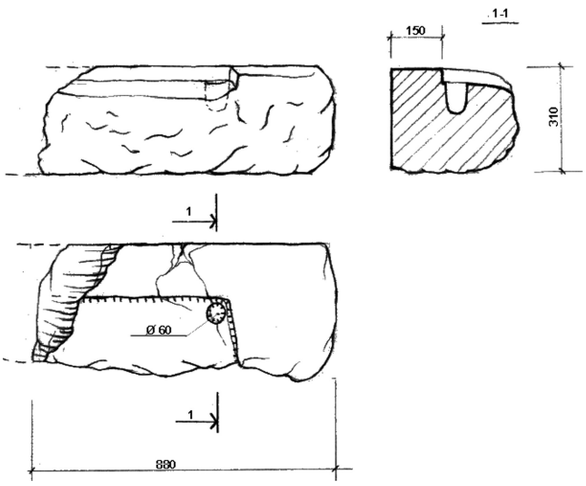


Рис. 13. Пороговый камень ворот. Чертеж

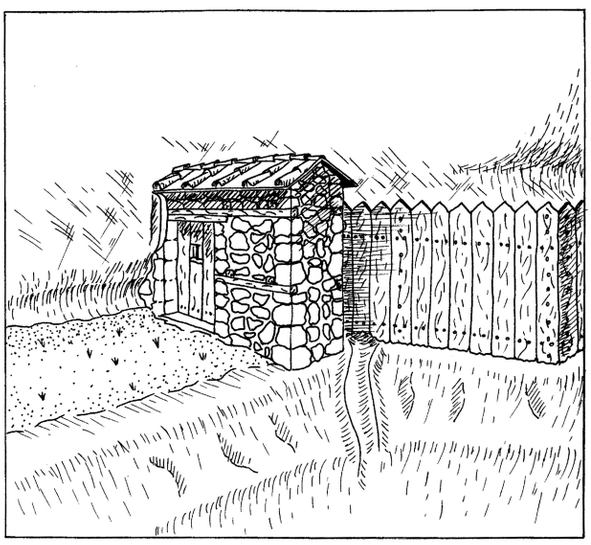


Рис. 14. Реконструкция ворот дозорно-церковного комплекса

Рис. 15. Гнезда балюстрады на краю террасы. Вид с севера

Рис. 16. Постель кладки на краю террасы. Вид с юга

Рис. 17. Ниша в северной части террасы. Вид с востока

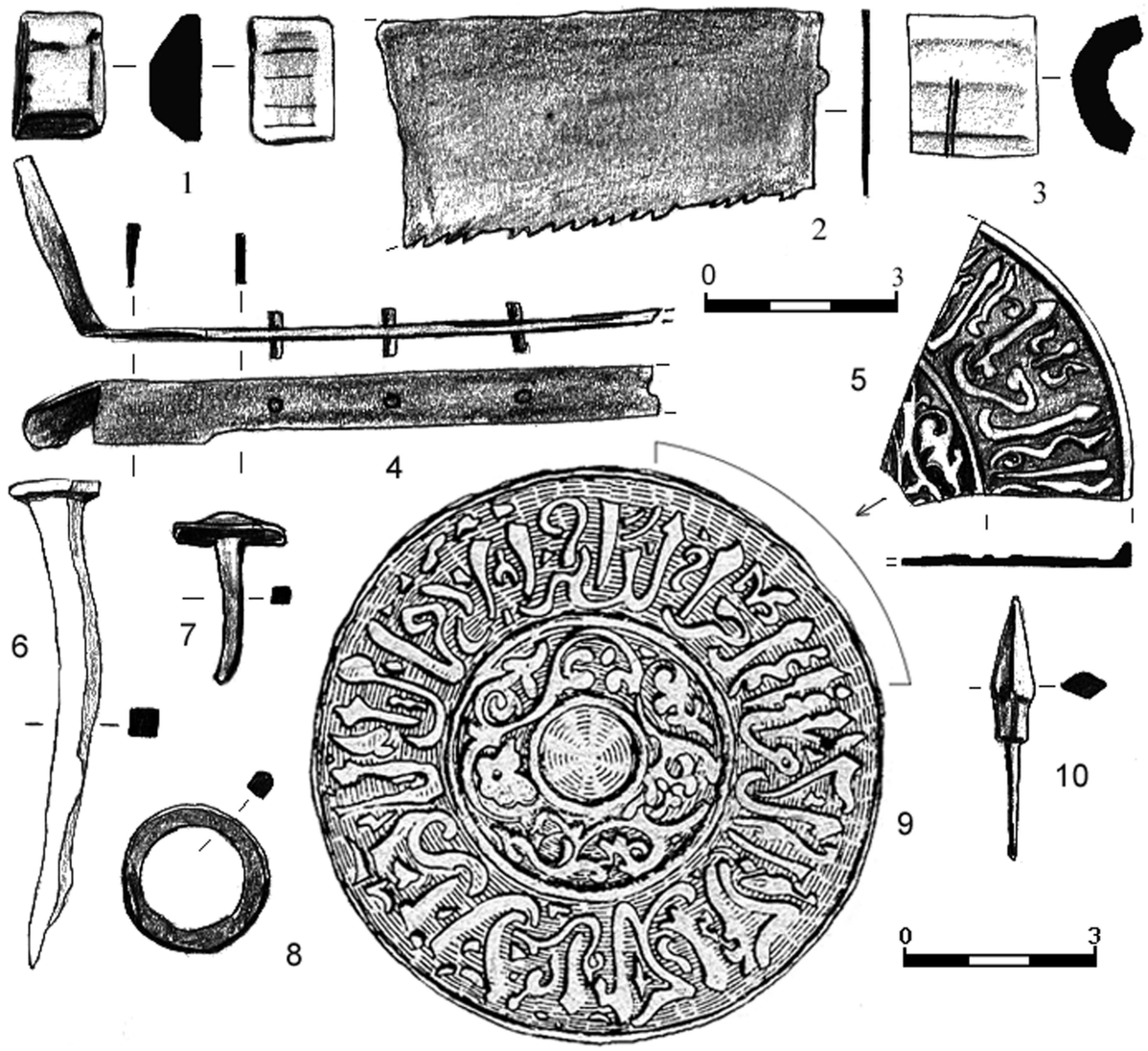


Рис. 19.
Вещевые находки

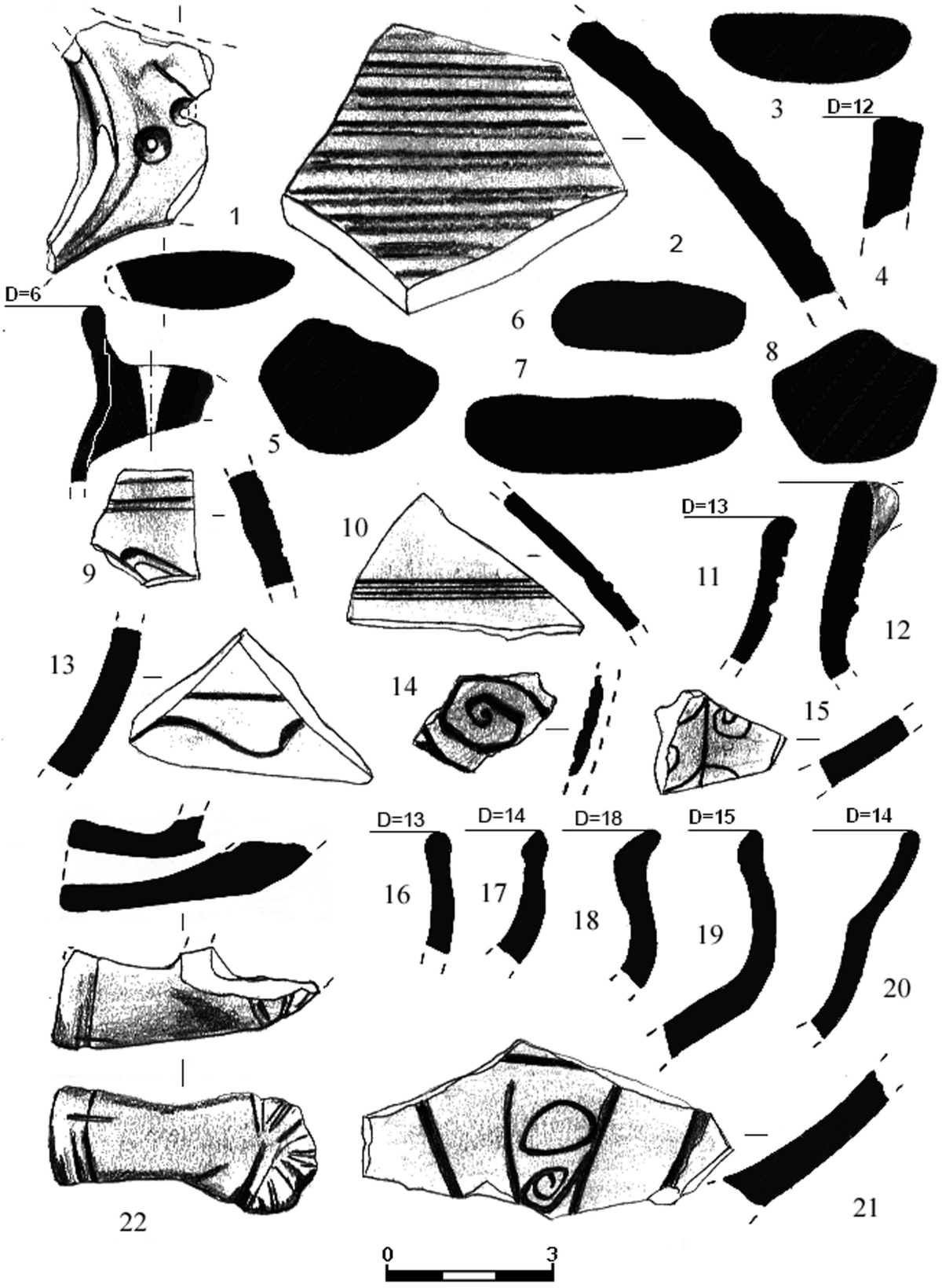


Рис. 18. Вещевые находки

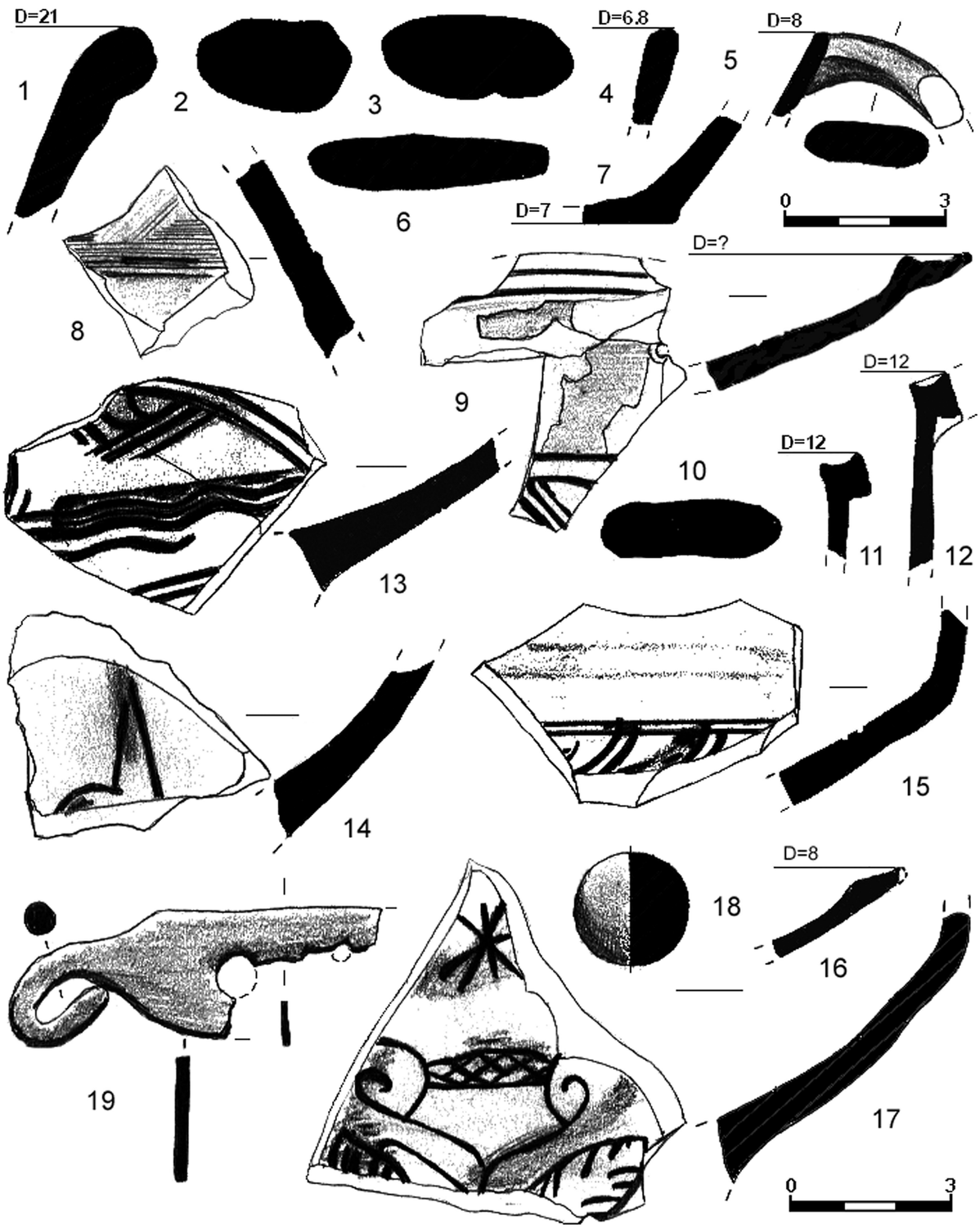


Рис. 20. Вещевые находки

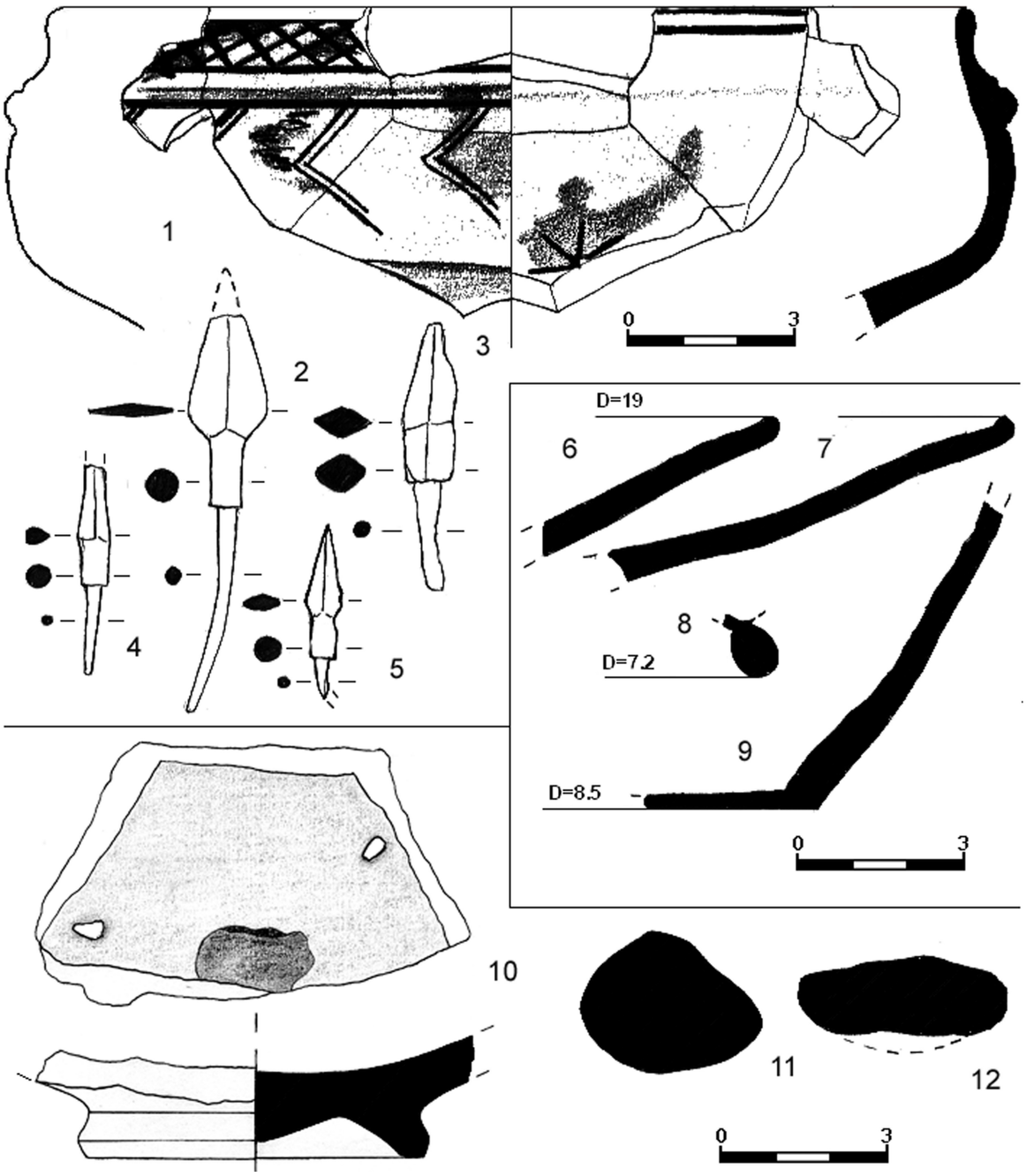


Рис. 21.
Вещевые находки

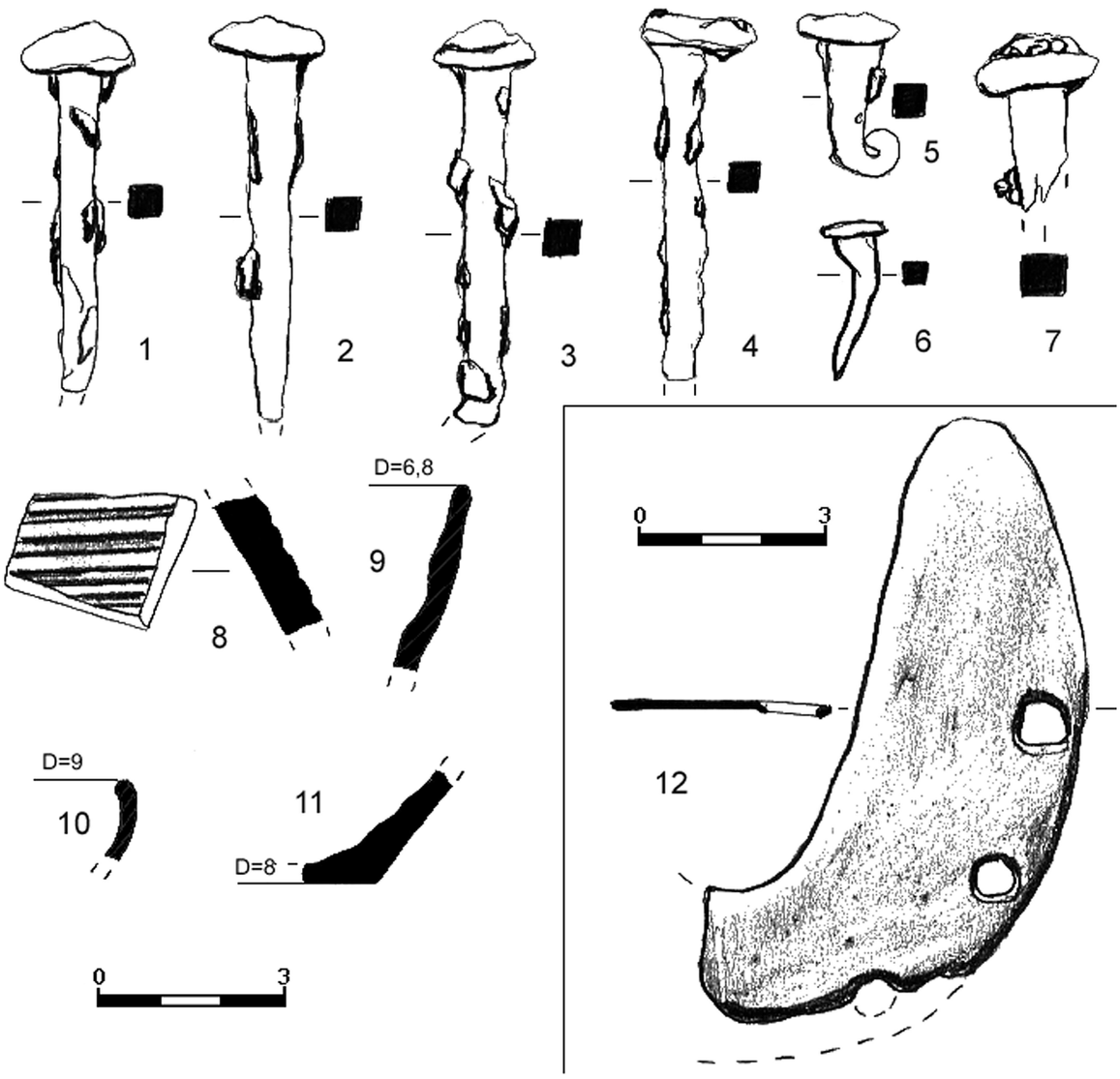


Рис. 22.
Вещевые находки

Рис. 23. Остатки помещения с могилами

Рис. 24. Остатки помещения с могилами. Могила №1

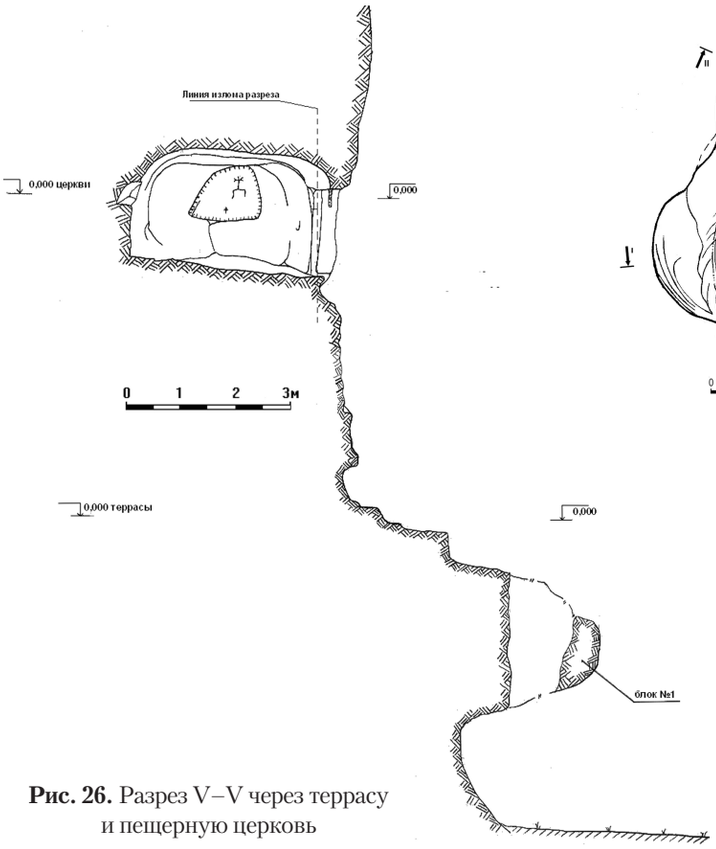


Рис. 26. Разрез V–V через террасу и пещерную церковь

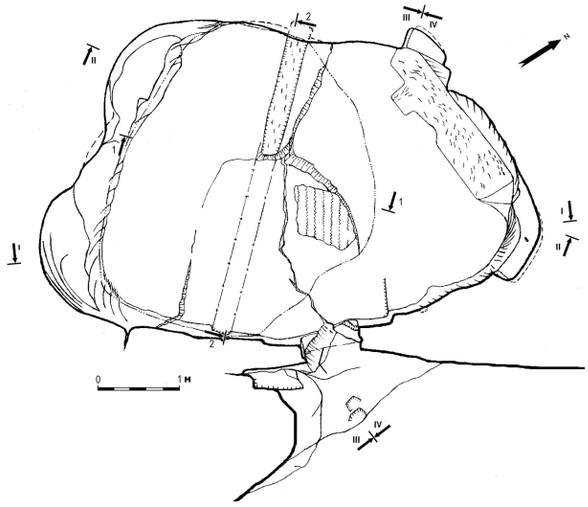


Рис. 27. План пещерной церкви

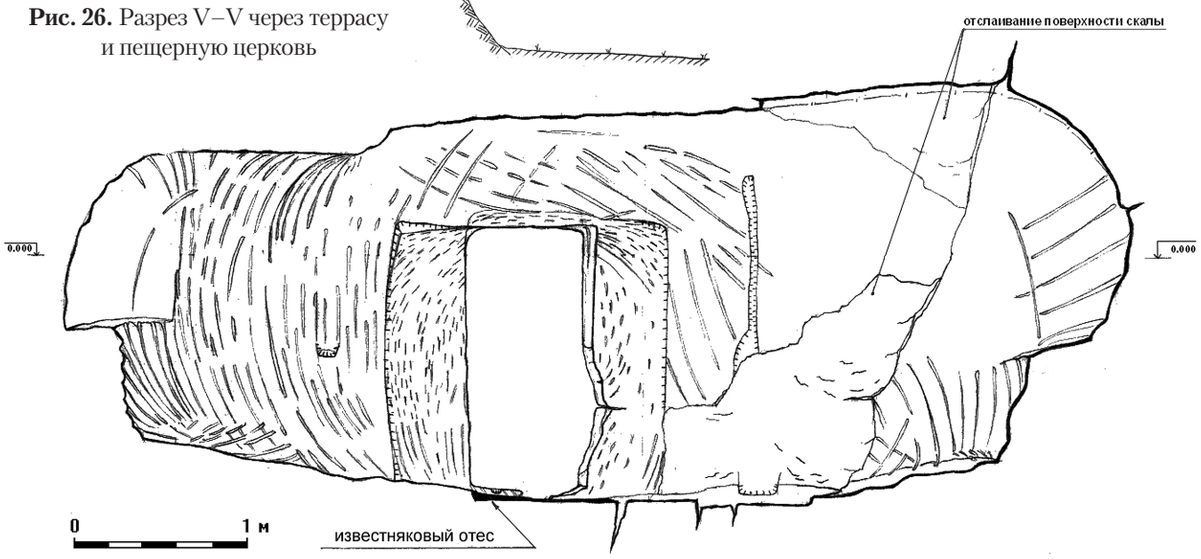


Рис. 28. Пещерная церковь. Разрез I–I

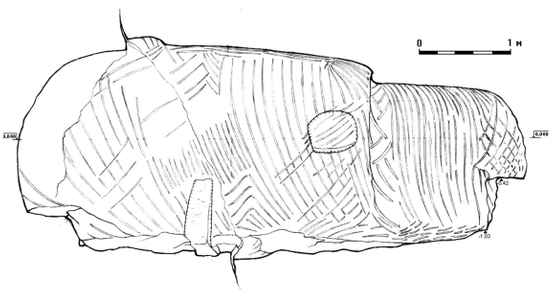


Рис. 29. Пещерная церковь. Разрез II–II

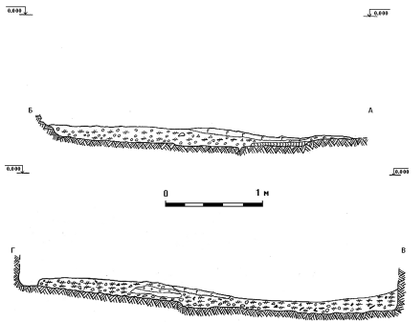


Рис. 32. Пещерная церковь. Стратиграфические разрезы

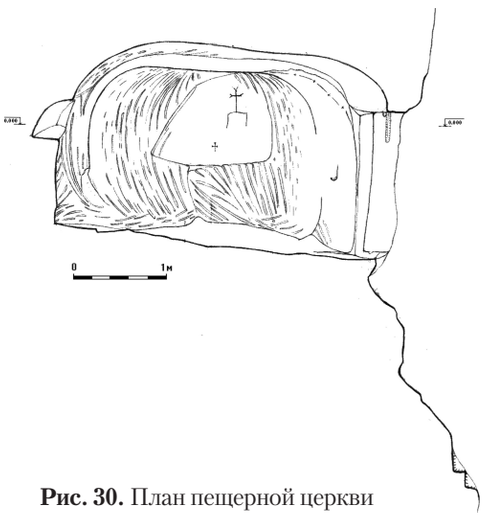


Рис. 30. План пещерной церкви

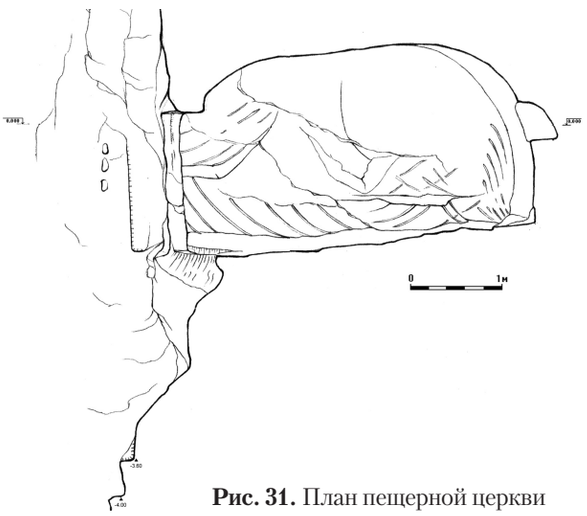


Рис. 31. План пещерной церкви

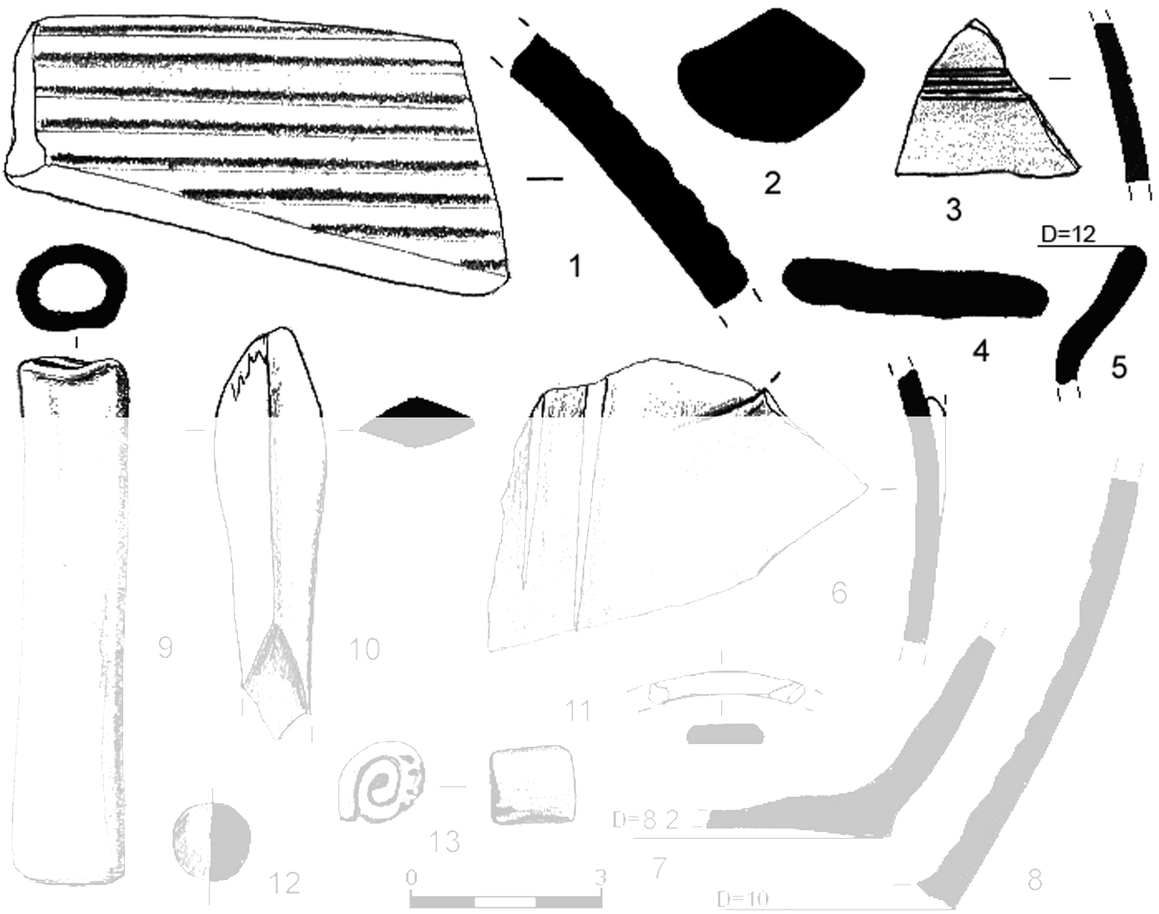


Рис. 33. Вещевые находки

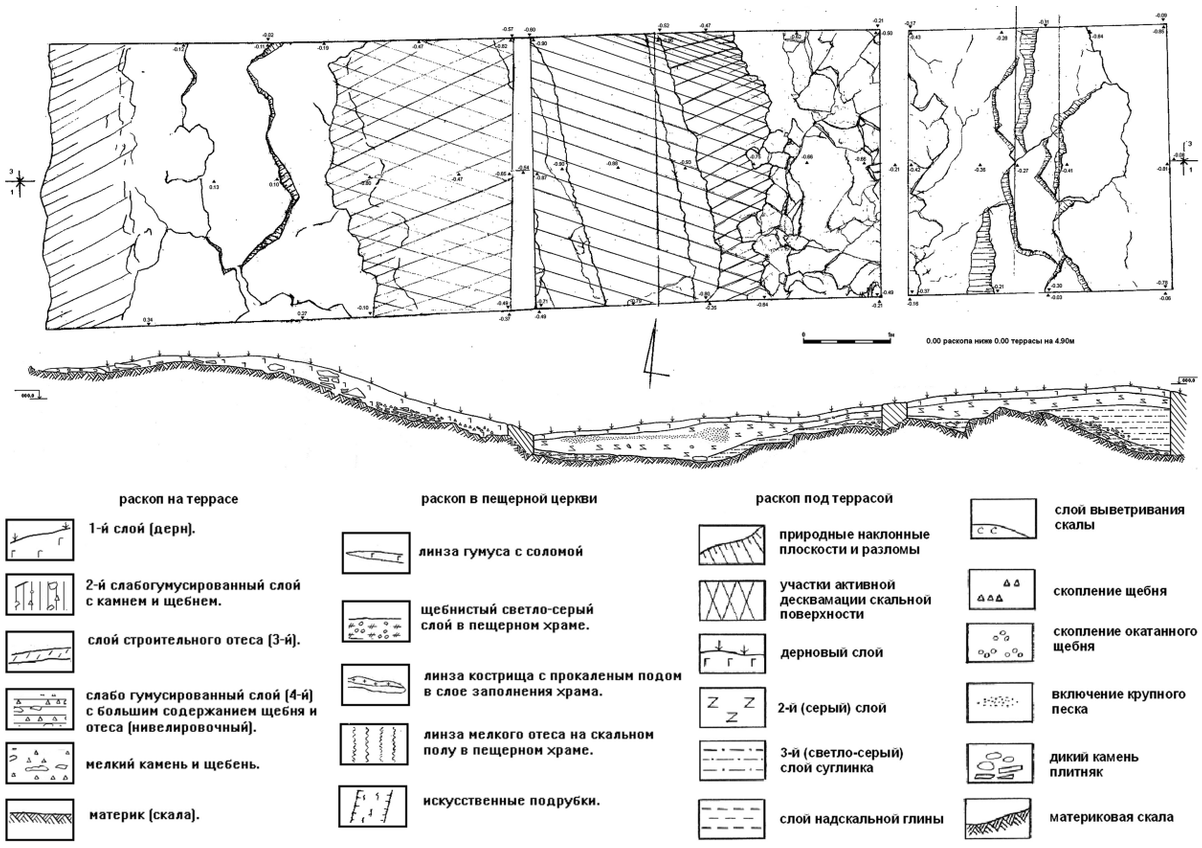


Рис. 34. Раскоп под террасой монастыря. План и разрез

Рис. 34. Раскоп под террасой монастыря. Вид с востока

Список сокращений

АДСВ – Античная древность и средние века, СвердловскЕкатеринбург.

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии, Симферополь.

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.

Министерство ВССО УССР – Министерство высшего и среднего специального образования Украины.

НА ИА НАНУ – Научный архив Института археологии Национальной академии наук Украины.

РА – Российская археология.

СА – Советская археология.

САИ – Свод археологических источников.

ЦГВИА – Центральный Государственный военноисторический архив России.

Авторы статей, коллеги и родные И.С. Пиоро
искренне благодарны
Алексею Евгениевичу Шереметьеву,
знатоку и почитателю крымской истории
за бескорыстную финансовую поддержку издания,
без которой выход в свет этого сборника был бы невозможным

КИЇВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА
ІСТОРИЧНИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ТОВАРИСТВО АРХЕОЛОГІЇ ТА АНТРОПОЛОГІЇ

Наукове видання

Готи і Рим

збірка наукових статей
(російською мовою)

Затверджено до друку на засіданні Вченої ради Товариства археології та антропології

Редакційна колегія:
д.і.н., проф. Терпиловський Р.В. (головний редактор)
д.і.н., проф. Мордвінцев В.М.
д.і.н., проф. Залізняк Л.Л.
д.і.н., проф. Крижанівський О.П.
д.і.н., проф. Моця А.П.

Рецензенти:
д.і.н. Сухобоков О.В.,
д.і.н. Ставнюк В.В.

Упорядники:
Левада М.Є.
Самойленко Л.Г.

© Товариство археології та антропології, 2006
© Автори, 2006
© Левада М.Є., обкладинка, 2006

Видання здійснене за фінансової підтримки О.Є. Шереметьєва,
не для продажу